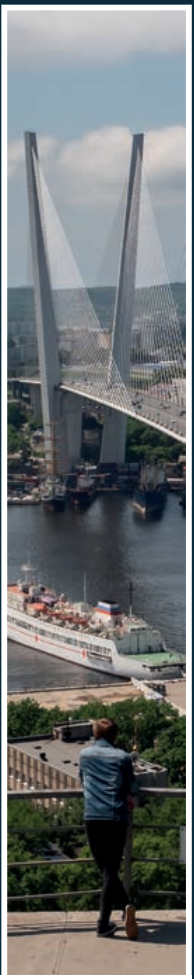
РЕФОРМЫ

КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в. НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ



RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the People of the Far East

REFORMS

OF THE LATE 20th — EARLY 21st CENTURY IN THE POST-SOVIET SPACE: REGIONAL ASPECT

Collection of articles

Editor-in-Chief
Doctor of Historical Sciences A. Vaschuk

Vladivostok
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

РЕФОРМЫ

КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI в. НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сборник научных статей

Ответственный редактор
доктор исторических наук А.С. Ващук

Владивосток
2020

УДК 332.145:323»19/20»

Реформы конца XX — начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. — Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. — 448 с.
ISBN 978-5-6040735-6-8

В сборнике представлены материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Владивосток, 24—25 ноября 2020 г.), посвящённые процессу реформирования в российских регионах, а также других государствах, входивших ранее в состав СССР, — Киргизии, Казахстане, Молдавии. Статьи сгруппированы по нескольким направлениям: политические преобразования в региональном измерении, реформы и проблемы развития регионов, влияние реформ на характер социальных трансформаций, религия и религиозные организации в социально-политическом и культурном пространстве, воздействие реформ на сферу образования и молодёжную политику.

Ключевые слова: Россия, радикально-либеральные реформы, отношения Центр — регионы, трансформация общества.

Reforms of the late 20th — early 21st century in the post-Soviet space: regional aspect: collection of articles / executive editor A. Vaschuk. Vladivostok: IHAE FEB RAS, 2020. 448 p.
ISBN 978-5-6040735-6-8

This book contains materials of the all-Russian scientific conference with international participation (Vladivostok, November 24—25, 2020), dedicated to the process of reform in the Russian regions, as well as other states that were formerly part of the USSR — Kyrgyzstan, Kazakhstan, and Moldova. The articles are grouped in several areas: political transformations in the regional dimension, reforms and problems of regional development, the impact of reforms on the nature of social transformations, religion and religious organizations in the socio-political and cultural space, the impact of reforms on education and youth policy.

Keyword: Russia, radical-liberal reforms, Center — region relations, transformation of society.

Редколлегия: д.и.н. *А.С. Ващук* (отв. ред.), к.и.н. *Е.С. Волкова* (отв. секретарь), д.и.н. *Е.Н. Чернолуцкая*, д.и.н. *С.М. Дударёнок*, д.и.н. *О.П. Федирко*, к.и.н. *А.Е. Савченко*, к.и.н., *Е.А. Горяченко*.

Рецензенты: д-р ист. наук, доцент *В.Г. Зеляк*, д-р ист. наук, доцент *А.И. Коваленко*.

Печатается по решению учёного совета Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Фонд ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

Сборник статей подготовлен при финансовой поддержке фонда «История Отечества».

ISBN 978-5-6040735-6-8

© Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ващук А.С. Политические реформы конца XX — начала XXI в. в регионах России: новое направление в отечественной историографии 13
Куликов Г.П. Размышления над опытом реформ в современной России 29
Гарбузарова Е.Г. Проблемы реализации административно-территориальной реформы в Киргизии 37
Коваленко С.Г. Распад СССР и новая вертикаль власти: 1990—1993 гг. (на примере Дальнего Востока России) 46
Троицкий Е.Ф., Кирилова Е.А. Эволюция региональной политики Российской Федерации в конце XX — начале XXI в. 57
Попкова Ю.Р., Раитина А.А. Муниципальное нормотворчество в России: проблемы реализации 66
Булах Е.В. Первые итоги либеральных реформ на постсоветском пространстве: муниципальный аспект (на примере города Владивостока) 74
Зазулина М.Р. Сельское самоуправление в условиях муниципальной реформы: опыт Новосибирской области 83

II. РЕФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Савченко А.Е. Кризис развития Дальнего Востока конца XX века: перспективы компаративного анализа 91
Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа: хроника, достижения и провалы первого этапа (1994—2005 гг.) 103
Воронцов Н.С. Подготовка приватизации в Приморье (1990—1992 гг.): по материалам делопроизводства региональных и местных органов власти и управления 120
Платонова Н.М., Яхимович С.Ю. Социально-экономические последствия приватизации в лесной промышленности Хабаровского края 130
Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренных народов Севера и аграрная реформа 1990-х гг. в Якутии 140
Корнилова Е.И. Проблемы оценки воздействия промышленности на традиционную хозяйственную деятельность коренного населения республики Саха (Якутия) 148
Цай Ин. Реформирование дальневосточной транспортной инфраструктуры: планы и проблемы 157
Залесская О.В., Чжоу Тяньхэ. «Теневая» составляющая китайского бизнеса на российских дальневосточных территориях в конце XX века 166
Янь Мэйвэй. Роль туризма между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян в развитии народной дипломатии дальневосточного приграничья 174

III. РЕФОРМЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Герасименко А.П. Дальневосточное региональное информационное пространство начала XXI века: внедрение технологий в социальную сферу 181
Кириллова А.И. Трансформация образа жизни населения периферийных населённых пунктов Камчатки в 2000-е гг. 200
Дудченко Г.Б. Из истории учёного сообщества СССР: движение во власть на примере дальневосточного региона в конце 1980-х — начале 1990-х гг. 209
Волкова Е.С. Практики адаптации художников в Приморье в условиях рыночных реформ в конце XX — начале XXI в. 218

Друзяка А.В. Реформирование системы регулирования внешней миграции в Российской Федерации (1991—2003 гг.) 235
Horie Norio. Migrant landscapes in marketplaces: Regional comparison 244
Ковалевская Ю.Н. Антропология владивостокских оптово-розничных продуктовых рынков (1990-е гг.) 250
Дин Ю.И. Влияние пореформенного и постреформенного периода на жизнедеятельность и миграцию сахалинских японцев и корейцев 261
Michigami Mayu. The importance of focus on the housing conditions for labor migrants in the COVID-19 pandemic of Russia 268
Крушанова Л.А. Реформы антикоррупционного законодательства как фактор динамики коррупционной ситуации в Приморском крае (1990—2010-е гг.) 275
Завьялова О.В., Ярославцева Т.А. Влияние российских реформ конца XX — начала XXI в. на систему регистрации актов гражданского состояния (на примере Хабаровского края) . . . 290
Ярославцева Т.А. Реформа жилищно-коммунального хозяйства в Хабаровском крае (1997—2020 гг.) 297
Ярославцев А.В. Влияние рыночных реформ на жилищную сферу в дальневосточном регионе (1990—2010-е гг.) 306

IV. РЕФОРМЫ И РЕЛИГИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Данилова М.И., Ембулаева Н.Ю. Религиозный вопрос в России: от перестройки к современности 314
Подопригора Р.А. Правовое регулирование в сфере религии в постсоветском Казахстане: подходы и последствия 323
Шиманская О.К. Республика Молдова: религия и политика в оптике демократических реформ конца XX — начала XXI в. 330
Чумаченко Т.А. Конфессиональная политика региональной власти в контексте вероисповедных реформ 1990-х гг. в России (на примере Челябинской области) 341
Дударёнок С.М. Православная Церковь и власть в Приморском крае в ходе трансформации вероисповедной политики в 1990-е гг. 350
Потапова Н.В. Миссия и/или филантропия: о социальных программах в деятельности религиозных организаций России в конце XX — начале XXI в. (на примере евангельских церквей Сахалина) 366
Федирко О.П. Процессы десекуляризации системы образования на Дальнем Востоке России в 1990-е гг. 378

V. ОБРАЗОВАНИЕ И МОЛОДЁЖЬ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

Мурашев М.А. Реорганизация технических вузов Дальнего Востока в условиях перехода к рыночной экономике (1990-е гг.) 392
Зайцев Р.М. Периферийные педагогические вузы Дальнего Востока в период перестройки и рыночных реформ 400
Голиков С.Ю., Разумова Ю.В., Варкулевич Т.В. Проектное обучение как инструмент формирования лояльности молодёжи к трудоустройству в Приморье 408
Кулинич А.А. Трансформация государственной молодёжной политики в постсоветской России 417
Самойленко П.Ю. Патриотизм молодёжи и имиджевые составляющие в развитии Приморского края 425
Анищенко Е.М., Горяченко Е.А. Деятельность молодёжных организаций политических партий в Приморском крае 433
Евочко Е.В. Дополнительное образование: «среда — выбор — пробы» во Всероссийском детском центре «Океан» 440

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2021 г. исполнится тридцать лет со времени завершения перестройки — последнего политического и экономического проекта СССР по обновлению базовых основ советского общества и государства. Три десятка лет отделяют нас от момента ухода с исторической арены Советского Союза, от точки отсчёта формирования постсоветского пространства. Более того, через 27 лет после принятия Конституции Российской Федерации, закрепившей новый социально-политический и экономический порядок в стране, в этот основной документ общества и государства всенародным голосованием внесены поправки. Таким образом, в современной истории России пройден определённый пореформенный путь, что подчёркивает научную актуальность проблемы, поставленной на обсуждение участников конференции **«Реформы конца XX — начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект»** (24—25 ноября 2020 г.).

В нашем сборнике читатель может познакомиться с анализом разнообразных источников, которые раскрывают характер реформирования в российских регионах в 1990-е гг. и в начале XXI в., а также позволяют проводить сравнение с процессами в других государствах, входивших ранее в состав СССР, — Киргизии, Казахстане и Молдавии.

В 2000-е гг. В.Л. Каганский и С.Г. Кордонский[1] обратили внимание на то, что реформы сопровождались межрегиональными и иными противоречиями, даже конфликтами между управленческими структурами территорий различных уровней, когда в рамках концепции рационализации советского пространства они получали разный статус. Основной проблемой во взаимодействии элементов этой быстро меняющейся ситуации авторы называют стремление региональных сил всех уровней повысить свой статус.

Цель данного издания заключается в определении подходов, концепций и проблем, которые используют современные гуманитарии относительно 1990-х гг. — того исторического периода, когда государство стало функционировать в изменившихся границах, а социум столкнулся с новыми проблемами в рамках другой, капиталистической, системы. Период радикальных рыночных реформ, безусловно, связан с последними годами перестройки, этот процесс непрерывен, и в то же время нужно отметить, что после распада СССР он развивался в русле уже своей исторической логики.

Среди отечественных и зарубежных гуманитариев при изучении периодов второй половины 1980-х и 1990-х гг. используются два основных подхода. Первая группа исследователей рассматривает этот временной отрезок

---

[1] Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. 576 с.; Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2006. 240 с.

как единое целое, в основе которого лежит разрушение советской системы государственных институтов, повлёкшее за собой упадок в экономике и крах советских социальных отношений. При этом 1990—1991 трактуются как годы, связующие временное пространство двух эпох. Это время, когда достигает пика внедрение либеральных ценностей в сознание не только политической элиты, но и всего общества, время наступления общественного раскола в России и борьбы за власть (в том числе и в регионах), начало идеализации законов рынка и разрушения государственной собственности, трансформации политических элит на российских территориях. Авторы, использующие в своих работах второй подход, не отрицают преемственности, но делают акцент на специфике социальной, политической, религиозной экспрессии 1990-х гг., своеобразии проведения радикальных реформ в регионах России и других постсоветских государствах.

Оба подхода в разных вариациях представлены в материалах данного издания. И тех, и других исследователей объединяет поиск ответа на вопрос о сущности глобального сдвига в истории бывшего партийно-советского государства и социалистического общества на рубеже двух веков. Безусловно, только многогранное исследование недавно пережитого позволит понять, объяснить радикальные преобразования и их последствия, в том числе особенности и общие сценарии в отдельных регионах России, оценить новый общественный порядок не только в рамках экономики, смены политического режима, но и с позиций гуманитарных проблем и социальных рисков.

Сущность трансформации, происходившей в странах советской ориентации, в литературе определяется по-разному. Современные исследователи, выдвигая свои критерии, опираются на такие концепты как «радикально-либеральные реформы», «либеральная революция», «строительство капитализма», «антисоветская революция». Надеемся, что материалы сборника внесут свой вклад в корректное обоснование понятийного аппарата.

Подготовка к конференции и работа над сборником показали, что в научном сообществе сегодня проявляются ещё две тенденции. Одна из них выражается в осторожности историков при изучении обозначенных реформ. Причины этого кроются во влиянии на историческую науку современной политики, идеологической борьбы, противостояния партий, власти и оппозиции, что характерно для любого государства, конечно, с учётом реалий, культуры, отношений науки и власти. Поэтому часто наблюдается историографическая ситуация, когда в авангарде научных поисков идут политологи, юристы, социологи. Данный сборник является примером междисциплинарного сотрудничества.

Другие историки, материалы которых включены в данное коллективное исследование, уверены в том, что 30-летний лаг исторического горизонта даёт все основания для начала изучения новой эпохи, установления

причинно-следственных связей при расширении методов исследования и наполнении общей картины реформ региональными особенностями, территориальной детализацией. Хочется обратить внимание читателя на то, что нарратив 1990-х гг. дополняется антропологическим методом анализа источников, аналитикой практик адаптаций к реформам разных профессиональных и территориальных групп населения.

Презентуя взгляды коллектива, нельзя не сказать о тех, кто стоял у истоков проблематики. Хотя авторы сборника подробно не останавливаются на анализе вклада предшественников, тем не менее многие учитывают его, расширяя хронологию исследований при выборе конкретных аспектов реформирования. К наиболее значимым трудам относятся, например, исследования В.В. Согрина[2] и А.В. Шубина[3]. Эти авторы в своё время, признавая наличие определённых закономерностей, которые привели к началу реформ в СССР, отмечали потребность в модернизации народно-хозяйственного комплекса. Они считают, что распад СССР и ликвидация социалистической системы не были предопределены изначально и стали возможны только в результате ошибок, допущенных при проведении реформ. По мнению В.В. Согрина, наблюдалась тесная взаимосвязь между стремлением руководителей союзных республик к разрушению единого политического пространства и непоследовательной, а потому и неэффективной, политикой союзного руководства по сохранению единства страны. Также отмечается особая роль многообразных этнополитических процессов в распаде Советского Союза.

Большое значение в историографии постсоветских политических реформ, особенно повлиявших на изучение отношений по линии Центр — регионы, имеют первые публикации С.Д. Валентея, Р.Г. Абдулатипова, Л.Ф. Болтенкова, Ю.В Ярова[4], которые выделяют специфику фактора территориального устройства СССР и РСФСР, его воздействия на рост центробежных тенденций, отказ реформаторов от прежних подходов в управлении территориями и поиски новых моделей федеративного устройства. Уже в конце 1990-х гг. на повестку исторических исследований был поставлен вопрос о концептуальных взглядах на отношение к реформам в России «снизу» после 1985 г., что находило отражение в различных протестных движениях, затронувших как столицу, так и регионы страны[5].

---

[2] Согрин В.В. Политическая история современной России: 1985—2001: от Горбачёва до Путина. М., 2001. 260 с.; Его же. Перестройка: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 133—147.

[3] Шубин А.В. Парадоксы Перестройки: неиспользованный шанс СССР. М., 2005. 477 с.

[4] Валентей С.Д. Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. 132 с.; Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.В. Федерализм в истории России. М., 1993. 414 с.

[5] Игрицкий Ю.И. Общественная трансформация в СССР и России после 1985 г.: Взгляды и концепции. М., 1998. 474 с.

Содержание и тематика представленных в сборнике результатов исследований показывают, что на передний план в контексте региональной истории радикальных реформ вышло несколько проблем: политические преобразования на постсоветском пространстве в региональном измерении, реформы и проблемы развития регионов, влияние реформ на характер социальных трансформаций с учётом специфики территорий и состава населения, воздействие реформ на сферу образования и молодёжной политики с выходом в практическую плоскость. Показательно для формирования тематического поля пристальное внимание авторов этого издания к вопросам религии в условиях, когда постсоветские государства ушли из сферы идеологии.

Надо заметить, что в трудах отечественных и зарубежных авторов прослеживается широкая палитра концептуальных положений. Сущность трансформации, происходившей в странах советской ориентации и регионах России, в современной литературе определяется по-разному, выдвигается целый ряд критериев. В этой связи можно вспомнить, например, шведского учёного-экономиста А. Ослунда, стоящего на либеральной платформе, который писал: «Я считаю, что коммунизм является и политически, и экономически системой более низкого класса (чем капитализм — *А.В.*). Из-за того, что сама по себе система оказалась достаточно последовательной, большинство реформ в ней были обратимы. Поэтому коммунизм следовало бы не реформировать, а разрушить»[6]. Учитывая личное участие А. Ослунда и других иностранных советников в правительстве Е.Т. Гайдара и в экспертных советах при президенте Б.Н. Ельцине, опиравшихся на подобную целевую установку реформирования, вполне можно назвать преобразования 1990-х гг. в России и бывших советских республиках реформами разрушения советской системы.

В контексте современной историографии важно вспомнить и отечественных гуманитариев, обративших внимание на характер инкорпорации западных идей в научное сообщество и их роль в формировании установок политической элиты сначала во время перестройки, а затем и в девяностые. Среди них — философ С.Г. Кара-Мурза, который одним из первых поднял фундаментальный вопрос о влиянии западных идей, определивших весь ход событий 1990-х гг., на умонастроения советской интеллигенции и политической элиты. Говоря о важности понимания этого аспекта, он отмечает: «Став на время «постмодернистской страной», мы оказались беззащитными против клики интеллектуальных напёрсточников, за спинами которых скрывались вполне тривиальные и рациональные (в меру возможностей

---

[6] Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация бывших стран советского блока. М., 2011. С. 13.

их уголовного мышления) мародёры и продавцы краденого. Так что обязаны мы покопаться в этом пока ещё не окаменевшем дерьме и извлечь уроки»[7]. В целом и такая постановка вопроса относительно проведения реформ (хотя сформулированная в крайне резкой и далеко не академической манере) частично позволяет ответить на вопрос, почему в России представителям определённых интеллектуальных и политических кругов удалось обосновать необходимость коренного реформирования советской системы. И более того, задуматься над перспективами изучения процесса рефлексии учёных и политиков на западные идеи. Актуальной темой в этой связи представляется постановка вопроса о «движении» учёных во власть во время радикальных реформ.

Эпоху коренных перемен в государствах советского блока научное сообщество продолжает анализировать в формате отдельных аспектов сложного многослойного процесса. Но если первые исследователи пытались объяснить причины преобразований, то нынешний спектр обсуждаемых вопросов, как показывают статьи нашего сборника, в большей степени охватывает собственно процесс проведения радикальных реформ в России (в частности, в российских регионах) и их последствия. В этом видится новизна концепции сборника. Однако за пределами внимания учёных пока остаются ещё многие аспекты реализации реформ в регионах, в том числе анализ факторов восприятия реформ «сверху» и региональными сообществами. Подготовка конференции выявила поле «белых пятен» в предлагаемой для обсуждения проблеме. Редколлегия также отмечает наличие дискуссионных вопросов в оценке отдельных социально-политических явлений, трактовке отдельных фактов (например, это наглядно проявляется в оценке явления «сепаратизма» на Дальнем Востоке России).

Важнейшим направлением в литературе, которое касается всего российского пространства, является изучение отношений между Центром и регионами. Вполне закономерно, что этот аспект отечественные политологи разрабатывают и применительно к условиям политической реформы. Публикации демонстрируют постоянные изменения в центр-периферийных взаимодействиях. Как подметил Р.Ф. Туровский, один из корифеев данной проблематики, «их можно отслеживать в ежемесячном режиме»[8]. Влияние реформ на экономическое развитие регионов и систему образования, а также их социальные последствия раскрываются на основе отдельных сюжетов, которые впервые в литературе подробно анализируются. К ним относятся такие аспекты, как реализация национальных программ на Курилах,

---

[7] Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. URL: https://e-libra.ru/read/317965-poteryannyy-razum.html (дата обращения: 11.12.2019).

[8] Туровский Р.Ф. Баланс политических отношений между центром и регионами в процессах государственного строительства: автореф. … д-ра полит. наук. М., 2007. С. 12.

проблемы высшего технического образования и так называемых периферийных вузов на Дальнем Востоке, трансформация образа жизни в отдалённых посёлках на Камчатке, «вхождение» дальневосточных учёных во властные структуры, адаптационные практики профессиональной группы художников, готовность населения к самоуправлению на территориях и др. В ряде статей, посвящённых молодёжной тематике, предлагаются практические рекомендации. Разнообразием политической географии отличается постановка проблемы о вхождении в социально-политическое и культурное пространство религии и разных конфессий.

В представленных материалах содержится богатый фактический материал, который позволит в дальнейшем выделить общие и специфические проблемы населения российских регионов, прошедших путь реформ. Обращаем внимание читателей на то, что мнение авторов статей сборника может не совпадать с мнением редколлегии.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН благодарит Российское историческое общество за поддержку в проведении конференции и публикации данной книги. Организаторы конференции выражают своё уважение всем, кто проявил научный интерес к обсуждаемой фундаментальной проблеме, научным работникам, преподавателям вузов и аспирантам, зарубежным участникам. От своего имени выражаю искреннюю благодарность всем членам редколлегии, а также создателю сайта конференции и техническому редактору Н.В. Заровневой за профессионализм и слаженную работу.

Руководитель проекта д.и.н.,
профессор **А.С. Ващук**

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 323.22
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10001

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI в. В РЕГИОНАХ РОССИИ: НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ангелина Сергеевна Ващук,
доктор исторических наук, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: va_lina@mail.ru

Статья подготовлена на базе классических принципов историографического анализа. Выделяются основные характеристики в истории изучения темы — степень распространения политической регионалистики в отечественной литературе, формат публикаций и основные аспекты в тематическом поле с учётом концептуального разнообразия. В центре авторского анализа — труды, посвящённые политическим процессам, происходившим в трёх крупных регионах России: уральском, сибирском и дальневосточном. Обоснован тезис о становлении такого направления в отечественной литературе 2000-х гг., как радикальные реформы в политической сфере на территориях. Выделена проблема регионального сепаратизма, которая отличается особым разнообразием оценок историков при трактовке событий. Автор приходит к выводу о складывании региональных научно-тематических центров, которые концентрировали свой научный поиск на анализе процесса, развивавшегося по линии отношений Центр — регионы. Этот аспект в контексте парадигмы политической модернизации стал ядром становления уральской исторической школы, сибирской и дальневосточных научных групп.
Ключевые слова: отечественная историография, научные школы, радикально-либеральные реформы, политический процесс, отношения Центр — регионы России, Урал, Сибирь, Дальний Восток.

POLITICAL REFORMS OF THE LATE 20th — EARLY 21st c. IN THE REGIONS OF RUSSIA — A NEW DIRECTION IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Angelina Vashchuk, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: va_lina@mail.ru

The article is based on the classical principles of historiographical analysis. The main characteristics in the history of studying the topic are highlighted: extent of studying political regionalism in Russian literature, the format of publications and the main aspects in the thematic field, taking into account the conceptual diversity. The author's analysis focuses on published works on the political processes that took place in three major regions of Russia: the Urals, Siberia and the Far East. The thesis about the formation of such a direction in the national literature of the 2000s as radical reforms in the political sphere in the territories is substantiated. The article highlights the problem of regional separatism, which is characterized by a wide variety of assessments of historians when interpreting events. The author comes to the conclusion about the formation of regional research centers that focused on the analysis of the process that developed along the lines of the Center-regions relationship. This aspect in the context of the paradigm of political modernization was the core of the formation of the Ural historical school, Siberian and Far Eastern scientific groups.

Keyword: Russian historiography, scientific schools, radical liberal reforms, political process, relations between the Center and the regions of Russia, the Urals, Siberia and the Far East.

Введение. 30 лет отделяют нас от начала реформ в нашей стране, разрушивших советский политический строй и весь образ жизни. Вопрос о том, как сегодня гуманитарии раскрывают начало новой эпохи в России, становится одним из актуальных в современной литературе. Многогранное исследование историографической рефлексии на недавно пережитое позволит объяснить радикальные преобразования и их последствия, в том числе особенности и общие сценарии в отдельных регионах России, оценить наступивший новый общественный порядок не только в рамках экономики, смены политического режима, но и с позиций гуманитарных проблем.

Современное информационное пространство заполняется богатством сюжетов, интерпретированных в рамках разных концептуальных подходов. В 1990-е гг. наблюдается увлечение обществоведов транзитологией, что в разной степени отразилось в трудах отечественных политологов и некоторых историков [см. подробно: 25]. Философ В.С. Мартьянов подчёркивает: «„Реформа“ — ключевой легитимирующий концепт транзитологического дискурса российской политической науки 90-х годов. Политический

праксис „реформ“ опирался на сверхценность негативного „освобождения от прошлого“, усиленного „политическим комплексом неполноценности“ элиты в результате поражения в „холодной войне“» [34, с. 169]. Многие исследования 1990-х гг., в которых научное осмысление тесно переплеталось с публицистикой, дают основание согласиться с автором.

Временная дистанция, отделяющая нас от бурных и тяжёлых для общества событий, по сравнению с исследователями-предшественниками 1990-х гг. даёт нам дополнительные критерии для оценки исторического процесса в России в виде полноты отложившихся источников, а также результатов реформ. В то же время в условиях теоретического плюрализма мы должны быть готовыми к тонкому прочтению итогов, полученных ранее объяснений, принятию или непринятию той или иной опубликованной точки зрения. К тому же в историографическом анализе мы не можем абстрагироваться от появления новых обстоятельств, влияющих на понимание процесса реализации реформ.

Сегодня мы вынуждены признать, что на смену былому идеологическому давлению на историческую науку «сверху» пришёл более сложный доминирующий набор факторов: с одной стороны, прослеживается сильное влияние западной социальной, экономической и политической литературы, с другой — трактовка реформ подвержена многообразным формам политизации «снизу». Этот многослойный комплекс не обошёл стороной и процесс развития региональной историографии реформ, в том числе работ, вышедших в начале XXI в.

Толчок к изучению истории радикально-либеральных реформ в регионах дали два важнейших историографических обстоятельства. Во-первых, это теоретические разработки по регионалистике в российской литературе под влиянием инкорпорации западных идей. Так, многие подробности этого процесса мы узнаем из трудов А.И. Трейвиша, О.В. Грицая и Г.В. Иоффе [19, с. 167], Р.Ф. Туровского [51; 52; 53] и ряда других авторов [2; 44; 54; 59].

Вторым «ускорителем» изучения политического реформирования в регионах выступило, возможно, неосознанное игнорирование ведущими историками страны местных событий 1990-х гг., особенно так называемых ответных реакций региональной политической элиты на вызовы Центра. В 1999 г. об этом писал уральский историк А.Д. Кириллов [26, с. 32, 47, 54 и др.]. Дальневосточный исследователь Р.В. Голощапов в 2002 г. также считал, что историография проблемы находится в стадии становления [15, с. 3]. Для того времени эти обобщающие тезисы вполне справедливы. Но между временем написания процитированных строк и сегодняшним днём прошло уже два десятка лет, и они оказались достаточно плодотворными для развития исторической регионалистики в нашей стране, частью которой стало исследование истории радикально-либеральных реформ. С позиций сегодняшнего

дня устарел также другой тезис: «…Упразднение местных органов Советской власти в 1993 г. обусловило снижение интереса учёных в данном направлении» [15, с. 3].

В современной ситуации любые отсылки к литературе могут быть неполными, и, чтобы избежать критики коллег, обозначим ограничительные рамки. В анализ включены работы, преимущественно раскрывающие ядро революционного характера российских реформ и действия политиков, объединившихся вокруг радикально настроенного Центра во главе с Б.Н. Ельциным. В обзоре рассматриваются публикации, представляющие разные концепции в трудах по региональной истории политической реформы. Цель статьи — определить основной вектор изучения истории политической трансформации в регионах, проанализировать наличие общих и спорных точек зрения в региональной литературе, что в совокупности позволяет раскрыть главные характеристики нового направления в историографии России начала XXI в. и выявить специфику становления школ или научных центров (основное внимание мы будем уделять научным сообществам в неевропейских регионах России).

География исследований и тематическое поле. В 2000-е гг. политические процессы в регионах становятся ведущим направлением в исторической науке, о чем свидетельствуют не только количественный рост статей, но и появление первых монографий и сборников [41, с. 10; 24; 35; 39], а также расширение географии при изучении вхождения регионов в процесс реформирования и выстраивания отношений местных элит с Центром. Выделению историко-политической регионалистики в самостоятельное направление в отечественной историографии способствовал жанр диссертационных работ, позволивший собрать и показать солидную эмпирику позиций обновлённых Советов, ухода их с исторической арены, например, по Ленинграду [62], Твери и Тверской области [28], регионам Европейского Севера РСФСР [31]. Интерес историков к различным аспектам местного управления, появившийся в середине 1990-х гг., продолжал определять тематику 2000-х [22], расширяя территориальные рамки. Политический процесс на юге России стал предметом специального исследования С.В. Чуева [60]. В работе Н.В. Шелковниковой внимание сосредоточено на формировании органов власти в городах Дальнего Востока в 1987—2003 гг. [63].

Многие исследователи начала XXI в. обращали внимание на такой аспект, как плюрализм основных подходов к оценке факта устранения Советов с политической арены и возникновения представительных органов власти иного типа. Так, М.В. Ярных, исследуя местные Советы Удмуртии, выявила, что точки зрения исследователей носили прямо противоположный характер: от резко негативного до позитивного восприятия происходивших изменений [66]. А.А. Смолеев в контексте развития общественно-политической

жизни в Тамбовской области в 1990—1993 гг. особое внимание обратил на литературу, в которой прослеживается реакция провинциальной элиты на политический кризис 1992—1993 гг. Исследователь считает, что местные элиты поддерживали ту из сторон конфликта, на которую они ориентировались, в целом же занимая выжидательную позицию в период активного противостояния в столице [49].

Реакция местных Советов на события августа 1991 г. и кризис власти 1993 г. до сих пор во многом определяют современное тематическое поле исторических работ. Но по сравнению со второй половиной 1990-х гг., когда преобладал дискурс борьбы за демократию, расширяется набор терминологических трактовок, добавляются концепты «кризиса власти», «противостояния центров власти», «революционных реформ», что раскрывает территориальное разнообразие исследовательских предпочтений.

Таким образом, даже далеко не полный список работ подтверждает тезис о быстром расширении географии изучения проблемы власти в парадигме её реформирования в российских регионах. Более того, в 2000-е гг. наблюдался активный процесс оформления концептуальных подходов и формирования научных центров и школ.

Научные центры исследования проблемы. В 1990-е гг. увлечение теорией модернизации оказалось достаточно распространённым явлением среди отечественных политологов, а также историков (в наиболее радикальном виде парадигма модернизации была представлена транзитологией, как отмечалось выше).

Понять траекторию становления региональной историографии, её концептуальное многообразие помогает посыл, сделанный Л.Ф. Шевцовой: «Легитимация российской власти, сама её субъектность, во многом опиралась тогда не только на антикоммунизм, но и на антисоветизм, на дистанцирование от Союза» [61, с. 23]. Надо добавить, что давление внешних условий испытывало всё российское общество, но его отношение к такой форме легитимации новой власти было неоднородным. Профессиональное историческое сообщество в регионах также находилось под воздействием этого комплекса идей и событий, располагая определёнными информационными ресурсами.

Ранние работы, выполненные исследователями в русле регионального измерения реформ, относятся ко второй половине 1990-х гг., историки шли по пути, проторённому политологами, социологами и философами. Тем не менее мысль, сформулированная в 1998 г., о том, что «Россия и регионы пережили целый ряд микрореволюций, в ходе которых происходил кардинальный пересмотр отношений столицы и провинции» [41, с. 10], можно найти в разных вариантах публикаций 2000-х гг.

Важным шагом к самостоятельности направления стала аналитика трудов, подробно описывавших события в верхних эшелонах власти,

и включение их в региональное исследование любого публикационного жанра по данной теме, как этого требуют правила научной этики. Но именно в политической тематике особенно отчётливо проявлялся выбор региональными историками признанных авторов, как в области теории, так и в интерпретации конкретных событий.

Следующее звено преодоления уровня провинциализма — это признание эвристического характера синтеза двух концепций: политической модернизации и «центр-периферия». Концепт «центр-регионы» состоялся как определённый уровень этого теоретического синтеза. Основа такого подхода состояла в учёте российскими гуманитариями цивилизационно-критической парадигмы.

Вывод, появившийся в конце 1990-х, о перераспределении полномочий между регионами и центром, об установлении определённого баланса сил между центрами власти в регионах [41, с. 10] присутствует и в трудах 2000-х гг. Однако исследователи стали уделять больше внимания анализу причин «стихийной децентрализации» в России в 1991—1993 гг. В работах, выполненных с привлечением местных документов и объясняющих начавшийся процесс децентрализации, преобладает фактор борьбы президента Ельцина и руководителей представительной власти РФ [42]. Тезис о том, что он своими действиями открыл клапан для роста амбиций у региональных политических лидеров, можно найти у ряда авторов [10; 11; 26; 42].

В рамках синтеза модернизационного подхода и исторической регионалистики начинала формироваться уральская школа под руководством академика В.В. Алексеева, который одним из первых в стране занялся комплексным изучением регионализма как исторического феномена российской цивилизации [1; 40; 43; 55]. Статьи и диссертации, посвящённые политическому процессу на уральских территориях, во многом раскрывают специфику историографической ситуации в России на рубеже XX—XXI вв.

В 1999 г. А.Д. Кириллов выдвинул и подтвердил гипотезу об общей черте развития социально-политического процесса Центра и регионов в новейшей российской истории — противоречии «между ускоренным политическим реформированием „сверху“, имевшим форму произвольного конструирования различных элементов демократической системы, и во многом стихийным экономическим реформированием, контроль, а тем более управление которым было утеряно уже в первой половине 90-х гг.» [26, с. 8]. Автор на материалах Урала доказывает, что ослабление центральной власти усиливало конфликтность и на региональном уровне. Некоторые историки, анализирующие события в других российских регионах, также подтверждают это тезис [3; 65]. Важной чертой самостоятельного характера региональной литературы становилось введение новой терминологии. Так, А.Д. Кириллов, характеризуя последние годы существования Советов, находит в этом

процессе проявление феномена ***«гомеостазиса»*** — совокупности «приспособительных» реакций политической системы [33].

Уральская школа отличается солидной аналитикой публикаций, посвящённых отношениям «центр-регионы» в 1990-е гг. В рамках теории политической модернизации подготовлены труды В.В. Власовой, которая выделяет особенности становления новых структур государственной власти на территории Свердловской области в 1992—1995 гг. и анализирует причины возникновения идеи Уральской республики. Причём на первое место она ставит фактор несовершенства Федеративного договора от 31 марта 1992 г. И только следующим условием развития политической инициативы исследователь считает надежды регионалов на возможности действия земляческого принципа в управленческих практиках Ельцина [10, с. 78—83]. Несколько иное мнение о складывании в Свердловской области своеобразной политической системы было высказано екатеринбургским политологом И.М. Горфинкелем, который считал важным обстоятельством активное развитие местных партий [17; 18]. Для конца 1990-х гг. такая точка зрения была наиболее распространённой. С учётом завершённости процесса мы можем говорить о стечении целого комплекса условий, где каждое звено в цепи событий, показанное представителями уральской школы, сыграло свою роль.

Ведущую позицию историков Урала в становлении нового направления можно объяснить не только наличием здесь научного потенциала гуманитариев, но в определённой степени и развернувшимся в регионе политическим процессом, который дал исследователям богатейший событийный материал[1]. Важно учитывать и ещё один фактор научного интереса к теме: несколько политических лидеров государственного масштаба оказались выходцами из партийной номенклатуры Свердловской области (Н.И. Рыжков, Б.Н. Ельцин, Г.Э. Бурбулис и др.). Этот регион наряду с Москвой и Ленинградом стал тем центром развития процесса, на который смогли опереться сторонники радикального разрешения вставших перед страной проблем.

В 2000-е гг. многие авторы, анализируя политические реформы «сверху», по-прежнему оперировали термином «демократизация», не забывая подчеркнуть, что она сопровождалась резким усилением регионального уровня власти [30, с. 62]. Более категорично такую точку зрения высказывает В.В. Власова (2005). В её работе рефреном проходит мысль о том, что отношения «центр-регионы» в 1990-е гг. носили преимущественно конфликтный характер, что объективно отражало усиление центробежных тенденций

---

[1] Свердловская область сыграла роль одного из главных оплотов российской власти, что внесло весомый вклад в срыв планов ГКЧП. Например, 20 августа 1991 г. в Свердловске начал действовать «запасной кабинет» правительства России, созданный по указанию Ельцина на случай непредвиденного развития событий в столице.

в условиях ослабления центральной власти, острого экономического кризиса и неравномерного распределения ресурсного потенциала по территории России [10, с. 33]. Позиции учёных уральской школы по данному вопросу разделяют и представители дальневосточной группы авторов, например, Р.В. Голощапов. Он оценивает действия местных Советов дальневосточного региона в 1991—1993 гг. следующим образом: Советы оказывали противодействие органам исполнительной власти и, прежде всего, президенту Ельцину. Значительная часть Советов Дальнего Востока оценила известный указ Президента № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в России» как антиконституционный и не подлежащий исполнению. Такая ситуация была характерна и для других субъектов РФ [15, с. 17—19].

Продолжая разговор о становлении научных школ, выделим и другой центр изучения проблематики политических реформ, который стал формироваться на Дальнем Востоке[2]: здесь параллельно развивались политологическое и историческое направления. Значительный вклад внесли учёные Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, чему способствовало создание в 1994 г. отдела социальной истории и политики (переименованного позже в отдел социально-политических исследований). Изучение реформ в регионе начиналось с анализа становления представительных органов власти, на первом этапе важную роль сыграли публикации материалов научно-практических конференций [4; 21; 27; 57].

Новое направление стимулировалось сотрудничеством академической и вузовской науки. Одним из первых в дальневосточном регионе к разработке темы реформирования государственной власти приступил Е.В. Буянов, обративший особое внимание на то, что теория модернизации «есть продукт американской и западной европейской научной мысли», но с её позиции можно объяснить многое в реформаторском процессе в регионах России, если дополнительно анализировать характер проводимых реформ в контексте теории эволюции элит (круговорота) В. Парето [3].

Если сравнивать работы уральского историка А.Д. Кириллова и дальневосточника Е.В. Буянова, то можно заметить некоторые различия в интерпретации поведения региональных элит. Первый акцентирует внимание на действиях местных властей в наиболее кризисных ситуациях. Второй сосредотачивает свой анализ на формировании определённого типа руководителя в регионе и связывает разнообразие реакций на августовские события 1991 г. именно с типом личности. В то же время этих исследователей объединяет анализ формирования основных политических групп

[2] Степень теоретической консолидации дальневосточных учёных не даёт возможности выделить дальневосточную школу.

и региональных элит через их отношение к реформированию экономических и управленческих структур, к становлению новой многопартийности. Уральские и дальневосточные исследователи, а также сибирские, публиковавшие свои труды в 2000-е гг., считают, что модель российского «двоевластия» оказалась в значительной мере ретранслирована на региональный уровень, что во многом определило развитие политической ситуации на местах в 1991—1993 гг. Приведём точку зрения сибирского историка В.И. Шишкина: «В результате бюрократических реорганизаций и номенклатурных назначений в высшем эшелоне региональной административно-политической элиты Сибири произошли частичные изменения... В итоге руководство органов власти и управления регионов Сибири, как и центра, не было политически однородным и тем более консолидированным» [64].

В дальневосточной литературе часто можно встретить вывод об общих чертах регионального политического процесса. Например, Р.В. Голощапов пишет: «Местные администрации с момента возникновения в большей степени ориентировались на распоряжения вышестоящих исполнительных органов государственной власти, чем на решения местных Советов» [15, с. 17]. Такой вывод не противоречит взглядам авторов, рассматривающих вопросы формирования правительства Ельцина, его стиля управления, более того, он подтверждает мысль о том, что президент своими действиями порой провоцировал реакцию регионов: «Ельцин и его соратники решили сделать ставку на просвещённое единовластие и вытеснение старых институтов. Это был выбор, который сделал конфронтацию ветвей власти неизбежной» [61, с. 55].

В 2000-е гг., как и в конце 1990-х, в дальневосточной литературе Советы оцениваются как консервативная сила, неспособная к реформированию, эта позиция особенно ярко прослеживается в трудах, сосредоточенных на нормативно-правовом анализе (Б.Г. Хачатурян) [58, с. 359—390]. Однако, как показывают исследования В.Е. Буянова [3], В.В. Власовой [10], Н.С. Воронцова [12, 13, 14] и др., считать Советы основным препятствием на пути рыночных преобразований было бы очевидным преувеличением. И здесь мы могли бы дополнить аргументы регионалов точкой зрения Л.Ф. Шевцовой, считающей, что Советы в 1992—1993 гг. оказались в трудном положении, отвечая перед населением за тяжёлую социально-экономическую ситуацию: «Постепенно, однако, даже лояльные до того к Ельцину советы на местах стали проявлять недовольство, поскольку Центр игнорировал интересы провинции. Определённую роль сыграло и стремление центральных властей возложить на регионы ответственность за решение социальных проблем, что для местных органов было непосильной задачей» [61]. Региональные историки подтверждают тезис: это в дальнейшем определило отношение Ельцина к Советам, неспособным реформироваться.

Новизной постановки проблемы отличается статья А.П. Коняхиной, которая на материалах Хабаровского края выявила роль политических партий демократической направленности в разрушении Советов на местах, делая следующий вывод. Лидеры новых партий и движений были «уверены в своей идеологии и в том, что на местах уполномочены помогать всенародно избранному президенту в последовательном осуществлении радикальных реформ, поэтому оставляли за собой право критиковать действия назначенного президентом главы исполнительной власти края в случае, если те идут вразрез или препятствуют проведению реформ» («Советы — курятники, настроенные на власть», «всё управление сосредоточено в исполнительной власти» — такие цитаты приводит автор) [29].

Для дальневосточной литературы так же, как и для уральской школы, характерно обращение к проблеме политико-административных отношений Центра и регионов. Можно отметить две работы: политолога В.С. Хамидулина [56, с. 12—18] и историка А.Е. Савченко [46]. Первый, как и большинство коллег по цеху, провёл своё исследование в рамках дискурса федерализма. Этих исследователей объединяет использование понятия «символического капитала» как ключевого условия распределения власти между Центром и регионами, а также выход на уровень чередования процессов централизации-децентрализации во взаимоотношениях обеих сторон. Работа А.Е. Савченко выделяется тем, что её автор, будучи сторонником государственно-центричного подхода, разработанного американским социологом Ч. Тили, дополняет традиционно используемую концепцию взаимоотношений Центра и регионов теорией «торга», разработанную Т. Шеллингом в работе «Стратегия конфликта» [46]. Савченко считает, что со времени перестройки и в 1990-е гг. содержание отношений между Центром и регионами колебалось между двумя крайними значениями — «управлением» и «борьбой». Автор приходит к выводу о конъюнктурности и непоследовательности этих взаимоотношений, что являлось деструктивным фактором для развития страны.

Концепция регионального сепаратизма. Картина становления нового направления в отечественной историографии будет неполной, если не сказать о распространении такой концепции как региональный «сепаратизм», вышедшей из теории конфликтологии. Популярность данного вопроса, с одной стороны, вытекает из стремления исследователей объяснить реакцию населения и политиков в регионах на события 1990—1993 гг., а с другой, обусловлена влиянием идейной позиции некоторых ведущих политиков.

Основным содержанием политического процесса в 1990—1991 гг. оставались дискуссии о переходе к рынку, борьба между формирующимися центрами власти на федеральном уровне, реализация первых указов президента РФ, развал СССР. Борьба Горбачёва и Ельцина за власть меняла

отношения не только между республиканскими лидерами и союзным Центром, но и между региональными элитами и набирающим силу российским руководством. Противостояние сторонников радикальной и умеренной моделей развития России быстро распространялось на центральные и отдалённые сибирские и дальневосточные территории. Местные элиты в условиях кризиса советской политической и социально-экономической системы находились в крайне нестабильном состоянии и вырабатывали свою «дипломатию с центральными органами власти, чтобы в бурном процессе перераспределения полномочий сохранить контроль над ресурсами» [47]. Этот концептуальный тезис, обозначенный, например, А.Е. Савченко, подтверждается также результатами исследований, которые получены Н.В. Зубаревич в формате социально-экономической теории «четырёх Россий» [23].

Многие упомянутые нами авторы на солидной источниковой базе раскрывали конфликтные ситуации в период реформирования власти на местах, но при этом избегали понятия «сепаратизм». Сторонники позиции сепаратизма — это чаще всего политологи [20; 45], но есть и историки, которые квалифицировали действия региональной элиты в период кризисов как проявление сепаратизма [36].

Особую группу в этом направлении составляют сибирские учёные. Их обращение к проблеме сибирского сепаратизма является отличительной чертой складывания современного историко-политического научного направления в Сибири (С.А. Величко, С.Д. Бакулина, Д.Н. Верхотуров, В.С. Новиков и др. [5; 6; 7; 8; 9; 37; 38; 50]), но сами труды отличаются значительным разбросом мнений. Такая специфика вполне объяснима: здесь сильны традиции изучения сибирского областничества в конце XIX — начале XX в. В последние годы существования СССР в Сибири возникла одна из первых организаций, пропагандирующая идею трансформации региона в «конфедерацию сибирских земель». «Современные российские власти своей политикой игнорирования элементарных потребностей сибирского населения создали новые предпосылки для активизации интеллектуалов с лозунгами о сибирской самостоятельности» [50, с. 201]. Среди учёных в оценке роли исторических предпосылок возникновения сибирского сепаратизма нет единства. Крайняя точка зрения выражена в работе Д.Н. Верхотурова, она близка к идее о колониальной зависимости Сибири от России и на манер западной литературы обозначена через концепт «проклятия захваченных территорий» (разновидность теории «ресурсного проклятия»). Однако в рамках научного направления сепаратизма есть и другое его объяснение — это теория сибирской культурной идентичности [50, с. 201—202].

В контексте постановки проблемы корректно также упомянуть события, которые в политическом дискурсе и литературе рубежа XX—XXI вв. назывались «дальневосточным сепаратизмом» [16]. Чаще всего этот термин

употреблялся в публицистике и СМИ [32]. Как показал анализ работ дальневосточных и зарубежных авторов, сегодня тезис о дальневосточном сепаратизме меняется на концепт «мифа» о нём [67]. Не являются сторонниками концепта реального сепаратизма и уральские историки, исследовавшие инициативу провозглашения Уральской Республики. По мнению В.В. Власовой, эта идея играла роль своего рода «лакмусовой бумажки» для выяснения возможной линии развития отношений «центр-регионы» в условиях окончательного отказа от советской системы организации власти и была вполне закономерной реакцией на реальный кризис федерализма в России в 1991—1993 гг. [10, с. 127].

Заключение. Для современного этапа развития исторической науки характерен процесс интегрирования разноплановых, на первый взгляд, подходов, созданных в различных гуманитарных науках. Зеркалом такой ситуации является новое направление изучения реформ 1990-х в формате исторической регионалистики. Обращение к разным теориям и концептам создало предпосылки для возникновения центров научных исследований по проблеме политико-административных отношений регионов. Концентрацию научных исследований по таким регионам, как Урал, Сибирь и Дальний Восток можно назвать важным доказательством самостоятельного характера нового направления в российской историографии 2000—2020 гг. (и вообще развития исторической науки в начале XXI в.).

Достижения представителей уральской школы, дальневосточной и сибирской групп учёных создали достаточно яркую и детальную картину реакции региональной политической элиты на революцию «сверху». Гуманитарии, несмотря на некоторые дискуссионные точки зрения, показали процесс смены институтов власти на территории от Урала до Тихого океана, выявили разные сценарии ухода с исторической арены крайкомов и обкомов КПСС, исполкомов советов — главных управленческих звеньев. В целом в литературе преобладает точка зрения на завершающий этап их истории как на процесс саморазрушения. Региональные историки раскрыли судьбу Советов, отметив, что в некоторых регионах имело место достаточно жёсткое противостояние старой элиты и нарождающейся новой. Смена институтов власти на местах прошла через череду кризисов, протекавших на территориях с разной остротой. Историки выявили сложную и пёструю рефлексию регионов на стиль и методы, которые использовал Ельцин со своей командой, опираясь на постоянную смену окружения и назначенцев российского правительства.

В 2000-е гг. в отечественной литературе подтверждён более ранний вывод о влиянии хода политических событий федерального уровня на изменения в распределении полномочий между ветвями государственной власти в субъектах РФ в 1990-е гг. Появляется даже термин «стихийная

децентрализация», что, по мнению большинства историков, в значительной степени было реакцией на борьбу президента и институтов представительной власти РФ. Наибольший плюрализм в литературе 2000-х гг. прослеживается по отношению к концепции сепаратизма. В целом проблема отношений Центра и регионов в контексте парадигмы политической модернизации стала ядром для формирования уральской исторической школы, сибирской и дальневосточных научных групп.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев В.В., Артёмов Е.Т. Регионализм в России: история и перспективы // Урал. ист. вестник. 1996. № 3. С. 4—11.
2. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. М.: РОССПЭН, 2006. 279 с.
3. Буянов Е.В. Органы государственной власти в дальневосточных субъектах Российской Федерации: История и итоги реформирования (конец 1980-х — 1990-е годы). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001. 306 с.
4. Ващук А.С., Плаксен Е.А. Формирование законодательных (представительных) органов власти и политический менталитет приморцев (90-е годы XX в.) // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае. История, современность, тенденции развития: материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1. Владивосток, 2000. С. 19—26.
5. Величко С.А. Интеллигенция Сибири в годы перестройки (1985—1991) // Интеллигенция и мир. 2009. Т. 4. С. 52—70.
6. Величко С.А. Неформальное общественно-политическое движение Сибири, 1985—1991 // Вестник ОГУ. 2005. № 9. С. 14—20.
7. Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985—1991 гг.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004. 376 с.
8. Верхотуров Д.Н. Бакулина С.Д. Идеи областничества в сибирской публицистике конца XX — начала XXI вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58), в 3-х ч. Ч. II. С. 34—37.
9. Верхотуров Д.Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. М.: АСТ; Красноярск: АБУ; Владимир: ВКТ, 2009. 331 с.
10. Власова В.В. История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становления новой российской государственности (1985—2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 207 с.
11. Волгин Е.И. Перестройка Горбачёва и Ельцина: общее и особенное // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. 67. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik2018/ vipusk__67._aprel_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/ volgin.pdf (дата обращения: 20.12.2020).
12. Воронцов Н.С. Политическая позиция руководства Приморского краевого Совета народных депутатов в период августовского кризиса 1991 года // Успехи современной науки. 2017. Т. 2. № 4. С. 217—223.

13. Воронцов Н.С. Проблемы и перспективы становления свободной экономической зоны «Находка» в 1990—91 годах: позиция Приморского краевого Совета // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 6. № 3. С. 61—64.
14. Воронцов Н.С. Судьба объектов партийного имущества в период роспуска структур КПСС в Приморье // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 22. С. 44—56.
15. Голощапов Р.В. История реформирования органов власти на Дальнем Востоке России (1990—2000 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2002. 25 с.
16. Гордеев В. Дальневосточный сепаратизм: миф или реальность? // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в. в.: сб. науч. статей / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1999. С. 135—155.
17. Горфинкель И.М. Политическая система Свердловской области // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 5. С. 27—37.
18. Горфинкель И.М. Свердловская область: становление политической системы и правовых институтов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 1. С. 66—72.
19. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 167 с.
20. Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2004. 34 с.
21. Дудник С.А., Уманец Б.И. Законодательная власть Приморского края: опыт, проблемы, перспективы // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае. История, современность, тенденции развития: материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1. Владивосток, 2000. С. 5—10.
22. Зеленцов В.В. Городское самоуправление Западной Сибири в 1990-е гг.: на материалах Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края: дис. … канд. ист. наук. Томск, 2008. 240 с.
23. Зубаревич Н.В. Социальная дифференциация регионов и городов // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 4—5. С. 135—152.
24. Иванов А.М. Деятельность Смоленского областного совета народных депутатов и Смоленской областной партийной организации КПСС в период августовских событий 1991 г. // Studia Humanitatis. 2018. № 3. URL: http://st-hum.ru/en/node/688 (дата обращения: 12.11.2018).
25. Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. № 1. С. 6—26.
26. Кириллов А.Д. Социально-политическое развитие регионов в период становления новой российской государственности, 1990—1998 гг.: На материалах Урала: дис. … д-ра ист. наук. Челябинск, 1999. 270 с.
27. Князев С.Д. Правовой статус Думы Приморского края: проблемы становления и перспективы развития // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае. История, современность, тенденции развития: материалы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1. Владивосток, 2000. С. 17—19.
28. Козлова Н.Н. Тверские Советы народных депутатов в годы перестройки, 1985—1991. Опыт реформирования: дис. … канд. ист. наук. Тверь, 1998. 240 с.
29. Коняхина А.П. Многопартийность в Дальневосточном регионе в 1990-е гг. в условиях складывающегося моноцентрического политического режима // Россия и АТР. 2010. № 4. С. 51—57.

30. Либман А.М. Формальная и неформальная децентрализация и политические трансформации // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 62—73.
31. Лукичев А.Н. Формирование системы местного самоуправления на Европейском Севере Российской Федерации в 1990-е годы: На материалах Архангельской и Вологодской областей: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2004. 338 с.
32. Мартынов К. Новый Владивосток: дальневосточный сепаратизм и география российской столицы // Правда-info. 2010.16 апр. URL: http://www.pravda.info/region/76789.html (дата обращения: 20.03.2020).
33. Мартьянов В.С. Конец транзитологии: что дальше? // Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и новых независимых государствах. сб. науч. ст. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 31—44.
34. Мартьянов В.С. Парадигмы российской политологии // Полития. 2009. № 1 (52). С. 161—181.
35. Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977—1993 годах. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2006. 456 с.
36. Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском Дальнем Востоке и в Китае // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. № 19. С. 72—92.
37. Новиков С.В. О возможностях противодействия сибирскому сепаратизму и политическому экстремизму посредством образовательной и воспитательной деятельности // Омский науч. вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 5—8.
38. Новиков С.В. Сибирские мотивы в политических «играх» и социально-экономических концепциях переходного периода (1990—1996 гг.) // Использование регионального компонента базисного учебного плана в учреждении образования Омской области: опыт и проблемы. Ч. I. Омск, 1998. С. 67—71.
39. Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985—1991: сб. материалов / сост. О.Н. Ансберг, А.Д. Марголис. СПб, 2009. 784 с.
40. Опыт российских модернизаций. XVIII—XX века. М.: Наука, 2000. 246 с.
41. Политические процессы в регионах России / отв. ред. Р.Ф. Туровский. М.: Центр политических технологий, 1998. 297 с.
42. Пушмин Д.А. Формирование новой российской государственности в условиях политической трансформации общества (1990-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 239 с.
43. Регионализм в России / под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН: УрГИ, 1999. 193 с.
44. Родоман Б.Б. Новая поляризация российского пространства // Полюса и центры роста в региональном развитии. М.: ИГ РАН, 1998. С. 40—46.
45. Савва М.В., Савва Е.В. Сепаратизм в современной России: актуальность и классификация // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 124—126.
46. Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х — 1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 285 с.
47. Савченко А.Е. Российская провинция: от перестройки — к... // Полития. 2014. № 3. С. 110—125.
48. Смолеев А.А. Общественно-политическая жизнь в Тамбовской области (1985—1993 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2015. 238 с.

49. Смолеев А.А. Политический кризис 1992—1993 годов: реакция провинции (на материалах Тамбовской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-1. С. 195—197.
50. Сушко А.В. Исторические идеи и политические практики сибирского сепаратизма // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 426. С. 192—206.
51. Туровский Р. Баланс отношений «центр-регионы» как основа территориально-государственного строительства // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 12. С. 54—65.
52. Туровский Р.Ф. Динамика регионального политического процесса в России // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 64—86.
53. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77—95.
54. Удалов В.С., Колобов О.А. Система «центр — периферия» в современном политическом процессе // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 297—301.
55. Урал в панораме XX века. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 496 с.
56. Хамидулин В.С. Взаимоотношения между Центром и регионами России в конце XX — начале XXI века: опыт, проблемы и перспективы (на примере Приморского края): автореф. дис. … канд. полит. наук. Владивосток, 2008. 23 с.
57. Хапочкин А.А. Нормотворческая деятельность Сахалинской областной Думы // Власть и управление на Востоке России. 1998. № 4. С. 56—62.
58. Хачатурян Б.Г. Становление и развитие местного самоуправления на Дальнем Востоке России: общее и особенное (последняя четверть XIX — начало XXI вв.): дис. … д-ра ист. наук. Хабаровск, 2014. 567 с.
59. Цветкова О.В. Центр и периферия в региональном развитии: теории территориальной политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-1. С. 189—192.
60. Чуев С.В. Современный политический процесс на Дону (1989—2004 гг.): этапы и содержание: дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 212 с.
61. Шевцова Л.В. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.
62. Шевченко Д.В. Ленсовет — Петросовет XXI созыва: образование и деятельность, 1990—1993 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2017. 166 с.
63. Шелковникова Н.В. Формирование органов власти в городах Дальнего Востока в условиях становления современной российской государственности: 1987—2003 гг.: дис. … канд. ист. наук: Комсомольск-на-Амуре, 2006. 229 с.
64. Шишкин В.И. На путях реформ // Сибирь в лицах. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, «МАСС-МЕДИА-ЦЕНТР», 2001. С. 86—107.
65. Шуликов А.О. Процесс становления и развития региональной политической элиты в Камчатском крае // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 138—150.
66. Ярных М.В. Местные советы Удмуртии в период реформирования: 1985—1993 гг.: дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 219 с.
67. Center-Periphery conflict in post-Soviet Russia. A Federation imperiled / ed. by M.A. Alexseev. New York: St. Martin's Press, 1999. 298 p.

УДК 304.4
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10002

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ОПЫТОМ РЕФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Геннадий Петрович Куликов,
кандидат философских наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, заместитель председателя Думы города Владивостока.
E-mail: culturedeans@yandex.ru

В статье анализируется опыт проведения реформ в России в 1990-е гг. Данные реформы воздействовали на общество в целом, а это требует более тщательной проработки концептуальных и методологических основ изучения изменений. Объектом анализа выступает реформа социальная, то есть, общественная, предметом — реформа всего общества, то есть, целостная реформа. Статья предполагает выделение и характеристику времени реформ, под которым автор понимает не историческое, то есть хронологическое, а социальное, характеризующее время как длительность, быстроту, законченность изменений. В этом плане можно говорить о продолжительном, затянутом характере реформ: начавшись в рамках «шоковой терапии», они продолжаются уже почти тридцать лет. Кроме того, необходимо дать социальную характеристику пространства реформ, социальной поддержки, кадров, и главное, результатов реформ.
Ключевые слова: Россия, социальная реформа, объект, предмет, социальное пространство, кадры.

REFLECTIONS ON THE EXPERIENCE OF REFORMS IN MODERN RUSSIA

Gennady Kulikov, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Deputy Chairman of the Duma of Vladivostok, Russia. E-mail: culturedeans@yandex.ru

The article focuses on the analysis of the experience of the reforms carried out in Russia in the 1990s. Reforms have affected society as a whole, which requires more careful consideration of the conceptual and methodological frameworks for studying change. The object of analysis is social reform, the subject is the reform of the whole society, i.e. a holistic reform, but not reform of the part of society. The article proposes to highlight and characterize the time of reforms, by which

the author understands not historical, that is, chronological, but social time, characterizing it as the duration, speed, completeness of changes. In this regard, we can talk about the long, protracted nature of reforms. Despite the fact that they started as part of the «shock therapy», they have been going on for almost thirty years. In addition, it is necessary to give a social characteristic of the reform space, social support, personnel, and most importantly, the results of the reforms.
Keywords: Russia, social reform, object, subject, social space, personnel.

Базовой темой конференции является опыт региональных реформ. На ход и результаты этих локальных по сути изменений оказали своё влияние те процессы, которые начались в России в 1990-е гг. и которые, трансформируясь, будут оказывать своё воздействие в ближайшей перспективе. Реформы — это изменение формы, её обновление, улучшение, совершенствование. Но возникает вопрос: формы чего — всего общества в целом или его отдельной части, сферы, подразделения? К сожалению, в работах, посвящённых реформам, этот вопрос упускается и, как правило, под реформой понимается изменение части общества, а не целого (например, реформа управления, или конкретного подразделения, института, или изменение какого-либо процесса, например, реформа образования).

Как показали события 1990-х гг. в России, в данном случае речь должна идти (и идёт в статье) о реформе общества в целом, от базиса до надстройки, выражаясь марксистским языком, который мы ещё не забыли. То есть при изучении такого рода реформ мы должны выделить ряд узловых моментов, которые могут и не присутствовать при анализе частичных реформ. Это приводит к необходимости определения объекта анализа — это реформа социальная, то есть, общественная, — и предмета, которым является реформа всего общества, то есть целостная реформа.

Наряду с этими базовыми уточнениями важно выделить ещё ряд необходимых моментов, а именно — время реформ, но не историческое, то есть хронологическое, а социальное, характеризующее время как длительность, быстроту, законченность изменений. В этом плане мы можем говорить о продолжительном, затянутом характере реформ: начавшись в рамках «шоковой терапии», они продолжаются уже почти 30 лет. Кроме того, необходимо дать социальную характеристику пространства реформ, социальной поддержки, кадров, и главное, результатов реформ. Вот тот круг проблем, о которых хотелось бы поговорить в этой статье.

Итак, реформа 1990-х гг. носит целостный характер: фактически нет ни одной сферы общества, начиная от экономики и заканчивая сферой

культуры, которые бы избежали реформирования. Но ситуация обостряется с каждым днём, позитивных результатов, которые могли бы принести более-менее всеобщее одобрение, мало. Можно было бы назвать оборонную сферу (хотя автор не специалист в этой области, и военные могут его поправить).

По сути тех новаций, которые принесли нам 90-е годы XX в., это время и основное содержание реформ в чём-то схожи с процессами перехода от дикости и варварства к цивилизации. Здесь мы имеем в виду то определение цивилизации, которое дал Ф. Энгельс и которое было связано с действием закона общественного разделения труда, разложением общественной собственности, появлением имущественного расслоения, возникновением частой собственности, классов, государства как аппарата насилия и пр. Здесь наши «реформы», по видимости, повторяют в трагикомическом виде события далёкого прошлого, когда на место общественной собственности приходит частная, с небольшим, но существенным изменением.

В далёком прошлом развитие производительных сил привело к тому, что отдельный человек или семья увеличили свою производительность благодаря более совершенным орудиям труда, приёмам обработки земли, накопленному опыту до такой степени, что могли уже рассчитывать на бóльшую долю продукта, чем та, которую они получали в рамках общины. Община стала не нужна, общинные земли захватывались чиновниками, старостами, героями-дружинниками, отдельными предприимчивыми общинниками, которые могли, желали, готовы были жить отдельно, обособленно, быть частью, а не целым. То есть производительным силам, которые приобрели индивидуальный характер, потребовались и частные производственные отношения.

Но ситуация 1990-х гг. в России имела существенно иной характер, чем та, что сопровождала период становления цивилизации, а именно: производительные силы и в России, и во многих других странах носили уже общественный характер. Люди нуждаются в общем производстве, общем обмене, распределении и общем потреблении. Уже никто или почти никто не может сказать, что вот этот продукт — полностью результат моего труда, я его спроектировал, я нашёл для него сырьё, я его создал, и я его буду потреблять. Мы все — частичные производители общего, материального или духовного, продукта, и, что бы мы о себе ни думали по этому поводу, мы трудимся для других, для общества.

Вот этого основного обстоятельства не учли наши архитекторы, прорабы, мастера и подмастерья перестройки. Вот это маленькое для них уточнение губит их гигантские замыслы, заставляет их метаться из стороны в сторону, хвататься за любые, самые авантюрные предложения, «реформы»,

лишь бы отстрочить наступление момента истины. На наш взгляд, это самая существенная концептуальная ошибка реформаторов, которая приводит их к плачевным в большинстве случаев результатам: вместо того, чтобы налаживать общественные связи, они принялись утверждать своё маленькое счастье на волнах людского негодования и недовольства. То есть в социальном пространстве, которое стремится к своей гомогенности, однородности, взаимозависимости всех своих подразделений, они пробили брешь, противопоставив частное, эгоистическое, частичное — общему, альтруистическому и целостному. И теперь в эту брешь, в эту часть, утекает, как в чёрную дыру, общественный интерес, общественное достояние, богатство, благополучие и энергия.

Таким образом, в самом предмете реформ мы видим существенную, коренную ошибку реформаторов, которая рано или поздно, но будет очевидна всем. К этому следует добавить ещё один момент: что же является образцом для наших реформаторов, примером для подражания? Большинство скажет — капитализм, и будет право, но право лишь частично, абстрактно. Ибо нужно ответить на вопрос: а какой капитализм? Ведь к концу XX в. капитализм потерял свой промышленный, индустриальный облик, и править обществом стал не производственник, не промышленник, а банкир, финансист. Капитал перерос свои классические формы и превратился преимущественно в финансовый капитал, и более того, в спекулятивный капитал. Легче и эффективнее теперь можно увеличить свою прибыль, печатая бумажки-доллары, играя на бирже, спекулируя на курсах валют, а это сферы, весьма далёкие от производственных задач. Реформаторы используют рекомендации, предназначенные для совершенно иного уровня развития — для спекулятивного капитализма, поэтому и не могут решить задач классического производственного капитализма, не подведя под него соответствующего, производственного, основания, а это всё равно что строить высотный дом без фундамента.

Поэтому неудивительно, что все объявляемые реформы тихо и незаметно сходят на нет, не достигая декларируемых результатов. Это серьёзная концептуальная ошибка, которая заставляет скептически оценивать возможности реформаторов.

Посмотрим теперь на время проведения реформ. Как правило, время человека ограничено, оно ему дорого, ценно, потому что человек — индивидуально финитное, конечное существо, и долго ждать перемен он не приучен. Тем более что XX в. необычно ускорил темп всей жизни человечества, и обещать ему воздаяние на небе за страдания на земле было бы напрасным. Нам пообещали перемены к лучшему уже «к ближайшей осени», а это нужно было осуществить в ходе «шоковой терапии», программы «500 дней»

и пр. В общество был вброшен и «мудрый» слоган: «Пропасть в два прыжка не перепрыгивают, надо прыгать». Умный-то человек в пропасть прыгать не будет.

Можно ли назвать какой-нибудь этнос, который бы практиковал прыжки в пропасть без страховки? Недавно смотрел этнографический материал: жители примитивной деревеньки собрались, навили канатов из лиан и сделали подвесной мост через ущелье. Никто в пропасть не прыгал. А нас заставили: «Переход к рынку с сегодня на завтра», «сегодня ещё рано, а завтра уже поздно, прыгаем ночью». Ну и прыгнули. Что получилось? Стихийный скачок цен, сверхинфляция, взаимные неплатежи, задержки зарплат, вместо денег выдавали носки, болты, гайки — обменивайтесь сами. Воцарилось натуральное хозяйство, продуктообмен, связи между предприятиями нарушились надолго. Последствия произведённого ***хаоса*** не преодолены до сих пор. Мы до сих пор по натуральным показателям не вышли на уровень 1990 г. Мы потеряли самое главное — время реформ. А получили скепсис, недовольство, падение всех и всяческих авторитетов. Изначально любое начинание встречается с неприятием, отторжением.

Обращаю внимание на одно малоизученное обстоятельство. Накануне реформ, чтобы успокоить научную общественность, реформаторы представили интересную книгу И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок и беспорядок в природе и обществе» [3], где проводилась мысль о творческом характере беспорядка, хаоса. Собственно говоря, на уровне конкретики это «философическое» утверждение тождественно положению экономистов о «невидимой руке рынка», которая всё сама урегулирует, рано или поздно. Не буду опровергать научного труда Пригожина и Стенгерс, но обращаю внимание аудитории, что они делают этот вывод с существенным добавлением: хаос творит что-то новое при поступлении энергии извне. К сожалению, это означает, что и рынок может разрешить свои противоречия не сам по себе, а при поступлении «энергии извне», а это мы можем отождествить и с корпоративным управлением, и с соблюдением договорённостей, и с поступлением финансов, и с государственным вмешательством и т.д. Это всё не было учтено реформаторами. Откуда мы могли черпать «энергию извне», если открыли границы для свободного перемещения капиталов и рабочей силы? Капиталы утекают за границу до сих пор. Производительность труда, а значит, и реальное содержание общественного продукта, не вышли на уровень 1990 г. Остаётся только одно — огосударствление и планирование, то есть повышение роли государства и его энергетических действий. Но это идёт вразрез с концептуальными установками либералов-реформаторов. То есть и в этой области мы имеем существенное методологическое упущение.

В результате допущенных ошибок реформаторы лишились социальной опоры, поддержки. Если мы посмотрим на опыт проведения реформ в Китае, то отметим, что они следуют в определённом ритме, порядке. Предлагается реформа, цели и задачи обозначены, разъяснены населению. Начинается всенародное обсуждение, критика, уточнение, дополнение, изменение. Потом реформа переводится с концептуального уровня на практический, апробируется в конкретном месте, уезде, провинции. Изучается опыт, полученные результаты, реформа корректируется и после этого распространяется на всю территорию страны. В результате происходит расширение социальной базы реформ, а не сужение. К сожалению, у нас этот порядок не привился. Естественно, если уже «парламент — не место для дискуссий», то что говорить об обратной связи в проведении реформ?

Сейчас в общество пытаются вбросить мысли о том, что вот «кадры» якобы были не те, поэтому и реформы не пошли. Извините, кадры готовились под перестройку. Некоторые члены министерств и ведомств, ЦК, крайкомов, обкомов, научные сотрудники институтов, студенты проходили обучение, стажировку за границей, в элитных институтах. Более того, у нас в преддверии перестройки создан был ряд факультетов с иной программой обучения, где в центр внимания ставились вопросы товарно-денежного обращения и рыночных отношений, поэтому кадры были. Они и сейчас в основном заполняют все места в управленческой и культурной надстройке. Они и сейчас пытаются убедить нас, что «иного не дано», точно так же как Паниковский у Ильфа и Петрова, подсовывая ему чугунные гантели, уверял: «Пилите, Шура, пилите, они золотые».

Мы до этого говорили о социальных реформах, то есть об изменениях в форме общественных отношений. Но без изменения содержания общества, то есть производительных сил, реформа будет носить формальный, изначально односторонний, несовершенный, характер. Социальные реформы нужны нам не сами по себе, а для того чтобы дать простор развитию производительных сил, личностных и вещественных, и тем самым поднять производительность труда и увеличить выработку общественного продукта. Без этого, как ни дели этот продукт, всё равно на всех не хватит.

Если мы посмотрим на изменения, которые происходили в нашем обществе сразу после революции, при большевиках, то мы обнаружим существенные различия в проведении реформ, а именно: в центре внимания находились производительные силы общества и рост производительности труда. Как только открывается новый вид энергии — электрическая, — создаётся и электромотор, им оснащаются индивидуальные машины, станки, механизмы, в России впервые в мире принимается план ГОЭЛРО. Впервые в мире появился и инструмент согласования разнородных интересов

предприятий и отраслей в масштабах всей страны — планирование. Впервые в мире координационным центром всех изменений становится государство, оно же наделяется всеми правами хозяйствования и собственности, лишь позднее этот опыт частично перенимается в Америке (план развития долины р. Теннесси), Германии и Италии. В сельском хозяйстве в массовом порядке широко применяется простое кооперирование как инструмент повышения производительности труда. Все эти изменения в технической, технологической, химической, промышленной областях в конечном счёте работали на повышение производительности труда, а значит, и на рост благосостояния граждан. То есть реформы охватывали всё общество, все его сферы и носили совершенный характер, затрагивая и общественные отношения, и изменения в производительных силах общества.

Сегодня, когда изменения в отношениях людей оторваны от изменений в развитии производительных сил, они носят формальный характер. Поэтому все реформы свелись к преобразованиям в распределении общественного продукта — богатые богатеют, а бедные беднеют.

Но и окружающий Россию мир в целом находится в кризисе. Г.Г. Малинецкий, вице-президент Нанотехнологического общества, доктор физико-математических наук, пишет, что в 2000 г. Р. Солоу, нобелевский лауреат, провёл исследование, в каких областях внедрение компьютеров в США дало наибольший эффект. Оказалось, что таких областей нет, за исключением одной — производство самих компьютеров.

Мультифакторная производительность труда и капитала со скоростью роста 2,5% была только в течение одного десятилетия, с 1958 по 1968 г. Её дали три инновации, никак не связанные с компьютером: большая химия (новые материалы — полиэтилен, пропилен), автоматизация и конвейер в невоенном, гражданском секторе, автомобилизация (совершенствование двигателей внутреннего сгорания и перевозок). С той поры больше ничего похожего не было. Вот сейчас, по сравнению со скоростью роста в прошлом в 2,5%, мы упали в десять раз. Мир находится в остром кризисе производительности. Поэтому компьютеры с экономической точки зрения не играют никакой роли [1, с. 43].

Центр конъюнктурных исследований Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ приводит следующие данные (на февраль 2018 г.): «Значительная часть промышленных предприятий России продолжает использовать устаревшую технику и оборудование. Изношенность основных производственных фондов остаётся одной из основных проблем отрасли и оттягивает на себя значительную часть инвестиций. В 2017 г. 45% промпредприятий располагали машинами и оборудованием в возрасте от 10 до 30 и более лет; средний возраст транспортных средств

составлял около 9 лет, зданий и сооружений — 23 и 19... Особенно сложная обстановка (средний возраст основных фондов — 16—16,7 года) наблюдается в сегменте „обработки“. Вопреки установкам на импортозамещение, значительная часть организаций закупала зарубежное оборудование: 43% — новое, 30% — бывшее в употреблении» [2, с. 80].

Это итог и результат либеральных реформ в России. Однако обществу всё предлагают мантры о «невидимой руке рынка». Да, мы знаем теперь, что она «шарит по нашим карманам все тридцать лет». Сейчас в России происходит тяжёлое отрезвление от того угара, которому мы все подвергались все эти годы, и «низы», и «верхи» пытаются что-то сделать.

В истории социума действует общесоциологический закон возвышения потребностей. Тридцать лет в истории — это жизнь поколения. Пришло новое поколение со своими представлениями о потребностях, которые значительно выше, чем у его предшественников. Если предыдущее поколение, которое готово было ждать, мирится с аскезой жизни, её простотой, то новое поколение к этому не готово, оно ждёт уже в ближайшее время, «здесь и сейчас», существенных изменений к лучшему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинецкий Г. Выступление на «круглом столе» // Изборский клуб. Русские стратегии. 2018. № 4 (60). С. 42—46.
2. Овчинский В. Мобилизационный проект в «цифровом мире» // Изборский клуб. Русские стратегии. 2018. № 2 (58). С. 78—81.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

УДК 332(575.2)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10003

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В КИРГИЗИИ

Елена Геннадьевна Гарбузарова,
кандидат исторических наук, доцент, Кыргызско-Российский Славянский университет, г. Бишкек, Киргизская Республика.
E-mail: play_elenag@mail.ru

В статье анализируются проблемы, препятствующие реализации эффективной административно-территориальной реформы в Киргизии. В последнее время в республике вновь актуализировался вопрос о проведении реформы административно-территориального устройства (АТУ), что обусловлено глобальными революционными достижениями в информационной сфере и необходимостью совершенствования системы государственного управления в соответствии с новыми трендами. Автор исследует попытки руководства Киргизии провести реформу АТУ в исторической ретроспективе и рассматривает проекты, предложенные кыргызскими учёными как наиболее приемлемые для проведения реформы АТУ. Акцентируется внимание на двойственном влиянии государственных переворотов, которые произошли в республике в 2005 и 2010 гг. С одной стороны, в результате указанных политических потрясений нарушалась последовательность проведения реформы АТУ в Киргизии. С другой стороны, после каждого такого потрясения вопрос о реформе АТУ снова оживал и становился предметом бурных общественно-политических дискуссий. Показано, что чрезмерная бюрократизация, коррупция и гендерное неравенство являются фундаментальными проблемами в процессе реформирования системы государственного управления в целом и создания оптимальных условий для развития взаимоотношений между центром и административно-территориальными единицами Кыргызстана.
Ключевые слова: реформа, административно-территориальное устройство, Киргизия, государственное управление, коррупция, бюрократизация.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL REFORM IN KYRGYZSTAN

Elena Garbuzarova, Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan.
E-mail: play_elenag@mail.ru.

The article is devoted to the problems that complicate effective administrative and territorial reform in Kyrgyzstan. Recently, the issue of administrative and territorial

reform has become more relevant in the republic due to the global revolutionary achievements in the information sphere and the need to improve the system of public administration in accordance with new trends. The author examines the attempts of the Kyrgyz leadership to reform the administrative-territorial division in historical retrospect and considers the projects proposed by Kyrgyz scientists as the most acceptable for this reform. The author focuses on the dual influence of the coups that took place in the republic in 2005 and 2010. On the one hand, these political upheavals disrupted the implementation of this reform in Kyrgyzstan. On the other hand, after such a political shock, the issue of administrative and territorial reform came to life again and became the subject of heated socio-political discussions. It is shown that excessive bureaucratization, corruption and gender inequality are fundamental problems in the process of reforming the public administration system as a whole and creating optimal conditions for the development of relations between the center and the administrative-territorial units of Kyrgyzstan.

Keywords: reform, administrative-territorial structure, Kyrgyzstan, public administration, corruption, bureaucratization.

Для Киргизии, долгое время находившейся под влиянием командно-административной системы, в новых постсоветских реалиях большое значение имеет рациональное и эффективное административно-территориальное деление (АТД), повышающее политическую устойчивость и качество государственного управления. Понимая это, политическая элита республики неоднократно предпринимала попытки перейти на новую модель административно-территориального устройства, однако под влиянием различных факторов так и не удалось осуществить задуманные реформы. Киргизия относится к такому типу обществ, в котором социокультурные особенности и ценности этого общества отражаются на политических изменениях и процессах, происходящих в стране. Такие ценности определяют характер государственного управления и становятся одним из основных тормозов развития демократических принципов.

На протяжении всего независимого периода Киргизии власти страны предпринимали попытки провести административно-территориальную реформу, однако в силу разнообразных факторов, включая отсутствие развёрнутого стратегического плана действий, эти усилия не увенчались успехом. Речь идёт о перераспределении политической власти и собственности, когда лица, получившие власть с целью использовать её для защиты своей собственности, с неохотой воспринимают кардинальные политические трансформации. Справедливо отмечает российский учёный И. Лексин,

что «даже самое примитивное „количественное“ преобразование территориального устройства государства способно привести к кардинальному перераспределению власти и собственности» [8, с. 67].

Ещё до распада СССР Киргизия пережила несколько волн укрупнения и разукрупнения своих территориальных единиц. За три года до обретения независимости, в 1988 г., в республике была проведена очередная реформа АТД, по итогам которой образовалось две области — Ошская и Иссык-Кульская. В 1991 г. в Киргизии была проведена разукрупительная реформа АТД, которая закрепила деление страны на шесть областей — Чуйскую, Таласскую, Нарынскую, Иссык-Кульскую, Ошскую и Джалал-Абадскую. Такая практика разделения территории Киргизии применялась в советский период через три года после получения статуса союзной республики (1936).

Начиная с момента обретения независимости и начала процесса суверенизации, для Киргизии большое значение имел поиск оптимальных путей организации её административно-территориального устройства. Эта проблема находилась и до сих пор находится в фокусе внимания политической элиты страны, и, кроме того, формирует дискурс учёных, экспертов и общественных деятелей республики. Основные факторы, обусловившие поиск оптимальной модели АТУ, — это серьёзные контрасты между плотностью населения областей, разница в социально-экономическом развитии территориальных единиц и дублирование функций государственных чиновников на разных управленческих уровнях.

В первой Конституции страны, принятой 5 мая 1993 г., довольно размыто отмечалось, что «в целях организации государственного управления территория Киргизской Республики делится на определяемые законом административно-территориальные единицы» [6]. Отсутствие конкретики относительно того, что это будут за единицы, было обусловлено недостатком опыта структуризации независимой территории. В Конституции отдельная глава была посвящена органам местного самоуправления как показателю успешного внедрения демократических ценностей в систему органов государственного управления независимого государства. Конституция наделяла органы местного самоуправления определёнными полномочиями, позволяющими утверждать и контролировать как программы социально-экономического развития, так и бюджет. Это доказывало, что Киргизия взяла курс на развитие институтов представительной демократии, приняв рекомендации Европейской Хартии о местном самоуправлении, которая была утверждена Советом Европы в 1985 г. [9].

После 1991 г. в Киргизии было предпринято несколько попыток совершенствовать систему государственного управления посредством проведения реформы АТУ с учётом общего процесса трансформации общества.

Это была непростая задача для президента и правительства в период развития демократических практик и рыночно-экономических отношений, сопровождавшихся непредвиденными последствиями.

В 1996 г. в соответствии с Указом Президента Кыргызстана А. Акаева было принято решение подготовить и внести предложения «по оптимизации административно-территориального деления республики на основе обоснованного экономического районирования» [11]. Созданная специальная комиссия резюмировала, что территория Киргизии должна состоять из трёх вертикальных звеньев: центр — округ — село (город). Таким образом, предлагалось заменить области административными округами с целью оптимизировать взаимоотношения между центром и административно-территориальными единицами. Однако в практическом плане проект так и не был реализован.

Террористическая угроза и социально-экономические факторы побудили власти Киргизии в 1999 г. образовать Баткенскую область, выделившуюся из Ошской. В 1990-е гг. радикальные исламисты из Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Хизб ут-Тахрир создали сеть подпольных организаций на юге республики, призывая местное население выступить против светских режимов Киргизии и соседнего Узбекистана. В 1999 г. в Баткенском районе Ошской области, наименее благополучном в социально-экономическом плане, начались вооружённые столкновения между исламистами и правительственными подразделениями Киргизии. Совместными усилиями государств Центральной Азии и России боевиков удалось деморализовать. С целью не допустить превращения Баткенского района в базу террористов и наркоторговцев, а также стимулировать экономическое развитие территории с преимущественно сельским хозяйством власти Киргизии приняли решение перевести район в статус области, а сельский населённый пункт Баткен преобразовать в город [3]. В августе 2000 г. правительство республики одобрило программу социально-экономического развития Баткенской области на пятилетний период [12]. Таким образом, к началу XXI в. в Киргизии насчитывалось 7 областей, включающих 44 административных района, 22 города, 467 сельских совета (айыл кенеши) [5, с. 19].

В 2005 г. на волне «тюльпановой революции» в Киргизии пришёл к власти новый президент К. Бакиев, и вновь в центр политических и общественных дискуссий попал вопрос о реформе АТУ. Многообещающим этапом в процессе административно-территориального реформирования Киргизии стал Указ Президента «О концептуальных подходах к реорганизации системы административно-территориального устройства в Киргизской Республике», принятый в 2007 г. Предполагалось осуществить оптимизацию административно-территориального устройства Киргизии в три этапа:

- на первом этапе (2007—2008) сократить количество областных структур государственных органов посредством перераспределения задач и функций;
- на втором (2009—2010) укрупнить административно-территориальные единицы на основе объединения отдельных районов и аильных кенешей;
- на третьем (2010—2011) перейти на трёхуровневую систему государственного управления [15].

В связи с произошедшим в республике в 2010 г. государственным переворотом, данная реформа АТУ не была реализована, так как предыдущие официальные документы по этим вопросам утратили силу. В 2012 г. новая власть инициировала очередную реформу, направленную на «укрупнение отдельных административно-территориальных единиц и совершенствование деятельности государственных и муниципальных органов управления» [10]. Однако все попытки реформировать существующее административно-территориальное деление в республике носят эпизодический характер и направляются политическими мотивами.

Политическая неустойчивость, которая наблюдалась в Киргизии в 2005 г., и в 2010 г. наложила свой негативный отпечаток на достижение реформаторских целей в области изменения АТУ республики. После каждого такого потрясения, сопровождавшегося сменой политической власти, республика лишалась стратегической устойчивости и стабильности, что является необходимым условием для адаптации новых политических изменений.

На современном этапе киргизские политики, эксперты, учёные считают существующую четырёхуровневую административную систему управления (центр — область — район — муниципалитет) в республике громоздкой и неэффективной. Например, кыргызский учёный Т.Э. Омуралиев предлагает следующую систему действий по оптимизации АТУ: 1) упразднить области; 2) упразднить районы; 3) вместо упразднённых первых и вторых территориальных образований создать новую территориальную единицу [16]. В свою очередь, другой кыргызский учёный Т. Акматалиев выдвинул свой проект реформы АТУ, основанный также на упразднении областного уровня управления и расширении городов республиканского подчинения. Его проект основан на следующих изменениях: 1) вместо 7 областей и 40 районов создать 25 аймаков (включая 3 пограничных); 2) к двум городам республиканского подчинения, Бишкеку и Ошу, подключить Джалал-Абад [13]. Таким образом, учёные Киргизии предлагают новые подходы, основанные на более рациональных и эффективных принципах территориально-политического деления страны, противопоставляя их существующему

административно-территориальному делению. Главная цель предполагаемой реформы направлена на упрощение процесса принятия управленческих решений и создание благоприятных условий для коммуникаций между властью и обществом.

В связи с тем, что в современном мире особую важность приобрели информационные технологии, власти республики стремятся усовершенствовать систему государственного управления посредством введения инновационных элементов. В 2018 г. президент Киргизии подписал Указ «О мерах по проведению административно-территориальной реформы», отметив, что данный шаг должен содействовать процессу децентрализации государственной власти, создать эффективный механизм финансирования деятельности местного самоуправления, способствовать укрупнению отдельных административно-территориальных единиц [14]. Анонсированное проведение административно-территориальной реформы в Киргизии является частью масштабного национального проекта, направленного на преобразование республики на основе современных информационных технологий. Параллельно с реформой АТУ власти Киргизии планируют провести цифровизацию страны и усилить борьбу с коррупцией.

Не случайно эти три масштабных проекта совпали по времени своей реализации. В условиях резкого технологического прогресса, который охватывает все сферы жизнедеятельности человека, меняются формы взаимодействия между властью и обществом. В ситуации тотальной информатизации возрастает запрос со стороны граждан принимать более активное участие в политической жизни страны. Чтобы достичь эффективности в общей системе управления, государству необходимо осуществить реформирование всех вышеуказанных направлений.

Важным шагом на пути цифровизации Киргизии является доведение начатых реформ до своего логического завершения, особенно это касается административно-территориального деления республики. Только в случае организации эффективного управления на всех уровнях возможно успешно цифровизировать республику, что положительно отразится на всех аспектах жизнедеятельности общества.

Сегодня идёт активная работа над поиском оптимальной модели АТУ Киргизии в соответствии с Указом Президента КР от 2018 г. Так, в сентябре 2019 г. было организовано заседание рабочей группы по реализации «дорожной карты» поэтапного проведения реформы административно-территориального устройства КР, инициированной распоряжением премьер-министра КР от 5 июля 2019 г. № 370 [2]. На заседании было отмечено, что первоочередным объектом внимания является реформа

системы государственного управления, фундаментом для проведения которой станет новая модель АТД Киргизии.

Безусловно, грамотное административно-территориальное устройство республики будет содействовать эффективному социально-экономическому развитию и являться показателем качества государственного управления. Кроме того, новая реформа АТУ должна включать принцип выборности руководителей районов. Это позволит территориальным единицам не только выйти на желаемый уровень самостоятельности, но и даст возможность приходить во власть людям, которые лучше знакомы с особенностями того или иного района.

Для успешного проведения реформы АТУ требуется разработка пошагового законодательного алгоритма. Успеха можно ожидать лишь в том случае, когда в процессе реорганизации будут последовательно выполняться все запланированные процедуры. До проведения всех законодательно закреплённых процедур необходимо разработать программы развития укрупнённых территориальных единиц с целью их нормального функционирования.

На пути проведения реформы АТУ стоит серьёзная проблема, глубоко укоренившаяся в органах государственного управления Киргизии. Речь идёт о коррупции, борьба с которой требует системных и беспристрастных усилий. В последнее время в антикоррупционной политике Киргизии заметны относительные достижения. Так, в рейтинге Transparency International в 2019 г. Киргизия расположилась на 126 месте из 180, тогда как в 2018 г. страна занимала 136 место [4]. Тем не менее, коррупция продолжает процветать в Киргизии, и вероятность её полного искоренения равна нулю. Одним их главных факторов, обусловивших широкий размах коррупции в Киргизии, связан с традиционными особенностями кыргызского общества. По большей части на государственную службу попадают люди не по заслугам, а в результате родственных связей с представителями органов власти. В кыргызском обществе доминируют традиционные модели управления, основанные на принципах клановости и регионализма. Например, ещё в 2012 г. на обсуждение в кыргызский парламент (Жогорку Кенеш) был вынесен законопроект «О раскрытии родственных связей», который так и не был принят. Среди других факторов можно выделить отсутствие сильной законодательной базы антикоррупционной политики и низкие зарплаты чиновников, которые по этой причине склонны злоупотреблять своими полномочиями в целях личного обогащения. Ещё премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю отмечал, что одним из лучших инструментов борьбы с коррупцией является повышение заработной платы чиновникам.

По его словам, у государства есть выбор: платить политическим лидерам высокие зарплаты, которых они заслуживают — и получить чистое правительство, или недоплачивать им — и получить коррупцию, «недуг третьего мира» [1, с. 57].

Ещё одним негативным фактором в вопросах регионального развития в Кыргызстане является проблема гендерного равенства. Как показывает практика, среди губернаторов, акимов и мэров в регионах КР нет ни одной женщины. В своё время экс-президент КР Р. Отунбаева акцентировала внимание на том, что в органах местного самоуправления необходимо 30% мандатов сохранить для женщин [17]. Проблемы гендерного равенства не дают возможности женщинам проявить свои управленческие качества и найти нестандартные решения на уровне регионов.

На протяжении всего периода независимости в Киргизии неоднократно предпринимались попытки выйти на эффективные принципы административно-территориального устройства, однако мотивация на пути к достижению наметившихся реформ постепенно угасала. Основная проблема в этом вопросе — это отсутствие политической воли для проведения кардинальных изменений. Кроме того, сдерживающим фактором на пути проведения любых реформ в Киргизии является проблема административной бюрократии. По мнению киргизского политика З. Курманова, в Киргизии «с момента обретения государственной независимости безраздельно правит конформистская бюрократия, вышедшая из недр советско-партийной номенклатуры» [7]. Ещё М. Вебер подчёркивал, какую реальную угрозу несёт бюрократическая машина развитию демократии. Обуздать чрезмерную бюрократизацию может харизматический политический лидер, обладающий способностями предлагать новые пути решения существующих общественно-политических проблем. Именно сильный и волевой политический лидер способен осуществить радикальные преобразования.

Думается, что одна только новая модель административно-территориального устройства республики не станет панацеей от всех проблем, связанных с поиском эффективных управленческих технологий и равномерным развитием регионов. На протяжении последних двух лет, начиная с 2018 г., власти республики в рамках Года развития регионов сосредоточили усилия на выравнивании регионов посредством повышения их экономического потенциала и развития инфраструктуры. Однако это небольшой временной период, который позволяет лишь сориентироваться, что и как необходимо преобразовать. Понадобится ещё минимум 10—15 лет, чтобы достичь желаемого баланса в региональном развитии Киргизии при условии, что эта проблема неизменно будет приоритетной в политической повестке дня.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Астафьев Е.М. Борьба с коррупцией в Сингапуре: стратегия и практика // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С. 52—59.
2. В Бишкеке презентован проект модели административно-территориального устройства КР. URL: http://kabar.kg/news/v-bishkeke-prezentovan-proekt-modeli-administrativno-territorial-nogo-ustroistva-kr/ (дата обращения: 12.04.2020).
3. Заяц Д.В. Изменение административно-территориального деления союзных республик. URL: https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200102809 (дата обращения: 12.04.2020).
4. Индекс восприятия коррупции-2019: Кыргызстан улучшился на один балл. URL: https://www.transparency.kg/news/2/35.html (дата обращения: 18.04.2020).
5. Карашев А.А., Тарбинский О.С. Современное состояние местного самоуправления в Кыргызской Республике. Бишкек, 2002. 147 с.
6. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1/10?cl=ru-ru#16 (дата обращения: 18.04.2020).
7. Курманов З. Главная проблема Кыргызстана — отсутствие эффективного управления. URL: https://center.kg/article/55 (дата обращения: 22.04.2020).
8. Лексин И. Системные основания преобразований территориального устройства государства и оценка аргументов «от экономики» // Российский экономический журнал. 2003. № 4. С. 61—79.
9. Мамбеткулов А.Ш., Кошойбек А. Этапы реформ управления в Кыргызской Республике. URL: http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/UAMAMBETKULOV2012-1.pdf (дата обращения: 12.04.2020).
10. О Концепции административно-территориальной реформы в Кыргызской Республике от 23 марта 2012 года № 198. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/92981/10?cl=ru-ru (дата обращения: 12.04.2020).
11. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 15 марта 1996 г. № 109. URL: https://online.zakon.kz/Document/%5C?doc_id=30215552 (дата обращения: 22.04.2020).
12. Программа социально-экономического развития Баткенской области на период 2000—2005 гг. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/7572 (дата обращения: 18.04.2020).
13. Проект административно-территориального реформы в Кыргызстане. URL: http://inec.kg/proekt-administrativno-territorialnogo-reformy-v-kyrgyzstane/ (дата обращения: 22.04.2020).
14. Реформу административно-территориального устройства проведут в Кыргызстане. URL: https://forbes.kz/news/2018/09/24/newsid_182451 (дата обращения: 22.04.2020).
15. Указ «О концептуальных подходах к реорганизации системы административно-территориального устройства в Кыргызской Республике» от 4 июля 2007 г. УП № 333. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4626?cl=ru-ru(дата обращения: 12.04.2020).
16. Шадыбеков К.Б. Административно-территориальная реформа в КР: концептуально-правовые подходы реформирования // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Право. 2018. № 4. С. 55—66.
17. Экс-президент Кыргызстана: «Таких тёмных времён не было — все руководящие посты занимают мужчины». URL: https://www.currenttime.tv/a/29807175.html (дата обращения: 22.04.2020).

УДК 947.084.8(571.6)“1990/1993”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10004

РАСПАД СССР И НОВАЯ ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ: 1990—1993 гг. (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)

Светлана Геннадьевна Коваленко,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: ostina@list.ru

В статье анализируются события начала 1990-х гг., когда менялась система властных отношений в России. Доказывается, что радикальные политические, управленческие, экономические преобразования, которые впоследствии будут названы реформами либерального толка, фактически были заложены ещё до распада СССР. Это произошло не в последнюю очередь потому, что Б.Н. Ельцин в своей борьбе за власть использовал стремление к самостоятельности не только элит союзных республик, но и региональных элит. Политика первого президента РСФСР выстраивалась таким образом, что из всех акторов политического процесса на Дальнем Востоке — Советов, органов местного самоуправления, политических партий, региональных лидеров — он поддержал именно последних. Это привело к тому, что демократический процесс на Дальнем Востоке был фактически прекращён к 1993 г.
Ключевые слова: элита, региональная элита, распад СССР, дальневосточные лидеры, Дальний Восток России.

THE COLLAPSE OF THE USSR AND THE NEW VERTICAL OF POWER: 1990—1993 (THE CASE OF THE RUSSIAN FAR EAST)

Svetlana Kovalenko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: ostina@list.ru

The article analyzes the events of the early 1990s, when the system of power relations in Russia was changing. It is proved that radical political, managerial, and economic transformations, which will later be called liberal-leaning reforms, were actually initiated before the collapse of the USSR. This happened not least because Boris Yeltsin in his struggle for power used the desire for independence

not only of the elites of the Union republics, but also of regional elites. The policy of the first President of the RSFSR was built in such a way that of all the actors in the political process in the Far East — Councils, local governments, political parties, regional leaders — he supported the latter. This led to the fact that the democratic process in the Far East was virtually terminated by 1993.
Keywords: elite, regional elite, collapse of the USSR, leaders of regions, the Far East.

Исследовательский интерес к событиям начала 1990-х гг. и распаду СССР переживает в настоящее время второе рождение. Очевидно, что не только представителей гуманитарных наук волнует данная проблема. Это, в первую очередь, объясняется тем, что на современном этапе общественного дискурса, в котором участвуют представители различных научных, политических и электоральных сил, нет ответа на ключевые вопросы, волнующие всё население страны. Российское общество, возможно, никогда не будет готово принять этот факт просто как данность. До сих пор ярко выраженные диаметрально противоположные точки зрения превалируют как в серьёзных научных статьях, так и в телевизионных передачах и частных беседах «на кухне».

Исторический опыт свидетельствует о том, что основная роль в трансформации общества принадлежит элитам. Остальная часть общества, как правило, выполняет в болезненных процессах изменения государственного строя роль ведомого. Это происходит вовсе не потому, что к элите относится самая активная, профессионально подготовленная и компетентная часть общества. Всё вышесказанное компенсируется доступом к властным ресурсам, при этом наличие упомянутых качеств вовсе не является обязательным.

Роль региональных элит в процессе распада СССР проанализирована рядом исследователей [5; 6; 11; 15]. Хотя, безусловно, потеря интереса со стороны политиков к союзному договору в 1980-х гг. нарастала. Не менее значимым является вопрос о том, что же происходило на уровне Российской Федерации и регионов, какова роль российского руководства и элиты в этих процессах? Ответить на него помогает анализ политической деятельности Б.Н. Ельцина и реакции на неё региональных элит.

6 августа 1990 г. глава Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин, выступая в Казани, произнёс хрестоматийную фразу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Позже он повторил её в Уфе. Призыв к большей суверенизации стал выгодным политическим ходом в борьбе

с федеральным центром. Им воспользовались как национальные, так и региональные элиты. Вторая часть цитаты: «Но вы находитесь в центре России — и об этом нужно подумать», — была фактически ими проигнорирована [19].

Призыв Ельцина «взять суверенитет» был подхвачен руководствами автономий, а политические противники первого президента РФ не без основания поспешили обвинить его в попытках развалить РСФСР и СССР. В 1990 г. М.С. Горбачёв и его окружение с серьёзными опасениями и тревогой за своё будущее и будущее страны наблюдали за ростом авторитета и влияния Ельцина как лидера новой России, стремились ослабить его укрепляющиеся политические и управленческие позиции. Один из сценариев предусматривал развал единой системы государственной власти в РСФСР и делегирование всех полномочий союзному центру во главе с коммунистической партией. В этом сценарии роль Ельцина, российского руководства сводилась бы к минимуму. 26 апреля 1990 г. в СССР был принят закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации» [12], который уравнял в правах автономные и союзные республики.

Такой шаг закономерно был воспринят Ельциным и его соратниками как покушение на свои полномочия, поскольку 16 автономий становились независимыми от РСФСР. То есть в рамках «обновлённого» Советского Союза РСФСР имела бы такие же статус и права, как Татария, Башкирия, Якутия, Калмыкия, Мордовия и ещё 11 автономий. Сама Россия утратила бы свой статус «старшей сестры республик». Однако при сохранении федерального центра это казалось Горбачёву малосущественным. Именно поэтому Ельцин и предложил автономиям компромисс — берите суверенитета, сколько считаете возможным, но оставайтесь в составе РСФСР, а не в составе обновлённого Союза.

Нет ничего удивительного в том, что республики в составе России охотно пошли по пути обновления своей государственности. С августа по октябрь 1990 г. происходит «парад суверенитетов» автономных республик. Принята декларация о государственном суверенитете Карельской АССР (9.08.1990), провозглашён государственный суверенитет автономных ССР — Коми (11.10.1990), Татарской (31.08.1990), Удмуртской и Якутской-Саха (27.09.1990), Башкирской (11.10.1990), Калмыцкой (19.10.1990), Марийской (22.10.1990), Чувашской (24.10.1990), Бурятской (07.10.1990), автономных областей — Адыгейской (05.10.1990, с провозглашением АССР), Горно-Алтайской (25.10.1990, АССР), автономных округов — Чукотского (05.10.1990), Ямало-Ненецкого (17.10.1990) [7].

Это привело к тому, что когда в апреле 1991 г. в процессе работы над новым союзным договором Горбачёв как президент СССР встретился

с лидерами 9 республик, то в «Совместном заявлении о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса» уже отсутствовало само понятие СССР, республики должны были стать суверенными государствами.

Противостояние между руководством СССР и РСФСР нарастало. 17 марта 1991 г. состоялись союзный и российский референдумы. Вопрос союзного референдума был сформулирован так: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» На российский референдум был вынесен вопрос: «Считаете ли Вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?» Большинство россиян, принявших участие в голосовании (69,85%), высказались за введение поста Президента РСФСР. В Приморском крае это предложение поддержали 69,42%, Хабаровском крае — 70,09%, в областях Амурской — 56,66%, Камчатской — 71,65%, Магаданской — 73,81%, Сахалинской — 71,58%, Еврейской автономной (ЕАО) — 63,15%, в автономных округах Корякском — 69,52% и Чукотском — 73,24% [14, с. 57, 61, 63, 65, 95, 97, 113, 115, 138, 151].

12 июня 1991 г. состоялись выборы первого Президента РСФСР. Эта избирательная кампания характеризовалась повышенной активностью всех политических сил страны. Было зарегистрировано шесть кандидатов: В.В. Бакатин, Б.Н. Ельцин, В.В. Жириновский, А.М. Макашов, Н.И. Рыжков, А.М. Тулеев. Победил Ельцин, за которого проголосовало 57,3% избирателей. По дальневосточным территориям он собрал следующее количество голосов: Приморский край — 61,45%, Камчатская область — 60,18%, Хабаровский край — 59,75%, Чукотский АО — 57,66%, Сахалинская область — 54,91%, Магаданская область — 50,43%, Еврейская АО — 42,89%, Корякский АО — 42,60%, Амурская область — 37,72% [14, с. 57, 61, 63, 65, 95, 97, 113, 115, 138, 151].

В целом 77,85% россиян высказались за сохранение Союза. Но это уже ни на что не повлияло. В результате план Ельцина сработал, и процессы суверенизации уже невозможно было остановить. Формально вопрос о полной государственной независимости и выходе из состава РСФСР не ставился, отношения с федеральным центром предполагалось урегулировать путём заключения с ним договоров в дальнейшем. Однако де-факто эта проблема существовала вплоть до 2000 г. На уровне региона все управленцы надеялись на большую самостоятельность и, как следствие, динамика отношений «Центр — регионы» оказала большое влияние на социально-экономические процессы в регионах, в том числе и на приватизацию.

На Дальнем Востоке процесс трансформации государственной власти и элиты проходил в русле общероссийских тенденций, но имел свои особенности, обусловленные положением региона в России и его социально-экономическими реалиями. По мнению одного из представителей элиты, который в 1991—1993 гг. работал в системе исполнительной власти в Хабаровском крае, «...мы воспринимались Ельциным и его командой как периферийный регион в составе России. Вопрос к нам центральной власти был очевиден: что вы хотите от центра? Вы всё должны делать сами, всё у вас для этого есть. Советы практически с 1991 г. начали уступать свои полномочия исполнительной власти. Все процессы во власти в это время двигались в этом направлении. Главное — будем за президента и не создаём проблем» [10].

Ельцин и его окружение прекрасно понимали, с чем им придётся столкнуться на новом витке уже Российской государственности. Толчок изменениям дали процессы распада СССР. На Дальнем Востоке самостоятельными субъектами Федерации стали Чукотский автономный округ, вышедший из состава Магаданской области в 1992 г. (Закон РФ № 3056-1) [8], и Еврейская АО, выделенная из состава Хабаровского края в 1991 г. [1, с. 64—65].

При этом Еврейская АО оказалась в странном положении. Как отмечал в 2005 г. спикер законодательного собрания этой территории А.Ф. Тихомиров, после отмены в 1993 г. закона «О Еврейской автономной области» (1981) «нового закона о статусе ЕАО с тех пор никто не принимал, а из пяти автономных областей, существовавших в советское время на территории РСФСР, осталась только одна — Еврейская (четыре других получили статус республик в составе РФ)... Непонятно, от кого она автономна, ведь все пять прежних автономий находились в составе других, более крупных субъектов федерации». Этот вопрос впервые был поставлен на федеральном уровне ещё в 1992 г. и с тех пор не раз поднимался как депутатами Госдумы РФ, так и парламентариями ЕАО. Но из-за юридических сложностей проблему решить не удавалось [16].

Новое руководство страны осознавало сложность ситуации. Картина региональной России в результате дальнейшего «парада суверенитетов» была чревата большими проблемами и угрожала целостности уже нового государства. Риторика «свободы от центра» могла превратиться в политическую стратегию. Руководители краёв и областей, по-прежнему формально являясь частью аппарата государственного управления, становятся, прежде всего, представителями региональных интересов, а не проводниками политики Центра в регионах. По мнению одного из управленцев, который в 1990-е гг. проработал в трёх субъектах Дальнего Востока, особую активность в направлении «...самостоятельности и независимости проявляло Приморье... Губернатор Е.И. Наздратенко очень щедро раздавал

обещания народу о независимости. В крае творилось не понять что, а разговоры о Дальневосточной республике велись активно. Причём он на моей памяти больше всех губернаторов в Москву летал. По другим проблемам края ему удавалось договариваться через раз. А вот выбивать для себя различные блага на фоне разговоров о независимости очень даже удавалось. Другие губернаторы (Амурской области и Хабаровского края) не очень-то самостоятельностью манкировали» [10].

Именно поэтому с момента укрепления своих позиций Ельцин начал политику укрепления властной вертикали страны. Легитимным и наиболее сильным политическим противником власти в новых условиях автоматически становился Верховный Совет. Конфликт между ними был предопределён. После распада СССР необходимо было структурировать все уровни властной вертикали. В особенности это касалось элиты, как федеральной, так и региональной. Было начато формирование законодательной базы, которая определяла роли всех уровней управления в новых условиях.

Одним из первых действий Ельцина по укреплению властных институтов было подписание указа № 13 от 19.07.1991 г. «Об администрации Президента РСФСР»[18]. Эта структура была призвана заменить разветвлённый и могущественный партийный аппарат. Контроль над всеми органами власти, включая КГБ СССР, МВД СССР, передавался непосредственно Президенту РСФСР. Кроме того, Верховный Совет РСФСР предоставил Президенту исключительное право назначать на должность глав администраций, которые наделялись всей полнотой власти в регионе. Съезду народных депутатов запрещалось принимать решения о проведении выборов в представительных и исполнительных органах власти на всех уровнях до 1 декабря 1992 г. В субъектах федерации кадровый вопрос решался сложнее. Воспользовавшись широкими полномочиями, Ельцин во всех регионах провёл череду назначений глав администрации.

До конца 1991 г. он утвердил таковыми в Приморском крае В.С. Кузнецова, в Хабаровском — В.И. Ишаева, в областях: Амурской — А.А. Кривенко, Камчатской — В.А. Бирюкова, Магаданской — В.Г. Михайлова, Сахалинской — В.П. Федотова, Еврейской автономной — Н.М. Волкова, в Корякском АО — С.Г. Леушкина, в Чукотском АО — А.В. Назарова. Было предсказуемо, что президент назначал глав администраций, учитывая мнение Советов, но ориентируясь, прежде всего, на абсолютную лояльность собственной персоне.

В новых условиях исполнительная власть фактически осталась единственной формой власти, способной на реальные действия. Её исключительное положение существовало и в СССР. Но после 1991 г. это явление приобрело ещё бóльшие масштабы. Противоречие между властью и обществом

заключалось в том, что общество ждало от неё активных действий на благо всем, однако этого не происходило. Более того, процесс «обмена власти на деньги» только начинался и сопровождался серьёзными социальными аномалиями, на которые общество фактически не могло повлиять. Ещё до официально прозвучавшей в 1993 г. фразы Ельцина «Советы и демократия несовместимы» такой курс начал активно реализовываться. Речь, помимо выстраивания властной вертикали, шла о двух базово важных для новой власти устремлениях: во-первых, избавиться от идеологического и демократического контроля и, во-вторых, устранить конкурентов в ходе приватизации [9].

Между депутатским корпусом и главами администраций с самого начала были напряжённые отношения. Депутаты, как правило, негативно оценивали губернаторов, считали их ответственными за сложную обстановку в регионах. Этот процесс сопровождался аппаратными играми. Об их механизме высказывался приморский депутат Н.Н. Дубинин (1993), считавший, что Е.И. Наздратенко слишком активно рвался на пост главы администрации Приморского края. Депутаты ещё более активно поддержали кандидатуру В.С. Кузнецова. Они написали письмо Ельцину, и неофициально край посетил его представитель, который в тот момент согласился с их мнением [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1404. С. 95—96].

На уровне регионов эти события восприняли чрезвычайно болезненно. Так, один из депутатов краевого совета Приморья очень откровенно сказал: «Стало понятно, что всё, что было, уже разрушено, а лучшего не будет ещё долго. Ну, избрали мы Кузнецова в 1991 г. главой администрации Приморского края. После того, как в 1990-м он избран был председателем исполкома Приморского совета народных депутатов. Думали, работать будет. Вроде, человек приличный. С одной стороны, и не ортодокс, с другой — и не оголтелый демократ. Но ничем не хотел заниматься, кроме внешнеэкономических связей, хозяйство всё летело в тартарары. Можно было как-то смягчить многие вещи. А после разгона советов получается, вообще идеологии нет окончательно, ведь народ нас избирал, и мы были легитимной властью, влияния на власть нет. Без обратной связи каждый может делать, что хочет. Так хоть мы на сессиях губернатора долбали, а так вообще никто из власти народу ничего не должен» [10].

Похожую позицию продемонстрировал респондент из ближайшего окружения В.И. Ишаева (Хабаровский край): «После окончательного разгона советов (1993) я принципиально к Ишаеву на работу попросился… Я понимал, что он коммунистических взглядов, и хотя уже настало новое время, всё-таки у нас в Хабаровском крае могло быть всё гораздо хуже. Фактически команда губернатора всё решила» [10].

Долгое противостояние завершилось окончательным разрушением идеологической и политической системы СССР. Как известно, в конце сентября — начале октября 1993 г. Ельцин разогнал съезд народных депутатов и Верховный совет СССР, сосредоточив всю полноту власти в своих руках [12].

В новых условиях после прекращения деятельности советов народных депутатов в дальневосточном регионе ещё больше возрастает роль исполнительной власти, и фигуры глав администраций и губернаторов начинают играть ключевую роль.

Однако формирование законодательных органов было также необходимо новой власти. В регионе этот процесс протекал в условиях острой общественной борьбы. В Приморье 28 октября 1993 г. по требованию сторонников главы администрации должна была состояться внеочередная сессия краевого Совета. Так как на сессии не было кворума (большинство депутатов её осознанно проигнорировали), Е.И. Наздратенко зачитал текст постановления о прекращении полномочий краевого совета, функции которого переходили к краевой администрации. В связи с этим процесс формирования законодательного органа с самого начала находился в ведении администрации. 18 января 1994 г. было издано постановление «Об утверждении нормативных документов по выборам в представительный орган государственной власти Приморского края и органы местного самоуправления». Выборы назначались на 27 марта 1994 г. [3, с. 111; 4, с. 25—30].

В Хабаровске на последней сессии краевого Совета народных депутатов был объявлен самороспуск этого органа. В Амурской области 20 октября 1993 г. постановлением исполняющего обязанности главы администрации Амурской области № 442 деятельность областного Совета была приостановлена. Формирование нового представительного органа перешло к исполнительной власти области. На Камчатке так же, как и в Приморье, в день обсуждения данного вопроса отсутствовал кворум. Предложение председателя Совета П.Г. Пермяка о том, чтобы проголосовать за самороспуск, не встретило поддержки. В этой ситуации глава областной администрации В.А. Бирюков объявил о роспуске облсовета [3, с. 104].

В Магаданской области 11 октября 1993 г. на заседании малого Совета глава администрации В.Г. Михайлов заявил, что поскольку областной Совет в период кризиса оказал поддержку Верховному Совету РФ, то он должен принять решение о самороспуске. Однако председатель Совета В.И. Гончаров подчеркнул, что в документах малого Совета речь шла только о неконституционности указа президента. 19 октября на очередной сессии глава администрации вновь озвучил предложение о самороспуске, и вновь оно были отвергнуто. Малый Совет готовил документы для создания будущего органа законодательной власти. Однако на очередной сессии 11 января 1994 г.

глава администрации известил депутатов, что подписал постановление о прекращении полномочий областного Совета с 12 января. Подобная ситуация повторилась и на Сахалине, и в ЕАО, и на Чукотке [3, с. 105].

Таким образом, политическое поле (в трактовке П. Бурдье [2, с. 14—48]) в региональном измерении к концу 1993 г. представляло собой пространство законодательно заданных, но ещё не до конца оформленных институтов. На уровне федерации был закреплён приоритет президента над парламентом: новое Федеральное Собрание имело подчинённый статус. На уровне взаимоотношений Центра и регионов местное самоуправление было отнесено к сфере совместной компетенции (72 ст. Конституции РФ). Однако в сложившихся условиях ведущие фигуры в регионе понимали, что лояльность к центральной власти в обмен на невмешательство в дела региона остаётся ведущим трендом политических отношений на долгие годы.

Вопреки расхожему мнению, выстраивание властной вертикали в России и то, что впоследствии будет названо «российским вариантом либерализма», началось с того времени, когда к власти в РСФСР пришёл Б.Н. Ельцин. Более того, борьба между ним и М.С. Горбачёвым, первым президентом СССР, фактически предопределила развитие событий.

В социальных системах управление — это, прежде всего, сознательная деятельность преследующих свои цели людей. Управляющая и управляемая подсистемы выступают в обществе соответственно как субъект и объект управления. Деление социальной системы на субъект и объект осуществляется по критерию принятия управленческого решения. То есть социальные группы, которые организуют процессы управления и имеют право принимать управленческие решения, относятся к субъекту управления. Наоборот, те группы населения, которые практически не участвуют в процессе принятия решений, имеют признаки объекта управления.

Во второй группе оказалось всё население Дальнего Востока. События сентября-декабря 1993 г. (от разгона парламента до принятия Конституции) привели к ещё большему укреплению позиций президента РФ и определённой трансформации во властной системе. Конституция 1993 г. ожидаемо для всех политических сил и общества упрочила позиции президента. Кроме фактически всей полноты исполнительной власти, в руках Ельцина оказались сосредоточены и законодательные инициативы. Так, он получил право «вето» по отношению к решениям Федерального Собрания. Для его преодоления необходимо было набрать не менее двух третей голосов от общего числа сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы (Конституция РФ ст. 107), а это в реалиях тех лет фактически не могло быть осуществлено. Президент получал также право роспуска Госдумы, если она трижды отклоняла предложенную им кандидатуру

премьер-министра. В целом российская модель серьёзно отличалась от других стран с прерогативой президентского правления.

На уровень региона было передано значительное число законодательных и исполнительных полномочий. Дальневосточные управленцы оценивали место региона в управленческой вертикали «...не де-юре, а де-факто. Слов-то много было сказано красивых, но толку от них народу не было» [10].

По мнению местных управленцев, «...проблема была не в полномочиях, и даже не в налогах, которые все 1990-е гг. собирали в регионе не больше 50—60% от требуемой Москвой суммы. Самым главным была система, при которой контакт или конфликт с лидерами регионов был более важен, чем сама система власти, причём на всех уровнях... В Республике Саха сразу договорились о правилах игры, в Хабаровском крае Ишаев в силу характера тоже соблюдал все договорённости, при этом Ельцин с ним считался. В Амурской области слишком часто губернаторы менялись, поэтому всегда она была на периферии мысли и действий политических, надо — снимем этого человека, надо — поставим другого. Камчатка, Сахалин: ну, тут нефть и рыба, с ними считались. Магаданская область не слишком-то и интересовала центр, далеко, холодно и золото дорогое. Приморье бузило, но Наздратенко никто не снял, потому что в политике и публичных выступлениях он отстаивал интересы своего региона, а по экономическим вопросам у него с Ельциным никогда не было никаких разногласий, как и с Чубайсом» [10].

На основе такой схемы и формировалась вся палитра отношений между Москвой и Дальним Востоком. Полномочий у Ельцина было в разы больше, чем у лидеров других стран с президентской моделью управления. На уровне взаимоотношений Центр-регион приоритетным стал принцип «лояльность в обмен на невмешательство», или «переговорный федерализм» [13, с. 88—108].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Административно-территориальное устройство Еврейской автономной области. 1858—2003. Хабаровск: РИОТИП, 2004. 352 с.
2. Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
3. Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х гг. XX в. — начало XXI в.). 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. 292 с.
4. Буянов Е.В. Политическая элита Дальнего Востока (1980—1990-е гг.). Благовещенск, 2002. 60 с.

5. Ващук А.С. Центр — регион: Дальневосточный регионализм // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 57—64.
6. Ващук А.С. Международный круглый стол «Российская идентичность»: дискуссии в региональном пространстве Дальнего Востока // Россия и АТР. 2019. № 2. С. 84—190.
7. Закон РСФСР от 3.06.1991 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР в связи с преобразованием автономных областей в Советские Социалистические Республики в составе РСФСР». URL: rulaws.ru.laws. Zakon-RF-ot-17.06.1999 (дата обращения: 20.02.2020).
8. Закон РФ от 17.06.1992 N 3056-1 «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав РФ». URL: rulaws.ru.laws.Zakon-RF-ot-17.06.1999 (дата обращения: 20.02.2020).
9. Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается // Власть. 1996. № 1. С. 54—176.
10. Личный архив С.Г. Коваленко. Интервью № 45, № 78 от 05.07. 2016. Хабаровск.
11. Мохов В.П. Восстание элит в распаде СССР // Исторические науки и археология. 2015. № 11 (61). Ч. 2. С. 146—149.
12. Официальный сайт проекта «СССР: Хронология распада». URL: www.gorby.ru/ссср/people_voice/1989-1990 (дата обращения: 12.01.2019).
13. Полищук Л.И. Российская модель «переговорного федерализма»: политико-экономический анализ // Политика и экономика в региональном измерении: сб. учуб. материалов / отв. ред. В. Климанов, Н. Зубаревич. М., СПб.: Летний сад, 2000. С. 88—108.
14. Российские регионы накануне выборов — 95. М.: Юридич. лит-ра, 1995. 183 с.
15. Савченко А.Е. Дальний Восток конца XX — начала XXI в. как зеркало системных проблем Российского государства // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 8—30.
16. Скляров С. Еврейской автономной области надоело быть автономной // Коммерсантъ (Хабаровск). 2005. № 58. 2 апр. URL: https://www.kommersant.ru/doc/559833 (дата обращения: 20.03.2020).
17. Тарасов А.Н. Провокация. Версия событий 3—4 октября 1993 г. в Москве. М, 1993. URL: www.saint-juste.narod.ru (дата обращения: 12.03.2020).
18. Указ Президента РСФСР «Об Администрации Президента РСФСР»: утв. указом Президента РСФСР от 19.07.1991 г. № 13. URL: http://www.zonazakona.ru/law/ukaz/9589 (дата обращения: 01.02.2020).
19. Шугаев Г. Четверть века назад России могло не стать. URL: https://rusplt.ru/society/raspad-sssr-rossiya-istoriya (дата обращения: 2.02.2019).
20. ГАПК (Гос. архив Приморского края).

УДК 332.14(470+571)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10005

ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Евгений Флорентьевич Троицкий,
доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск.
E-mail: eft@rambler.ru

Екатерина Алексеевна Кирилова,
студент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск.
E-mail: iam_kea@mail.ru

В статье рассматривается история становления региональной политики в постсоветской России на протяжении 30 лет. Авторами были проанализированы предпосылки, условия и факторы её реализации и развития. Выделено пять этапов эволюции, каждый из которых характеризуется своей спецификой. Дано подробное описание созданных и используемых федеральным центром инструментов, способствовавших и способствующих до сих пор реализации региональной политики в отношении субъектов РФ. На основании структурно-диахронного метода были изучены сущностно-временные изменения региональной политики до прихода к власти президента В.В. Путина и после. При помощи причинно-следственного метода объясняются исторические процессы в области регионального развития. В заключении сделаны выводы о состоянии региональной политики РФ в настоящее время и о важности совершенствования и улучшения механизмов её проведения федеральным центром, действующим совместно с региональными администрациями.
Ключевые слова: региональная политика, федеральный центр, региональное развитие, регион, инструменты региональной политики.

EVOLUTION OF THE RUSSIA FEDERATION'S REGIONAL POLICY IN THE LATE 20th — EARLY 21st CENTURY

Evgeny Troitsky, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.
E-mail: eft@rambler.ru.
Ekaterina Kirilova, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.
E-mail: iam_kea@mai.ru.

The article deals with the history of the regional policy formation in post-Soviet Russia for 30 years. The authors analyzed the prerequisites, conditions and factors of its implementation and development. There are five stages of evolution, each of which is characterized by its own specifics. A detailed description of the tools created and used by the federal center that have contributed to and still contribute to the implementation of the regional policy in relation to the subjects of Russia is given. Based on the structural-diachronic method, the essential and temporary changes in the regional policy before and after the coming to power of the president V.V. Putin were studied. The historical processes in the field of the regional development are explained using the cause-and-effect method. In conclusion, derivations about the current state of the Russian Federation's regional policy and the importance of improving the mechanisms for its implementation by the federal center acting jointly with the regional administrations were made.
Keywords: regional policy, federal center, regional development, region, tools of the regional policy.

Для управления такой большой страной как Россия федеральный центр должен руководствоваться определённой схемой или концепцией. Учитывая многонациональный состав, количество субъектов и масштабы территории, можно заключить, что одной стратегии будет недостаточно. В российских реалиях необходимо сделать так, чтобы вне зависимости от статуса субъекта, от наличия/отсутствия у него конкурентных преимуществ или выгодного географического положения происходило его эффективное развитие. Сделать это возможно путём проведения грамотной региональной политики, которая и будет предопределять развитие региона. Но существует ли в нашей стране то, что в мировой науке принято называть «региональной политикой»? И если да, в каком виде она представлена сейчас, спустя 30 лет после образования Российской Федерации? Цель статьи состоит в комплексном анализе предпосылок, условий и факторов становления и развития в РФ региональной политики.

В своей эволюции российская региональная политика прошла несколько этапов.

Первый этап начался с возникновения РФ как отдельного федеративного государства и продолжался до середины 1990-х гг. В этот период власти ставили задачу борьбы с дезинтеграцией и региональным сепаратизмом.

26 апреля 1990 г. в СССР был принят закон «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», который уравнял в правах автономные и союзные республики. Этот закон был воспринят Б.Н. Ельциным и его соратниками как покушение на территориальную целостность

России. Остро стоял вопрос о едином российском государстве — ведь оно просто могло перестать существовать. Поэтому Ельцин предложил автономиям РСФСР компромисс — берите суверенитета, сколько считаете возможным, но оставайтесь в составе страны. Это спровоцировало региональный дисбаланс и «развязало» регионам руки.

В некоторых субъектах России после распада СССР на почве неудачных экономических и политических преобразований усилились сепаратистские настроения. Однако президенту удалось убедить глав регионов подписать Федеративный договор. Он был заключён 31 марта 1992 г. между федеральным центром и тремя группами субъектов: республиками [15]; краями, областями, городами Москва и Санкт-Петербург [14]; автономной областью и автономными округами [13]. Чечено-Ингушская АССР и Татарстан не подписали договор, а Башкортостан подписал его с особым Приложением. Федеративный договор позволил достичь компромисса между Центром и регионами, сняв угрозу территориальной целостности страны.

В сложившейся ситуации экономическое развитие российских регионов характеризовалось появлением элементов автаркии. Субъекты принимали любые меры, способные сохранить целостность территории и не спровоцировать социальный взрыв. Поэтому регионы совместно с федеральным центром разрабатывали свои пути совершенствования государственной политики.

В результате было образовано 8 ассоциаций экономического взаимодействия регионов: «Центральная Россия» (1990), «Сибирское соглашение» (1990), «Дальний Восток и Забайкалье» (1990), «Черноземье» (1991), «Большая Волга» (1991), «Северо-Запад» (1991), «Северный Кавказ» (1992), «Большой Урал» (1993). Все ассоциации подписали соглашения о сотрудничестве с Правительством РФ и Федеральным Собранием [16]. Основной задачей экономических ассоциаций было решение социально-экономических вопросов и развитие подвластных территорий. Главным инструментом проведения региональной политики стало выделение бюджетных дотаций [16]. Но, несмотря на эти преобразования, первая половина 1990-х гг. в области регионального регулирования не принесла положительных результатов. Негативным фактором для формирования грамотной региональной политики в это время были политический и экономический кризисы, затронувшие все сферы жизни общества.

Второй этап продолжался вплоть до 2000 г. В этот период государство ставило основной целью выравнивание уровня развития регионов. За период с 1994 по 1999 гг. было заключено 50 внутрифедеральных договоров — двусторонних соглашений о разграничении предметов ведения и взаимном

делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и субъектом федерации. Целью их подписания стало возвращение в правовое поле республик, которые не подписали Федеративный договор.

В 1994 г. был образован Фонд финансовой поддержки регионов. Средства этого фонда, формируемые за счёт отчисления 22% доли НДС, должны были пойти на решение проблем в регионах. Чтобы определить, какую сумму следует направить субъекту, проводился расчёт душевого дохода регионального бюджета и среднедушевого бюджетного дохода всех регионов России. Регионы, в которых этот показатель составлял меньше половины от среднего по стране, получали финансовую поддержку фонда.

В этот период Правительство активно стало использовать федеральные целевые и президентские программы по развитию территорий (субъектов) или части территории (субъекта). Эти программы охватывали экологические, культурные, социальные и, конечно же, экономические преобразования. Также государство практиковало другие формы помощи отсталым и нуждающимся в поддержке регионам: передачу объектов федеральной собственности регионам, бюджетные вложения и инвестиции, содействие сокращению уровня безработицы, поддержку отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Важным шагом в реализации политики выравнивания субъектов стало принятие Федерального закона от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ [11]. Он положил начало формированию третьего уровня власти в стране — местного самоуправления. Часть полномочий, которые раньше принадлежали региональному центру, передавалась муниципалитету. Не везде это нововведение было воспринято положительно: в городах федерального значения полномочия муниципальных образований были в большинстве своём «декоративными» [3].

Стоит отметить, что усилия федерального центра по внесению изменений в региональное управление характеризовались рядом противоречий и недостатков. Не была создана единая нормативно-правовая база, которая бы закрепляла целостную региональную политику государства. Официальные документы, на основании которых осуществлялись действия региональных и местных администраций, зачастую противоречили требованиям федерального законодательства. Была предпринята попытка создать «Основные положения о региональной политике в Российской Федерации» [6], однако в документе были использованы лишь общие формулировки и при этом не разграничены полномочия органов государственной власти, не установлена структура субъектов, не сформулированы чётко задачи, цели и принципы реализации региональной политики [2].

В России было создано федеральное ведомство, задачей которого стала разработка концепции государственной региональной политики. Его название менялось семь раз, к работе было подключено большое количество министерств, комитетов и ведомств, но в итоге властные структуры так и не смогли прийти к единому мнению о проведении глобальных региональных изменений.

Второй этап протекал в более стабильных условиях, чем первый. Тем не менее, военная операция в Чечне, финансовый кризис 1998 г. оставили негативный след на региональном развитии.

Третий этап начался с приходом к власти президента В.В. Путина. Первым его указом в области регионального развития стало образование семи федеральных округов. Это должно было улучшить систему управления и стать эффективным звеном вертикали власти.

На первый взгляд может показаться, что новое правительство хотело усилить власть на местах, но это было не так. Третий виток в развитии региональной политики ознаменовался значительным усилением позиций федерального центра. Это выразилось в расторжении договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, заключённых между столицей и региональными центрами, происходило укрупнение регионов, которые полностью зависели от большого субъекта. Например, Таймырский и Эвенкийский АО вошли в состав Красноярского края, Корякский АО — в состав Камчатской области (в 2007 г. образован Камчатский край) и др. В результате количество субъектов сократилось с 89 до 83. После присоединения Республики Крым в 2014 г. количество АТЕ увеличилось до 85.

В это время был издан ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации» [12]: глава субъекта мог оставаться на своём посту либо занять место в СФ. Эта реформа значительно ограничила возможности губернаторов влиять на федеральное законодательство.

Осенью 2004 г. появился новый орган исполнительной власти, призванный решать социально-экономические проблемы регионов, — Министерство регионального развития РФ. Предметом его ведения стали вопросы разграничения полномочий между регионами и федеральным центром, развитие районов Крайнего Севера и Арктики, защита прав национальных меньшинств, коренных и малочисленных народов.

Большое внимание уделялось реализации Федеральных программ финансирования. Но, в отличие от двух предыдущих этапов, средства концентрировались на конкретных направлениях. В 2002 г. Фонд регионального развития посредством таких программ финансировал всего семь регионов — Дальний Восток, Забайкалье, республики Чечня и Татарстан,

Юг страны, Калининградскую область и Курильские острова [10]. Существенное улучшение в экономике и бюджетной системе страны расширили спектр возможностей Москвы по влиянию на региональное развитие.

В 2005 г. был образован Инвестиционный фонд. Он стал плацдармом для реализации приоритетных для государства и регионов инвестиционных программ. Отбор проектов осуществлялся исходя из их потенциального вклада в развитие территории региона и всех его отраслей, улучшения важнейших показателей социально-экономического развития. Российские государственные корпорации (Внешэкономбанк, ГК «Олимпстрой», «Ростехнологии», «Росатом» и др.) выступали в качестве кредитных организаций, предоставлявших заёмные средства для реализации проектов.

В период с 2000 по 2008 г. были сделаны успехи в региональном развитии, но все проблемы решить не удалось. Сохраняется высокая дифференциация регионов из-за концентрации ресурсов управления в руках столичных властей, регионы утратили стимулы к развитию с опорой на собственные силы.

Этап дифференцированного развития регионов — четвёртый — длился с 2008 по 2012 гг. Его характерной чертой стало закрепление роли регионов в экономике России. Центр проводил свою политику в двух направлениях — выравнивание и стимулирование. При этом параллельно шли два процесса: активизация муниципального образования и укрепление вертикали власти путём отмены прямых выборов губернаторов (в 2012 г. вернули прямые выборы главы субъекта с согласия региональной администрации), проведения муниципальной реформы. Основной её целью стало разграничение предметов ведения между органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Министерство регионального развития РФ в 2008 г. разработало Концепцию совершенствования региональной политики, которая предусматривала сокращение межрегиональной дифференциации и повышение уровня жизни населения [1]. Помимо федеральных целевых программ, новым источником финансирования для субъектов стала Федеральная адресная инвестиционная программа (ФАИП). ФАИП финансирует стройки и объекты для федеральных государственных нужд. Регионы фиксируют отсутствие или наличие на их территории подобного рода объектов, способных стать основой для удовлетворения федеральных государственных нужд, и после этого могут претендовать на часть финансирования ФАИП.

Пятый этап начался в 2013 г. Однако из-за обострения внешнеполитической обстановки и возникновения экономических трудностей региональная политика была задвинута на «второй план». Активно стали создаваться

стимулы для активизации собственных усилий региона. Поэтому в 2014 г. было ликвидировано Министерство регионального развития РФ: большую часть его полномочий разделили между Министерствами по делам Северного Кавказа, по развитию Дальнего Востока и Арктики и по делам Крыма [5]. Каждое из них отвечало за социально-экономическое развитие своего макрорегиона. Однако эти три министерства не переступали границы своих полномочий и не заботились о развитии других неподвластных им регионов. Сейчас ведущая роль в региональном развитии принадлежит Министерству экономического развития РФ, которое задачу проведения масштабной государственной региональной политики пока не выполняет, поскольку его действия направлены на развитие экономики как регионов, так и страны в целом. Но здесь важно помнить, что региональная политика — это не экономические преобразования.

15 июля 2015 г. Указом Президента РФ было упразднено Министерство по делам Крыма [7], а 21 января 2020 г. — Министерство по делам Северного Кавказа [9]. Их функции были переданы Министерству экономического развития.

Таким образом, история становления региональной политики нашей страны продолжается. Стоит отметить, что Россия продвинулась в решении организационных вопросов, создавая все возможные министерства и ведомства; прошла большой путь, используя различные принципы, программы и инструменты: что-то получилось, что-то нет. Сейчас в нашей стране действуют три территориальные структуры: федеральные округа, экономические районы и макрорегионы. При этом один субъект в каждой из структур может относиться к совершенно разным группам регионов.

В 2017 г. для решения задач социально-экономического развития субъектов РФ Указом Президента были утверждены «Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года» [8]. В документе обозначены принципы, цели, задачи и механизмы реализации государственной политики в области регионального развития, что является важным шагом в установлении диалога между субъектами и федеральным центром. «Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года» [4] стала инструментом проведения социально-экономических реформ и сокращения межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения.

С одной стороны, произошло укрепление целостности территории страны, оптимизация отношений между различными уровнями власти. С другой стороны, вопрос децентрализации, разграничения полномочий, бюджетный федерализм, ликвидация Министерства регионального развития РФ показывают наличие серьёзной проблемы — невозможности отделения

региональной политики от других «политик»: экономической и социальной. Есть опасение, что децентрализация властных полномочий может привести к бесконтрольным действиям со стороны местных администраций, однако политика «сверхцентрализации» и «ручного управления» может стать серьёзной проблемой для реализации региональной политики в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Государственная региональная политика: учеб. пособие / Н. Киселева, Н. Данченко, В. Браткова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. 159 с.
2. Государственно-территориальное устройство России: экономические и правовые основы / под ред. А. Гранберг, В. Кистанова. М.: Дека, 2003. 448 с.
3. Захаров А.В. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: Моск. школа полит. исследований, 2008. 144 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019) «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 15.04.2020).
5. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под. ред. А. Кузнецова, О. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.
6. Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 «Об основных положениях региональной политики в РФ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW _10590/ (дата обращения: 15.04.2020).
7. Указ Президента РФ от 15.07.2015 № 368 «Об упразднении Министерства РФ по делам Крыма и Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя». URL: http://www.consultant. ru/document /cons_doc_LAW_182853/ (дата обращения: 15.04.2020).
8. Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/ (дата обращения: 15.04.2020).
9. Указ Президента РФ от 15.05.2018 № 215 (ред. от 21.01.2020) «О структуре федеральных органов исполнительной власти». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_297953/942772dce30 cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 15.04.2020).
10. Управление региональной экономикой: учеб. пособие / А. Троцковский, Н. Чертов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 236 с.
11. Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». URL: http://www.consultant.ru/document /cons_ doc_LAW_7642/ (дата обращения: 15.04.2020).
12. Федеральный закон от 05.08.2000 № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_28087/ (дата обращения: 15.04.2020).

13. Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти автономной области, автономных округов в составе РФ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120322/ (дата обращения: 15.04.2020).
14. Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти краёв, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга РФ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW _120323/8fd6b7b0fe0924dd7be49b8dc3ea8255720ad458/ (дата обращения: 15.04.2020).
15. Федеративный договор от 31.03.1992 «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120324/8fd6 b7b0fe0924dd7be49b8dc3ea8255720ad458/ (дата обращения: 15.04.2020).
16. Христенко В.Б. Региональная экономическая политика: итоги 1990-х и задачи на перспективу // Вопр. экономики. 2002. № 2. С. 4—19.

УДК 342.552
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10006

МУНИЦИПАЛЬНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Юлия Раимжановна Попкова,
старший преподаватель, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.
E-mail: popkova.24@mail.ru

Анастасия Александровна Раитина,
консультант юридического управления Администрации города Хабаровска.
E-mail: gorovaya_ana1991@mail.ru

Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя России, форму осуществления народовластия. Однако реализация любой формы власти возможна только через принятие компетентными органами и исполнение всем обществом в целом нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения. Авторы выделяют проблемы органов местного самоуправления в области нормотворчества в России. К ним относятся низкая информированность о возможностях личного участия в реализации муниципального нормотворчества у населения муниципалитета, незаинтересованность органов местного самоуправления в привлечении населения в разработке местных актов, низкий уровень юридической грамотности у жителей муниципалитетов. В статье предлагаются пути их решения, например, произвести на федеральном уровне упрощение процедуры внесения проекта муниципального нормативного правового акта.
Ключевые слова: Россия, гражданская инициатива, муниципальное нормотворчество, местное самоуправление, гражданская активность.

MUNICIPAL RULEMAKING IN RUSSIA: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Yulia Popkova, Far Eastern state University of transport routes, Khabarovsk, Russia. E-mail:popkova.24@mail.ru.
Anastasia Raitina, Legal Department of a city administration of Khabarovsk, Russia. E-mail: gorovaya_ana1991@mail.ru.

Local self-government is one of the foundations of the constitutional system of Russia, a form of democracy. However, the implementation of any form of power is possible only through the adoption by the competent authorities and the implementation by the whole society of normative legal acts regulating public relations. The authors highlight the problems of local self-government bodies in the field of rule-making in Russia. These include low awareness of the possibilities of personal participation in the implementation of municipal rulemaking among the population of the municipality, disinterest of local governments in involving the population in the development of local acts, as well as a low level of legal literacy among residents of municipalities. The article suggests ways to solve them, for example, to simplify the procedure for submitting a draft municipal normative legal act at the Federal level.
Keywords: Russia, civic initiative, municipal rule-making, local self-government, civic activism

Задачи и цели государственной политики в сфере местного самоуправления не могут быть определены и соответственно не могут дать эффективный результат без выработки концепции, отражающей чёткое понимание природы местного самоуправления, его места и роли в механизме современного демократического государства. В научном плане есть различные взгляды на местное самоуправление, его природу. Но анализируя их, необходимо учитывать конституционную целевую установку, и, независимо от разнообразия подходов, именно на её основе должно формироваться демократическое местное самоуправление в рамках развития российской государственности.

В основе принципиальных различий в определении самоуправления, его принципов и сущности лежат проблемы взаимоотношений государства и местного сообщества. Теоретическое обоснование местного самоуправления осуществляется не без влияния идей из стран Западной Европы [7; 11]. В современных российских условиях местное самоуправление рассматривается как элемент публичной власти, сочетаемый с другим её и, конечно, ведущим элементом — государственной властью. Юридическое определение местного самоуправления содержится в различных нормативно-правовых актах. Конституция РФ непосредственно не предлагает исчерпывающей юридической трактовки местного самоуправления, вследствие чего создаётся иллюзия допустимости чрезмерно широкой интерпретации данного феномена в российских условиях. Многообразие конституционных характеристик местного самоуправления, сопряжённое с их известной противоречивостью и неупорядоченностью, на первый взгляд,

позволяет с одинаковым успехом говорить как об абсолютной самостоятельности (изоляции) муниципальных институтов от системы управления государством, так и о самой жёсткой зависимости от неё [2, с. 3].

При такой «эластичности» конституционных понятий и категорий особое значение для уяснения сущности местного самоуправления имеет Европейская хартия местного самоуправления. Согласно ст. 3 данного документа, под местным самоуправлением понимаются право и реальная способность местных властей регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения [6]. Другой документ международного права — Декларация о принципах местного самоуправления в государствах-участниках Содружества, принятая Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 29 октября 1994 г., — определяет местное самоуправление как систему организации деятельности населения (местных территориальных сообществ) для самостоятельного (и под свою ответственность) решения вопросов местного значения в соответствии с законами государства (ст. 1) [4]. При этом в Декларации специально подчёркивается, что территориальные сообщества имеют право решать все вопросы местного значения как через избираемые ими органы местного самоуправления, так и непосредственно, а само это право гарантируется конституциями и действующим законодательством. В Российской Федерации понятие местного самоуправления закрепляется в ст. 1 ФЗ № 131 [10].

Несмотря на определённые различия, присущие юридически значимым версиям местного самоуправления, нельзя не признать, что международные, федеральные и региональные нормативные документы в целом достаточно полно отражают природу и назначение муниципальной деятельности. Для характеристики сущности местного самоуправления как самостоятельного института гражданского общества необходимо выделить четыре основных параметра: местное самоуправление — одна из основ конституционного строя; право граждан РФ на осуществление местного самоуправления; самостоятельная деятельность населения по решению местных вопросов; местное самоуправление — одна из форм народовластия.

Согласно ст. 3 Конституции РФ [8], народ является носителем суверенитета и единственным источником власти, осуществляющим свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти, а также органы местного самоуправления, что подкрепляется ФЗ № 131. Таким образом, органы местного самоуправления на сегодняшний день — это гарантированная Конституцией РФ деятельность муниципальных образований, целью которой является решение вопросов местного значения исходя из интересов населения, иначе говоря — одна из форм реализации власти

народа. Федеральный закон № 131 закрепляет равные права граждан РФ на осуществление местного самоуправления, которое включает в себя: право избирать и быть избранным в органы местного самоуправления, равный доступ к муниципальной службе, право обращаться в органы и к должностным лицам местного самоуправления. Так, в Уставе Хабаровского края сказано, что право на участие в управлении общественными делами обеспечивается тем, что граждане могут в соответствии с федеральными и краевыми законами избирать и быть избранными в Думу и органы местного самоуправления, обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, через различные общественно-политические объединения, профсоюзы, политические партии выражать свои интересы и выдвигать законные требования (ст. 15) [12].

Одной из форм участия населения в муниципальной жизни, включая участие в нормотворческой деятельности, является территориальное общественное самоуправление (ТОС) (ст. 27 ФЗ № 131). Орган ТОС — одна из таких форм, сконструированная специально для цели инициативного участия граждан в осуществлении местного самоуправления, которая получила достаточно широкое распространение в муниципальных образованиях Хабаровского края. Для наглядности обратимся к статистике: по итогам 2019 г. в Хабаровском крае было зарегистрировано 611 ТОС (количество граждан, вовлечённых в их деятельность, — 106 565) [13]; на июнь 2020 г. — 790 ТОС [3]. Хотя данная форма получает всё большее развитие, но органы местного самоуправления сталкиваются с рядом проблем, связанных с организацией ТОС в Хабаровском крае.

Основные проблемы:

- низкая активность граждан по инициированию и созданию органов ТОС, что объясняется нежеланием выполнять общественные функции без материального стимулирования;
- низкий уровень информированности жителей о возможности формирования ТОС, его полномочиях и возможной деятельности;
- сложность процедуры регистрации ТОС.

С учётом вышеобозначенных проблем на плечи администраций ложатся следующие дополнительные обязанности. 1) Преодоление низкой активности граждан по инициированию и созданию ТОС, низкого уровня информированности населения (необходимо проведение сходов граждан с целью разъяснения положительных моментов в развитии соответствующей территории при создании на ней ТОС). При этом следует уделить особое внимание вопросам благоустройства территории, предоставления социально-бытовых услуг, то есть проблемам, в решении которых население проявляет

наибольшую заинтересованность; необходимо всеми возможными способами обеспечить доведение до жителей каждого населённого пункта сведений о полномочиях ТОС, принципах его деятельности, круге решаемых вопросов, порядке создания и деятельности. 2) Обеспечение правомочности собрания граждан. Собрание легитимно, если в нём принимают участие не менее половины жителей соответствующей территории. 3) Важной частью работы по развитию ТОС является осуществление постоянного мониторинга реализуемых проектов, обобщение практического опыта и его распространение на других территориях поселения.

Все эти мероприятия требуют дополнительных финансовых расходов, что приводит к низкой заинтересованности местных властей в создании органов ТОС, которые непосредственно принимают участие в нормотворческой деятельности муниципальных образований.

Муниципальное нормотворчество — одно из ключевых направлений деятельности местного самоуправления. Основным субъектом нормотворческого процесса в местном самоуправлении является представительный орган и местная администрация, кроме того, правом правотворческой инициативы обладает непосредственно население и иные органы и лица, например, прокуратура в части осуществления надзора за законностью муниципальных правовых актов.

Право населения на правотворчество закреплено статьёй 26 ФЗ № 131, которая предусматривает предоставление права определённой группе граждан, обладающих избирательным правом, непосредственно участвовать в разработке и обсуждении муниципальных нормативных правовых актов, а также вносить проект правового акта на рассмотрение органов местного самоуправления, указывать на необходимость или же конкретный способ урегулирования отдельных общественных отношений в сфере местного самоуправления.

В целях реализации данного права создаётся инициативная группа, численность которой устанавливается нормативным правовым актом представительного органа данного муниципального образования (не более 3% от числа жителей муниципального образования; в случае отсутствия вышеуказанного акта численность регламентируется № 131-ФЗ). Инициативная группа представляет на рассмотрение определённый комплект документов, который включает в себя текст проекта нормативного акта с соблюдением юридической техники, не противоречащий Конституции РФ и действующему законодательству, а также пояснительную записку, финансово-экономическое обоснование, перечень правовых актов, которые подлежат отмене или изменению в случае принятия проекта. Проект правового акта подлежит обязательному рассмотрению органом местного самоуправления или

должностным лицом, к компетенции которых относится принятие соответствующего акта, в течение трёх месяцев со дня его внесения. Мотивированное решение, принятое по результатам рассмотрения проекта муниципального правового акта, внесённого в порядке реализации правотворческой инициативы граждан, должно быть официально, в письменной форме, доведено до сведения внёсшей его инициативной группы граждан.

Однако реализация данного права населением сопряжена с рядом сложностей. Несмотря на то, что возможность нормотворческой инициативы на муниципальном уровне существует у граждан уже не первый год, низкая информированность о возможности личного участия в развитии муниципального образования остаётся одной из главных причин, препятствующих реализации взаимодействия и взаимопонимания между населением и органами власти.

Кроме того, нормотворчество — это трудоёмкий процесс, при котором нужно учитывать реальную потребность в правовом регулировании тех или иных отношений, морально-психологическую атмосферу в обществе, социальные факторы, а также все стадии нормотворческого процесса и правила юридической техники. Согласно закону, проект нормативного правового акта должен быть составлен с соблюдением определённых правил и процедур и вместе с комплектом документов, прилагающихся к проекту, представлен в орган местного самоуправления инициативной группой, состоящей из граждан муниципального образования. Но члены подобных групп зачастую далеки не только от методов, правил, приёмов и средств, но и от понятия юридической техники. Следовательно, низкий уровень правовой грамотности населения является значимым камнем преткновения в диалоге с муниципальной властью.

Продолжая тему принятия качественных нормативно-правовых актов, можно выделить такую проблему, как низкий уровень подготовки сотрудников администрации [9, с. 9—12], которые занимаются разработкой проектов муниципальных правовых актов, особенно в сельских поселениях. Безусловно, это связано с недостаточным финансированием муниципальных образований, в частности, сельских поселений. Конечно, специалист органа местного самоуправления должен не только в совершенстве знать действующее законодательство, но и отслеживать все нововведения в нём. Таким образом, специалист органа местного самоуправления должен обладать высокой степенью именно юридической квалификации, что не всегда реализуется в действительности.

Местное самоуправление должно учитывать специфику населения конкретного муниципального образования, его национально-этнические, историко-культурные особенности, обращать внимание на элементарные

социальные нужды, по сути, оно нацелено на решение вопросов местного значения, исходя из интересов населения [5]. Однако на практике органы муниципальной власти зачастую действуют исключительно в глобальных рамках государственной и региональной политики [1] по различным причинам, — например, так как не вправе противоречить им или из-за отсутствия дополнительного финансирования. Такое противоречие откладывает негативный отпечаток на взаимодействие между обществом и государством в рамках муниципального образования.

Ряд вышеуказанных проблем, хотя и не является исчерпывающим, но красноречиво свидетельствует о затруднениях в практике реализации данного права. В качестве решения может быть предложено следующее. Во-первых, должна быть установлена прочная двусторонняя коммуникация между гражданами муниципалитета и властью, при помощи которой население могло бы высказывать свои потребности и проблемы, а власть, в свою очередь, реагировать на общественные предложения и предлагать пути решения. Во-вторых, население должно чётко осознавать возможность реального изменения и развития своих территорий, что законодательно закреплено и, более того, необходимо муниципальному образованию по ряду социальных, экономических и других причин. В-третьих, учитывая, что уровень мотивации граждан к активности в вопросах нормотворчества пропорционально зависит от ожидаемых результатов, крайне необходимо доносить до населения главную идею: только прилагая общие усилия, и власть, и население могут взаимодействовать и развивать социально-правовую систему муниципалитета. В-четвёртых, необходимо упростить на федеральном уровне процедуру внесения проекта муниципального нормативного правового акта, чтобы инициативной группе граждан достаточно было подать идею, обозначить проблему и пути её решения, а документальное оформление должно стать обязанностью представительного органа местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арзуманов И.А., Шишкин С.И. Программы комплексного развития территорий в Российской Федерации: правовое регулирование и практика реализации: уч. пособие. В 3-х ч. Ч. 1: Комплексное развитие территорий: правовые основы понятийного анализа. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26172881 (дата обращения: 01.05.2020).
2. Волков В.Э. Местное самоуправление: конституционные основания правового регулирования компетенции муниципальных образований: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 27 с.

3. Данные реестров ТОС Хабаровского края. URL: https://guvp.khabkrai.ru/ (дата обращения: 13.06.2020).
4. Декларация о принципах местного самоуправления в государствах — участниках Содружества от 29.10.1994 // Инф. бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 1995. № 6. С. 85—89.
5. Деревскова В.М., Евдокимов К.Н. Муниципальное право России: уч. пособие / под ред. А.В. Юрковского. Иркутск, 2014. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23372287 (дата обращения: 01.05.2020).
6. Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 (Страсбург, 15.10.1985). URL: https://base.garant.ru/2540485/ (дата обращения: 01.05.2020).
7. Князев С.Д. Местное самоуправление в Российской Федерации: конституционная природа и значение для муниципального права // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 11—20.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изм. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.05.2020).
9. Коняхин В.Г. Самович В.Ю. К вопросу о правовой природе актов представительных органов муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2011. № 2. С. 9—12.
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ, в ред. 23.05.2020. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 01.05.2020).
11. Свирин Ю.А. Понятие местного самоуправления // Право и жизнь. 2004. № 3. URL: https://base.garant.ru/5309380/ (дата обращения: 10.06.2020).
12. Устав Хабаровского края от 30.11.1995 № 150, в ред. 18.12.2019. URL: http://docs.cntd.ru/document/995103655 (дата обращения: 10.06.2020).
13. Хабаровский край подвёл итоги развития ТОС за 2019 год // ТОС-Владивосток. URL: https://tosvl.ru/2019/12/24/khabkraitos (дата обращения: 10.06.2020).

УДК 332.02(571.63)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10007

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА)

Евгений Васильевич Булах,
кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток.
E-mail: bulakhevg@mail.ru

Статья представляет собой количественный анализ социально-политических, экономических процессов на муниципальном уровне государства. Результаты позволяют отчётливо подчеркнуть первые итоги современных либеральных преобразований в России. Изменения связаны с выявлением новых для постсоветского пространства форм общественных отношений и обеспечением условий для их осуществления. Либеральная концепция универсальна и естественна, именно она предполагает неизбежную необходимость государственных реформ, обеспечивающих постоянное равенство людей по отношению к правовой норме как основному государственному регулятору. Вне зависимости от принадлежности индивида к той или иной социальной группе, только подобное равенство позволяет обеспечить ему доступное передвижение по социальным стратам в процессе самореализации и свободного развития.
Ключевые слова: либеральные реформы, государство, гражданское общество, муниципалитет, выборы, территориальное самоуправление, малый и средний бизнес, ТОС.

THE FIRST RESULTS OF LIBERAL REFORMS IN POST-SOVIET STATES: MUNICIPAL ASPECTS (ON EXAMPLE OF VLADIVOSTOK URBAN-DISTRICT)

Evgeny Bulakh, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
E-mail: bulakhevg@mail.ru

The liberal conception is versatile and natural. It is the one that implies an inevitable necessity of state reforms, securing the equality of all people before the legal provisions as the principal government regulator. Regardless of an individual's social status, only such equality allows to ensure an affordable

movement throughout social strata during the process of self-realisation and free development of a person. In this article, analysis of municipal processes serves to emphasise the first results of the thirty-years long liberal transformations, related to identification of the new for the Post-Soviet states forms of social relationships and establishment of conditions for their implementation.
Key words: liberal reforms, state, human rights and freedoms, municipality, elections, territorial self-administration, small and medium-sized business.

Постановка проблемы. Демократические преобразования в советских республиках, начавшиеся в 1985 г. с идеи о необходимости перестройки сложившихся социалистических отношений, трансформировались в политическую реформу, а далее привели к распаду Союза. Приобретя полный суверенитет, Российская Федерация взяла открытый курс на либеральные преобразования. Срок последующего реформирования в три десятка лет позволяет сделать первичную оценку изменений этих процессов. Данное исследование конкретизирует результативность преобразований по принципу территориальной принадлежности, а именно: их характер на муниципальном уровне современной России.

Первоначальные итоги реформ могут быть представлены как результат анализа укрупнённых количественных и организационно-правовых характеристик новых элементов социально-экономической системы. Появившиеся негосударственные бизнес-субъекты, представительства политических партий, общественных объединений и самоорганизованных сообществ позволяют говорить о реализации экономических и политических свобод. Наличие единого правового регулирования, элементов гражданского общества и гражданской активности подтверждает конкурентность среды протекающих муниципальных процессов.

Основная часть. Анализ исторических эпох позволяет утверждать, что социальные процессы имеют две основные формы: прогресс и регресс. Первое направление поступательного движения общества осуществляется с целью перехода из данного состояния развития к более совершенному, а второе является возвратом к начальной точке. Можно выделить следующие критерии определения прогрессивного поступательного движения общества: 1) улучшение материального благосостояния людей; 2) развитие общественных институтов, в том числе демократии и свободы личности [8, с. 28].

Общепринятой точкой зрения можно считать ту, которая условием прогресса определяет своевременно проводимые реформы. Суть любых социально-экономических реформ — это коррекция политической системы

в целом или отдельных её элементов. Реформа — процесс политический, в границах одного или союза нескольких государств. Преобразования на государственном уровне востребованы ввиду естественного развития социума и появления новых форм общественных отношений, именно они требуют перехода от социального к правовому регулированию. Если этого не происходит, возможна ломка революционного характера, влекущая огромные человеческие жертвы и неминуемый регресс. Данную проблематику затрагивает Л. фон Мизес в своих работах «Либерализм» и др. Либеральная теория Мизеса легла в идеологическую основу современного прогресса, её главные принципы являются актуальными, а именно: признание всех форм собственности, единство правового регулирования, дифференциация уровня материального благосостояния по уровню социальной значимости.

Особый интерес вызывает утверждение Мизеса о том, что понятие «„частная собственность“ напрямую связано с понятием „свобода“… она гарантирует наивысшую производительность человеческого труда» [9]. Обозначенные в эпоху Просвещения либеральные вешки эволюционного движения рассматривают свободу не как буквальную вольницу. Ж. Руссо в работе «О происхождении и основаниях неравенства между людьми» отмечает, что неравенство, появившееся на свет благодаря возникновению собственности, справедливо. Недопустимо, «чтобы глупец руководил человеком мудрым» [13]. Только предметно-обоснованное неравенство является справедливым, утверждает российский философ И.А. Ильин. Мизес добавляет по этому поводу: «Ничто не является столь же слабо обоснованным, как утверждение мнимого равенства всех членов человеческого рода» [9]. Либеральная концепция предполагает объективную неизбежность реформ, определяющих равенство людей по отношению к правовому государственному регулятору, вне зависимости от принадлежности каждого из них к той или иной имущественной социальной группе.

Суть назревших в России к 1991 г. противоречий можно выразить цитатами Мизеса: он заявлял, что «единственной работающей системой человеческого сотрудничества в обществе, основанном на разделении труда, является частная собственность на средства производства», что «социализм неработоспособен и ведёт к снижению производительности труда» [9]. В Советском Союзе отрицали частную собственность, идеологическая модель социализма базировалась на принципе единообразия материального благосостояния как неотъемлемой составляющей правового равенства. Восстанавливая причинно-следственную связь, перестройка в СССР затрагивала проблему мотивированного вовлечения граждан в политические и экономические процессы. Декабрьский пленум ЦК КПСС в 1987 г. установил вектор демократизации социалистической системы, но массовое коллективное участие началось с закрепления Указом Президиума Верховного

Совета РСФСР от 03.09.1985 г. «Об утверждении Положения об общественных сельских, уличных, квартальных комитетах в населённых пунктах» правового статуса органов общественной самодеятельности [1]. Появление предпринимательства и развитие гражданской активности подчеркнули остроту назревших противоречий, неизбежность кардинальных политических изменений стала очевидной. Мнение В. Леонтовича о необходимости многовекового осмысления права на частную собственность в России [6] потеряло свою актуальность. Популярность либерально-демократических идей стремительно возрастала в советском обществе. Уже после Беловежского соглашения, в марте 1992 г., ВЦИОМ осуществил масштабное исследование общественного мнения. В 49 регионах 68,3% опрошенных оценивали либеральные и демократические ценности положительно и только 9,8% — отрицательно [4].

Либеральная мысль на социалистической почве нашла воплощение в двух плоскостях: политико-экономической и ценностно-нравственной с вопросом отношений личности и общества [3], но основополагающие положения «классического либерализма» сохранили свою актуальность. В исследовании они взяты за основу оценки первых результатов либеральных реформ: 1) права человека на политическую, экономическую свободу; 2) принцип конкуренции во всех сферах как основа строя [7].

Анализ показателей муниципального уровня обусловлен самой либеральной концепцией, ориентированной на человека. Муниципальное образование — базовая административная единица государства, на которую «завязан» гражданин по месту своего преимущественного проживания. Это место, где государство, прежде всего, обязуется создать для него условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие [5]. Принятый в государстве территориально-муниципальный принцип юридической фиксации человека, избирателя, малого и среднего бизнеса, общественной организации, позволяет использовать статистические данные как первичный материал для анализа результативности либеральных реформ в границах усреднённой административной единицы.

В Статистическом регистре хозяйствующих субъектов на 1 января 2018 г. по г. Владивостоку учтено 44,6 тыс. предприятий и организаций всех форм собственности (табл. 1).

Данные позволяют сделать выводы о наличии в системе региональной экономики РФ организаций и предприятий всех форм собственности, большинство из которых на территории Владивостока не государственные (не муниципальные), а частные, коллективные, включающие присутствие иностранных акторов. Размещённая на открытом электронном ресурсе муниципального казённого предприятия «Центр развития предпринимательства» подборка нормативно-правовых актов федерального, регионального

Таблица 1

Хозяйствующие субъекты по городу Владивосток

Распределение предприятий и организаций по формам собственности	Число организаций, единиц	% к числу организаций на 01.01.2017
Всего	**44639**	**95,7**
в том числе:		
государственная	523	97,9
муниципальная	295	99,0
частная	41446	95,6
общественных и религиозных организаций	1005	97,5
смешанная российская без иностранного участия	201	94,4
смешанная российская с иностранным участием	369	99,2
иностранная	787	95,7
прочие	13	92,9

Сост. по: [2, с. 9].

и муниципального уровней подтверждает наличие единой правовой базы возможного предпринимательства в России (табл. 2), она обеспечивает общие для всех условия экономической деятельности, а значит, и условия здоровой экономической конкуренции. Данные представлены без учёта Конституции, Гражданского и других кодексов РФ.

Сохранению гарантий в правоприменительной практике и условий конкуренции наиболее эффективно способствуют элементы гражданского общества. На официальном электронном ресурсе АНО «Центр поддержки предпринимательства Приморского края» можно увидеть ссылку на несколько десятков (список неполный) некоммерческих организаций, созданных самим бизнес-сообществом для защиты своих интересов общего или отраслевого характера (табл. 3).

Таблица 2

Статус нормативных актов, регулирующих предпринимательскую деятельность в г. Владивостоке

Классификация нормативно-правовых актов	Кол-во	Период (гг.)
Законы:		
Федеральные законы	11	1998—2018
Законы субъекта РФ (Приморский край)	6	2008—2016
Подзаконные акты:		
Постановления Правительства РФ и администрации края	16	2007—2018
Муниципальные правовые акты	более 10	2010—2019

Таблица 3

Характеристики элементов гражданского общества во Владивостоке

Организационно-правовая форма	Сфера интересов	Территориальная принадлежность	Статус	Участники
Общественное объединение Ассоциация Гильдия Фонд	Общая Отраслевая Внутригосударственная Международная	Муниципальные Региональные Общероссийские Международные	Общий Социально ориентированные Открытый Закрытый (клуб)	Физ. лица Юр. лица

С непосредственным участием бизнесменов сформировано и действует 15 совещательных органов в муниципальных администрациях Приморского края, один из них во Владивостоке.

Наличие условий для осуществления политических прав и свобод определены возможностью избираться и быть избранным, участием в политических партиях и объединениях. В условиях смешанной избирательной системы, практикуемой в современной России, анализ динамики регистрации политических партий на территории г. Владивостока даёт представление о политических свободах (табл. 4).

Федеральный уровень регулирования введён с 2001 г., это было вызвано прежней упрощённой формой регистрации партий, не дававшей конкурентного равенства в регионах и не обеспечивавшей стабильность

Таблица 4

Динамика регистрации представительств политических партий

Год	Наименование регионального отделения политических партий
2002	КПРФ, «Единая Россия», ЛДПР, Патриоты России, Яблоко
2003	Справедливая Россия
2009	Партия роста
2012	Демократическая партия России, партия Прогресса, КПСС, Коммунисты России, Гражданская сила, ПАРНАС, Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, Гражданская платформа, Российская экологическая партия «Зелёные»
2013	Трудовая партия России, партия ветеранов России, Родина, партия Социальной защиты, Союз труда, Российский объединённый Трудовой Фронт, Российская партия садоводов, партия Великое Отечество, Гражданская инициатива, Национальный курс
2014	Родная партия
2015	Партия дела, партия «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров», партия «Возрождение аграрной России»
2016	Казачья партия РФ
2017	Партия малого бизнеса России, Возрождение России
2018	Народно-патриотическая партия России «Власть Народу»

Сост. по: [10].

муниципальных избирательных процессов. Сравнивая данные Приморского крайизбиркома о зарегистрированных отделениях и общее количество партий по данным Минюста РФ [14], можно сделать вывод, что Владивосток обеспечивает политическую конкурентность и возможность политического участия граждан через партии выше 67%.

Обзор первых итогов либеральных реформ даёт основания для вывода о появлении у граждан бессрочной возможности непосредственного участия в местном самоуправлении. Выборы, референдумы и другие формы прямого волеизъявления на местах являются регулярно-этапными или эпизодическими. Но либеральный набор прав и свобод предполагает постоянное непосредственное участие граждан в управлении государством на части муниципального образования, в границах своего проживания. Непосредственной формой осуществления местного самоуправления является территориальное общественное самоуправление (ТОС) [15]. ТОС организационно может регистрироваться в качестве юридического лица, а значит, участвующие в нем жители могут осуществлять деятельность при решении вопросов местного значения самостоятельно как коллективное хозяйство. ТОС — универсальный либеральный инструмент участия граждан в политике и экономике муниципалитета. То, что это не локальное явление, а общегосударственное, подтверждают данные Общенациональной ассоциации ТОС на 01.03.2019 г. о функционировании в РФ более 30 тыс. самоорганизованных сообществ жителей (табл. 5).

Согласно данным Правительства Приморского края, система общественного самоуправления начала формироваться ещё в 2000 г. В настоящее время на территории края действуют 78 ТОС, из которых 19 городских (табл. 6).

Таблица 5

Динамика самоорганизации граждан РФ и осуществления ТОС

Федеральный округ	Кол-во ТОС, зарегистрированных органами МСУ			Кол-во ТОС, зарегистрированных в качестве юридического лица		
	2016	2017	2018	2016	2017	2018
ЦФО	7 197	8 558	8 847	283	197	217
СЗФО	2 425	1 703	1 955	130	134	144
ПФО	5 586	5 371	6 212	409	515	642
ЮФО	**8 662**	**8 678**	**9 164**	**1 370**	**1 196**	**1 198**
СКФО	226	902	1 275	21	13	17
УФО	490	776	987	54	104	110
СФО	2 366	3 273	3 869	199	213	110
ДФО	651	980	733	29	46	103
ИТОГО	**18 941**	**30 241**	**33 042**	**2 495**	**2 418**	**2 541**

Сост. по: [11].

Таблица 6

Реестр ТОС городского округа Владивосток

Год создания	Наименование территориального общественного самоуправления в городе Владивосток
2006	«Иртыш 32»
2008	«Союз», «Горностай»
2009	«Песчаный»
2010	«Кузнецова 2»
2011	«Кузнецова», «Кузнецова 1»
2015	«Спутник Владивостока»
2018	«Военное шоссе», «Брянская», «Патрокл — Басаргина», «Кузнецова 2018», «Капитан», «Спиридонова 2018»
2019	«Юмашева», «Пятиэтажка», «Кузнецова 2019»
2020	«Зелёный экипаж на Русском», «Змеинка БРИЗ»

Заключение. Критерии «классического либерализма», предложенные В.В. Согриным [7] и взятые в данном исследовании за основу оценки либеральных преобразований, находят своё количественное отражение в российской реальности. Постсоветское пространство переживает кардинальные изменения. Политика с учётом мнения граждан подкреплена выборами и многопартийностью. Экономика ориентирована на многообразие форм, на рынок и конкуренцию. Система права формируется преимущественно представительными органами власти. Факт признания местного самоуправления, гарантия и его обязательность, уже свидетельствует о колоссальных политических изменениях в России. Муниципалитет как локальный срез государства демонстрирует широкий спектр возможностей для самореализации в различных сферах общественных отношений как индивидуально, так и в многочисленных организационных формах.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Булах Е.В., Князева А.Р., Цой В.Г. Институционализация общественного самоуправления в политической практике России // Вестник ЗабГУ. 2018. Т. 24. № 9. С. 56—63.
2. Владивосток: день за днём: бюллетень / Приморскстат. Владивосток, 2018. 41 с.
3. Денильханов А.Х. Судьбы современного либерализма (к проблеме формирования принципов этического либерализма) // Ценности и смыслы. 2013. № 1. С. 9—19.
4. Дубин Б. Запад для внутреннего употребления. // Космополис. 2003. № 1. С. 137—153.

5. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 43—98.
6. Леонтович В.В. История либерализма в России (1762—1914). М.: Русский путь, 1995. 445 с.
7. Либерализм Запада / В.В. Согрин, А.И. Патрушев, Е.С. Токарева, Т.М. Фадеева; под общей ред. В.В. Согрина. М.: Наука, 1995. 305 с.
8. Матвеев В.В. Либеральная теория Л. фон Мизеса и современные экономические проблемы // Экономика и право. 2017. Т. 27. Вып. 2. С. 28—37.
9. Мизес Л. фон. Либерализм / пер. А.В. Куряева. Челябинск: Социум, 2014. 299 с.
10. Перечень региональных отделений политических партий в Приморском крае по состоянию на 31.03.2020 // Избирательная комиссия Приморского края. URL: http://www.primorsk.izbirkom.ru/regionalnye-otdeleniya-pp-v-ra/ (дата обращения: 17.05.2020).
11. Развитие ТОС в России // Общенациональная ассоциация ТОС. URL: https://www.dropbox.com/s/oqfd91hdssfw1u1 (дата обращения: 16.05.2020).
12. Реестр ТОС // Администрация Владивостока. URL: http://vlc.ru/society/Territorialnoe-obschestvennoe-samoupravlenie-TOS-v-gorode-Vladivostoke/Reestr-TOS (дата обращения: 14.05.2020).
13. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. URL: https://filosoff.org/russo/tvorchestvo/rassuzhdenie-o-proisxozhdenii-i-osnovaniyax-neravenstva-mezhdu-lyudmi/ (дата обращения: 18.05.2020)
14. Список зарегистрированных политических партий // Минюст РФ. URL: https://minjust.ru/mobile/ru/nko/gosreg/partii/spisok (дата обращения: 11.05.2020).
15. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

УДК 352.071(1-22)(571.14)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10008

СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ: ОПЫТ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Мария Рудольфовна Зазулина,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск.
E-mail: zamashka@yandex.ru

Статья посвящена особенностям реализации реформы местного самоуправления в сельских поселениях. На основе данных исследований, проведённых в Новосибирской области, охарактеризован круг проблем, с которыми столкнулось сельское самоуправление на современном этапе. Выделены общие закономерности развития местного самоуправления в РФ, показаны особенности восприятия реформы со стороны самих представителей местного самоуправления. Сделан вывод о том, что значительное сокращение сельского самоуправления как отдельного независимого уровня управления и как значимого субъекта муниципальной политики ведёт к перераспределению центра тяжести от поселений к районам, что таит в себе опасность перекоса системы и создания предпосылок для её дальнейшей трансформации.
Ключевые слова: Россия, местное самоуправление, реформа, муниципальное образование, сельское поселение, муниципальный район.

RURAL SELF-GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF MUNICIPAL REFORM: THE EXPERIENCE OF THE NOVOSIBIRSK REGION

Mariia Zazulina, Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk, Russia.
E-mail: zamashka@yandex.ru

The paper is devoted to the peculiarities of local self-government reform in rural settlements. Based on the data of the study conducted in the Novosibirsk region, the author describes the range of problems faced by rural self-government at the present stage and shows the features of the perception of the reform by the representatives of local self-government. It is concluded that a significant reduction in rural self-government as a separate independent level of management

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00309. (Financial research support: RFBR, project no. 16-03-00309).

and as a significant subject of municipal policy leads to redistribution of the center of gravity from settlements to municipal district and creation of prerequisites for its further transformation. Financial research support: RFBR № 16-03-00309.
Keywords: Russia, local self-government, reform, municipality, rural settlement, municipal district.

Мировой опыт развития местного самоуправления показывает, что, независимо от исторических и региональных условий, этот институт всегда существует на пересечении тенденций централизации и децентрализации в системе управления. Именно отношения с центром определяют проблематику, в рамках которой сформировались основные существующие модели самоуправления — общинная и государственная, а также их гибридные формы. Для России проблема взаимоотношений между институтами федерализма и институтами местного самоуправления является особенно актуальной в силу того что сильный, даже гипертрофированный, институт государства доминировал на всём протяжении российской истории. Опыт централизованного управления, доставшийся в наследство от советской системы, значительно затрудняет формирование локальных децентрализованных институтов власти.

В данной работе рассмотрен процесс реформирования местного самоуправления, осуществляющийся в России на протяжении последних двух десятилетий, и проанализированы последствия этого процесса для сельского самоуправления. Мы полагаем, что муниципальное реформирование в современной России следует рассматривать как единый непрекращающийся процесс, в рамках которого могут быть выделены несколько этапов. Сам этот процесс характеризуется крайне противоречивыми тенденциями и маятниковой траекторией развития. Кроме того, он влияет на переконфигурацию политических и социальных практик на местах — изменение в системе власти на местах и изменение в системе ожиданий населения, связанных с властными институтами. В основе наблюдений, изложенных в данной работе, лежат данные исследований местного самоуправления и особенностей его функционирования в сельских поселениях Новосибирской области в период с 2005 г.

Современная муниципальная реформа фактически была инициирована распадом Советского Союза, образованием Российской Федерации и, как следствие, назревшей необходимостью реформирования системы власти на местах. Продолжающееся с этого момента изменение системы местного самоуправления целесообразно рассматривать как единый процесс с выделением в нём нескольких этапов, которые являются не отдельными реформами, а витками одной продолжающейся реформы.

Ключевые точки трансформации в системе местного самоуправления были связаны с изменением муниципального законодательства в 1995, 2003 и 2014 гг. [1]. Анализ экспертной литературы показывает, что каждый этап реформы был не столько следствием инициативы снизу и развитием низовых процессов самоорганизации, сколько результатом политической воли законодателя. На каждом этапе реформирования выбор российских законодателей был обусловлен изучением мировой самоуправленческой практики и возможностью её применения к российским реалиям. Важную роль в законодательном процессе играла борьба различных групп интересов, элит (федеральных, региональных, либеральных, этнонациональных), однако, по сути дела, каждая из этих групп выбирала между более государственной и более общинной моделями самоуправления.

Период развития в рамках Федерального закона № 154-ФЗ, длившийся с 1995 по 2002 г., характеризовался сокращением количества органов управления на местах. К моменту принятия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ на территории страны действовала система органов государственного управления на местах, сформировавшаяся в советский период. К началу реформы общая численность местных органов управления составляла 29 445 [4, с. 27], а в 2002 г., к моменту принятия следующего закона о самоуправлении, число муниципальных образований снизилось до 11 500 (данные Госкомстата) [5, с. 43]. Таким образом, на самом первом этапе реформы имело место сокращение количества местных органов власти, наряду с их укрупнением и встраиванием в региональные системы власти.

Второй этап развития местного самоуправления начался с принятия закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6.10.2003 г. № 131-ФЗ и продолжался с 2003 по 2014 г. Он характеризовался более чем двукратным увеличением количества муниципальных образований: к 2009 г., то есть ко времени вступления закона в полную силу, количество муниципальных образований составляло 24 161 (данные Госкомстата) [7]. Местное самоуправление обрело новую институциональную структуру. Появились новые виды муниципальных образований, система местных органов власти стала двухуровневой. Новая структура органов МСУ была прописана в федеральном законе, что позволило полностью её унифицировать, сделать единой на всей территории страны и независимой от региональных властей: за каждым видом муниципальных образований были закреплены определённые компетенции, перечень вопросов местного значения приобрёл закрытый характер (включая при этом максимальное число компетенций), возможности вмешательства региональных властей были чётко прописаны и ограничены тремя

случаями, сами органы местного самоуправления также лишились возможности самостоятельно дополнять список своих компетенций. В то же время отношения между уровнями местного самоуправления не были детально определены и носили предельно рамочный характер. Нижний уровень самоуправления фактически не подчинялся верхнему (районному).

Попытка столь жёсткой и подробной регламентации деятельности местного самоуправления на федеральном уровне фактически оставила лишь одну возможность разрешения проблемных ситуаций — ситуативное реагирование, путём постоянного внесения поправок в действующее законодательство. Если к закону № 154-ФЗ было принято 8 поправок, то к закону № 131-ФЗ только за 2017 г. было сделано 12 поправок, а всего закон изменялся уже более 130 раз.

Кроме того, увеличение количества муниципалитетов привело к обострению проблемы их финансово-экономической самостоятельности. Финансовая невозможность мелких муниципалитетов выполнять задачи по решению вопросов местного значения стала одной из основных причин последнего витка муниципальной реформы, начавшейся в 2014 г.

Поправки к Федеральному закону № 131-ФЗ, принятые с 2014 г., обозначили начало нового периода в развитии местного самоуправления, который длится и по сей день. Опять проявилась тенденция к сокращению количества муниципальных образований и их укрупнению. Законы, принятые на федеральном уровне, существенно расширили возможности вмешательства региональных властей в компетенцию местного самоуправления. В то же время сами регионы на современном этапе с политической точки зрения полностью подчинены центру и гораздо больше встроены в государственную властную вертикаль, чем во второй половине 1990-х гг.

В целом последний виток реформы местного самоуправления имел крайне масштабный, сложный и комплексный характер. Можно сказать, что он проходил одновременно и «по вертикали», и «по горизонтали». Это означает, что имело место перераспределение полномочий между федеральной, региональной и муниципальной властями (перераспределение по вертикали власти). Вместе с тем происходило перераспределение обязанностей и внутри населённых пунктов. Кроме того, изменилась система формирования органов местной власти, в том числе и выборное законодательство. Очевидно, что подобное положение вещей таит в себе целый ряд потенциально проблемных ситуаций.

Сельские муниципальные образования в результате последнего витка реформирования оказались в весьма неоднозначном положении. Дело в том, что, по данным Росстата, на 1 января 2017 г. в России насчитывалось 18 101 сельских муниципальных образований. Их доля в общем количестве муниципалитетов составляет более 80%, при этом на их территории

проживает лишь не более трети населения РФ. Эта ситуация ярко отражает конфликт, который отечественная система управления пытается решить на протяжении последней четверти века. С одной стороны, децентрализация, выступающая ведущим принципом управления и самоуправления в современном мире, требует наличия множественной сети муниципалитетов, которые самостоятельно решали бы дела насколько угодно мелких сообществ. С другой стороны, необходимость управления большими разнородными территориями в условиях перманентных кризисов и, прежде всего, недостатка финансов вынуждает следовать стратегии, которую можно охарактеризовать как «эффективность через унификацию».

Одна из наметившихся проблем касается, в частности, нивелировки привычного сельского образа жизни и системы сельского управления, являющегося следствием упразднения сельских поселений, путём изменения их статуса и преобразования муниципальных районов в округа. Федеральный мониторинг местных бюджетов за 2016 г. показал, что количество муниципальных образований уменьшилось на 364 единицы в результате преобразования (объединения) и упразднения муниципальных образований, причём в основном указанные процессы коснулись сельских поселений. Однако эта тенденция характерна для центральной части России, а в удалённых регионах практически не проявилась.

Например, в Новосибирской области за последние 10 лет не изменилось количество ни муниципальных образований, ни сельских поселений. Из 490 муниципальных образований 429 являются сельскими поселениями. Таким образом, среди муниципальных образований низового уровня[2] доля сельских поселений составляет 93%. На этой территории проживает 21% населения Новосибирской области (585 тыс. из 2779 тыс. чел.)

Основные проблемы сельского самоуправления в Новосибирской области связаны с изменением компетенций муниципальных образований и вытекающей отсюда трансформации структуры местных бюджетов, а также с новыми принципами формирования органов самоуправления. В результате поправок, внесённых в муниципальное законодательство в соответствии с Федеральным законом от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ, оказались существенно сужены компетенции, закреплённые за муниципальной сферой в целом, независимо от уровня муниципальных образований, а также расширены правомочия субъектов РФ и возможность их вмешательства в компетенции местного самоуправления. Для сельских муниципальных образований число собственных компетенций уменьшилось с 39 до 13, в то время как оставшиеся были переданы в ведение районных муниципальных образований.

[2] Мы относим сюда сельские, городские поселения и городские округа — всего 460, это образования, непосредственно включающие в себя территории, на которых проживает население.

Одним из последствий изменения системы компетенций стало появление и закрепление новых практик, связанных с передачей финансовых трансфертов между различными уровнями власти. В 2016 г. из 429 сельсоветов 228 (47% от общего числа муниципальных образований и 53% от общего числа сельских поселений) относились к высокодотационным: доля дотаций в их бюджете превышала 50% объёма собственных доходов. Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета в общем объёме собственных доходов бюджета муниципальных районов (без учёта субвенций) в 2016 г. составила только 21,98% (для сравнения: в бюджете городских округов этот показатель достиг 84,21%). А доля межбюджетных трансфертов, поступающих из бюджетов вышестоящего уровня, в доходах местных бюджетов для муниципальных районов составила 86,5% (для городских округов — 44,2%) [6].

Поправки в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6.10.2003 г., внесённые с 2014 г., закрепили за субъектами Федерации возможности по перераспределению полномочий между различными муниципальными образованиями, определению структур и способов формирования местных администраций. Масштабы изменения и перераспределения полномочий значительны. Как следует из «Информационно-аналитических материалов о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации в 2016—2017 гг.», подготовленных Министерством юстиции РФ, передача полномочий по решению вопросов местного значения от органов местного самоуправления к органам исполнительной власти субъектов РФ в 2017 г. затронула 4,4 тыс. муниципальных образований в 42 субъектах РФ. Кроме того, более двух третей муниципалитетов вовлечены в процесс перераспределения полномочий между различными уровнями самоуправления, дополнительные вопросы местного значения закреплены за 78% сельских поселений. Наиболее значительны масштабы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с предоставлением органам местного самоуправления субвенций: они действуют в 84 из 85 субъектов РФ (за исключением города федерального значения Севастополя) и затрагивают все без исключения муниципальные районы и городские округа, а также около 75% городских и 90% сельских поселений [3].

В результате именно районный уровень самоуправления сейчас оказывается главным субъектом муниципальной политики, в том числе и сельской муниципальной политики, то есть ответственным за ситуацию в конкретных сельских населённых пунктах. Это означает существенное увеличение нагрузки на районный уровень власти. В то же время перенос нагрузки на верхний уровень самоуправления отнюдь не облегчил ситуацию для его

низовой, то есть поселенческой части. Например, в ходе проведённых нами интервью с представителями различных уровней самоуправления многие из них отмечали, что низовым поселковым администрациям решать вопросы местного значения стало тяжелее, несмотря на то, что полномочий и, следовательно, ответственности у них стало меньше.

Изменение системы власти и перераспределение полномочий между её уровнями ведёт к изменению системы ожиданий, которые сельское население связывает с различными уровнями власти. Наши исследования показывают, что в период с 2005 по 2014 г. в структуре этих ожиданий произошли значительные изменения. В частности, снизились надежды на социальную поддержку со стороны областных властей и выросли ожидания на поддержку от властей местных [2].

Можно предположить, что зафиксированные изменения связаны с этапами осуществления муниципальной реформы и укладываются в объяснительную схему движения от периода регионализма (характеризующегося силой региональных властей и слабостью местных) через постепенное изменение ситуации вследствие эффектов от введения муниципальной реформы (которая на территории Новосибирской области реализуется с 2003 г. и к 2005 даёт первый эффект в плане адаптации к ней населения и возможности осмысления первых результатов) ко всё большим упованиям на власть местную, оказавшуюся последним институтом, реально решающим проблемы селян в указанный период. Также очевидно, что после 2014 г. должен был произойти и произошёл крен в обратную сторону.

В целом произошедшее на последнем этапе реформы усиление зависимости низовых, и в том числе сельских, муниципалитетов от региональных властей можно считать характерным проявлением тенденции к централизации власти. А сопровождающее её резкое перераспределение центра тяжести от поселений к районам таит опасность перекоса системы, потери ею стабильного состояния и создания предпосылок для её трансформации в нечто совершенно иное. В перспективе это означает, что система самоуправления в России может стать одноуровневой. Уменьшение количества компетенций сельских администраций означает не только снижение финансирования, но и сокращение возможностей для самостоятельного и своевременного, эффективного решения вопросов местного значения. Пока же стоит признать, что итогом последних нововведений стало значительное ослабление сельского самоуправления как отдельного независимого уровня управления и как значимого субъекта муниципальной политики.

В заключение отметим, что каждая крупная реформа местного самоуправления, проведённая за последние 25 лет, изменяла систему управления на местах, придавая ей направление движения, фактически противоположное заданному ранее. Непрекращающиеся попытки реформирования

муниципальной системы вкупе с остающимися проблемами на местах свидетельствуют о том, что «золотая середина» в вопросе соотношения процессов управления на местах и процессов самоорганизации, оптимальная для российских условий, пока не найдена.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Зазулина М.Р. Между централизацией и децентрализацией: к вопросу о детерминантах развития местного самоуправления в России // Сибирский философский журнал. 2018. № 2. С. 155—166.
2. Зазулина М.Р. Трансформирующийся патернализм и его пределы: о некоторых закономерностях в изменении структуры ожиданий сельского населения современной России // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 441. С. 113—119.
3. Информ.-аналит. материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации в 2016—2017 гг. URL: http://minjust.ru/sites/default/files/monitoring-msu-2017_11283.docx (дата обращения: 25.05.2020).
4. Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Ст. 11. Региональная Россия начала XXI века: новая ситуация и новые подходы к её исследованию и регулированию // Российский экономический журнал. 2004. № 8. С. 13—32.
5. Россия в цифрах. 2003 / Госкомстат. М., 2003. 398 с.
6. Сводный доклад Новосибирской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов по итогам 2016 года. URL: https://econom.nso.ru/sites/econom.nso.ru/wodby_files/files/imce/svodnyy_doklad_2016_607_ukazitog.pdf (дата обращения: 25.05.2020).
7. Формирование местного самоуправления в Российской Федерации. 2009: бюллетень. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453(дата обращения: 25.05.2020).

II. РЕФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

УДК 947.088 (571.6) “198-199”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10009

КРИЗИС РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КОНЦА XX ВЕКА: ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Анатолий Евгеньевич Савченко,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: savich21@mail.ru

Цель данной статьи — рассмотреть новейшую историю Дальнего Востока в широком контексте кризиса региональной политики в крупных государствах догоняющего развития. Стремясь показать накопление противоречий в стратегии регионального развития СССР/России и Бразилии, мы расширяем не только географические, но и хронологические рамки кризиса. К середине 1980-х гг. в двух странах под воздействием внутренних процессов и внешних шоков уже сформировались условия для радикального пересмотра подходов к управлению крупными территориями, который произойдёт через несколько лет. Хотя основные этапы региональной политики в России и Бразилии не совпадают хронологически, содержательно в двух странах во многом повторяется причинно-следственная связь в логике трансформации государственного управления развитием: от больших проектов, реализуемых под патронажем государства, — к неолиберальной модели свободного рынка.
Ключевые слова: государство, идеология, региональная политика, Россия, Дальний Восток, Бразилия, Северо-Восток Бразилии.

DEVELOPMENT CRISIS OF THE FAR EAST AT THE LATE 20th CENTURY: PERSPECTIVES OF THE COMPARATIVE ANALYSIS

Anatoliy Savchenko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok. Russia. E-mail: savich21@mail.ru

The purpose of this article is to examine the recent history of the Russian Far East in the broad context of the crisis of regional policy in large states of catch-up development. Seeking to show the accumulation of contradictions in the regional development strategy of the USSR/Russia and Brazil, we are expanding not only the geographical, but also the chronological framework of the crisis. By the mid-1980s, the two countries, under the influence of internal processes and external shocks, had already formed the conditions for a radical revision of approaches to the management of large territories, which will occur in a few years. Although the main stages of regional policy in Russia and Brazil do not coincide chronologically, the cause-and-effect relationship in the logic of transformation of state development management is largely repeated in the two countries: from large projects implemented under the patronage of the state, — to the neoliberal model of a free market.
Keywords: state, ideology, regional policy, Russia, Russian Far East, Brazil, North-East of Brazil.

Введение. Кризис развития Дальнего Востока в конце XX в. проявлялся в трёх главных измерениях: во-первых, в обращении вспять демографических показателей, достигнутых за 1960—1980-е гг.; во-вторых, в сравнительном и при этом нарастающем экономическом отставании от соседей по АТР; в-третьих, в хронической нехватке государственных и частных инвестиций для решения важнейших проблем региона. Последнее, впрочем, было следствием не только дефицита финансов, но и проблем с формированием концепции дальневосточной политики, которая могла бы определить последовательность шагов в условиях ограниченных ресурсов.

Причины этого кризиса, которые выводятся на первый план в различных работах, тоже разные. Среди наиболее веских и аналитически проработанных можно выделить: общий упадок государства, уже неспособного административным путём направлять в регион значительные инвестиции и демографические потоки [19, с. 20—22; 2, с. 193], структурные диспропорции региональной экономики, выстроенной без учёта сурового климата и стоимости перевозок на гигантские расстояния [26, с. 3; 11, с. 110—113], «расплывчатость целей и задач» в программах регионального развития [6, с. 7], доминирование стратегических и геополитических соображений при принятии решений по развитию региона, что объективно вело к колониальному типу его освоения [10, с. 7].

В отечественных и зарубежных исследованиях кризис развития Дальнего Востока рассматривается как следствие специфических российских условий, связанных или с географией, с трудностями переходного периода, или же с системой принятия политических и экономических решений.

Но расширение контекста рассматриваемой проблемы даёт нам основания усомниться в достаточности такого объяснения. Дальний Восток не единственный в мире периферийный регион, переживавший кризис модели развития в конце 1980 — начале 2000-х гг. Наша цель — воссоздать общий контекст, в котором кризисы региональной политики выступали концентрированным проявлением общего кризиса государства догоняющего развития.

Государственная политика развития Дальнего Востока будет сопоставлена с управлением бразильским Северо-Востоком. Бразилия — страна, сопоставимая как по масштабу, так и по диспропорциям территориального развития с Россией, но проводившая принципиально отличную от советской региональную политику на протяжении большей части XX в.

Изученность проблемы в отечественной историографии. Нам потребуется сделать небольшое историографическое отступление, чтобы не только подчеркнуть противопоставление подходов к региональному развитию в двух странах, но и показать, почему бразильский опыт не получил до сих пор должного освещения в российских исследованиях.

Рост внимания учёных к региональной политике Бразилии в СССР прослеживается с 1970-х гг. в контексте интереса к практике хозяйственного освоения новых районов (в самом Советском Союзе в это время развернулось строительство Байкало-Амурской магистрали с перспективными планами создания нового индустриального района на востоке страны). Это ещё один интересный момент в новейшей истории двух стран: в них почти одновременно были запущены мегапроекты территориального развития. С начала 1970-х гг. в Бразилии начинается «планомерное наступление» на джунгли Амазонии с целью создания в одном из самых крупных неосвоенных регионов мира базовой инфраструктуры и опорных промышленных предприятий для последующей колонизации [12, с. 74].

Опыт региональной политики Бразилии рассматривался советскими исследователями преимущественно как опыт страны третьего мира, неспособной справиться со стихийными силами империалистического капитализма, на фоне упорядоченности и комплексности регионального развития в условиях плановой экономики в СССР [5, с. 3]. Советские же «огромные достижения» в освоении восточных районов должны были служить примером успеха для «латиноамериканской общественности» [3, с. 6]. Концепции «полюсов роста», на которой базировалась региональная политика латиноамериканских стран и, прежде всего, Бразилии, противопоставлялся советский подход в виде «комплексного развития района на основе научно обоснованной долгосрочной программы и целенаправленной плановой деятельности государства» [3, с. 32].

В советском социально-экономическом планировании «комплексность» была труднодостижимым идеалом освоения новых районов, который

не удавалось воплотить в полной мере, но который лежал в основе планов и программ регионального развития. Этот «ведущий принцип территориальной организации хозяйства» предполагал: комплексное использование природных ресурсов, пропорциональное развитие взаимосвязанных отраслей промышленных районов, организацию промышленных и аграрно-промышленных комбинатов, развитие единой системы региональных и межрегиональных народнохозяйственных комплексов». Главным условием достижения комплексности выступала энергообеспеченность территории [7, с. 21].

Советские авторы отмечали, что ни один план регионального развития в Бразилии не был выполнен полностью по причине недостаточности выделяемых средств и в связи с плохой координацией бюрократических структур [3, с. 128]. И эти выводы не отличались принципиально от тех, к которым приходили их американские, да и сами бразильские коллеги. В 1970-е гг., во время «наступления на фронтир» Амазонии, многочисленные агентства развития больше конкурировали между собой за сферу влияния и денежные потоки, чем работали на достижение поставленных целей [15, с. 125]. «Много всевозможных последствий правительственной политики в Амазонии было в последние десятилетия, тем не менее не принёсших реальных выгод большинству местного населения…», — так начиналось предисловие к аналитическому докладу, подготовленному правительством бразильского штата Пара, оценивающему итоги политики регионального развития [23, с. 1].

Проблемы с финансированием и координацией ведомств подтачивали эффективность выполнения и советских планов регионального развития тоже. Но, казалось бы, логичный шаг соотнесения схожести проблем в условиях принципиальной разницы в подходах и в социально-экономическом строе был сделан только через шесть лет, когда о проблемах в советской региональной политике стало возможным говорить открыто. В 1988 г., когда на волне гласности критика советской командно-административной системы набирала обороты, А.Н. Шелудько, рассматривая в своей диссертационной работе противоречия комплексного освоения бразильской Амазонии, заметил, что «подобные проблемы остро стоят перед многими государствами, осуществляющими крупномасштабное освоение новых территорий… Но если для капиталистических стран их решение в значительной степени ограничено природой капиталистического производства, ориентированного на получение максимальной прибыли, то в СССР — остаточным принципом финансирования социальных программ, ведомственным подходом к процессу освоения…» [12, с. 81].

Однако дальнейшего развития научного и экспертного сопоставления региональных политик в СССР/России и странах Латинской Америки не последовало. И это при том, что изучение зарубежного опыта региональной политики стало быстро развиваться в конце 1980-х гг. в Совете по изучению

производительных сил при Госплане СССР, где была сформирована специальная тема исследования: «Обобщение зарубежного опыта территориального развития и планирования и подготовка рекомендаций по его применению в условиях СССР». Но поскольку в это время на первый план вышла задача поиска выхода из кризиса советской системы управления, эти исследования охватывали в первую очередь передовой опыт стран Западной Европы и Северной Америки. «Сегодня, для наших условий, когда ищутся пути перехода к регулируемой рыночной экономике, первостепенное значение имеет опыт развитых капиталистических стран, где этот механизм, в том числе в интересующей нас области, отрабатывался на протяжении многих десятилетий», — писали авторы во введении к заключительному научному докладу по теме [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 2006. Л. 7]. Попутно заметим, что именно бывшие сотрудники Госплана, работавшие по вышеуказанной теме, стали в последствии одними из ведущих экспертов по региональной политике, продолжая наработанную в прежние годы традицию фокусировки на развитых странах Запада [см., например: 13].

Из этого краткого обзора мы можем видеть, что исследования опыта регионального развития стран Латинской Америки стали жертвой одновременно идеологических поворотов и экономической конъюнктуры. В 1970—1980-е гг. эти исследования развивались преимущественно в академическом секторе (их центром был Институт Латинской Америки АН СССР), и авторы стояли на позиции заведомого превосходства советской модели территориального развития. Когда же в контексте кризиса административно-командной системы изучение региональной политики зарубежных стран приобрело острую практическую актуальность, внимание оказалось сконцентрировано на передовом опыте развитых капиталистических стран. На, казалось бы, «отвлечённые» от практических проблем региональные исследования стран Латинской Америки, увязших в череде экономических и политических кризисов, не осталось ресурсов. В последние тридцать лет в России не было публикаций по региональной политике в Латинской Америке [9, с. 90]. В результате релевантный для России зарубежный опыт территориального развития (а именно: региональной политики в гигантской стране с большой дифференциацией территориального развития и дефицитом технологий и финансовых ресурсов) остался вне научной рефлексии. В чём же релевантность данного опыта? Ответу на данный вопрос посвящена следующая часть статьи.

Обоснование выбранных случаев для сравнения. В интересующих нас бразильских регионах — на Северо-Востоке и в Амазонии — государство проводило разные стратегии. В первом случае главной целью было сокращение бедности за счёт привлечения частных инвестиций в регион, создания рабочих мест и формирования «экспортного коридора», который перетянул бы на себя часть грузопотока с Юга страны. В Амазонии речь шла

о создании инфраструктуры для энергетической базы, развития сельского хозяйства и привлечения населения с Северо-Востока [14, с. 85—86]. Стратегии в двух названных регионах были логически связаны между собой, в первую очередь через задачу обеспечения миграционного потока с перенаселённого Северо-Востока на свободные земли Амазонии.

Необходимо сказать, что российский Дальний Восток и Северо-Восток Бразилии принципиально отличаются как по истории освоения, так и по демографическим показателям. Но они сравнимы как объекты специальной «развивающей» региональной политики в крупных полупериферийных государствах (*полупериферийных*, в данном контексте, означает «ограниченных в технологиях и финансовых ресурсах»). Говоря об этих регионах как примерах кризиса развития, мы имеем в виду несколько признаков. Во-первых, это неудача в достижении главных целей региональной политики государства на этих территориях, провозглашённых в программных документах и государственных решениях. Второй признак, бывший одновременно и причиной, — хроническая рассогласованность бюрократического аппарата, участвующего в проведении региональной политики. Третий — жёсткие финансовые и технологические ограничения, которые встали на пути реализации масштабных проектов.

В СССР, несмотря на то, что государство инвестировало в развитие Дальнего Востока интенсивнее, чем в целом по стране (с 9-й по 11-ю пятилетку на регион приходилось соответственно 4,7%, 4,9% и 4,4% от общесоюзных капиталовложений), темпы роста постоянно снижались [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1294. Л. 21].

Цель региональной политики на Дальнем Востоке была сформулирована специалистами Госплана ещё в 1960 г. и состояла в том, чтобы обеспечить опережающие средние по стране социальные стандарты для сокращения миграционного оттока из региона, а также формировать промышленную базу для экспорта готовой продукции, полуфабрикатов и облагороженного сырья. Решения партии и правительства закрепляли приоритетное социальное развитие восточных районов. Но и через 15 лет один из главных показателей — обеспеченность жилой площадью в расчёте на одного городского жителя — уменьшался по сравнению со среднесоюзными по мере движения на восток. В Западной Сибири она сократилась с 94,2% в 1975 г. до 92,8% в 1985 г., в Восточной Сибири — с 90,0 до 87%, на Дальнем Востоке — с 94,2 до 87,1% [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1838. Л. 9].

В экономическом плане Дальний Восток всё больше закреплялся в роли экспортёра сырья, притом зависимого от единственного покупателя, поскольку подавляющая часть дальневосточной древесины, весь уголь и нефть, половина целлюлозы и пиломатериалов поставлялись в Японию [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 484. Л. 70 об.].

В Бразилии, где сокращение бедности на Северо-Востоке было одной из главных задач социально-экономической политики, а инвестиции в программы развития Северо-Востока и Бразильской Амазонии вместе составляли 5,9% от общих капиталовложений госсектора в 1972—1974 гг. и 9,5% в 1975—1979 гг., тенденции наглядно демонстрировали противоположное направление заявленным целям [8, с. 54]. Если в 1970 г. на Северо-Восток приходилось 40,9% нуждающихся семей в стране, то в 1980 г. уже 50% [18, с. 103]. На Северо-Востоке Бразилии в 1990 г. более 10% младенцев не доживали до года [28, с. 64]. Несмотря на опережающие средние по стране темпы экономического роста в 1960—1980-е гг. на Северо-Востоке, здесь не удалось преодолеть структурные факторы, воспроизводящие социально-экономическое отставание. В регионе не сложилось самодостаточной, независимой от развитого юга экономической структуры, а природные катаклизмы в сельской местности по-прежнему имели катастрофические социальные последствия.

Затеянные в двух странах мегапроекты — БАМ и Трансамазонское шоссе, — хотя и были формально введены в строй, не произвели и малой части от ожидаемых эффектов. Новых индустриальных районов в первом случае, и сети агрополисов и логистических центров во втором, так и не сложилось. Вместо массового переселения в Амазонию, появились лишь разреженные маленькие населённые очаги вдоль Трансамазонского шоссе [4, с. 51].

Хрупкость достигнутых к началу 1990-х гг. результатов регионального развития в СССР подтверждается быстрой деградацией основных социально-экономических показателей в течение последующего десятилетия. На бразильском Северо-Востоке не происходило экономического спада, но темпы роста регионального валового продукта упали с 8,7% в 1970—1980 гг., до 2,8% в 1990—1995 гг. [17, с. 128]. Учитывая быстрое сокращение населения и коллапс милитаризованного сектора экономики на Дальнем Востоке России, в отличие от демографического роста и отсутствия трансформационного спада на Северо-Востоке Бразилии, положительные показатели динамики ВВП едва ли являются основанием усомниться в сопоставимости двух кризисов развития. Бразильские авторы оценивают 1990-е гг. как обескураживающее быстрое разрушение достижений регионального развития предыдущего периода в результате «пассивного вступления» страны в мировую экономику [21, с. 20].

Политика регионального развития в Бразилии формировалась в нескольких контекстах. Во-первых, в контексте общей дискуссии по перспективам стратегии национального развития — преодоление отсталости отдельного региона рассматривалось как часть плана ускорения развития всей страны; во-вторых, в контексте угрозы революции, поскольку кубинская революция спровоцировала рост социальных движений на Северо-Востоке Бразилии

[17, с. 37]. Изначально региональное развитие выступало здесь в большей мере как политический и социальный проект. Геополитика имела опосредованное значение, хотя было отчётливо различимо стремление противопоставить социальный прогресс тому влиянию, которое произвела на бразильское общество кубинская революция 1959 г. [22, с. 7].

На Дальнем Востоке СССР, наоборот, региональное развитие представляло собой в первую очередь экономический и геополитический проект. Его первой целью было укрепление территориальной безопасности (что подразумевало активную миграционную политику для заселения этих мест). Вторая цель — разработка природных ресурсов для последующего экспорта готовой продукции и дальнейшей эксплуатации региона как «валютного цеха страны».

Противоречия по оси Центр-периферия воспроизводились как в рыночной капиталистической, так и в плановой советской экономике. Примерно в одно и то же время (в конце 1950-х — начале 1960-х гг.) экономисты на разных полушариях Земли обратили внимания на то, что более развитые регионы перетягивают на себя ресурсы (человеческие и финансовые) от менее развитых. В Бразилии это происходило через неравный внутрирегиональный обмен и концентрацию инвестиций в нескольких южных штатах, в СССР — через принятие ведомственных решений о размещении новых производств ближе к местам с уже созданной строительной базой и инфраструктурой [24, с. 89; РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 368. Л. 187]. И в первом, и во втором случаях государство пыталось противостоять этим тенденциям, используя плановые органы и программный подход.

В двух странах региональная политика была зависима он внешних шоков, связанных в первую очередь с колебаниями цен на сырьё. Для Бразилии, производившей в то время только 20% от собственного потребления нефти, таким шоком стали энергетические кризисы 1973 и 1979—1980-х гг., вызвавшие проблемы с платёжным балансом и разогнавшие инфляцию. В Третьем плане национального развития энергетический кризис фактически выступал главным вызовом для продолжения стратегии ускоренного экономического роста [14, с. 380—381]. Это принципиально сократило возможности государства активно участвовать в региональном развитии. В Бразилии примерно на 8 лет раньше, чем в СССР, стал очевиден коллапс системы планирования как механизма реализации крупных региональных проектов. Параллельно менялся и фокус публичной политики. На этом фоне сам Северо-Восток как бы отошёл в тень [16, с. 77].

Для дальневосточной политики СССР нефтяной кризис 1970-х гг. имел обратный эффект, продлив инерцию масштабных государственных проектов. Принимая программные решения по развитию восточных районов в 1970-х гг., в том числе по строительству БАМа, советское руководство

исходило из прогнозов о долгосрочном повышении цен на сырьевые товары [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1478. Л. 58]. Но уязвимость советской региональной политики перед внешними шоками стала явной при спаде цен на нефть 1980-х гг., когда нехватка средств привела к провалу региональных программ развития.

Региональная политика в России и Бразилии в период неолиберального государства. 1980-е и начало 1990-х гг. — это время кризисов, в результате которых правительства большинства стран приняли программы финансовых ограничений, разработанные МВФ [1]. Это период конца политик «национального развития» в их различных вариациях: от социалистических до авторитарных капиталистических. Большинство государств утратили способность сглаживать крайности экономического развития, в том числе выраженные пространственной поляризацией [1]. Приоритеты территориального развития отошли на задний план, а экономическая политика всё больше сосредотачивалась на отдельных секторах экономики. Развитие территорий как задача более комплексная исчезла из политических дискуссий. Это было связано с широким набором причин: «от низкой способности государства мобилизовать агентов вокруг своих указаний, до потери институтами развития своих ориентиров и целей» [20, с. 1643].

К середине 1980-х гг. специальные органы территориального развития в Бразилии, такие как «Главное управление по развитию Северо-Востока» и «Главное управление по развитию Амазонии», вошли в коллапс и кардинально ослабли [20, с. 1643]. Планы регионального развития, разрабатываемые в этот период в SUDENE, выступали больше документом для политического торга за доступ к ресурсам и сохранение льготных условий, чем программой экономического развития [17, с. 99].

В двух странах в период либерализации экономики главная линия противоречий между Центром и регионом проходила между политиками — теми, кто исповедовал принцип государственного невмешательства и опоры на сравнительные преимущества, и теми, кто отстаивал необходимость стратегического планирования развития территорий. Северо-Восток Бразилии в 1970—1980-е гг., как и Дальний Восток России в 1990-е гг., боролся за сохранение особых условий экономической деятельности, без которых местные производители теряли конкурентоспособность. В российском случае главными аргументами для сохранения государственного регулирования были гигантские расстояния и климат (объектом воздействия выступали тарифы на транспорт и электрическую энергию). В Бразилии элита Северо-Востока отстаивала политику высоких цен на сельскохозяйственную продукцию (прежде всего, на сахар и бобовые), обусловленных рискованными условиями земледелия в этом регионе [18, с. 206—207].

Здесь мы сталкивается с ещё одной параллелью, заслуживающей сравнительного исследования: не только в России, но и в Бразилии государство фактически отказалось от управления территориальным развитием. В последнем случае проекция идеологического мэйнстрима на региональную политику была узнаваема для российских исследователей: она состояла в замене стратегического территориального планирования в соответствии с задачами общего экономического развития страны на конкуренцию регионов за национальный и международный капитал. Теперь регионы должны были использовать свои сравнительные преимущества, создавать наиболее благоприятную инвестиционную среду для привлечения инвесторов, соревнуясь с другими территориями во всемирном масштабе [27, с. 18]. В Бразилии губернаторы и мэры, «словно по волшебству, впечатлённые риторикой консультантов, стали действовать так, как будто они конкурируют с другими регионами на свободном рынке» [27, с. 13]. В этих условиях региональная политика рассыпалась на множество политик отдельных штатов, ведущих между собой фискальную войну за привлечение иностранных инвесторов. Поэтому в 1990-е гг. для развития Северо-Востока как единого объекта управления не было разработано стратегического документа, за исключением программы поддержки туризма [17, с. 105].

Сохранившиеся бюрократические структуры, созданные для регионального развития, но лишённые ресурсов и потерявшие смысл своей деятельности, стали выступать «нишами для выражения местнических интересов и воспроизводства элиты, почти всегда декадентской» [27, с. 9]. Сами государственные планы развития лишились своих организационных основ. Они стали, скорее, элементами политической риторики [16, с. 74]. Похожая трансформация программного подхода произошла и в России, где программы развития Дальнего Востока стали просто обобщением предложений с мест, случайным образом финансируемых в ходе многочисленных корректировок бюджета.

Выводы. Сравнивая региональная политику России и Бразилии конца XX в., мы видим две разных идеологии территориального развития: в первом случае доминировала модель сплошного развития, во втором — стремление к экономической деконцентрации путём создания «полюсов роста» [21, с. 19]. При этом в обоих случаях происходил сходный процесс трансформации от программного подхода (наполненного конкретными экономическими и инфраструктурными проектами в соответствии с общим видением Центра роли региона в общенациональной экономике) к радикальному уменьшению участия государства в управлении пространственным развитием.

Ни на Дальнем Востоке России, ни на Северо-Востоке Бразилии региональная политика не смогла достигнуть поставленных целей и была зависима от внешних условий — в первую очередь от колебаний цен на сырьё и идеологии правящей элиты.

Данная статья претендует только на первое приближение к сравнительному исследованию истории развития периферийных регионов в России и Бразилии. Тем не менее она показывает перспективные направления для приложения усилий. Среди них: условия эффективности бюрократических структур управления региональным развитием, влияния идеологии на региональную политику, история концептуальных подходов к региональному развитию в странах с различным социально-экономическим и политическим строем, борьба центральной и локальной элит за содержание региональной политики государства в периоды социально-политических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арриги Д., Валлерстайн И., Хопкинс Т. 1989-й как продолжение 1968-го // Полит.Ру. Статьи. 2008. 16 сент. URL: https://m.polit.tu/article/2008/09/16/wallersteain/ (дата обращения: 03.12.2019).
2. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х годов XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
3. Латинская Америка: региональная политика и планирование / отв. ред. К.С. Тарасов. М.: Наука, 1982. 206 с.
4. Латинская Америка: хозяйственное освоение новых территорий / отв. ред. К.С. Тарасов. М.: ИЛА, 1986. 189 с.
5. Мартынова Е.И. Региональные особенности развития промышленности Бразилии: автореф. дис. ... канд. эк. наук. М, 1973. 23 с.
6. Минакир П.А. Новая стратегия развития Дальнего Востока России: оценка и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. Т. 7. № 4. С. 6—14.
7. Некрасов Н.Н. Региональная экономика (теория, проблемы, методы). М.: Экономика, 1975. 317 с.
8. Пришкольник Д.Б. Экономико-географические особенности освоения новых районов во влажных тропиках Латинской Америки: дис. ... канд. геогр. наук. М., 1982. 233 с.
9. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с.
10. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
11. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Науч.-образов. форум по международным отношениям. 2007. 327 с.

12. Шелудько А.Н. Развитие и размещение производительных сил в районах нового хозяйственного освоения Бразилии (на примере бразильской Амазонии): дис. … канд. экон. наук. М., 1988. 184 с.
13. Штульберг Б.М., Введенский В.Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации. М: Гелиос АРВ, 2000. 208 с.
14. III Plano Nacional de Desenvolvimento — 1980/85. Setembro de 1980. RdJ. 1980. 101 p.
15. Bunker S. Underdeveloping the Amazon: extraction, unequal exchange, and the failure of the modern state. Chicago — London: Univ. of Chicago press, 1988. 279 p.
16. Bursztyn M. O Poder dos donos, 20 anos depois… Ou a Incrivel e triste historia das populacoes desfavorecidas e suas elites desalmadas // Raizes, Campina Grande. 2003. Vol. 22. No. 1. P. 73—79.
17. Carvalho F. Da esperanca a crise — a experiencia das politicas regionais no Nordeste: dissertação de mestrado. Campinas: Universidade Estaduais de Campinas, Instituto de Economia, 2001. 162 p.
18. Castro I.E. de. O mito da necessidae. Discurso e pratica do regionalismo nordestino. Rio de Janeiro: Editora Bertrand Brasil S.A., 1992. 247 p.
19. Davis S. The Russian Far East. The Last Frontier? London — New York: Routledge, 2003. 155 p.
20. Mendes da Rocha Neto J., Borges F. As assimetrias entre as políticas setoriais e a política de planejamento regional no Brasil // Revista De Administracao Publica. 2011. No. 45(6). P. 1639—1654.
21. Oliveira F., Werner D. Perspectiva histórica do planejamento regional no Brasil. Comissão Econômica para a América Latina e o Caribe (CEPAL) Santiago, Chile, 2014. 32 p.
22. Pereira A. God, the Devil, and development in Northeast Brazil // Praxis. The Fletcher journal of development studies.1999. Vol. 15. P. 1—18.
23. Silva A. A Politica de desenvolvimento regional para a Amazonia. 1980/85. Belem: Instituto do desenvolvimento economico-social dp. 1986. 30 p.
24. Tavares H.M. Planejamento regional e Mudanca. O p rojeto Furtado-JK para o Nordeste. Rio de Janeiro, 2004. 211 p.
25. The Cambridge History of Latin America. Vol. 9. Brazil since 1930 / ed. by L. Bethell. Cambridge University Press, 2008. 616 p.
26. Thronton J. Institutional and structural change in Pacific Russia // Comparative economic studies. 2001. Vol. 63. No. 4. P. 1—8.
27. Vainer C. Planejamento territorial e projeto nacional. Os desafios da fragmentacao. R.B. // Estudos urbanos e regionais. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 9—23.
28. World Development Report 1991. The Challenge of Development. Oxford University Press. 1991. 290 p.
29. РГАЭ (Росс. гос. архив экономики).

УДК 947.088.8(571.645)“1994/2005”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10010

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ КУРИЛЬСКАЯ ПРОГРАММА: ХРОНИКА, ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОВАЛЫ ПЕРВОГО ЭТАПА (1994—2005 гг.)

Елена Николаевна Чернолуцкая,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: chvalery@mail.ru

В статье раскрывается история федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области», принятой в 1993 г. на срок 1994—2000 гг., а в 2001 г. продлённой до 2005 г. Курильская программа рассматривается как пример внедрения метода государственного регулирования экономики в период рыночных преобразований в Российской Федерации. Основными мотивами её принятия были необходимость преодоления острого социально-экономического кризиса на Курилах и актуализация их геополитической значимости. Реализация программы шла крайне тяжело в связи со значительным недофинансированием, управленческими издержками и другими факторами. В итоге она не достигла ни одной из концептуальных целей, в основном решая «точечные» проблемы производственной, транспортной и энергетической инфраструктуры. Тем не менее программа явилась одним из немногих каналов государственной поддержки периферийного субрегиона, помогла начать модернизацию основной местной отрасли — рыбопереработки, способствуя подъёму этого бизнеса в легальном сегменте, а также обозначила перспективные решения в развитии ряда других сфер.
Ключевые слова: Курильский субрегион России, федеральные целевые программы, эпоха рыночных трансформаций России, 1990—2000-е гг.

KURIL FEDERAL TARGETED PROGRAM: A CHRONICLE, ACHIEVEMENTS AND FAILURES OF THE FIRST STAGE (1994—2005)

Elena Chernolutskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok. Russia. E-mail: chvalery@mail.ru.

The article reveals the history of the Federal target program “Socio-economic development of the Kuril Islands of the Sakhalin region”, adopted in 1993 for

the period 1994—2000, and extended to 2005 in 2001. The Kuril program is considered as an example of implementing the method of state regulation of the economy during the period of market transformations in the Russian Federation. The main reasons for its adoption were the need to overcome the acute socio-economic crisis in the Kurils and updating their geopolitical significance. Implementation of the program was extremely difficult due to significant underfunding, management failures, and other factors. As a result, it did not achieve any of the conceptual goals, mainly solving "point" problems of production, transport and energy infrastructure. Nevertheless, it was one of the few channels of state support for the peripheral sub-region, helped to start the modernization of the main local industry — fish processing, contributing to the rise of this business in the legal segment, and also outlined promising solutions in the development of a number of other areas.

Keyword: the Kuril sub-region of Russia, Federal target programs, the era of Russian market transformations, 1990s — 2000s.

Появление федеральных целевых программ в Российской Федерации связано со становлением государственного экономического регулирования в условиях перехода к «свободному рынку». Глубокий кризис 1990-х гг. показал, что вводившиеся рыночные механизмы не способны разрешить острейшие проблемы экономики, поэтому реформаторская власть не могла отказаться от элементов планового управления. Основным механизмом такового стал программно-целевой метод, а наиболее применяемой его формой — федеральные целевые программы (ФЦП).

Самые общие принципы ФЦП были прописаны в Законах РФ «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» от 28 мая 1992 г. и 13 января 1994 г. [4; 21]. Эти правовые акты требовали, чтобы ФЦП обеспечивали приоритеты в решении социально-экономических задач и достигали экономического эффекта. Программы должны были строиться на принципах государственно-частного партнёрства. Их финансирование предполагало сочетание средств федерального и региональных бюджетов, кредитов и частных инвестиций. Подробная методика была представлена в документах «Порядок разработки и реализации ФЦП и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Россия» (утверждён правительством 26.06.1995) [10] и «Типовой макет программы экономического и социального развития субъекта РФ» (14.06.2001) [16]. Таким образом, выработка правовых основ программно-целевого метода осуществлялась в течение всего первого постсоветского десятилетия, тем не менее, в этой сфере оставались свои слабые места.

Внедрение программ в практику шло параллельно с законотворчеством и быстро приняло массовый характер. Первые ФЦП были утверждены в конце 1993 г., а в 2000 г. их число (вместе с подпрограммами) достигло 165 [19, с. 322]. Курильская программа, принятая в числе первых, стала «долгожителем», будучи неоднократно пролонгированной. В данной статье ставится цель выявить мотивы, механизмы и этапы разработки и реализации этой ФЦП, оценить её эффективность как регулятора экономики на отдалённой приграничной территории в период рыночных реформ.

Курильский субрегион России состоит из трёх островных районов Сахалинской области — Северо-Курильского, Курильского и Южно-Курильского. Они вступили в 1990-е годы, имея моноотраслевую экономику с устаревшей производственной базой, и переживали тотальный кризис. Бывшие советские предприятия приходили в упадок, одновременно создавались частные фирмы и акционерные общества, но далеко не все из них стали успешными. Основная отрасль экономики — рыбная — в своей значительной части ушла «в тень», развились браконьерство и контрабанда, происходила криминализация экономических отношений.

В отличие от других кризисных регионов страны ситуация на Курилах усугублялась их островным и глубоко периферийным положением, диктующим полную зависимость от завоза почти всех материалов, начиная от соляра и угля, на котором работали все местные электростанции и котельные, до продуктов питания. Из-за этого цены и тарифы здесь значительно превышали уровень окружающих регионов. Сообщение с Сахалином и материком осуществлялось в основном по морю с перерывами между навигациями. По причине примитивного обустройства портпунктов погрузочно-разгрузочные работы, в том числе пассажирские, велись экстремальным способом — на рейде с помощью плашкоутов. Многократное удорожание транспортных услуг и топлива в 1990-е гг. резко нарушило регулярность морских рейсов и тем самым поставило районы на грань выживания, оставляя их на длительные периоды без электричества и тепла, отрезанными от внешнего мира.

Крайне ненадёжным было и авиасообщение. После закрытия аэропорта Менделеево на Кунашире (1991) действующим оставался только военный аэродром Буревестник на Итурупе. Он принимал и гражданские самолёты, но не мог обеспечить бесперебойности полётов, так как его техническое состояние постоянно ухудшалось, поскольку военные авиаторы свернули здесь своё присутствие. Попытки использовать для гражданских целей гидроавиацию оказались неудачными из-за погодных условий, часто вызывавших высокое волнение моря. В 1993 г. два гидроплана потерпели аварию при посадке в Южно-Курильской бухте (к счастью, без человеческих жертв).

Едва не закончился тем же и пробный полёт гидроплана на Парамушир с крайне трудными приземлением и взлётом на рейде Северо-Курильского порта. От затеи пришлось отказаться [2, 1993, 6 нояб., 2001, 27 февр.; 18, 1993, 29 сент.].

Острова имели неразвитую обветшалую социальную инфраструктуру. Население проживало в основном в домах барачного типа. В 1994 г. большие разрушения произошли во время землетрясения на Южных Курилах. Восстановительные работы растянулись более чем на десятилетие, оставляя в аварийном состоянии более 70% жилья, а школы и больницы — в приспособленных помещениях.

История первой Курильской программы приходится на годы правления сахалинских губернаторов В.П. Федорова (апр. 1990 — апр. 1993), Е.А. Красноярова (апр. 1993 — апр. 1995), И.П. Фархутдинова (апр. 1995 — авг. 2003), И.П. Малахова (авг. 2003 — авг. 2007). Они осознавали, что курильским районам *жизненно необходимы* экономические преференции и специальные меры государственной поддержки. Первое они наделялись получить в виде особой экономической зоны (ОЭЗ), а второе — в виде федеральной целевой программы [22].

Однако при дефиците всех государственных ресурсов на такие же условия претендовали и другие регионы. В этой конкуренции Курилы имели свой «козырь» — приграничное положение и геополитическую значимость. К сожалению, у руководства РФ долгое время не было чёткой позиции по поводу претензий Японии на право владения Южно-Курильскими островами. Помощь Центра в решении внутренних проблем курильских территорий означала бы не только экономическое стимулирование последних, но и демонстрацию российской юрисдикции над ними. Сахалинцам было нелегко добиться своих целей, но они упорно шли в выбранном направлении, о чем свидетельствует хронология приведённых ниже событий.

Первоначальные подходы к развитию Курил разработала команда В.П. Федорова. Почти весь 1992 год ей пришлось «пробивать» свой проект в Москве, наталкиваясь на сопротивление правительства Е. Гайдара и отраслевых ведомств, что объяснялось острым дефицитом государственного бюджета и аморфным состоянием российско-японских отношений.

И всё же Федорову удалось достичь перевеса сил: 26 октября 1992 г. Президиум ВС принял Постановление «О федеральной программе комплексного социально-экономического развития Курильских островов», которым рекомендовал правительству доработать и принять её до 1 января 1993 г. с предоставлением Курилам статуса субзоны в рамках СЭЗ «Сахалин» (действовала с 1991 г.) [10]. В личном письме от 13 ноября председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов просил Б.Н. Ельцина поддержать проект указа.

Последний 17 ноября встретился с и.о. председателя правительства и сахалинским губернатором, что и решило исход борьбы — президент высказал своё одобрение проекту программы и порекомендовал Е. Гайдару отказаться от поправок [3].

8 декабря 1992 г. Ельцин подписал Указ «О социально-экономическом развитии Курильских островов» [20]. Кроме создания ОЭЗ, документ обязывал правительство выделить в государственной инвестиционной программе на 1993—1995 гг. средства на строительство инфраструктурных объектов, а также предусмотреть налоговые льготы для местных предприятий. Однако Указ не упоминал о ФЦП. К началу 1993 г. она не только не была принята, как это предписывалось Постановлением ПВС, но даже не началось финансирование её научной разработки.

После снятия Федорова с должности губернатора продвижением курильских проектов в Москве продолжал заниматься его бывший соратник В.С. Сиренко, ставший вице-губернатором при Е.А. Красноярове. Активно участвовал в этой работе и М.И. Терешко, зам. начальника областного департамента по рыболовству и Курильским островам. К этому времени правительство возглавлял В.С. Черномырдин, но это не очень облегчило сахалинцам процедуру согласований. Как пояснял Сиренко, «крупнейшую национальную проблему — программу развития Курил — правительственные чиновники... разобрали по министерствам и ведомствам, практически на растерзание... Чиновники стали сами определять, какие объекты нужны, какие нет... Когда министерства взяли на себя командные функции, работа остановилась на три месяца, потому что они вели с нами тяжбу...» [2, 1993, 17 апр.].

Курильские лоббисты действовали как посредством личного «обхода» московских кабинетов, так и через официальные акции от имени территориальных органов. Сахалинский областной Совет народных депутатов в марте и июле 1993 г. обращался к Верховному Совету, президенту и правительству РФ с настоятельным требованием рассмотреть и в срочном порядке принять практические меры по реализации постановления Президиума ВС РФ и Указа Президента, поскольку «ничем не оправданная затяжка... стремительно ухудшает обстановку на островах», оказавшихся «на грани социально-экономической катастрофы» [17, с. 97—99].

Поддерживали сахалинцев и депутаты Верховного Совета РФ. В августе 1993 г. парламентская делегация побывала на Курилах, где зафиксировала неудержимое обострение кризиса, грозившего перейти в такую фазу, что «население с островов придётся эвакуировать». По итогам этой поездки Президиум ВС РФ 27 августа 1993 г. принял Постановление «О неотложных мерах по поддержке социально-экономического развития Сахалинской

области», которым правительству предлагалось до 1 октября представить на утверждение проект федеральной Курильской программы, а с 1994 г. начать её финансирование [18, 1993, 10 сент.]. В том же месяце Итуруп посетил и В.С. Черномырдин, где воочию увидел всю бедственность положения островных районов [2, 1993, 21 авг.].

Наконец, 17 декабря 1993 г. правительство утвердило ФЦП «Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области на 1994—1995 годы и до 2000 года» (ФПК, Курильская программа) [14], которая стала единственной ФЦП, разработанной для трёх муниципальных районов, что было обусловлено геополитической значимостью этого субрегиона.

Для функционирования программы потребовалось создание специальных управленческих структур. Распорядительным органом стала Межведомственная комиссия по реализации ФПК. В её задачи входила координация действий министерств, ведомств, руководства области и предприятий. Функции и полномочия были прописаны в «Положении о Межведомственной комиссии...», принятом Постановлением Правительства РФ от 28 февраля 1994 г. [7]. Должность председателя комиссии занимали главы Госкомсевера (ведомства, назначенного государственным заказчиком программы) — В.П. Курамин (до июня 1998 г.), затем В.В. Гомон. Среди других членов были представили руководства министерств и ведомств, а от Сахалина — действующие губернаторы и В.С. Сиренко (последний — до 2003 г.).

Исполнительным органом выступала сформированная в марте 1994 г. дирекция по реализации ФПК во главе с М.И. Терешко, в 1995 г. его сменил В.В. Ребров, в 2004 г. — А.Н. Конечных. В этой структуре кроме генерального существовала должность исполнительного директора, которую с 1995 по 2003 г. занимал Е.Ф. Рыбаков (бывший председатель горисполкома г. Южно-Сахалинска)[1]. В отличие от первого, занимавшегося в основном согласованием вопросов в Москве, второй регулировал взаимоотношения участников ФПК непосредственно в Сахалинской области.

Главная цель Курильской программы, сформулированная в постановлении правительства от 17 декабря 1993 г., заключалась в *«обеспечении комплексного социально-экономического развития этого региона как особой экономической зоны»*. ФПК отдавала дань идеологии реформ начала 1990-х гг. с присущими ей «романтическими» надеждами на быструю позитивную динамику: в концептуальных целевых установках ФПК *«создание*

[1] В августе 2003 г. Е.Ф. Рыбаков трагически погиб вместе с И.П. Фархутдиновым и другими сопровождавшими губернатора чиновниками во время крушения вертолёта. В память о Е.Ф. Рыбакове депутаты Южно-Курильского района приняли решение установить на фасаде здания аэродрома Менделеево (о. Кунашир) бронзовую табличку как признание его большого вклада в строительство аэропорта [2, 2003. 26 авг., 31 окт.].

условий для устойчивого, бескризисного развития экономики и социальной сферы Курильских островов» увязывалось с преодолением *«негативных факторов, препятствующих формированию рыночной системы хозяйствования»*, и *«экономической интеграцией в рамках АТР»*. В развитии экономики ставка делалась на рыбохозяйственный и биофармацевтический комплексы с внедрением в них новейших технологий. Значительное место уделялось энергетике, дорожно-транспортной инфраструктуре. Всего планировалось строительство 153 объектов. Намечались также научно-исследовательские работы [12; 14; 17, с. 242].

Но в «красивую» идеологию неизбежно вписывалась грубая прагматика. Основным мотивом принятия ФПК была всё же необходимость экстренных мер для того, чтобы островные районы могли просто выжить, а для этого нужны были средства. Но именно финансирование оказалось главной подножкой, о которую спотыкались все целевые программы того периода. Общий бюджет ФПК оценивался в 1546,1 млн руб., из них основная нагрузка приходилась на собственные расходы предприятий (31,7%) и федеральный бюджет (27,7%). Остальные средства должны были обеспечить бюджет Сахалинской области (18,8%), коммерческие кредиты (15,8%) и др. Однако острый кризис финансовой системы страны, неэффективное управление, коррупционные явления делали невозможным получение средств в полном объёме по всем целевым программам. В случае же с ФКП всё это усугублялось последствиями землетрясений на Южных Курилах (1994) и в Нефтегорске (1995), отвлёкших значительные ресурсы на аварийные работы.

В принятом тексте ФПК на весь период реализации давалась погодовая раскладка финансирования, однако впоследствии ежегодно утверждаемый правительством бюджет программы оказывался значительно меньше. Поэтому большую роль в решении денежных вопросов играл механизм «проталкивания» со стороны сахалинского руководства. На это были нацелены регулярные визиты губернаторов в столицу, деятельность дирекции по реализации ФПК и представительства Сахалинской области в Москве. Особое значение имели их взаимоотношения с государственным заказчиком программы — Госкомсевера, позже — Минэкономразвития (см. ниже). Иногда удавалось немного поднять планку годовых бюджетных сумм, тем не менее они не достигали планового уровня.

Те средства, которые всё же поступали на Курилы, переводились частями, как правило, во второй половине года — ближе к его концу, когда освоить их полностью было сложно из-за условий навигации и сезонной погоды. Например, в 1994 г. в первом полугодии из федерального бюджета поступило 3,9% средств, а 73% — в декабре 1994 г. и начале следующего года. В 1995 г. 90% бюджетных денег пришло в конце августа [17, с. 233—244; 2, 1995, 19 окт.].

В связи с форс-мажорными обстоятельствами часть денег иногда приходилось тратить на объекты, не прописанные в программе. Так, в 1995 г. из 60 млрд руб. федеральных средств 24 млрд пошло на оплату временных домиков контейнерного типа для пострадавших от землетрясения. В результате по ФПК образовалась задолженность перед подрядчиками, которую правительство погасило в следующем году [13, с. 250; 15]. Кстати, «контейнерные» домики оказались непригодными для проживания в условиях Курил, но поставщик (МВД России) деньги за них получил полностью [23, 2004. 29 сент.].

Проблемы финансового и организационного обеспечения достаточно остро проявлялись также на областном и районном уровнях, что было обусловлено как объективными трудностями, так и управленческими издержками. Негативную лепту в этот процесс вносили и теневые отношения.

Из областного бюджета деньги в 1994 и 1995 гг. на Курильскую программу вообще не перечислялись. В дальнейшем у администрации области появилось больше финансовых возможностей, так как началась разработка нефтегазовых месторождений на шельфе Сахалина. Однако получение областью процентов от налога на добычу углеводородов быстро снизилось с 60% до 5%. Соответственно выделение средств на ФПК из областного бюджета в реальности оказалось гораздо меньше запланированного [2, 2005. 16 июня].

По Указу президента от 8 декабря 1992 г. на финансирование приоритетных курильских проектов должна была пойти и валюта, полученная от продажи лицензий на вылов рыбы и морепродуктов в Курильском промысловом районе. Но и эти средства в первые два года доходили до островных муниципалитетов в мизерных объёмах, так как использовались Госкомрыболовством и областной администрацией на другие цели. С 1995 г. при содействии представителя президента РФ в Сахалинской области В.Н. Каморника на Курилы стали перечислять более существенные суммы по этой статье, но в связи с постоянным кризисным положением районные администрации тратили их не на объекты ФПК, а на текущие расходы [17, с. 233—244; 2, 1995, 24 авг., 1996, 12 окт.].

Не оправдалась ставка на частных инвесторов, их вложения оказались незначительными. Бизнесмены из центра и других регионов страны, а тем более иностранные, опасались инвестировать в районы с неясной судьбой в решении «территориального вопроса» [22, с. 169—170]. У местных же предпринимателей не было достаточных оборотных средств, а многие из них и вовсе обанкротились. Государство, со своей стороны, постоянно сокращало, по сравнению с обещанными, инвестиционные и налоговые кредиты, не отработало механизма гарантий и залогов по банковским кредитам, а инвестиционные коммерческие ссуды были очень дорогими [17, с. 243, 380; 2, 2006, 14 нояб.].

Банком-агентом администрации Сахалинской области по финансированию инвестиционных проектов, согласно постановлению губернатора Е.А. Красноярова № 284 от 5 ноября 1993 г., стал МАБЭС «Сахалин-Вест», организованный в декабре 1991 г., среди соучредителей которого был и Фонд имущества Сахалинской области [18, 1993, 10 дек.]. Действуя как банк-монополист, наделённый к тому же большими преференциями, он вызвал острое недовольство со стороны предпринимателей — участников ФПК. В ноябре 1995 г. директора нескольких предприятий написали коллективное письмо губернатору И.П. Фархутдинову и представителю президента В.Н. Каморнику, возмущаясь тем, что «Сахалин-Вест» установил слишком высокие проценты по кредитам, неоправданно жёсткие условия их возврата и штрафов, высокую цену на банковское обслуживание, что не способствовало инвестированию в экономику островов [2, 1995, 2 нояб.]. В 1996 г. новым банком-агентом администрации СЭЗ «Сахалин» по конкурсу был выбран коммерческий банк «Итуруп» (владелец — предприниматель из Курильска А.Г. Верховский), которому и перешло исключительное право финансирования проектов и программ по налоговому кредиту [6].

Скандальную известность приобрёл и первый главный подрядчик-исполнитель Курильской программы — АОЗТ «Викинг» (директор — Н.В. Бандура). Эта компания, зарегистрированная в Южно-Сахалинске, получала на реализацию мероприятий по ФПК крупные суммы, но расходовала их без надлежащего контроля и значительную часть по нецелевому назначению, что выявила проверка прокуратуры и федерального казначейства в 1995 г. Было возбуждено уголовное дело [2, 1995, 2 и 23 сент.].

К 1997 г. доля реально профинансированных работ по Курильской программе составляла 20%, в 1997 г. — 4%, 1998 г. — 15%, а инфляция обесценивала и эти урезанные средства [1]. Из-за этого с первого же года реализации ФПК началось отставание от графика, которое постоянно нарастало. Множество начатых объектов перешло в разряд долгостроя, завезённые материалы приходили в негодность, незаконченные конструкции ветшали. В Постановлении «О мерах по стабилизации социально-экономического положения на Курильских островах» от 22 сентября 1997 г. губернатор Фархутдинов констатировал, что не удалось «обеспечить приостановление падения производства и стабилизацию социально-экономического положения в этих районах» [17, с. 343—344].

В конце 1997 — начале 1998 г. произошёл всплеск внимания к курильской теме в международном плане, что было связано с неформальными переговорами между лидерами России и Японии. Геополитическая значимость Курил выдвинула на повестку дня и проблему их внутреннего состояния. На острова поехали официальные лица, открывая для себя «ужасы»

местной жизни: в марте 1998 г. — председатель Госкомсевера В.П. Курамин, в апреле — пресс-секретарь президента С.В. Ястржембский [18, 1998, 24 марта, 9 июня].

Острота внутренней ситуации на Курилах на фоне активизации российско-японских переговоров заставила власть принять решение о корректировке ФПК. Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. срок её реализации был продлён до 2005 г. с мотивировкой: *«учитывая особую геополитическую значимость для Российской Федерации Курильских островов и в целях стабилизации социальной и экономической обстановки в этом регионе...»* [11]. Как видим, здесь уже не шла речь о *«развитии региона ... как особой экономической зоны»*: к этому времени действие СЭЗ «Сахалин» и ОЭЗ «Курилы» фактически сошло на нет.

Однако в 1999 и 2000 гг. ФПК столкнулась с новой угрозой: правительство решило резко сократить число действовавших федеральных программ, в том числе и Курильскую. И лишь усилия дирекции ФПК и администрации области помогли избежать этого [19, с. 322; 2, 2001, 25 дек.].

Принципиальное отношение к курильскому вектору политики заметно изменилось со сменой российского президента. Несмотря на всю неоднозначность российско-японских отношений в 2000-е гг., позиция В.В. Путина основывалась на необходимости экономического и военного укрепления Курил. Эту линию он продемонстрировал на встрече с И.П. Фархутдиновым 8 июня 2000 г., по итогам которой поручил правительству М.М. Касьянова рассмотреть положение на Курильских островах [5, 2000, 13 июня].

Данный вопрос был заслушан на заседании правительства 9 ноября того же года: здесь Фархутдинов изложил своё видение перспектив Курильской программы и был поддержан главой Минэкономразвития Г.О. Грефом. В отличие от первоначального варианта ФПК, в которой приоритетными считались объекты рыбопереработки, проект пролонгированной части был перенацелен на энергетику, транспорт, дороги и связь — без них, как убеждал губернатор, невозможно сделать продукцию местной промышленности конкурентоспособной, от чего, в свою очередь, зависела и социальная сфера. Итогом заседания стало решение о разработке уточнённой программы на 2002—2005 гг., и 17 декабря 2001 г. она была утверждена, при этом государственным заказчиком стало Минэкономразвития [2, 2000, 18 нояб.; 12].

Общее финансирование ФПК определялось в 8509,3 млн руб., но в 2002 г. было сокращено до 8350,6 млн руб. за счёт уменьшения выплат из федерального бюджета [8]. Главную роль в обеспечении средствами теперь возложили на частных инвесторов (что впоследствии не оправдалось). Если в первоначальной ФПК доля всех бюджетных источников составляла 46,5%, то в пролонгированной — 27,5% (федеральный бюджет — 17,9%, областной — 6,4%,

районные — 3,2%). Из внебюджетных источников основная нагрузка падала на внешние инвестиции (33%) и собственные средства предприятий (30%), кредитам отдавалось 9,4%.

В 2002—2005 гг. усилия по реализации ФПК сосредоточивались на окончании строительства отдельных объектов энергетики, транспорта и связи. Но это удалось сделать лишь частично, так как недофинансирование продолжалось, и к концу действия программы поступило только 18% запланированных средств [2, 2006, 13 сент.].

В 2005—2006 гг. сахалинское руководство прилагало большие усилия, чтобы убедить центральную власть в необходимости очередного продления Курильской программы. В союзники привлекались полпреды президента в ДФО К.Б. Пуликовский и К.Ш. Исхаков, депутаты Сахалинской областной и Государственной Дум, неоднократно посещавшие Курилы, некоторые высокопоставленные чиновники. Продвижению вопроса способствовало улучшение общей финансовой ситуации в стране и всё тот же геополитический фактор (в 2000-е гг. Япония ужесточила риторику по «курильскому вопросу»).

Решающей для сахалинцев стала встреча В.В. Путина с И.П. Малаховым в мае 2005 г. Президент назвал неудовлетворительными результаты развития Курил и поручил правительству М.Е. Фрадкова до 1 августа представить предложения по радикальному исправлению ситуации. Губернатор получил принципиальное согласие на разработку новой Курильской программы [2, 2005, 28 мая]. О том, что эта проблема была поднята на уровень национальной безопасности, говорит тот факт, что летом и осенью 2005 г. острова посетили руководители ФСБ Н. Патрушев и Минобороны С. Иванов, помощник президента А. Беглов, министр регионального развития В. Яковлев и др. делегации [2, 2005, 15 июня].

Всё это имело для ФПК практический результат — финансирование не только было продолжено в 2006 г. (теперь уже в рамках Федеральной адресной инвестиционной программы, ФАИП), но и перешло на качественно другой уровень: выплаты из федерального бюджета возросли в 6 раз [2, 2006, 27 окт.; 23, 2005, 13 окт.]. Одновременно шла разработка ФПК на срок 2007—2015 гг., завершившаяся её принятием 9 августа 2006 г. [8]. Таким образом, первая Курильская программа без остановки перетекла во вторую.

Несмотря на пролонгацию ФПК, реализовать её не удалось даже наполовину. Из 153 плановых объектов было построено только 40. Но можно ли считать это полным фиаско?

Несомненно, программа способствовала определённому подъёму местного частного бизнеса в рыбной отрасли. К 1998 г. ЗАО «Гидрострой» в пос. Рейдово (о. Итуруп) и ООО «Авангард» в Южно-Курильске (о. Кунашир), используя средства ФПК, построили современные производства

по переработке рыбы, а ООО МП «Южные Курилы» (о. Кунашир) — морской капусты. На фоне старых деревянных цехов и примитивных разделочных линий новые производства воспринимались, как «промышленная революция» [17, с. 376; 2, 1998, 9 апр.; 18, 2006, 14 марта]. Позже аналогичные цеха появились в посёлках Рыбаки, Китовый (о. Итуруп), Крабозаводское (о. Шикотан). Бывший ранее в государственной собственности Южно-Курильский рыбокомбинат (о. Кунашир), почти полностью разрушенный землетрясением, переживший банкротство и переход в частные руки, в 2001 г. получил около 58 млн руб., с помощью которых за короткий срок реконструировал старые и построил новые цеха, пополнил флот [14; 23, 2002, 25 дек.].

Что касается биофармацевтического комплекса как потенциального движителя местной экономики (согласно целям ФПК 1993 г.), то к нему даже не подступали. Но был дан толчок важнейшему и пока слабо развитому сегменту рыбного хозяйства — воспроизводству морских биоресурсов: на Итурупе построили Рейдовский и реконструировали Курильский рыбоводные заводы, на Кунашире начали организацию марикультурного хозяйства по выращиванию гребешка [12; 2, 2006, 14 нояб.].

Государственно-частное партнёрство выразилось и в том, что ФПК давала работу сахалинским и курильским подрядчикам — ООО «Труд-Сахалин», ЗАО «Гидрострой», ЗАО «Энергия», — которые строили основную часть её объектов, [2, 2005, 16 июня]. Иногда привлекались и внешние организации, но это было не всегда оправдано. Так, в 2006 г., когда курильские проекты финансировались в рамках ФАИП, функции заказчика по работам в аэропорту Менделеево (о. Кунашир) выполняло Министерство транспорта, которое провело конкурс на этот подряд. Из принявших в нём участие двух организаций — ЗАО «Трансстрой-Сахалин» (совместно с компаньоном ООО «Труд-Сахалин») и ОАО «Избербашский радиозавод» (Дагестан) — неожиданно победил второй, хотя, в отличие от своего конкурента по конкурсу, не относился к строительной отрасли, не имел никакой базы на Курилах и не спешил выполнять свои обязательства [2, 2006. 24 окт.].

Жизненно необходимым для районов было приведение в порядок инфраструктуры. Данная задача присутствовала в ФПК уже на первом этапе, а после пролонгации выдвигалась как приоритетная. В энергетической сфере хорошие перспективы имело освоение геотермальных источников, позволявших удешевить производство электричества и тепла, преодолеть зависимость от завоза топлива. С конца 1990-х гг. основные средства для этого выделялись из внебюджетного фонда области, пополнявшегося за счёт прибыли от нефтегазовых проектов [2, 2000, 21, 27 июня].

На Кунашире с 1993 г. строилась первая на островах Менделеевская ГеоТЭС. В 1990-е гг. она стала давать свет и тепло посёлку Горячий Пляж, но

на полную мощность вышла только в 2006 г., обеспечив около 40% потребности в электричестве на острове [2, 1997, 4 сент., 2006, 28 дек.; 23, 2002, 30 апр.]. Вторую ГеоТЭС — «Океанскую» — возводили на Итурупе. Туда доставили два энергоблока, материалы для кабельной линии, прокладывали подъездную дорогу от г. Курильска. Станцию планировали сдать в 2004 г., однако работы несколько раз останавливались. Ускорить строительство помогли средства, выделенные в 2006 г.: в декабре был запущен первый энергоблок, но он пока обеспечивал только нужды самих строителей [2, 2001, 21 июня, 2004, 28 янв., 2006, 19 дек.].

На Парамушире проект по ГеоТЭС проводился на уровне изыскательных работ. Здесь основным достижением стало обновление единственной в области мини-ГЭС на р. Матросской (построенной ещё при японцах), хотя эти работы также периодически задерживались. В 2002 г. мини-ГЭС была выведена на полную мощность и вместе с дизельными станциями стала снабжать электричеством г. Северо-Курильск [17, с. 375—376; 2, 2001, 21 нояб.].

Программой предусматривалось также использование энергии ветра. Такая станция должна была заработать в 2001 г. в пос. Головнино (о. Шикотан). Но завезённую туда ветроэнергетическую установку в эксплуатацию так и не ввели [2, 2001, 1 марта; 23, 2004, 18 марта, 2011, 15 апр.]. В целом, несмотря на некоторые подвижки в разработке нетрадиционной энергетики, основную роль в энергоснабжении продолжали играть дизельные станции со всеми их издержками (поломками старого оборудования, перебоями в поставках топлива, отключениями электричества), да и ГеоТЭС в дальнейшем оказались небеспроблемными.

В транспортной отрасли одной из наиболее значимых задач ФПК была реанимация аэропорта Менделеево. Реконструкция его взлётно-посадочной полосы проводилась более 10 лет с задержками поставок материалов и финансирования. Регулярные полёты начались в 1996 г., но аэропорт работал в ограниченном режиме, так как не имел нужного навигационного оборудования, не решил проблему завоза топлива для заправки самолётов и не прошёл сертификацию (на неё также требовались средства) [17, с. 375; 2, 1995, 22 июля, 2002, 25 июля; 23, 2005, 4 апр.].

В инфраструктуре морского транспорта в рамках ФПК проводилась модернизация Северо-Курильского, Курильского и Малокурильского портпунктов — углубление дна, обустройство причалов и закрытых ковшей, что в перспективе позволяло вести погрузку и разгрузку судов непосредственно у берега. Все эти работы к окончанию срока ФПК остались незавершёнными [2, 2005, 16 июня, 2006, 14 нояб.; 23, 2005, 11 мая].

Курильская программа касалась и другой болезненной проблемы — дорожной. На первом этапе основное внимание уделялось строительству

капитальных мостов, так как большинство старых прогнило. К 2000 г. программу в этой части выполнили, введя в эксплуатацию 13 мостов [12; 2, 2000, 16 мая]. С дорогами дело обстояло гораздо хуже. Асфальтовых трасс на Курилах не было, а состояние грунтовок оставалось таким, что они были доступны в основном внедорожникам. Администрации районов вынуждены были в весеннюю распутицу вводить ограничения на движение тяжёлого транспорта, чтобы обеспечить сохранность земляного покрытия [23, 2004, 7 апр.].

В Постановлении правительства от 17 декабря 1993 г. речь шла о строительстве на Курилах в общей сложности 161 км автодорог. В реальности же в строй вводились небольшие участки с щебёночным покрытием — по 3—7 км в год. Суммарная их длина составила 21 км (с учётом подходов к мостам) [12]. Но и это воспринималось как достижение. Так, в 2003 г. на Кунашире участок дороги Южно-Курильск — Головнино (3 км) торжественно принимала комиссия областного департамента строительства. «По местным меркам, — сообщала пресса, — дорога выглядит великолепно. Она отсыпана щебёнкой и хорошо утрамбована, по обочинам оборудованы водостоки, границы чётко обозначены ограждениями» [2, 2003. 18 окт.].

Менее всего Курильская программа повлияла на социальную инфраструктуру. Из завершённых объектов значились только поликлиника в Северо-Курильске и две школы. Возведение этих зданий действительно определялось острой необходимостью, так как старые стали непригодными для эксплуатации.

Особенно быстро (за 9 мес.) удалось построить школу на 350 мест в Курильске (о. Итуруп). Подрядчиком здесь выступила американская компания «Арктические городки и оборудование», применившая технологию сэндвич-панелей. Новая школа на фоне унылого вида остальных городских строений выделялась яркими красками, была светлой и просторной. В торжественной церемонии её открытия приняла участие представительная делегация — В.П. Курамин, И.П. Фархутдинов, депутаты Госдумы [2, 1998. 26 марта]. Позже, однако, проявились и проблемы в эксплуатации: материалы внутренней отделки выделяли неприятный запах, в помещениях не было вентиляции, кровля не выдерживала испытания тайфунами, недолговечной оказалась система отопления [2, 2006, 14 сент., 14 нояб.].

Школа в с. Крабозаводском (о. Шикотан), построенная в 1972 г., пострадала от землетрясения 1994 г., после чего обучение детей проводилось в приспособленном барачном помещении. В 1998 г., когда усилилось международное внимание к Курилам, Б.Н. Ельцин дал поручение Ю.М. Лужкову «изыскать возможности» силами Москвы построить здесь новую школу, поскольку других средств у государства на эти цели не оказалось [2, 1998, 9 июня]. Однако мэр Москвы поручение не выполнил. И только в 2003 г. на

средства ФПК подрядная организация ЗАО «Труд-Сахалин» начала строительство современного и удобного школьного здания на 200 учащихся. Его сдали в 2006 г., как водится, в торжественной обстановке с участием министра образования А.А. Фурсенко, полпреда президента в ДФО К.Ш. Исхакова, губернатора И.П. Малахова [2, 2006, 2 сент.].

В 2004 и 2006 гг. с перерывом велось, но не завершилось строительство новой районной больницы в Курильске [2, 2006, 8 авг.]. В это время стационар с хирургическим, терапевтическим, родильным отделениями продолжал работать в деревянном приспособленном помещении 1963 г. постройки. Весной и осенью его первый этаж и прилегающая территория заливались водой. Канализация, водопровод, электропроводка полностью пришли в негодность, полы прогнили и т.д. [2, 1998, 28 марта].

Крайне тяжёлой оставалась жилищная проблема, особенно в пострадавших от землетрясения районах. В 1995 г. впервые по области в Южно-Курильск завезли модули быстровозводимых коттеджей по канадской технологии, но, несмотря на название, собирали их в течение 10 лет, сдав чуть более 20 домиков. При поддержке ФПК построили также 18-квартирный дом в Северо-Курильске, а всего на островах было введено в строй 8 тыс. кв. м жилой площади, что обеспечивало лишь мизерную часть реальных потребностей [12; 2, 1998, 9 апр., 2000, 16 мая, 2006, 14 нояб.].

В общем итоге первая Курильская программа не достигла ни одной из своих концептуальных целей, её реализация носила точечный характер, «прикрывая» отдельные «дыры» в местном хозяйстве. Вместе с тем стоит отметить, что поддержка Курил была предусмотрена и в ряде других ФЦП («Развитие рыбного хозяйства РФ на период до 2000 г.» и др.). Однако реальные деньги, хотя и в сильно уменьшенном объёме, островам удавалось получить в основном только по Курильской программе. Она помогла начать здесь модернизацию рыбопереработки, способствуя подъёму этого бизнеса в легальном сегменте, обозначила перспективные решения в развитии инфраструктуры.

Пример ФПК показывает, что в рассмотренный период программно-целевой метод, провозглашённый государственными реформаторами «сверху», на практике настойчиво проталкивали «снизу» региональные управленцы, используя его главным образом не как регулятор развития, а как источник дополнительного бюджетного финансирования для преодоления критических состояний. Успеху этого «проталкивания» в значительной степени способствовал геополитический фактор. Однако разработчикам программы не удалось соотнести приоритетные социально-экономические задачи с ресурсными возможностями государства, области и районов, а также создать действенные механизмы привлечения частных инвестиций.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аналитич. вестник Гос. Думы РФ. Серия: Экономическая политика. Вып. 6. Южные Курилы: проблемы экономики, политики, безопасности. М., 2002. URL: http://iam.duma.gov.ru/node/8/4477/14890 (дата обращения: 25.02.2019).
2. Губернские ведомости. 1993—2006.
3. Дорофеев В., Шакиров Р. Освобождение Курил // Коммерсантъ. 1992. № 54. 7 дек.
4. Закон РФ «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» от 28.05.1992 г. № 2859-1. URL: https://base.garant.ru/10104690/ (дата обращения: 17.05.2020).
5. Курильские новости (Курильск. Информ. портал). URL: https://kurilsk.sakh.com/news (дата обращения: 17.04.2020).
6. Постановление губернатора Сахалинской области от 26.06.1996 № 348 «Об утверждении решения консультативного совета администрации СЭЗ „Сахалин“». URL: http://docs.cntd.ru/document/973602407 (дата обращения: 08.02.2020).
7. Постановление Правительства РФ от 28.02.1994 № 176 «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по реализации ФП социально-экономического развития Курильских островов Сахалинской области на 1994—1995 гг. и до 2000 г. и её состава». URL: https://base.garant.ru/5347693/ (дата обращения: 14.03.2020).
8. Постановление Правительства РФ «О внесении изменений в ФЦП „Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области (1994—2005 гг.)“» от 20.12.2002 № 910. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=12364 (дата обращения: 04.05.2020).
9. Постановление Правительства РФ «О продлении срока реализации ФП социально-экономического развития Курильских островов Сахалинской области на 1994—1995 гг. и до 2000 г.» от 30.06.1998 № 668. URL: https://rulaws.ru/goverment/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-30.06.1998-N-668/ (дата обращения: 20.14.2020).
10. Постановление Правительства РФ «О реализации ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» от 26.06.1995 № 594. URL: http://docs.cntd.ru/document/9029321 (дата обращения: 17.05.2020).
11. Постановление Правительства РФ «О ФЦП „Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007—2015 гг.“» от 09.08.2006 № 478. URL: http://docs.cntd.ru/document/90199282 (дата обращения: 20.05.2020).
12. Постановление Правительства РФ «О ФЦП „Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области (1994—2005 гг.)“» от 17.12.2001 № 872. URL: http://docs.cntd.ru/document/901807190 (дата обращения: 20.02.2019).
13. Постановление Президиума ВС РФ «О ФП комплексного социально-экономического развития Курильских островов» от 26.10.1992 № 3742-I. URL: http://docs.cntd.ru/document/901606504 (дата обращения: 25.02.2019).
14. Постановление СМ — Правительства РФ «О ФП социально-экономического развития Курильских островов Сахалинской области на 1994—1995 гг. и до 2000 г.» от 17.12.1993 № 1297. URL: https://base.garant.ru/1587158/ (дата обращения: 20.02.2019).
15. Распоряжение правительства РФ от 06.03.1996 № 326-р. URL:https://www.lawmix.ru/pprf/110610 (дата обращения: 04.05.2020).

16. Распоряжение правительства РФ от 14.06.2001 № 800-р. URL: http://docs.cntd.ru/document/901789632 (дата обращения: 17.05.2020).
17. Сахалинская область в документах и фактах. 1992—2000 годы / отв. сост. М.В. Гридяева. Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. типография, 2017. 648 с.
18. Советский Сахалин. 1993. 1998. 2006.
19. Туртушов В.В. Роль и место федеральных целевых программ в программно-целевом регулировании экономики России // Вестник Чувашского ун-та. 2013. № 2. С. 321—323.
20. Указ Президента РФ «О социально-экономическом развитии Курильских островов» от 08.12.1992 № 1549. URL: https://www.lawmix.ru/pprf/40380 (дата обращения: 25.02.2019).
21. ФЗ РФ «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» от 13.01.1994 № 60-ФЗ. URL: http://docs.cntd.ru/document/9039688 (дата обращения: 17.05.2020).
22. Чернолуцкая Е.Н. Курилы в 1990-е гг.: рыночные реформы и «пограничный вопрос» // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 27. С. 162—178.
23. Южно-Курильские новости (Южно-Курильск. Информ. портал). URL: https://ykurilsk.ru/news (дата обращения: 11.04. 2020).

УДК 947.084.8“1990/1992”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10011

ПОДГОТОВКА ПРИВАТИЗАЦИИ В ПРИМОРЬЕ (1990—1992 гг.): ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Николай Степанович Воронцов,
старший лаборант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: nsv91@yandex.ru

Статья посвящена вопросам приватизации в Приморье на начальном этапе экономических реформ в России. Основное внимание уделяется подготовке нормативно-правовой базы приватизации в городах и районах края. Прослеживаются взгляды представителей политической элиты Приморья на процессы разгосударствления и приватизации, а также трансформация региональных и местных органов власти и управления, осуществлявших управление имуществом, подготовку и проведение приватизации. Рассматривается первая программа приватизации государственного и муниципального имущества в Приморском крае. На основе анализа нормативных документов показаны цели приватизации, механизмы её осуществления в регионе и прогнозы, сопоставлены ожидания и реальные результаты первого этапа приватизации. Сделан вывод о том, что усилия региональных и местных властей оказались недостаточными для точного и своевременного исполнения принятой программы, а методы и подходы, используемые органами управления, координировавшими ход приватизации, не принесли желаемого эффекта.
Ключевые слова: приватизация, разгосударствление, региональная политическая элита, Советы народных депутатов, Приморский край

PREPARATION OF PRIVATIZATION IN PRIMORYE (1990—1992): BASED ON RECORDS OF REGIONAL AND LOCAL AUTHORITIES AND ADMINISTRATIONS

Nikolay Vorontsov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: nsv91@yandex.ru

The article is devoted to the problems of privatization in the Primorsky Krai at the first stage of economic reforms in Russia. The main attention is paid

to the preparation of the legal framework for privatization in the cities and districts of Primorye. The views of representatives of the political elite of Primorye on issues of denationalization and privatization, as well as the transformation of regional and local authorities responsible for property management and privatization, are examined. The first privatization program of state and municipal property in the Primorsky Krai is investigated. Based on the analysis of regulatory documents, the goals and objectives of privatization, the procedures for its implementation and forecasts are shown. The expectations and real results of the first stage of privatization are compared. It is concluded that the efforts of regional and local authorities were insufficient for the accurate and timely implementation of the program. The methods used by administration to coordinate the progress of privatization did not bring the desired effect.

Keywords: privatization, denationalization, regional political elite, Soviets of People's Deputies, Primorsky Krai.

Проблемы российской приватизации, ставшей неотъемлемой частью процесса рыночных преобразований, были и остаются одним из важных вопросов внутренней жизни страны. Дискуссии о целесообразности приватизации, эффективности её методов и справедливости результатов до сих пор продолжаются. Вместе с тем существуют и относительно малоизученные страницы истории приватизации в России — это, прежде всего, её региональные аспекты.

Зарождение представлений о необходимости пересмотра существовавших отношений собственности и неизбежности предстоящих перемен впервые прослеживается в ряде нормативно-правовых актов союзного значения в конце 1980-х гг., в дальнейшем приобретая более конкретные очертания. Важным шагом на пути к переосмыслению сложившихся имущественных отношений становится принятие «Основ законодательства Союза СССР и союзных республик об аренде» [11], где впервые допускалась возможность выкупа трудовыми коллективами имущества предприятий [9, с. 39], а также вступление в силу в 1990 г. Законов «О собственности в СССР» и «О предприятиях в СССР» [8; 7]. В том же году идея полной перестройки экономической системы приобретает могущественных сторонников в новом руководстве РСФСР [2, с. 296]. Появление в конце 1990 г. законов «Об обеспечении экономического суверенитета РСФСР» и «О собственности в РСФСР» [4; 6], а также принципиальное решение Верховного Совета России проводить экономические преобразования на основе принципов программы «500 дней» закрепили генеральный курс на разгосударствление как один из важнейших элементов перехода к рыночной экономике [12, с. 120].

В это же время идеи о необходимости разгосударствления и приватизации обрели сторонников среди представителей региональных и местных элит. Не стал исключением и Приморский край, где ещё в первой половине 1990 г. в итоге выборов народных депутатов в Советах всех уровней сформировались группы, разделявшие политику председателя ВС РСФСР Б.Н. Ельцина и курс на экономические преобразования. С конца 1990 г. проблема разгосударствления и предстоящей приватизации всё чаще появляется в повестке дня сессий Советов народных депутатов. Региональные руководители Советов и исполкомов не оказывали противодействия будущим реформам [3], напротив, их усилиями идеи разгосударствления стали внедряться в трудовые коллективы предприятий [10, с. 60]. К последовательным, хотя и осмотрительным, сторонникам приватизации можно причислить и председателя крайисполкома В.С. Кузнецова, приветствовавшего внедрение рыночных идей и коренное переустройство экономики края [ГАПК. Ф. 26. Оп. 36. Д. 1111. Л. 18].

Уже 19 октября 1990 г. Главное планово-экономическое управление крайисполкома выпустило «Положение о разгосударствлении торговли, общественного питания и сферы услуг», которое стало первым нормативным актом, затронувшим проблему приватизации в регионе. К началу 1991 г. краевые власти, опираясь на принципы демонополизации, разгосударствления и поощрения предпринимательской инициативы, дали зелёный свет созданию акционерных обществ, однако отсутствие рынка ценных бумаг пока препятствовало превращению этого процесса в массовый [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1323. Л. 17].

Примечательно, что уже в конце 1990 г. руководители Владивостока заподозрили власти края в попытке притормозить реформы, «маскируясь под фиктивные действия разгосударствления», и тем самым добиться «сохранения существующей структуры под новой вывеской» [ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 41]. На заседании сессии Владивостокского городского Совета 21 ноября состоялась обширная дискуссия по вопросам экономических реформ, в которой уверенно доминировали сторонники незамедлительных перемен. С разгосударствлением связывали надежды на улучшение экономической ситуации председатель городского Совета В.Я. Семёнкин и председатель горисполкома Е.М. Блинов [ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 109—114]. Вместе с тем, обмен мнениями наглядно продемонстрировал довольно туманное представление городских руководителей и депутатов горсовета о способах и механизмах этого процесса.

Тем не менее, городской Совет принял план действий по практической реализации программы перехода к рынку, дополнив его рекомендациями по разгосударствлению [ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 26, 41]. В то же самое время активно обсуждался проект свободной экономической зоны

во Владивостоке, и в короткие сроки было разработано «Дополнение к концепции развития города Владивостока в условиях зоны свободного предпринимательства». Согласно этому документу, в городе предстояло провести широкомасштабную инвентаризацию имущества и запустить подготовку приватизации, начав акционирование предприятий. В связи с этим городские власти просили Верховный Совет РСФСР наделить их правом разгосударствления предприятий республиканского и союзного подчинения [ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 32. Л. 30].

Примечательно также, что интерес к акционированию наблюдался и среди руководителей Приморского краевого комитета КП РСФСР. И хотя партийные лидеры (не без оснований) опасались, что «приватизация основных производственных фондов вместо безвозмездной передачи трудящимся фабрик и заводов тоже играет на руку тем, кто скупит за бесценок богатства, накопленные трудящимися многих поколений» [ГАПК. Ф. П-3. Оп. 30. Д. 381. Л. 150], стремительно меняющаяся обстановка способствовала всё возрастающей вовлечённости структур КПСС в коммерческую деятельность. В этой связи заслуживает внимания предложенный летом 1991 г. управляющим делами Приморского крайкома КП РСФСР В.Г. Финтисовым проект создания особого акционерного общества закрытого типа с последующей передачей ему объектов собственности КПСС на территории края [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1107. Л. 30—31].

Проявленный энтузиазм и подготовленные предложения всё же не могли компенсировать главного — отсутствия правовой базы. Принятый 3 июня 1991 г. Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» [5] вновь оживил процесс подготовки приватизации на местах. Однако он временно отошёл на второй план на фоне начавшейся осенью 1991 г. реорганизации исполнительной власти и разграничения собственности (включая бывшее имущество КПСС [13]) между органами власти и управления различных уровней [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1494. Л. 86—88]. Вместе с тем работа по подготовке приватизации не прекращалась. По оценке и.о. председателя краевого Совета Д.Н. Григоровича, в первую очередь следовало решить кадровые вопросы [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1328. Л. 63]. Значительное внимание данному направлению уделяли первый глава администрации Приморья В.С. Кузнецов и его заместитель И.Л. Чернянский [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1327. Л. 82].

Власти краевой столицы также использовали вторую половину 1991 г. для решения организационных и кадровых вопросов. «Первое, что мы должны создать, — отмечалось в обращении председателя городского Совета С.С. Соловьева, — это комитет по управлению городским имуществом, провести полностью инвентаризацию всего городского имущества. Собрать туда умных инициативных людей, создать им все условия, оснастить

необходимой техникой. И только после этого, убедившись, чтó у нас есть в наличии, приватизировать, проводить разгосударствление и т.д.» [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1494. Л. 155].

В декабре работа местных властей получила дополнительный импульс, чему поспособствовал Указ Президента России «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» [14], а также принятые «Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год». В структуре администрации 24 декабря 1991 г. был образован Комитет по управлению государственным имуществом Приморского края [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1. Л. 279] (председатель — Г.Г. Токуленко [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1434. Л. 10]). Также решением краевого Совета народных депутатов от 20 декабря был создан Фонд имущества Приморского края (председатель — В.Ф. Луценко, управленец-реформатор, имевший опыт руководства крупными предприятиями [10, с. 62]). Фактически фонд начал свою работу в марте 1992 г. В то же время были созданы и начали работу фонды имущества в городах и районах края [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1434. Л. 19]. Приморский краевой Совет 27 мая 1992 г. утвердил программу приватизации государственных и муниципальных предприятий на текущий год [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 17—21].

В экономическом плане запущенный процесс приватизации должен был способствовать увеличению доходов краевого бюджета и «освобождению государства от бремени содержания наиболее неэффективных предприятий и объектов», под которыми подразумевались, прежде всего, убыточные предприятия и объекты незавершённого строительства. Кроме того, одной из заявленных целей стало формирование новых социальных групп, «свободных от административного принуждения и наделённых имущественными правами»; в дальнейшем именно они должны были обеспечить эффективную деятельность предприятий, а также восстановить связь производителя с потребителем [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 20]. Ожидалось, что вырученные в ходе приватизации средства пойдут на покрытие дефицита бюджета, а также поступят во внебюджетные фонды социальной защиты населения, охраны окружающей среды и развития инфраструктуры края [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 31].

Прежде чем приступить к разработке конкретных предложений, комитету по управлению государственным имуществом пришлось проделать обширную работу по сбору и анализу статистики о финансовом положении предприятий, эффективности их производственных мощностей и количестве занятых работников. Далее последовало определение перечня объектов, подлежащих приватизации, определение сроков, проработка возможности участия иностранных инвесторов. Наконец, был дан прогноз ожидаемых денежных поступлений и варианты их дальнейшего

распределения. Необходимо было также принять в расчёт предложения различных ведомств, администрации предприятий и трудовых коллективов, а также оценить возможные негативные последствия приватизации, чтобы в случае их возникновения исполнить все социальные обязательства [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 21]. Среди депутатов краевого Совета широкое распространение получило мнение о необходимости закрепления приоритета трудовых коллективов предприятий в ходе приватизации. Звучали предложения направить в Верховный Совет России проект отдельного закона либо внести соответствующий раздел в действующий закон о приватизации [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1434. Л. 42]. С другой стороны, особые льготы для трудовых коллективов вызвали и отдельные критические замечания, поскольку лишали остальных участников приватизации равных возможностей [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 125].

Первый этап выполнения краевой программы приватизации предусматривал разгосударствление предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания, а также сельскохозяйственного сектора. Вместе с ними предполагалось передать в частные руки и различный долгострой. Во второй половине 1992 г. намечалось перейти к следующему этапу и запустить приватизацию авторемонтных и автотранспортных предприятий, объектов промышленности строительных материалов, мелких предприятий лёгкой и пищевой промышленности. Из числа объектов, намеченных к приватизации, были исключены совхозы и жилищный фонд, для которых предусматривалось специальное законодательство [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 23—25].

Программа определяла четыре способа приватизации: продажи на аукционе, продажа по конкурсу, акционирование (разрешались только акционерные общества открытого типа), передача имущества предприятия в аренду с последующим выкупом. Последний способ допускался, только если договор аренды был заключён до вступления в силу закона о приватизации государственных и муниципальных предприятий. Было уделено внимание и участию трудовых коллективов. В случае преобразования предприятия в акционерное общество члены трудовых коллективов (а также пенсионеры, ранее работавшие на предприятиях) получили право на единовременное безвозмездное приобретение привилегированных акций в размере 25% величины уставного капитала, а также приобретение обыкновенных акций со скидкой 30% от их номинальной стоимости [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 26—29].

Перспектива вовлечения иностранцев в процесс приватизации способствовала внесению в программу стимулирующих мер, в том числе возможности приобретения ими контрольных пакетов акций. Иностранных инвесторов планировалось привлечь к приобретению либо убыточных предприятий и законсервированных объектов строительства, либо предприятий аграрной и пищевой промышленности [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 30].

В перечень объектов, намеченных к приватизации в 1992 г., вошли 1730 предприятий (с общей стоимостью имущества в 2346,2 млн руб.). В количественном отношении среди них преобладали предприятия розничной торговли (668 ед.) и бытового обслуживания (495), составлявшие совокупно более половины от общего количества. Заметная доля также приходилась на предприятии общественного питания (219), остальные отрасли были представлены объектами и предприятиями строительства (94), аграрного комплекса (61), пищевой промышленности (51), объектами незавершённого строительства (42), автотранспорта (40), строительной индустрии (30; выделялась в перечне в отдельную позицию), оптовыми базами (17) и предприятиями лёгкой промышленности (14). По стоимости фондов ведущее положение занимали строительство (576,6 млн руб.) и строительная индустрия (388,8 млн руб.) [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 79].

По запланированным способам приватизации они распределились следующим образом: 61% предприятий и объектов подлежали приватизации через проведение конкурса, 23% — путём продажи на аукционе, 9% — через акционирование и 7% — посредством выкупа. Однако данные показатели существенно различались в зависимости от конкретной отрасли. Так, доля предприятий, подлежащих акционированию, в лёгкой и пищевой промышленности составляла 47%, в автотранспортной отрасли доходила до 68%, в строительной индустрии — до 88%. В то же время акционирование почти не было представлено в бытовом обслуживании, а также в сфере торговли и общественного питания, где в качестве основного способа приватизации предполагался коммерческий конкурс (66 и 68% соответственно). Большинство объектов незавершённого строительства (63%) подлежали продаже на аукционе [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 80].

В своих прогнозах Комитет по управлению государственным имуществом рассчитывал уже в 1992 г. получить от приватизации более 1534 млн руб. Активная фаза приватизации должна была продолжиться в 1993 г., в частности, именно в это время предполагалось завершить приватизацию предприятий путём акционирования [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 32]. Время показало, что столь короткие сроки оказались невыполнимыми. Так, акционирование активно продолжалось в 1994 г., и лишь в последующие годы уступило место иным моделям приватизации [10, с. 76]. Количественные показатели программы приватизации оказались недостижимыми и начали отставать от плана уже в первой половине 1992 г. Так, в период с марта по октябрь краевой Комитет по управлению государственным имуществом подготовил и передал в Фонд имущества документы на приватизацию 37 объектов [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1434. Л. 17]. Согласно справке, предоставленной в октябре 1992 г. председателем Фонда имущества В.Ф. Луценко, средства, вырученные в ходе продажи предприятий, поступили в бюджет

РФ (26 млн руб.), бюджет края (34,8 млн), местные бюджеты городов и районов (15 млн). Кроме того, 9 млн руб. досталось членам трудовых коллективов приватизированных предприятий [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1434. Л. 17].

Запущенный процесс приватизации существенно тормозили организационные просчёты. Далеко не во всех районах края удалось оперативно создать и укомплектовать фонды имущества [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 126]. Не осталось незамеченным стремление местных фондов имущества вывести из-под приватизации часть важных для края предприятий [10, с. 66]. Определённую тревогу у членов депутатских комиссий по имущественному контролю и экономическому развитию края вызывали и некоторые действия российского руководства, в особенности отмена приватизационных счетов и введение ваучеров, процедура получения и дальнейшего использования которых не была в тот момент достаточно ясна. Но возникшие затруднения не смогли подорвать уверенность руководителей краевого Совета и администрации в правильности заданного курса. Осенью 1992 г., несмотря на значительные просчёты при осуществлении первого этапа приватизации, работа Комитета по управлению государственным имуществом Приморского края и Фонда имущества была признана в целом удовлетворительной [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1434. Л. 12].

Однако на фоне распространённого представления о необходимости продолжения и ускорения приватизации звучали и голоса тех, кто предлагал притормозить этот процесс. По мнению депутата краевого Совета В.М. Муравьева, в условиях правового и экономического хаоса 1992 г. приватизация могла превратиться в «растаскивание национального достояния и обогащение определённого круга лиц» [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 142]. Депутат В.П. Шкрабов также предостерегал своих коллег от слишком оптимистичных прогнозов, предполагавших вслед за приватизацией неизбежное и скорое появления класса эффективных собственников. По его оценке, уже первые шаги продемонстрировали неготовность властей всех уровней к быстрой приватизации. Шкрабов считал, что для решения поставленных задач и создания чёткой нормативной базы необходим, как минимум, пятилетний срок [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 145]. Впрочем, существовала и иная точка зрения, в соответствии с которой нестабильность законодательной базы не должна была останавливать приватизацию на местах. По мнению депутата А.Н. Новосёлова, в случае, если в Москве программа приватизации вновь подвергнется пересмотру, краевой Совет и администрация должны «набраться смелости» и действовать в соответствии с ранее утверждёнными правилами, не снижая темп и внося корректировки там, где это возможно [ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1407. Л. 147].

В этой связи следует признать верным вывод, характерный для всей страны в целом и позднее озвученный в докладе Счётной палаты РФ:

правовая база отставала от реальных процессов приватизации и не принимала в расчёт непредусмотренные законом альтернативы — стремительно развивавшиеся неформальные практики [1, с. 32]. Первый опыт приватизации в Приморье вскоре раскрыл и тёмную сторону передела собственности. Согласно оценке Г.Г. Токуленко, озвученной в ноябре 1992 г., процесс приватизации уже на начальном этапе привлёк внимание криминальных структур, и появление теневых схем не заставило себя ждать [10, с. 87].

Таким образом, на ранних этапах реализации экономических преобразований в Приморском крае политические руководители региона не имели принципиальных возражений против разгосударствления и приватизации, в целом разделяя представление российского руководства о целях, задачах и методах осуществления данного процесса. При этом изначально доминирующая роль федерального центра в формировании нормативно-правовой базы приватизации не оставляла региональным властям большого пространства для манёвра. Принятые в регионах меры неизбежно ограничивались также отсутствием необходимого опыта принятия самостоятельных решений и специалистов, способных просчитать концепцию экономических реформ. Краевые, городские и районные власти продемонстрировали способность даже в условиях кадрового голода и перегруженности иной работой в короткие сроки провести инвентаризацию и оценку имущества, подготовить нормативные документы и предложения по ключевым вопросам приватизации. Вместе с тем их усилия по созданию региональной нормативной базы и органов, координирующих приватизационные процессы, не могли перекрыть отсутствие целостного и осмысленного представления о механизме предстоящего перераспределения собственности.

Новые реалии перехода к рынку сделали неактуальными прежние методы управления имуществом. В образе мыслей творцов приватизации по-прежнему преобладали сугубо бюрократические и командные подходы, проявившиеся в принятых решениях и действиях региональных властей. Поворот к рынку, а также создание специальных органов в лице Комитета по управлению государственным имуществом и краевого Фонда имущества не сопровождались коренными изменениями в методах работы государственных и муниципальных органов власти и управления. Первые же месяцы осуществления краевой программы приватизации продемонстрировали несовершенство такого подхода и предопределили отставание от плановых показателей программы уже в первой половине 1992 г. Кроме того, как и в целом по стране, ожидание быстрой экономической отдачи и идея создания нового слоя собственников возобладали над социальными аспектами приватизации и представлениями о справедливом распределении имущества; региональным и местным властям, несмотря на принятые меры, не удалось предотвратить злоупотребления в ходе дальнейшей массовой приватизации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в РФ за период 1993—2003 гг. (эксперт.-аналит. мероприятие) / рук-ль рабочей группы С.В. Степашин. М.: Олита, 2004. 185 с.
2. Берсенёв В.Л. Приватизация как символ современной экономической реформы в России // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII—XXI вв.: материалы XIII Всерос. науч. конф. Т. 1. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. С. 295—305.
3. Ващук А.С. Роль архивных источников в изучении истории российской приватизации // Архонт. 2018. № 3. С. 10—24.
4. Закон РСФСР от 31.11.1990 № 293-1 «Об обеспечении экономического суверенитета РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 22. С. 260.
5. Закон РСФСР от 3.07.1991 № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. С. 927.
6. Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. С. 416.
7. Закон СССР от 4.06.1990 № 1529-1 «О предприятиях в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25. С. 460.
8. Закон СССР от 6.03.1990 № 1305-1 «О собственности в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11. С. 164.
9. Карпов А.В., Кусяпкулова О.М. Развитие законодательства о приватизации в Российской Федерации // Дайджест-финансы. 2006. № 7. С. 39—46.
10. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.
11. Основы законодательства Союза СССР и союзных республик об аренде (утв. ВС СССР 23.11.1989 № 810-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 25. С. 481.
12. Полынов М.Ф., Тарасова Е.А. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989—1991 гг. // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 113—127.
13. Указ Президента РСФСР от 25.08.1991 № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. С. 1164.
14. Указ Президента РФ от 29.01.1992 № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. С. 312.
15. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).

УДК 369.014:630(571.62)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10012

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Нонна Михайловна Платонова,
доктор исторических наук, профессор,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.
E-mail: nonnaplaton@mail.ru

Сергей Юрьевич Яхимович,
кандидат исторических наук, доцент,
Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск.
E-mail: sergyahim-69@yandex.ru

Реформы в отечественном промышленном секторе народного хозяйства всегда проходили сложно, имели неоднозначные результаты и последствия. Плановая экономика, перестройка, переход к рыночным отношениям, то есть изменения институциональных условий приводили к диверсификации форм собственности в лесной промышленности Хабаровского края, одновременно трансформируя сферу внешней торговли и кардинально модифицируя социальную инфраструктуру отрасли. Крушение Советского Союза повлекло деструктивные последствия для её дальнейшего развития. Приватизация лесного сектора промышленности виделась выходом из сложившейся ситуации, однако смена собственников на фоне жёсткой конкурентной борьбы вызвала целый спектр социально-экономических проблем, многие из которых остаются актуальными и по сей день.
Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровский край, лесная промышленность, сырьевой потенциал, хозяйственная реформа, перестройка, приватизация, собственность.

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF PRIVATIZATIONS IN FORESTRY OF KHABAROVSK REGION

Nonna Platonova, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia.
E-mail: nonnaplaton@mail.ru
Sergey Yakhimovich, Far Eastern Law Institute of the MIA RF, Khabarovsk, Russia.
E-mail: sergyahim-69@yandex.ru

Reforms in the domestic industrial sector of the national economy always passed difficulty, had mixed results and consequences. The planned economy, restructuring, transition to market relations, i.e. changes in the institutional environment, led to the diversification of forms of ownership in the timber industry of Khabarovsk territory. Changes in property conditions at the same time transformed the field of foreign trade and radically modified the social infrastructure of the industry.
Keywords: the Far East, Khabarovsk territory, forest industry, raw material potential, economic reform, restructuring, privatization, property.

Лесная промышленность Хабаровского края — лидер российского Дальнего Востока по производству основных видов лесопродукции, один из важнейших элементов слаженной социально-экономической системы региона, индикатор модернизационных процессов, проходивших на разных исторических этапах. Для понимания представленной проблемы необходимо проанализировать состояние лесной промышленности Хабаровского края начиная с позднесоветского периода и раскрыть последствия этих изменений.

Состояние лесной промышленности Хабаровского края в 1965—1985 гг. Внутригосударственная политика позднесоветского периода была ориентирована на стратегию комплексного развития дальневосточной территории, в качестве приоритета рассматривался её ресурсный потенциал и, в частности, лес. На Дальнем Востоке СССР обладателем крупной сырьевой базы и ведущим по заготовке лесосырья был Хабаровский край. Площадь, покрытая лесом, составляла 34,8 млн га, или 15,4% лесосырьевой базы региона; общий запас древесины — 4693,2 млн м^3, или 22,6% от общего объёма региона. В структуре экономики края на долю отрасли приходилось 17,8% от общего объёма промышленной продукции [ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 10. Д. 348. Л. 10; РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1435. Л. 26]. За 20 лет рост объёмов лесозаготовительных работ достиг 11,8 млн м^3 (+39,2%), деревообработка увеличилась почти в 1,5 раза, производительность труда выросла на 17,9% [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 176. Л. 97].

Однако обработка древесины составляла только 43% от общего объёма лесозаготовок. Её значительная часть вывозилась за пределы Дальнего Востока в необработанном виде. Для более полного использования в производственном процессе заготавливаемого сырья, трудовых и топливно-энергетических ресурсов в 1970 г. в Хабаровске был создан Дальневосточный научно-исследовательский институт лесной промышленности [ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 10. Д. 348. Л. 11]. Взаимодействие учёных и управленцев было характерной чертой позднесоветского периода.

С целью улучшения деятельности лесной промышленности и концентрации производства неоднократно проводилась реорганизация структуры управления. Созданное в 1965 г. производственное объединение лесозаготовительных и сплавных предприятий «Хабаровсклеспром» в декабре 1968 г. было преобразовано в Главное управление лесозаготовительной промышленности Дальнего Востока «Главдальлеспром». После ликвидации летом 1971 г. на его базе создавалось государственное промышленное хозрасчётное объединение предприятий лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности «Дальлеспром» с местонахождением в Хабаровске, в 1975 г. он был реорганизован в одноимённое Всесоюзное лесопромышленное объединение [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 67. Л. 173]. Реализация этих мер не повлекла значимых изменений динамики отрасли.

Централизованное финансирование и государственная собственность на лесоресурсы и средства производства гарантировали социальное обеспечение работников. Важной чертой позднесоветского периода являлось активное строительство отраслевых промышленных предприятий, леспромхозов, объектов социальной инфраструктуры, что расширяло возможности трудоустройства не только жителей городов, но и удалённых населённых пунктов (даже если эта работа носила сезонный характер). Так, в 1966 г. был введён в эксплуатацию лесозаготовительный комбинат «Хабаровсклес», в 1967 г. — целлюлозно-картонный и целлюлозно-бумажный комбинаты в Амурске [23, с. 150; ГАРФ. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 47. Л. 109; ГАХК. Ф. Р-1350. Оп. 9. Д. 23. Л. 7], действовали деревообрабатывающие заводы, мебельные фабрики, гидролизный завод (пос. Хор) и др. К середине 1970-х гг. в Хабаровском крае были построены 13 новых леспромхозов [ГАХК. Ф. Р-1873. Оп. 1. Д. 107. Л. 280; РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 2. Д. 728. Л. 6].

Внешнеэкономический спрос на экспорт круглого леса формировался сопредельными государствами АТР, но вывоз продуктов лесопереработки в крае оставался крайне незначительным. Помимо собственных трудовых сил привлекались северокорейские рабочие, которые занимались лесозаготовками на территории Хабаровского края и Амурской области на основе межгосударственных соглашений (1966, 1981, 1984). Однако после 1970 г. в динамике вывоза древесины наметилось снижение, так как доступные ресурсы были исчерпаны. Н.Е. Антонова отмечает: «Приращение лесосырьевой базы (юга Дальнего Востока — *авт.*) в 1980-х гг. за счёт лесов в зоне строящейся Байкало-Амурской железнодорожной магистрали временно приостановило эту тенденцию» [1, с. 85].

Лесная промышленность Хабаровского края в условиях перестройки 1985—1991 гг. К этому времени модель экономического роста, основанная на вовлечении в оборот всё большего количества ресурсов, практически

исчерпала себя, ускорялся процесс формирования «затратной экономики» [2, с. 8; 16, с. 668, 780]. Вне зависимости от роста инвестиций её восприимчивость к централизованному финансированию ослабевала, в работе промышленности преобладали экстенсивные подходы и методы, общественные ресурсы истощались, то есть становились очевидными системный кризис и «невозможность гарантировать государственный патронаж в полном объёме и в прежних формах» [12, с. 18].

В результате взятого курса на перестройку, который был официально провозглашён на XXVII съезде КПСС (1986), последовали социально-экономические трансформации в лесопромышленности Хабаровского края. Поиск рациональных вариантов дальнейшего развития в новых условиях вызвал масштабные преобразования. В 1987 г. была разработана «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.», одной из центральных задач которой являлось максимальное освоение природных богатств региона и увеличение экспортных поставок в страны АТР, прежде всего, круглого леса [18]. Расширялось привлечение иностранной рабочей силы с перспективными проектами по освоению ресурсов дальневосточной территории. Так, помимо упомянутого выше северокорейского рабочего контингента во второй половине 1980-х гг. в районе пос. Сукпай Хабаровского края заготовками древесины для своей страны занимались граждане Кубы (800 чел.). Планировалось, что посёлок станет крупным центром лесной промышленности, но финансирование новой «стройки века» советское правительство так и не смогло осуществить [14].

В процессе отраслевой реструктуризации приказом Минлесдревпрома СССР от 12 мая 1988 г. на базе ликвидированного «Дальлеспрома» создавалось одноимённое территориально-производственное объединение (ТПО), упразднённое 21 октября 1991 г. Появление мелкотоварных производств на основе рыночных отношений началось с закона «О кооперации в СССР» (1988) [6]. Монополия государства на организацию производств ликвидировалась в пользу частной инициативы, благодаря которой в этом же году в Верхнебуреинском районе Хабаровского края был создан первый лесозаготовительный кооператив «Восход». Предприятие имело 2 ед. собственной и 2 ед. арендованной техники, объём лесозаготовок составлял 3,5 тыс. м^3 [19]. Тем не менее процесс создания кооперативов в лесной отрасли и последовавший затем рывок этого сектора со значительным ростом прибыли, то есть в некоторой степени выход из-под контроля государства, привёл к усилению надзора за их финансовой деятельностью [6; 8]. К моменту распада Советского Союза в лесной отрасли Хабаровского

края действовало около 60 предприятий, на которых трудились примерно 37,3 тыс. чел., или 14,7% от общей численности занятых в промышленности [20, с. 253].

И всё же со второй половины 1980-х гг. лесная промышленность Хабаровского края работала с большими потерями сырья, требовалась глубокая техническая модернизация большинства производственных процессов. В динамике краевой отрасли наметилась тенденция спада производства с 9,7% в 1985 г. до 9,2% в 1991 г.[16, с. 784]. Начиная с 1990 г. выделение централизованных денежных средств на социально-экономическое развитие отрасли было «практически парализовано». Лишь мобилизация экспортных возможностей, в том числе наличие многолетних связей с партнёрами в АТР, давали некоторую возможность удержать экономические и частично социальные позиции лесной промышленности [13, с. 23—24].

Рыночные преобразования в лесной промышленности Хабаровского края (1991—2000-е гг.). Исходной точкой новой трансформационной волны стали радикальные политические изменения, связанные с началом рыночных реформ и распадом СССР. Инициатором реформирования являлось государство, выступая одновременно как бывший собственник, передающий свою собственность другому владельцу, и как организатор, управляющий текущим процессом. Формирование новых социально-экономических отношений на основе масштабных изменений форм собственности началось с закона «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» от 3 июля 1991 г.

На практике в России приватизация началась после вступления в силу Указа Президента РФ от 29 декабря 1991 г. «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». Постановлением ВС РФ 11 июня 1992 г. была утверждена «Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 г.», содержавшая последовательность смены собственности и предоставлявшая трудовым коллективам льготы в процессе акционирования предприятий [3]. Приватизация объектов лесопромышленного комплекса проходила в соответствии с постановлением Совета Министров РФ от 21 декабря 1993 г. «Об учреждении лесопромышленных холдинговых компаний» [4]. В результате через механизм приватизации формировался частный капитал в лесопромышленной отрасли. Эти законодательные акты стали основой приватизации предприятий лесопромышленности Хабаровского края, многие из которых сегодня продолжают работать на внутреннем и внешнем рынках. Так, в 1991 г. решением учредительной конференции было создано АОЗТ «Дальлеспром», преобразованное в 1993 г. в одноимённое АООТ, в 1996 г. — в ОАО. Основным видом деятельности «Дальлеспрома» являлось

лесопользование, плитное, мебельное производство. Одним из крупнейших лесозаготовительных холдингов Хабаровского края стал ООО «Бизнес-Маркетинг», зарегистрированный в 1992 г., направлением деятельности которого был экспорт круглого леса в страны АТР. Другим промышленным холдингом стал ООО СП «Аркаим» (июнь 1993 г.). Компания также концентрировала свою деятельность на вывозе необработанной древесины в Японию, Китай, Республику Корея и страны Европы. В 1997 г. на базе кооператива «Восход» был создан ООО «Сулук», в собственности которого находилась лесосырьевая база с ежегодным объёмом заготовок 25 тыс. м . Самостоятельную продажу леса на экспорт по контрактам с японской фирмой Токио Маруичи, корейскими и китайскими компаниями это предприятие осуществляло с 1992 г. Ежегодный оборот его экспортной торговли доходил до 6 млн долл. [8; 19]. Всего к 1999 г. в Хабаровском крае заготовку древесины осуществляли 150 частных предприятий, функционировавших на базе бывших леспромхозов [23, с. 181].

Необходимо отметить, что по мере ослабления влияния Центра на деятельность краевого лесопромышленного производства интерес к нему усиливался со стороны местных органов власти, которые «осознавали, что лесные ресурсы являются реальным богатством (дальневосточных — *авт.*) территорий и в условиях прекращения бюджетных дотаций из центра должны быть одним из основных источников пополнения территориальных бюджетов» [1, с. 87]. Понимание важности полномочий, дающих возможность распоряжаться лесными ресурсами, активизировало работу Законодательной думы Хабаровского края, которая приняла Лесной кодекс (1999) [10].

На краевом уровне падение объёмов производства, не всегда здоровая конкуренция, ухудшение социально-экономической обстановки внесли существенные изменения в работу лесопромышленной отрасли, особенно в 1990-е гг., когда расширялись формы собственности, менялся рынок сбыта лесопродукции, в бóльшей мере ориентируясь на экспорт за рубеж. Многие предприятия обанкротились (Амурский ЦКК, деревоперерабатывающий комплекс «Аркаим» и др.), ликвидировались леспромхозы, усиливалась социальная напряжённость и т.д. На смену административно-командной системе с жёстким централизмом хозяйственной жизни, функционировавшей на основе государственной собственности и плановой экономики, пришли рыночные отношения, разгосударствление и приватизация имущества. Этот переход сопровождался кризисными явлениями, осуществлялся ценой не только экономических, но и социальных потерь.

В постановлении Главы администрации Хабаровского края от 30 октября 1995 г. «Об основных направлениях структурной перестройки экономики Хабаровского края» анализировались крайне обострившиеся после

приватизации проблемы в лесной промышленности, особенно в её социальном сегменте. Вызывали тревогу факты ежегодного сокращения лесных площадей, на которых осуществлялись промышленные рубки леса: в 1994 г. — 33,7% к уровню 1990 г. и 62,1% к 1993 г., при этом лесовосстановление значительно отставало от лесовырубок. Огромный урон отрасли приносили местные пожары, однако выход деловой древесины составлял 90—100%, то есть лесохозяйственные организации, не предпринимая мер для ликвидации последствий, продолжали заниматься предпринимательской деятельностью. Объёмы производства лесопромышленной отрасли сокращались, в 1994 г. составив 35% от уровня 1990 г., износ технологического оборудования превышал 50% [15].

По существу, приватизация в лесной промышленности Хабаровского края привела к потере управляемости отраслью, экономическая независимость для многих лесопромышленных предприятий обернулась разорением. Следствием спада производства стали проблемы сокращения промышленно-производственного персонала (на 47,6% в 1994 г. к уровню 1985 г., на 38% к 1990 г.). Если в 1990 г. в краевой лесопромышлености было занято 37,3 тыс. чел., то в 1998 г. — 24 тыс. [15; 17]. В начале 2000-х гг. антисоциальная политика по отношению к трудовым коллективам усиливалась, содействуя дальнейшему снижению численности работающих в лесопромышленном секторе экономики Хабаровского края: 2005 г. — 19,45 тыс. чел., 2006 г. — 18,14 тыс., 2007 г. — 17,3 тыс. В 2008 г. освоением лесных ресурсов в крае занимались более 300 организаций, из которых 146 на правах долгосрочной аренды с численностью 13,8 тыс. чел., или 13,4% от общего числа занятых в промышленности [6; 20, с. 254]. Финансовая прибыль являлась главным приоритетом собственника предприятия, оставляя интересы работников на второстепенных позициях, особенно в сфере заработной платы, охраны труда, оздоровительных мероприятий, условий жизни и т.д. Минимизация социальной ответственности собственника перед трудовыми коллективами становилась нормой производственных взаимоотношений, тогда как в позднесоветский период социальная ответственность предприятий в лесной отрасли была достаточно высокой.

В числе последствий рыночной экономики следует отметить сложные социально-бытовые условия работников отрасли, проживающих в лесозаготовительных посёлках. Их благополучие во многом зависело от динамичной работы предприятий, большинство из которых обанкротилось, либо их финансово-экономическое положение ухудшилось настолько, что они не могли содержать собственные социальные объекты. У местной власти денежных средств на поддержку социальной сферы также было недостаточно. Поэтому уровень жизни населения лесозаготовительных посёлков

снижался, а на балансе отраслевых предприятий практически не осталось объектов социальной инфраструктуры. Только за 2008—2009 гг. количество убыточных лесопромышленных предприятий увеличилось на 30%, «даже устойчиво работающие предприятия в современных условиях не могли обеспечить занятость такого количества человек, как в 80-е гг. XX в.» [6; 20, с. 256].

Наиболее острой социальной проблемой в лесной отрасли Хабаровского края была низкая заработная плата. В 2003 г. среднемесячная оплата труда составляла 5830 руб., 2007 г. — 14 515, 2008 г. — 13 474, однако на фоне усиления региональных удорожающих факторов, инфляции, нерегулярности денежных выплат эти доходы были не столь значительными по сравнению с расходами [6; 20, с. 256; 22, с. 65].

В Хабаровском крае лесная промышленность всегда была травмоопасной, сохранялся ручной труд, использовалось устаревшее оборудование. После изменения формы собственности руководители предприятий малого и среднего бизнеса нередко пренебрегали выполнением Трудового кодекса РФ в области охраны труда, финансирования мероприятий по улучшению его условий, техники безопасности. Последствиями становились не только нарушения и штрафные санкции (табл. 1).

Таблица 1

Данные проверок соблюдения трудового законодательства в лесопромышленности Хабаровского края

Показатели	2006—2008 гг.	2010 г. — 10 мес. 2012 г.
Общее число проверок	582	111
Количество нарушений законодательства об охране труда	6370	1447
Количество административных штрафов юридических и должностных лиц	215	92
Сумма штрафов	1397 тыс. руб.	382,4 тыс. руб.

Сост. по: [7; 9].

Отсутствие надлежащей системы приводило к несчастным случаям, тяжёлым увечьям и гибели работников на производстве. За 2006—2008 гг. на предприятиях лесной отрасли Хабаровского края произошло 122 несчастных случая, из которых 68 с тяжёлым и 54 со смертельным исходом. В 2011 г. в ходе лесозаготовок травмы получили 131 чел., за 9 месяцев 2012 г. — 47 чел.; соответственно погибло 11 чел. и 6 чел. Наиболее частые случаи со смертельным исходом имели место при валке (36%) и вывозе (14%) леса, строительстве лесовозных дорог (12%), погрузке леса в вагоны (10%) [7; 9].

Таким образом, на протяжении позднесоветского периода государственная политика наряду с развитием индустриального лесопромышленного кластера реализовывалась в рамках подходов, ориентированных на социальную защиту трудовых коллективов, поддержку отраслевых объектов здравоохранения, культуры, жилищного фонда. После распада СССР и трансформации институциональных условий, появления разнообразных форм собственности и моделей управления, в социально-экономической сфере лесопромышленности произошли кардинальные изменения. Во многом они повлекли за собой дестабилизацию условий труда и быта работников отрасли, ухудшение качества жизни, фактическое самоустранение государства и ответственных министерств и ведомств от выполнения социальных обязательств, то есть внесли глубокий дисбаланс, сдерживавший поступательное развитие лесной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Антонова Н.Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 83—86.
2. Ващук А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 5—22.
3. Государственная Программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 г. URL: http://consultant.ru (дата обращения: 10.11.2019).
4. Законодательство периода массовой приватизации (1992—1994 гг.). URL: http://nationalization.ru (дата обращения: 10.11.2019).
5. Закон «О кооперации в СССР». URL: http://ed-glezin.livejournal.com (дата обращения: 22.05.2020).
6. Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР». URL: http://base.garant.ru(дата обращения: 21.05.2020).
7. Информация по результатам проверок соблюдения трудового законодательства и иных норм правовых актов в организации лесопромышленного комплекса в Хабаровском крае за 2006—2008 гг. URL: http://git27.rostrud.ru(дата обращения: 29.05.2020).
8. Крупнейшие предприятия ЛПК Хабаровского края. URL: http://lesprominform.ru (дата обращения: 21.05.2020).
9. Лесная промышленность — самая опасная отрасль. URL: http://rigma.info (дата обращения: 28.05.2020).
10. Лесной кодекс Хабаровского края. URL: http://docs.cntd.ru (дата обращения: 25.05.2020).
11. Лесной план Хабаровского края на 2009—2018 гг. URL: http://laws.khv.gov.ru (дата обращения: 28.05.2020).
12. Минакир П.А. О концепции долгосрочного развития экономики макрорегиона: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2012. № 1. С. 7—28.

13. Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // Восток России: проблемы освоения — преодоления пространства. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 484 с.
14. Нетребенко М. Далёкий холодный Сукпай ждёт близких горячих кубинцев. URL: https://www.vesti.ru (дата обращения: 24.05.2020).
15. Об основных направлениях структурной перестройки экономики Хабаровского края. URL: http://docs.cntd.ru (дата обрщения: 26.05.2020).
16. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5). Владивосток: Дальнаука, 2018. 904 с.
17. Постановление Главы администрации Хабаровского края от 24 марта 1999 г. № 124 «Основные направления содействия занятости населения Хабаровского края на 1999—2000 гг.». URL: http://docs.cntd.ru (дата обращения: 29.05.2020).
18. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19 августа 1987 г. № 958 «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.» URL: http://lawru.info/dok (дата обращения: 20.05.2020).
19. Сулук (ООО). URL: http://4990.wood.ru (дата обращения: 23.05.2020).
20. Уразова Е.А. Социальные последствия рыночных реформ лесной промышленности Хабаровского края // Вестник ТОГУ. 2012. № 1 (24). С. 253—260.
21. Хроника. Хабаровский край. Годы и события. 1938—2008 годы. Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 416 с.
22. Шейнгауз А.С., Антонова Н.Е. Оценка вклада лесного комплекса в экономику и благосостояние населения Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2006. № 1. С. 59—71.
23. Юн С.Е. Лесопромышленый комплекс Хабаровского края // Федерализм. 2014. № 2 (74). С. 179—186.
24. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
25. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
26. РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики).

УДК 39:332.2.02(571.56)“199”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10013

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА И АГРАРНАЯ РЕФОРМА 1990-х гг. В ЯКУТИИ

Яна Михайловна Санникова,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск.
E-mail: sannikowa@mail.ru

В статье отражены основные моменты аграрной реформы 1990-х гг. в Якутии. Показаны управленческие особенности в аграрном секторе республики, повлиявшие на процесс реформирования, в частности, северных хозяйств. На основе архивных документов выявлены основные проблемы, которые требовали решения в оленеводческой отрасли — ведущей в традиционном хозяйстве Севера Якутии. Среди них выделены проблемы финансового положения хозяйств, сбыта продукции, материально-технического обеспечения, прекращения строительства инфраструктуры, приобретения перерабатывающего оборудования, обслуживания оленеводов. Также рассмотрены изменения в формах хозяйствования, в распределении общественных и частных хозяйств по показателям развития сельского хозяйства в целом, которые в конечном итоге стали реальным отражением процесса реформирования 1990-х гг.
Ключевые слова: Якутия, коренные народы, традиционное хозяйство, аграрная реформа, 1990-е годы.

TRADITIONAL ECONOMY OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH AND AGRARIAN REFORM OF THE 1990s IN YAKUTIA

Yana Sannikova, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia. E-mail: sannikowa@mail.ru

The article shows the main points of the agrarian reform of the 1990s in Yakutia. The features of the management of the Northern farms of the Republic, which also influenced the reform process, are considered. On the basis of archival documents, the main problems that needed to be solved in the reindeer breeding industry — the leading one in the traditional economy of the North of Yakutia — were identified. Among them, the problems of the financial situation of farms, sales of products, logistics, termination of infrastructure construction, purchase

of processing equipment, and servicing of reindeer herders are highlighted. Changes in the forms of management, the distribution of public and private farms in the indicators of agricultural development in general, which eventually became a real reflection of the reform of the 1990s, are also considered.
Keywords: Yakutia, indigenous peoples, traditional economy, agrarian reform, the 1990s.

В первое десятилетие после распада Советского Союза, сопровождавшегося противоречивыми процессами в политической и экономической жизни страны, произошли изменения и в традиционном хозяйственном образе жизни коренных народов Якутии — эвенков, эвенов, долган, юкагиров, чукчей, саха и русских старожилов. С одной стороны, образовывались самостоятельные хозяйства различной формы собственности, с другой — разрушалась централизованная государственная экономика, создавшая, в числе прочего, специфичное советское сельскохозяйственное производство в стране. Нужно отметить, что при формировании рыночных отношений постсоветского периода идея советского государства о товарности производства сельскохозяйственной продукции не претерпела больших изменений, поэтому хозяйство коренных народов Якутии продолжало развиваться как традиционная отрасль сельскохозяйственной жизни страны. В то же время было очевидно, что дальнейшее развитие традиционного хозяйства коренных народов Якутии будет зависеть от стратегии аграрной политики нового государства.

С начала 1990-х гг. для Республики Саха (Якутия), как и всех субъектов РФ, начался путь становления рыночных отношений, составной частью которых явилась аграрная реформа. Реформирование аграрного сектора предполагало комплексное переустройство сельского хозяйства и жизни сельчан на основе многообразия видов собственности на землю, полученных средств и результатов производства в сочетании с различными формами хозяйствования. Главная цель преобразований, по мнению руководителей республики, состояла в обеспечении перевода сельского хозяйства и промыслов на рыночные отношения, в эффективном использовании земельных ресурсов для решения продовольственной задачи и социально-экономических преобразований села, адекватных социально направленной рыночной экономике [2, с. 76; 5, с. 371—378].

В 1992—1995 гг. с обоснованием официальных направлений реформы в периодической печати выступили Президент РС (Я) М.Е. Николаев и другие должностные лица исполнительной власти. В целом шло очень активное обсуждение различных проблем проводимой реформы в средствах массовой информации. По прошествии времени становится понятным,

что официальные этапы проводимой реформы были весьма условными, поэтому при анализе подготовительный (1990—1992 гг.) и решающий (1993—1995 гг.) могут быть объединены в один начальный этап затянувшейся реформы. Как впоследствии писал руководитель рабочей комиссии по разработке проекта официальной государственной программы аграрной реформы на 1993—1995 гг., в тот период заместитель председателя правительства, Е.Г. Егоров, официального отдельного документа первоначально так и не было принято [1, с. 3]. Позже, в июне 1995 г., была утверждена Концепция развития села, и хотя речь в ней шла об аграрной реформе, она была принята уже после бесповоротных трансформаций в сельском хозяйстве.

Председатель правительства Ю.Н. Кайдышев в рамках программы действий на 1995—1997 гг. обозначил, что «в агропромышленном комплексе будут приняты все меры для реализации принятой Концепции развития села, основной целью которой являются стабилизация экономики и социальное обустройство села, обеспечение занятости сельских жителей, создание эффективной производственной инфраструктуры по сбыту продукции, агросервисному обслуживанию, переработке сельскохозяйственного сырья и строительству объектов в сельской местности» [2, с. 77; 4]. Имелись и альтернативные предложения по развитию якутского села в условиях перехода к рыночным условиям. Так, команда экономиста-учёного Н.Н. Тихонова в 1994 г. разработала альтернативную концепцию интенсивного развития сельскохозяйственного производства как основы материальной культуры коренных народов суверенной республики [2, с. 77—78; 3].

К 1992 г. начальные мероприятия по новым земельным отношениям в аграрной сфере в рамках проводимой земельной реформы в республике были в процессе реализации. Сложность решения земельного вопроса упиралась в обширность территории, особенности природно-климатического, почвенно-биологического развития, фактическое отсутствие законодательно-правовых нормативов по землеустройству и по использованию земли. Первым шагом стало принятие в марте 1991 г. республиканского закона о земельной реформе. Всего за год была проведена инвентаризация земли, создан специальный земельный фонд, отменены ограничения в развитии приусадебного хозяйства, уточнены границы населённых пунктов. За год около 300 новых зарегистрированных крестьянских хозяйств получили 17,5 тыс. гектаров сельскохозяйственных угодий.

10—11 сентября 1991 г. в Якутске состоялся Первый съезд кочевых родовых общин малочисленных народов Севера Якутии. На нём было принято обращение к руководству республики: признать этнические территории в соответствии с п. 4 Декларации о государственном суверенитете Якутской — Саха ССР достоянием малочисленных народов Севера; в ходе земельной реформы возвратить им незаконно отторгнутые или переданные другим

районам, землепользователям, городам и рабочим посёлкам оленьи пастбища, охотничьи угодья и рыболовные водоёмы и предоставить в вечное пользование с правом наследования; в закон о земле Якутской — Саха ССР включить как составную часть самостоятельный раздел об этнических территориях малочисленных народов Севера Якутии; разработать самостоятельный закон о кочевых родовых общинах и ускорить его принятие; принять закон об охране домашних и диких оленей в связи с резким сокращением их поголовья и опасностью полной ликвидации этой северной отрасли; утвердить новые правила охоты. В феврале 1992 г. в республике был принят закон, по которому с начала того же года пользование землёй стало платным, начали взиматься земельный налог и арендная плата [2, с. 78, 80—81].

Традиционное хозяйство Севера Якутии было представлено оленеводством, рыболовным и охотничьим промыслами, табунным коневодством и скотоводством. Эти отрасли составляли сельскохозяйственную основу экономики отдельного улуса (района), их развитие считалось преимущественным, соответственно и внимание к ним было более пристальным, нежели к отраслям общехозяйственной направленности. При этом отдельное хозяйство (совхоз, коллективное предприятие, родовая община или крестьянское хозяйство) создавало свой уклад жизни. В эти годы большое значение для жизни сельских жителей имела система личных подсобных хозяйств, которая давала возможность развития индивидуального подворного хозяйства для личного потребления [6, с. 295—306].

В 1990-е гг., особенно в первой половине, в реформировании хозяйств Севера Якутии отразилась специфика управления в традиционных отраслях арктических и северных районов. На основе архивных материалов можно сделать предварительный вывод о том, что изучаемые хозяйства в 1988—1991 гг. развивались в системе комплексного аграрного сектора Севера Якутии при более широких функциональных полномочиях и материально-технических возможностях Агропромышленного комбината «Север». Была выработана общая направленность принципов управления и практики реализации решений на местах. В то же время передача организационно-управленческих функций непрофильному в хозяйственном плане министерству по делам малочисленных народов Севера в 1992—1993 гг. стала впоследствии некоторым препятствием к дальнейшему рациональному хозяйственному развитию всего коренного населения Севера Якутии. С конца 1993 г. арктические и северные хозяйства были переданы полностью в ведение единого профильного министерства республики как в экономическом, хозяйственном, так и в организационно-управленческом плане.

В рассматриваемый период республиканское министерство сельского хозяйства подвергалось структурным преобразованиям и как орган

государственного управления аграрным сектором позиционировало свои новые задачи и функции на основе отношений в рыночной экономике. Как видно из архивных документов, этот период был сложным с точки зрения поддержания более-менее стабильного финансового положения хозяйств на фоне системного кризиса в экономике страны. На всех уровнях исполнительной власти ставились вопросы о необходимости улучшения финансово-хозяйственного положения, но нужно констатировать, что в целом ряде случаев управленческие решения принимались бессистемно. По сути, финансовое состояние хозяйств в корне так и не изменилось. Тем не менее профильное министерство с постоянно трансформирующейся структурой осуществляло практическую деятельность по управлению хозяйствами. Основная масса проблем так и оставалась нерешённой из-за отсутствия финансового обеспечения. Можно говорить только о локальных конкретно-ситуационных механизмах и схемах принятия решений на местах. Архивные источники свидетельствуют о том, что с 1994 г. хоть и материально практически неподкреплённая, но в то же время важная координирующая роль принадлежала улусным управлениям сельского хозяйства. От них во многом зависела взвешенность и продуманность действий на местах в рамках проводимой аграрной политики, и, в конечном итоге, процесс и результаты адаптации традиционного хозяйственного уклада коренного населения в целом к новым рыночным условиям [ОВА МСХ РС (Я). Ф. 55. Оп. 35. Д. 305. 172 л.; Д. 306. 216 л.].

На примере ведущей отрасли северного хозяйства — домашнего оленеводства — можно увидеть результаты изменений в формах хозяйствования за первую половину 1990-х гг. Так, по данным министерства сельского хозяйства, на 1 января 1995 г. поголовье оленей в республике составляло 298,4 тыс. голов, в том числе в сельхозпредприятиях — 56,5% (168,5 тыс. голов), общинах — 27,2% (81,1 тыс.), подсобных хозяйствах — 0,7% (2,2 тыс.), личных хозяйствах — 15,6% (46,5 тыс.). При этом за 1994 г. было реализовано 3444,6 т оленины: сельхозпредприятиями — 63,4% (2183,4 т), общинами — 35,6% (1226,9 т), подсобными хозяйствами — 1,0% (34,2 т), без учёта реализации населением. Приплод тугутов составил 84,8 тыс. голов: в сельхозпредприятиях — 66,0% (56,0 тыс.), общинах — 33,2% (28,1 тыс.), подсобных хозяйствах — 0,8% (692) *(крайние цифры исправлены мной исходя общего подсчёта данных — Я.С.).* Падёж оленей составил 76,4 тыс. голов, в том числе: в сельхозпредприятиях — 20,4% от оборота стада (51,3 тыс.), общинах — 24,9% от оборота стада (24,4 тыс.), подсобных хозяйствах — 18,8% от оборота стада (619). Всего в 276 оленеводческих бригадах были заняты около 2,5 тыс. оленеводов, чумработников и зооветспециалистов [ОВА МСХ РС (Я). Ф. 55. Оп. 35. Д. 8. Л. 18—20].

При этом профильное министерство официально констатировало недостаточную государственную поддержку и обострение многих проблем в оленеводческой отрасли в ходе проведения экономических реформ и реорганизаций:

- постоянно растущие цены на энергоносители, технику, корма, стройматериалы, тарифы на все виды транспортных услуг, большая задолженность по банковским кредитам (по итогам 1994 г. средняя сумма долга на одного работника составляла 5223 тыс. руб., средняя зарплата — 285 тыс. при прожиточном минимуме в условиях Севера 348 тыс. руб.);
- крайне затруднённый сбыт оленины в связи с сокращением золотодобывающих приисков, нерегулируемым завозом мясопродуктов извне, низкой платёжеспособностью местного населения и заготавливающих предприятий;
- прекращение развития производственной и социальной инфраструктур отрасли;
- ухудшение материально-технического обеспечения оленеводства и производственно-бытовых условий (закрылись пошивочные мастерские, которые обеспечивали оленеводов тёплой спецодеждой), отток кадров.

В связи с высокими авиатарифами не проводились мероприятия по обслуживанию оленеводов и поголовья (в т.ч. медицинские, торговые, культурно-просветительские, ветеринарные). Возникла проблема качественной организации охраны оленьих пастбищ, что вело к неуклонному их сокращению. Процесс бесконтрольного разгосударствления крупных оленеводческих совхозов привёл к формированию мелких нежизнеспособных форм хозяйствования.

Эти проблемы оленеводческих хозяйств середины 1990-х гг. продолжали существовать на фоне произошедших кардинальных изменений в формах хозяйствования, распределения между новыми категориями хозяйств основных количественных и некоторых качественных показателей развития домашнего оленеводства. Состояние дел в оленеводстве отражает характерные черты процесса реформирования аграрного сектора республики в целом на фоне системного кризиса экономики страны.

По данным Минсельхозпрода РС (Я) на январь 1998 г., в агропромышленном комплексе республики за годы реформирования государственной собственности были созданы 3928 крестьянских (фермерских) хозяйств, 51 коллективных хозяйства, 67 производственных кооперативов, 202 родовых общины и 157 государственных унитарных предприятий, при этом разгосударствление последних продолжалось. В результате разгосударствления и приватизации в сельском хозяйстве по итогам 1997 г. доля крестьянских хозяйств в общем объёме валовой продукции составляла 14%, в личных подворьях производилось 47%. По республике в целом 75,2%

поголовья крупного рогатого скота, 43,3% поголовья лошадей находились в хозяйствах с негосударственной формой собственности. В 1997 г. частный сектор реализовал 58,6% мяса, произвёл 76,2% молока. По состоянию на 1 января 1998 г. за негосударственными формами собственности были закреплены 207 тыс. га сенокосов и 62 тыс. га пашни, 89 тыс. семей получили земли для ведения личного подсобного хозяйства, 24 тыс. семей — для строительства индивидуального жилья, возрождался традиционный уклад жизни сельских жителей — сайылычные хозяйства [ОВА МСХ РС (Я). Ф. 55. Оп. 35. Д. 8. Л. 63—65].

К 1998 г. спад производства в отрасли составил 22% по сравнению с 1991 г. — это меньше, чем в других отраслях народного хозяйства республики. Однако снижение производства в сельском хозяйстве Якутии было связано не только с реформой, но и с объективными экстремальными климатическими условиями территории, которые не позволяли сельхозтоваропроизводителям «встать на ноги». Три года подряд они несли колоссальные убытки, невосполнимые ни федеральным, ни республиканским бюджетами. Так, убытки от стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций составили в 1995 г. 32 млрд руб., 1996 г. — 132 млрд, 1997 г. — 80 млрд. Из федерального бюджета в 1996 г. было возмещено только 4,5 млрд руб. [ОВА МСХ РС (Я). Ф. 55. Оп. 35. Д. 8. Л. 63—65].

Как и по всей стране, итоги переустройства сельского хозяйства и жизни селян в Якутии не принесли быстрых ожидаемых результатов. Создаваемые организационно-управленческие структуры часто не имели механизмов обратной связи на местах; их распоряжения, постановления не всегда могли быть претворены в реальную жизнь тружеников. Как и по стране в целом, ни труженики, которые занимались в повседневной жизни традиционным хозяйством, ни руководство всех уровней не были готовы к этим преобразованиям. Однако нельзя говорить о равных возможностях участия в реформах обеих сторон.

Основным результатом реформирования к концу 1990-х гг. в аграрном секторе Якутии, в том числе в традиционном хозяйстве Севера, стали трансформационные изменения в формах хозяйствования на основе разгосударствления собственности. Реальная деятельность хозяйств на местах оценивалась управленческими структурами на основе показателей развития отраслей и их распределения по категориям хозяйств различных форм собственности. В то же время нужно отметить, что все хозяйства, независимо от формы собственности, в рассматриваемый период сталкивались с одними и теми же проблемами — последствиями системного кризиса в аграрной отрасли страны.

Как сказано выше, в первой половине 1990-х гг. на процесс реформирования хозяйств Севера Якутии определённое влияние оказали управленческие

процессы в традиционных отраслях. В частности, в первые постсоветские годы организационно-управленческие функции были возложены на непрофильное в хозяйственном плане министерство по делам малочисленных народов Севера и при этом усечены компетенции агропромышленного комбината «Север». Только с конца 1993 г. арктические и северные хозяйства были переданы в управление профильного министерства сельского хозяйства и продовольствия республики с созданными подведомственными организациями по традиционным отраслям и районными управлениями сельского хозяйства на местах.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Государственная программа аграрной реформы в Республике Саха (Якутия) на 1993—1995 гг. (проект). Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. 136 с.
2. Ковлеков С.И. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991—1995гг. // Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991—1996): проблемы коренных преобразований. Якутск, 1999. С. 76—110.
3. Концепция развития якутского села в условиях перехода к рыночным отношениям. Якутск, 1994. 44 с.
4. Программа действий: приоритеты и ориентиры // Республика Саха. 1995. 14 июня.
5. Санникова Я.М. Аграрная реформа 1990-х гг. на Севере Якутии: традиционные отрасли хозяйства и официальная политика // Россия. Век двадцатый: сб. статей к 95-летию д-ра ист. наук В.М. Ковальчука. СПб: Нестор-История, 2011. С. 371—378.
6. Санникова Я.М. Структурные изменения в управлении традиционным хозяйством Севера Якутии в 1992—1993 гг. // Научный диалог. 2018. № 9. С. 295—306.
7. ОВА МСХ РС (Я) (Объединённый архив Министерства сельского хозяйства Республики Саха (Якутия)).

УДК 911.3:39(571.56)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10014

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТРАДИЦИОННУЮ ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Екатерина Ивановна Корнилова,
кандидат исторических наук, доцент,
Московский областной филиал Московского университета МВД России.
E-mail: tyrymas@mail.ru

В статье анализируются проблемы комплексного исследования исторического опыта адаптации коренных народов Якутии к социально-экономическим и правовым трансформациям в условиях промышленного освоения территории и современных социокультурных процессов. Особое внимание уделяется вопросам здоровья населения и применения обычного права в качестве альтернативного основания защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов, а также анализу значимых государственных проектов, становлению органов самоуправления, социальному, производственному и природно-ресурсному потенциалу района. В традиционной хозяйственной деятельности имеется огромное количество элементов, связанных с причинными зависимостями, оценить которые можно лишь путём кропотливых полевых экспедиционных исследований. Исследования выявили наиболее острые проблемы адаптации коренного населения, которому оказалось трудно встроиться в современную правовую систему. Насущными проблемами в традиционном хозяйствовании являются юридическое закрепление промысловых угодий, рыболовных участков, лицензирование и квотирование, связанные с пользованием животным миром и водными биоресурсами. В целом ситуация методологического кризиса в этнологической науке сказывается на современной законодательной базе.

Ключевые слова: права коренных народов, традиционное природопользование, этническая экология, этнологическая экспертиза, промышленное освоение.

PROBLEMS OF ASSESSING THE IMPACT OF INDUSTRY ON TRADITIONAL ECONOMIC ACTIVITIES OF THE INDIGENOUS POPULATION OF REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Ekaterina Kornilova, Moscow regional branch of the Moscow University of the MIA of Russia. E-mail: tyrymas@mail.ru

The article analyzes the problems of a comprehensive study of the historical experience of adaptation of the indigenous peoples of Yakutia to socio-economic and legal transformations in the conditions of industrial development of the territory and modern socio-cultural processes. Particular attention is paid to the well-being and the application of customary law as an alternative basis for protecting their original habitat, traditional way of life, managing, crafts, analysis of significant state projects, the formation of self-government bodies as well as the social, industrial and natural resource potentials of the region. Even in the most seemingly straightforward traditional economic activity, there are a huge number of elements related to causal dependencies which can only be assessed through painstaking field expeditionary research. The results of the study revealed the most complex problems of adaptation of the indigenous population, as it is very difficult for them to integrate into the modern legal system. Urgent problems in traditional management are legal registration of fixing of fishing grounds, fishing sites, licensing and quotas associated with the use of animal world and aquatic biological resources. In general the situation of the methodological crisis of ethnological science affects the current legislative framework.

Keywords: rights of indigenous peoples, traditional natural management, ethnic ecology, ethnological expertise, industrial development.

В настоящее время становление новой модели социально-экономического развития проявляется в формировании международной и национальной экологически ориентированной экономической политики, масштабном принятии законов, крупном инвестировании и внедрении инноваций в проекты устойчивого развития Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Промышленная добыча полезных ископаемых в Якутии ведётся в течение ряда десятилетий. Самое крупное в мире сенсационное открытие в области геологии в XX в. — это обнаружение в Якутии месторождения алмазов геологами Амакинской экспедиции. В 1957 г. был создан трест «Якуталмаз», развернувший промышленную добычу ценнейшего технического и валютного минерала. Главные работы проводятся в западной части Якутии на территории около 900 тыс. км². Первое государственное предприятие по добыче золота — Якутский государственный золотопромышленный трест — получил статус всесоюзного и был переименован в «Алдазолото».

В 1972—1991 гг. небывало высокими темпами развивалось промышленное производство СССР, требовавшее значительного расширения и укрепления минерально-сырьевой базы, особенно в обеспечении запасами нефти, газа, угля, металлов и т.д. С 1974 г. началось строительство БАМа, с 1976 г. — создание по решению XXV съезда КПСС Южно-Якутского территориально-промышленного комплекса (ТПК). Были проведены активные геологоразведочные работы. В 1956 г. забил первый газовый фонтан на Усть-Вилюйском месторождении. Запасы нефти Центрального блока Талаканского месторождения Ленского района в количестве 114388 млн т были утверждены 24.11.1997 г. в Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых России [14, с. 56]. 60% продукции крупного угледобывающего предприятия «Якутуголь» идёт на экспорт [14, с. 57].

За последние два десятилетия изменились научно-технические и экономические показатели. Новые социальные стандарты и законы привели к появлению понятия «этническая экология», «этнологическая экспертиза» в федеральном и региональном законодательстве страны. Отмечается интерес к исследованию качества жизни коренных народов, заявленный в Концепции их устойчивого развития [12]. Все экономические, экологические, технологические, финансовые, социальные аспекты развития должны учитываться комплексно. Ныне наблюдаемый кризис не должен быть аргументом отсрочки принятия соответствующих мер.

В Республике Саха (Якутия) проживают пять коренных народов Севера — эвенки, эвены, долганы, юкагиры и чукчи (всего свыше 40 тыс. чел.). Этнические якуты составляют 478,1 тыс. чел. К территориям компактного проживания коренных малочисленных народов Севера относят 21 район и 71 населённый пункт. На площади 3 084 000 км находятся богатейшие месторождения алмазов, угля, нефти, газа, железной руды, благородных, цветных и редких металлов. Сегодня в Западной Якутии производится примерно треть сельскохозяйственной продукции республики. Данный регион является местом компактного проживания 1/3 от общей численности якутов. Здесь сосредоточено 30% поголовья крупного рогатого скота, 25% лошадей, 18% посевов и 27% сенокосных угодий республики. Земля сельскохозяйственного назначения Вилюйского района составляет 46,7 тыс. га, из них сенокосные — 46,4%, пастбищные — 51% [9, с. 67]. Исконно сложившимися традиционными видами хозяйственной деятельности коренного населения являются мясомолочное скотоводство, табунное коневодство, рыболовство, охотничий промысел.

За последние 60 лет масштабные промышленные проекты, концентрация скота в коллективных хозяйствах привели к изменению традиционного расселения и образа жизни населения. Вместо равномерно расположенных на территории мест обитания с зимне-летней системой расселения

образовались средние и крупные населённые пункты [5, с. 66]. В годы перестройки из-за социально-экономической нестабильности наблюдался массовый отток населения. Так, в посёлке газовиков Кызыл-Сыр в советское время проживало около 11 700 чел., а к 2009 г. — 3720. В центре алмазодобывающей промышленности г. Мирном население к началу 2002 г. составляло 86 013 чел., к 2010 г. — 42 746 человек [8, с. 5].

В 2017 г. Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) было опубликовано руководство по применению принципа устойчивого развития в практической деятельности по осуществлению любых проектов на территориях проживания коренных народов [10]. В нём главным понятием является «свободное предварительное и осознанное согласие» (СПОС), под которым понимается коллективное решение обладателей прав, полученное через свободно избранных представителей. Это коллективное решение, принятое коренными народами (которых это касается) в соответствии с их обычаями и традициями; выражение прав (на самоопределение, землю, ресурсы, территории и культуру). Согласие даётся (или не даётся) поэтапно, за определённый период времени в отношении различных стадий или этапов мероприятий в рамках проекта [11]. При рассмотрении принципа СПОС возникает другая проблема — соотношения коллективных и индивидуальных прав коренных народов. В этой связи обращение к юридической антропологии при рассмотрении комплекса проблем позволяет говорить не только о государственном официальном правовом регулировании этих отношений, но и о том, как оно связано с хозяйственными и символическими практиками [7, с. 295]. Когда речь идёт о коллективных правах, то к ним относится, в первую очередь, право на самоопределение, которым обладают и коренные народы.

В Декларации ООН о правах коренных народов подчёркивается, что коренные народы имеют право на самоопределение (статья 3) [1, с. 2]. По Конституции РФ, местное самоуправление «обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» (ст. 130) и осуществляется «с учётом исторических и иных традиций» (ст. 131). Сюда относятся вопросы не только культурного, но и экономического развития, в том числе использование природных ресурсов. Механизмом реализации права на самоопределение выступает осуществление принципа СПОС при принятии решений, затрагивающих интересы коренных народов.

В качестве примера можно привести Югюлятский наслег (сельское поселение) Вилюйского района. 31 марта 2019 г. районный Совет депутатов МР «Вилюйский улус (район)» в соответствии с ч. 2.4 ст. 6 Закона Республики Саха (Якутия) от 27.01.2005 207-З № 419-III (ред. от 30.01.2019 г.) «О статусе национального административно-территориального образования в местах

традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», требованиями Постановления правительства республики от 13.05.2000 № 270 «О внесении изменений и дополнений в Положение о порядке решения вопроса административно-территориального устройства Республики Саха (Якутия)» и на основании решения избирательной комиссии МО «Югюлятский наслег» от 1 апреля 2019 г. (№ 20 «О результатах местного референдума о присвоении национального статуса муниципальное образование „Югюлятский эвенкийский национальный наслег“ муниципальному образованию „Югюлятский наслег“») решил дать согласие на придание ему статуса эвенкийского национального наслега [2].

В 2009 г. наша этнографическая экспедиция (при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 09-01-79700е/Т) оказывала непосредственную юридическую и техническую помощь при оформлении документов для получения долгосрочной лицензии на бесплатное пользование объектами животного мира сельскохозяйственному кооперативу «Баай эбэ» в МО «Вилюйский улус (район)». Кооператив был зарегистрирован распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) 30 марта 2010 г. № 285-р. Дальнейшая цель практики видится в реализации действенной цепочки: самоопределение — самоуправление — со-управление ресурсами. Важную роль в реализации коллективных прав играет представительство — советы при органах власти и местного самоуправления, общественные организации, официальные представители в органах законодательной власти и т.д. Однако лишь некоторые из этих форм определены законодательно. Согласно обычаям и традициям коренных народов, их интересы выражали лидеры на основании консенсуса. В современных условиях достичь всеобщего согласия достаточно сложно, и вопросы о том, кто и как может представлять коллективные интересы и защищать коллективные права, остаются до конца неурегулированными.

Во время работы экспедиции респонденты ответили на вопрос анкеты «Знакомы ли вы с законами о территориях традиционного природопользования, защищающими коренные народы и традиционный образ жизни?»: «да» — 8,3%, «скорее да» — 19,8%, «скорее нет» — 37,6%, «нет, совсем не знаком» — 27,4%, «затрудняюсь ответить» — 6,9%. При ответе на вопрос об эффективности Федерального закона от 07.05.2002 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», 78,4% респондентов посчитали его не действующим. Объясняют это тем, что согласно данному закону, документы на право владения угодьями, где ведётся традиционный образ жизни, традиционный вид хозяйственной деятельности, оформляются на коллективные хозяйства, а респонденты считают, что была бы эффективней их передача в ведение муниципального органа.

Многие респонденты во время этнографической экспедиции в Западных промышленных районах Якутии указывали на сложность оформления перечня необходимых документов на свои угодья. В муниципальном районе «Сунтарский улус (район)» в четырёх наслегах Тойбохой, Эльгяй, Шея, Тюбяй-Жархан, в Нюрбинском районе в двух наслегах Нюрбачан, Дикимдя и в Вилюйском районе Екюндю, Бетюнг, Эбя, Илбенгя на предложенные анкетные вопросы респонденты отвечали, что встречают сложности с оформлением документов [8, с. 2]. Ведь даже для того, чтобы зарегистрировать и оформить все документы, в первую очередь, устав, необходимы навыки, которых местные жители не получили ранее.

В Республике Саха (Якутия) в 2010 г. был принят закон «Об этнологической экспертизе в местах традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (изм. и доп. от 30 января 2019 г.) [3]. Следует особо отметить, что в законе процедура этнологической экспертизы привязана к научным исследованиям. Например, государственная этнологическая экспертиза проводит анализ документации хозяйственного проекта, включая этнологические, социологические, экономические и правовые документы, а также материалы оценки ущерба традиционных видов хозяйствования, в том числе в форме оценки воздействия на этнологическую среду (ОВЭС). Однако, если говорить об исполнении закона, к сожалению, приходится констатировать недостаточность и слабость правоприменения, так как за 8 лет реализации закона проведено только 11 экспертиз, в то время как на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера реализуется более 200 промышленных проектов.

Перед экспертным сообществом стоял вопрос усиления штрафных санкций за невыполнение норм законодательства об обязательности этнологической экспертизы. Первые шаги в этом направлении уже сделаны правительством республики, внёсшим изменения в Кодекс об административных правонарушениях республики. В КоАП РС (Я) от 14.10.2009 (с изм. на 26.02.2020) ст. 4.8. «Нарушение законодательства Республики Саха (Якутия) об этнологической экспертизе (введена Законом РС (Я) от 21.11.2018 2065-З № 41-VI)» говорится о том, что несоблюдение юридическим или физическим лицом, в том числе зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, нормы о представлении заявления на проведение этнологической экспертизы в уполномоченный орган исполнительной власти республики и отсутствие положительного заключения этнологической экспертизы влечёт предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от 1500 до 2000 руб., на юридических лиц — от 50 тыс. до 100 тыс. руб. Осуществление хозяйственной деятельности без соответствующей документации о положительном заключении

этнологической экспертизы влечёт предупреждение или наложение административного штрафа на юридических лиц от 100 тыс. до 500 тыс. руб. Необходимо также предусмотреть охранительные нормы, устанавливающие ответственность за нарушение требований к проведению этнологической экспертизы, вплоть до аннулирования лицензии [4].

На начальном этапе реализации закона до 2014 г. был рассмотрен только один проект — строительства Канкунской ГЭС. Ситуация изменилась с 2014 г., когда количество экспертиз увеличилось и возникли спорные моменты. Тогда встал вопрос о недостаточном представительстве коренных малочисленных народов Севера в данной комиссии и, следовательно, о недостаточном учёте их мнения. В новом составе экспертной комиссии, утверждённой Распоряжением Правительства РС (Я) от 30 октября 2015 г. № 1228-р, данные замечания были учтены: из 21 члена комиссии 7 представляли общественные организации коренных народов.

В экспедициях, проведённых мною в 2009—2010 гг. при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 09-01-79700е/Т «Этнологическая экспертиза коренного населения Вилюйской группы районов Республики Саха (Якутия): выживание, адаптация, развитие» и № 10-01-79703е/Т «Этнологическая экспертиза традиционного природопользования в Западной Якутии: сосуществование и взаимодействие»), собраны показатели общей заболеваемости населения, рассчитан удельный вес причин смертности населения, составлена характеристика медицинского обслуживания. Эти данные показали, что экстремальные климатогеографические условия, сочетающиеся с промышленной нагрузкой, привели к интенсивному истощению адаптационных резервов организма у представителей коренного населения: речь идёт об осложнённом течении хронических заболеваний, преждевременном старении организма и омоложении показателя смертности населения. На здоровье приезжего населения, занятого в промышленности (в том числе вахтовых работников), влияют атипичные световые режимы в зимний и летний периоды и обратные изменения в типе питания. Судя по всему, в качестве платы за получение единицы валового внутреннего продукта в виде нефти, газа и алмазов, государство вынуждено будет решать проблему значительного увеличения «человекопотерь» и «человекопотребления» [6, с. 80—83].

Собранные материалы документально подтвердили существенную роль развития традиционных видов хозяйственной деятельности (животноводства, рыболовства) для решения продовольственной программы, снабжения населения экологически чистой продукцией. Ранее в зависимости от географических зон обитания районы имели специфические хозяйственно-бытовые системы природопользования и жизнеобеспечения. Коренное население размещалось более или менее равномерно в пределах конкретного экологического ареала, что поддерживало модель «этнокультурной

непрерывности». Однако советская коллективизация разрушила главные элементы этой системы, соответственно исчезли её жизненно важные функции. Тем не менее опрошенные старожилы хорошо помнят свои родовые угодья, и представители более молодых поколений посещают их для занятия традиционными видами хозяйственной деятельности [8, с. 15]. Эти данные могут быть использованы для обоснования необходимости образования территорий традиционного природопользования в границах прежних традиционных угодий, необходимых для поддержания и развития традиционных видов хозяйственной деятельности коренных жителей территории. Заинтересованность в этноэкологической экспертизе проявили и администрации муниципальных образований, и местное население.

Анализ полевого материала показал, что коренному населению весьма трудно свыкнуться с современной правовой системой, хотя для данных народов в российском законодательстве предусмотрены дополнительные права, в том числе на пользование и владение ресурсами. Законодательные акты, касающиеся территорий традиционного природопользования, несомненно, вызывают большой академический интерес. Как показали исследования, здесь сложился следующий правовой стереотип: «...мои предки испокон веков проживали на этой территории, и законы, не соответствующие природно-климатическим, хозяйственно-культурным условиям края, не уживаются, они не соответствуют экологии земли и народа...»

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Декларация ООН о правах коренных народов, принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, 61-я сессия / Дополнение № 53 (A/61/53), ч. I, гл. II, разд. A. 107-е пленарное заседание, 13.09. 2007 г.
2. Закон Республики Саха (Якутия) от 27.01.2005 207-З № 419-III «О статусе национального административно-территориального образования в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (с изм. от 19.06.2019 г.). URL: www.consultant.ru(дата обращения: 14.05.2020).
3. Закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 № 820-З№ 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (с изменениями на 30 января 2019 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации.
4. Кодекс Республики Саха (Якутия) об административных правонарушениях от 14.10.2009 № 726-З№ 337-IV (с изменениями на 26.02. 2020 г.). // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации.

5. Корнилова Е.И. Этнические традиции и проблемы жизнеобеспечения коренного населения Вилюйского округа Якутской области в конце XIX — начале XX вв. СПб.: ВВМ, 2005. 168 с.
6. Корнилова Е.И. Этноэкологические проблемы и обычно-правовые и государственное регулирование традиционного природопользования в Якутии // Якутский архив: науч. и ист.-док. ж-л. 2010. № 2.
7. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: Исследования по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.
8. Отчёт РГНФ по проекту № 10-01-79703е/Т «Этнологическая экспертиза традиционного природопользования в Западной Якутии: сосуществование и взаимодействие» (рукопись).
9. Поисеев И.И. Устойчивое развитие Севера. Новосибирск: Наука, 1999. 280 с.
10. Продовольственная и сельскохозяйственная ООН. Методич. рекомендации по разработке набора критериев и индикаторов устойчивого управления лесами. URL: http://www.unece.org/forests (дата обращения: 14.05.2020).
11. Продовольственная и сельскохозяйственная ООН. Свободное, предварительное и осознанное согласие. Право коренных народов и рекомендуемые методы работы с местными общинами. http://www.fao.org/3/a-i6190r.pdf (дата обращения: 18.05.2020).
12. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2016 № 1792-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016—2025 гг. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 29.08.2016 г.).
13. Федеральный закон от 07.05.2001 г. №-49-ФЗ (изм. от 31.12.2014 № 499-ФЗ) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgireq=doc&base=LAW&n=173601&fld=134&dst= 1000000001,0&rnd=0.8263255370326789#0030086647120143417 (дата обращения: 23.05.2020).
14. Якутия: рекорды, самое первое. Якутск: Бичик, 2004. 256 с.

УДК 656(571.63)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10015

РЕФОРМИРОВАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ПЛАНЫ И ПРОБЛЕМЫ

Цай Ин,
аспирант (КНР), Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск
E-mail: mnina66@yandex.ru

В статье анализируется состояние российской транспортной инфраструктуры и стратегия её реформирования на российском Дальнем Востоке, рассматриваются направления модернизации, проблемы и перспективы реализации стратегии. Автор выделяет следующие объекты модернизации — Сибирская железная дорога, автодороги, воздушные, морские и речные порты, трубопроводный транспорт. К проблемам реформирования региональной транспортной системы относятся неразработанность региональной логистики, отсутствие чётких правовых гарантий для потенциальных инвесторов, несовершенство тарифной политики, таможенная бюрократия. Исследование данной темы является важным и актуальным для определения реальных шагов РФ в повышении эффективности дальневосточной региональной логистики и экономического развития дальневосточного региона путём реформирования системы транспорта.
Ключевые слова: транспортная инфраструктура, стратегия реформирования, Азиатско-Тихоокеанская экономическая интеграция, российский Дальний Восток.

REFORM OF THE FAR EASTERN TRANSPORT INFRASTRUCTURE: PLANS AND PROBLEMS

Cai Ying, PhD Student (China), Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russia. E-mail: mnina66@yandex.ru

The article analyzes the current state of the Russian transport infrastructure and the strategy for its reform in the Far East, the areas of modernization, the problems and prospects of implementing the strategy. The author identifies the following objects of modernization: the Siberian Railway, roads, air, sea and river ports, pipeline transport. The problems of reforming the regional transport system include the lack of development of regional logistics, the lack of clear legal guarantees for

potential investors, the imperfection of the tariff policy, and the customs bureaucracy. The study of this topic is important and relevant to determine the real steps of the Russian Federation in improving the efficiency of the Far Eastern regional logistics and economic development of the Far Eastern region by modernizing the transport system.
Keywords: transport system, reform strategy, Asian-Pacific economic integration, Russian Far East.

В современных условиях роль транспорта как важнейшего элемента в развитии любого государства непрерывно повышается. В рамках единого производственного процесса транспортная отрасль гарантирует эффективное использование производственных ресурсов страны. Сегодня транспорт является, прежде всего, основой уменьшения демографического дисбаланса между азиатской и европейской частями России, а также гарантом военной безопасности всей её территории. В ближайшее время невозможно обеспечить общую доступность транспортных услуг для всех крупных потребителей без хорошо функционирующей транспортной сети и без внедрения новейших эффективных способов перевозки грузов.

Российский Дальний Восток географически расположен в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В мае 2012 г. президент РФ В.В. Путин, излагая свою дипломатическую концепцию, подчёркивал: «Активное присутствие в делах АТР будет способствовать участию Сибири и Дальнего Востока в процессе региональной интеграции». С этой целью Россия будет энергично поощрять создание механизма безопасности и сотрудничества в АТР, углублять стратегическое сотрудничество с Китаем, Индией и Вьетнамом, а также развивать двусторонние отношения с Японией, Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией и др. странами [12, с. 129—134]. 12 декабря 2013 г. он заявил в своём ежегодном послании о том, что возрождение Сибири и Дальнего Востока будет приоритетным направлением развития российского государства в XXI в. Развитие восточного региона России будет ориентировано на страны АТР, таким образом, не только появятся новые возможности для экономического развития России, но и будет заложена основа для реализации активной дипломатической политики в будущем [1].

Президент России дальневосточную политику обозначил и как стратегию, и как национальную задачу. «Ключевые социально-экономические показатели и качество жизни людей во всех регионах Дальнего Востока РФ должны быть выше, чем в среднем по России. Это общенациональная задача. Это чрезвычайно важное направление нашей работы. Наше стратегическое направление — это Восточная Сибирь и Дальний Восток», — подчеркнул

Путин в послании 2019 г. [5]. Поэтому актуальным представляется исследование реформирования российской транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке (далее — ДВ), практических шагов по её модернизации, значимости российской дальневосточной транспортной системы для развития отношения с АТР.

Российский Дальний Восток имеет большую территорию, его площадь составляет 621,59 кв. км, он занимает 36,4% от территории России. Однако по сравнению с другими регионами дальневосточный не имеет развитой инфраструктуры в транспортном секторе. Плотность железнодорожных путей на каждые 10 000 кв. м ниже на 72%, чем по России в целом. В Чукотском автономном округе, Камчатском крае и Магаданской области нет железных дорог. В качестве транспортной артерии на ДВ основные задачи экспорта и трансграничных перевозок выполняет Сибирская железная дорога (далее — СЖД), её грузоподъёмность достигает 100 млн т в год; годовая пропускная способность основной линии Байкало-Амурской магистрали составляет 12,5 млн т. В начале XXI в. дороги, ведущие к портам, крупным промышленным районам и новым горнодобывающим районам, находились в критическом состоянии по транспортной нагрузке, и потенциал увеличения их грузоподъёмности оказался исчерпанным. Судя по дорожным условиям, их состояние очень плохое, инфраструктура слабая, они распределены линейно и в основном сосредоточены на юге Дальнего Востока.

Правительство России придаёт большое значение строительству и реформированию транспортной инфраструктуры на ДВ. 17 июля 2008 г. была утверждена «Стратегия развития железнодорожного транспорта РФ до 2030 года» (далее — «Стратегия 2030»). До 2030 г. правительство планирует инвестировать 1,6 трлн руб. в проекты развития железнодорожного транспорта Дальневосточного федерального округа и построить новые железнодорожные линии минимальной протяжённостью не менее 16017 км, а максимальной — 20730 км [8]. В конце 2009 г. в утверждённой «Стратегии экономического и социального развития российского Дальнего Востока и Забайкальского края до 2025 года» (далее — «Стратегия 2025») был разработан план модернизации и строительства транспортной инфраструктуры на ДВ, что предполагает включение региональной экономики в единое экономическое пространство России, то есть с помощью транспортных систем все субъекты федерации на ДВ должны быть соединены с другими регионами России [7]. Установление связей Дальнего Востока и стран АТР планируется с помощью и Северного морского пути. С одной стороны, это будет способствовать всестороннему экономическому и социальному развитию Дальнего Востока, укрепит экономические и социальные связи между Дальним Востоком и Европейской частью России, а также экономически сблизит регионы. С другой стороны, это создаст объективно

лучшие базовые условия для экономической интеграции России в АТР. Остановимся на плане реформирования подробнее.

План реконструкции железных дорог включает несколько основных мероприятий, направленных на повышение ключевой роли СЖД в перевозках грузов с Дальнего Востока на российский внутренний рынок и в АТР, в трансграничных перевозках импортных и экспортных товаров и в международных трансграничных перевозках грузов (особенно в контейнерных перевозках).

1. Модернизация СЖД. В целях обеспечения пассажирских перевозок и пропускной способности СЖД российское правительство решило провести через р. Амур на территорию провинции Хэйлунцзян (КНР) железнодорожно-автомобильный мост и перестроить тоннель в районе г. Хабаровска, что должно повысить транспортную ёмкость железнодорожной системы. В это же время будут реконструированы тоннели и мосты вдоль СЖД.

Дальнейшее своё развитие должен получить БАМ. Проект его расширения предусматривает строительство второй ветки магистрали на большей части пути, электрификацию отдельных участков и замену подвижного состава. Потребность в перевозках по БАМу к 2025 г. составит около 100 млн т грузов. Объём предстоящих проектных и строительных работ огромен и сопоставим с объёмом строительства БАМа в советское время, а сроки строительства гораздо меньше. Общие инвестиции составят около 300 млрд руб. В рамках проекта будет построено 414,3 км вторых путей, 42 разъезда, 20 двухпутных вставок, две тяговые подстанции. Модернизации подвергнется в общей сложности более 1450 км пути и Северомуйский тоннель. Предусмотрена реконструкция 39 станций, 106 железнодорожных мостов, пяти водопропускных труб, путепровода, более 200 км земляного полотна. В результате реализации проекта провозная способность магистрали практически удвоится и достигнет 25 млн т грузов в год. После окончания реконструкции БАМа на магистраль будет перенаправлена большая часть грузов — транзит угля и полезных ископаемых возрастёт как минимум в два раза, что позволит России дальше наращивать международный товарооборот, в частности, с Китаем [6].

Соответствующие органы разрабатывают план строительства моста между о. Сахалин и материком, планируя проложить новую ветку ж/д в 400 км от Комсомольска-на-Амуре до моста. В то же время планируется завершить строительство железнодорожно-автомобильного моста «Беркакит — Томмот — Якутск» и других грузовых железнодорожных линий через р. Лена, что после строительства моста будет способствовать развитию Республики Саха (Якутия).

2. План реконструкции автодорог. Сеть автомобильных дорог соединяет экономические и социальные центры различных федеральных субъектов

на ДВ, обеспечивая транспортные связи между районами, портами и соседними странами, сельскими населёнными пунктами и небольшими городами.

Для соединения автомобильных дорог на ДВ с общероссийской сетью будут построены автомагистраль «Амур» (Чита — Хабаровск) и шоссе Транс-Амур (Хэйлунцзян) между Хабаровском и портом Ванино, который относится к части мостового шоссе проекта железнодорожно-автомобильного моста. Модернизация автомагистрали «Уссури» (Хабаровск — Владивосток) направлена на развитие экономических и торговых связей с регионами, прилегающими к КНР, КНДР, Республике Корея, Японии и странам АТР. Также планируется построить «Восточную» автомагистраль (Хабаровск — Находка) протяжённостью 824 км, которая пересечёт Хабаровский и Приморский края и соединит порты Находка и Восточный, Евразийский континентальный мост.

3. План реконструкции портов.

Воздушные порты. В целях обеспечения связности, согласованности и безопасности воздушных перевозок реконструкция инфраструктур воздушного транспорта будет основываться на формировании и развитии магистральной авиационной сети. Она будет состоять из международных и внутренних авиационных узлов и других важных аэропортов. Цель развития аэропортов Иркутск, Хабаровск и Владивосток — модернизация их в международные авиационные узлы. Выделены города, аэропорты, которые планируется превратить в узлы внутренней авиации: Улан-Удэ, Чита, Благовещенск, Якутск, Магадан, Мирный, Анадырь, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск.

Морские порты. На Дальнем Востоке находится 28 морских портов (всего в России — 64), 75% грузооборота идёт через порты Восточный, Находка и Ванино. Они входят в десятку крупнейших морских гаваней России, являются железнодорожно-морскими транспортными узлами, которые обеспечивают импорт и экспорт, прибрежные и международные трансграничные перевозки. После повышения уровня механизации и автоматизации морские порты на ДВ увеличат грузоподъёмность навалочных и фасованных товаров, таких как уголь, руда и нефть, до 200 млн т.

Речные порты. Правительственные планы включают комплекс мер по улучшению качества операций на внутренних водных перевозках там, где недостаточно наземного и воздушного транспорта. В бассейнах рек Амур и Лена внутренний водный транспорт станет основным видом водного транспорта. Будет осуществлено преобразование речного канала и улучшены условия судоходства, основной задачей является увеличение протяжённости навигации. Долгосрочное планирование и развитие инфраструктуры водных путей может обеспечить создание международного коридора «Меридиан»: в правительстве РФ начали рассматривать новый

железнодорожный мегапроект — анонсированный в 2019 г. В.В. Путиным «Сибирский меридиан», который свяжет порты Тихого и Индийского океанов и точки на Севморпути. Проект включает в себя уже намеченные стройки, например, Северный широтный путь, и новые тысячекилометровые линии в Сибири и Арктике, направленные также в Азию. В настоящее время первоочередной задачей являются технологические инновации, создание терминальных логистических систем и развитие инфраструктуры в портах Хабаровск, Благовещенск, Поярково, Покровка, Зея и др. Кроме того, планируется строительство лимановых перегрузочных центров на реках Лена, Яна, Индигирка и Колыма.

4. План реконструкции трубопроводного транспорта. В настоящее время российская система трубопроводного транспорта Восточная Сибирь — Тихий океан является важной частью сети трубопроводного транспорта на ДВ. Согласно плану, ежегодный объём транспортировки нефти по трубопроводу составляет 80 млн т (ветка от Сковородино до китайского города Дацина ежегодно поставляет 15 млн т). Что касается газопроводов, то Россия приняла решение о разработке двух нефтегазовых месторождений в Республике Саха (Якутия) и прокладке газопровода Якутск — Хабаровск — Владивосток. Одновременно будет идти сооружение газопроводной системы Сахалин — Хабаровск — Владивосток и ввод в эксплуатацию газопровода Якутск — Хабаровск — Владивосток.

Как упоминалось в послании Президента В.В. Путина в 2018 г., масштабные усилия будут направлены на развитие Евразийской транспортной артерии. Строительство дорог уже началось, оно станет важной частью коридора «Европа — АТР». Пропускную способность железнодорожной линии БАМ и Транссибирской железнодорожной линии к 2024 г. планируется увеличить в 1,5 раза — до 180 млн т, а объём транзитных контейнерных перевозок по ж/д — увеличить почти в 4 раза. Это означает, что Россия станет одним из мировых лидеров в области контейнерных транзитных перевозок между Европой и Азией. В начале XXI в. пропускная способность российских портов составляла только 300 млн т, но в начале 2017 г. она впервые в истории превысила отметку в 1 млрд т. Северный морской путь станет ключом к освоению российской Арктики и Дальнего Востока, к 2025 г. грузопоток увеличится в 10 раз — до 80 млн т [4].

В целях обеспечения реализации всех проектов планируются конкретные работы на федеральном, региональном и местном уровнях. В частности, «Стратегия-2025» чётко определяет обязанности федерального административного учреждения и федерального субъектного административного учреждения, регулирует стратегическое планирование федеральных субъектов, определяет экономические и социальные стратегии федеральных главных и муниципальных административных органов, регламентирует

национальные документы по землеустройству на всех уровнях и определяет развитие крупных предприятий, которые включены в общую стратегию, тем самым формируя общий документ о систематическом стратегическом планировании развития Дальнего Востока. Для девяти федеральных субъектов на ДВ планы социально-экономического развития перечислены в отдельной главе «Стратегии-2025».

«Стратегия-2025» также определяет специальные меры политики и соответствующие меры поддержки для интеграции Дальнего Востока в общее экономическое пространство России, такие как установление специальных цен, платежей, тарифов, госпошлин и налогов (включая добавление индивидуальных налогов в местных районах) и бюджетной политики, устранение препятствий на пути экономической и социальной интеграции между регионами, привлечение инвестиционных фондов РФ и российских венчурных компаний к участию в некоторых ключевых инвестиционных проектах, установление кредитных льгот и скидок по кредитам для их поддержки, внедрение правительственной политики поддержки ключевых отраслей с целью позволить конкретным отраслям и предприятиям модернизировать своё производство путём повышения конкурентоспособности оборудования, улучшение социальной инфраструктуры и др. Стоит отметить, что в 2015 г. Россия обнародовала «Закон о свободном порте Владивосток», охватывающий все основные порты российского Дальнего Востока от Находки до Зарубино. Подключая порты региона к российской континентальной железнодорожной транспортной системе, Россия продемонстрировала свои уникальные преимущества в транспортных каналах к странам АТР [9]. «Мы верим в то, что после завершения российской модернизации транспортной системы на ДВ логистические и транспортные возможности региона будут значительно улучшены, и он постепенно станет глобальной и конкурентоспособной транспортной артерией», — отметил В.В. Путин [5].

Большое значение в модернизации транспортной системы имеет объём товарооборота. Согласно статистическим данным Федеральной таможенной службы РФ, общий объём внешнего товарооборота России в 2019 г. составил 666,557 млрд долл., в т.ч. 212,187 млрд приходится на торговлю со странами АТР, что занимает 31,8% от общего объёма торговли, уступая только торговле России с ЕС (277,796 млрд долл. — 41,6%). В первую пятёрку по объёму экономических и торговых обменов между Россией и странами АТР входят Китай (включая Гонконг, Тайвань), США, Республика Корея, Япония и Вьетнам, на которые приходится 17,6%, 3,9%, 3,1%, 3% и 0,7% соответственно; общий объём торговли с этими странами составляет 91,1% от общего объёма торговли России с АТР [2]. Экономические и торговые обмены между Россией и АТР в основном сосредоточены в Китае, Японии и Южной Корее, что определяется географической близостью и уровнем

экономического развития в регионе. С точки зрения конкретной дипломатической практики, Китай, Япония, США, Южная Корея и Вьетнам — это фактически те страны, с которыми Россия имеет самые тесные политические и экономические связи в АТР [10, с. 203—213; 11, с. 10—11].

Имеющиеся стратегии по реформированию транспортной инфраструктуры российского Дальнего Востока направлены на расширение объёмов его товарооборота и увеличение спроса на российское сырьё и энергию. Однако реализация разработанных проектов замедляется по ряду причин, среди которых: отсутствие чётких правовых гарантий для потенциальных инвесторов (юридическая неопределённость в имущественных и земельных отношениях, отсутствие механизмов учёта уже осуществлённых инвестиций, ограниченный характер налоговых преференций и т.д.), несовершенство тарифной политики, таможенная бюрократия. Так, сборы на границе зачастую непрозрачны, лишены чётких критериев, не отвечают требованиям международных перевозок. Система организации перевозок через российские дальневосточные порты проигрывает китайской логистике по срокам и стоимости. Существующие механизмы, разработанные ещё в конце прошлого столетия, во многом устарели и не учитывают современных условий и конъюнктуры. Из-за финансовых несоответствий и бюрократических проволочек темпы строительства некоторых взаимовыгодных совместных транспортных средств за счёт прямых государственных средств не совпадают (например, при сооружении мостовых переходов на р. Амур в районе «Нижнеленинское-Тунцзян» и «Благовещенск-Хэйхэ»). Неясны пока и перспективы осуществления «сопряжённости» с китайскими планами по воплощению в жизнь инициативы «Один пояс и один путь». У Китая есть альтернативные пути расширения своего транспортного присутствия в этом регионе, не говоря уже о проекте «Москва — Пекин», возможная реализация которого будет способствовать утрате привлекательности восточной части Транссиба [3, с. 27—29]. Ситуацию усугубляет и мировая пандемия вируса COVID-19, замедлившая воплощение в жизнь многих проектов.

В целом, проанализировав состояние дальневосточной транспортной инфраструктуры, следует отметить, что она не в полной мере отвечает требованиям, которые предъявляются сегодня к международным перевозкам и перевозкам внутри страны; реформирование требуется на всех уровнях и направлениях системы транспорта. Помимо технических решений, необходимо выстраивание чёткой, продуманной региональной логистики на всех этапах продвижения пассажиропотоков, товаров и грузов. Меры по модернизации транспортной системы российского Дальнего Востока должны основываться на принципах назначения и перспективах функционирования транспортных узлов. Помимо получения экономических выгод, реформирование системы транспорта может усилить стратегическое влияние России в АТР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Заседание Правительства состоится 12 декабря 2013 г. URL: http://m.government.ru/all/8910/ (дата обращения: 18.05.2020).
2. Итоги внешней торговли с основными странами. URL: http://customs.ru/folder/511 (дата обращения: 18.05.2020).
3. Лаврентьев А.В. Российско-китайские транспортные коммуникации на дальневосточных рубежах в начале XXI века: обзор основных тенденций и перспектив // Вестник ВГУЭС. 2016. № 3. С. 23—32.
4. Послание Президента Федеральному Собранию состоится 20 февраля 2019 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 18.05.2020).
5. Послание Президента Федеральному Собранию состоится 15 января 2020 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62387 (дата обращения: 20.05.2020).
6. Расширение Байкало-Амурской магистрали. URL: https://territoryengineering.ru/infrastrukturnaya-revolyutsiya/rasshirenie-bajkalo-amurskoj-magistrali/ (дата обращения: 20.05.2020).
7. Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. URL:http://m.government.ru/docs/33593/ (дата обращения: 17.05.2020).
8. Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г. URL: http://ru2.mofcom.gov.cn/article/chinanews/201508/20150801081174.shtml (дата обращения: 23.05.2020).
9. Президент России В.В. Путин подписал федеральный закон «О свободном порте Владивосток». URL: http://m.government.ru/all/19759/ (дата обращения: 16.05.2020).
10. 赵玉明. 2013年俄罗斯与亚太地区国家关系 = Чжао Юймин. Международные отношения между Россией и странами АТР в 2013 году // Доклад о развитии России. Институт изучения России, стран Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР / под ред. Ли Юнцюань. Пекин: 社会科学文献出版社, 2014. 289 с.
11. 关雪凌. 全球经济治理体系调整中的中俄合作 = Гуань Сюэлин. Китайско-российское сотрудничество в контексте корректировки системы управления глобальной экономики // Доклад об экономическом и политическом развитии России. Центр исследования России при Китайском народном ун-те и Санкт-Петербургском гос. ун-те / под ред. Лю Юаньчунь. Пекин: 中国社会科学出版社, 2016. 363 с.
12. 程亦军. 俄罗斯经济形势与普京的经济政策 = Чэн Ицзюнь. Экономическая ситуация России и экономическая политика Путина // Исследования по проблемам России. Центр исследования России при Центр. компиляционном бюро / под ред. Сюй Сянмэй. Пекин: 中央编译出版社, 2012. 291 с.

УДК 930
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10016

«ТЕНЕВАЯ» СОСТАВЛЯЮЩАЯ КИТАЙСКОГО БИЗНЕСА НА РОССИЙСКИХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Ольга Владимировна Залесская,
доктор исторических наук, декан международного факультета, Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск.
E-mail: olgazalesskaya@gmail.com

Чжоу Тяньхэ,
аспирант (КНР), Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск.
E-mail: nmqhwss@mail.ru

В статье рассматриваются «теневые» стороны бизнеса китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в последнем десятилетии XX века. Показаны особенности социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке России в 1990-е гг., освещаются неформальные практики китайских предпринимателей, анализируются характерные формы и направления их «теневой» деятельности. Авторы приходят к выводу, что «теневая» составляющая в китайском бизнесе была его неотъемлемой частью в силу несовершенства российского законодательства в области предпринимательства и миграционной политики. Вместе с тем реализация неформальных практик китайскими предпринимателями была невозможна без тесного взаимодействия с российским дальневосточным населением.
Ключевые слова: китайские мигранты, китайский бизнес, китайские предприниматели, Дальний Восток России, «теневой» рынок.

THE “SHADOW” COMPONENT OF CHINESE BUSINESS IN THE RUSSIAN FAR EASTERN TERRITORIES AT THE END OF THE 20th CENTURY

Olga Zalesskaya, Blagoveschensk State Pedagogical University, Blagoveschensk, Russia. E-mail: olgazalesskaya@gmail.com
Zhou Tianhe, PhD student (China), Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveschensk, Russia. E-mail: nmqhwss@mail.ru

The article examines the “shadow” side of the business of Chinese migrants in the Russian Far East in the last decade of the XX century. The features

of the socio-economic situation in the Russian Far East in the 1990s are considered, informal practices of Chinese entrepreneurs are highlighted, the characteristic forms and directions of their "shadow" activities are analyzed. The authors conclude that the "shadow" component in Chinese business was an integral part of it due to the imperfection of Russian legislation in entrepreneurship and migration policy. At the same time, the implementation of informal practices by Chinese entrepreneurs was impossible without close interaction with the Russian Far Eastern population.

Keywords: Chinese migrants, Chinese business, Chinese entrepreneurs, the Russian Far East, "shadow" market.

К концу 1980-х гг. из-за назревшего в СССР глубокого экономического и политического кризиса правительство перестало в полной мере выполнять регулирующую функцию по отношению к регионам. В эти годы российскому Дальнему Востоку (РДВ) были присущи проблемы как общегосударственные (падение темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производства, снижение уровня жизни населения, развитие теневой экономики), так и специфические региональные: зависимость от дотаций из центра, ресурсно-сырьевая специализация и более низкий уровень автоматизации производства по сравнению с другими территориями страны, недостаточно развитая транспортная сеть, сложные климатические условия, недостаток трудовых ресурсов. Как отметил П.А. Минакир, «положение в Дальневосточном регионе СССР к началу 1991 г. перестало отличаться чем-либо от общесоюзной ситуации. Регион тоже вошёл в тяжёлый экономический кризис. Углубление общенационального кризиса в экономике и ужесточение внешнеэкономической политики привели к кризису и на Дальнем Востоке» [6, с. 55].

К середине 1990-х гг. объём производства промышленной продукции в регионе уменьшился на 60%, инвестиций — на 79%. Средняя стоимость транспортировки тонны груза из европейской части России за 1990-е гг. увеличилась в 22 тыс. раз, что привело к разрыву сложившихся связей с торговыми партнёрами. Транспортная составляющая в стоимости продукции при её поставке с Дальнего Востока в центральные регионы страны в 1997 г. составляла 77%, а при экспорте в страны АТР — только 22%, и дальневосточные предприниматели начали поиск деловых партнёров в странах АТР [7, с. 263]. Выход россиян на внешний рынок стал способом существенной социально-экономической поддержки населения региона в период экономического кризиса, увеличивающейся безработицы, тотального товарного дефицита, неудовлетворённого спроса на потребительские товары.

1990-е годы стали важнейшим периодом в восстановлении и расширении отношений между Россией и Китаем. В сложившейся на пореформенном РДВ социально-экономической ситуации, на фоне активных экономических преобразований в Китае и открытия границ обе стороны были заинтересованы в развёртывании многостороннего сотрудничества.

Оно происходило сразу в нескольких направлениях: активизировалась «народная» торговля, создавались совместные предприятия, на РДВ стала привлекаться иностранная рабочая сила, призванная решить проблему нехватки трудовых ресурсов: к 1991 г. на 7 млн кв. км российских дальневосточных территорий проживало 8,1 млн чел. [8, с. 70]. Особенно ощущался демографический дисбаланс по сравнению с соседними провинциями Северо-Восточного Китая. Если с РДВ шёл отток населения, то в КНР в целом и в приграничных провинциях, в частности, наблюдалось перенаселение. В 1990 г. в провинциях Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян проживало 99,3 млн чел. [12], а в 2000 г. — 104,9 млн [13].

Многие китайские мигранты, приезжавшие в Россию в качестве наёмной рабочей силы, впоследствии становились и участниками «народной» торговли, и учредителями совместных предприятий. В дальневосточном регионе сформировалась своеобразная маятниковая миграция. Китайские мигранты быстро осваивали оптовую, мелкооптовую, а затем и розничную торговлю товарами народного потребления, а также сферу бытовых услуг (починка обуви, мелкий ремонт одежды и др.), были заняты в сельском хозяйстве и строительстве.

Экономическая ситуация на РДВ, низкий инвестиционный потенциал этих территорий, несовершенство миграционной политики и законодательной базы обусловили заинтересованность китайских бизнесменов в получении экономической выгоды в кратчайшие сроки. Это, в свою очередь, привело к тому, что значительная часть мигрантов оказалась вовлечена в незаконную предпринимательскую деятельность: уход от налогов, подкуп должностных лиц, вывод денежных средств за рубеж через подпольные банки, браконьерство, контрабанду, «серую растаможку» и т.п.

В своей «теневой» деятельности на российских территориях китайские мигранты широко опирались на местное население. Как отмечает Н.П. Рыжова, большинство русских и китайских предпринимателей на дальневосточном приграничье «разделяли представление о дозволенности применения неформальных норм ведения бизнеса и их „закономерном“ преобладании над „правилами писанными“» [9, с. 109]. Автор объясняет это исключительной геополитической близостью России и Китая и обусловленной этим мобильностью перемещений предпринимателей и товаров через границу. Добавим, что Россия и Китай — страны с переходной экономикой. В этих условиях эффективные и законные формальные институты развиваются

медленно. Таким образом, предприниматели полагались в первую очередь на неформальные институты. Институциональная среда в России и Китае заметно отличается от более развитых стран, где предприниматели работают с большей уверенностью в рамках эффективных формальных институтов (даже если они используют неформальные институты, такие как сети, для достижения целей) [11, p. 460].

Отсутствие отлаженной системы обменно-валютных операций, опыта международных сделок как на уровне предприятий, так и на частном, приводило к «лотерее» бартерного обмена, в котором обман был с обеих сторон. Так, в 1994 г. на имя главы администрации Приморского края Е.И. Наздратенко пришло письмо за подписью президента Харбинвнешторга Гао Вэнгэ, в котором сообщалось, что в 1991 г. с управлением общественного питания Приморского крайисполкома был заключён контракт на поставку в край 120 т груш, 60 т мороженых гусей, 1500 т картофеля. Взамен китайцы должны были получить рыбу и удобрения. Китайская компания поставку продовольствия произвела, но российская сторона обязательств не выполнила. В результате задолженность общепита составила 657 225 шв. франков [1]. В китайских СМИ также была популярна тема конфликтов между российской и китайской сторонами. Упоминалось, что китайские юристы столкнулись с такими проблемами, как нарушение контракта российской стороной, недоставка товара, задержка оплаты по счёту, споры по процессу внесения инвестиций и т.д. [15, с. 60—62].

Китайским бизнесменам была свойственна та же модель поведения. Российских коммерсантов, не имевших достаточного опыта деловых переговоров, неоднократно обманывали китайские партнёры: получив задаток и отправив партию товара, россияне не получали оставшуюся сумму. Договорные обязательства нарушались обеими сторонами, поскольку в начале 1990-х гг. контракты составлялись по образцам тех времён, когда каждая сделка предполагала государственную поддержку. Однако выгода от экономических сделок имела большее значение, нежели незаконные нюансы финансовых операций. Для перенаселённого Китая, отягощённого безработицей, как и для переживающей смену экономической формации и государственного уклада России, достаточно «лёгкие» прибыли стали естественным выходом.

На РДВ китайские мигранты занимались контрабандой и браконьерством. Их привлекали природные богатства дальневосточного региона: трепанг, морской ёж, амурский тигр, бурый и гималайский медведи (особенно лапы и желчь), женьшень, лягушки, панты оленя и пр. Контрабанда и браконьерство развивались в рамках неформальных организованных русско-китайских сетей. Добыча природных ресурсов или охота осуществлялась местными жителями — россиянами, потребители находились почти исключительно в Китае, китайские посредники играли роль оптовых покупателей.

Для безработного русского населения браконьерство в 1990-е гг. стало способом выживания. Несмотря на серьёзные риски (неожиданные проверки, конфискации снаряжения, опасные погружения), незаконная добыча биоресурсов шла непрерывно, принося высокий доход для всех участников сети. Так, в 1990-е гг. ежедневный сбор браконьерской бригады мог достигать до 1200 трепангов [10, p. 124—125].

Большим спросом у китайских оптовых торговцев пользовались шкура и кости амурского тигра (в Китае тигровые кости используются для изготовления афродизиаков и лекарственных препаратов, спиртные напитки на основе тигровых костей являются ценным свадебным подарком для жениха), а также желчный пузырь, лапы и внутренности медведей. Китайские торговцы готовы платить хорошие деньги также за лягушек, которые ценятся в Поднебесной за свой жир. Панты маньчжурского оленя входят в состав лекарственных средств.

Одним из самых дорогих продуктов на чёрном рынке биоресурсов является корень женьшеня. Несмотря на то, что крупные сельскохозяйственные предприятия в Китае, Корее и США культивируют корни для международного рынка лекарств, дикая форма гораздо ценнее и дороже, а наиболее высоко ценятся большие и старые корни. Средний корень мог быть продан за 200 долл. США, в то время как цена крупных и антропоморфно выглядевших корней могла легко достигать нескольких тыс. долларов. Китайские покупатели платили от 20 до 50 руб. за килограмм очищенных кедровых орехов. В зимний период цены вырастали до 100 руб. Таким образом, опытные сборщики могли зарабатывать по 1000—2000 долл. США за сезон [10, p. 126—127].

Росту теневой экономики в дальневосточном регионе способствовал не только контрабандный вывоз биоресурсов. Прибыльным бизнесом русского населения с китайскими торговцами был экспорт металлолома, особенно для городов с высокими погрузочными мощностями, таких как Владивосток и Находка. Заброшенные с советских времён промышленные комплексы стали площадкой для сбора металлолома, а истощение бывшего советского военно-морского и рыболовного флота в Тихом океане добавило значительные объёмы стали этому бизнесу [10, p. 128—129]. Это привело к росту преступлений, связанных с хищениями изделий из цветных, чёрных и драгоценных металлов на предприятиях региона.

В 1990-е гг. китайские предприниматели предоставляли услуги аренды жилья и сопровождения своих соотечественников на территории России, давая им возможность купить сравнительно дешёвые золотые украшения, поиграть в азартные игры, получить доступ к эскорт-услугам.

Культурные и правовые различия между Россией и Китаем (проституция и азартные игры запрещены в Китае) в 1990-е гг. создали процветающую

индустрию в городах РДВ. Китайские предприниматели также способствовали импорту алкогольной продукции и наркотических синтетических веществ (эфедрин и пр.) в этот российский регион. Так, в Благовещенске в начале 1990-х гг. алкогольная продукция (преимущественно водка «АНТ») реализовывалась лицами китайской национальности фактически по всему городу в определённых укромных местах, при этом китайского торговца сопровождали 2—3 охранника.

В «челночной» торговле широко использовались механизмы «серого импорта», «серой растаможки» — с помощью фирм-посредников. С началом двусторонней торговли российская сторона, чтобы упростить ввоз так необходимых ей дефицитных товаров лёгкой промышленности, предложила создать на таможне компании по таможенной очистке и службу «одного окна». Но эти компании брали плату за незаконные действия, поэтому получили название «серая растаможка». Более половины товара, поступавшего из Китая, шло через эту схему. Это снижало себестоимость товаров китайских предпринимателей для россиян и намного упрощало таможенные процедуры для китайских торговцев, не понимавших российских законов и русского языка, значительно сокращало время доставки товара до потребителя, способствовало наполнению российского рынка [14, с. 48].

Схема китайского «серого импорта» включала представителей как с китайской, так и с российской стороны. Её участниками становились собственники товара (предприниматели), через подставных лиц («кирпичей», «фонарей») организующие перевозку товаров через границу под видом товаров личного пользования. «Система» работала следующим образом: бизнесмен обращался к «кирпичам», которые нанимали группу «фонарей» — обычно студентов или безработных — для перевозки товаров. Группа «фонарей» получала билеты, пересекала границу, находилась в Китае заранее оговорённое «кирпичом» время (обычно от одного часа до суток). Часто поездка включала в себя оплаченный обед в кафе. «Фонари» имели возможность купить вещи для личного использования, однако они не должны были добавлять вес к будущему грузу, поэтому купленные вещи могли надеть на себя (например, две рубашки, две пары брюк и пр.). На обратном пути «фонари» получали груз — баулы, нагруженные до максимально разрешённого к перевозке веса, а также документы (чеки) на перевозимый товар. На российской стороне «фонари» получали свою оплату, которая менялась в зависимости от прожиточного минимума в регионе. «Долю» получали также «свои» люди на таможне. Далее «кирпичи» должны были развозить товары предпринимателям, нанявшим их [4, с. 60].

При перевозке китайских овощей и фруктов действовала иная схема, поскольку административных барьеров, связанных с доставкой продуктов питания, было больше. Участниками схемы были фирмы-«производители»,

продававшие товар фирме-«экспортёру» (фиктивно оформленной на российского гражданина), а также фирма-«посредник», переправляющая товар через границу, и «декларант» (физ- или юрлицо), оформлявший таможенные документы. После переправки товар поступал на оптовую фирму, оформленную на российского предпринимателя, где его покупали мелкие предприниматели для розничной торговли [3, с. 116]. Согласно исследованиям, проведённым Центром стратегических разработок, «основная часть китайского экспорта в Россию фактически не подвергается формальной процедуре растаможивания и является объектом так называемой серой „растаможки“» [2]. По сути дела, это либо прямой вывоз китайских товаров в Россию в формате «челночной торговли», которая очень плохо контролируется, либо «серое» таможенное оформление китайских товаров. Подтверждением может служить «исчисляемая миллиардами разница между китайскими данными об экспорте в Россию и российскими данными об импорте из КНР» [5, с. 123].

Итак, китайский бизнес на российском Дальнем Востоке был сложным многогранным явлением. Это были экономические практики, специфика которых объясняется сложной социально-экономической и правовой обстановкой в пореформенной России и особенностями развивавшегося российско-китайского приграничного взаимодействия. Одной из составляющих китайского бизнеса стала «теневая» сторона, занимавшая его значительную часть и проявлявшаяся в различных формах. Она была обусловлена несовершенством миграционной политики, недостаточной проработанностью правовой базы российского законодательства, вовлечённостью в эти схемы российских чиновников и представителей органов власти. Реализуемые китайскими мигрантами неформальные практики были невозможны как без присущей китайским предпринимателям за рубежом опоре на свои этнические сети, так и без взаимодействия с российским населением на различных этапах реализации нелегальных схем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дека Н. Обман на паритетных началах, или как мы торгуем с зарубежными фирмами // Красное знамя. 1994. 7 апр.
2. Дмитриев М. Россия и Китай впервые разрабатывают план взаимного экономического сотрудничества. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTrade/003/20051027113401_3489801.htm (дата обращения: 11.01.2020).
3. Журавская Т.Н. «Китайский» торговый центр» vs. «китайский» рынок: что изменилось со времени запрета на торговлю иностранцев на розничных рынках (на примере Амурской области) // Полития. 2012. № 4 (67). С. 104—123.

4. Журавская Т.Н. «Серый» импорт на российско-китайской границе: что нового? // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 5. С. 54—71.
5. Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок. Проблема ответственности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. № 14. С. 115—134.
6. Минакир П.А. Экономика советского Дальнего Востока: вызов кризису // Проблемы Дальнего Востока.1991. № 5. С. 55—64.
7. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — начале XXI в. Владивосток, 2006. 348 с.
8. Мотрич Е.Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991—2016 гг. // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С. 70—77.
9. Рыжова Н.П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. № 1 (13). С. 107—114.
10. Holzlehner T. Shadow Networks: border economies, informal markets, and organized crime in Vladivostok and the Russian Far East: PhD dis. University of Alaska Fairbanks, Alaska. 2006. 242 p.
11. Puffer Sh.M., McCarthy D.J., Boisot M.H. Entrepreneurship in Russia and China: The impact of formal institutional voids // Entrepreneurship theory and practice. 2010. Vol. 34. No. 3. P. 441—467.
12. 1990年人口普查主要数据的公报 = Доклад об основных данных переписи населения 1990 года // 中华人民共和国国家统计局 = Государственное бюро статистики КНР. URL:http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/200204 / t20020404_30321.html (дата обращения: 15.05.2020).
13. 2000年人口普查主要数据的公报 = Доклад об основных данных переписи населения 2000 года // 中华人民共和国国家统计局 = Государственное бюро статистики КНР. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/renkoupucha/2000pucha /html/ t0101.htm (дата обращения: 15.05.2020).
14. 马友军. «灰色清关»与我省对俄贸易 = Ма Юцзюнь. «Серая» растаможка и торговля провинции Хэйлунцзян с Россией // 奋斗讲坛. 2010. № 8. С. 48—49.
15. 黄国先. 中国律师如何应战 — 谈解决中俄贸易纠纷= Хуан Госянь. Как китайские юристы приняли вызов — о разрешении торговых конфликтов между Россией и Китаем // 中国律师. 1998. № 2. С. 60—62.

УДК 327.82+379.83(571.62+518.3)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10017

РОЛЬ ТУРИЗМА МЕЖДУ АМУРСКОЙ ОБЛАСТЬЮ И ПРОВИНЦИЕЙ ХЭЙЛУНЦЗЯН В РАЗВИТИИ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Янь Мэйвэй,
аспирант (КНР), Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск
E-mail:yanmeiwei1987@163.com

Статья посвящена исследованию туризма между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян как формы народной дипломатии. Дан экскурс в историю туристического обмена между двумя регионами. Охарактеризованы направления международного туризма — шоп-туры, лечебно-оздоровительный и культурно-познавательный туризм. Рассмотрены перспективные проекты международного приграничного сотрудничества.
Ключевые слова: народная дипломатия, туризм, дальневосточное приграничье, Амурская область, провинция Хэйлунцзян.

THE ROLE OF TOURISM BETWEEN THE AMUR REGION AND HEILONGJIANG PROVINCE IN THE DEVELOPMENT OF PEOPLE'S DIPLOMACY IN THE FAR EASTERN BORDER REGION

Yan Meiwei, PhD student (China), Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russia. E-mail:yanmeiwei1987@163.com

The article is devoted to the study of tourism between the Amur region and Heilongjiang province as a form of people's diplomacy. An excursion into the history of tourist exchange between the two regions is given. The article describes the directions of international tourism-shop tours, health and cultural tourism. The prospective projects of international cross-border cooperation are considered.
Keywords: people's diplomacy, tourism, far Eastern border area, Amur region, Heilongjiang province.

Международное сотрудничество — сложное, комплексное явление. Одним из его аспектов является сотрудничество в области туризма, причём именно в этой сфере отношения между странами могут развиваться наиболее благоприятным образом, соединяя и взаимные интересы,

и взаимную выгоду, становясь «не просто путешествием ради получения наслаждения от общения с природой», но выходя «на передовую линию дипломатии» [8]. Описание туристических практик в таком контексте неслучайно: отдельные учёные даже настаивают на самостоятельном термине «туристская дипломатия», понимая под ней инструмент, помогающий государству рассказать миру о себе [10, с. 94], определённым образом сформировать общественное мнение.

Народная дипломатия (и туристская как её форма) определяет имидж страны и формы её международного признания, способствует реализации стратегии взаимовыгодной открытости. Знакомство путешественников с культурой других стран способствует формированию толерантности. В конечном счёте, именно туризм позволяет на паритетных началах сформировать глобальное коммуникативное пространство: «бренд территории посылает своеобразный месседж об открытости данного общества для бизнеса и туризма» [6, с. 245], «брендинг туристических территорий, мягко воздействуя на общественное мнение, способствует повышению эффективности народной дипломатии» [10, с. 93]. Мировой опыт говорит о том, что страны, практикующие широкий туристический обмен, ориентированы на конструктивное решение и политических вопросов: таковы отношения между Россией и Турцией, Россией и Италией, Россией и Грецией [7].

Важную стратегическую роль в укреплении международного сотрудничества туризм играет и в российско-китайских отношениях. В настоящее время эти отношения развиваются весьма динамично, а пограничное положение Северо-восточного Китая и Дальнего Востока России определило преимущества этих регионов в отношениях между странами. Ключевую роль в закладывании основ народной дипломатии сыграл переход Китая в 1978 г. к политике реформ и открытости и начало перестройки в СССР: культурные связи между странами начали восстанавливаться уже в середине 1980-х гг. В конце десятилетия появились экскурсионные маршруты между двумя городами, расположенными на противоположных берегах Амура, — Благовещенском и Хэйхэ. Началом новых туристических отношений между странами считается 24 сентября 1988 г., когда СССР и КНР обменялись первыми туристическими группами. Из Благовещенска в Хэйхэ и в обратном направлении однодневную поездку по безвизовому обмену совершили две встречные группы по 40 чел. в каждой. В 1989 г. эти города обменялись 389 туристическими группами: с китайской стороны Россию посетило 7858 чел., с российской — 8138 чел. [12, с. 12]. Первоначально это были действительно экскурсионные маршруты, позже они трансформировались в двухсторонние шоп-туры. В 1992 г. Госсовет КНР объявил четыре сопредельных с Россией города — Маньчжурия, Хэйхэ, Суйфэньхэ и Хуньчунь — «городами приграничного сотрудничества» [11, с. 70]. В 1994 г. между

КНР и РФ было подписано соглашение о культурном сотрудничестве, актуальное до сего дня. В России шёл процесс реформирования туристической отрасли. С 2002 г. начала действовать упрощённая схема пересечения границы для амурчан, посещающих о. Большой Хэйхэ, с января 2004 г. эти правила были распространены и на город Хэйхэ.

Сегодня приграничные отношения регулируются рядом документов, принятых и на региональном, и на федеральном уровнях РФ. Так, в целях координации усилий по реализации стратегий регионального развития России и Китая и действий по осуществлению федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» и «Программы по возрождению районов Северо-Востока Китая», а также в соответствии с пунктом 8 раздела I Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 2007 г. и с Планом действий по реализации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (на 2009—2012 гг.) была разработана Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая на 2009—2018 гг. Каждый субъект Дальневосточного Федерального округа РФ, по территории которого проходит государственная граница с КНР, имеет свою программу приграничного сотрудничества. На сайтах региональных администраций представлена информация на китайском и английском языках. Реализуется проект «Истоки Амура» для экотуризма с участием Монголии, Китая и России.

Итоги многолетнего сотрудничества Амурской области и провинции Хэйлунцзян положительно оценили Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин во время посещения павильона Амурской области на Восточном экономическом форуме в сентябре 2018 г. [3]. По данным, приведённым на VI Саммите Российско-Китайского туристического форума в Москве (2018) главой дипломатического представительства Государственного управления туризма КНР в Москве Ван Сяося и зам. руководителя российского Федерального агентства по туризму Н. Королёвым, взаимный туристический поток между РФ и Китаем составляет почти 4 млн чел. [4]. При этом число российских туристов, пересекающих Амур, намного выше числа китайских туристов, перемещающихся в обратном направлении. Российские турфирмы в Амурской области ориентированы на выездной туризм (главным образом, китайского направления).

Можно выделить несколько видов туризма, популярных в российско-китайском приграничье — шоп-туры, лечебно-оздоровительный и культурно-познавательный туризм.

Во всех направлениях обе страны развивают свои туристические маршруты. Так, со стороны Китая туристические фирмы предлагают большое количество туров с целью покупки мебели, одежды, украшений, шуб и пр.

Особенно популярны шоп-туры в ближайший к Амурской области г. Хэйхэ, так как для жителей области разрешён безвизовый въезд на его территорию до 30 дней.

Востребованным является это направление туризма и в Китае — шоп-туры в Благовещенск с целью покупки золота, драгоценных и полудрагоценных камней, мёда, сладостей (шоколада) и пр., популярность которых значительно возросла после кризиса 2014 г., когда курс юаня к рублю вырос в несколько раз.

Обратной стороной такой «программы лояльности» является нелегальный ввоз товаров для последующей продажи как российскими, так и китайскими предпринимателями. Активный туристический обмен, превратившись в особое быстро развивающееся явление, со временем обнаружил не только позитивные свойства. Возможности туристического бизнеса открывают простор для нелегальной миграции китайцев на Дальний Восток — настолько активной, что это привело к решению российских властей пересмотреть ряд соглашений, допускающих безвизовый въезд для туристов из Китая [5, с. 401].

Что касается лечебно-оздоровительного туризма, то у российских туристов пользуется популярностью финансово доступные курорты в г. Удалянчи. Лечебно-оздоровительный туризм в Амурской области находится на стадии становления: так, китайские инвесторы планируют организовать для китайских пенсионеров оздоровительные туры в санаторий в п. Бузули [9]. Уже состоялось несколько ознакомительных поездок пожилых людей России и Китая: так, 26 октября 2015 г. 35 российских пенсионеров прибыли в Хэйхэ. Министерством социальной защиты населения Амурской области совместно с управлением гражданской администрации г. Хэйхэ для них был организован трёхдневный курс китайского массажа и иглоукалывания. Это была первая подобная поездка пенсионеров Благовещенска в Хэйхэ. В свою очередь, в 2016 и 2017 гг. делегации в составе 35 китайских пенсионеров из провинций Чжэцзян, Хубэй, Шаньдун, Хэйлунцзян и из г. Шанхая в течение трёх дней отдыхали в пансионате «Приозёрье» в с. Козьмодемьяновка. Они не только увидели прекрасные российские пейзажи, но и прошли курс соляной и магнитной терапии и других оздоровительных процедур. В марте 2016 г. состоялась встреча министерства социальной защиты правительства Амурской области с правительством г. Хэйхэ, где было принято решение развивать приграничные обмены с участием российских и китайских пенсионеров, расширять возможности их взаимных контактов, проводить спортивные и оздоровительные мероприятия для пожилых людей. В октябре 2018 г. Амурская область и пров. Хэйлунцзян вновь обменялись делегациями пожилых людей — для россиян был организован тур в Удаляньчи, а китайские граждане посетили Благовещенск, где побывали в Доме ремёсел, на кондитерской фабрике

«Зея», в Амурском краеведческом музее им. Г.С. Новикова-Даурского, совместно с амурскими пенсионерами провели творческий вечер двух культур [13].

Активно развивается культурно-познавательный туризм: в обоих направлениях формируются новые интересные маршруты, прежде всего, вглубь регионов. Например, на окраине г. Харбина привлекает большой гостиничный комплекс — усадьба «Волга», построенный в 2006 г. и сочетающий в себе и отель, и музей, и базу отдыха в русском стиле. Интересный проект — «Русская деревня», она построена специально для китайско-российской версии фильма «А зори здесь тихие» в качестве декораций, который снимали в г. Хэйхэ в 2006 г. Сейчас это туристический комплекс, представляющий собой деревню в русском стиле — с избами, колодцами и даже небольшой церковью. Кроме того, в районах, граничащих с Россией на севере пров. Хэйлунцзян, местные власти активно развивают туристическую отрасль, создавая «русские деревни». Например, в деревне Бяньцзян (уезд Сюнькэ) живут потомки эмигрировавших в Китай русских. Местные жители активно используют «русский колорит» — национальную русскую одежду, предметы быта и пр. [2].

С российской стороны также предпринимается много усилий для развития именно культурно-познавательного туризма. Разработан тур на космодром «Восточный» (технотуризм). В 2017 г. впервые были организованы пилотные маршруты для китайских экспертов и туристов в южные районы региона в рамках Международного туристического форума AMUR TRAVEL.

Кроме того, проводятся мероприятия, специально направленные на развитие и поддержку добрососедских отношений. Амурская область использует туристический потенциал региона, проводя уже ставшие традиционными мероприятия, такие как Российско-Китайская ярмарка культуры и искусства, заплыв «Дружба» через р. Амур, Российско-Китайская ярмарка приграничных городов, Международный хоккейный матч на льду пограничной р. Амур (с 2016 г.). С 2017 г. при поддержке администрации г. Благовещенска, Генерального консульства КНР в г. Хабаровске и Народного Правительства г. Хэйхэ организуются праздничные мероприятия в рамках акции «Приграничные города России и Китая — Праздник Весны 2019». В 2019 г. управлением культуры г. Благовещенска в столице Приамурья был организован V Международный писательско-издательский форум.

В 2020 г. прошла всероссийская туристическая онлайн-выставка «Знай наше», на которой Амурская область презентовала возможности отдыха в регионе [1]. Туристам предложили туры-конструкторы (индивидуальное наполнение тура), эко-маршруты, экзотическую кухню (космическое питание, сало в шоколаде, чай-сливан и пр.), а также новое для региона направление digital-детокс: «курс перезагрузки в амурской тайге». Все эти туристические направления рассчитаны как на внутренний (российский), так и на въездной (преимущественно китайский) туризм.

Туризм способствует не только экономическому росту, но и значительно трансформирует социокультурный облик регионов. Например, въездной китайский туризм влияет в первую очередь на столицу Амурской области Благовещенск, в том числе на его архитектурный облик. Так, с 1986 по 1995 г. во втором микрорайоне Благовещенска китайские рабочие возводили парк Дружбы, который символизировал сотрудничество пограничных стран. В архитектурном плане парк представляет собой стилизованные под пагоды здания, искусственные озёра, мост-«горбун», фигурки панд. В городе около 50 кафе/ресторанов китайской кухни, популярных среди горожан: «Панда», «Мистер Джеки», «Циндао», «Санья», «Сунгари», «Гонконг», «Пекинская утка» и пр., отражающие топонимы или культурную специфику соседнего государства. Интерьеры, как правило, представлены в традиционном китайском стиле, многие оформляют так и прилегающую территорию: красные фонари, иероглифы счастья и прочие атрибуты китайской культуры. Для сравнения: число кафе, предлагающих традиционные русские блюда, в Благовещенске в разы меньше, что осложняет работу туристических фирм, занимающихся турами из Китая.

Итак, туристская дипломатия как форма народной дипломатии активно развивается на постсоветском пространстве и стала эффективным механизмом формирования как имиджа России за рубежом, так и «образа соседа» в сознании россиян. Реформы в России, экономические и общественные трансформации оказали непосредственное влияние на развитие туризма как важного связующего звена между государствами, смягчающего кризисные явления и предотвращающего их превращение в конфликты. Контакты на уровне этносов, реализующиеся посредством туристических поездок, способствуют эффективному сотрудничеству между двумя государствами, развитию позитивных форм культурного взаимодействия. Большое значение туристская дипломатия приобретает в дальневосточном приграничье, где формирование и сохранение толерантной среды является необходимым условием взаимовыгодного сосуществования представителей двух цивилизаций. При этом успешность народной дипломатии в сфере туризма зависит от представительной функции региона, реализуемой стратегии в области туристических контактов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. В Приамурье туристов будут завлекать вечной мерзлотой и салом в шоколаде. URL: https://www.amur.info/news/2020/05/26/173377 (дата обращения: 26.05.2020).
2. В провинции Хэйлунцзян из бедных уездов делают деревни «с русским колоритом». URL: https://www.amur.info/news/2019/08/12/158324 (дата обращения: 21.05.2020).

3. Губернатор Амурской области: развитие межрегиональных контактов с провинцией Хэйлунцзян позволяет решать серьёзные задачи по экономическому развитию области // Партнёры. 2019. 29 янв. URL: https://russian.dbw.cn/system /2019/01/29/001317483.shtml (дата обращения: 20.05.2020).
4. Итоги выездного туризма в России в 2018 // ТурСтат. 2019. 20 февр. URL: http://turstat.com/outboundtravelrussia9month2018 (дата обращения: 20.05.2020).
5. Матвиенко В.В. Народная (общественная) дипломатия в китайско-российских отношениях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 8. С. 400—403.
6. Можаева Л.А. Пространство народной дипломатии: туризм // Россия и современный мир. 2019. № 2 (103). С. 243—250.
7. Трофимов Е. Туризм как бизнес и народная дипломатия // Междунар. жизнь. 2010. № 2. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/191 (дата обращения: 20.05.2020).
8. Туристическая дипломатия: дополнительные очки для имиджа страны. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-12/29/content_37415856.htm (дата обращения: 20.05.2020).
9. Турфирмы провинции Хэйлунцзян изучают, насколько привлекательны амурские курорты для китайских пенсионеров. URL: https://www.amur.info/news/2016/01/11/105491 (дата обращения: 20.05.2020).
10. Черевичко Т.В. Туризм как инструмент публичной дипломатии // Известия Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. 2014. Сер. История. Междунар. отношения. Вып. 4. С. 93—95.
11. Чуб М.А. Приамурье — Хэйлунцзян: проекты и перспективы международного туризма // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 12. С. 69—74.
12. 宋魁, 陈秋杰. 中俄旅游合作的回顾与展望 = Сун Куй, Чэнь Цюцзе. Прошлое и будущее сотрудничества России и Китая в сфере туризма // 西伯利亚研究. 2001. № 5. С. 11—16.
13. 开启跨国旅居养老新模式= Открытие новой модели трансграничных поездок пожилых людей // 黑龙江日报.2017. 11 июля. URL: http://www.hlj.gov.cn/zwfb/system/2017/07/11/010837510.shtml (дата обращения: 26.05.2020).

III. РЕФОРМЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 004(571.6)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10018

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО НАЧАЛА XXI ВЕКА: ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ

Александр Павлович Герасименко,
кандидат исторических наук, зав. отделом информационных технологий, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: ihaefe@yandex.ru

В статье приводится краткий анализ процессов информатизации общественного пространства российского Дальнего Востока в начале XXI в., развития телекоммуникационной инфраструктуры, роста использования глобальной сети Интернет, трансформации бизнеса, образования, госструктур и т.д. Дана оценка позитивных и негативных тенденций, которые проявляются в условиях всеобщей информатизации и всестороннего использования глобальной сети Интернет. Показан уровень проникновения глобальной сети в жизнь и деятельность дальневосточников, изменение образа жизни и форм социализации, переход к новым формам хозяйствования и взаимоотношений с государством. Источники данных: официальная статистика, сайты телекоммуникационых компаний, исследовательских организаций, СМИ.
Ключевые слова: Интернет, мобильная телефония, Дальний Восток, онлайн услуги, информационное общество.

FAR EASTERN REGIONAL INFORMATION SPACE OF THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY: INTRODUCTION OF TECHNOLOGIESTO THE SOCIAL SPHERE

Alexander Gerasimenko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.
E-mail: ihaefe@yandex.ru

The article provides a brief analysis of the processes of informatization of the public space of the Russian Far East at the beginning of the 21st century, the development of telecommunications infrastructure, the growth of the using the global Internet, the transformation of business, education, government structures, etc. The assessment of positive and negative trends that are manifested in the conditions of universal informatization and comprehensive use of the global Internet is given. The level of penetration of the global network into the life and work of the people in the Far East of Russia, the change in lifestyle and forms of socialization, the transition to new forms of management and relations with the state is shown. Data sources: official statistics, websites of telecommunication companies, research organizations, and mass media.
Keywords: Internet, mobile telephony, Far East of Russia, online services, information society

Период первых двух десятилетий XXI в., безусловно, можно назвать временем роста массовых коммуникаций и информатизации населения. Это время, когда в дальневосточном регионе зарождались процессы, которые М. Кастельс называл «трансформация социальности», «электронная экономика», «сетевой индивидуализм» [26, с. 83—99, 141—163]. Движущей силой и инструментом этих процессов являются глобальная сеть Интернет, компьютеризация и мобильная телефония, а их проводниками — компании-провайдеры сети Интернет, телекоммуникационные компании.

На территории Дальнего Востока России услуги широкополосного и мобильного Интернета предоставляют в настоящее время более 20 компаний. Наиболее крупные из них: Ростелеком, Билайн, Мегафон, МТС, Владлинк, Транстелеком, Подряд, Востоктелеком, Tele и др. Ростелеком и Транстелеком являются магистральными провайдерами.

Ростелеком имеет собственную магистральную цифровую сеть связи протяжённостью около 500 тыс. км, построенную на основе волоконно-оптических линий (ВОЛС), а также местные сети протяжённостью свыше 2,6 млн км, которые обеспечивают полное покрытие территории РФ и передачу любого типа информации: голоса, данных, видео. В регионе компания имеет 14 точек доступа, расположенных в крупных населённых пунктах.

Ростелеком занимает в РФ лидирующие позиции на рынке услуг высокоскоростного доступа в Интернет (его услугами пользуется свыше 13,2 млн абонентов, телевидения — 10,4 млн чел.) Транстелеком эксплуатирует одну из крупнейших в России ВОЛС протяжённостью более **76 тыс. км**. Большинство компаний много лет работают на Дальнем Востоке, однако необходимо отметить их высокую активность за последние 2—3 года. В Приморском крае Ростелеком завершил работы по федеральному проекту «устранения цифрового неравенства». В 2019 г. компанией было введено 39 бесплатных точек коллективного доступа в Интернет, их общее количество 120. Жители 120 населённых пунктов в 30 муниципальных образованиях края смогли пользоваться цифровыми услугами, дистанционно учиться, общаться в социальных сетях [49]. В республике Саха (Якутия) Ростелеком с 2018 г. проложил более 350 км ВОЛС, не считая работ внутри сёл. Пропускная способность сетей составляет 10 Гбит/с [51]. В 2019 г. компания официально ввела в эксплуатацию подводную ВОЛС «Сахалин — Южные Курилы», строительство которой позволило обеспечить высокоскоростным Интернетом города Курильск (о. Итуруп) и Южно-Курильск (о. Кунашир), села Крабозаводское и Малокурильское (о. Шикотан) [59].

В 2018 г. Ростелеком завершил создание единой корпоративной сети передачи данных Почты России, которая охватила 37 тыс. объектов почтовой связи, в том числе и на Дальнем Востоке. Это выделенная частная сеть (IP VPN), которая обеспечивает работу ключевых почтовых сервисов [50]. В 2019 г. в Еврейской автономной области к Интернету было подключено 45 школ и больниц, а в 2020 г. планировалось подключить ещё 55 объектов; проложено более 1000 км ВОЛС в 53 населённых пунктах. Более 20 тыс. жителей из 10 населённых пунктов ЕАО впервые получили доступ к высоким скоростям мобильного 4G-Интернета. Сеть действует в сёлах и посёлках, а также на железнодорожных станциях [44].

В цифровизации дальневосточного региона участвует компания МТС. Она инвестировала около 1,5 млрд руб. в строительство в Приморском крае модульного Центра обработки данных (ЦОД). Ввод объекта в эксплуатацию позволит компании расширить портфель цифровых сервисов для дальневосточного бизнеса и увеличить мощности для оказания облачных услуг. Завершить строительство планируется в 2021 г. Это второй центр на территории Приморья. Рост спроса на услуги ЦОД происходит вследствие роста объёма хранимых и обрабатываемых бизнесом данных. ЦОД МТС располагаются в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Владивостоке, Самаре и Краснодаре [35]. На Камчатке начнётся внедрение передовых цифровых решений по SmartCity и «Интернету вещей». МТС и правительство Камчатского края на Восточном экономическом форуме подписали соглашение о партнёрстве при реализации проектов цифровизации

региона. Планировалось внедрить в Петропавловске-Камчатском системы «умного освещения» и мониторинга городской инфраструктуры для обеспечения устойчивости в периоды природных катаклизмов, а также использовать аналитику BigData для развития туристического потенциала края [31]. Компания МТС завершила первый этап подключения к Интернету социально значимых объектов Приамурья. Подключено 215 социальных объектов: 72 общеобразовательные школы и учреждения среднего профессионального образования, 49 фельдшерско-акушерских пунктов, 57 учреждений органов государственной власти и местного самоуправления, 37 пожарных частей Амурской области [27]. Доступ к высокоскоростному мобильному Интернету впервые получили ещё более 30 тыс. жителей Приамурья. Зона покрытия сети LTE МТС охватила все районные центры Амурской области [17]. 3 марта 2020 г. правительство области анонсировало подключение к Интернету уже 264 социально значимых организаций [11].

ПАО ВымпелКом (бренд «Билайн») увеличил мощность своих сетей, введя дополнительно более 1 Тбит/с ёмкости на всей территории РФ. В частности, в Сибири и на Дальнем Востоке для Новосибирска, Красноярска, Кемерово, Барнаула, Иркутска, Хабаровска, Владивостока было построено 203 Гбит/с новой ёмкости. Потребность в модернизации сети связана с ростом потребления трафика на российском рынке, необходимостью обеспечить равную скорость доступа в сеть. Рост трафика вызван увеличением потребления медиа-контента, ростом популярности видео. Например, объём потребления контента популярных видео-хостингов увеличился на 33% в 2017 г. по сравнению с 2016 г. В 2018 г. трафик вырос также на треть [8].

По результатам независимого исследования качества Интернет-доступа Владивосток попал в число крупных городов, жители которых пользуются мобильным Интернетом с высокими характеристиками. В сравнении с 2018 г. средняя скорость в сети 4G компании Билайн во Владивостоке в 2019 г. существенно выросла. Это стало возможным благодаря масштабной модернизации базовых станций и строительству новых, их общее число выросло на 27%. В настоящее время сетью 4G охвачено более 90% населения края, а скорость мобильного Интернета позволяет смотреть прямые трансляции, загружать онлайн-игры и делиться видео в соцсетях [16]. В Хабаровском крае в 2019 г. компания увеличила покрытие 4G (LTE) на 25%, а также ёмкость базовых станций 4G на 22 улицах Хабаровска и в 34 локациях края [4].

На Дальнем Востоке началась эксплуатация системы широкополосного доступа в сеть Интернет с использованием ресурса космического аппарата «Ямал-300К». АО «Газпром космические системы» завершило строительство в Хабаровском крае наземной инфраструктуры для обеспечения спутниковым Интернетом отдалённых районов ДФО на скорости до 20 Мбит/с [22].

Компания МегаФон расширила и модернизировала собственную сеть связи. Так, были построены и запущены в эксплуатацию базовые станции, обеспечивающие связь в рекреационных зонах на юге Приморского края — в с. Андреевка, пос. Зарубино и Волчанец. Модернизирована сеть передачи данных направления Хасанского и Пограничного районов, что повлияло на улучшение голосового и пакетного сервисов [14]. В крае в 2018 г. завершён очередной этап активного строительства сети 4G+ в кластерах Владивостока, Уссурийска и Артёма. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ согласовало проект прокладки ВОЛС на Чукотку стоимостью 7,8 млрд руб. Проект предусматривает прокладку двух линий связи: подводной из Петропавловска-Камчатского до Анадыря и сухопутной Омсукчан — Песчанка — Билибино — Певек. Общая протяжённость первой линии составит 2260 км, длина наземной ВОЛС — 1400 тыс. км. Линии будут обладать пропускной способностью 100 и 80 Гбит/с соответственно. Проект планировалось завершить за два года. Это позволит обеспечить приемлемые тарифы для Чукотского автономного округа [39].

Более 90% организаций Дальнего Востока в настоящее время используют Интернет в своей работе (рис. 1)[1], более половины из них имеют свой веб-сайт (рис. 2). Растут затраты организаций региона на информационные и коммуникационные технологии.

Население Дальнего Востока, как и других регионов России, активно использует глобальную сеть (около 80% домашних хозяйств (рис. 3) и более 85% населения (рис. 4)).

Количество подключённых мобильных телефонов в регионе — более 1600 штук на 1000 чел. населения (рис. 5). Число активных абонентов фиксированного доступа к сети Интернет в 2018 г. составило 1441,2 тыс.

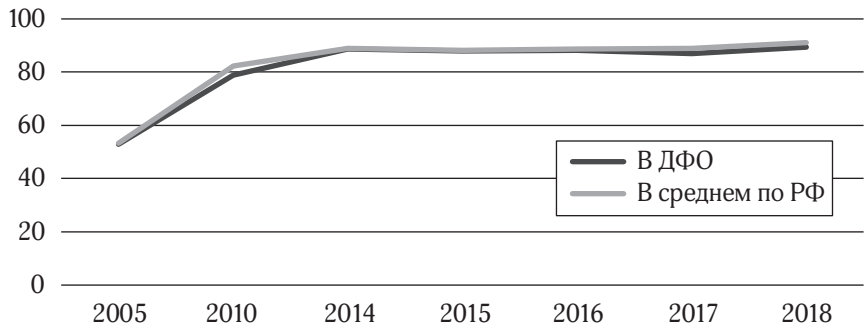


Рис. 1. Использование сети Интернет в организациях (%)

[1] Все диаграммы построены на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru (Дата обращения: 20.05.2020).

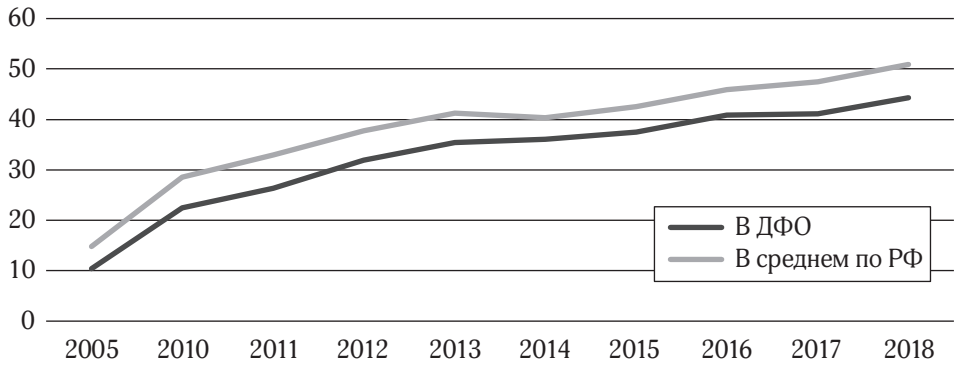


Рис. 2. Организации, имевшие ВЕБ-САЙТ (% от общего числа)

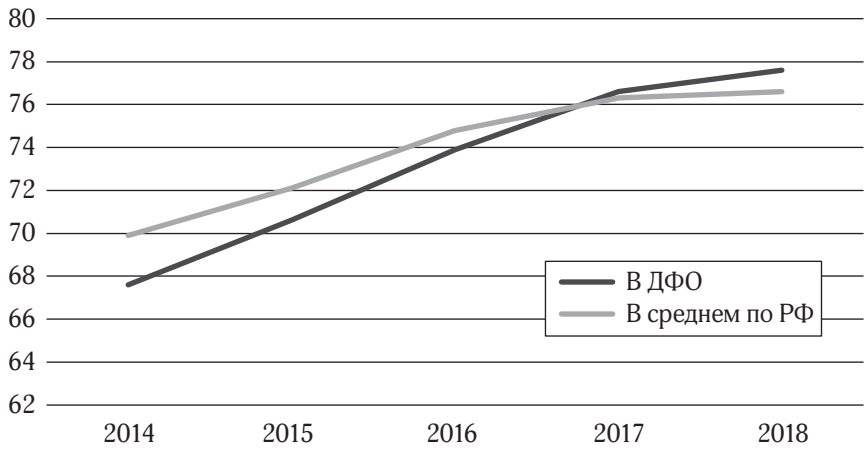


Рис. 3. Использование сети Интернет в домашних хозяйствах (%)

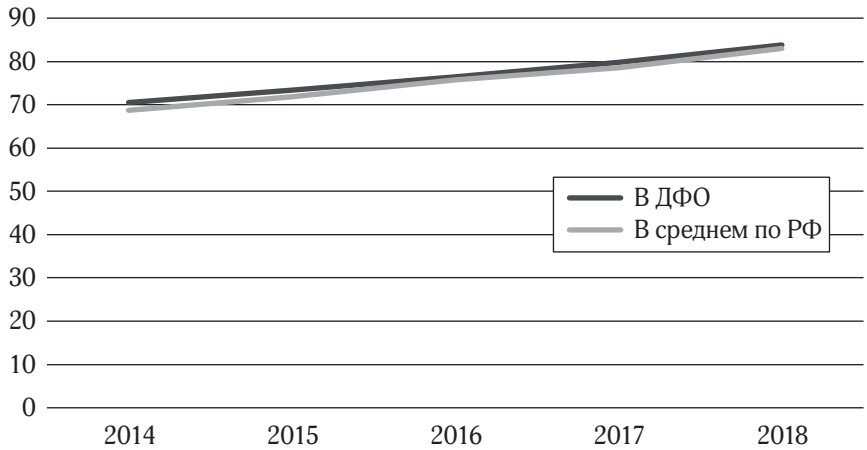


Рис. 4. Использование сети Интернет населением (%)

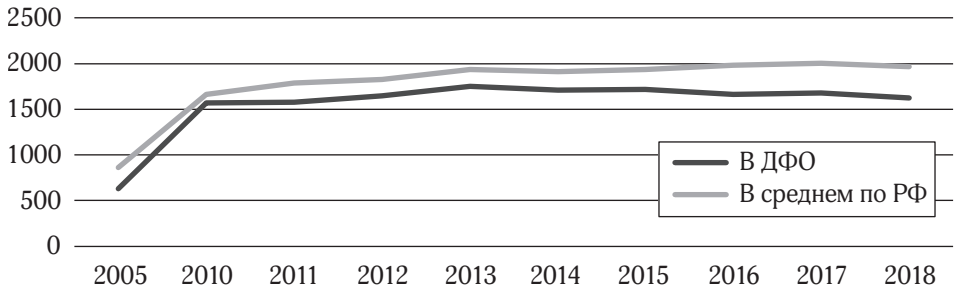


Рис. 5. Число подключённых абонентских устройств мобильной связи (на 1000 чел. населения)

(в целом по России 31968,4 тыс.), а число активных абонентов мобильной связи, использующих услуги сети, — 7282,8 тыс. чел. (в целом по России — 131359,2 тыс. чел.) (рис. 6).

В течение всего периода отмечается рост объёма телекоммуникационных услуг, предоставленных населению (рис. 7).

Новые информационные технологии активно внедряются бизнесом и государственными структурами в жизнь дальневосточников, в такие сферы как торговля и транспорт, наука и образование, банковские и почтовые услуги, туризм и развлечения. Пожалуй, нет ни одной области в деятельности людей, где бы отсутствовал Интернет, мобильная связь, компьютеры. Растёт Интернет-трафик, в том числе и мобильный.

Значительный рост получила Интернет-торговля. С 2011 по 2019 гг. в России она выросла более чем в 33 раза [24]. Объём рынка электронной

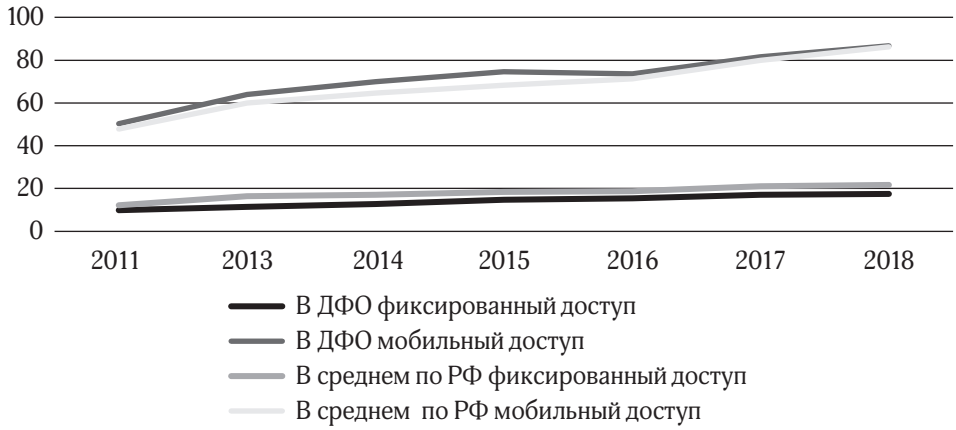


Рис. 6. Число активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа в Интернет (на 100 чел. населения)

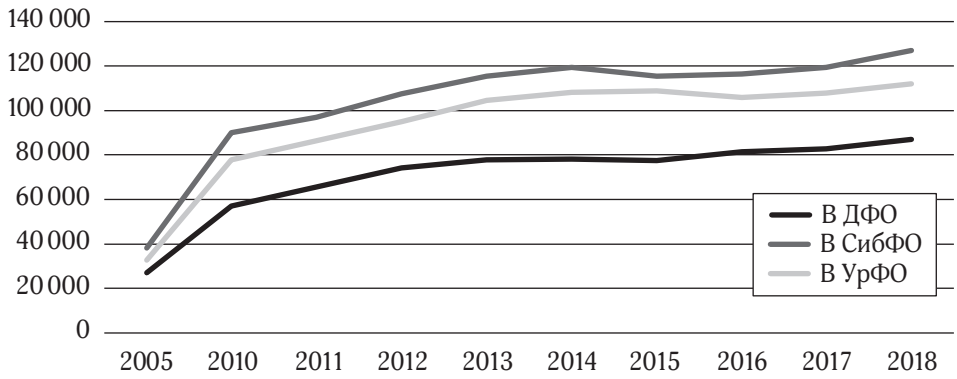


Рис. 7. Объём телекоммуникационных услуг населению (млн руб.)

коммерции достиг в 2019 г. $30,6 млрд — это 1,3% от ВВП страны [23]. Дальневосточники были активны в этом направлении. По данным Приморского филиала «Почта России», за 9 мес. 2018 г. приморцы получили 2,75 млн международных мелких пакетов (весом до 2 кг) и более 16,7 тыс. посылок. Лидерами по объёму международных почтовых отправлений через «Почту России» в нашем крае были Интернет-площадки AliExpress, Joom, Pandao и eBay. Более 90% международных входящих почтовых отправлений поступили в Россию из Китая [42]. В мире в настоящее время работают миллионы Интернет-магазинов, но не все они равноценны по числу заказов. Дальневосточниками создано несколько сотен Интернет-магазинов, охватывающих широкий спектр товаров: автозапчасти, электроника, лекарства, продукты питания и др.

Интернет широко используется госструктурами и бизнесом в медицине, туриндустрии, транспорте, производстве, образовании, почтовых услугах и т.д. Список примеров огромный. Например, в 2016 г. заработал сервис «Врачи Владивостока», который позволил пациентам записаться на приём к врачу прямо на сайте. Стала доступна онлайн-запись к врачам из 87 клиник [9]. Позже, в 2018 г., в Приморье был запущен сервис электронной записи к врачу на сайте www.er25.ru. Проект реализован в рамках программы информатизации здравоохранения края и полностью интегрирован с сайтом Госуслуги. В проект включены все поликлиники Приморского края, где оборудованы современные автоматизированные рабочие места для врачей [13].

В Хабаровском крае более чем в 50 медучреждениях появились возможности для проведения удалённых консультаций в режиме онлайн. Благодаря Интернет-технологиям врачи могут делать прямые включения по видеосвязи, обмениваться с коллегами медицинскими снимками и т.д. [40].

Все медицинские учреждения края планируется обеспечить высокоскоростным Интернетом к 2021 г., что, в частности, будет способствовать развитию телемедицинских технологий. На это в 2019 г. было выделено около 130 млн руб. [18].

Интернет используется для продажи в регионе билетов на все виды транспорта. Например, в январе-сентябре 2019 г. пассажиры Забайкальской железной дороги приобрели через Интернет более 481 тыс. билетов на поезда дальнего следования, что на 27% превышает показатель за аналогичный период прошлого года [43]. Идут процессы по оснащению Wi-Fi доступом в сеть учреждений, вокзалов, общественного транспорта и т.д.

Активно работает в сети туристско-информационный центр Приморского края. Это информация на четырёх языках: английском, русском, японском и корейском в соцсетях Instagram, Facebook, KakaoTalk, WeChat, SinaWeibo, Reddit, на YouTube-канале. Представлены в Интернете арт-парк «Штыковские пруды», туристско-рекреационный кластер «Приморское кольцо», исторический парк «Изумрудная долина». Приморский «Сафари-парк» запустил на своём сайте Интернет-магазин «Тимур и Амур» [54].

Оригинальный проект предложил оператор связи Tele2 (ООО «Т2 Мобайл»). В 2019 г. он начал реализацию в Приморском крае первого в России проекта по цифровизации марикультурных ферм. Цифровые решения онлайн-мониторинга должны повысить выживаемость марикультур на 20—30%. Партнёром Tele2 по проекту выступила шведская компания «Ericsson AB», крупнейший мировой производитель оборудования для беспроводных сетей [25].

Государственные и муниципальные структуры внедряют новые онлайн-сервисы. Администрация Владивостока начала сотрудничать с Кореей и Китаем в области цифровой экономики и блокчейна. Мэрия подписала несколько соглашений: о цифровой системе управления транспортом во Владивостоке, введении блокчейн-канала, в области медицинского туризма и др. В Приморье будет создана информационно-аналитическая система, которая свяжет в единую базу все органы исполнительной власти региона и муниципальные учреждения. На работы планировалось выделить около 30 млн руб., источник финансирования — краевой бюджет [20].

Приспосабливаются к новым условиям и почтовые сервисы. Почта России построит во Владивостоке современный логистический центр по обработке онлайн-заказов. Предприятие планирует инвестировать более 10 млрд руб. в регионы РФ на строительство таких центров [28].

Глава Минвостокразвития А.С. Галушка в 2018 г. заявил о подготовке предложения по использованию майнинга на Дальнем Востоке. Президент России В.В. Путин поручил правительству и Центральному банку проработать вопрос создания регионального финансового центра в свободном порту

Владивосток [30]. Компания Relex, ведущая в области развития блокчейновых активов, в марте 2018 г. занялась открытием филиала во Владивостоке [29].

Глобальная сеть активно используется в информационных, образовательных процессах, общественных мероприятиях. Так, с 6 по 20 февраля 2017 г. управление Роспотребнадзора по Приморскому краю провело тематическую линию, посвящённую дистанционной торговле, где приморцы могли узнать об особенностях приобретения товаров в Интернет-магазинах, праве на обмен товаров, приобретённых дистанционным способом, необходимой информации о товаре и т.п. [47].

1 июня 2017 г. во Владивостоке прошло мероприятие, посвящённое вопросам создания и продвижения Интернет-магазинов. Это был бесплатный семинар «Формула сайта: всё, что нужно знать о продажах в Интернете». Слушатели семинара получили знания об основах управления и продвижения Интернет-магазина [33]. А 7 июля того же года блогеры со всей России посетили Владивосток ради образовательного события под названием Sbercamp Digital Reality (организатором выступил Сбербанк) [57]. В рамках Восточного экономического форума — 2018 председатель правления Сбербанка Г. Греф анонсировал новый образовательный проект «Школа цифровой экономики» с участием крупнейшего банка страны и ДВФУ. Сбербанк выступил ключевым партнёром одной из программ школы — «Искусственный интеллект и большие данные» [38].

Первый в 2019 г. урок мобильной и Интернет-грамотности в Приморье компания МегаФон провела в школе «Активный пенсионер». Её организатор — благотворительный фонд «Ника». Курс компьютерной грамотности — один из самых востребованных у пенсионеров [36]. В 2019 г. в Хабаровском крае началась реализация федерального проекта «Цифровая образовательная среда». Одна из его важнейших задач — создание новых форм дополнительного образования для детей, направленных на вовлечение их в IT-творчество и технологии [58].

16—19 июля 2019 г. во Владивостоке в ДВФУ прошёл Азиатско-Тихоокеанский форум по управлению Интернетом APrIGF2019, который собрал 300 участников из 50 стран мира, в течение трёх дней на заседаниях, секциях и круглых столах выступили более 100 докладчиков. Координационный центр доменов .RU/.РФ стал принимающей стороной этого международного форума [56].

Владивосток стал вторым городом России после Санкт-Петербурга, где прошёл бизнес-форум из серии «SmartCity&Region: Цифровые технологии на пути к умной стране», посвящённой вопросам построения цифровой информационной инфраструктуры для создания «Умного города» и «Умного региона». Организатором мероприятия выступила группа ComNews, стратегическим партнёром — МегаФон, спонсором сессии — ООО «Акцент» [55].

Получила популярность такая форма проведения занятий в сети, как вебинар. Большое количество вебинаров организуется как государственными структурами, так и бизнесом. Так, в течение апреля 2020 г. приморский региональный центр «Мой бизнес» провёл более 20 вебинаров, на которых можно было узнать, как получить налоговые каникулы, отсрочку по страховым взносам и кто может претендовать на господдержку [6].

Интернет позволил наладить новые формы взаимоотношения государства и общества. Это онлайн-подача заявления, онлайн-голосование, онлайн-опросы и т.д. Большое количество полезных функций для населения выполняет общероссийский портал «Госуслуги», сайты Федеральной налоговой службы, Пенсионного фонда и др. В регионе работают государственные и муниципальные системы, где можно онлайн задать вопрос, отправить пожелание, высказать своё мнение, оправить жалобу, заказать справку, записаться на приём. Например, жители Хабаровского края могут задавать вопросы чиновникам через государственную информационную систему «Голос27». Портал для направления запросов в краевые органы исполнительной власти и местного самоуправления работает с 2013 г. За это время было подано более 17 тыс. обращений [5]. В 2018 г. 13 213 приморцев подали электронные заявления о назначении и доставке пенсии через Интернет, наибольшую активность при этом проявили жители городов Дальнереченск, Партизанск, Владивосток, а также Лазовского и Пограничного районов [7].

Социальными сетями в России на конец 2019 г. пользовалось более 30% населения страны, это около 50 млн авторов и 1,3 млрд сообщений в месяц. Наибольшая популярность была у сетей ВКонтакте (в среднем 21% населения) и Instagram (19%). На Дальнем Востоке в это время доминировал Instagram (в частности, Сахалинская область была на 3-м месте в России (41%), Приморский край — на 9-м месте (24%)), у сети ВКонтакте показатели были приблизительно равны среднероссийским. Меньшее количество пользователей было у соцсетей Одноклассники, Facebook, Twitter [53].

Вступил в силу закон о суверенном Интернете, призванный обеспечить бесперебойную работу российского сегмента сети в случае возможных угроз извне или других нештатных ситуаций. Документ был принят Госдумой весной 2019 г. Россияне с тревогой встретили данное новшество, это следует из результатов опроса «Института общественного мнения». Закон поддержали всего 19% россиян, 73% ждут ограничения объёма доступной информации, а 44% думают, что «изоляция» Интернета приведёт к его подорожанию [34]. Ещё свежа в памяти блокировка сайта Telegram, когда из-за мер федеральной службы по надзору в сфере связи проблемы возникли у онлайн-магазинов, стриминговых сервисов, неполадки обнаружились даже в работе российской соцсети Одноклассники [21]. Глобальная сеть стала необходимым инструментом в жизни и деятельности россиянина.

Расширение доступа в общемировое информационное пространство влияет и на миграционные процессы в регионе. В поисках лучшей жизни продолжается отток коренного населения Дальнего Востока в центральные регионы (рис. 8).

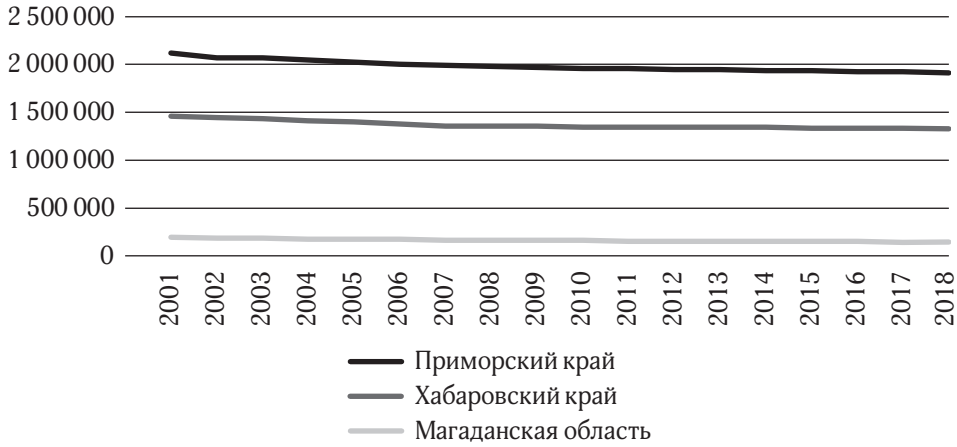


Рис. 8. Численность населения некоторых субъектов ДФО (чел.)

Это подтверждается и стремлением дальневосточных IT-специалистов перебраться в столицу и далее — за рубеж [41]. В то же время интересную тенденцию можно отметить в государственных структурах региона. Несмотря на активное внедрение в работу госструктур новых информационных технологий, которые должны автоматизировать многие процессы в бюрократической среде и значительно сократить число госслужащих, этот показатель неуклонно растёт (рис. 9).

Ускорение использования Интернет-коммуникаций, рост трафика сети вызвала пандемия COVID-19, которая охватила мир с начала 2020 г. Большинство государственных и бизнес-структур, образовательных учреждений перешли на дистанционный формат работы. Увеличилась доля оказываемых онлайн услуг, мероприятий и досуга, проводимых в онлайн-режиме.

Так, в мае 2020 г. жители Владивостока стали намного активнее пользоваться спортивными и игровыми сайтами: в 8 раз выросло количество обращений к Twitch.tv (12+), worldofwarcraft.com (12+), worldoftanks.ru(12+), mafiaonline.ru(12+), WASD.TV, battle.net (12+) и другим из категории игровых. В период с 1 по 13 мая восьмикратный рост показали и телемедицинские сервисы. В числе лидеров оказались онлайн-кинотеатры и сервисы потокового видео. По сравнению со средними показателями 2019 г., количество обращений к таким ресурсам выросло в 4 раза [15]. Клиенты Сбербанка стали значительно чаще оплачивать жилищно-коммунальные

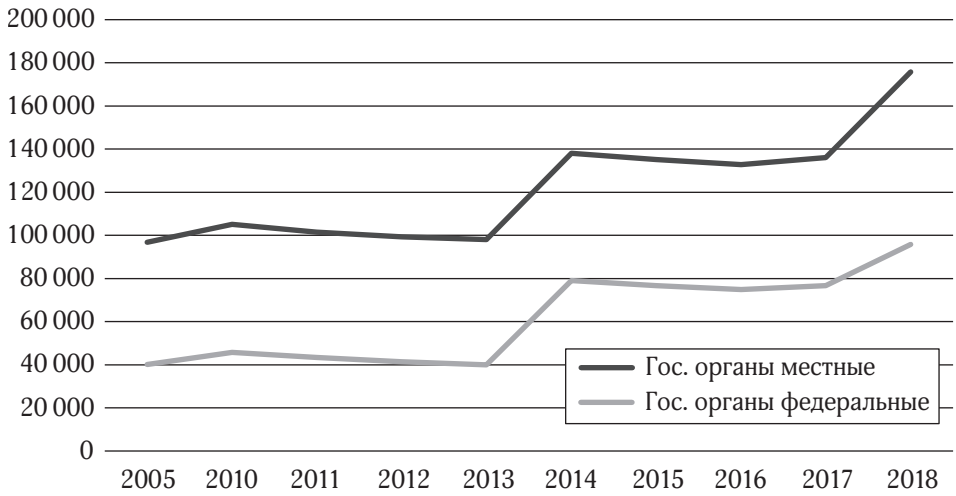


Рис. 9. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления, а также работников территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в ДФО (чел.)

услуги дистанционно, не выходя из дома. Доля таких платежей достигла 83% (год назад — 73%) от общего объёма транзакций за ЖКХ [1].

С момента перехода всех клиентских офисов Дальневосточной энергетической компании (входит в Группу «РусГидро») на удалённый режим работы значительно выросло количество клиентов, пользующихся Интернет-сервисами. Самыми востребованными стали «Передача показаний онлайн», «Виртуальная приёмная» и «Подписка на электронную квитанцию» на сайте www.dvec.ru. На 240% выросло количество клиентов, выразивших своё желание получать счета в электронном виде. Наибольшей популярностью эта услуга пользуется в Приморском крае [10].

Университеты начали использовать дистанционный формат обучения и готовятся к приёмной кампании, которая в 2020 г. вынужденно пройдёт в изменённом формате. Так, у абитуриентов Амурского госуниверситета появляется возможность подать заявление о приёме и необходимые для поступления документы через Интернет [2]. Школы перешли на дистанционное обучение, что вызвало ряд проблем как для учеников и их родителей, так и для преподавателей [46]. Более 55 издателей Дальнего Востока перешли на электронную модель взаимодействия с Почтой России для распространения периодических печатных изданий. Оформить подписку на районные и краевые газеты теперь можно через Интернет, не выходя из дома [19]. Ограничительные меры из-за распространения коронавируса продлили в российских судах. Верховный суд рекомендовал судам в период ограничений из-за пандемии при наличии возможности рассматривать

безотлагательные дела по веб-связи через Интернет [45]. На особый режим работы перешли региональные мэрии, парламенты [32].

Необходимо отметить, что активное разностороннее использование Интернета в обществе стимулирует и рост преступности в данной отрасли. Количество IT-преступлений растёт как в целом по РФ, так и на Дальнем Востоке. За первый квартал 2020 г. количество IT-преступлений по стране выросло на 83,9%, а удельный вес таких деяний достиг 19,9% от общего числа преступлений. Из-за этого фактора уровень преступности в стране в целом вырос на 4%. Это мошенничества, кражи, поддельные сайты, незаконные продажи, экстремизм, порнография, пропаганда суицида, продажа наркотиков, организация нелегальных казино и т.д. Более 800 преступлений, связанных с обманом клиентов банков и компаний мобильной связи, зарегистрировано в Приморье в первом квартале 2020 г. Мошенники, используя пандемию, рассылают «вирусные письма», сообщения об «экспресс-тестах для проверки на коронавирус», об «эффективных лекарствах» [52].

За 2019 г. центр мониторинга и реагирования на киберугрозы Solar JSOC Ростелеком выявил и отразил свыше 1,1 млн внешних атак на информационные ресурсы организаций. При этом традиционно наибольшее число инцидентов такого рода, более 430 тыс., было выявлено в Москве. В ДФО за год зафиксировано свыше 115 тыс. попыток проникновения. На Дальнем Востоке самыми распространёнными стали атаки на веб-приложения (веб-порталы, электронную почту, Интернет-банки, личные кабинеты и т.д.). Количество инцидентов в 2019 г. увеличилось на 13% по сравнению с 2018 г. [48]. В Банке России зафиксирован кратный рост виртуальных пирамид, специалисты обеспокоены ростом числа мошеннических Интернет-проектов. Если в 2018 г. было выявлено 18 финансовых пирамид, представленных исключительно в Сети, то в 2019 г. уже 55 [3]. Пенсионный фонд России предупреждает о появлении поддельных сайтов организации [37]. В Приморском и Хабаровском краях выявляются и блокируются сайты по продаже поддельных дипломов и аттестатов [12]. Список киберпреступлений можно долго перечислять, и очевидно, что по мере интеграции сети в жизнь россиян он будет расти и диверсифицироваться.

Но, несмотря на имеющиеся проблемы, глобальная сеть, компьютеры, мобильная телефония изменили жизнь дальневосточников: можно констатировать, что информационное и коммуникационное поле существенно расширилось и помогает людям в работе и быту. Интернет информирует о ситуации в стране и мире, предоставляет жителю региона бесплатный и платный образовательный контент, налаживает связи с людьми, облегчает получение разного рода услуг, расширяет кругозор и обеспечивает развлекательный контент, в том числе и телевидение. Социальные трансформации в обществе, особенно в молодёжной среде, ускорение социальных

процессов вызываются такими новыми факторами, как доступ к общемировым информационным ресурсам, дистанционная работа и образование, электронный бизнес, мгновенные коммуникации, и проявляются в виде создания новых виртуальных сообществ, укрепления горизонтальных связей и ослабления вертикали власти, ускорения миграционных процессов и роста самосознания и индивидуализма. Специфика региона, его окружение и удалённость от центра требуют развивать инфраструктуру сети, снижать стоимость доступа, расширять информационные инструменты и ресурсы, бороться с криминалом, в то же время надо понимать, что введение ограничений на доступ к информации, ограничений свободы слова в сети, отключение от мирового информационного пространства, тотальный контроль не будут способствовать развитию Дальнего Востока России. Наш регион должен быть информационно открытым, свободным, развивающимся, экономически и культурно интегрированным в мировое сообщество.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. 83% клиентов Сбербанка оплачивают услуги ЖКХ онлайн. 24.04.2020. URL: https://primamedia.ru/news/937049/?from=37 (дата обращения: 10.05.2020).
2. АМГУ готовится к приёму документов от абитуриентов через Интернет. 16.04.2020. URL: https://www.amur.info/press/17/AmGU/171288 (дата обращения: 08.05.2020).
3. Банк России зафиксировал кратный рост виртуальных пирамид. 17.02.2020. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2020/02/17/110715/ (дата обращения: 12.05.2020).
4. Билайн на 25% увеличил покрытие 4G в Хабаровском крае. 07.02.2020. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2020/02/07/110364/ (дата обращения: 20.03.2020).
5. Более 17 тыс. обращений направили жители края на Интернет-портал «Голос27». 03.01.2020. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2020/01/03/109043/ (дата обращения: 13.05.2020).
6. Более 20 вебинаров для предпринимателей Приморья проведёт центр «Мой бизнес». 10.04.2020. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje_10.04.2020_98055_bolee-20-vebinarov-dlja-predprinimatelej-primorja-provedet-tsentr-moj-biznes.html (дата обращения: 14.05.2020).
7. Более половины пенсий приморцев назначены с помощью Интернета. 13.04.2018. URL: https://www.zrpress.ru/finance/primorje_13.04.2018_88593_bolee-polovinypensij-primortsev-naznacheny-s-pomoschju-interneta.html (дата обращения: 25.04.2020).
8. Быстрее, больше, ближе: Билайн наращивает ёмкость сетей под продажи B2O и повышает качество доступа к контенту. 08.07.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje08.07.201994820_bystree-bolshe-blizhe-bilajn-naraschivaet-emkost-setej-pod-prodazhi-v2o-i-povyshaet-kachestvo-dostupa-k-kontentu.html (дата обращения: 02.05.2020).

9. Быстро, удобно, без очередей: записаться на приём к врачу можно с помощью онлайн-сервиса от проекта «Врачи Владивостока» на VL.ru. 23.12.2016. URL: https://www.newsvl.ru/vlad/2016/12/23/154850/#ixzz6NDa0YMnw (дата обращения: 06.05.2020).
10. В апреле значительно выросло количество пользователей Интернет-сервисов ПАО «ДЭК». 30.04.2020. URL: https://www.amur.info/press/3/9/172083 (дата обращения: 12.05.2020).
11. В Приамурье в 2020 г. к скоростному Интернету подключат 264 социально значимые организации. 03.03.2020. URL: https://www.amur.info/news/2020/03/03/1688473 (дата обращения: 25.04.2020).
12. В Приморье заблокировали 26 сайтов, где продавали дипломы и аттестаты. 14.12.2019. URL: https://www.newsvl.ru/vlad/2019/12/14/186200/ (дата обращения: 10.05.2020).
13. В Приморье начал работать сервис электронной записи к врачу. 01.02.2018. URL: https://www.zrpress.ru/health/primorje_01.02.2018_87603_v-primorje-nachal-rabotat-servis-elektronnoj-zapisi-k-vrachu.html (дата обращения: 12.05.2020).
14. В Приморье «разогнали» скорость мобильного Интернета. 07.02.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje07.02.2019_93043_v-primorje-razognali-skorost-mobilnogo-interneta.html (дата обращения: 10.04.2020).
15. Владивосток на майских праздниках достиг максимального индекса цифровой активности граждан. 15.05.2020. URL: https://primamedia.ru/news/945446/?from=37 (дата обращения: 17.05.2020).
16. Во Владивостоке независимое исследование подтвердило высокую стабильность мобильного Интернета. 30.04.2020. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje_30.04.2019_94022_vo-vladivostoke-nezavisimoe-issledovanie-podtverdilo-vysokuju-stabilnost-mobilnogo-interneta.html (дата обращения: 22.05.2020).
17. Во всех райцентрах Приамурья появился мобильный Интернет МТС. 03.03.2020. URL: https://www.amur.info/news/2020/03/03/168797 (дата обращения: 20.05.2020).
18. Высокоскоростной Интернет появится во всех медучреждениях Хабаровского края к 2021 г. 10.06.2019. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2019/06/10/100559/#ixzz6NDygpalm (дата обращения: 21.05.2020).
19. Дальневосточные газеты вошли в онлайн каталог подписки Почты России. 12.05.2020. URL: https://vladnews.ru/2020-05-12/171697/dalnevostochnye_gazety (дата обращения: 15.05.2020).
20. Единую информационную систему для органов власти разработают в Приморье за 30 млн руб. 19.04.2019. URL: https://www.newsvl.ru/vlad/2019/04/19/179959/ (дата обращения: 15.04.2020).
21. «Зацепили то, что не стоит трогать»: жители Владивостока — о том, как пострадали от блокировки Telegram. 20.04.2018. URL: https://www.newsvl.ru/vlad/2018/04/20/169603/ (дата обращения: 14.05.2020).
22. Интернет из космоса. 06.03.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_06.03.2019_93369 _internet-iz-kosmosa.html (дата обращения: 08.05.2020).
23. Интернет-торговля в России 2019. URL: http://datainsight.ru/sites/default/ files/DI_Ecommerce2019.pdf (дата обращения: 13.05.2020).
24. Интернет-торговля и деконтейнеризация торговли. 26.04.2019. URL: https://seanews.ru/2019/04/26/ru-internet-torgovlja-i-dekontejnerizacija-torgovli (дата обращения: 22.05.2020).

25. Интернет уходит под воду. 25.04.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje_25.04.2019_93963_internet-ukhodit-pod-vodu.html (дата обращения: 10.05.2020).
26. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
27. Компания МТС подключила к Интернету более двухсот социально значимых объектов Амурской области. 15.01.2020. URL: https://www.amur.info/news/2020/01/15/166258. (дата обращения: 11.05.2020).
28. Комплекс по обработке онлайн-заказов собирается построить во Владивостоке Почта России. 27.02.2019. URL: https://www.newsvl.ru/vlad/2019/02/27/178503/#ixzz6NDxHJQVk (дата обращения: 05.05.2020).
29. Майнинг в Приморье идёт на «вира». 10.01.2018. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje_10.01.2018_87274_majning-v-primorje-idet-na-vira.html (дата обращения: 15.04.2020).
30. Минвостокразвития готовит предложение по использованию майнинга на Дальнем Востоке. 06.01.2018. URL: https://www.newsvl.ru/society/2018/01/06/166575/ (дата обращения: 14.05.2020).
31. МТС сделают столицу Камчатки «умным городом». 04.09.2019. URL: https://www.zrpress.ru/anews/dalnij-vostok_04.09.2019_95533_mts-sdelajut-stolitsu-kamchatki-umnym-gorodom.html (дата обращения: 02.05.2020).
32. На особый режим работы перешёл парламент ЕАО. 31.03.2020. URL: https://www.dvnovosti.ru/eao/2020/03/31/112517/ (дата обращения: 07.05.2020).
33. На семинаре во Владивостоке предпринимателей научат строить бизнес в Интернете. 29.05.2017. URL: https://www.newsvl.ru/vlad/2017/05/29/159564/#ixzz6NFlbhs1c (дата обращения: 10.05.2020).
34. Не защита, а надзор: что россияне думают о «суверенном» Интернете. 20.03.2019. URL: https://www.newsvl.ru/society/2019/03/20/179120/ (дата обращения: 10.05.2020).
35. «Облакам» добавят мощности. 18.12.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje18.12.2019 _96791_oblakam-dobavjat-moschnosti.html (дата обращения: 12.05.2020).
36. Пенсионеры Приморья осваиваются в виртуальной реальности. 23.01.2019. URL: https://www.zrpress.ru/society/primorje_23.01.2019_92833_pensionery-primorja-osvaivajutsja-v-virtualnoj-realnosti. html (дата обращения: 16.05.2020).
37. Пенсионный фонд России предупреждает о появлении поддельных сайтов организации. 12.02.2020. URL: https://www.newsvl.ru/society/2019/02/12/178011/ (дата обращения: 18.04.2020).
38. Первая в России Школа цифровой экономики открыта в ДВФУ. 13.09.2018. URL: https://www.newsvl.ru/vlad/2018/09/13/173656/#ixzz6NFpc7ttR (дата обращения: 12.05.2020).
39. Подключение Чукотки к Интернету обойдётся в 7,8 млрд руб. 28.12.2018. URL: https://www.zrpress.ru/anews/dalnij-vostok_28.12.2018_92590_podkljuchenie-chukotki-k-internetu-obojdetsja-v-7-8-milliardov-rublej.html (дата обращения: 21.05.2020).
40. Практика консультаций онлайн появилась в больницах Хабаровского края. 31.05.2019. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2019/05/31/100107/#ixzz6NDzAtTGK (дата обращения: 20.04.2020).

41. Приморские айтишники хотят жить в Эмиратах. 16.03.2018. URL: https://www.zrpress.ru/business/ primorje_16.03.2018_88098_primorskie-ajtishniki-khotjat-zhit-v-emiratakh.html (дата обращения: 11.05.2020).
42. Приморцы получили более 16 700 посылок из зарубежных Интернет-магазинов с начала года. 22.10.2018. URL: https://www.newsvl.ru/economics/2018/10/22/174799/#ixzz6NbMfWEW6. (дата обращения: 11.05.2020).
43. Продажи билетов через Интернет выросли на 27% на Забайкальской железной дороге с начала 2019 г. 09.10.2019. URL: https://www.amur.info/press/19/zabgd/161217. (дата обращения: 15.05.2020).
44. Пятьдесят пять социально значимых объектов ЕАО подключат к Интернету в 2020 г. 06.02.2020. URL: https://www.dvnovosti.ru/eao/2020/02/06/110312 (дата обращения: 20.04.2020).
45. Рассматривать дела по веб-связи начнут суды на время пандемии. 29.04.2020. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2020/04/29/113957/#ixzz6MmWcfmkr (дата обращения: 16.05.2020).
46. Родители школьников Владивостока умоляют губернатора вмешаться. 08.04.2020. URL: https://www.zrpress.ru/society/vladivostok_08.04.2020_98018_roditeli-shkolnikov-vladivostoka-umoljajut-gubernatora-vmeshatsja.html (дата обращения: 10.05.2020).
47. Роспотребнадзор проводит горячую линию об Интернет-магазинах. 06.02.2017. URL: https://www.newsvl.ru/society/2017/02/06/156163/#ixzz6NF0ENDQX (дата обращения: 02.05.2020).
48. Ростелеком озвучил статистику кибератак в Дальневосточном федеральном округе. 23.03.2020. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje_23.03.2020_97778_rostelekom-ozvuchil-statistiku-kiberatak-v-dalnevostochnom-federalnom-okruge.html (дата обращения: 11.05.2020).
49. Ростелеком полностью завершил проект «Устранение цифрового неравенства» в Приморье. 06.04.2020. URL: https://primamedia.ru/news/928805/?from=37 (дата обращения: 20.05.2020).
50. «Ростелеком» создал единую сеть передачи данных для 37 тыс. отделений Почты России. 27.11.2018. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje_27.11.2018_92135_rostelekom-sozdal-edinuju-set-peredachi-dannykh-dlja-37-tysjach-otdelenij-pochty-rossii.html (дата обращения: 21.05.2020).
51. «Ростелеком» создал первый полностью цифровой район на Дальнем Востоке.30.12.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_30.12.2019_96938_rostelekom-sozdal-pervyj-polnostju-tsifrovoj-rajon-na-dalnem-vostoke.html (дата обращения: 22.05.2020).
52. Сети обмана: как мошенники Приморья наживаются на коронавирусе. 02.05.2020. URL: https://vostokmedia.com/article/general/02-05-2020/seti-obmana-kak-moshenniki-primorya-nazhivayutsya-na-koronaviruse (дата обращения: 12.05.2020).
53. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019. URL: https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/ (дата обращения: 10.05.2020)
54. Турбизнесу накрывают инфополяну. 11.06.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje _11.06.2019_94487_turbiznesu-nakryvajut-infopoljanu.html (дата обращения: 12.05.2020).

55. «Умный город» начинается с Владивостока. 28.05.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business /primorje_28.05.2019_94301_umnyj-gorod-nachinaetsja-s-vladivostoka.html. (дата обращения: 15.05.2020).
56. Участвовать в управлении Интернетом может каждый. 24.07.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_24.07.2019_95033_uchastvovat-v-upravlenii-internetom-mozhet-kazhdyj.html (дата обращения: 10.03.2020).
57. Федеральная образовательная акция Sbercamp собрала около 50 блогеров страны во Владивостоке. 11.07.2017. URL: https://www.newsvl.ru/vlad/2017/07/11/160901/#ixzz6NFoGEtBa (дата обращения: 15.05.2020).
58. Центр цифрового образования для школьников создадут в Хабаровском крае. 25.03.2019. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2019/03/25/97046/ (дата обращения: 15.04.2020).
59. Южные Курилы получили свой 5G. 05.03.2019. URL: https://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_05.03.2019_93351_juzhnye-kurily-poluchili-svoj-5g.html (дата обращения: 20.05.2020).

УДК 330.59(571.66)“200”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10019

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ КАМЧАТКИ В 2000-е гг.

Алина Игоревна Кириллова,
кандидат исторических наук, доцент, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский.
E-mail: astra1155@yandex.ru

В статье анализируются проблемы и социально-экономические особенности развития удалённых от Петропавловска-Камчатского населённых пунктов края, повлиявшие на трансформацию образа жизни населения. Центральное место занимают изменения в административном статусе и инфраструктуре под влиянием реформ, особенно в транспортной логистике региона. Специфическими чертами транспортной сферы на территории Камчатки являются: отсутствие регулярного сообщения, кроме авиационного, труднодоступность для пассажиро- и грузоперевозок, удорожание стоимости перевозок, наличие условного монополиста в транспортной инфраструктуре края, что усугубляет экономические и демографические проблемы. В статье делается вывод, что в результате реформы — превращения части населённых пунктов в межселённые территории — произошла примитивизация трудовой занятости в поселениях, что в совокупности с другими факторами привело к интенсивной миграции молодёжи. Но оставшееся там население покидать эти территории не намерено, что требует специфических действий со стороны региональных властей.
Ключевые слова: Камчатский край, образ жизни, сельское поселение, межселённая территория, реформы 2000-х гг.

LIFESTYLE TRANSFORMATION OF THE POPULATION OF THE PERIPHERAL SETTLEMENTS OF KAMCHATKA IN THE 2000s

Alina Kirillova, Kamchatka State University named after Vitus Bering, Petropavlovsk-Kamchatski, Russia. E-mail: astra1155@yandex.ru

The article analyzes the problems and socio-economic features of the development of remote from Petropavlovsk-Kamchatsky settlements, which influenced the transformation of the population’s lifestyle. Changes in administrative status

and infrastructure under the influence of reforms, especially in the transport logistics of the region, are Central. Specific features of the transport sector on the territory of Kamchatka are: the lack of regular communication, except for aviation, inaccessibility for passenger and cargo transportation, the increase in the cost of transportation, the presence of a conditional monopoly in the transport infrastructure of the region, which exacerbates economic and demographic problems. The article concludes that as a result of the reform — the transformation of part of settlements into inter-settlement territories — there was a primitivization of labor employment in settlements, which together with other factors led to intensive outmigration of young people. But the remaining population does not intend to leave these territories, which requires specific actions from the regional authorities.

Key words: Kamchatski krai, mode of life, settlement, inter-settlement territories, reforms of 2000s.

К началу 2000-х гг. Камчатская область и Корякский автономный округ развивались под влиянием радикальных реформ 1990-х гг. Так, была проведена частичная приватизация транспортной отрасли: часть авиаперевозчиков стала полностью частной, у Камчатского авиапредприятия появились частные акционеры; автобусные перевозки также стали в значительной мере частными, водный транспорт практически прекратил своё функционирование. Энергоснабжение также стало частным. В руках государства оставалось снабжение водой и водоотведение. Торговля и производство пищевых и промышленных товаров, а также сельское хозяйство региона стали частными (в результате приватизации или создания новых предприятий уже на основе частного капитала). Продукция дотационных оленеводческих предприятий, дорогостоящего земледелия и животноводства в экстремальных зонах оказалась неконкурентоспособной, и предприятия разорялись, испытывали трудности в выплате зарплаты. Стремительный рост цен и инфляция усугубляли экономический кризис.

В 2000—2010-х гг. дальнейшие преобразования, затронувшие образ жизни населения на севере полуострова, продолжились. В 2007 г. в рамках укрупнения регионов Корякский автономный округ был объединён с Камчатской областью, сформирован Камчатский край. Это повлекло за собой трансформацию системы управления, частичное сокращение рабочих мест на севере. В описываемый период продолжается оптимизация систем образования, здравоохранения (основанная на количестве обслуживаемого контингента), органов управления, правоохранительных органов, надзорных организаций (служб санитарно-эпидемического надзора и др.). Все они предоставляли рабочие места на удалённых от столицы края территориях.

Несмотря на создание ТОСЭР «Камчатка» в 2015—2016 гг., удалённые северные территории под прямое действие реализуемых мероприятий не попадают. Традиционная отрасль сельского хозяйства Севера — оленеводство — распространена не на тех территориях края, которые входят в зоны активного экономического развития. Переход в 2000-х гг. на программный подход реализации государственной политики привёл к тому, что решение срочных и форс-мажорных ситуаций оказался затруднён тем, что механизм перераспределения денежных потоков внутри целевых программ достаточно сложен. При реализации в крае ФЦП «Жилище» и КЦП на её основе для ремонта повреждённого дома в с. Аянка [6] и строительства нового взамен аварийного приходится предпринимать ряд мер по созданию дочерних подпрограмм.

В 2000-х гг. Камчатский край является демографически депрессивным регионом, что подтверждают официальные данные: в 2000 г. общая численность населения составляла 372,3 тыс. чел., в 2018 г. — 315,5 тыс. чел. (с учётом потоков миграций) [9]. При значительной площади края уровень урбанизации достаточно высок — 78—80%, причём три населённых пункта, имеющие статус городов, — Петропавловск-Камчатский, Елизово и Вилючинск — сосредоточены в юго-восточной части полуострова, и расстояния между ними не превышают 50 км. По прогнозам Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю, численность населения до 2036 г. расти не будет и составит 315,1 тыс. чел. [9]. Сельское население края на территории рассредоточено и проживает в небольших по численности населённых пунктах. Самым крупным сельским поселением является Мильковское, где, по официальным данным, проживают 8451 чел., в эту цифру входят и жителя сёл Шаромы, Пущино, Долиновка и Кирганик (дачный посёлок, где разрешено оформлять прописку) [7].

На территории бывшего Корякского автономного округа (существовал до 1 июля 2007 г.) самым крупным населённым пунктом является городской округ «посёлок Палана» — 2920 чел. [8]. Официально Палана не обладала статусом города, но, являясь столицей Корякского автономного округа, имела присущую городу инфраструктуру. В позднесоветский период (1980-е гг.) там существовал кинотеатр, в 1990-е гг. он был закрыт, но возобновил свою работу в 2000-х гг. Все эти годы в Палане активно функционировал Дом культуры, сохранялось несколько средних профессиональных учебных заведений, включая педагогический колледж. Другие сельские населённые пункты значительно меньше, в некоторых численность жителей не достигает и 300 чел. Особенностью расположения здешних населённых пунктов является их удалённость как от регионального центра (например, с. Мильково в 309 км от столицы края, а Палана — в 760 км), так и друг от друга; составные части единого Мильковского сельского поселения

расположены также на достаточных расстояниях: с. Кирганик — в 20 км от Мильково, с. Пущино — в 70 км по прямой и 77 км по трассе, с. Шаромы — в 53 км, а Долиновка — в 67 км.

Камчатский край в целом отличается особой транспортной логистикой: шоссейные и грунтовые дороги есть только в южных и центральных муниципальных районах Камчатки: Елизовском, Усть-Большерецком, Усть-Камчатском, Мильковском и Быстринском. В Соболевский район ведёт платная автотрасса, преимущественно используемая ОАО «Газпром», иногда разрешено движение частного транспорта, но не общественного. В Тигильский район в зимний период (декабрь — март) прокладывается автозимник, применяемый для транспортировки грузов и проезда частного транспорта. Для официальных пассажирских перевозок он непригоден, и его использование сопряжено с большими рисками. Остальные муниципальные районы — Алеутский (на Командорских островах), Карагинский, Олюторский, Пенжинский и Тигильский — не имеют прямого постоянного наземного пассажирского сообщения ни между собой, ни с краевым центром.

Учитывая данные транспортные особенности Камчатского края, необходимо поддержание и развитие иных видов транспорта. Речной и морской транспорт также не решают проблемы: в крае нет крупных и полностью судоходных рек (исключение: части рек Камчатка и Большая, но обе расположены в районах с наличием шоссейных и грунтовых дорог). Морское сообщение с Командорскими островами зависит от высоты волн и состояния вод Тихого океана, который более чем в 60% случаев препятствует мелкому неприбрежному судоходству. Таким образом, воздушный транспорт — единственный вид сообщения для 5 из 11 муниципальных районов и единственный доступный для организованных пассажирских перевозок ещё для двух районов (Соболевского и Тигильского).

Исходя из нашего описания, 7 из 11 районов края нуждаются в авиационном транспорте. Конкурентами АО «КАП» могут выступать ООО «Витязь-Аэро» и ООО «Вертикаль-Т», однако эти предприятия в своём авиационном парке имеют только вертолёты и являются полностью коммерческими, не получающими дотации от государства, поэтому для них организация авиаперевозок населения является невыгодной. Стоимость 1 вертолёто-часа для малого вертолёта Robinson-44 на 3 пассажира — 40—45 тыс. руб. [3], а Ми-8 на 15—20 пассажиров — 120—150 тыс. руб. Таким образом, полёт в с. Карага до Петропавловска-Камчатского длительностью примерно 4,5 часа на вертолёте Robinson-44 обойдётся в 180 тыс. руб., то есть 60 тыс. руб. на 1 чел. Заметим, что средняя зарплата оленетехника 3-го разряда в Карагинском совхозе — 38,5 тыс. руб. (без налогов и вычетов за организацию питания в табуне), в других сферах — не намного выше, в 2019 г. реальная средняя заработная плата составляла 40—45 тыс. руб. [11].

На вертолёте Ми-8 на 15 пассажиров стоимость перелёта одного человека составит 36 тыс. руб., и это только в один конец. Расчёт показывает, что при таких расценках регулярное сообщение северных сёл с краевым центром вертолётным транспортом экономически невыгодно, так как у ООО «Витязь-Аэро» и ООО «Вертикаль-Т» просто не найдётся достаточного количества клиентов для организации хотя бы одного рейса в неделю туда и обратно.

Иная ситуация благодаря дотациям из краевого бюджета складывается у АО «КАП». По этой причине именно данное предприятие является ведущим транспортным агентом края в сфере воздушного сообщения, и его можно условно считать монополистом в сфере пассажирских перевозок в регионе. Субсидированные тарифы стали ответом властей на кризис перевозок начала 2000-х гг., их введение было важной реформой отрасли.

Дороговизна транспортных услуг, даже при субсидированных тарифах, приводит к тому, что значительная часть жителей удалённых северных территорий края за пределами своих мест обитания бывает крайне редко. По большей части работники бюджетной сферы и военнослужащие, которым полностью компенсируется проезд к месту проведения отпуска, могут себе позволить выехать за пределы сёл и районов, а также полуострова. В самой ментальности жителей укоренилось название Петропавловска-Камчатского «город», изредка «столица». Приехавшие из удалённых посёлков первокурсники испытывают сложности в адаптации: для них краевой центр является огромным городом, пользование автобусным транспортом — непривычным, а протяжённость города более 15 км вдоль бухты — некомфортной.

Миграции населения края осложнены и имеют два ярко выраженных вектора: за пределы полуострова и внутри региона с северных и центральных частей в юго-восточную часть полуострова, то есть в города и прилегающие к ним посёлки. Производственной инфраструктуры в прилегающих к городам посёлках практически нет, трудоспособное население ездит на работу на предприятия, расположенные в городских поселениях. В пределах самих муниципальных районов трудоспособное молодое население тяготеет к переселению в административные центры, где есть места для потенциального трудоустройства и элементы базовой бытовой инфраструктуры. Не менее важным фактором миграций между районными центрами и сёлами одного района становится необходимость приобретения товаров: в малых сёлах ассортимент магазинов достаточно скромен. Приобретение бытовой техники (даже мелкой, например, утюга) можно осуществить только в райцентрах, где есть минимальный выбор. Сходная ситуация складывается и в вопросе покупки редких медикаментов. По этой причине поездки за покупками в районные центры в 2000-х гг. становятся одной из реалий жизни населения удалённых территорий.

В 2000-х гг. при переходе к программно-целевому подходу реализации региональной политики и укрупнению населённых пунктов в крае появились межселённые территории. Согласно официальным определениям, закреплённым в Федеральном законодательстве РФ, «межселённая территория — территория, находящаяся вне границ поселений» [10]. По данным переписи 2010 г., в Камчатском крае есть две таких территории [4], однако фактически в 2018 г. после упразднения ряда посёлков в Карагинском, Пенжинском, Усть-Большерецком и других районах на полуострове имеется пять межселённых территорий, упоминаемых и учтённых даже в Википедии [1]. К неучтённым и не имеющим правового статуса можно отнести два вида заселённых территорий: производственные посёлки при рудниках (Горячий Ключ в Быстринском районе) и мелкие территории традиционного природопользования, так называемые «рыбалки», где коренное население ведёт натуральное хозяйство.

В межселённых территориях отсутствуют предприятия, пункты связи, медицинские учреждения. Фактически нормативно-правовыми актами там детально регулируется только селитебная территория, а местами работы с официальным заработком могут служить только службы энергоснабжения. Централизованное водоотведение и системы канализационных стоков там, как и во многих малых сёлах, отсутствуют [5]. Магазины являются местом, где люди могут работать и получать зарплату наличными. Они присутствуют и в межселённых территориях, работая как с наличным расчётом, так и по записи «в долг».

Выше уже отмечалась тенденция объединения нескольких, иногда достаточно удалённых сёл, в одно сельское поселение. Так, в Мильковском районе при наличии 8 населённых пунктов официально находится 2 сельских поселения — Мильковское и Атласовское. Похожая ситуация наблюдается в Соболевском районе и на других северных территориях полуострова. Экономическая жизнь и социальная инфраструктура этих укрупнённых сельских поселений также подлежит унификации, что приводит к сокращению рабочих мест (прежде всего, речь идёт об учителях, медиках, работниках предприятий связи, органов местного самоуправления), оставляя основным видом экономической активности самозанятость. В с. Шаромы, расположенном в 53 км по трассе от Мильково, отсутствуют своя постоянно действующая амбулатория, отделения банка и другие важные для жизни современного человека объекты социальной инфраструктуры. Врач из Мильково приезжает в среднем один раз в 2—3 дня. Аналогичная ситуация в медицинском обслуживании наблюдается и в Анавгае (25 км от Эссо, районного центра Быстринского района): амбулатория работает с перебоями, скорая помощь (реанимобиль и бригада медиков) приезжают из Эссо. Потенциальными местами работы населения в официальных посёлках Камчатского

края традиционно являются предприятия сферы обслуживания и самозанятость. Предприятия бюджетной сферы при их сокращении и оптимизации предоставляют все меньшее количество рабочих мест. Работа в бюджетной сфере на удалённых территориях является статусной, считается относительно престижной. Главными мотивами трудоустройства в такие организации становятся социальные гарантии, предоставляющие возможность выезда за пределы муниципальных районов в отпуск. Работа в сфере торговли за счёт получения заработной платы наличными средствами также считается достаточно престижной.

Самозанятость в посёлках и межселённых территориях Камчатского края самим населением зачастую понимается как добыча и переработка природных ресурсов. В то же время незначительное превышение выделенных квот, неверно оформленные документы или их отсутствие из-за трудностей в получении (например, нет доказательств принадлежности к числу КМНС) приводит к тому, что такая деятельность трактуется как браконьерство. Отсутствие легальных возможностей заработка приводит к примитивизации быта и возвращению ряда традиционных занятий (собирательство ягод и грибов на продажу, изготовление сувенирной продукции). Однако покупатели находятся лишь в расположенных вдоль туристических маршрутов посёлках Мильково, Анавгай, Эссо. В северной части полуострова, где нет устойчивого турпотока, единственной возможностью выживания населения остаётся крайне ограниченное подсобное хозяйство (в силу того, что северные районы Камчатского края располагаются в субарктической климатической зоне), перепродажа продукции рыбного промысла (вяленая рыба, икра) и охоты.

Основным источником поступления денежной массы в удалённые северные населённые пункты и межселённые территории становятся социальные выплаты от государства (пособия по безработице, материнский капитал, детские пособия и пенсионные выплаты). Именно на эти деньги в существующих магазинах население и приобретает товары первой необходимости: хлеб, консервы, топливо для моторных лодок, сети и одежду (бродни, охотничьи плащи, рукавицы). Доход семей также сильно зависит от того, трудоустроен ли кто-либо из членов семьи. В оленеводческих предприятиях на выпасе оленей обычно работают мужчины: один табун обслуживают, как правило, 6—8 пастухов и только 1—2 чумработницы, поэтому вариантов для трудоустройства женщин намного меньше. Работа осуществляется вахтовым методом, причём из заработной платы производятся вычеты за питание.

В целом экономическая жизнь на межселённых территориях и в удалённых посёлках достаточно примитивна и мало отличается от той, которая существовала на этих территориях в начале XX в. Значительной

массе населения выживать помогают государственные дотации и выплаты. Как и в других районах полуострова, там наблюдается старение населения за счёт снижения рождаемости и оттока молодёжи. Однако о закрытии межселённых территорий и малочисленных посёлков, а также о вывозе людей речь не идёт. Многие местные жители, по заявлению губернатора Камчатского края В.И. Илюхина, не стремятся покидать «насиженные и обжитые места» [2], поэтому правительство края и дальше планирует оказывать населению посильную помощь.

В целом продолжившиеся реформы 2000-х гг., направленные на оптимизацию бюджетных структур, а также на сокращение населённых пунктов, изменение их социальной инфраструктуры, сокращение («оптимизацию») количества школ, амбулаторий, отделений почтовой связи и т.д., продолжали деформировать сферу труда жителей камчатской периферии, приводя к примитивизации образа жизни. Внедрения в быт новых технологий практически не происходило. Из-за дороговизны транспортных услуг с северных территорий произошёл отток молодого и трудоспособного населения, но в основном в пределах районов. В межселённых территориях снизился оборот наличных денег, упала покупательная способность населения, что являлось одним их главных факторов изменения образа жизни в сторону его деградации. В жизни населения северных территорий растёт роль подсобных хозяйств и охоты, рыболовства и собирательства. Проект ТОСЭР «Камчатка» оказывает лишь косвенное влияние, так как оленеводческие и рыболовецкие хозяйства в него не включены, что ограничивает возможности развития бизнеса на севере края.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Административно-территориальное деление Камчатского края. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Административно-территориальное_деление_Камчатского_края (дата обращения: 24.02.2019).
2. Встреча В.И. Илюхина с молодёжью Камчатского края, 25.01.2018 г., г. Петропавловск-Камчатский // Стенограмма автора.
3. Заплатили 60 тыс. руб. за вертолётную экскурсию на Камчатке. Стоило ли это того? URL: https://zen.yandex.ru/media/travelmaniac/zaplatili-60-tysrub-za-vertoletnuiu-ekskursiiu-na-kamchatke-stoilo-li-eto-togo-5d6681219c944600ad32de54 (дата обращения: 20.02.2020).
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Численность и размещение населения. 10. Число муниципальных образований и межселённых территорий по субъектам РФ. URL: http://www.gks.ru/ free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-10.pdf (дата обращения: 24.02.2019).

5. Материалы полевого науч.-исслед. лагеря «Этнолингвистика», 18—24 августа 2018 г., Быстринский район. КамГУ им. Витуса Беринга // Личный архив автора.
6. На севере Камчатки из-за аномальной жары дал крен многоквартирный дом. URL: https://www.kam24.ru/news/main/20190711/69377.html (дата обращения: 14.04.2020).
7. Официальная страница Мильковского сельского поселения. URL: https://kamgov.ru/mmr/milkovo (дата обращения: 03.04.2020).
8. Официальная страница городского округа «посёлок Палана». URL: https://palana.kamgov.ru/ (дата обращения: 03.04.2020).
9. Численность населения Камчатского края. URL: http://kamstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ kamstat/ru /statistics/population/ (дата обращения: 24.02.2019).
10. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019). URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/mezhselennaya_territoriya/ (дата обращения: 24.02.2019).
11. Цены и уровень жизни на Камчатке в 2019 г. URL: https://ultramodern-home.ru/2018/11/ceny-uroven-zhizni-i-zarplaty-na-kamchatke-v-2019/ (дата обращения: 20.02.2020).

УДК 001:32(571.6)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10020

ИЗ ИСТОРИИ УЧЁНОГО СООБЩЕСТВА СССР: ДВИЖЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ 1980-х — НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Герман Борисович Дудченко,
кандидат исторических наук, доцент, Невский институт языка и культуры, г. Санкт-Петербург.
E-mail: dudchenkog@gmail.com

Статья посвящена роли и месту профессионального сообщества учёных в отечественной истории. К определённому периоду в XX в. относится неожиданно возникшее явление, когда ключевые позиции в общественно-политической системе стали занимать научные работники. Это время конца 1980-х — начала 1990-х гг. Учёные проявляли активность в политических партиях, избирались депутатами Советов всех уровней, получали посты в правительстве. Велико оказалось значение учёных в принятии политических решений и проведении реформ. Данное явление было характерно как для Советского Союза, так и для постсоветской России. Движение учёных во власть было выражено и на Дальнем Востоке. Автор приводит примеры участия учёных в региональных органах власти и управления.
Ключевые слова: учёные, ЦК КПСС, законодательная власть, исполнительная власть, выборы, Дальний Восток России.

FROM THE HISTORY OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF THE USSR: THE MOVEMENT INTO POWER ON THE EXAMPLE OF THE FAR EASTERN REGION IN THE LATE 1980s — EARLY 1990s

German Dudchenko, Nevsky Institute of Language and Culture, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: dudchenkog@gmail.com

The article is devoted to the role and place of the professional community of scientists and scholars in Russian history. A certain period of the XX century includes an unexpectedly occurred phenomenon, when academics began to occupy key positions in the social and politic system. This is the time of the late 1980s — early 1990s. Academics were active in political parties, were elected deputies of the Soviets of all levels, got posts in the government. The importance of scientistsand scholars in making political decisions and carrying out reforms was

great. This phenomenon is noticeable both on the scales of the Soviet Union and in post-Soviet Russia. The movement of academics into power was also expressed in the Far East. The author gives some examples of the participation of academics in regional authorities and administrations.
Keywords: academics, Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, legislative branch, executive branch, elections, the Russian Far East.

Приступая к заявленной теме, прежде всего, определим терминологию. Под словом «учёные» здесь и далее имеются в виду штатные сотрудники организаций, представляющих науку академическую, вузовскую или ведомственную. Учёные занимались проведением различных исследований, являлись авторами соответствующих публикаций и, как правило, обладателями степени доктора или кандидата наук. Применительно к 1980-м гг. такой подход вполне допустим, слово «учёные» широко использовалось для обозначения именно этой профессиональной среды и было даже некоторым журналистским штампом. Достаточно упомянуть, что газета регионального академического сообщества выходила под названием «Дальневосточный учёный».

Объектом нашего внимания выступает принципиально новое для того времени явление всесоюзного масштаба, которое нашло своё проявление и на Дальнем Востоке, а именно: участие учёных в наступавших политических трансформациях. В общих чертах это явление можно обозначить так — учёные пошли во власть. Они стали занимать высокие посты, на которых круг ответственности не всегда имел прямое отношение к их научно-исследовательской деятельности. Причём в массовом порядке данная ситуация наблюдалась едва ли не впервые в отечественной истории, что, впрочем, достаточно объяснимо. Не столько в научных, сколько в публицистических произведениях и своих воспоминаниях о многом говорят сами учёные, которые стали ещё более известны в других сферах, включая политическую активность. Среди таких публикаций книги А.Н. Яковлева «Муки прочтения бытия» [6], А.А. Собчака «Хождение во власть» [5], Б.Е. Немцова «Провинциал» [2] и др.

Перемены в кадровом комплектовании властных структур в конце 1980-х гг. происходили как в центральном руководстве, так и в регионах. Учитывая тогдашние реалии, нельзя не начать с партийных органов. До рассматриваемого периода примеры появления учёных в руководстве КПСС и их участия в принятии важных решений были. В частности, академик Б.Н. Пономарёв в 1961—1986 гг. работал секретарём ЦК КПСС, членами ЦК являлись все президенты АН СССР, начиная с М.В. Келдыша, некоторые

из учёных были делегатами съездов КПСС. Однако в целом эта профессиональная группа не очень вписывалась в представления о социальной базе партии. В силу ряда причин и соображений многие из учёных оставались беспартийными. Тем более не характерен был для них переход на освобождённую партийную работу, а это значит, и на руководящие роли в органах КПСС.

Во второй половине 1980-х гг. в высшей партийной элите учёных стало больше. В 1986 г. секретарём ЦК КПСС назначен А.Н. Яковлев, который ранее работал директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. В его карьере заметно продвижение по учёной линии: аспирантура Академии общественных наук при ЦК КПСС, стажировка в Колумбийском университете, защита кандидатской и докторской диссертаций по вопросам внешнеполитических доктрин США. В 1987—1990 гг. он входил в состав Политбюро ЦК КПСС. Секретарём ЦК КПСС в 1986—1990 гг. был также д-р экон. наук В.А. Медведев, бывший зав. кафедрой в Ленинградском технологическом институте им. Ленсовета. И хотя в 1970—1980-е гг. он работал в партийных органах, включая ЦК КПСС, занимался в них в основном вопросами науки и образования. В 1984 г. избран чл.-корреспондентом АН СССР. В 1988—1990 гг. он был членом Политбюро ЦК КПСС. Не менее показателен пример, когда в 1989 г. кандидатом в члены Политбюро стал директор ИМЭМО АН СССР академик Е.М. Примаков. В том же году в состав ЦК партии был включён академик Е.П. Велихов, физик, директор Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», а в 1990 г. — академик А.А. Акаев, президент АН Киргизской ССР, инженер-математик. При этом членом ЦК оставался и президент АН СССР академик Г.И. Марчук, геофизик и математик [1; с. 26, 189, 697, 707, 959, 1428].

В регионах и на местах наблюдалась похожая ситуация, в том числе и на Дальнем Востоке. Восприняв идеи преобразований второй половины 1980-х гг., ряд учёных перешли на руководящие посты в органы КПСС, тем самым заявив о своей политической карьере. В 1988 г. секретарём Приморского крайкома КПСС стал В.В. Горчаков. Будучи физиком, кандидатскую диссертацию он защищал в Объединённом институте ядерных исследований в Дубне, стажировался в Институте теоретической физики им. Нильса Бора Копенгагенского университета и в Институте ядерных исследований Токийского университета. В.В. Горчаков был деканом физического факультета, а в 1976—1988 гг. — ректором Дальневосточного государственного университета.

Аналогичная тенденция прослеживалась и на других уровнях партийного руководства. Вторым, а затем и первым секретарём Владивостокского горкома КПСС стал канд. экон. наук В.Я. Семёнкин. В то же самое время различные посты в комсомольских и партийных органах, в том числе

должность секретаря Ленинского райкома КПСС г. Владивостока, занимал С.С. Соловьёв, инженер-программист НИИ «Приморгражданпроект», физик по образованию [3].

Однако занятие учёными должностей в органах КПСС и даже лидирующих позиций явилось лишь началом их массового движения во власть. Приведённые примеры на самом деле не очень многочисленны на фоне общего состава партийных работников. Одно из препятствий уже отмечено — многие из учёных не состояли в КПСС. Для тех из них, кто готов был вступить в партию и заняться политической деятельностью, необходимо было выполнить все требования, пройти кандидатский стаж, включиться в работу первичной организации и т.д. Кроме того, кадровый состав органов КПСС формировался на основе ранее заложенных традиций, представлял собой устойчивую общественную среду, получившую неофициальное наименование «номенклатура».

Но вскоре для учёных, желавших включиться в активное политическое участие, представилась новая возможность. На XIX Конференции КПСС, проходившей летом 1988 г., были приняты решения о реформе власти, в стране неожиданно вновь стал востребованным лозунг «Вся власть Советам!». Приближались очередные по календарю выборы в Верховный Совет СССР, которые должны были состояться в 1989 г., а через год — в Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов. Вслед за реформами законодательной власти большое число представителей научного сообщества пришло в её органы. Руководители и сотрудники научно-исследовательских учреждений, преподаватели высшей школы, многие из которых являлись обладателями учёных степеней и званий, становились депутатами Советов всех уровней, во многих случаях занимали ключевые позиции в их работе.

Новый орган, Съезд народных депутатов СССР, из числа которых формировался и Верховный Совет СССР, был составлен в 1989 г. по смешанному принципу. Часть учёных получили депутатские мандаты по спискам от общественных организаций. Например, академик Е.П. Велихов стал депутатом от КПСС так же, как и чл.-корр. АН СССР В.А. Медведев. Другая часть избиралась от территориальных округов, как и ранее в Верховный Совет СССР, только на этот раз на альтернативной основе, то есть из нескольких кандидатур, внесённых в бюллетени для голосования. Между кандидатами развернулась борьба за голоса избирателей. Как выяснилось, учёные в этой борьбе имели ощутимые конкурентные преимущества. На примерах дальневосточного региона это было отчётливо выражено.

Во Владивостокском округе, включавшем Фрунзенский, Первореченский и Советский районы города, победу одержал канд. юрид. наук, преподаватель ДВГУ В.А. Шеховцов. Его соперниками были командующий Краснознамённым Тихоокеанским флотом адмирал Г.А. Хватов и начальник

Дальневосточного морского пароходства В.М. Миськов. Проходили выборы и по Дальневосточному национально-территориальному округу. Претендентом на депутатский мандат был командующий войсками Дальневосточного военного округа генерал-лейтенант В.И. Новожилов, но победу одержала канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока АН СССР Е.А. Гаер.

В том числе благодаря массовому приходу учёных в депутатский корпус, на Съезде народных депутатов выделялось множество ярких личностей, лидеров мнений. Прямые трансляции заседаний Съезда стали передачей с наивысшим телевизионным рейтингом. Из пяти сопредседателей знаменитой Межрегиональной депутатской группы четверо были учёными. Это академик, директор Физического института АН СССР А.Д. Сахаров; д-р ист. наук, ректор Московского историко-архивного института Ю.Н. Афанасьев; д-р хим. наук, академик АН Эстонской ССР В.А. Пальм и д-р экон. наук, гл. редактор журнала «Вопросы экономики» Г.Х. Попов.

Ещё одним сопредседателем был Б.Н. Ельцин. Сам он под определение учёного, используемое в строках этой статьи, не подходил, но его дальнейшая политическая биография во многом зависела от позиций пришедших во власть учёных. К поддержке с их стороны, выдвигая учёных на самые высокие должности, Б.Н. Ельцин прибегал и в разные периоды на посту Президента России, о чём речь пойдёт ниже. Секретарём Межрегиональной депутатской группы стал сотрудник Института высоких температур АН СССР А.Н. Мурашёв. В группе состояли университетские преподаватели с учёной степенью по юридическим наукам, например, А.А. Собчак из Ленинграда, А.И. Казанник из Омска. Среди всех 111 депутатов, входивших в Межрегиональную депутатскую группу, к категории учёных относились около половины. Число депутатов в ней от дальневосточных территорий было в целом пропорционально доле региона в численности населения СССР. Из учёных Дальнего Востока в группе состояла Е.А. Гаер.

Межрегиональная депутатская группа на съезде представляла собой в некотором роде парламентскую оппозицию, которая противопоставлялась «агрессивно-послушному большинству». Однако не только на её примере, но и вообще в работе Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР стал заметен дрейф власти от представителей партийно-хозяйственного актива к учёным.

Так, одну из палат Верховного Совета СССР — Совет Союза — возглавил академик, директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Е.М. Примаков. Председателем Верховного Совета СССР стал М.С. Горбачёв, но первым заместителем, вскоре сменившим его на этом посту, — д-р юрид. наук А.И. Лукьянов, окончивший юридический факультет МГУ и его аспирантуру.

Показателен пример с учреждением нового государственного органа — Комитета конституционного надзора СССР — и затянувшимся в 1989 г. решением вопроса о том, кто станет его председателем. В прерогативу Съезда народных депутатов входило утверждение кандидатуры на этот пост. Депутатам был представлен В.П. Ломакин, бывший первый секретарь Приморского крайкома КПСС, позже — посол Советского Союза в Чехословакии. Свои возражения высказал В.А. Шеховцов. Поэтому был выдвинут другой претендент — академик В.Н. Кудрявцев, директор Института государства и права АН СССР. Комитет конституционного надзора был сформирован и вступил в действие в декабре 1989 г. на II Съезде народных депутатов СССР. Тогда же были избраны председатель Комитета — чл.-корр. АН СССР, директор Института философии и права Уральского отделения АН СССР С.С. Алексеев, и его заместитель — зав. сектором Института государства и права АН СССР, д-р юрид. наук, проф. Б.М. Лазарев. Таким образом, вопрос о председателе Комитета конституционного надзора СССР решался исключительно юристами с учёной степенью. И они получали поддержку большинства состава Съезда народных депутатов СССР.

Выборы на Съезд народных депутатов РСФСР и в местные Советы в 1990 г. прошли с ещё более ярко выраженными веяниями реформ и демократизации, с предвыборной борьбой между кандидатами. То, что баллотировалось и в ряде случаев побеждало на них немало учёных, уже не воспринималось как сенсация. В 1991 г., после того как Б.Н. Ельцин был избран Президентом РСФСР, встал вопрос о председателе Верховного Совета. Оба соперника были учёными — д-р экон. наук, преподаватель Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, являвшийся первым заместителем председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатов и канд. юрид. наук, декан юридического факультета Омского госуниверситета С.Н. Бабурин. Ставший в итоге председателем Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатов работал в этой должности до прекращения действия парламента в результате событий октября 1993 г.

На Дальнем Востоке учёные стали депутатами практически во всех Советах. В частности, в состав Приморского краевого Совета вошёл канд. геол.-минерал. наук, старший научный сотрудник Тихоокеанского океанологического института ДВО АН СССР А.А. Заболотников. Депутатом Владивостокского городского Совета был канд. экон. наук, научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО АН СССР Ю.А. Авдеев. Председателем Владивостокского горсовета являлся В.Я. Семёнкин, а затем и С.С. Соловьёв, хотя на тот момент их трудно причислить к пришедшим в политику непосредственно из научных организаций.

После октябрьских событий в Москве 1993 г. и связанного с ними, как и с Указом Президента РФ № 1400, прекращения действия Советов началось

формирование новых органов законодательной власти. Отмеченная тенденция к приходу в них учёных, в том числе на Дальнем Востоке, продолжалась. Депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ от Приморского края был избран д-р биол. наук, зав. лабораторией популяционной биологии Института биологии моря ДВО РАН М.К. Глубоковский.

Особое внимание обращает на себя движение учёных во власть исполнительную. В 1989—1990 гг. депутатский корпус определённо усилил своё влияние в государстве и обществе, в это время на обсуждениях и голосованиях в Советах принимались ключевые решения по кадровому составу правительств СССР и РСФСР, председателям исполнительных комитетов региональных и местных Советов.

Решением I Съезда народных депутатов Председателем Совета министров СССР в 1989 г. был утверждён Н.И. Рыжков. Кандидатура каждого из других членов правительства утверждалась на проходившей в том же году сессии Верховного Совета СССР. Любой из депутатов имел возможность выступить в прениях, а любая из представляемых кандидатур могла быть отвергнута по результатам голосования. Депутат В.А. Шеховцов выступил при утверждении Ю.М. Вольмера на пост министра морского флота СССР. Напрашивается вывод, что учёные, заседавшие в парламенте, получили возможность участвовать в формировании союзного правительства самым непосредственным образом.

Учёные были и в самом составе Совета Министров СССР. Среди них академики Л.И. Абалкин, А.С. Исаев, Н.П. Лавёров, Е.И. Чазов, чл.-корреспонденты АН СССР Ю.А. Израэль и Г.А. Ягодин, д-ра экон. наук В.Н. Кириченко и В.К. Сенчагов, д-р геол.-минерал. наук Г.А. Габриэлянц, д-р юрид. наук В.Ф. Яковлев, д-р техн. наук В.В. Сычёв и др.

Данная ситуация складывалась при формировании не только союзного, но, начиная с 1990 г., и российского правительства. Широко известны имена учёных, пришедших в рассматриваемый период в большую политику через органы исполнительной власти, в том числе в разные годы работавших на посту зам. председателя правительства РФ, среди них Г.А. Явлинский, Б.Е. Немцов.

В конце 1991 г. в очередной раз встал вопрос о формировании правительства России, и тенденция к приходу во власть учёных проявилась тогда со всей очевидностью. С ноября председателем правительства стал Президент РСФСР Б.Н. Ельцин, а его заместителем по вопросам экономической политики — Е.Т. Гайдар. В последующие месяцы он занимал посты министра экономики и финансов РСФСР, первого заместителя и и.о. председателя правительства РФ. На момент прихода в правительство Е.Т. Гайдар был д-ром экон. наук, ведущим научным сотрудником Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР. Зам. председателя

правительства стал А.Н. Шохин, в 1991 г. — д-р экон. наук, директор Института проблем занятости АН СССР и Госкомтруда СССР. Другим заместителем работал С.М. Шахрай, канд. юрид. наук, зав. лабораторией правовой информации и кибернетики МГУ. Председателем Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом стал работавший до 1990 г. доцентом Ленинградского инженерно-экономического института канд. экон. наук А.Б. Чубайс. Пост министра национальностей занял д-р ист. наук, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков. Всех учёных, входивших в состав данного правительства, здесь упомянуть невозможно — всего их было около половины, так же как среди заместителей председателя.

В контексте рассматриваемой темы важно обратить внимание на биографии руководителей исполнительной власти на Дальнем Востоке. В 1990 г. по итогам голосования депутатов Приморского краевого Совета председателем крайисполкома был избран В.С. Кузнецов, канд. экон. наук, научный сотрудник Института экономических и международных проблем освоения океана ДВО АН СССР. На посту главы администрации Приморского края он находился до мая 1993 г., после чего перешёл на дипломатическую работу.

В 1991 г. губернатором Сахалинской области стал д-р экон. наук В.П. Фёдоров, ранее работавший в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР и в Московском институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, в том числе в должности проректора по международным связям. В 1993 г. он вошёл в состав правительства РФ, заняв пост зам. министра экономики РФ. Позже был председателем правительства Республики Саха (Якутия).

В 1993—1994 гг. главой администрации Амурской области был д-р геол.-минерал. наук В.П. Полеванов, который в 1988—1989 гг. занимался разведкой месторождений в Амурской области, будучи зав. лабораторией геологии россыпей в Магаданском филиале Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. Впоследствии он перешёл на работу в Правительство России на пост зам. председателя правительства РФ — председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом.

Подходя к выводам, следует заметить, что вопросов в обозначенной теме пока на порядок больше, чем ответов. Например, чем обусловлено рассматриваемое явление? Как оно соотносится с подходами, принятыми в исторической науке? Почему во власть в массовом порядке пошли именно учёные? Ведь были в СССР и другие профессиональные группы со своими карьерными лестницами и регалиями, у этих групп также имелась сеть учреждений по всей стране, их представители также слагали в некотором смысле советскую общественную элиту (это военные, спортсмены,

творческие работники и т.д.). Какое значение имело движение учёных во власть для событий в рассматриваемый период и для экономических реформ? Насколько существенно было число учёных, реализовавших себя в политике, по отношению к общему составу научных работников и широких слоёв интеллигенции в стране и регионе? Явилось ли движение учёных во власть следствием реформ, которые не они начинали, или, наоборот, — именно учёные, используя различные формы политического участия, выходили с инициативой проведения реформ в рассматриваемый период?

В Третьей программе КПСС, принятой в 1961 г. на XXII съезде партии, сказано: «С победой коммунизма произойдёт органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности людей. Интеллигенция перестанет быть особым социальным слоем, работники физического труда по своему культурно-техническому уровню поднимутся до уровня людей умственного труда» [4, с. 63].

Обращая внимание на ситуацию конца 1980-х — начала 1990-х гг., можно предположить, что на практике получилось по-другому. Не вся интеллигенция, но лишь её группа, именуемая словом «учёные», выделилась как совершенно особый социальный слой. На фоне проводившихся реформ представители академической, вузовской и ведомственной науки проявили готовность встать в авангарде дальнейшего переустройства общества и государства, явиться новым кадровым резервом власти, получить доступ к принятию важнейших управленческих решений и пребыванию на высоких постах. Во всяком случае, такое предположение отчётливо проявлено на примере как центрального руководства СССР и Российской Федерации, так и дальневосточных территорий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
2. Немцов Б.Е. Провинциал. М.: Вагриус; Н. Новгород: Нижегор. журнал, 1997. 149 с.
3. Предыдущие созывы. Законодательное собрание Приморского края. Официальный сайт. URL: http://www.zspk.gov.ru/about/history/istoriya-deputatstva/index.php?ELEMENT _ID=84484 (дата обращения: 08.06.2020).
4. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1975. 144 с.
5. Собчак А.А. Хождение во власть: Рассказ о рождении парламента. М.: Новости, 1991. 270 с.
6. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости, 1991. 364 с.

УДК 330.8:7(571.63)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10021

ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ ХУДОЖНИКОВ В ПРИМОРЬЕ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Елена Сергеевна Волкова,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: elenavolkova1@yandex.ru

В период радикальных реформ повседневные структуры художественной интеллигенции трансформируются, идёт разрушение советских практик поведения, стереотипов обыденного мышления и выработка новых. Автор рассматривает механизмы адаптации художников Приморского края к новой постсоветской реальности, основное внимание уделяется сфере трудовой деятельности. Устанавливается роль творческих организаций в данном процессе, изучается становление арт-рынка. Анализ материала показывает медленный переход от посттравматического синдрома 1990-х к постепенной стабилизации 2000-х гг. Региональная специфика определяется несколькими факторами, среди которых — близость азиатских стран, где произведения приморских художников оказались востребованными, отток творческой интеллигенции на запад, в более благополучные регионы России, частичное (по сравнению с советским периодом) восстановление и актуализация роли творческой организации в художественном процессе.
Ключевые слова: Приморский край, практики выживания, рыночные реформы, постсоветский период, 1990-е, союз художников, арт-рынок.

THE ADAPTATION PRACTICESOF ARTISTS IN PRIMORYE IN THE CONTEXT OF MARKET REFORMS IN THE LATE 20th — EARLY 21st CENTURY

Elena Volkova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: elenavolkova1@yandex.ru

During the period of radical reforms, the everyday structures of the artistic intelligentsia are being transformed, the Soviet practices of behavior and stereotypes of everyday thinking are being destroyed and new ones are being developed.

The author considers the adaptation mechanisms of Primorsky region artists to the new post-Soviet reality, the main attention is paid to the sphere of labor activity. The role of creative organizations in this process is established, the formation of the art market is being studied. Analysis of the material shows a slow transition from post-traumatic syndrome of the 1990s to the gradual stabilization of the 2000s. Regional specificity is determined by several factors, including the proximity of Asian countries, where the works of artists of Primorye were in demand, the outflow of creative intelligentsia to the west, to more prosperous regions of Russia, partial (compared with the Soviet period) restoration and actualization of the role of creative organization in the artistic process.
Keywords: Primorsky region, survival practices, market reforms, post-Soviet period, 1990s, union of artists, art market.

Практики выживания и повседневной адаптации российского населения в период радикальных рыночных реформ нашли отражение в трудах социологов, историков, этнографов, среди которых Т. Шанин, Ю.М. Плюснин, П.М. Козырева, В.А. Ядов, Е.Н. Данилова и др. [см.: 12; 14; 20; 21]. Дальневосточные реалии анализируются в работах Ю.Н. Ковалевской, Н.П. Рыжовой, А.Ф. Старцева, В.А. Тураева и др. [см.: 13; 22; 24; 30]. Автор рассчитывает внести свою лепту в изучение данного процесса, в рамках настоящего исследования концентрируя внимание на деятелях культуры, которые традиционно объединяются в союзы художников — это живописцы, графики, скульпторы, монументалисты, мастера декоративно-прикладного искусства. Они представляют собой небольшую, но весьма своеобразную социальную группу, для которой процесс адаптации к новой постсоветской реальности протекал достаточно болезненно и имел свою специфику.

Основными методами исследования являются антропологические и микроисторические. В научный оборот вводятся такие исторические источники, как архивные документы Приморского отделения Союза художников России (СХР), интервью с участниками художественного процесса и литературные произведения дальневосточных авторов, героями которых являются художники. Важно отметить также труды искусствоведов Н.А. Левданской, О.И. Зотовой и арт-критика А.М. Лобычева, содержащие не только анализ творчества приморских художников, но и биографические сведения, и основные вехи художественного процесса.

В позднесоветский период главную роль в художественной жизни играл Союз художников (СХ) СССР. Членство в этой организации не только являлось подтверждением профессионального уровня, но также обеспечивало гарантированный доход (при выполнении заказов Художественного фонда),

давало возможность получить мастерскую (бесплатно), периодически повышать квалификацию, выезжать на творческие дачи (за счёт средств СХ), участвовать в выставках различного уровня, по итогам которых проводились закупки художественных произведений. Кроме того, специализированные издательства выпускали книги, альбомы, каталоги, журналы, где освещалось творчество советских художников [23, с. 64—66].

Разумеется, эти привилегии были доступны лишь тем, чьи произведения были идеологически выверенными и вписывались в рамки допустимого стилистического и тематического разнообразия. Целый ряд художников, не признанных официально, оставался на обочине столбовой дороги советского искусства. Во Владивостоке, по подсчётам Н.А. Левданской, в позднесоветский период работали около десяти художников андеграунда, однако, в отличие от Москвы и других городов, они не сформировали диссидентской группы и даже ни разу не попытались организовать коллективный показ своих работ. Первая выставка этих художников состоялась только в 1988 г. — в эпоху перестройки и гласности — в Приморской картинной галерее [16, с. 13].

Ликвидация цензуры, свобода творчества и нескончаемый поток информации, хлынувшей в страну из-за рубежа в годы перестройки, инициировали эмоциональный подъём: художественная интеллигенция находится в эйфории, будущее видится в розовом свете, ключевым словом у всех на устах становится «свобода». Художник и литератор Т.Ф. Алёшина вспоминает: *«Выставки были в моде, как и музыка, и книги, и кино, и театр. Хлынуло всё, и не было больше никаких запретов»* [4, с. 74]. Набивший оскомину соцреализм быстро сдаёт свои позиции, расцветают неомодернистские и постмодернистские направления [17, с. 230—231; 19, с. 309, 496]. 1990-е гг. для приморского изобразительного искусства стали периодом небывалого подъёма, стилистического и жанрового многообразия. В этот период художники получили возможность свободно путешествовать, участвовать в зарубежных выставках, знакомиться с зарубежными коллегами и их произведениями.

Вскоре выяснилось, что вожделенная свобода имеет и оборотную сторону: уже в первые постсоветские годы художники лишились не только гарантированного дохода и привилегий советского периода, но вообще какой бы то ни было определённости и уверенности в завтрашнем дне. Федеральная власть берёт курс на коммерциализацию культурной сферы и активное внедрение рыночных методов хозяйствования. В 1992 г. выходят в свет «Основы законодательства РФ о культуре», в 1993 г. — новая российская Конституция, гарантирующая свободу художественного творчества (ст. 44). Государство фактически отпускает деятелей культуры и творческие организации в свободное плавание.

Социолог Л.Г. Ионин отмечает, что процессы трансформации в постсоветский период затронули все социальные группы: практически ни одна из них не сохранила прежнего статуса [11, с. 231, 236]. Творческая интеллигенция не стала исключением: государство больше не собиралось «рулить» художественным процессом и устанавливать правила игры, но и зарабатывать на жизнь художникам теперь приходилось самостоятельно. После распада СССР Художественный фонд рухнул, Союз художников переживал болезненный процесс разделения и адаптации к новым реалиям, региональные отделения были поставлены перед необходимостью самостоятельного выживания.

В 1993 г. Приморский творческо-производственный комбинат (ТПК) обанкротился, оставив без работы около семидесяти художников [ГАПК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 110. Л. 51—52]. Владивостокский фарфоровый завод в 1990-е гг. работал с перебоями, после распада СССР рентабельность резко упала, в конце концов, руководство вынуждено было отказаться от массового производства и сократить штат с 1,5 тыс. (а среди них были не только рабочие, но и мастера декоративно-прикладного искусства высокой квалификации) до 30 сотрудников. В 2007 г. последний заводской цех был закрыт. В 2004 г. прекратил свою работу и Артёмовский фарфоровый завод [31, с. 109]. Оформительство, как способ заработка, тоже постепенно теряет свои позиции: быстрое развитие технологий приводит к тому, что фигура художника с кистью в руке, оформляющего афишу, вывеску или рекламный плакат, в новом столетии становится анахронизмом.

«В постсоветский период художники оказались одной из наиболее пострадавших категорий населения», — считает Н.А. Левданская [16, с. 15]. *«Как мы почувствовали девяностые? Началась череда трагических событий,* — рассказывает художник В.Н. Погребняк (1956 г.р.). — *Художники стали уходить один за другим: Иван Ионченков, Юрий Терентьев*[1] *— это люди, которые были абсолютно не приспособлены [к новой реальности]. Посмотрите на [Виктора] Фёдорова, как он жил, посмотрите на [Александра] Пыркова — он остался без средств к существованию... Владимир Рачёв — он же с голоду умирал, мы ему носили еду. [В советское время] Рачёв был очень известным художником, делегатом всяческих съездов, его знала вся Москва, и соцстраны, и во Франции его встречали, как маститого художника... По сути, он был протестный человек, он пилил соцреализм, а когда случилась перестройка*[2]*, Рачёв не понял, что произошло, он растерялся. Оказалось, что он пилил сук, на котором сидел: когда система рухнула, Рачёв остался голодным»* [27].

---

[1] По словам коллег, в 1990-е гг. Ю. Терентьев «спился и покончил с собой».

[2] Исследования дальневосточных историков показали, что собственно перестройка (1985—1991 гг.) в массовом сознании фактически слилась с 1990-ми в единый период радикальных реформ и крушения привычного мира.

Е.Е. Макеев (1959 г.р.) демонстрирует более оптимистичный взгляд на эпоху: *«Заходит ко мне Погребняк и спрашивает: „Макеев, какая у тебя профессия?“ Я говорю: „Не знаю. Как всегда“. Он спрашивает: „Там в дипломе что написано?“ Я отвечаю: „Художник“. Он говорит: „Нас обманули: всё это неправда, такой профессии нет. Я завязываю. Нет денег, нет красок, нет ничего“. Я попытался его успокоить — говорю, как-нибудь перебьёмся, переживём... Где-то через неделю приезжаю к Володе в мастерскую, и что я вижу? Вся мастерская в работах, новых, свежих, и на стенах, и на полу... Я говорю: „Что ты меня обманываешь? Ты тут пашешь... Откуда столько красок?“ Он говорит: „Взял немного валюты (бутылку то есть), пошёл на стройку, обменял на краску — жёлтую, синюю, любую, какую дали, и теперь вот крашу“... То есть как мы пережили девяностые? С одной стороны, это было тяжело, а с другой стороны, было страшно весело и здорово, мы молодые были»* [27].

«В девяностые годы у меня было ощущение, что мир перевернулся», — говорит художник М.Ю. Фролов (1960 г.р.) [АОСПИ, интервью (инт.) Х 04]. Его коллега С.Д. Горбачёв (1952 г.р.) вспоминает, как белые полосы в его жизни чередовались с чёрными: *«В девяностые было всё: и радость, что можно куда-то ехать — я открыл для себя азиатские страны, и лёгкость зарабатывания денег (у меня был бизнес, не связанный с искусством, потом я его потерял), в то же время... и друзей было много, которых не стало в девяностые»* [АОСПИ, инт. Х 03]. В эти же годы С.Д. Горбачёв на своей яхте «Аллегро» устраивал арт-круизы вдоль приморского побережья вместе с друзьями-художниками [8].

Архивные документы свидетельствуют, что Приморская организация СХР в 1990-е гг. едва сводила концы с концами, и без того невысокие доходы методично «съедала» инфляция. Членские взносы уплачивали далеко не все и не всегда, а эффективных инструментов работы с должниками не было. Важным источником дохода стала сдача помещений союза художников в аренду коммерческим структурам (в России постсоветского периода это была повсеместная практика), но и они не всегда вносили арендную плату вовремя и в надлежащем объёме — приходилось применять различные меры воздействия, разрывать отношения, порой дело доходило до суда. *«Мы зациклились на добыче „копейки“, мы к этому не приспособлены»*, — констатировал член правления союза А.В. Кацук в ноябре 1993 г. [ГАПК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 110. Л. 65].

В 1996 г. Дальневосточная железная дорога заключила договор с Приморским отделением СХР на проведение художественных работ в здании вокзала во Владивостоке, но, по словам председателя правления Е.Т. Фомина, такой заказ в постсоветский период являлся большой редкостью: он *«может быть раз в десять лет, а то и больше»* [ГАПК. Ф. 501. Оп. 1. 5. Д. 126.

Л. 7]. Ещё одним источником дохода была продажа билетов выставочного зала в здании союза и процент от реализации картин, которые там экспонировались. *«Выставочная деятельность в настоящее время даёт гораздо меньшие доходы, чем в 1994—95 гг., в связи с новыми таможенными пошлинами, которыми облагаются иностранцы при вывозе произведений за рубеж,* — сетовал Фомин весной 1997 г. — *Местные же жители пока неохотно покупают произведения живописи: видимо, проблемы выживания стоят перед россиянами более остро, чем потребность в приобретении произведений искусства»* [ГАПК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 126. Л. 6].

Здесь руководитель Приморского СХР затрагивает важный вопрос о востребованности изобразительного искусства на арт-рынке. *«Художники бросились рисовать пейзажи-букеты, относили в салоны или продавали с рук. Копировали то, что нравится простым, не избалованным живописью людям* [4, с. 74], — вспоминает Т.Ф. Алёшина. — *...И лет десять народ покупал картины, раньше продавать частным образом произведения искусства строго запрещалось»* [2, с. 143]. Тем не менее значение этого источника дохода в жизни художников не стоит преувеличивать. *«Картины покупали, но — редко, не систематически, это была... как манна небесная»*, — комментирует В.Н. Погребняк [АОСПИ, инт. Х 01]. Добавим, что не все художники готовы были рисовать пресловутые «пейзажи-букеты» для неискушённого зрителя. *«Он ничего не делает на продажу давным-давно, органически не может»*, — так писал о художнике В.С. Рачёве литератор И.З. Фаликов, встретившись со старым товарищем после долгого перерыва в конце 1990-х [7, с. 4].

А.В. Камалов и Е.Е. Макеев создали образ вымышленного художника — Ивана Бродина, придумали ему биографию и стали подписывать этим именем совместные работы, в основном, сюрреалистические. *«Было всегда весело, но денег всегда не было,* — вспоминает Е.Е. Макеев. — *И мы с Андреем подумали: ну ладно, не покупают Макеева, не покупают Камалова... может, Бродина купят?»* [28].

С конца 1980-х гг. в Приморье начинают появляться художественные салоны, специализирующиеся на продаже произведений искусства, и частные галереи, которые ставили перед собой более широкий круг задач. В 1989 г. А.И. Городний основал «Артэтаж» (который с течением времени трансформировался в музей современного искусства); в 1995 г. В.Е. Глазкова открыла галерею «Арка»; с 2005 по 2012 гг. во Владивостоке работала галерея PORTMAY, «первую скрипку» здесь играл арт-критик А.М. Лобычев. По словам В.Е. Глазковой, важными функциями галереи явились популяризация творчества приморских художников, их продвижение на российскую и международную арт-сцену, а также просветительская деятельность в области современного искусства [31, с. 105—106]. Галеристы занимались не только

организацией выставок на своей территории, но также представляли творчество приморских художников на российских и международных форумах и арт-ярмарках — всё это помогало находить покупателей и делать местных авторов узнаваемыми, востребованными. Частные галереи стали новыми центрами художественного процесса в Приморье [16, с. 15].

«То, что происходило в союзе художников — это была их собственная жизнь, — комментирует В.Е. Глазкова — *...Галереи этому не мешали, они, может быть, наоборот, подставили плечо тем художникам, которые растерялись в то время, не знали, как работать, где выставляться»* [15]. Приморские художники считают подобную оценку совершенно справедливой: многие из них с благодарностью вспоминают, как галеристы выручали их в самые трудные времена.

Отношения с художественными салонами у художников были непростыми. С одной стороны, мастера кисти и резца были заинтересованы в сотрудничестве, с другой — владелец каждого салона имел свои представления о том, что востребовано на рынке (как правило, салоны ориентировались на неискушённого зрителя) и какой процент от продажи произведений искусства полагается ему, как посреднику. *«Некоторые салоны набавляют до 100% к цене, выкручивают художнику руки — снижай свои запросы. Но нельзя продавать уже ниже себестоимости!»* — комментирует художница Л.Ф. Конончук [25].

С конца 1980-х гг. в Приморье создаются неформальные объединения художников. Первыми были молодёжная группа «Штиль»[3], группа «Владивосток», куда вошли нон-конформисты — художники старшего поколения, в доперестроечный период не получившие официального признания[4], группа «ЛИК», сформированная молодыми художниками для организации выставок, и, наконец, «Триада», создавшая одноимённую галерею и ставившая своей целью «популяризировать современное искусство, делать выставки, помогать собратьям по цеху зарабатывать деньги» [18, с. 11]. По словам художника А.И. Киряхно, одного из членов «Триады», они приобретали произведения искусства «для своих друзей-коллекционеров» [АОСПИ, инт. Х 06]. Приобретали у коллег, тематика могла оговариваться заранее: так, Ф.М. Морозов написал по заказу галереи «Триада» серию полотен, посвящённых библейской истории царя Ирода. Во второй половине 1990-х стартуют неофутуристическая группа «БИМCS», которая работала

[3] В состав группы «Штиль» вошли А.В. Камалов, Е.Е. Макеев, И.Ф. Зинатулин, А.И. Ионченков, В.Н. Погребняк, В.И. Серов, А.В. Куценко, С.В. Симаков.

[4] Группа «Владивосток» объединила В.Н. Самойлова (1924—1989), Р.В. Тушкина (1924—2006), В.М. Шлихта (1930—1994), Ю.В. Собченко (1937—2001), В.А. Фёдорова (1937—2011), В.Г Ненаживина . (1940—2017), Ф.М. Морозова (1946 г.р.), А.А. Пыркова (1946—2014) и др.

в сфере синтетического искусства (соединяя живопись, графику, скульптуру, литературу, инсталляцию, перформанс), и международная творческая ассоциация женщин-художниц из стран АТР «Цветы мира», сосредоточившая внимание на межкультурных коммуникациях. Наконец, в 2001 г. художниками реалистического направления создаётся «Дом Пришвина» (это творческое движение поддержали литераторы, музыканты, журналисты, библиотекари). Подобные объединения, помимо прочего, способствовали продвижению творчества приморских художников на арт-рынке.

Процессы, происходившие в эпоху перестройки, инициировали интерес к произведениям наших соотечественников за рубежом. Вот как описывает этот процесс А.М. Лобычев: *«Художников из России, особенно тех, кто стремился выйти из рамок официального советского канона, чтобы ступить на экспериментальное поле современного искусства, стали принимать во всём мире с распростёртыми объятиями. Их охотно приглашали с выставками за границу, а зарубежные галеристы и коллекционеры прочёсывали мастерские от Петербурга до Владивостока в поисках свежих имён. И длился этот бурный интерес лет десять — с конца восьмидесятых до конца девяностых»* [19, с. 353—354]. Названия зарубежных выставок говорят сами за себя — «Новая волна», «Дети перестройки», «Ветер перемен», «Неизвестная Россия», «Молодая Россия», «Новый русский авангард» и т.д.

Директор галереи «Арка» В.Е. Глазкова рассказывает: *«Мы ориентировались на опыт уже состоявшихся частных галерей в Москве и Санкт-Петербурге... казалось, что перспективы очень радужны... Мы считали, что работаем на будущее. Пройдёт время, и художники, которых мы представляем из года в год, станут узнаваемыми... И такой момент был, и покупки были, но потом постепенно всё угасло. Свою роль сыграли, конечно, экономические кризисы, существенно осложнившие ситуацию в целом, что, естественно, сказалось и на арт-рынке»* [25].

Если приморский авангард был востребован в основном на Западе, то реалистические произведения стали пользоваться спросом у соседей из Поднебесной. Сначала они приобретали картины в Приморье и везли к себе на родину, но затем, с изменением таможенного законодательства, предприимчивые соседи сообразили, что гораздо выгоднее приглашать художников в Китай, там и торговаться с ними проще, и выставлять свои условия. *«Не находя покупателей на свои картины в России, многие дальневосточные художники едут в Китай,* — комментирует Л.Ф. Конончук. — *...Кто-то везёт [картины] с собой, проходя весь довольно сложный механизм таможенного оформления и получая унизительную справку, что ты, имея специальное образование и лет тридцать проработав в профессии, везёшь нечто, не имеющее художественной ценности. Для кого-то проще*

ничего не везти, а в Китае в мастерской галериста написать то, что будет иметь спрос. Хотя это тяжёлый хлеб (часов по двенадцать у мольберта, китайский галерист минимизирует свои затраты на пребывание иностранного художника в стране) и оценивается не всегда адекватно. Но это хоть что-то, что позволяет потом на родине несколько месяцев жить и работать» [25].

Литератор И.И. Шепета, который тесно общался с художниками на протяжении многих лет, даёт такую оценку: *«Русское искусство в Приморье спасали соседи-китайцы. И в этом была наша дальневосточная „фишка“ самостийности и независимости от центра, наряду с праворукими подержанными машинами из Японии»* [32].

Эксперты сходятся в том, что арт-рынок в России и на Дальнем Востоке, в частности, до сих пор находится в зачаточном состоянии: за тридцать лет он если и продвинулся в своём развитии, то всего на пару шагов. «Пока арт-рынок существует в формате базара», — заключает искусствовед Л.Г. Козлова в 2018 г. [25]. По большей части, имеют место отдельные случайные приобретения предметов живописи и графики. Эксперты в один голос говорят, что настоящих коллекционеров в Приморье можно пересчитать по пальцам. По оценке нынешнего руководителя краевого отделения СХР И.И. Бутусова, основными покупателями произведений приморских художников сегодня выступают соседи из Китая, Японии и Южной Кореи [АОСПИ, инт. Х 03].

Возвращаясь к 1990-м, отметим, что, потеряв стабильный доход, многие художники перебивались случайными заработками. По словам А.Л. Арсененко, *«приходилось браться за любую работу — шАры всякие там, вывески, витрины — всё, что под руку попадалось, всё делал»* [26]. Подобные примеры мы находим и в прозе Т.Ф. Алёшиной: *«Художница рисовала газету про грипп в поликлинику. Рядом стоял горячий чайник, чтобы на его боках греть руки*[5]*. Пришёл знакомый, принёс 50 рублей за картину „Сирень“, нищему столько подают. Будет странно, если она умрёт своей смертью… За газету заплатили бутылкой шампанского, имея в виду наступающее новогодье. На улице было теплее, чем дома, художница повеселела и ринулась на выставку какого-то авангардиста»* [3, с. 57]. В другом рассказе читаем: *«Две художницы за шару у строителей отхватили бесплатно вагончики — домики на дачу»* [3, с. 113]. В третьем художница работает у экстрасенса, в её задачу входит создание *«мистического антуража на сцене»* [2, с. 147].

«Если бы не педагогика, не знаю, как бы мы пережили девяностые, — продолжает тему В.Н. Погребняк. — *Меня пригласили в ДВГУ, а я вообще*

[5] Перебои с подачей отопления, воды и электричества во Владивостоке 1990-х стали приметой времени.

никогда не думал, что буду преподавать... Но согласился, а что делать? Многие художники тогда выживали за счёт педагогики. Повезло тем, у кого были дипломы [о высшем образовании], — *ведь после училища преподавать не возьмут»* [27]. Добавим, что в 1997 г. правление Приморского СХР приняло решение разрешить художникам — членам союза набирать учеников для индивидуального обучения в мастерских, *«тем более что эта практика имеет тысячелетнюю традицию в мировом искусстве и не может считаться нарушением профильности творческой мастерской»* [ГАПК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 125. Л. 6].

Художники использовали и практики выживания, свойственные традиционному обществу: ведение натурального хозяйства на дачах и огородах, рыболовство, взаимообмен товаров и услуг, взаимопомощь в кругу родственников и знакомых и пр.

Искали спонсоров — с переменным успехом. Кто-то давал деньги, кто-то оказывал помощь в натуральном выражении. Например, в каталоге выставки «Реализм без границ» (Владивосток, 1994 г.) читаем, что спонсорами стали компании ACFES, SOBORII, INTEX, VOSTOKINVESTBANK [ГАПК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 122. Л. 5—7]. А.Л. Арсененко вспоминает, как делал декорации в Драматическом театре ТОФ из водопроводных труб, любезно предоставленных сетью магазинов сантехники «Водолей» (трубами загрузили целый КамАЗ), а потом использовал их дома на кухне по прямому назначению [26]. Поэт И.И. Шепета, возглавлявший деревообрабатывающую компанию, рассказывает, как по просьбе друга *«спонсировал Союз [художников], хотя сам балансировал в тот момент на грани банкротства, двумя могучими, неподъёмными дубовыми столами»* [32].

В 1990-е гг. в российском обществе формируется образ Дальнего Востока как депрессивного региона, захолустного и малоперспективного, вследствие чего начинается массовый исход дальневосточников (в основном в другие, более благополучные регионы страны, реже — за рубеж). Художники не стали исключением, и миграции в это непростое время тоже можно рассматривать, как практики адаптации. *«Едут туда, где культура и деньги,* — комментирует галерист А.И. Городний. — *В Москву, само собой. Даже в Тюмень — там тоже какие-то деньги. Уехали Дробноход, Андрейчиков, Катя Кандыба, Костя Бессмертный сто лет живёт в Макао, Ганин из Германии не хочет вылезать — понятно, там отличные условия для работы. Из молодых очень многие оставили Приморье»* [1]. Добавим, что С. Симаков переехал в Москву, А. Куценко и А. Донской осели в Канаде, О. Ненаживина в США.

По словам Н.А. Левданской, в постсоветский период художникам *«пришлось перестраивать свою психологию, переосмысливать собственные роль и место в общественной жизни страны, привыкать к такому понятию, как рынок, примириться с тем, что себя приходится*

предлагать — самому либо через посредников. Оказалось, что рынок в области искусства — инструмент ещё более жёсткий и беспощадный, нежели политическая система» [16, с. 15].

«Помню, как Валера Ненаживин кричал: „Ура, свобода! Наконец-то свергли коммуняк ненавистных!“ — рассказывает художник В.Н. Погребняк (род. 1956). — *И что мы получили в результате? Получили совершенно незащищённую социальную группу. Художники сейчас никому не нужны»* [27]. Упомянутый коллегой скульптор В.Г. Ненаживин к середине 2000-хгг., судя по всему, приходит к таким же выводам: *«Слишком тяжек этот хлеб. Для меня творчество — это свобода. А она дорогого стоит… Прежде для художников не было проблем заработать, оформив стенд, серию плакатов… — и ты свободен для творчества, которое не терпит суеты. Но времена поменялись. И далеко не каждый художник может себе позволить быть свободным»* [5, с. 81].

Вместе с тем формируется новое поколение художников, чья творческая деятельность начиналась уже в пореформенный период: в 1990-е гг. они только получали художественное образование, опыта работы в советских условиях не имели и, судя по всему, видели ситуацию по-иному. Среди них А.А. Енин (1975 г.р.), Н.А. Попович (1975 г.р.), С.В. Меренков (1976 г.р.), Е.А. Кравцова (1977 г.р.), В.М. Валенская (1977 г.р.), П.Е. Шугуров (род. 1978) и др. *«Ещё во время учёбы в „Мухе“*[6] *я открыл коммерческую компанию „33+1“, чтобы быть независимым, а потому полноправным участником рынка,* — рассказывает П.Е. Шугуров. — *Я считаю, что культура может и должна быть самоокупаемой и рентабельной не за счёт грантов и льгот, а за счёт своей необходимости людям. Претензию Союза художников на льготы я всегда воспринимал как рудимент советского строя, когда художник как бы состоял на идеологической службе у государства и поэтому мог претендовать на содержание за счёт государства. Сейчас это не так, и наши претензии развращают и оскорбляют нас самих»* [15].

Искусствовед В.И. Кандыба в предисловии к каталогу дальневосточной молодёжной выставки 1995 г. приводит слова молодой художницы (к сожалению, безымянной), которая рассматривает творчество как самоценный процесс: *«Моё искусство нужно, в первую очередь, мне самой. Если оно вдобавок заинтересует тысячу-другую зрителей, я буду очень довольна».* Реализация этой жизненной позиции на практике выглядела так: *«Она заработала оформиловкой миллион и весь спустила на устройство персональной, третьей по счёту, выставки,* — поясняет искусствовед. — *То есть за творчество расплачивается, а не зарабатывает им»* [29, с. 8].

---

[6] «Муха» — народное название Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии (бывшего Художественного училища им. В. Мухиной).

Подобная жизненная позиция — не ждать милостей от государства, а «крутиться» в непрерывном режиме, утверждая своё право на творчество, — безусловно, заслуживает уважения, но, к сожалению, далеко не каждый художник обладает соответствующими способностями и складом характера. Скульптор Э. Барсегов, в 1993—1995 гг. возглавлявший Приморское отделение СХР, анализируя свой руководящий опыт, заключает: *«Тогда я научился уважать и понимать художников. Многие творческие люди не приспособлены к повседневной жизни. Они порой, как дети... Редкие сумели организовать собственный бизнес»* [33].

Многие эксперты говорят о том, что художественное творчество и продвижение своих произведений в условиях рынка — это две разных сферы деятельности. *«Я убеждён, что продвижение, рынок — дело галеристов, искусствоведов, кураторов проектов, а не самих художников,* — говорит А.И. Городний. — *Необходимы также поддержка и внимание со стороны городских и краевых властей, государства, да и бизнес, которому это по силам и настроению, мог бы помогать»* [6].

Взгляд на художественный процесс рубежа XX—XXI вв. со стороны находим в рассказе И.И. Шепеты, который повествует о том, как его друг, художник А.А. Пырков, в 1990-е гг. впал в затяжную депрессию, почувствовав, что в новой реальности высокое искусство девальвируется, на первый план выходит *дизайн* — новомодный инструмент для зарабатывания денег: *«„Арбайтен, арбайтен, арбайтен!“ Товар — деньги — товар (вернее, картинка, или формализованная абстракция художника к изобретению инженера, бренду торговца и т.д.). Как белка в колесе. Член Союза художников, преподаватель Академии искусств, а главное — мой приятель и дизайнер Александр Глинщиков — так и существует. Как белка в колесе»* [32].

В 2012 г. редакция «Российской газеты» дала четырём корреспондентам, работающим в дальневосточных краях и областях, задание выяснить: могут ли в современных условиях художники региона *«прокормить себя, занимаясь исключительно „чистым искусством“ — то есть не подрабатывая в рекламе, не выполняя коммерческие заказы и не преподавая»*. Все корреспонденты, изучив положение художников на своей территории, ответили на вопрос отрицательно. Практически единственное исключение удалось найти в Приморье — это С.М. Черкасов, заслуженный художник России и почётный гражданин Владивостока, который имеет полувековой опыт работы, хорошо узнаваемый стиль и в год пишет порядка ста картин, которые хорошо продаются. В дополнение к этому Черкасов занимается книжной графикой — он проиллюстрировал более 300 книг [6].

В постсоветский период вступить в СХ стало проще, требования к кандидатам стали не такими жёсткими, и если к началу 1990-х гг. Приморское отделение СХР насчитывало 75 чел., то к концу 2010-х гг. — более 140

(притом, что уссурийские и находкинские мастера к этому времени вышли из состава приморского отделения, образовав самостоятельные городские организации СХР). Впрочем, целый ряд художников принципиально обходили союз стороной, называя его «болотом» и считая, что подобная форма творческой организации устарела [15].

Уже к середине 1990-х в арсенале Приморского отделения СХР осталось не так много инструментов поддержки художников, в результате некоторые члены организации стали задаваться вопросом, а нужна ли она теперь, в новых условиях, и озвучивали свои сомнения на собраниях. В 1997 г. председатель правления Е.Т. Фомин констатировал, что Приморское отделение СХР перестало выполнять функции обеспечения художников [постоянной] работой, жильём, бесплатными дачами, творческими командировками, художественными материалами. Тем не менее члены союза по-прежнему имели возможность бесплатно экспонировать свои произведения в выставочных залах Приморского СХР [ГАПК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 126. Л. 9]. Постепенно формируется ещё одна важная функция союза — помощь художникам в реализации их произведений, включая работу с иностранными заказчиками.

После распада СССР перед Приморским отделением СХР неоднократно вставала угроза потери творческих мастерских и здания в центре города, но их удалось отстоять. А вот выделенный союзу художников земельный участок, где предполагалось строительство нового здания ТПК, сохранить не получилось. В 1990—2000-х гг. некоторые члены союза выступали с предложениями о приватизации творческих мастерских художниками, но большинство мастерских во Владивостоке, к счастью, избежало этой участи. К счастью — потому что те помещения, которые всё-таки были приватизированы (при содействии городских властей, имевших в этой ситуации свой интерес), по данным И.И. Бутусова, с течением времени перестали функционировать в качестве творческих мастерских — все, кроме одной, где до сих пор работает получивший её в собственность художник [АОСПИ, инт. Х 03]. Остальные приватизированные мастерские после смерти художников стали использоваться по другому назначению, некоторые в качестве жилых помещений[7].

Если говорить о владивостокских мастерских, которые не были приватизированы, сегодня большинство из них находится в муниципальной собственности и предоставляется Приморскому СХР на условиях безвозмездной аренды, а союз распределяет мастерские среди художников. Член союза, получивший мастерскую, обязуется оплачивать коммунальные услуги, а после его смерти мастерская снова поступает в распоряжение Приморского СХР — такой порядок был определён ещё в 1990-е гг. [ГАПК. Ф. 501. Оп. 1э

[7] По непроверенной информации, два приморских художника были убиты из-за мастерских, которые они оформили в собственность.

Д. 132. Л. 2—3]. В условиях несформированного арт-рынка творческая мастерская приобретает для художника огромное значение, считает И.И. Бутусов: *«Если сейчас лишить художников мастерских, я уверен, многие из них перестанут заниматься творчеством — уйдут в дизайн, перепрофилируются или вообще уедут в другие страны, где созданы арт-резиденции... И для города, для края это будет катастрофа»* [АОСПИ, инт. Х 03].

Вторым (после Владивостока) художественным центром в Приморье является Уссурийск, где с 1990 г. действует самостоятельная городская организация СХР — немногочисленная (10—15 чел.), но деятельная. Большая заслуга в этом члена правления О.К. Никитчик, которая стала инициатором создания международной ассоциации женщин-художниц *«Цветы мира»*, творческой группы *«Круг»*, а также долгосрочных международных выставочных проектов *«Радуга Востока»* и *«Мост дружбы»* [10]. Уссурийская организация СХР содержит дачу в с. Андреевка (Хасанский район), куда приезжают художники со всего Дальнего Востока, а также из соседних азиатских стран (здесь проводятся пленэры, выставки, фестивали и другие культурные мероприятия, функционирует галерея «Арт-берег»). *«В 1990-е годы произошло драматическое событие — пожар практически уничтожил творческую дачу,* — рассказывает искусствовед О.И. Зотова. — *Понадобились годы, чтобы восстановить это место»* [9].

Критерии качества (или художественности, как говорили в 1990-е) в постсоветский период постепенно стираются, арт-критика слаба и не оказывает существенного влияния на культурный процесс, рынок наводняют низкопробные произведения искусства. В нынешних условиях каждый человек, берущий в руки карандаш или кисть, имеет возможность выставить свои произведения в сети интернет и найти благосклонного зрителя. Если в советское время художники подразделялись на профессиональных и самодеятельных, то в постсоветский период всё смешалось, потребитель оказался в ситуации полной неопределённости. В конечном итоге в 2010-е гг. общество приходит к тому, что *«любая плоскость, закрашенная так или иначе, имеет право называться живописью. Хорошо это или плохо? Это не хорошо и не плохо, это — данность. Сейчас остался один критерий и один судья — время»,* — философски заключает Е.Е. Макеев [28].

Период радикальных реформ для приморских художников ознаменовался не только взлётом творческой активности, информационным прорывом, зарубежными выставками и поездками, но и драматической трансформацией социально-профессиональных и повседневных структур. Деятели культуры, как и большинство новоявленных россиян, оказались в сложной социально-экономической ситуации, характеризующейся отсутствием гарантированной занятости, высоким уровнем безработицы, низкими заработками и постоянным ростом цен. Художественное творчество из государственного дела становится делом частным, система госзаказа уходит в прошлое.

В постсоветский период начинается формирование арт-рынка, становится возможной свободная купля-продажа произведений искусства, интерес к творчеству приморских авторов проявляют не только отечественные, но и зарубежные покупатели — именно последние для приморских художников с течением времени начинают играть ведущую роль. Однако значение данного источника дохода не нужно переоценивать, для многих художников проблема выживания после распада СССР стояла не менее остро, чем для других деятелей культуры, как и вопросы востребованности обществом творческого труда. О социальной защищённости данной группы в постсоветский период говорить не приходится, мастера кисти и резца существуют в условиях постоянной неопределённости.

У многих художников в переходный период было несколько источников дохода, ни один из которых не мог претендовать на роль единственного. Широкое распространение получила непостоянная занятость (работа по срочному контракту или по договору на выполнение определённого объёма работ, занятость на основе устной договорённости, случайная занятость). Одни художники осваивали новые профессии, другие пробовали силы в бизнесе, третьи искали спонсоров, для кого-то серьёзным подспорьем стало производство сельхозпродукции на дачном участке, а кто-то в поисках лучшей жизни мигрировал в другие регионы и страны. Разумеется, не все художники использовали активные адаптационные практики, некоторые полагались на помощь более успешных родственников, другие последовательно сокращали потребление и постепенно скатывались к нищете (порой этот процесс сопровождался алкогольной зависимостью). Многие художники говорят о профессиональном братстве и взаимной поддержке, которая здорово выручала в трудные годы.

Исследование позволяет выявить медленный переход от посттравматического синдрома 1990-х к постепенной стабилизации 2000-х. В других регионах России в рассматриваемый период имели место сходные трансформационные процессы. Специфика Приморского края — близость азиатских стран, где дальневосточное изобразительное искусство оказалось востребованным — позволила смягчить эти процессы и, возможно, преодолеть кризисную ситуацию с меньшими потерями. Вторая важная особенность заключается в том, что Приморскому отделению СХР удалось сохранить здание союза и многие творческие мастерские, и в новом столетии в какой-то степени восстановить и актуализировать свою роль в художественном процессе, обеспечив своим членам не только моральную поддержку. Третья черта, характерная для всех дальневосточных территорий, уже со знаком минус — существенный отток населения, в том числе и творческой интеллигенции, на запад, в более благополучные регионы России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александр Городний: «Охранников нынче тысячи, хранителей — единицы» // Конкурент. 2006. 16 мая.
2. Алёшина Т. Ван Гоги в эпоху перемен // Литературный Владивосток. 2019. С. 140—147.
3. Алёшина Т. Жизнь удалась! Рассказы. Владивосток, 2001. 128 с.
4. Алёшина Т. Лёгкий характер // Литературный Владивосток. 2017. С. 72—79.
5. Батова Т. Чудо, рождённое из хаоса // Словесница искусств. 2004. № 1 (13). С. 80—83.
6. Бизнес в картинках // Российская газета. 2012. 23 августа.
7. Владимир Рачёв. Живопись: персон. выставка / предисл. И. Фаликова; ARTCLUB «PORTMAY». Владивосток, 2005. 24 с.
8. Во Владивостоке открылась персональная выставка Сергея Горбачёва // Вести: Приморье. 4.09.2017. URL: https://festival.vestiprim.ru/news/ptrnews/54146-vo-vladivostoke-otkrylas-personalnaya-vystavka-sergeya-gorbacheva.html (дата обращения: 16.05.2020).
9. Зотова О. Тихоокеанская Россия: берега творчества // Информ. портал фонда «Русский мир». URL: https://russkiymir.ru/news/94551/ (дата обращения: 16.05.2020).
10. История Уссурийской городской организации ВТОО «Союз художников России» // Офиц. сайт Уссурийской гор. организации ВТОО СХР. URL: https://ussuri-art.ru/page,4,history.html (дата обращения: 14.05.2020).
11. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 432 с.
12. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. 388 с.
13. Ковалевская Ю.Н. Практики повседневной адаптации женщин в период перестройки и рыночных реформ (1985—2015 гг.) // В зеркале перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. ст. Владивосток, 2015. С. 111—121.
14. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. 328 с.
15. Конференция «Искусство по краям» в Приморском отделении Союза художников России 27.12.2019 // Стенограмма автора.
16. Край бунтарей. Современное искусство Владивостока. 1960—2010-е. М.: Майер, 2016. 144 с.
17. Левданская Н.А. Основные тенденции в изобразительном искусстве Приморья на рубеже XX—XXI веков. К истории вопроса // Омский науч. вестник. 2013. № 5 (122). С. 229—232.
18. Левданская Н.А. Творческая группа «Владивосток» и её место в изобразительном искусстве Приморья конца XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1 (13). С. 7—11.
19. Лобычев А.М. Автопортрет с гнездом на голове: Искусство Приморья на рубеже веков. Владивосток: Рубеж, 2013. 560 с.
20. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. 146 с.

21. Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002. 592 с.
22. Рыжова Н.П., Ступникова А.В. «Моральная экономика выживания» в сёлах Амурской области: влияние трансграничной экономической миграции // Изв. Иркутского гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2-2. С. 30—43.
23. Современное искусство и отечественный художественный рынок / под ред. Т.Е. Шехтер. СПб: СПбГУП, 2005. 176 с.
24. Старцев А.Ф. Экономическое состояние аборигенов Приамурья и Приморья в условиях рыночной экономики (проблема закрепления территорий традиционного природопользования (ттп) и функционирования национальных хозяйств) // Историко-культурные связи между коренным населением Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии. К 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции: материалы междунар. науч. конф. 1998. С. 254—259.
25. Существует ли на Дальнем Востоке арт-рынок? // Дальневосточный капитал. 2018. № 4.
26. Творческая встреча с А.Л. Арсененко в ПГКГ 24.05.2019 // Стенограмма автора.
27. Творческая встреча с В.Н. Погребняком в ПГКГ 31.01.2019 // Стенограмма автора.
28. Творческая встреча с Е.Е. Макеевым в ПГКГ 11.04.2019 // Стенограмма автора.
29. Территория надежды: 2-я регион. выст. молодых художников Дальнего Востока, 27 июня — 30 июля 1995 г. Владивосток, 1995. 50 с.
30. Тураев В.А. Коренные малочисленные народы и государство в условиях постсоветской трансформации // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 21. С. 111—134.
31. Художественная жизнь Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. материалов науч.-практ. конференций 2013—2016. Владивосток: ЛИТ, 2018. 208 с.
32. Шепета И. Победитель солнца // Литературная Россия. 2017. № 35.
33. Эдуард Барсегов: «Мне забывают платить достойно» // Конкурент. 2006. 13 июня.
34. АОСПИ (Архив отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН).
35. ГАПК (Гос. архив Приморского края).

УДК 325:34(470+571)“1991/2003”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10022

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1991—2003 гг.)

Андрей Викторович Друзяка,
кандидат исторических наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск.
E-mail: druzyaka12@mail.ru

В статье анализируются условия и характерные особенности процесса создания, функционального становления и организационной трансформации органов системы государственного регулирования и контроля над миграцией в период 1991—2003 гг. Рассмотрены проблемы их функционирования и результаты осуществления миграционной политики на Дальнем Востоке России. Открытие границ и массовый приток мигрантов из стран Азии здесь совпали с периодом реформирования системы органов государственного контроля над миграцией, которая была подвергнута организационным изменениям, получила ряд новых функций и задач. На Дальнем Востоке России процесс реформирования этой системы был осложнён трудностями регионального характера, связанными с развитием взаимоотношений федеральных и региональных властей с предпринимательством и местным самоуправлением.
Ключевые слова: реформы, Дальний Восток России, внешнеэкономическая деятельность, регулирование миграции, государственные органы.

REFORMING THE SYSTEM OF REGULATION OF EXTERNAL MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION (1991—2003)

Andrey Druzyaka, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russia.
E-mail: druzyaka12@mail.ru

The article deals with the conditions and characteristics of the establishment, functional formation and organizational transformation of the bodies of state migration control during 1991—2003. The author considers the problems of their functioning and the results of the implementation of the migration policy

in the Far East of Russia.The opening of borders and the massive influx of migrants from Asian countries coincided with the period of reforming the system of bodies of state control over migration, which was subjected to organizational changes, and received a number of new functions and tasks. In the Russian Far East, the process of reforming this system was complicated by regional difficulties associated with the development of relations between federal and regional authorities with business and local government.
Keywords: reform, Russian Far East, foreign economic activity, migration regulation, government agencies.

Безусловным приоритетом российской миграционной политики в отношении Дальнего Востока в имперский и советский периоды являлось стимулирование внутреннего притока и закрепление населения, особенно в приграничных районах. Вместе с тем дефицит трудовых ресурсов, остро необходимых для экономического развития региона, требовал дополнительного привлечения мигрантов, в основном прибывавших из соседних стран Северо-Восточной Азии. Массовой миграции «восточников» в период до 1917 г. способствовали не только потребность в рабочих руках, режим открытой границы и отсутствие чёткой и однозначной государственной политики по этому вопросу, но и крайняя недостаточность системы органов, призванных контролировать и регулировать их пребывание.

Потоки массовой внешней миграции пошли на Дальний Восток России в дореволюционный период (1860—1917 гг.). Тогда же была сформирована в общих чертах система контроля над этими потоками и сложился комплекс связанных с этим проблем, трудностей и задач регулирования и управления, в ряду которых можно выделить: организацию режима пропуска через границу, паспортно-таможенного контроля, поиск приемлемых форм привлечения иностранного труда и капитала в региональную экономику, выработку эффективных методов борьбы с явлением неконтролируемой и незаконной иммиграции, отношение к приграничной «народной торговле», организацию объективного учёта иммигрантов и контроля над их пребыванием на российской территории, выбор модели интеграции иммигрантов в принимающее российское общество [1; 2; 11]. В результате в период до 1917 г. на Дальнем Востоке возник устойчивый поток нелегальной миграции, причинами которой, на наш взгляд, являются противоречия между ограничительной силовой политикой государственных органов и явной экономический пользой от привлечения иностранной рабочей силы (ИРС) и торгового капитала.

В советский период невозможность решения этих проблем привела к введению в 1925—1930-е гг. строгого паспортного режима в условиях «закрытой границы», при котором внешняя миграция была кардинально ограничена и находилась под контролем силовых структур. Полную ответственность за пребывание мигрантов несли принимающие организации, большинство из которых имело государственный правовой статус и было встроено в систему партийно-государственного управления тех лет.

В период открытия границ и активизации внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и приграничной торговли в 1989—1993 гг. на российском Дальнем Востоке сложились новые массовые внешне миграционные потоки, во многом воспроизводившие дореволюционные. В их числе можно назвать потоки ИРС и торговцев из КНР, СРВ, КНДР, привлечение которых способствовало решению ряда социально-экономических проблем периода перестройки и последовавшей эпохи 1990-х гг. В частности, открытие границ позволило значительно оживить внешнюю торговлю, компенсировать недостаток рабочей силы, усугубившийся массовым оттоком дальневосточного населения, насытить рынок необходимыми товарами и т.д. В свою очередь, слабая и устаревшая система органов контроля, отсутствие внятной государственной миграционной политики привели к возрождению массового потока нелегальной миграции.

Миграционная ситуация в России в целом и отдельных регионах страны характеризовалась увеличением межрегиональных потоков (для Дальнего Востока это был массовый отток населения в западные регионы страны и за границу), появлением беженцев и вынужденных переселенцев из республик бывшего СССР, массовой экономической миграцией с сопредельными странами Азии (ИРС, рыночные торговцы, менеджеры и торговые представители фирм) [1]. В обстановке спада промышленного производства, нарастания социально-политического кризиса и отсутствия эффективного центрального и регионального управления растущая миграция воспринималась как вызов, способный дестабилизировать и без того шаткую ситуацию в стране.

В соответствии с новой миграционной ситуацией возникла потребность в срочном реформировании соответствующей системы государственного регулирования, получила организационное развитие новая система государственных органов, призванных осуществлять контроль над потоками внешней миграции. Предполагаемое резкое увеличение параметров миграции и необходимость формирования рынка трудовых ресурсов вынуждали государство экстренно реформировать соответствующую систему государственного регулирования.

После передачи властных функций от исполкомов областных и краевых Советов региональным администрациям непосредственный внешний

контроль над организациями, осуществляющими ВЭД, в новых экономических условиях был возложен на подразделения, образованные в составе администраций субъектов РФ. В 1990-е гг. комитеты внешнеэкономических связей достаточно эффективно действовали как в областных, краевых и республиканских администрациях, так и в составе городских и районных муниципальных органов.

Новую конфигурацию получила и система федеральных контролирующих органов. В их числе можно назвать органы государственной безопасности, федеральной миграционной службы (ФМС), паспортно-визовой службы МВД (ПВС МВД), федеральной пограничной службы (ФПС), государственной таможенной службы (ГТС), государственной службы занятости населения (ГСЗН), региональные представительства МИД и другие ведомства. Большинство из перечисленных органов были созданы заново или кардинально реформированы с изменением штатов, функций и организационной структуры.

Наиболее продолжительной реорганизации в первой половине 1990-х гг. были подвергнуты органы государственной безопасности, имевшие непосредственное отношение к регулированию процессов международной миграции. Органы КГБ СССР в течение короткого периода времени претерпели неоднократные переименования, сопряжённые с организационно-штатными и структурными изменениями. 4 декабря 1991 г. одним из последних Законов СССР — «О реорганизации органов государственной безопасности» — было утверждено разделение КГБ СССР на Межреспубликанскую службу безопасности, Центральную службу разведки и Комитет по охране государственной границы СССР (до событий августа 1991 г. пограничные войска входили в состав КГБ СССР). Реорганизация органов государственной безопасности закончилась в середине 1995 г. с образованием Федеральной службы безопасности (ФСБ РФ) [4].

1 апреля 1993 г. был принят Закон РФ «О государственной границе Российской Федерации». В нем особо упомянуты три ведомства: МИД, решающий внешнеполитические и визовые вопросы; Министерство Безопасности РФ, осуществляющее управление пограничными войсками; Министерство обороны, отвечающее за охрану границу в воздухе и под водой [3;5]. Указом Президента РФ № 2245 от 30 декабря 1994 г. была учреждена Федеральная пограничная служба [9].

В октябре 1991 г. при учреждениях российского Министерства труда и занятости населения были сформированы отделы Комитета по делам миграции населения, который, в свою очередь, был создан на основе Объединения по делам беженцев и переселенцев, ранее учреждённого при союзном Министерстве труда. Указом Президента РФ № 626 от 14 июня 1992 г. на

базе Комитета была образована Федеральная миграционная служба, ставшая самостоятельной федеральной структурой с широким кругом функций, задач и направлений деятельности. Главной причиной создания органов ФМС стала необходимость упорядочения приёма и обустройства беженцев и вынужденных переселенцев, обеспечения законности трудоустройства российских граждан за рубежом, контроля над законностью привлечения и использования ИРС на территории субъектов РФ [10].

В соответствии с Положением о ФМС и задачами, возложенными на её органы, была сформирована внутренняя структура нового миграционного ведомства. В тот же период разработали типовую модель территориальной миграционной службы. В 1994—1995 гг., согласно распоряжению ФМС России от 23.03.1994 г. № 46, создали территориальные органы ФМС на Дальнем Востоке [2, с. 155—157]. С принятием в 1992—1993 гг. ключевых государственно-правовых актов в области внешней миграции — законов РФ «О беженцах», «О вынужденных переселенцах», указов Президента РФ «О введении иммиграционного контроля», «О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы» — компетенция отделов миграции на Дальнем Востоке существенно расширилась за счёт ряда социально-обеспечивающих и контрольно-распорядительных функций [7].

Оживление внешнеэкономических связей, торговли, туризма, широкое привлечение ИРС в региональную экономику поставили вопрос о создании качественно новой, современной инфраструктуры пропускных пунктов (ПП) и обустройства погранично-таможенных комплексов. В 1988—1993 гг. материальная база этих учреждений не устраивала ни участников ВЭД, ни органы государственной власти и не соответствовала объёмам внешнеэкономического сотрудничества в регионе. Главной причиной несоответствия транспортной и погранично-таможенной инфраструктуры уровню развития ВЭД в регионе было признано отсутствие их государственного финансирования. По этой причине обустройство погранично-таможенных учреждений возлагалось на сами заинтересованные предприятия и организации, которые выделяли на эти цели часть своей прибыли [ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2610. Л. 198—206].

Необходимо отметить, что предпринятые до сегодняшнего дня попытки решить вопрос с обустройством и строительством за счёт государственного бюджета новой современной погранично-таможенной инфраструктуры и помещений для ПП на российско-китайской границе на Дальнем Востоке, на наш взгляд, дали минимальный эффект и запомнились разве что гигантскими коррупционными скандалами в ведомстве «Росграницы» [12]. Большинство пассажирских ПП здесь находятся в ведении частных структур. По уровню обустройства помещений, благоустройства прилегающих

территорий и материального обеспечения они резко контрастируют с соответствующими погранично-таможенными комплексами на сопредельной китайской территории.

Вместе с обустройством пунктов пропуска на границе, которое было возложено на предприятия — заинтересованные субъекты ВЭД, в начале 1990-х гг. потребовались серьёзные меры по обеспечению государственного контроля над пребыванием иностранцев на российской территории.

В 1993 г. органы регистрационного учёта, подведомственные МВД, были реорганизованы на федеральном уровне. Согласно постановлению Правительства РФ № 124 от 15 февраля 1993 г., управления (отделы) виз, регистрации и паспортной работы, а также паспортные отделения (паспортные столы) и отделения (группы) виз и регистрации милиции были преобразованы в паспортно-визовую службу МВД РФ [8]. На подразделения ПВС МВД возлагались функции по выдаче паспортов, пропусков на въезд в пограничную зону, осуществлению регистрации граждан, адресно-справочной работы, регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих на территории России, выдаче им документов на право проживания, оформление документов и разрешений на въезд в Российскую Федерацию и выезд за границу.

В 1990-е гг. институт прописки (регистрации) продолжал выполнять важнейшую роль в осуществлении миграционного контроля, а ПВС МВД стала одним из ведущих органов системы государственной власти, участвовавших в регулировании внешней миграции. С 1993 г. ПВС МВД должна была также участвовать в реализации закона «О гражданстве Российской Федерации», вследствие чего она стала главным натурализационным органом внутри страны (за границей решения о предоставлении иностранцам гражданства РФ принимали консульские учреждения МИД РФ).

Новый этап межгосударственных отношений, выпавший на начало 1990-х гг., вызвал необходимость создания на Дальнем Востоке представительств МИД РФ. Распоряжением Правительства РФ № 1484-р от 14.08.1992 они были открыты в Биробиджане и Хабаровске [ГАЕАО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 72. Л. 28]. Соответствующие представительства появились также во Владивостоке, Благовещенске и других дальневосточных городах.

Изменения конфигурации системы миграционных органов совпало по времени с пиком дальневосточной внутренней и внешней миграции, ростом безработицы и криминала, изменением отношения центральных властей к развитию Дальнего Востока. В этих условиях расширение приграничной торговли воспринималось как способ решения многих социально-экономических проблем региона. Попытки сохранить контроль над внешнеэкономической деятельностью и, в частности, над работодателями, привлекающими ИРС, уже к 1992 г. натолкнулись на существенные трудности, вызванные

увеличением количества субъектов ВЭД. В частности, в Амурской области общее количество предприятий и организаций, осуществлявших экспортно-импортные операции, к 1993 г. удвоилось по сравнению с 1992 г. и достигло 900 [ГААО. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 154. Л. 8]. В середине 1994 г. ИРС в Приморском крае использовали 100 предприятий и организаций [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 231. Л. 145—146].

Органы исполнительной власти, призванные контролировать внешнеэкономические связи, в 1991—1993 гг. зачастую были вынуждены ослабить контроль над осуществлением ВЭД и параметрами иммиграционных потоков на территории субъектов РФ в угоду конъюнктурным потребностям руководства ряда коммерческих предприятий и организаций, заинтересованных в массовом потоке мигрантов, а затем и вовсе утратили общий контроль над ними.

Потеря государственного контроля в 1990—1993 гг. в полной мере коснулась всех потоков мигрантов, прибывавших в Россию, так как последующее ужесточение визового режима и введение в конце 1993 г. нового разрешительного порядка привлечения ИРС заставили существенную часть из них невольно оказаться в теневом секторе занятости без какого-либо изменения с их стороны характера, направленности и масштаба производимой деятельности. Попытки ограничить и упорядочить поток ИРС путём введения ряда визовых и разрешительных процедур в 1993—2005 гг. привели к массовому въезду на Дальний Восток иностранных рабочих и торговцев под видом «туристов». В результате «массовый выход из тени» для этих категорий удалось осуществить лишь с принятием ряда федеральных нормативных актов в 2005—2007 гг.

СССР до 1991 г. фактически не участвовал в процессах глобального массового обмена миграционными ресурсами. В Российской империи не было создано специализированных органов, в основу компетенции которых были бы в полном объёме положены вопросы контроля над международной миграцией. В СССР до 1990-х гг. эта система была основана на контроле принимающих организаций (субъектов ВЭД, туристических бюро, образовательных учреждений, предприятий, привлекающих ИРС, и т.д.) и не была рассчитана на деятельность в условиях открытой границы.

Открытие границ и возрождение внешней миграции на дальневосточных границах в 1990-е гг. произошло при отсутствии адекватной правовой, материальной и организационной базы, без учёта возможных последствий массовых потоков миграции. Недостаточность законодательных и организационных мер и ресурсов системы государственного регулирования и контроля над отдельными миграционными потоками вызвали возрождение в регионе незаконной миграции, этот процесс в целом удалось упорядочить лишь к 2005—2007 гг.

В 1992—1995 гг. организационно и законодательно оформилась структура государственных органов, в функции которых входило регулирование потоков международной миграции в России на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. На региональном уровне наряду с реформированными структурами МИД, ФПС, ФСБ, ПВС МВД РФ и создающейся инфраструктурой погранично-таможенных пунктов пропуска в период 1991—1995 гг. были сформированы новые специальные органы, призванные, в соответствии с законодательством РФ, регулировать отношения между государством и различными группами мигрантов — беженцев, вынужденных переселенцев, иностранных работников, россиян, выезжающих на работу за рубеж. Часть функций по координации и законодательному регулированию внешнеэкономических связей и международной миграции в регионе в пределах их компетенции выполняли администрации дальневосточных субъектов РФ. Существенное влияние на деятельность по упорядочению миграционных процессов в дальнейшем оказали также службы Минтруда (ГСЗН), различные инспекторские и контрольные органы — санитарный надзор, налоговая и трудовая инспекции и т.д.

Процесс реформирования и последующей деятельности системы органов регулирования и контроля над миграцией в течение 1992—2003 гг. был существенно осложнён общим комплексом административных трудностей, размытостью концептуальных задач, отсутствием современной нормативной базы и чёткого взаимодействия с другими органами и структурами, организационной неразберихой, дефицитом кадров [2].

По нашему мнению, отсутствие должной координации и дублирование контрольных функций в 1993—2003 гг. нередко приводили к формированию особых региональных практик, находившихся в прямой зависимости от субъективных предпочтений губернаторов и руководителей федеральных ведомств. В частности, при региональных администрациях и даже на муниципальном уровне формировались различные межведомственные координационные структуры, которые оказывали непосредственное воздействие на характер мер поддержки или ограничения тех или иных видов миграции.

В 2002—2004 гг. структура специализированных государственных органов, получивших более внятные задачи, систему координации и непосредственно включённых в процесс регулирования внешней миграции, опять подверглась реформированию в связи с принятием нового федерального законодательства о гражданстве и правовом положении иностранных граждан. С 2007 г. по настоящее время она осуществляет регуляризацию потоков внешней миграции, привлечение ИРС, обеспечивает программы по переселению соотечественников на территорию Дальнего Востока и другие правительственные проекты.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А., Герасимова Л.А., Дудченко Г.Б. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. 226 с.
2. Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858—2008 гг.). Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та. 290 с.
3. История пограничной службы в России // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: http://www.magazines.russ.ru /oz/2002/6/2002_06_33-pr.html (дата обращения: 10.09.2016).
4. Об органах Федеральной службы безопасности в РФ: фед. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: с изменениями от 24 июля, 14 сентября 1995 г., 22 мая, 9 июля 1997 г. 30 декабря 1999 г., 7 ноября 2000 URL: http://www.bestpravo.ru/fed1995/data03/tex15704.htm (дата обращения: 11.06.2019).
5. О государственной границе РФ: фед. закон от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 // Ведомости Советов народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
6. О дополнительных мерах по упорядочению привлечения и использования в России иностранной рабочей силы: Указ Президента РФ от 29.04.1994 № 447 // Собр. законодательства РФ. 1994. № 2. Ст. 77.
7. О мерах по введению иммиграционного контроля: Указ Президента РФ от 16.12.1993 № 2145 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 51. Ст. 4933.
8. О реорганизации подразделений виз, регистрации и паспортной работы милиции в паспортно-визовую службу органов внутренних дел: Постановление Совета Министров — правительства РФ от 15.02.1993 № 124 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 8. Ст. 659.
9. О Федеральной Пограничной Службе РФ: Указ Президента РФ № 2245 от 30.12.1994 с изм., внесёнными указом Президента РФ от 11.03.2003 № 322. URL: http://www.bestpravo.ru/fed1994/data01/tex10058.htm (дата обращения: 12.03.2019).
10. О Федеральной миграционной службе России: Указ Президента РФ от 14.06.1992 № 626 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1422.
11. Позняк Т.З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
12. Росграница общего режима. Вынесен приговор бывшим руководителям агентства. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3512832 (дата обращения: 25.05.2020).
13. ГААО (Гос. архив Амурской области).
14. ГАЕАО (Гос. архив Еврейской автономной области).
15. ГАПК (Гос. архив Приморского края).
16. ГАХК (Гос. архив Хабаровского края).

УДК 316.334.56
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10023

MIGRANT LANDSCAPES IN MARKETPLACES: REGIONAL COMPARISON[1]

Horie Norio,
Professor, Center for Far Eastern Studies, University of Toyama, Japan.
E-mail: horie@eco.u-toyama.ac.jp

Over four million labor migrants, the majority from Central Asia, work in Russia. Many migrants endure their extremely precarious everyday lives. Many literature focus on how their status is vulnerable and how they are forced to fall into irregular status in their daily lives from different migrant-points of view, but few literature explore how local people address their presence and their lives. Marketplaces in Russia are often the places where migrant sellers meet local consumers and multi-national forms of sociality are enacted, but they are also often contested places that divide migrant landscapes from urban landscapes. The migrant landscapes in marketplaces have been reproduced not only by practices of migrants but also by the reactions of local people and their stereotyping. The policies of authorities to reconstruct the city space and to sweep something unsanitary away from their landscape also define the migrant landscape. The assemblage of these stakeholders has often made the landscapes particular and precarious by region. Many marketplaces in Russia have been rocked out, closed, removed, and modernized due to the insanitation in recent years. This paper focuses on ethnic marketplaces as a migrant landscape for local people in St. Petersburg, Novosibirsk, Irkutsk, Blagoveshchensk, and Vladivostok to find out how local people perceive migrant presence in marketplaces and how their perceptions differ by regions.
Keywords: ethnic markets, foreign labor migrants, Russian cities, 2010s

ЭТНИЧЕСКИЙ РЫНОК В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Хорие Норио, профессор, Центр Дальневосточных исследований, Университет Тояма, Япония. E-mail: horie@eco.u-toyama.ac.jp

В России работает более 4 млн трудовых мигрантов, большинство — из стран Средней Азии. Многие мигранты находятся в крайне нестабильном положении. Целый ряд исследований посвящены тому, насколько уязвим их статус,

[1] Acknowledgements: This research was supported by JSPS KAKEN No. 18K18538 and NIHU Transdisciplinary Area Studies Project for Northeast Asia

как нарушаются привычные ритмы их повседневной жизни, с различных точек зрения самих мигрантов. Но лишь немногие работы демонстрируют взгляд на проблему со стороны местных жителей, исследуют их реакцию на присутствие мигрантов и их повседневные практики. Торговые площадки в России зачастую являются местом встречи продавцов-мигрантов и местных жителей-покупателей, здесь складываются различные формы многонационального социального взаимодействия, но эти площадки во многих случаях также становятся спорными территориями, где проходит граница между ландшафтами переселенцев и городским пространством. На формирование мигрантских ландшафтов на рынках влияют не только повседневные практики переселенцев, но также реакция местных жителей и их стереотипы, а также политика властей по реконструкции городского пространства с соблюдением санитарных норм. Совокупность этих факторов часто делает мигрантские ландшафты в разных регионах специфическими и нестабильными. В последние годы многие торговые площадки в России были разрушены, закрыты, перенесены на другое место или модернизированы. Автор рассматривает этнические рынки в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Иркутске, Благовещенске и Владивостоке как мигрантские ландшафты и ставит перед собой задачу выяснить, как местные жители воспринимают мигрантов на рынках и как их восприятие варьируется в зависимости от региона.

Ключевые слова: этнические рынки, иностранные трудовые мигранты, города России, 2010-е гг.

Over four million labor migrants, the majority from Central Asia, work in Russia. Many migrants endure their extremely precarious everyday lives [9]. Many literature focus on how their status is vulnerable and how they are forced to fall into irregular status in their daily lives from different migrant-points of view [for example: 3; 9], but few literature explore how local people address their presence and their lives [2; 7]. The boundary between migrants and local people are maintained not only by policies [10] but also in daily lives of both migrants and local people.

This paper focuses on concrete ethnic marketplaces as migrant landscapes in Russia. Although there are a variety of marketplaces, marketplaces in Russia are often bazar-typed marketplaces inherited from the prototype of bazars where migrants conducted their commerce in the early 1990s, when local people's daily lives were precarious after the collapse of the Soviet Union. Many local people survived with the goods shuttled by migrants and supplied by the bazar-typed marketplaces. And Russian bazar-typed marketplaces are not the markets for cosmopolitan consumption of ethnic goods in immigrant economies [8] as we often see in cosmopolitan cities in Europe. Although immigrant entrepreneurship

is also as vital in Russian bazar-typed marketplace as in those cities in Europe, migrants in Russia supplied the import goods substitute for their daily consuming domestic goods.

Federal and local authorities often take measures to restrict migrants to work in the markets, or to close, reallocate, and close the markets. Migrants have been banned to work as retailers in the markets since 2007 and then many Chinese retailers who once occupied Chinese maeket "Shanghaika" in Irkutsk left the market [5]. Open-air market "Cherkiszon," the largest market in Europe, was forced to be closed by Moscow city authority due to the insanitary condition. Triggered by the riots in Biryulyovo district in Moscow, following the murder of a young ethnic-Russian by a trader from Azerbaijan in 2013, Biryulyovo market was closed in early 2014. Matveiev market in Moscow was also closed, triggered by a brawl between the police and relatives of a rape suspect, following a series of raids organized by anti-migrant activists and violent attacks on the market. The number of bazar-typed marketplaces decreased from 77 markets in 2011 to 51 markets in 2013 in Moscow and additionally 30 markets was closed in 2015. Not only in Moscow but also in all regions in Russia, local authorities tend to take measures to restrict market operations and to close markets themselves on the account of insanitary and anti-criminal (anti-"illegal" migrant) standards.

Bazar-typed marketplaces in Russia have their own physical and unphysical boundaries, which divide the landscape of the city from the space where local people are majority. Migrant participate in reproduction of the migrant landscape. The characteristics of the migrant landscape are constructed by migrant daily lives and are also reconstructed by the experiences of local people in the landscape. Anti-migrant sentiments are a part of practices for making "gated lives" [6] in the marketplace. We often see displays of anti-migrant sentiments around the corners of migrant marketplaces in Russia. This research aims to understand social (re)construction of migrant landscape and its boundary maintenance of migrant space.

The research took place from 2016 to the present and employed a complex qualitative approach with literature and mass media survey, visual methodologies, interviews to migrants and local people, and social media content-analysis to explore more in-depth features of the migrant landscape.

Sennaya Square in St. Petersburg has been described as a dangerous space where marginalized people come together through the 1990s and the 2000s [1]. This research does not intend to claim Sennaya Square is a typical space to understand migrant landscape in St. Petersburg. Rather it is unique because 1) the market place is one of the oldest marketplaces in St. Petersburg, 2) this marketplace is partly modernized and partly remains as the one inherited from the 1990s, 3) this marketplace is gated and bound by fences and buildings,

where migrants can occupy their space. Modernized shopping centers ("Pik" and "Sennaya") were constructed in the square and these shopping centers provide modernity, luxury, and safety for local consumers [1], and on the other hand, low-rise tenant shops in "Sennoi Rynok" maintain migrant landscape and provide cheaper commodities for low-income residents. At the corner of these low-rise shopping space, there are some services for migrant workers, which can be called as migrant infrastructure [4].

The content-analysis of a social media on "Sennoi Rynok" shows how local people tend to describe the landscape of the marketplace as migrant one. The actors in the marketplace are described as those who come from Central Asia and Caucasian region, those who don't speak Russia, and those who are not ethnic-Russian. Their features are represented by the terms "rude", "arrogant", "dirty hands", "non-literacy", "beast" and so on. The features of the marketplace are described as "dirty", "bad smell", "unsanitary", "swearing", "horror", "eastern bazar." Insanitation of bazar-typed marketplaces often reminds local people bazar-typed marketplaces in the 1990s. These features described in the social media show local people tend to perceive the marketplace is the ethnic marketplace where migrants, especially Central Asian and Caucasian migrants, are represented and reproduce an ethnic gated landscape.

The migrant landscape of "Sennoi Rynok" has been reproduced not only by practices of migrants but also by the reactions of local people and their stereotyping. The policies to reconstruct the city space and to sweep something unsanitary away from their landscape also define the migrant landscape. The assemblage of these stakeholders has made this landscape particular and precarious. Many marketplaces in Russia have been rocked out, closed, removed, and modernized due to the insanitation of the ethnic marketplaces in recent years. The term of insanitation is not only the practical condition of the marketplaces. In growth and stability of Russian economy, the precarity in the 1990s remains only in the migrant landscape. Therefore, the perception of insanitation in the marketplace easily combines the stereotype of migrants with the ethnic marketplaces, and migrants are also rocked out and removed from the landscape. The boundary between migrants and local people remains and are maintained by both parties.

Eastern part of Russia has some different types of ethnic markets, for example, so-called Chinese marketplace [5]. Gusinobrodsky clothing market was once the largest marketplace in Siberia, and was called as "Siberia Cherkison." This marketplace also provided local people with their jobs and their needs in the 1990s when local people experienced great loss of jobs and shortage of goods. The marketplace was governed by a criminal group and the grey economy there were often said to be maintained by the corruptions local authorities

committed. This marketplace was also called as a flea market (barakholka) and was de facto a Chinese marketplace by local people and most goods sold there were made in China. The marketplace was forced to be closed in 2015 by city authority. The flea marketplace was eliminated and the new shopping centers were constructed near the marketplace in 2014. Chinese traders and local retailers were transferred to the new shopping centers.

Modernized (civilized — often in Russian term) shopping centers are titled as "Vostok (East)," and "Druzhba (Friendship)." The naming of these shopping centers reminds us these were once and are Chinese marketplaces and provide local consumers with cheaper Chinese goods. The shopping centers maintain "Chineseness", the legacy of the former Chinese flea marketplaces. One of the catchphrases published by the shopping center "Vostok" was "Gusinobrodsky clothing market keeps working under the roof of Shopping Center Vostok".

The content-analysis of a social media on "Vostok" shows rather positive attitudes towards the legacy of the former Chinese flea marketplaces. The lower prices of goods are main positive appraisals for this marketplace. Some mention Chinese and Kyrgyzstani as migrant retailers in this market, but negative words are few. These attitudes are very asymmetrical to those in "Sennoi Rynok" in St. Petersburg. These regional asymmetrical features can also be found in the marketplaces i visited in the Russian Far East.

This study is still in progress and aims to figure out a precarious migrant landscape of marketplaces in which migrants live and work, and what future possibilities exist in the migrant landscape of marketplaces. The early 1990s, the period of the transition to market economy, was the time to shift towards flexibility, contingency, and job that is irregular. The unstable lives with serious shortage of goods and jobs in this period were eased by flea markets where migrants brought the substitute goods and jobs. At that time, precarity existed outside of the marketplaces. The present "stable" lives in Russia enforces reconfiguration of the migrant marketplaces, and now these marketplaces turned to be precarious in cosmopolitan cities in European part of Russia. The landscape in migrant market places in Asian part of Russia suggests alternative features.

REFERENCES

1. Желнина А. «Здесь как музей»: Торговый центр как общественное пространство // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2011. № 3 (2). С. 48—69.
2. Космарская Н. «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологи. 2018. № 21 (2). С. 187—213.

3. Рязанцев С., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из Центральной Азии в России. М.: Науч. мир, 2011. 189 с.
4. Пешкова В. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. № 24 (2). С. 129—151.
5. Хорие Н., Григоричев К. Эволюция китайских рынков в Сибири: пересборка «китайскости» и открытие «закрытых» локальностей // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 141—158.
6. Brunn S. Gated minds and gated lives as worlds of exclusion and fear // GeoJournal. 2006. № 66 (1-2). P. 5—13.
7. Kosmarskaya N., Savin I. Everyday nationalism in Russia in European context: Moscow resident's perceptions of ethnic minority migrants and migration // The New Russian nationalism: imperialism, ethnicity and authoritarianism 2000-15. Edinburg: Edinburgh University Press, 2016. P. 132—159.
8. Parzer M., Astleithner F. More than just shopping: Ethnic majority consumers and cosmopolitanism in immigrant grocery shops. // Journal of ethnic and migration studies. 2018. № 44 (7). P. 1117—1135.
9. Round J., Kuznetsova I. Necropolitics and the migrant as a political subject of disgust: the precarious everyday of Russia's labour migrants // Critical sociology. 2016. № 42 (7-8). P. 1017—1034.
10. Tkach O., Brednikova O. Labour migation and the contradictory logic of integration in Russia // The EU's Eastern neighbourhood: Migration, birders and regional stability / ed by I. Liikanen, J. Scott, T. Sotkasiira. NY: Routlede, 2016. P. 201—217.

УДК 339.16.012.23(571.63)“199”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10024

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАДИВОСТОКСКИХ ОПТОВО-РОЗНИЧНЫХ ПРОДУКТОВЫХ РЫНКОВ (1990-е гг.)

Юлия Николаевна Ковалевская,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: tupa67@mail.ru

Целью статьи является выявление генезиса и социальной природы владивостокских оптово-розничных продуктовых рынков в 1990-е гг. Концепт «кризисного гомеостаза» позволяет раскрыть такие специфические характеристики рыночной социальности, как относительная стабильность в условиях быстрой и непредсказуемой социальной динамики. Антропология открытого рынка воспроизводит модель случайного, временного и относительно изолированного сообщества, пытающегося выжить в агрессивной и динамично изменяющейся внешней среде. Необходимость сокращения издержек при торговле требует концентрации товаров и торгующих на минимальном пространстве. Вынужденная теснота порождает близкие социальные контакты, которые аналогичны тем, что возникают у полярников, в геологической партии или плацкартном отделении поезда дальнего следования. Но эта же плотность контактов порождает агрессию, немотивированные конфликты, психологическую усталость и депрессию.
Ключевые слова: Россия, Владивосток, постсоветские реформы, открытый рынок.

ANTHROPOLOGY OF VLADIVOSTOK WHOLESALE AND RETAIL FOOD MARKETS (1990s)

Yuliya Kovalevskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tupa67@mail.ru

The purpose of the article is to identify the genesis and social nature of the Vladivostok wholesale and retail food markets in the 1990s. The concept of “crisis homeostasis” allows to reveal such specific characteristics of market sociality as relative stability in the conditions of fast and unpredictable social dynamics. Anthropology of the open market reproduces a model of a random,

temporary and relatively isolated community, trying to survive in an aggressive and dynamically changing external environment. The need to reduce costs in trade requires the concentration of goods and traders in a minimum space. Forced crowding generates close social contacts, which are similar to those that occur in polar explorers, in the geological party or in the reserved seat compartment of a long-distance train. But this same density of contacts gives rise to aggression, unmotivated conflicts, psychological fatigue and depression.
Keywords: Russia, Vladivostok, post-Soviet reforms, open market.

Литературу по постсоветским рынкам можно разделить на две основные части: первая даёт концептуализацию (теорию) рыночной торговли и её анализ в целом по России [7], вторая описывает фактуру: конкретные рыночные практики в разных локациях [2; 4]. Существует комплексное исследование иркутских авторов, объединяющее концептуализацию и эмпирику. В нем выдвигается гипотеза о том, что рынки под открытым небом являются важнейшим элементом постсоветских трансформаций, оказавшим огромное воздействие на формирование социального и физического пространства российского провинциального города. Вместе с тем этот феномен всё более отодвигается в прошлое, становясь «уходящей натурой», исследование которой методами социологии и антропологии вскоре будет значительно затруднено, а в силу крайне ограниченного массива отложившихся документов станет не под силу и историкам [3, с. 10].

Наибольший интерес дальневосточных исследователей вызвали китайские рынки, что нашло отражение в работах Н.П. Рыжовой, Т.Н. Журавской и др. [8; 9]. Л.Е. Бляхер подчёркивает синкретический характер постсоветского рынка, где экономические отношения не просто становятся одной из форм социального действия, но и срастаются с социальностью, полностью погружаются в неё и в какой-то степени начинают формировать саму ткань общества, взаимодействуя с собственным социальным окружением, притягивая и трансформируя его, исходя из собственной архитектуры [1].

Целью настоящей статьи является реконструкция становления оптово-розничного продуктового рынка как социального целого и уникального среза постсоветского общества, раскрытие его антропологии. Предметом исследования являются несколько рынков г. Владивостока («Росбакалея», рынки на улицах Спортивной, Калинина, Фадеева) в 1990-е гг. Методами исследования выступают включённое наблюдение и неформализованные интервью. Источниками служат материалы включённого наблюдения (полевой дневник 1997 г., содержащий заметки автора), тексты расшифрованных интервью, материалы СМИ.

Локализация мест неорганизованной постсоветской торговли была ориентирована на максимальный поток людей: она возникала, прежде всего, на крупных остановках вблизи пересечения маршрутов общественного транспорта. Плотность потока потенциальных покупателей была определяющим фактором возникновения стихийных вещевых и продуктовых рынков: бойкая торговля велась на автобусных остановках и пешеходных переходах прямо на земле или с картонных ящиков и самодельных тележек, в то время как многие старые советские магазины с большими торговыми залами и складскими помещениями опустели и разорились. «В период расцвета уличной розницы один лишь социальный магазин на рынке „Берёзка“ выбивал до 2,5 тыс. чеков в день, проходимость была колоссальная, — вспоминает П. Гетман, чей опыт управленца в рыночной торговле насчитывает более десяти лет. — Сегодня приходится очень постараться, чтобы удержать трафик, так как люди покидают рынки» (интервью датировано 2018 г.) [6].

Там, где энергия рыночного обмена достигала высокой температуры, быстро происходила кристаллизация её материальной структуры: место торговли как по волшебству обрастало ограждающим забором, будками с охраной, офисами администрации, торговыми прилавками, складскими помещениями, платными туалетами, точками общепита и аптеками. Яркими примерами роста с нуля крупных рынков являются китайский вещевой рынок на ул. Баляева и авторынок «Зелёный угол» в 71-м микрорайоне. Параллельно с материальной формировалась социальная рыночная структура как относительный и временный ***гомеостаз*** — поддержание уравновешенного состояния открытой динамической системы вопреки возмущающим воздействиям на неё.

В противовес росту новых мест торговли инфраструктура старых советских торговых форматов вначале подвергалась зримой эрозии и распаду, а затем была переформатирована и прошла частичную реновацию.

«Росбакалея», «Калининская» — крупнейшие оптовые базы г. Владивостока — в советский период представляли собой не просто стационарные, но капитальные строения — с фундаментом, подведёнными инженерными коммуникациями, авто- и железнодорожными подъездными путями. В отличие от магазина, базы не имели специально оборудованных торговых залов, которые отделены от складских помещений; склады и административно-бытовые помещения (включая офисные и санитарно-бытовые) находились в разных корпусах. То есть отдельных торговых пространств, включающих склад, торговый зал и офис, не существовало [7].

К середине 1990-х гг. владивостокская оптовая база «Росбакалея» обанкротилась, там не работали водопровод и канализация, была отключена электроэнергия. Как целостное предприятие эпохи «плановой экономики»

эта база умерла, однако отдельные её фрагменты перешли на автономное существование и бурно развивались. Помещения базы по частям сдавались в аренду коммерсантам. Склады и подъездные железнодорожные пути стали использоваться оптовиками. Площади для офисных нужд выгораживались с помощью подручных материалов прямо на складе, освещались портативными японскими электрогенераторами, отапливались кустарными тэнами и масляными обогревателями. Недостающие торговые залы заменялись импровизированными витринами с образцами товара, на территории базы ставились «дальзаводские» контейнеры, в которых демонстрировали товар и вели розничную торговлю. Туалеты вначале отсутствовали (по этой причине была загажена вся окружающая территория), но из-за регулярных визитов и штрафов санэпидстанции, а также недовольства работниц и постоянных клиентов владельцы складов выстроили примитивный бесплатный туалет на улице, а затем благоустроенный платный туалет для всех желающих.

Оптово-розничный рынок можно рассматривать как микросоциум, где зарождались, апробировались и эволюционировали социальные практики 1990-х гг.

Государство как «стационарный бандит»[1] обозначалось в рыночной жизни очень слабо, скорее оно прослеживалось как некое наследие советского прошлого, которое оставило после себя помещения и инфраструктуру — склады, забор, дороги — в действующем, но быстро ветшающем состоянии. Новые рыночные акторы не могли поддерживать советскую инфраструктуру в полном объёме, её структура не соответствовала частному формату торговли, а масштаб был избыточен для новых пользователей. Если у рынков и были какие-то официальные государственные собственники и управляющие (городская администрация, муниципальные власти, «кооперация») — в реальной жизни обитателей рынка они практически не проявлялись после внесения арендной платы.

Различные контролирующие государственные органы проявлялись в деятельности рынка периодически, по модели «кочующего бандита». К ним относились милиция, санитарная инспекция (СЭС), пожарные и налоговики, а также прокуратура, ФСБ и ОМОН.

Чаще всего (каждый день, иногда несколько раз в день) визиты на продовольственный рынок наносил участковый милиционер. Обычно ему

[1] Кочующий/стационарный бандит — термины М. Олсона, характеризующие разные типы изъятия ресурсов государством: единичная максимально возможная дань / регулярный умеренный налог. Государство как «стационарный бандит» заинтересовано в организации экономической деятельности, в отличие от «кочующего бандита», делающего ставку на насилие [5].

удавалось захватить врасплох один из торгующих контейнеров, а все остальные моментально закрывались. Поскольку разговор с продавщицей, обычно местной гражданкой, имеющей городскую прописку, был бесполезен, милиционер вызывал владельца товара. Таковыми, как правило, были граждане Армении, Азербайджана, стран Центральной Азии и др. Если сторонам удавалось «договориться», участковый уходил, контейнеры открывались. Если сторонам не удавалось прийти к соглашению, участковый мог вызвать машину и изъять товар. Тогда владельца вызывали на комиссию, штрафовали, а потом всё равно приходилось «договариваться», но уже не с участковым, а с представителями городской администрации, что обходилось для собственника дороже и вело к большим затратами времени.

По наблюдениям нашего респондента, участковый милиционер на базе «Калининская» на её глазах за несколько лет прошёл определённый цикл «развития»: «Сначала он был худеньким и приходил на базу пешком, в милицейской форме и с портфелем. Потом раздобрел, стал приезжать на мотоцикле с коляской и носить кожаную куртку. Как только он наел ряху и дорос до японского джипа и кашемирового пальто, так и пропал (говорили, что сел) и его сменил новый молоденький мальчик в форме и с папочкой» [10].

Пожарные и санитарные инспекторы появлялись на базе обычно несколько раз в неделю. Требования надзирающих органов менялись: если вначале для пожарной безопасности хватало тех огнетушителей и пожарных щитов, которые остались от советских времён и относились к базе в целом, то впоследствии огнетушитель стал требоваться уже от каждого контейнера и рабочего места, что, конечно, многократно увеличило доходы инспекторов. Санитарные инспекторы в начале 1990-х гг. обычно брали несколько видов продукции «на экспертизу», при этом женщины предпочитали «проверять» сладкое, а мужчины — алкоголь, а позднее распространился способ проверки сертификатов качества, что влекло за собой либо «штрафы» с нарушителей деньгами, либо заказ недостающих сертификатов в СЭС за те же деньги.

Если милиция, пожарные и СЭС были на рынке явлением повседневным, то появление ОМОНа в камуфляже и масках с автоматами наперевес было редким и захватывающим зрелищем. Наш респондент вспоминает, что когда их склад на базе «Росбакалея» брал штурмом ОМОН — это было незабываемое впечатление молодости: «ОМОНовцы за 40 минут выломали железные ворота, ворвались с криком и матами, положили всех мужчин мордой в пол, обыскали склад, потом 4 часа проверяли документы и бумаги, ничего особенного не нашли и отпустили всех по домам в 2 часа ночи». Ущерб за выломанную дверь и опрокинутый штабель водки высотой 5 м, а также за сворованные под шумок несколько бутылок спиртного и шоколадок никто, конечно, не возместил. Интересно, что людей с русскими

лицами — продавщицу, бухгалтера, грузчика — ОМОНовцы как будто вообще не заметили, их интересовали только «лица кавказской национальности» — армяне. Причём крайне агрессивный тон постепенно сменился более вежливым, и расстались они практически друзьями [10].

Контроль проверяющих инстанций совершенно не вёл к исправлению самой ситуации: у торговцев не могли быстро появиться российское гражданство, прописка, разрешение на торговлю, чистое и красивое рабочее место, даже если бы они хотели этого. Однако требования власти порождали целую инфраструктуру специфических услуг: оформление фиктивных браков и прописки, заказ, изготовление и продажу поддельных санитарных книжек, товарных сертификатов, справок из налоговой, фэйковых огнетушителей и пожарной сигнализации и т.п. Главным же результатом было развитие коррупционных связей с «нужными людьми» и рост транзакционных издержек.

Администрация («крыша») и собственники. Владение оптово-розничным рынком было доходным, но хлопотным делом. Эта сфера была сильно криминализована и смертельно опасна для собственников. Владельца рынка на ул. Спортивной С. Трифонова вместе с деловым компаньоном застрелили на о. Русский в 2004 г. После убийства (до сих пор не раскрытого) его основные активы перешли к раненому во время покушения А. Ясину — помощнику покойного и главе Федерации кудо Приморского края. Бизнес-структуры А. Ясина до сих пор владеют рынком на Спортивной, а также связаны с семьёй Сысоевых. Братья Е. и Р. Сысоевы владеют торговыми центрами «Максим» и «Седанка-Сити», а также бизнес-центром «Фрегат» во Владивостоке [6].

Иерархия рыночных агентов оптово-розничной базы на ***среднем уровне*** строилась довольно оригинально и в национальном, и в гендерном аспекте. *Наверху* — среди владельцев товара и торговых мест — преобладали мужчины с «нерусской» этничностью — армяне, азербайджанцы, уроженцы Центральной Азии, молдаване.

Выходцы из бывших советских республик имели определённую нишу в трансрегиональной и трансграничной торговле, что придавало ей «этнический» оттенок. Однако если вначале представители армянской, азербайджанской, узбекской, молдавской диаспоры действительно торговали преимущественно региональным товаром с родины, доставляемым через родственные или земляческие сети, то постепенно они переходили на более выгодные китайские или местные товары и налаживали новые коммерческие связи.

Один из респондентов рассказывал о молдаванах, которые начинали семейный бизнес с продажи молдавских семечек в Сибири, затем расширили

бизнес на Владивосток, но семечки закупали уже в Краснодарском крае, а затем их стали привозить из Китая, хотя продавали под брендом «краснодарских» [9]. Примерно та же история произошла с «кавказскими» фруктами — за исключением небольшого сегмента дорогих южных фруктов и орехов, все фрукты и овощи на прилавках бизнесменов из кавказских республик или Средней Азии имеют китайское или местное происхождение.

Крупные оптовые покупатели (владельцы магазинов и т.п. предприятий розничной торговли) были более равномерно распределены и в этническом, и в гендерном отношении. Среди приезжих из регионов, особенно тех, кто брал крупные партии товара на реализацию, преобладали семейные пары. Один из респондентов (армянский бизнесмен) вспоминает: «Шикарная была баба из Находки, держала магазины. На голову выше меня. Как царица ходила, а за ней сзади муж идёт и несёт красное пластиковое ведро с белой крышкой на 12 литров. Подойдут ко мне, она улыбается, крышку открывает и отдаёт мне пачку денег, резинкой перевязана и бумажка с надписью «Артур». И там таких пачек полное ведро, все с именами. Это она долги за реализацию так раздаёт и новый товар набирает. Все бы так» [10].

Средний уровень сотрудников базы был представлен продавцами, среди которых абсолютно преобладали женщины с местной пропиской. От квалификации и честности продавщиц напрямую зависел успех торговли — размер и сохранность выручки, избегание конфликтов с покупателями и администрацией, отчасти даже с контролирующими инстанциями, поддержание отношений с крупными покупателями, берущими товар на реализацию, надзор за грузчиками, предотвращение хищений, ведение отчётности. Через руки продавщицы, зачастую в отсутствие хозяина, проходили крупные суммы денег наличными, например, полный ящик или пакет денег, который отдавал крупный покупатель или, наоборот, который она должна была передать за оптовую партию товара. Все эти операции никак официально не фиксировались, всё было на доверии и, конечно, страхе неформальных санкций.

Многие продавцы, пройдя «школу» на рынке, создавали собственный бизнес — арендовали контейнер на базе или киоск для розничной торговли возле дома. Но большинство «делали бизнес» прямо на рабочем месте — произвольно повышали цену на розницу для покупателей, а разницу между оптовой и «договорной» ценой брали себе. Хозяева были в курсе и закрывали на это глаза: подобная практика избавляла их от требований повышения зарплаты со стороны продавщиц.

Низший профессиональный уровень составляли грузчики и уборщики. Среди них преобладали мужчины — местные жители. У грузчиков была своя элита — молодые, непьющие и здоровые мужчины, с документами,

объединённые в бригады. Их труд был квалифицированным и стоил сравнительно дорого. Они выполняли работы по разгрузке и складированию крупных партий груза в больших складских помещениях. Совсем непросто правильно разгрузить вагон водки и сложить её в штабель 5-метровой высоты так, чтобы товар не пострадал.

На временную работу, разгрузку малых партий и более дешёвого товара нанимали грузчиков-маргиналов, вернувшихся из мест заключения, бездомных, спившихся — они были слабосильные, роняли и портили товар, норовили украсть всё, что можно съесть и выпить. Зато и платили им копейки, штрафовали и часто обманывали, не отдавали обещанную плату. Иногда они попадали в своеобразную кабалу, от них требовали работать снова и снова, обещая отдать зарплату.

В общем, на базе платили не только за работу, но и за статус. По воспоминаниям одного респондента, хозяин отказался выдать зарплату грузчику, совершенно спившемуся человеку, ночевавшему на базе, за целую неделю работы и в придачу ещё посмеялся над его грязной вонючей одеждой. Когда работник, умоляя хозяина, тронул его за рукав, тот ударил его. На следующий день пришла очень приличная женщина средних лет, которая оказалась женой грузчика и потребовала отдать ей его зарплату. И хотя хозяин пытался оправдаться тем, что грузчик в пьяном виде разбил ящик дорогого алкоголя, было видно, что он смущён и вполне готов не только выплатить задержанные деньги, но и признать свою ошибку: статус грузчика — женатого человека с пропиской — оказался выше, чем он предполагал, с ним нельзя было обращаться, как с изгоем [10].

Свой «низший класс» был не только среди сотрудников базы, но и среди покупателей. Бедные люди, преимущественно пенсионерки, сразу спрашивали просроченный товар или брак. Они брали бесплатно или очень дёшево покупали мятые банки консервов, порванные пакеты с крупой, сахаром, сухим молоком, макаронами, ломанные плитки шоколада, погрызенные крысами головки сыра. Некоторые продавщицы имели «собственных» бабушек, которых постоянно «подкармливали». Среди мужчин также были постоянные клиенты, которые просили бракованную водку: возвращённый покупателями контрафакт, повреждённые бутылки и т.д. Некоторые даже утверждали, что откровенно «палёная» водка, в которой плавали какие-то хлопья, попадались тараканы или от которой доносился сильный запах ацетона, их «лучше торкает» [10].

Были на базе и «свои» дети — это беспризорники, которые обитали рядом с теплотрассой, в заброшенных складских и офисных помещениях. Подростки подрабатывали временными грузчиками у мелкооптовых покупателей. Деньги они тратили на сублимированную лапшу, сникерсы, клей-момент

и пластиковые пакеты. Продавщицы жалели детей и не знали, что делать: некоторые отказывались продавать им клей, поскольку дети его нюхали, но при этом было понятно, что клей всё равно будет куплен в другом месте.

Время на рынках структурировалось совсем не так, как привыкли средние советские трудящиеся. Никакого 8-часового рабочего дня, 40-часовой рабочей недели, оплаченных больничных и отпусков не существовало ни у работодателей, ни у работников.

Хозяева работали круглосуточно. Обычным был, допустим, такой режим: с 6 час. утра развезти товар с оптового склада по розничным точкам, весь день контролировать процесс, закупать и отправлять новый товар, «решать вопросы» с проверяющими инстанциями, вечером объехать точки и собрать выручку, а ночью — либо встретить и разгрузить вагон с товаром, который прибыл из Москвы, либо по очереди сторожить склад или грузовик, либо отогнать фуру с товаром куда-нибудь в Находку. Поэтому и вся личная жизнь (но не семейная) протекала на работе: застолье с коллегами, производственные романы носили импровизированный и скоротечный характер.

«— Ашот, ты дома бываешь? — Иногда (смеётся). Дети всегда спят: ухожу — спят, прихожу — спят. С женой иногда встречаемся — откуда, думаешь, у меня трое детей?» [10].

Работники трудились весь световой день: летом дольше, зимой меньше. Продавщицы работали обычно со сменщицей, либо неделя через неделю, либо две через две. Средняя зарплата в 1995 г. была 50 тыс. руб. в день, то есть 700 тыс. руб. за две недели. Съёмное жильё — «гостинка» 18 кв. м. — тогда стоила 600 тыс. в месяц. Таким образом, при работе со сменщицей зарплаты хватало только на жильё, поэтому те, у кого не было своей квартиры, работали без выходных, если не считать новогодних праздников с 1 по 3 января — в эти дни торговли не было.

Выводы. Трансформационный кризис 1990-х гг. привёл к быстрой деградации материальной и социальной инфраструктуры и породил разнонаправленную социальную динамику. В стремительном потоке перемен начинают формироваться новые очаги порядка — точки временного, непрочного гомеостаза, нестабильного и постоянно проходящего через череду кризисов.

Одной из таких форм относительного гомеостаза является постсоветский открытый рынок. Он возникает на обломках советской социальной и торгово-распределительной системы, использует элементы её материальной инфраструктуры, но в совершенно ином экономическом формате.

Социальность рынка часто воспринимается как архаическая, традиционная, что внешние наблюдатели связывают с этнической принадлежностью торговцев — китайцев, выходцев из Средней Азии или с Кавказа. Однако природа рыночной социальности иная. Антропология открытого рынка

воспроизводит модель случайного, временного и относительно изолированного сообщества, пытающегося выжить в агрессивной и динамично изменяющейся внешней среде. Ближайшими аналогами такого сообщества являются обитатели «острова погибших кораблей» А. Беляева, папанинцы на льдине, солдаты в блиндаже, пациенты в больничной палате или пассажиры плацкартного отделения в поезде дальнего следования.

Необходимость сокращения издержек при торговле требует концентрации товаров и торгующих на минимальном пространстве. Вынужденная теснота порождает близкие социальные контакты, которые аналогичны тем, что описываются как «северная взаимопомощь», «фронтовое братство», «задушевная откровенность», «солёный (чёрный) юмор» и т.п. субкультурные феномены. Но эта же плотность контактов порождает агрессию, немотивированные конфликты, психологическую усталость, а в случае длительности такой ситуации — пост-травматический синдром, депрессию, алкоголизм и суициды.

Вынужденная адаптация в неблагоприятной ситуации требует от всех участников социального взаимодействия мгновенной готовности поспать, поесть, обогреться, посмеяться и создать своими руками минимальный комфорт и даже уют. Элементарной капсулой выживания на открытом рынке было рабочее место — чаще всего железный контейнер производства Дальзавода или железный же прилавок с навесом. Сами по себе они были мало приспособлены для пребывания в них людей по 10—12 час. в день круглый год, однако с помощью определённых дополнительных приспособлений — пластиковых тентов, стеклянных витрин и дверей, деревянных поддонов на пол, импровизированных столов и стульев, газовых и керосиновых печек, железных чайников, тарелок и кружек, сменной обуви и одежды и т.п. — в них удавалось выживать и создавать специфический уют.

Постоянные обитатели рынка тесно взаимодействовали между собой внутри него, но эти связи часто не имели корней в прошлом и обычно не продолжались после ухода с рынка или за его пределами. Ежедневное общение продавщицы и грузчика могло успешно продолжаться несколько лет, и при этом ни разу не всплывал тот факт, что до прихода на рынок она получила диплом психолога, а он отсидел 20 лет за убийство всей своей семьи. Эта информация была нерелевантной для выполнения их рыночной функции.

Для многих участников постсоветской рыночной торговли — «коммерсантов поневоле» — этот этап был вынужденным и временным, после преодоления трансформационного кризиса они вернулись на прежние социальные позиции. Опыт «открытого рынка», как и всей экстремальной ситуации 1990-х гг., является достаточно травматичным, и очень немногие скажут о нём: «Можем повторить».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бляхер Л.Е. Общество за пределами статистики // Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 188—193.
2. Бурнасов А. Китайский рынок как логистический центр: на примере рынка «Таганский ряд» в Екатеринбурге // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством / отв. ред. В.И. Дятлов. М., Иркутск: Наталис, 2007. С. 68—80.
3. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Тимошкин Д.О., Брязгина Д.Е. Базар и город: люди, пространства, образы. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. 288 с.
4. Дятлов В.И., Кузнецов Р.Э. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 4. С. 56—71.
5. Олсон М. Диктатура, демократия и развитие // Экономическая политика. 2010. № 1. С. 167—183.
6. Пустой базар: есть ли будущее у традиционных рынков Приморья // Коммерсант. 2018. URL: https://konkurent.ru/article/19463 (дата обращения: 25.04.2020).
7. Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.
8. Рыжова Н.П. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как механизм формирования экономического и социального симбиоза // Диаспоры. 2003. № 2. С. 88—126.
9. Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 54—71.
10. Личный архив автора. Полевой дневник 1997 г.

УДК 94(571.642)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10025

ВЛИЯНИЕ ПОРЕФОРМЕННОГО И ПОСТРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА НА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МИГРАЦИЮ САХАЛИНСКИХ ЯПОНЦЕВ И КОРЕЙЦЕВ

Юлия Ивановна Дин,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Сахалинский областной краеведческий музей, г. Южно-Сахалинск.
E-mail: din.iuliia@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые события из жизни сахалинских японцев и корейцев. Так же, как и все жители России, население Сахалинской области испытывало на себе негативное влияние экономического, политического и социального кризиса постреформенного периода. При этом сахалинцы японского и корейского происхождения могли мигрировать на историческую родину — в Японию или Южную Корею. Правительства этих государств предоставляли им различные программы и условия для переезда. Однако, даже находясь в лучших экономических условиях, сахалинские корейцы и японцы испытывали серьёзные проблемы с определением места проживания.
Ключевые слова: Сахалин, корейцы, японцы, репатриация, адаптация, пореформенный кризис.

THE INFLUENCE OF THE REFORM AND POST-REFORM PERIOD ON THE LIVES AND MIGRATION OF SAKHALIN JAPANESE AND KOREANS

Yulia Din, Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.
E-mail: din.iuliia@gmail.com

The article discusses some events in the life of Sakhalin Japanese and Koreans. Just like all residents of Russia, the population of the Sakhalin Oblast experienced a negative impact of the economic, political and social crisis of the post-reform period. At the same time, Sakhalin residents of Japanese and Korean origins could migrate to their historical homeland — Japan or South Korea. The governments of these states provided them with various programs and conditions for relocation. However, even in better economic conditions, Sakhalin Koreans and Japanese experienced serious problems with determining their place of residence.
Keywords: Sakhalin, Japanese, Koreans, repatriation, adaptation.

Распад Советского Союза, непродуманные реформы периода перестройки и 1990-х гг., вызванный этими событиями масштабный экономический кризис оказали существенное влияние на всё население бывшего СССР. Однако этнические группы сахалинских японцев и корейцев имеют особенности, которые выделяют их из общего ряда. Изучение этого аспекта помогает глубже понять пореформенные события и выбор населением путей выхода из кризиса.

Японское и корейское население Сахалинской области является наследием японского губернаторства Карафуто, то есть того периода, когда южная часть Сахалина до 50-й параллели и все Курильские острова принадлежали Японии. В 1945 г. эти территории по результатам Второй мировой войны перешли под юрисдикцию Советского Союза. Большая часть японцев и практически все айны — около 300 тыс. чел. [8; 9] — были репатриированы в Японию, на островах остались проживать 23 тыс. корейцев [4, с. 72] и некоторая часть японцев [13, p. 29]. Все они прошли сложный путь адаптации к жизни в советском обществе.

В советский период проблемы японского и корейского населения в публичном пространстве властью замалчивались[1] или же подавлялись[2]. Поэтому неудивительно, что при ослаблении, а затем исчезновении чрезмерного государственного контроля все эти проблемы были подняты с новой силой. Вопросы собственной идентичности, восстановления элементов этнической культуры, национального возрождения, репатриации на родину были поставлены членами диаспоры перед обществами и государствами вовлечённых стран — России, Японии и Южной Кореи. При этом падение «железного занавеса» позволило более активно привлекать к решению данных проблем именно Японию и Южную Корею.

С конца 1980-х гг. на Сахалине начинают действовать корейские и японские общественные организации, которые поставили вопрос о репатриации. Стоит учесть, что немаловажную роль в данном случае играли уровень жизни и благосостояния населения Японии и Южной Кореи в сравнении с тяжёлой экономической ситуацией, которая имела место на Сахалине и шире — в России. Поэтому решение «исторических проблем» репатриации (невозможность возращения на родину после Второй мировой войны) шло в тесном контакте и при акцентировании внимания на бедности и тяжёлых условиях жизни в России.

---

[1] Публиковать любые сведения о корейцах Сахалинской области в открытой печати было запрещено в 1952 г. [ГИАСО. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 3. Л. 7]. Учитывая, что за весь советский период в научной литературе и СМИ японцы практически не упоминались, а корейцы — очень редко и завуалировано, можно заключить, что цензурные запреты просуществовали вплоть до перестройки.

[2] См. работу автора [5] о подавлении движения за репатриацию репрессивными методами.

В 1989 г. в Японии было создано «Общество содействия временному возращению на родину соотечественников Карафуто (Сахалина)»[3], которое затем переименовали в «Братскую ассоциацию Японии и Сахалина» (ныне — «Ассоциация Япония — Сахалин»), а в области появилась организация «Общество японцев Сахалина», которая проделала огромную работу по поиску японцев на российском острове и их родственников в Японии, а также по поиску и оформлению документов. С начала 1990-х гг. при содействии этих организаций начались визиты сахалинских японцев в Японию, а затем и репатриация. Всего по программе визитов Японию посетило 3358 чел. (из них этнических японцев — 1215), а на постоянное жительство туда выехало 134 семьи (303 чел.) [10, с. 300—301].

Сахалинские корейцы столкнулись с более сложными проблемами, чем японцы. Вызвано это было, с одной стороны, тем, что Южная Корея практически на официальном уровне заявила, что «поскольку за решение проблемы сахалинских корейцев несёт ответственность японское правительство, то пусть оно и выходит с ним на СССР» [1, с. 113], а с другой — тем, что корейцев на Сахалине было и остаётся существенно больше, чем японцев. Первых в 1989 г. насчитывалось 35 191 чел. [11]. Их число уменьшалось пропорционально общей численности населения Сахалинской области (в связи с оттоком населения из сложного климатического региона), однако решить проблемы более чем 23 тыс. чел. [2] диаспоры пока не удаётся в полной мере. И хотя с тех пор южнокорейское правительство несколько пересмотрело свою позицию в отношении сахалинских корейцев, тем не менее японское общественное движение и японское правительство играли определяющую роль в разрешении проблем репатриации.

Согласно статистике «Сахалинской областной общественной организации разделённых семей сахалинских корейцев», которая взаимодействовала с Красным крестом Японии и Республики Корея, всего за 1992—2015 гг. по программам репатриации эмигрировало 3554 корейцев [4, с. 204].

Таким образом, мы видим, как на социальный и экономический кризис, вызванный периодом реформ в СССР/России конца 1980—1990-х гг., японское и корейское этническое население Сахалинской области отреагировало поднятием исторических проблем, общественным движением и миграцией за пределы России. Несмотря на то, что японцы на исторической родине испытывали трудности с адаптацией, Японии удалось минимизировать эти трудности. Однако у сахалинских корейцев была другая ситуация, маркером которой является описанное ниже событие, не привлёкшее внимание исследователей.

[3] И до начала перестройки в СССР на территории Японии и Южной Кореи возникали общественные организации, которые поднимали проблемы «соотечественников, оставленных на Сахалине» (в самой Южной Корее первая такая организация возникла уже в 1946 г., то есть ещё до официального оформления государства Республика Корея в 1948 г.).

Сахалинские корейцы второго и третьего поколения приезжали в Южную Корею по туристическим визам на 90 дней, что означало не только запрет на легальную трудовую деятельность, но и необходимость возвращаться в Россию каждые три месяца. Тем не менее они имели преимущество перед другими подобными мигрантами в Южной Корее (из Средней Азии, Китая, Вьетнама, Филиппин и др.), поскольку получили возможность бесплатно проживать в квартирах, предоставленных первому поколению, репатриированному на родину в рамках правительственной программы. Массовая миграция началась в 2000 г. после того, как были построены с финансовой помощью японского правительства 8 многоквартирных домов в г. Ансане близ южнокорейской столицы Сеула.

Корейские власти к подобным мигрантам относились и относятся с толерантностью — экономика Южной Кореи нуждается в рабочих руках, мигранты в основном трудолюбивы и не составляют экономическую конкуренцию корейским гражданам — получают меньше, работают больше, а в случае возникновения проблем их можно легко выдворить из страны.

Информанты, проживающие в Ансане, говорят про подобные поездки следующее[4]:

«А когда только сюда переехали, молодёжь как стала приезжать — жить-то можно бесплатно у родителей. Тогда почти в каждой квартире по одному, по двое детей жили — приезжали на заработки» [НА СОКМ. Оп. 1. Д. 833. Ед. хр. 4].

«Работу найти можно очень легко, главное — работать и не жаловаться. Получали больше, чем на Сахалине, да и жить здесь легче» [НА СОКМ. Оп. 1. Д. 833. Ед. хр. 1].

Однако по прошествии некоторого времени число сахалинских корейцев второго и третьего поколений в Южной Корее стало уменьшаться. Там они могли заниматься только неквалифицированным и малооплачиваемым трудом — играли роль плохое знание корейского языка, русский менталитет и стиль поведения, отсутствие признаваемого в Южной Корее образования, незнание основных норм и законов. В результате уделом сахалинских корейцев как мигрантов стала тяжёлая и «грязная» работа на заводах, стройках, в качестве чернорабочих, носильщиков, посудомоек, уборщиц и т.п.

Те, кто побывал в Южной Корее, составили собственное мнение о возможности жить в тамошнем обществе: *«Перспектив особых здесь нет, корейцы [местные] относятся, как к людям низшего сорта, словно ты ниже их, хотя он сам из деревни недавно вылез, ничего не знает, образования*

---

[4] Интервью, которые автор собирала в 2009—2014 гг., хранятся в электронном виде в научном фонде Сахалинского областного краеведческого музея [14].

никакого — а нами помыкает... мы к такому не привыкли. К тому же работа тяжёлая физически, сейчас уже на Сахалине можно такую найти — платить будут не меньше, а относиться лучше. К тому же там, в России, всё своё, знакомое, а здесь всё чужое» [НА СОКМ. Оп. 1. Д. 833. Ед. хр. 7].

Подобная ситуация возникла, например, с корейцами из Узбекистана, которые приезжают на заработки в Южную Корею, — незнание корейского языка, статус низкоквалифицированной рабочей силы, разница менталитетов приводят к конфликтам в личных отношениях между корейцами Узбекистана и Республики Корея, что затрудняет совместное проживание [12].

Важно заметить, что сахалинские корейцы довольно успешно смогли вписаться в новые капиталистические реалии России. Знание русского языка, наличие признаваемого образования, личная инициатива в бизнесе, а также высокий уровень толерантности российского общества не только обусловливали высокую степень адаптации корейцев к реформам, но и устраняли барьеры в возможности делать карьеру и добиваться высокого статуса. Сыграло роль и постепенное улучшение экономического положения на Сахалине. Оказавшись в других социально-культурных условиях, многие сахалинские корейцы испытали разочарование и предпочли вернуться.

Представители второго и третьего поколений изменили своё отношение к исторической родине и корейцам, о которых раньше слышали только в идеализированных рассказах стариков. Столкнувшись на личном опыте с корейским обществом, многие задумались заново о своей идентичности, о чём говорят источники: *«Я всегда думала, наверно, мы должны быть с ними похожи. Но когда увидела, что совсем они другие... Я их не понимаю, они относятся к нам, как будто они лучше нас в чём-то. Тогда я подумала и решила, что я особая кореянка — сахалинская, но совсем не корейская. Значит, и жить я тоже должна на Сахалине»* [НА СОКМ. Оп. 1. Д. 833. Ед. хр. 6]. *«Я сахалинка, такой себя и ощущаю. Поехать в Корею? Зачем? Если захочу уехать с Сахалина, может быть, даже в другую страну — в Австралию, Канаду, Америку... Для меня Корея — такая же страна, абсолютно чужая»* [НА СОКМ. Оп. 1. Д. 833. Ед. хр. 7].

Изменилось и отношение первого поколения к возможному переезду в Южную Корею их детей и внуков: *«По-моему, переезда сюда не будет, невозможно. Я, например, не хочу, чтобы сыновья здесь работали... мой старший сын два года проработал, но национализм здесь в Корее — они очень низко смотрят на нас. Поэтому по 12 часов работают, как дикари, обед — полчаса, в финансовых делах — меньше получают, чем местные корейцы. Сами-то корейцы на грязных работах не хотят работать, только вот из Китая такие работают. Поэтому я сыновей своих сюда не хочу — они уже 8 лет не ездят, они там, на Сахалине, сейчас, старший*

сын нефтепроработчиком[5] *работает, нормально. А здесь так издеваются... Сейчас многие не приезжают — вон только маленькие дети приезжают, в гости на лето. Раньше-то они думали — в Корее родители живут, значит, можно и мне, да и я сам так думал для своих детей, но сейчас такие мысли закончились. Кто проработал здесь, они знают. И мы тоже все, родители, не хотим, чтобы дети здесь, в Корее, жили»* [НА СОКМ. Оп. 1. Д. 833. Ед. хр. 4].

Незнание литературного языка, норм, правил и законов южнокорейского общества, культурных различий (которые накопились за 60 лет отсутствия контактов) привели к тому, что сахалинские корейцы перестали воспринимать себя как «настоящих корейцев», как потенциальную часть южнокорейского общества. Многие предпочли вернуться обратно.

Как мы видим, встретившись с определёнными проблемами реформенного и пореформенного периода, те из сахалинских корейцев и японцев, которые увидели возможность уехать от экономического и социального кризиса в России, сделали это. Однако жизнь на исторической родине не была для них благополучной. Им пришлось столкнуться с трудностями адаптации к жизни в другом обществе, которое оказалось для них чуждым. Поэтому при улучшении экономической ситуации в России, да и просто осознав реалии «принимающего» общества, большая часть из них вернулась на Сахалин.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бок З.К. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинский гос. пед. ин-т, Сахалинский центр документации новейшей истории, 1993. 222 с.
2. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/ perepis_itogi1612-tom4.htm (дата обращения: 01.05.2020).
3. Высоков М.С., Шубина О.А. Последняя айнка Южного Сахалина // Айны: проблемы истории и этнографии (Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып. VII). Южно-Сахалинск: ИМГиГ ДВО АН СССР, 1988. С. 82—88.
4. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. типография, 2015. 332 с.
5. Дин Ю.И. Первая политическая организация корейцев Сахалина в борьбе за репатриацию на родину // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 148—155.

[5] Так в оригинале интервью. Респондент имеет в виду, что сын работает в нефтяной промышленности.

6. Дин Ю.И. Проблема репатриации корейцев Южного Сахалина (1945—50 гг.) // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 72—81.
7. Левковская А.Ю. История народа айну и их современное положение // Вестник Сахалинского музея. 2010. № 17. С. 195—208.
8. Подпечников В.Л. О репатриации японского населения с территории Южного Сахалина и Курильских островов // Вестник Сахалинского музея. 2003. № 10. С. 257—260.
9. Подпечников В.Л. Репатриация // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1. С. 102—118.
10. Россия и страны АТР: миграционные процессы и проблемы межкультурной коммуникации. Азия в России / под ред. С.С. Пайчадзе, И.А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 518 с.
11. Сахалинская область на рубеже XXI в.: стат. ежегодник. Южно-Сахалинск: Госкомстат России, Сахалинский обл. комитет гос. статистики, 2001. 321 с.
12. Тен М.Д. Особенности личных взаимоотношений корейцев Узбекистана с корейцами Республики Корея в трудовых коллективах // Актуальные вопросы корееведения: проблемы и перспективы: сб. материалов II междунар. науч.-практ. конф. Уссурийск, 2011. С. 240—243.
13. Voices from the shifting Russo-Japanese border: Karafuto/Sakhalin / ed. by S. Paichadze, Ph. Seaton. London—New York: Routledge, 2015. 240 p.
14. ГИАСО (Гос. историч. архив Сахалинской области).
15. НА СОКМ (Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея).

УДК 947.088:331.556.4“201”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10026

THE IMPORTANCE OF FOCUS ON THE HOUSING CONDITIONS FOR LABOR MIGRANTS IN THE COVID-19 PANDEMIC OF RUSSIA[1]

Mayu Michigami,
Ph.D. of Economics, associate professor, Niigata University, Japan.
E-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

The current COVID-19 pandemic in the world will be an epoch making event in every fields. All kinds of things should do to avoid the closed spaces, crowded places, and close-contact settings. We should focus and address on the living environment of labor migrants, especially their housing conditions. Our original sociological survey proves their housing environment are not met a standards to prevent infections by COVID-19. We need to improve the housing conditions for labour migrants in Russia even with the respect to combat an infectious disease. This study is based on the results of an original sociological survey of labour migrants conducted by the author in 25 Russian cities in 2017 and 2018. This survey is unique in the quantitative coverage of respondents (1003) and cities (25). The focused labour migrants are mainly from Central Asia, Ukraine, Belarus, Caucasus regions, because our questionnaire survey had conducted in Russian language. In this paper, we present the real accommodation conditions of labour immigrants in Russia. Finally, we conclude that the housing policy is necessary to address their housing problems to avoid the closed and crowded spaces.
Keywords: housing conditions, housing policy, labour migrants, Russia, COVID-19.

ВАЖНОСТЬ АКЦЕНТА НА УСЛОВИЯХ ПРОЖИВАНИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Маю Митигами, Ph.D (экономика), Государственный университет Ниигаты, Япония. E-mail: michigami@econ.niigata-u.ac.jp

Нынешняя пандемия COVID-19 в мире станет эпохальным событием во всех сферах жизни общества. В нынешних условиях важно избегать закрытых помещений, массового скопления людей и тесных контактов. Необходимо

[1] The study was supported by JSPS KAKENHI, Grant Numbers 15KK0079, 26504005, 17K02108, 19H01478 and 2018 Project Based Collaboration Research, 2019 visiting associate professor program, and 2020 individual project of Comprehensive Research on the Slavic Eurasian Region at Slavic Eurasian Research Center, Hokkaido University. Our sociological survey conducted by co-research with Professor S.V. Ryazantsev, Director of Institute of Social-Political Research, RAS, Moscow.

обратить внимание на условия жизни трудовых мигрантов, особенно на обеспеченность жильём. Проведённый автором социологический опрос показывает, что их жилищные условия не соответствуют стандартным требованиям, позволяющим предотвратить инфекционные заболевания, вызываемые вирусом COVID-19. Нужно улучшать жилищные условия трудовых мигрантов в России, прежде всего, для борьбы с инфекционными заболеваниями. Исследование основано на результатах оригинального социологического опроса трудовых мигрантов, проведённого автором в 25 городах России в 2017 и 2018 годах. Этот опрос уникален по количественному охвату респондентов (1003 чел.) и российских городов (25). Поскольку анкетирование проводилось на русском языке, в исследовании, в основном, приняли участие трудовые мигранты из регионов Центральной Азии, Украины, Беларуси, Кавказа. В статье представлены реальные условия проживания трудовых иммигрантов в России. Автор приходит к выводу, что для решения жилищных проблем необходима целенаправленная политика, которая позволит предотвратить массовое скопление людей в закрытых помещениях.

Ключевые слова: жилищные условия, жилищная политика, трудовые мигранты, Россия, COVID-19.

Introduction. The current COVID-19 pandemic in the world will be an epoch making event in every fields. This pandemic will continue more than one year. We must find the way to co-live with COVID-19. Now we are trying to adopt new mode of life and labor to prevent infection. Accordingly telework and delivery service will develop. This event will change the way of labor for migrants in Russia. In addition to it, all kinds of things should do to avoid the closed spaces, crowded places, and close-contact settings. We should focus and address on the living environment of labor migrants. Especially their housing conditions are not met a standards to avoid the pandemic of COVID-19. Our original sociological survey proves their housing environment are not appropriate to prevent infections by COVID-19. We need to improve the housing conditions for labor migrants in Russia even with the respect to combat an infectious disease.

Labor migrants' housing condition. We did questionnaire survey about daily lives and their jobs included in housing environment of labor migrant in 25 cities of Russia from June in 2017 to March in 2018. Finally, we collected the total number of respondents — 1003 persons (average age — 34.6 years old, from oldest 65 years old to youngest 18 years old). We chose labor migrants who can understand Russian language. All of them are legal immigrants with patent and permission for labor in Russia. They are not seasonal migrant labor. The formations of respondents by ethnics are Tadzhikistan (344), Uzbekistan (225), Ukraine (113), Kyrgyzstan (83), Armenia (51), Azerbaijan (42), Belarus (18),

Kazakhstan (19), others (108): China, North Korea, Vietnam, Moldova, Mongolia, Turkey, Italy, and Georgia. We try to guarantee the truth of respondent's answer by Russian or compatriots asking them as interviewer.

The formations of respondents by sex: Man — 79.2%, Female — 20.8%. Our result is compatible to the proportion of permissions for working and patents in Russia in 2015: Man — 85% and Female — 15%. Average age of our questionnaire is 34.6 years old. Our respondents are to 29 years old (37.1%), 30—39 years old (32.2%), 40—49 years old (23.9%), and older than 50 years old (6.7%). The proportion of persons permitted for working and patent in Russia in 2015 is to 29 years old (50.0%), 30—39 years old (26.0%), 40—49 years old (21.0%), and older than 50 years old (6.0%).

We selected for the survey 25 Russian cities with population: more than 1 mln — Moscow, Saint Petersburg, Ekaterinburg; 500 thousand to 1 mln — Khabarovsk, Vladivostok; 250 to 500 thousand — Kaluga, Stavropol, Surgut, Tomsk; 100 to 250 thousand — Podolsk, Serpukhov, Pyatigorsk, Nefteyugansk, Ussuriysk; 50 to 100 thousand — Chekhov, Pushkin, Tikhvin, Budyonnovsk, Sysert; less than 50 thousand — Partizansk, Dalnerechensk, Langepas, Lyantor, Blagodarny, and Neftekamsk.

We can show the actual immigrant labor's housing standard (tab. 1) from our questionnaire survey. Their housing standard is very low compared with federal average by ROSSTAT (tab. 2).

Table 1

Rental fee, number of cohabitants and area for Immigrants housing

City	Average rental fee per capita (ruble)	Average rental fee per apartment (ruble)	Average number of cohabitants (number)	Average area (m^2)	Rental fee per 1 m^2 (ruble)
Blagoradny	6,615.38	8,143.24	2.23	44.85	181.55
Budenovsk	9,300.00	27,903.00	4.00	38.00	734.21
Vladivostok	8,086.90	24,073.41	3.98	28.16	854.82
Dalinerechensk	5,148.00	12,014.33	3.33	26.21	458.33
Ekaterinburg	8,176.25	11,544.35	2.41	29.56	390.46
Kaluga	6,533.33	16,553.64	3.53	28.53	580.06
Langepas	5,450.00	14,421.00	3.65	30.57	471.66
Lyantor	5,738.10	15,486.45	3.70	39.94	387.71
Moscow	8,527.40	30,123.93	4.53	31.18	966.14
Neftekumsk	4,300.00	17,204.00	5.00	25.89	664.38
Nefteyugansk	7,955.56	22,690.92	3.85	24.67	919.79
Partizansk	5,690.00	15,268.54	3.68	21.78	700.90
Podlisk	5,350.00	15,945.98	3.98	33.30	478.77

City	Average rental fee per capita (ruble)	Average rental fee per apart-ment (ruble)	Average number of cohabi-tants (number)	Average area (m^2)	Rental fee per 1 m^2 (ruble)
Pushkin	5,857.14	15,947.17	3.72	27.89	571.59
Pyatigorsk	6,750.00	13,502.00	3.00	25.00	540.00
SaintPetersburg	9,250.00	35,153.80	4.80	38.74	907.35
Serpukhov	10,875.00	28,277.60	3.60	41.35	683.72
Stavropol	5,911.76	10,782.10	2.82	23.50	458.74
Surgut	5,720.45	17,424.43	4.05	23.21	750.62
Syserti	5,438.89	10,879.78	3.00	50.38	215.94
Tikhvin	9,100.00	26,291.78	3.89	38.15	689.02
Tomsk	8,360.48	20,182.88	3.41	34.64	582.53
Ussuriysk	5,946.15	19,213.88	4.23	29.46	652.06
Khabarovsk	16,297.62	39,388.33	3.42	40.23	978.92
Chekhov	5,877.55	14,756.36	3.51	28.49	517.86
Total	7,583.05	21,955.05	3.89	31.83	689.66

Source: Author's calculation by results of our questionnaire survey

Table 2

Comparison to Average of Russian Federation by Rosstat

	Our survey	RosstatRF
Ave. sq. m	31.3	54.5
Ave. sq.m per capita	10.4	24.4

Labor migrant live in very narrow space per capita compared with the average of Russian Federation. Most of them live with 3 persons who are not members of their families. Their housing space does not fit by a standard to prevent infection by COVID-19. As tab. 1 shows, their housing rental fee is surprisingly expensive or not cheaper than the average of each investigated city. To ease their housing rental fee burden they are forced to co-live with their colleagues in an apartment. Our survey also show the low quality of their housing. The quality problems are a narrow space and non-repaired room (tab. 3).

Their housing is not enough for them to rest without the current infective disease. Such circumstance might lead to lower labor productivity. In addition to it, we now must consider the improvement of their housing environment under the pandemic of COVID-19. The COVID-19 has brought economic downturn to Russia. Especially labor migrant is very weak and hit by economic downturn. They cannot move and return to home country under the pandemic. Beside it, they cannot solve their own environment and jobless by themselves. Not only for labor migrants' life, but also for the protection from epidemic, it is necessary the housing improvement policy for all nations in Russia. To prevent from the pandemic of COVID-19, we must

Table 3

Dissatisfied subjects for housing (multiple answer)

City	Small area	Many people cohabitant	Darkness	Poor ventilated room	Noisystreet	Non repairmen	Oldness	Dirty	Expensive rent fee
Blagoradny	15.4	15.4	0.0	0.0	7.7	23.1	7.7	0.0	15.4
Budenovsk	20.0	20.0	0.0	0.0	0.0	40.0	0.0	20.0	20.0
Vladivostok	37.6	38.8	15.3	5.9	9.4	10.6	17.6	4.7	37.6
Dalinerechensk	33.3	29.2	24.0	25.0	29.2	36.0	44.0	32.0	33.3
Ekaterinburg	23.1	0.0	0.0	7.7	23.1	17.6	5.9	0.0	23.1
Kaluga	6.7	0.0	33.3	20.0	6.7	40.0	0.0	0.0	6.7
Langepas	29.5	2.6	10.1	14.1	12.8	35.4	10.1	1.3	29.5
Lyantor	40.0	10.0	0.0	5.0	8.3	22.2	1.6	0.0	40.0
Moscow	30.3	25.5	4.3	6.5	5.2	24.0	3.4	1.7	30.3
Neftekumsk	70.0	50.0	0.0	10.0	0.0	10.0	0.0	0.0	70.0
Nefteyugansk	0.0	0.0	3.7	28.0	12.0	40.7	7.4	3.7	0.0
Partizansk	51.3	41.0	12.2	12.8	10.3	36.6	26.8	39.0	51.3
Podlisk	42.0	16.0	6.0	10.0	14.0	28.0	12.0	6.0	42.0
Pushkin	66.7	0.0	42.1	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	66.7
Pyatigorsk	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0
SaintPetersburg	22.2	15.6	8.7	0.0	42.2	2.2	0.0	0.0	22.2
Serpukhov	22.6	25.8	0.0	0.0	16.1	13.9	0.0	2.8	22.6
Stavropol	50.0	11.1	16.7	5.6	11.1	22.2	16.7	0.0	50.0
Surgut	7.1	0.0	15.9	35.7	23.8	38.6	13.6	0.0	7.1
Syserti	9.1	9.1	0.0	9.1	18.2	0.0	0.0	0.0	9.1
Tikhvin	25.0	0.0	23.1	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	25.0
Tomsk	53.6	0.0	10.3	0.0	17.9	6.9	10.3	0.0	53.6
Ussuriysk	53.8	38.5	30.8	30.8	15.4	61.5	23.1	7.7	53.8
Khabarovsk	31.3	12.5	14.0	8.3	2.1	20.0	18.0	6.0	31.3
Chekhov	4.3	0.0	24.5	25.5	10.6	38.8	24.5	0.0	4.3
Total	30.7	17.4	10.2	10.3	11.6	23.6	10.0	4.3	30.7

Source: Author's calculation by results of our questionnaire survey.

avoid the closed spaces, crowded places, and close-contact settings. Their housing environment does not meet the criteria. Our questionnaire survey shows low level of immigrant rent and see the bottom aspect of housing market. Moreover, it does not show the big disparity about their housing poor conditions among the nationalities and job type of labor migrant in Russia (tab. 4 and 5).

Table 4

Housing conditions by nationalities

Nationality	Average area (m2)	Average rent fee per capita (ruble)	Average rent fee per household (ruble)	Average number of cohabitant (N)
Tajikistan	30.56	6,355.71	24,628.39	3.88
Uzbekistan	27.35	6,523.80	27,406.51	4.20
Ukraine	33.27	10,453.61	36,006.87	3.44
Kirgiz	27.20	9,067.90	39,445.37	4.35
Armenia	42.58	8,724.63	31,505.61	3.61
Azerbaijan	51.73	8,666.67	28,816.67	3.33
Belorus	34.20	8,791.67	44,544.44	5.07
Kazakhstan	30.43	13,830.77	44,684.02	3.23
Moldavia	28.52	7,150.00	31,065.52	4.34
Vietnam	37.73	16,318.18	68,239.67	4.18
North Korea	16.89	6,000.00	7,333.33	1.22
China	42.86	5,924.14	29,620.69	5.00
Total	31.83	7,583.05	29,535.21	3.89

Source: Author's survey.

Table 5

Housing conditions by job

	Average rent fee per capita (ruble)	Average area (m2)	Average number of cohabitant
Others	9,197.4	32.2	3.7
Construction	6,053.9	30.5	4.0
Housing Utilities	6,517.6	27.2	3.8
Trade	9,029.8	34.7	3.9
Restaurant, Café, etc	8,342.0	35.6	3.8
Transport	7,398.9	30.7	4.1
Agriculture	2,562.5	22.1	4.8
House keeper	4,745.9	27.2	3.3
Total	7,583.1	31.8	3.9

Source: Author's survey.

How large disparity of housing conditions do the tenants have depending on the nationality and job? Our calculation in the survey is shown in tab. 4 and 5. Here is the difference of rental fee and housing area by Immigrants' nationality (tab. 4). Uzbeks, Kyrgyz, Azerbaijanis, North Koreans have a statistically significant difference by average area of housing. Ukrainian, Kazakh, Chinese, and Vietnamese have a statistically significant difference by average rent fee per capita. North Koreans, Chinese, and Belarusians have a statistically significant difference by average number of cohabitants. Our results of the chi-square test of equivalence by nationalities are the following. Housing area: Chi2=4080.622, p=0.000, Cramer V=0.366, Rent fee: Chi2=3289.383, p=0.000, Cramer V=0.328, Number of cohabitant: Chi2=590.446, p=0.000, Cramer V=0.224.

Tab. 5 shows statistically differences of immigrants' housing conditions by industry. Housing rent fee: Chi2=831.770, p=0.000, Cramer's V=0.352, Housing area: Chi2=887.905, p=0.000, Cramer's V=0.359, Number of cohabitant: Chi2=126.980, p=0.002, Cramer's V=0.136. Labor immigrants in agriculture have cheaper rents and smaller areas compared to those employed in other industries. On the other hand, labor immigrants engaged in housing utilities face high rents and small space. Their housing conditions may be lower than those employed in other industries. However, irrespective of their job industry, all type of their job force them to be narrow space, compared with the average of Russian Federation.

Conclusion remarks. Immigrants' housing space is much smaller than Russian Federation's average and goal. The quality problems are a narrow space and non-repaired room. Most labor immigrants live with three persons who are not family members. Their housing is not enough for them to rest. If we approach to improve their housing environment, we can sustainably increase labor productivity. Even depending on their rental term, we should consider the improvement of their housing environment. This problem is very important, as its solution will contribute to prevent the infectious disease like COVID-19. In order to improve immigrants housing conditions, it is necessary to develop a housing policy to supply enough good quality housing and the subsidies for rental housing fee.

LITERATURE

1. Michigami M. Immigrants' housing environment and multi-layered structure of housing market in Russia: from the interim results of sociological questionnaire // Миграция и социально-экономическое развитие. 2018. Т. 3. № 1. С. 25—38.
2. Michigami M. Problems of rental housing and living conditions of foreign labour migrants in Russian cities (the 2010s) // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 85—103.

УДК 343.35(571.56)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10027

РЕФОРМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ КОРРУПЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ (1990—2010-е гг.)

Лариса Александровна Крушанова,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: larrie@list.ru

Автор анализирует развитие антикоррупционного законодательства в России и его влияние на динамику преступлений в Приморском крае в 1991—2019 гг. Раскрыты две составляющих коррупции — бытовая (получение имущественной выгоды с использованием служебного положения), а также злоупотребления и взяточничество. Работа носит междисциплинарный характер, основана на теории социальной трансформации вкупе с элементами теории управления. Автор приходит к выводу о том, что динамика коррупции прошла два этапа — роста (1990 — сер. 2000-х гг.) и снижения (сер. 2000-х — 2019 г.), что прослеживается как тенденции на общероссийском и региональном уровне. В Приморском крае получила наибольшее распространение бытовая и политическая коррупция, в меньшей степени — экономическая. Формальные показатели места коррупции в структуре общей преступности в Приморье относительно невысокие, что объясняется, прежде всего, высоким уровнем её конспиративности. Свой вклад в снижение регистрируемых коррупционных преступлений внесло ужесточение уголовного наказания за эти виды преступлений. Характерной особенностью коррупции является её гибкость, умение приспосабливаться к меняющимся условиям общественного развития.
Ключевые слова: уголовное законодательство РФ, Приморский край, коррупция, бизнес-коррупция, бытовая коррупция, политическая коррупция, взяточничество.

REFORMS OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION AS A FACTOR IN THE DYNAMICS OF THE CORRUPTION SITUATION IN THE PRIMORSKII KRAI (1990s — 2010s)

Larisa Krushanova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS Vladivostok, Russia. E-mail: larrie@list.ru

The author analyzes the development of anti-corruption legislation in Russia and its impact on the dynamics of crimes in the Primorskii Krai in 1991—2019. Two

components of corruption are revealed — domestic (obtaining property benefits using official position), as well as abuse and bribery. The work is interdisciplinary, based on the theory of social transformation, coupled with elements of a management theory. The author comes to the conclusion that the dynamics of corruption has passed two stages — growth (1990 — mid-2000) and decline (mid-2000—2019), which can be traced as trends at the national and regional levels. In Primorskii Krai, domestic and political corruption is most widespread, and economic corruption is less so. Formal indicators of the place of corruption in the structure of general crime in Primorye are relatively low, which is primarily due to the high level of its secrecy. Tougher criminal penalties for these types of crimes have contributed to the decrease in registered corruption crimes. A characteristic feature of corruption is its flexibility and ability to adapt to changing conditions of social development.
Keywords: criminal legislation of the Russian Federation, Primorskii Krai, corruption, business corruption, domestic corruption, political corruption, bribery.

Современное состояние коррупционных проявлений и преступлений как в мировом, так и национальном масштабе требует постоянного мониторинга. Согласно исследованиям Transparency International (TI), Россия в 2010 г. в индексе восприятия коррупции заняла 154-е место из 178, в 2015—2018 гг. её рейтинг варьировался между 119-м и 138-м местами, в 2019 г. в этом списке она соседствовала с Доминиканской Республикой, Кенией, Либерией, Ливаном, Мавританией, Папуа-Новой Гвинеей, Парагваем и Угандой [10; 24; 25].

В последние годы отечественные СМИ регулярно сообщают о возбуждении уголовных дел, где фигурантами выступают высокопоставленные российские чиновники. Особенно резонансными стали дела в отношении министра экономического развития А. Улюкаева (2016), вице-губернатора Санкт-Петербурга М. Оганесяна (2016), сотрудника МВД Д. Захарченко (2016), губернаторов Кировской и Сахалинской областей Н. Белых (2016) и А. Хорошавина (2015), директора ФСИН А. Реймера и его коллег (2015), сенатора Р.Р. Арашукова (2019), участников строительства космодрома «Восточный» (2018) и др. [26]. Этот далеко не полный список показателен, с точки зрения охвата коррупцией государственных структур.

Отечественная и зарубежная историография по данной проблематике исчисляется огромным числом работ [7; 9; 19; 21; и др.]. Отметим, что в литературе нет единой формулировки, что такое коррупция. Так, И.Г. Селезнева и А.С. Сухова выделяют четыре типа понимания этого явления: аморальное явление, связанное с непорядочностью чиновников; слияние капитала с властью, управления с преступностью; система устройства государственного управления в России [25, с. 150].

Доминирующим представлением о коррупции, в том числе в повседневном восприятии, является взяточничество, которому также посвящён большой пласт исследований [3; 4; 5; 14; 28; и др.]. Однако его изучение сопряжено с рядом трудностей, одной из которых является высокая степень конспиративности. По оценкам криминологов, латентность взяточничества составляет 90—99%, а раскрытие 80—90% таких преступлений происходит по заявлению взяткодателей. Коэффициент латентности взяточничества, по оценкам экспертов, в 1989 г. составил 1:18, 1995 г. — 1:20, 2010 г. — 1:50 [18; 21, с. 3][1].

Если исходить из того, что социальные институты — это устойчивые комплексы социальных регуляторов (ценностей, норм, убеждений, санкций), способов поведения в различных сферах человеческой деятельности, которые носят целесообразный характер (то есть создаются для удовлетворения каких-то общественных потребностей), то коррупция стала регулятором трансформировавшихся в условиях либеральных реформ начала 1990-х гг. ценностей и убеждений. Через неё удовлетворялись потребности определённых социальных групп — от государственных и муниципальных служащих до работников социальной сферы. Коррупция является деструктивным социальным институтом, традиционно вплетённым в управленческие процессы.

Профессиональные группы общества 1990-х гг., располагавшие административным или властным ресурсом, — сотрудники органов внутренних дел, пожарные, врачи СЭС и проч. — в личных целях использовали свои полномочия, несмотря на прямой запрет, прописанный в п. 8 ст. 11 Федерального закона от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы РФ». В частности, согласно этому закону, государственные служащие не вправе получать от физических и юридических лиц вознаграждения (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения), связанные с исполнением должностных обязанностей, в том числе и после выхода на пенсию [34]. Однако тяжёлая экономическая ситуация того времени делала этот запрет трудно выполнимым. Многим приморцам памятны 1994—1996 гг., когда и без того низкие зарплаты не выплачивались месяцами. В такой ситуации оказались преимущественно бюджетники — врачи, учителя, учёные, преподаватели, сотрудники органов внутренних дел, военнослужащие, работники предприятий военпрома [15; 16].

Систематическое нарушение запрета, указанного в п. 8 ст. 11 № 119-ФЗ, деформировало социальную психологию населения страны. В этих условиях формировалось ложное представление у одних граждан о том, что если

[1] К сожалению, найти цифры, близкие к сегодняшнему дню, не удалось.

что-то нужное (имущество, право на имущество, разрешительный документ) нельзя получить законно, то его можно «купить»; у других — о продажности всех и всего.

Деформированное представление о возможностях профессиональных групп, пользовавшихся властным или административным ресурсом, разрушало авторитет государства как регулятора общественных отношений. Поэтому власть с коррупционными преступлениями, как и с любыми другими, боролась уголовно-репрессивными методами. Прежде всего, законодатель определил, какие деяния являются коррупционными преступлениями, и установил конкретные виды наказания за совершённые преступления.

В УК РСФСР 1960 г. (в ред. от 30.07.1996 г.) [29], в гл. 7 о должностных преступлениях, к числу преступлений коррупционной направленности относились: злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171), халатность (ст. 172), получение взятки (ст. 173), дача взятки (ст. 174), посредничество во взяточничестве (ст. 174.1), должностной подлог (ст. 175), нарушение антимонопольного законодательства (ст. 175.1).

В УК РФ (1996) [30] перечень коррупционных (должностных) преступлений был расширен и размещён в двух главах — гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» и гл. 23 «Преступления против интересов в коммерческих и иных организациях». Из предшествующего Кодекса 1960 г. в новый перешли статьи о деяниях, предусматривающих уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), дачу взятки (ст. 291), служебный подлог (ст. 292), халатность (ст. 293). В 2016 г. в действующий УК вновь вернули статью за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1) и ввели уголовную ответственность за мелкое взяточничество (до 10 тыс. руб., ст. 291.2).

В УК РФ появились новые статьи, предусматривающие уголовное преследование за отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию РФ или Счётной палате РФ (ст. 287), присвоение полномочий должностного лица (ст. 288), а также за незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289), вводилась ответственность должностных лиц за учреждение ими организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участие в управлении такой организацией лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному законом, если эти деяния связаны с предоставлением такой организации льгот и преимуществ или с покровительством. Таким образом, во избежание нарушений правил конкуренции участников экономических отношений государство

запрещало служащему государственных или муниципальных органов совмещать основную работу с трудовой или управленческой деятельностью в коммерческих организациях.

Новые явления в экономической сфере, такие как коммерческая деятельность, сопровождались появлением преступлений в этой области. В отдельную группу законодатель выделил деяния, отражённые в гл. 23 «Преступления против интересов в коммерческих и иных организациях», являющиеся аналогами некоторых деяний, предусмотренных главой 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Уголовный кодекс РФ (1996) к коррупционерам оказался более лояльным, чем предшествующий. В УК РСФСР (1960) по всем должностным преступлениям законодатель в качестве основного вида наказания предусмотрел безальтернативное наказание — лишение свободы. Исключение составлял только должностной подлог (ст. 175 УК РСФСР), по которому было прописано три варианта: лишение свободы на срок до двух лет, исправительные работы на тот же срок или увольнение от должности.

В УК РФ за должностные преступления законодатель изначально указал альтернативность основного наказания — уголовный штраф, принудительные работы, арест, лишение свободы. За совершение неквалифицированных преступлений в качестве основного вида наказания преобладающим является уголовный штраф. Например, за злоупотребление должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ в редакции от 08.12.2003 г.) в перечне основных видов наказания перечислены: уголовный штраф в размере от 100 до 200 МРОТ или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от 1 до 2 мес., либо принудительные работы на срок до 4 лет, либо арест на срок от 4 до 6 мес., либо лишение свободы на срок до 4 лет. Дополнительным видом наказания является лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 5 лет.

Лояльность УК РФ в ред. от 08.12.2003 г. и 03.07.2016 г., по сравнению с УК РФ в предыдущих редакциях и УК РСФСР 1969 г., наиболее очевидна в отношении самого распространённого вида коррупционного преступления — взяточничества.

В списке должностных преступлений самое суровое наказание до сих пор полагается за получение взятки, а максимальный срок наказания по УК РСФСР и УК РФ предусматривает до 15 лет лишения свободы. Однако при назначении судами наказания имеются и существенные различия. Так, по УК РСФСР наказание в виде лишения свободы назначалось независимо от размера взятки, в том числе за простое получение взятки — до 10 лет, за получение взятки по предварительному сговору группой лиц, или

неоднократно, или сопряжённые с вымогательством взятки, либо получение взятки в крупном размере — от 5 до 15 лет, за получение взятки должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо ранее судившимся за взяточничество, либо получившим взятку в особо крупном размере — от 8 до 15 лет, а при особо отягчающих обстоятельствах — смертная казнь.

Обязательным дополнительным элементом наказания за получение взятки являлась конфискация имущества — за дачу взятки (ст. 174) и посредничество во взяточничестве (ст. 174.1). Под конфискацию попадала та часть имущества и денежных средств, которые приобретались на незаконные доходы (личный автомобиль, дома и дачи) или сами являлись незаконными доходами (деньги). Уголовный, а также Гражданский (ст. 109) кодексы РСФСР оговаривали условия и перечень имущества, не подлежавшего конфискации по приговору суда [6; 29]. Практически этот же перечень содержится и в действующем российском законодательстве (ст. 446 ГПК РФ).

В первоначальной версии УК РФ конфискация как дополнительное наказание сохранилась, однако в 2003 г. её исключили, что было крайне непривычно для граждан, которые в течение своей жизни жили со знанием того, что незаконные доходы либо имущество, приобретённое на незаконные доходы, подлежат обращению в доход государства. Вместо конфискации законодатель ввёл уголовный штраф, назначаемый судом в зависимости от степени общественной опасности совершённого преступления. Назначение его в качестве основного наказания позволило некоторым коррупционерам-взяточникам избежать лишения свободы.

В действующем кодексе появилась градация размера взятки на мелкий (до 10 тыс. руб.)[2], простой (до 25 тыс.), значительный (до 150 тыс.), крупный (до 1 млн) и особо крупный (свыше 1 млн) [30], что влияет на наказание. До 2016 г. размер штрафа за взятку не превышал 200 тыс. руб., а срок лишения свободы — трёх лет. В отношении лиц, получивших или давших взятку в размере не более 150 тыс. руб., суды вместо лишения свободы, как правило, стали назначать уголовный штраф.

Это оказало существенное влияние на динамику взяточничества. Например, с 1991 по 1993 г. число зарегистрированных фактов этого вида преступлений в стране увеличилось на 94,2%. По дальневосточным субъектам данный показатель за 1991—1994 гг. вырос: в Хабаровском крае — на 79,4%, ЕАО и на Камчатке — в 2 раза, в Магаданской области — в 2,4 раза, на Сахалине — в 2,2 раза, в Приморье — на 70,3%. В «профессиональной» структуре общей преступности сотрудники государственных и муниципальных органов совершали от 43,9 до 53,9% преступлений [22, с. 116—124].

---

[2] Ст. 291.2. Мелкое взяточничество и 204.2. Мелкий коммерческий подкуп введены в УК РФ Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ.

С 1994 по 2003 г. в субъектах ДФО число зарегистрированных фактов взяточничества выросло на 22% (с 240 до 293 случаев) [27, с. 16]. Среди опрошенных во Владивостоке 10% сами предлагали взятку, 3% вымогали её, 26% чиновников давали понять, что просьба будет удовлетворена за соответствующее вознаграждение; и 18% давали-получали взятку по обоюдному желанию [9, с. 442]. Взяточничество и коррупция пронизывают сверху донизу все социальные сферы общества — экономическую, политическую и духовную, приобретая специфические черты бытовой, экономической и политической коррупции. Наиболее распространённой была бытовая. Уже в начале 1990-х гг. сложился «прайс» за оказание законных и незаконных услуг. Например, в системе здравоохранения, дошкольного и школьного образования она сохранялась ещё с 1980-х гг. в виде подарков, порой достаточно дорогих по тем временам. К бытовой коррупции можно отнести и действия сотрудников милиции (патрульно-постовой службы), когда во время патрулирования китайского рынка они могли взять у продавцов — китайцев или вьетнамцев — недорогой товар [20].

«Гаишники» имели «ресурс» в виде штрафов без составления протоколов. Проверочные инстанции (СЭС и др.) за взятку могли дать разрешение на продажу некачественных продуктов питания, а пожарные вместо запрета на эксплуатацию здания, не отвечавшего требованиям безопасности, ограничивались штрафом. Владивостоку памятно событие 2006 г., когда горело здание «Промстройниипроекта» на ул. Гоголя: в результате пожара погибли 9 и пострадали ещё несколько десятков человек [2].

На более высоком уровне и с другими суммами взятки брали в управлениях силовых структур. Классическим примером была покупка водительского удостоверения. Отметим, что до выхода Постановления Правительства РФ от 24 октября 2014 г. № 1097 «О допуске к управлению транспортными средствами» для сдачи экзамена в ГАИ допускалась самоподготовка претендентов. Это открывало широкие возможности для злоупотреблений должностных лиц ГАИ-ГИБДД. Коррупционная схема заключалась в том, что потенциальный «водитель», если имел возможность «купить» водительское удостоверение, минуя посредников, обращался напрямую в автоинспекцию. Если такой возможности не было, то «покупал права» через посредника. Во Владивостоке в начале 1990-х гг. цена за такие «права» составляла 100 долл., в начале 2000-х гг. — 300 долл. [20]. Рост «цены» вызван не только процессами инфляции в экономике, но и ужесточением борьбы с коррупцией, в том числе в системе МВД РФ.

Коррупционные схемы имелись и в структурах Министерства обороны. В 1990—2008-е гг. распространённым явлением было получение «белого билета» — признание медкомиссией призывника годным к нестроевой службе, то есть неспособным к службе в армии [1]. Тяжёлая обстановка

в российских вооружённых силах [8] вынуждала родителей, имевших финансовую возможность, «покупать» «белый билет» своим сыновьям-призывникам. Однако известных дел о привлечении врачей или сотрудников военкоматов к уголовной ответственности за должностные преступления на сайте СудАкт (Судебные и нормативные акты РФ) найти не удалось.

В 1990-х гг. участниками коррупционных схем стали предприятия Минобороны, в частности, при продаже военных кораблей ТОФ. Сегодня в СМИ можно легко найти информацию о том, как в 1994 г. южно-корейская компания купила два боеспособных авианосца по цене чёрного лома: «Минск» — за 4,5 млн долл., «Новороссийск» — за 4,3 млн. «Но то была не продажа — самая настоящая афера», — считает В. Дёгтев, последний оперативный работник контрразведки ТОФ, курировавший «Минск», — «это была невиданная доселе попытка контрабанды» [17].

После приватизации оказалось возможным сдавать в утильсырьё целые цеха. Предприятия лишались средств производства. Бывшие работники завода «Звезда» (г. Большой Камень) говорили, что в начале 1990-х гг. «за 100 долл. из доков можно было вывести подводную лодку» [11]. Один за другим в крае закрывались предприятия военпрома. Уже к началу 2000-х гг. руководство страны стало понимать, что заводы ВПК могут также исчезнуть, как и предприятия лёгкой промышленности, и сделало беспрецедентный шаг: Российская Федерация выкупила из частных рук все 100% акций этих предприятий, став единственным акционером [12], предотвратив таким образом разрушение отрасли.

Не обошла стороной Приморский край и политическая коррупция. Каждый мэр Владивостока становился участником коррупционного скандала и фигурантом уголовного дела: В. Черепков признан впоследствии потерпевшим, Ю. Копылов избежал наказания в виде лишения свободы, но не уголовного преследования, В. Николаев скрывался от российского правосудия несколько лет в Таиланде. И. Пушкарёв получил наказание в виде 14 лет лишения свободы и солидарного взыскания с двумя другими фигурантами (один из которых брат экс-мэра) — 1,4 млрд руб. в пользу государства. В СМИ появляются и требования проведения проверок по факту злоупотреблений действующего мэра О. Гуменюка [23]. Уголовные дела за получение взяток в 2012—2017 гг. возбуждались в отношении глав и их заместителей Надеждинского, Пограничного, Хасанского районов. В этом плане Приморский край многократно становился объектом внимания федеральных властей.

Сложившаяся ситуация в стране настоятельно требовала принятия конкретных мер по борьбе с коррупционными явлениями. Борьба с ними, например, с кумовством (занятием должности по знакомству) началась в 2004 г., когда вышел Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (от 27.07.2004 № 79-ФЗ [34]), в котором были

прописаны не только права и обязанности государственного гражданского служащего, но и перечень ограничений и запретов, связанных с гражданской службой, требований к служебному поведению, обязательное предоставление сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера и расходах с последующим размещением сведений в Интернете, поступление на гражданскую службу и замещение должности по конкурсу, недопустимость возникновения конфликта интересов (ст. 16—22 ФЗ № 79).

В 2006 г. Россия ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, а вместе с ней в УК РФ вернули конфискацию (гл. 15.1 УК РФ), отменённую в 2003 г. Был принят Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [35], согласно которому предусматривалось обязательное декларирование доходов государственных и муниципальных служащих (ст. 8). Начиная с 2010 г. каждые два года принимаются Национальная стратегия и Национальный план противодействия коррупции. Согласно «Национальному плану противодействия коррупции на 2014—2015 гг.», вводилось антикоррупционное просвещение социальных групп, ориентированное, прежде всего, на государственных и муниципальных служащих, представителей бизнес-сферы, молодёжь.

В 2011 г. в законе появилось новое основания для увольнения государственного гражданского служащего — в связи с утратой доверия (ст. 59.2. № 79-ФЗ), вызвавшее первоначально много споров среди правоведов и политологов. В 2017 г. на руководителей, особенно субъектов федерации, правоохранительных и силовых структур возложили обязанность контроля всех имущественных взаимоотношений своих подчинённых. В случае сомнительных, недостоверных или неполных данных они должны обращаться в соответствующие органы и в вышестоящие инстанции с требованием об отстранении должностного лица от службы либо применить к нему другие меры дисциплинарного взыскания, если факт подтвердится. Схожие положения прописаны в Федеральном законе «О муниципальной службе в РФ» (от 02.03.2007 № 25-ФЗ).

Злоупотребление или превышение должностных полномочий, за которые предусмотрена административная или уголовная ответственность, также оказались в фокусе внимания законодательной власти. Долгое время существенной проблемой оставалось расхищение бюджетных средств, получившее в народе название «распила». Несмотря на то, что в 2003 г. в УК РФ ввели новые статьи, предусматривающие уголовную ответственность за этот вид преступления[3], Государственная Дума приняла законы,

[3] Ст. 285.1. Нецелевое расходование бюджетных средств; ст. 285.2. Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов; ст. 285.4. Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, ст. 201.1. Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа.

которые должны были сделать расходование бюджетных средств максимально прозрачным, то есть исключавшие саму возможность расхищения: № 94-ФЗ от 21.07.2005 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», № 223-ФЗ от 18.07.2011 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», № 44-ФЗ от 05.04.2013 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Важной составляющей политики по противодействию коррупции стало проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых документов. На сайте любой организации, имеющей бюджетное финансирование, есть «окно», где каждый гражданин, обратившийся в данную организацию за содействием в решении той или иной проблемы, находящейся в рамках компетенции сотрудников организации, но не получивший его, либо получивший ненадлежащим образом, может сообщить о коррупционном поведении сотрудника.

В 2015—2018 гг. в УК РФ законодатель внёс поправки. В 2016 г. было введено понятие кратность взятки. Теперь размер штрафа составил от 10 до 50-кратной суммы взятки, если её размер не превышал 25 тыс. руб., при значительном или крупном размере взятки — от 30 до 60-кратной, за особо крупный — до 70-кратной суммы взятки. Одновременно законодатель сохранил и максимально допустимый размер. Так, за взятку до 25 тыс. руб. максимальный штраф достигал 1 млн руб., за взятку в особо крупном размере — 3 млн [31]. В самостоятельный вид преступления было выделено мелкое взяточничество, получившее распространение в форме бытового взяточничества.

В рамках борьбы с коррупцией состоялась очередная реформа МВД[4], повлёкшая кадровые изменения. Особое внимание уделялось двукратному увеличению денежного довольствия полицейских, которое, по мнению инициаторов реформ, должно было искоренить взятки в этой системе [33].

Большой вклад в противодействии коррупции внесли IT-технологии, когда личный контакт гражданина и чиновника сведены к минимуму. Появление новых структур, например, многофункциональных центров (МФЦ «Мои документы»), также оказало влияние на снижение коррупции.

В результате появления антикоррупционного законодательства наблюдаются определённые изменения. Статистика свидетельствует, что в 2010—2018 гг. количество регистрируемых коррупционных преступлений заметно сократилось (см. ниже). Можно высказать предположение о положительной роли в этом процессе появления названных законов. Однако

[4] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

аналитики считают, что уровень коррупции в крае остаётся высоким [19]. По-прежнему подвержены этому явлению органы, выдающие водительские удостоверения[5], ЖКХ, лесная и рыбная отрасли. В журналистике и публицистике появились устойчивые фразы «рыбная мафия», «лесная мафия», что свидетельствует о сохранении коррупциогенных факторов в этих отраслях. Коррупция в них многократно становилась темой передач федеральных каналов — «Честный детектив» Э. Петрова, «Человек и закон» и др.

В.А. Номоконов считает, что первопричиной коррумпированности общественных отношений как в России в целом, так и в Приморском крае является коммерциализация (приватизация) государства, в результате которой произошла трансформация социальной политики (и мы с ним полностью согласны). На смену государству защиты интересов трудящихся пришло государство защиты узкого слоя новых богатых собственников. В 1990—2000-х гг. Россия и её регионы стали площадкой для бизнес-проектов кланов, борющихся за власть и собственность на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. За 30 лет реформ произошла деформация общественного сознания, выразившаяся в двух установках — коррупционной зависимости, при которой коррупция воспринимается как неотъемлемый атрибут образа жизни в России, и коррупционной готовности, означающей психологическую установку индивида решить проблему [19].

В целом, динамика преступлений коррупционной направленности, зарегистрированная статистикой Следственного комитета по Приморскому краю, выглядит следующим образом (табл. 1).

Данные табл. 1 отражают тенденцию снижения коррупционных преступлений в Приморском крае. Пик расследованных уголовных дел приходится на 2014 г., среди которых почти половину составляли уголовные дела за служебный подлог. В 2015 г. было возбуждено максимальное количество уголовных дел за коммерческий подкуп, получение взятки и дачу взятки. Можно констатировать, что за период с 2014 по 2018 г. в крае удалось существенно снизить уровень коррупции. Наиболее очевидны достижения в борьбе с преступлениями, связанными с превышением должностных полномочий, количество которых снизилось с 34 в 2013 г. до полного исчезновения в 2017—2018 гг. В 2 раза уменьшилось число уголовных дел за получение взятки, но немного выросло — за дачу взятки. Если же рассматривать

[5] С введением в середине 2014 г. обязательного обучения в автошколах изменилась система «покупки» прав. Единый экзамен был разделён на три этапа. Теперь обязательным условием для получения водительского удостоверения стало личное присутствие претендента на всех трёх этапах. Причём сдача теоретического курса должна была быть на балл для допуска к сдаче экзамена на следующих этапах. Стоимость каждого этапа в 2016 г. составляла 50 тыс. руб.

Таблица 1

Динамика по расследованию уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности в Приморском крае в 2013—2018 годах

N п/п	По статьям УК РФ	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1.	ст. 159 (мошенничество)	28	25	23	26	17	17
2.	ст. 160 (присвоение, растрата)	17	16	4	2	6	2
3.	ст. 201 (злоупотребление полномочиями)	н.д	н.д	3	4	4	н.д.
4.	ст. 204 (коммерческий подкуп)	4	13	56	1	2	2
5.	ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями)	43	15	8	6	1	4
6.	ст. 285.1 (нецелевое расходование бюджетных средств)	1	36	н.д.	н.д	н.д	н.д
7.	ст. 286 (превышение должностных полномочий)	34	1	2	4	0	0
8.	ст. 289 (незаконное участие в предпринимательской деятельности)	1	1	н.д	н.д	н.д	1
9.	ст. 290 (получение взятки)	42	72	83	31	18	21
10.	ст. 291 (дача взятки)	24	74	87	60	33	27
11.	ст. 291.1 (посредничество во взяточничестве)	4	2	4	6	10	6
12.	ст. 291.2 (мелкое взяточничество)	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	23
13.	ст. 292 (служебный подлог)	79	264	42	1	3	1
14.	ст. 309 (подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу)	2	н.д.	н.д.	н.д	н.д.	н.д.
15.	ст. 303 (фальсификация доказательств)	н.д.	н.д.	1	н.д	н.д.	н.д.
16.	ИТОГО	279	519	314	265	243	289
17.	Размер причинённого ущерба, тыс.	47 584	н.д.	148 561	н.д	н.д.	н.д.
18.	Возмещено	38 783	н.д.	14 808	н.д	н.д.	н.д.

Сост. автором по: [13].

картину в целом, то за рассматриваемый период динамика показала незначительный прирост. Как тенденцию 2013—2015 гг. можно отметить 3-кратный рост причинения ущерба от коррупционных преступлений и снижение возмещения ущерба от них в 2,6 раза.

Представление об уровне коррумпированности по регионам даёт статистика удельного веса преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в федеральных округах, размещённая на сайте Генеральной прокуратуры РФ. В ДФО на долю таких преступлений в структуре общей преступности приходится 5,2%, что в 4 раза меньше, чем в ЦФО. Вместе с этим вызывает удивление, что в Северо-Кавказском Федеральном округе этот показатель составляет всего 8,6%. Такую статистику можно толковать как низкий уровень выявления коррупционных преступлений. Но представление о реальном уровне коррумпированности, по нашему мнению, в большей степени даёт связанная с этим тенденция роста причинения ущерба и снижения его возмещения.

Выводы. Реформы постсоветского периода оказали существенное влияние на характер коррупции как в России в целом, так и в Приморском крае. Наряду с бытовой коррупцией распространение получила бизнес-коррупция. Особое место заняла политическая коррупция, проявившаяся в выборах с нарушением законодательства, в коммерческом подкупе и взяточничестве должностных лиц.

В динамике рассмотренного процесса можно выделить два этапа. Первый — 1990 — середина 2000-х гг., этап роста коррупционных преступлений, обусловленный отсутствием антикоррупционного законодательства; как следствие, коррупция приобрела институциональные черты. Второй этап — середина 2000-х — 2019 гг., этап становления и развития антикоррупционного законодательства, положившего начало борьбе государства с коррупцией через введение новых требований к кандидатам на должность государственного или муниципального служащего, открытых конкурсов, оснований для увольнения, через возложение ответственности на руководителей за своих подчинённых в сфере имущественных отношений, через ужесточение уголовного преследования коррупционеров и использование IT-технологий как методов противодействия данному явлению. Результатом предпринятых шагов стало значительное сокращение уголовных дел коррупционной направленности.

В заключении отметим, что коррупция, подобно обществу, характеризуется динамичностью. Она подвержена коэволюции, суть которой заключается в совместной эволюции государства и общества, с одной стороны, и в изменении коррупционных преступлений — с другой.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белый военный билет: плюсы и минусы. URL: https://voenniybilet.com/belyj-bilet/ (дата обращения: 13.05.2020)
2. Виновные в пожаре Сбербанка во Владивостоке получили тюремные сроки // Росбалт.RU. URL: https://www.rosbalt.ru/main/2007/10/23/424670.html (дата обращения: 13.05.2020).
3. Волженкин Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX — начала XX в. // Советское государство и право. 1991. № 2.
4. Волженкин Б.В. Что мешает эффективной борьбе со взяточничеством // Социалистическая законность. 1990. № 8.
5. Горюшкина Н.Е. «Где откуп — там подкуп»: к истории взяток в России // Вестник Росс. ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 2. С. 88—97.
6. Гражданский кодекс РСФСР 1968 г.
7. Гуфельд В.В., Пастухова Е.А. Коррупция — бич современной России общественная комиссия по борьбе с коррупцией // Актуальные проблемы правового регулирования деятельности общественных объединений: российский и зарубежный опыт: сб. науч. ст. Курск, 2016. С. 71—74.
8. Двадцать лет назад на острове Русском умирали матросы. URL: https://newsland.com/user/4297700092/content/dvadtsat-let-nazad-na-ostrove-russkom-umirali-matrosy/4367452 (дата обращения: 13.05.2020).
9. Долгова А.И. Преступность, её организованность и криминальное общество. М.: Росс. криминолог. ассоциация. 2003. 572 с.
10. Индекс восприятия коррупции-2010: как было плохо, так плохо и осталось. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/indeks-vospriyatiya-korruptsii-2010-kak-bylo-plokho-tak-plokho-i-ostalos.html (дата обращения: 19.03.2020).
11. Интервью с А.Н., сотрудником завода «Звезда» в сер. 1980-х — 1990-х гг. Июль, 2012 г., Большой Камень Приморский край // Личный архив Л.А. Крушановой.
12. Интервью с председателем профсоюзного комитета работников ОАО завода «Звезда» В. Османовым. Июль, 2012 г., Большой Камень Приморский край // Личный архив Л.А. Крушановой.
13. Итоги работы по расследованию преступлений коррупционной направленности за 2013—2018 годы // Следственный комитет по Приморскому краю. Официальный сайт. URL: https://primorsky.sledcom. ru/folder/860254/item/860255/; https://primorsky.sledcom.ru/folder/860254/item/907332/; https://primorsky. sledcom.ru/folder/860254/item/1011331/; https://primorsky.sledcom.ru/folder/860254/item/1163270/; https://primorsky.sledcom.ru/folder/860254/item/1286993/; https://primorsky.sledcom.ru/folder/860254/ item/1365406/ (дата обращения: 27.03.2020).
14. Корчмина Е.С. «В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России // Росс. история. 2015. № 2. С. 3—13.

15. Крушанова Л.А. Влияние реформ 1990-х гг. на динамику трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 22. С. 57—75.
16. Крушанова Л.А. Девиации и деструкции в советском и постсоветском обществе во второй половине 1980-х — 1990-е гг. как отражение социальных трансформаций (на примере Дальнего Востока) // Ойкумена. Регионоведч. исследования. 2015. № 4 (35). С. 20—35.
17. Ледогоров И. Преступление века (как были проданы «Минск» и «Новороссийск»). URL: http://dalas.ru/showthread.php?t=17183 (дата обращения: 25.03.2020).
18. Максимов С.В. Предупреждение коррупции. Лекция. М.: Моск. ин-т МВД РФ, 1994.
19. Номоконов В.А. Коррупция и Россия: кто кого? // Утро России. 2019. 12 дек.
20. Полевой дневник Л.А. Крушановой.
21. Преступность в России. Аналитические обозрения центра комплексных социальных исследований и маркетинга / отв. ред.: Белова В.П. М.: Изд-во ЦКСИиМ, 1997. 116 с.
22. Преступность и правонарушения (1990—1994): стат. сб. М., 1995. 158 с.
23. Прокуратура проверяет предприятие, связанное с мэром Владивостока. URL: https://news.mail.ru/politics/39609099/?frommail=1 (дата обращения: 26.03.2020)
24. Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137 место. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html (дата обращения: 19.03.2020).
25. Селезнева И.Г., Сухова А.С. Коррупция: социальные аспекты и правовое регулирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). С. 159—163.
26. СКР назвал самые резонансные дела попавшихся на коррупции чиновников. URL: https://www.interfax.ru/russia/540612 (дата обращения: 23.03.2020).
27. Состояние преступности в Дальневосточном федеральном округе за январь-декабрь 2003 года. М.: МВД РФ, ФКУ «Гл. инф.-аналит. центр», 2004. 26 с.
28. Сотов А.И. Криминалистическая характеристика способов дачи взятки (получения взятки) // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2019. № 4 (46). С. 60—63.
29. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.12.82 // Ведомости ВС РСФСР, 1982, № 49, ст. 1821.
30. Уголовный кодекс РФ.
31. Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200716/3d0 cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100074 (дата обращения: 30.05.2020).
32. ФЗ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».
33. ФЗ от 31.06.1995 № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации».
34. ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
35. ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

УДК 347.18
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10028

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI в. НА СИСТЕМУ РЕГИСТРАЦИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Ольга Вадимовна Завьялова,
аспирант, Дальневосточный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ДВИУ — филиала РАНХиГС), председатель комитета по делам ЗАГС и архивов Правительства Хабаровского края, г. Хабаровск.
E-mail: o.v.zavyalova@adm.khv.ru

Татьяна Александровна Ярославцева,
доктор исторических наук, профессор ДВИУ — филиала РАНХиГС, г. Хабаровск.
E-mail: mu322@mail.ru

В статье анализируются изменения, произошедшие в системе органов ЗАГС под влиянием системных реформ в Российской Федерации. На примере Хабаровского края показана роль этих учреждений не только как регистратора брачного состояния граждан и естественного движения населения, но и как накопителя сводной информационной базы об этих процессах, а также как сферы взаимоотношений государства и общества. В сравнении с советской моделью системы ЗАГС отмечена роль последней в обеспечении господдержки многодетных семей, формировании советских принципов семейно-брачных отношений, обрядных традиций и т.д. С 1990-х гг. происходит трансформация системы управления отделами ЗАГС и порядка делопроизводства, внедрение элементов хозрасчёта и новых технологий, что позволило повысить качество систематизации информации и оказания услуг населению. Вместе с тем, роль ЗАГСов в продвижении семейных ценностей отходит на задний план.

Ключевые слова: органы записи актов гражданского состояния, услуги ЗАГС, акты гражданского состояния, учёт естественного движения населения, государственная поддержка многодетных семей, информационные технологии.

INFLUENCE OF RUSSIAN REFORMS OF THE LATE 20th — EARLY 21st c. ON THE CIVIL REGISTRATION SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF THE KHABAROVSK KRAI)

Olga Zavyalova, Far Eastern Institute of Management — a branch of RANEPA, Chairman of the Committee for civil registration and archives of the government of the Khabarovsk Krai, Khabarovsk, Russia. E-mail: o.v.zavyalova@adm.khv.ru
Tatyana Yaroslavtseva, Far Eastern Institute of Management — a branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia. E-mail: mu322@mail.ru

The article analyzes the changes that have occurred in the system of civil registry offices under the influence of systemic reforms in the Russian Federation. On the example of the Khabarovsk Krai, the role of these institutions is shown not only as a registrar of the marital status of citizens and the natural movement of the population, but also as a repository of a consolidated information base about these processes, as well as a sphere of relations between the state and society. In comparison with the Soviet model of the registry office system, the role of the latter in providing state support for large families, forming the Soviet principles of family and marriage relations, ceremonial traditions, etc. is noted. Since the 1990s, there has been a transformation of the management system of civil registry offices and the procedure of record keeping, the introduction of self-accounting elements and new technologies, which has improved the quality of systematization of information and provision of services to the population. However, the role of civil registry offices in promoting family values takes a back seat.
Keywords: Civil registry office, civil registry office services, acts of civil status, accounting of the natural movement of the population, state support for large families, information technology.

Впервые оформление фактов заключения брака и рождения детей было введено в России в 1722 г., когда в ходе реформ в государственной и общественной жизни Указом Петра I была установлена обязанность священнослужителей приходов регистрировать браки, рождения и смерти в специальных метрических книгах на основе религиозных правил. В СССР функция такой регистрации перешла государству — была создана система органов Записи актов гражданского состояния (ЗАГС), что явилось принципиальным условием не только государственного регулирования семейно-брачных отношений, но и создания реестра народонаселения и формирования информационной базы по естественному движению и брачному состоянию населения конкретных территорий и страны в целом. Кроме того, советская власть придавала этим учреждениям большое значение в реализации демографической и семейной политики, поддержки многодетных и неполных семей, а также в формировании семейных традиций и новых культурных

ценностей. В позднесоветский период в практику работы органов ЗАГС ввели обязанность организации гражданских обрядов, в частности, регистрацию бракосочетания молодожёнов и рождений детей с вручением свидетельств в торжественной обстановке.

К концу 1980-х гг. очередные реформы в политической и экономической сфере повлекли изменение законодательства, в том числе в области семейно-брачных отношений, что достаточно красноречиво прослеживается на материалах Хабаровского края. Перемены существенно снизили роль органов ЗАГС. Так, в советский период в случае прекращения брака большое внимание уделялось судьбе детей. В соответствии с Кодексом законов о браке, семье и опеке РСФСР (1929) [1] бланк записи актов гражданского состояния предусматривал внесение обязательных сведений не только о количестве детей, их именах и возрасте, дальнейшем положении ребёнка («остался при отце», или «при матери»), но и о наличии соглашения родителей «о содержании детей и друг друга». Нами проведён анализ актовых книг Хабаровского края, который демонстрирует, что в актах о разводах значились такие формулировки, как «отец обязуется платить на воспитание ребёнка до его совершеннолетия» или, в случае, когда дети оставались с отцом, «отец на воспитание детей не требует ничего от матери».

После реформ 1991—1993 гг. данные вопросы разрешались только в судебном порядке, и акты о разводе не содержали сведений о детях. Следовательно, оказать влияние на родителей с целью обеспечения защиты ребёнка сотрудникам ЗАГС стало невозможно. По причине таких изменений возросло количество запросов в органы ЗАГС о предоставлении сведений из актовых книг и от граждан, и со стороны соответствующих органов, на которые не всегда своевременно давались ответы. Данные обстоятельства отрицательно повлияли на качество услуг и культуру обслуживания.

Изменилась и система управления органов ЗАГС. Так, на основании постановления Главы администрации Хабаровского края от 11.11.1991 № 3 полномочия исполкома Хабаровского краевого Совета народных депутатов, его отделов и управлений были прекращены. Распоряжением главы администрации Хабаровского края от 03.02.1992 № 33-к была утверждена структура администрации, в состав которой вошёл отдел ЗАГС (с 2000 г. — управление ЗАГС).

Частично изменились и функции органов в системе ЗАГС. Например, в советский период в целях практического проведения в жизнь основного принципа Кодекса законов о браке, семьи и опеке — всемерной охраны и защиты интересов матери и ребёнка — при райисполкомах были организованы бесплатные юридические и медицинские консультации с привлечением органов юстиции, здравоохранения, опеки и попечительства, а также общественности.

В результате политических реформ, которые привели к ликвидации советских органов власти и созданию иной системы государственного и муниципального управления, с изменением курса с социалистического на рыночный, перечень оказания бесплатной помощи резко сократился, а размер госпошлины на услуги ЗАГС и плата за организацию торжественного обслуживания регистрации брака и рождений увеличились. Реформирование государственного регулирования семейно-брачных отношений выразилось в отмене обязательности торжественной регистрации рождений в органах ЗАГС, в том числе допускалась выдача свидетельств о рождении непосредственно в учреждениях родовспоможения. Не актуальными стали комсомольские, заводские и студенческие свадьбы, в регистрации перестали участвовать руководители административных органов, депутаты и другие известные лица.

Данные актовых книг, хранящихся в архивах органов ЗАГС Хабаровского края, свидетельствуют о негативном влиянии реформ на институт семьи и брака. Динамика рождений и регистрации новых семей резко пошла вниз. Так, если в 1990 г. на территории края было зарегистрировано 24 663 рождений и 16 606 браков, то в 1995 г. — соответственно 14 769 и 10 464. Причём, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. количество браков как минимум в 2 раза опережало число разводов, а к середине 1990-х гг. разрыв сократился и к 1998 г. практически сравнялся (7984 браков / 7049 разводов). Важно то, что, несмотря на реформы, в перспективных планах 1990-х гг. сохранялись основные направления деятельности органов ЗАГС: регистрация фактов гражданского состояния населения и их учёт, систематизированный в актовых книгах; подготовка и направление ежегодных статистических отчётов о регистрации АГС в Минюст России и органы госстатистики; анализ ежемесячного состояния дел по своевременной и полной регистрации родившихся и умерших, по заключению и расторжению браков; принятие мер по повышению качества оформления актовых записей, в том числе по соблюдению законодательства о браке и семье. По-прежнему в планах были комплексные проверки отделов ЗАГС (и их архивов) при администрациях районов и городов региона [ГАХК. Ф. Р-750. Оп. 3. Д. 68. Л. 1—23].

Вместе с тем появилось и новое направление, которому уделяли особое внимание, — компьютеризация и формирование электронных архивов. В 1991—1992 гг. в отделах ЗАГС стали устанавливать персональные компьютеры, матричные принтеры, при регистрации АГС использовать текстовые редакторы. К 1993 г. 50% отделов ЗАГС Хабаровского края были обеспечены персональными компьютерами [ГАХК. Ф. Р-750. Оп. 3. Д. 68. Л. 14; Д. 57. Л. 26]. Внедрение в деятельность органов ЗАГС процессов информатизации позволило не только повысить производительность труда

специалистов, но и улучшить обслуживание населения, а также создать основу для формирования электронной базы данных.

Очередная реформа в системе управления ЗАГСами была обусловлена изменением федерального законодательства в конце 1990-х гг. В соответствии с Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 [2], произошли структурно-административные преобразования и в сфере ЗАГС. В частности, полномочия по государственной регистрации АГС были закреплены за органами местного самоуправления. Во исполнение постановления главы администрации Хабаровского края от 05.02.1998 № 45 «О воспроизведении Государственного герба Российской Федерации на печатях органов муниципальных образований городов и районов, сёл и посёлков края, производящих государственную регистрацию актов гражданского состояния» были заменены печати для отделов ЗАГС администраций городов и районов края [ГАХК. Ф. Р-750. Оп. 3. Д. 68. Л. 17, 21].

В 1999 г. завершалась работа по внедрению информационно-поисковой системы по программе «ЗАГС-АРКОМ» в соответствии с требованиями постановления Правительства РФ от 06.07.98 № 709 «О мерах по реализации Федерального закона „Об актах гражданского состояния“», что повлекло за собой обеспечение отделов края новой версией программы, направленной на повышение качества загсовских услуг [ГАХК. Ф. Р-750. Оп. 3. Д. 68. Л. 23]. Использование данной программы позволило улучшить читаемость актовых записей, свидетельств и справок, обеспечить выполнение функций по вводу, печати, редактированию, поиску актовых записей, формированию и ведению электронного архива. Программа способствовала также ускорению реализации принятого в 1998 г. решения о передаче книг с метрическими записями церквей, миссий, приходов Дальнего Востока 1920—1922 гг. и актовых книг ЗАГСов 1923 г. в Государственный архив Хабаровского края [ГАХК. Ф. Р-750. Оп. 3. Д. 68. Л. 20, 26, 27]. Новые бланки свидетельств были адаптированы под заполнение на принтере. Однако в поселениях края ЗАГСы продолжали работать исключительно с бумажным носителем.

В целом развитие новых технологий и их интенсивное использование гражданами, бизнесом, общественными организациями и органами государственной власти повлекло за собой необходимость формирования современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры учреждений, выполняющих важные общественные и государственные функции, к каким относятся ЗАГСы.

Трудно переоценить значение работы сотрудников ЗАГС, которые собрали в архивный массив многочисленные тома записей о судьбах как живших, так и ушедших из жизни людей, особенно важных для граждан событий от рождения до смерти. Актовые книги, хранящиеся в архивах органов

ЗАГС, пройдя длительный путь становления и развития архивного фонда страны, региона, города, поселения, по существу, сохранили личный архив граждан, семей, общества, государства.

За вековой период деятельности архивный фонд сферы записи АГС в целом по стране превысил 0,5 млрд ед. документов, в составе которого актовые записи Дальневосточного федерального округа (ДФО) — это более 32 млн ед. По количественным характеристикам архив актовых записей Хабаровского края среди 11 субъектов РФ ДФО занимает вторую позицию (5068,7 тыс. ед.), уступив только Приморскому краю (7050,5 тыс. ед.) [подсчитано по: ТА КД ЗАГСиА ПХК. Отчёты и аналитическая информация 2020 г.].

В конце 2010-х гг. органы ЗАГС страны, в том числе Хабаровского края, вступили в очередную эпоху перемен. Они, как и в начале своего становления, стали непосредственными участниками масштабного государственного проекта — создания реестра народонаселения России. С 1 октября 2018 г. эти учреждения перешли на регистрацию АГС и совершение юридически значимых действий исключительно в электронном виде с использованием сети Интернет и специализированных программно-аппаратных комплексов. Непосредственная функция ЗАГСов по регистрации ведётся в федеральной государственной информационной системе «Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния» (Реестр), которая накапливает в себе ежедневно создающиеся актовые записи. Параллельно происходит ещё одна эпохальная модернизация — на протяжении 3,5 лет работники ЗАГС преобразовывают актовые книги, хранящиеся в своих архивах, в электронный вид. Отметим, что речь идёт обо всех записях актов гражданского состояния, составленных в период с 1 января 1926 г., которые «вольются» в Реестр уже к концу текущего года, сформировав единый массив информации о населении всей страны. Именно эта база данных станет составной частью и фундаментом для реализации нового проекта по созданию единого федерального информационного регистра данных населения страны, утверждённого Президентом РФ В.В. Путиным 8 июня 2020 г. [3].

Таким образом, становление и развитие органов ЗАГС как государственных институтов проходило вместе с развитием государства и общества. Авторы надеются, что уроки прошлых лет должны быть учтены в проведении семейной и демографической политики с участием органов ЗАГС, которые наряду с непосредственным оказанием государственных услуг способны поддерживать эстафету добрых дел по сохранению лучших традиций — выступать инициаторами и соорганизаторами мероприятий, направленных на возрождение и пропаганду семейных и национальных ценностей (в Хабаровском крае 145 национальностей и 8 коренных этносов), укрепление престижа семьи и брака.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР (утв. Постановлением ВЦИК РСФСР от 19.11.1926). URL: https://base.garant.ru/71270856/ (дата обращения: 29.04.2020).
2. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения: 18.05.2020).
3. Федеральный закон от 8.06.2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении РФ». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74132857/ (дата обращения: 15.06.2020).
4. ГАХК (Гос. архив Хабаровского края).
5. ТА КД ЗАГСиА ПХК (Тек. архив Комитета по делам ЗАГС и архивов Правительства Хабаровского края).

УДК 332.8(571.62)“1997/2020”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10029

РЕФОРМА ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ (1997—2020 гг.)

Татьяна Александровна Ярославцева,
доктор исторических наук, профессор,
Дальневосточный институт управления — филиал РАНХиГС, г. Хабаровск.
E-mail: mu322@mail.ru

Прошло более двадцати лет с объявленной реформы ЖКХ, но и в 2020 г. к реформаторам жилищно-коммунального хозяйства остаются вопросы. В частности, почему реформа сопровождается только ростом тарифов, обременительным для потребителей? Что изменилось в экономике отрасли и почему коммунальные предприятия, несмотря на финансовую поддержку из бюджета, являются хронически убыточными? На многие вопросы граждан не находится ответа при обращении в государственные органы власти, в правоохранительные и судебные органы. В настоящей статье автор делает попытку охарактеризовать источники проблем реформы ЖКХ на современном этапе.
Ключевые слова: жилищно-коммунальные услуги, реформа ЖКХ, рынок, конкуренция, потребитель, социальная защита, правовая защита.

HOUSING AND COMMUNAL SERVICES REFORM IN THE KHABAROVSK REGION (1997—2020)

Tatyana Yaroslavtseva, Far Eastern Institute of Management, a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia. E-mail: mu322@mail.ru

More than twenty years have passed since the announced reform of housing and communal services, but in 2020 there are questions for reformers. In particular, why the reform is accompanied only by tariff increases, burdensome for consumers of services? What has changed in the economy of the industry and why do utilities, despite financial support from the budget, remain chronically unprofitable? There are no answers to many questions of citizens when they appeal to state, law and judicial authorities. In this article, the author makes an attempt to characterize the sources of problems of housing and communal services reform at the present stage.
Keywords: housing and communal services, housing and communal services reform, market, competition, consumer, social protection, legal defense.

Во второй половине 1990-х гг. правительство РФ приступило к реформированию отраслевого хозяйства в жилищно-коммунальной сфере, однако ожидаемые цели так и не были достигнуты. В результате реформирования не произошло улучшений в экономике страны и региона или муниципальных образований. Власть отказалась от прежней системы управления объектами жилищно-коммунального хозяйства, но изменение не привело к повышению эффективности хозяйственной деятельности и качества жилищно-коммунальных услуг. Было принято много новых законодательных актов, но внесение изменений в законодательство не повысило защищённость потребителей от действий частного бизнеса, получившего объекты ЖКХ в управление и пользование. Власти создали новую систему государственных органов (министерства, центры социальной защиты, отделы и др.), но обеспечить эффективную социальную защищённость потребителей услуг ЖКХ не удалось. Политика оказалась ориентирована только на постоянное повышение тарифов, и за двадцать лет не было ни одного снижения.

Качество жизни граждан серьёзно снизилось не только из-за высоких тарифов на жилищно-коммунальные услуги, но и вследствие неэффективного управления объектами ЖКХ, монопольного положения ресурсоснабжающих организаций, бездеятельности государственных и муниципальных органов контроля.

Вместе с тем, изучив статистические данные по Хабаровскому краю, можно заключить, что правительство края уделяет повышенное внимание вопросам социальной защищённости населения и стабилизации деятельности предприятий ЖКХ. На эти цели в краевом бюджете предусмотрены значительные средства. Так, *для снижения платежей граждан* за коммунальные услуги из краевого бюджета в 2019 г. направили 4920 млн руб., и на 2020 г. запланировали 4772 млн [3]. Однако потребители в своих квитанциях никакого снижения не обнаружили.

В Хабаровском крае для модернизации коммунальных систем требуется более 152 млрд руб. вследствие того, что средний срок эксплуатации объектов коммунальной инфраструктуры составляет 30 и более лет. С 2019 г. в крае действует 35 концессионных соглашений с общим объёмом капитальных вложений в 1,4 млрд руб. в отношении 145 коммунальных объектов; с 2020 г. утверждено девять инвестиционных программ для реализации, в том числе четыре — в сфере теплоснабжения, три — электроснабжения и две — водоснабжения.

На строительство, реконструкцию и техническое перевооружение объектов сферы ЖКХ в 2019 г. было выделено 256 126,88 тыс. руб., в том числе: из федерального бюджета — 13 155,00 тыс. руб., краевого бюджета — 230 074,71 тыс.,

бюджетов муниципальных образований — 12 897,17 тыс. [3] Однако потребителям о перечне, стоимости и качестве работ на объектах, где они проводились, информация не поступала.

В 14 муниципальных образованиях реализуется Адресная программа Хабаровского края по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, признанного таковым до 1 января 2017 г., на 2019—2025 гг. общей стоимостью 3634,146 млн руб. В результате переселения по программе должны решить жилищные проблемы 3663 чел. из 216 многоквартирных домов общей площадью жилых помещений 59,79 тыс. кв. м [1]. Однако объём ветхого и аварийного жилья в крае значительно превышает программный.

Современное жилище представляет собой сложную инженерно-техническую систему, обеспечивающую комфортную среду обитания человека. Помимо привычных уже систем жизнеобеспечения — энергоснабжения, водоснабжения, кондиционирования и т.д., жилища всё в большей степени оснащают новыми технологиями, что может придавать им новое содержание. Однако жилищный фонд, возведённый в 1930—1990-х гг., не адаптирован к новшествам.

Всё же попробуем найти положительные аспекты в государственной политике по реформированию ЖКХ [2]. Реформа предполагала развитие конкурентной среды в жилищно-коммунальной сфере, то есть создание рынка жилищно-коммунальных услуг и введение частного бизнеса в данный сектор экономики. Действительно, произошёл переход от государственного и муниципального хозяйствования и управления объектами ЖКХ к частному бизнесу. Так, в управлении и обслуживании частными компаниями в секторе ЖКХ состоит фактически 90% объектов недвижимости, в том числе жилищный фонд, инфраструктура тепло-, газо-, электро-, водоснабжения, водоотведения, используемая для предоставления коммунальных услуг.

Одним из направлений реформы являлось заключение прямых договорных отношений между участниками ресурсного сектора ЖКХ. Оформление взаимоотношений на рынке любых услуг — это обязательные условия для участников любых сделок. Предоставление коммунальных услуг, которые являются востребованным товаром в жилищно-коммунальной сфере и оформлены участниками жилищных отношений, защищает интересы сторон, в том числе в судах. Особенно это важно в современных условиях, когда деятельность частных компаний сохранила закрытость из-за монопольного положения на рынке коммунальных ресурсов. Однако законодатель не создал обязательных условий для заключения прямых договорных отношений между ресурсоснабжающими организациями и потребителем их услуг. Так, в Хабаровске МУП «Водоканал» не намерен заключать прямой договор с потребителем (собственником жилого помещения) вот уже более

трёх лет. Кроме того, управляющие компании (УК) повсеместно не заключают прямых договоров с собственниками жилых помещений. Под различным предлогом УК отклоняются от организации фактического проведения общих собраний жильцов и нередко нарушают законодательство в части оформления протоколов собраний, предоставления информации жильцам о выполненных работах в многоквартирных домах (МКД) и благоустройстве дворов. За редким исключением информацию можно найти на сайтах управляющих компаний.

В ходе реформы произошло изменение системы заказов на производство работ по капитальному ремонту МКД. Прежняя система управления МКД через муниципальные предприятия прекратила своё существование в конце 1990-х гг. Целевые средства на капитальный ремонт МКД перестали выделяться в управляющие организации, и работы по ремонту не выполнялись несколько лет. Создание структуры, наделённой функцией организации производства капитального ремонта, — это правильный вариант, позволяющий сохранить жилищный фонд в целом.

В системе государственного управления жилищно-коммунальным хозяйством стали создавать региональные фонды с целью аккумулирования средств собственников жилья. В обязанность фонда включена функция технического заказчика работ, размещение временно свободных денежных средств в порядке, который установят попечительские советы фонда. Данная организация привлекает и заключает договоры с исполнителями работ, в том числе с аудиторской компанией для ежегодного контроля над деятельностью фонда. Примечательно то, что попечительский совет является коллегиальным надзорным органом на общественных началах, состав которого утверждается учредителем фонда, то есть все в одной системе.

Вместе с тем законодатель нечётко отрегулировал взаимоотношения фонда с потребителем, который делает свои взносы на счёт организации на длительный срок, исчисляемый десятками лет. Если рассмотреть интересы сторон, то фонд вправе иметь в собственности имущество, которое может приобретать за счёт взносов и процентов, начисленных на них, в том числе доходов от свободных средств регионального оператора. Фонд несёт ответственность только в пределах своего имущества, то есть уставного фонда, и имеет право не заключать прямой договор с потребителем.

Надо отметить, что первоначально такой договор был обязателен, но в последующих положениях нормативных актов правительства РФ и регионов это требование исчезло. Если проанализировать Устав НКО «Региональный оператор — Фонд капитального ремонта МКД в Хабаровском крае», то можно увидеть, что организация не имеет членства, и учредителем является регион

в лице Министерства ЖКХ края. Уставной капитал организации составляет 10 тыс. руб., но она наделена правом сбора взносов в миллионном исчислении.

Перед собственниками помещений фонд несёт ответственность только за исполнение обязательств по формированию фонда, проведению капитального ремонта. А вот за целевое или эффективное использование средств ответственность не прописана. Не этим ли обстоятельством обусловлена передача фондом своих прав на сбор взносов потребителей управляющим компаниям, которые являются хозяйствующим субъектом бизнеса с уставным капиталом 10 тыс. руб. На взносы, поступающие на счета управляющих компаний, начисляются проценты, но потребитель к этим средствам не имеет отношения. Однако, если потребитель не перечислит взнос, то его лишат субсидии или компенсации положенных льгот.

Так, после внесения изменений в Федеральный закон «О ветеранах» № 5-ФЗ от 1995 г. право на установление порядка и условий предоставления компенсаций льготникам было передано с федерального уровня на уровень субъекта РФ. В результате Министерство социальной защиты Правительства Хабаровского края и депутаты Законодательной Думы края закрепили в региональном законе право органов социальной защиты лишать материальной поддержки отдельные категории граждан, если у них возникла задолженность из-за спора с управляющей компанией по суммам, объёмам оплаты за услуги, в том числе по капитальному ремонту.

По существу, в интересах бизнеса льготники обязаны перечислять в адрес управляющей компании полную стоимость услуг ЖКХ в бесспорном порядке, если имеют желание пользоваться заслуженными льготами. В противном случае у них не будет возможности получить гарантированную федеральным законом льготу.

Итак, создание регионального оператора в организационно-правовой форме НКО не обеспечивает качества работ по выполнению капитального ремонта МКД и соблюдение интересов всех участников жилищных отношений и, в первую очередь, граждан. Появление регионального оператора не повлияло и на снижение тарифов ЖКХ.

В результате реформы тарифы в ЖКХ должны быть экономически обоснованными и доступными для потребителей. Ожидаемый результат — достижение цели, направленной на реальное соотношение тарифов и экономически обоснованных затрат на производство коммунальных ресурсов. Реформа предусматривала, что повышение стоимости услуг в ЖКХ может проводиться только при условии реализации трёх программ: производственной, инвестиционной и программы снижения затрат.

Однако повышение тарифов происходит ежегодно и никак не обосновывается для потребителя с экономической точки зрения. Хозяйствующие

субъекты, поставщики ресурсов, представляют программы в соответствующие региональные комиссии для утверждения расчётов на ежегодные затраты, но реализацию программ и их результаты комиссия фактически не проверяет, то есть не посещает производства.

Отсутствие контроля со стороны общества и уполномоченных органов над итогами реализации программ способствует одностороннему увеличению тарифов, без учёта мнения граждан, общества в целом. Отсюда количество жалоб граждан в государственные органы власти всех уровней ежегодно увеличивается и занимает второе место среди обращений к Президенту РФ. Таким образом, сложившаяся практика утверждения тарифов и неэффективный государственный и муниципальный контроль не позволяют изменить экономическое положение в отрасли и бюджетах граждан.

Одним из направлений реформа определила внедрение приборов учёта в системы инженерной инфраструктуры объектов ЖКХ от производителя до потребителя. Учёт объёмов потреблённых коммунальных ресурсов мог защитить потребителя от необоснованных приписок ресурсоснабжающих организаций и управляющих компаний, а главное, от завышенных платежей или платежей за непредоставленные ресурсы. С 1997 г. обеспечить выполнение данного направления должны были органы государственного и муниципального управления. Но анализ практики установки приборов учёта в МКД показал, что ни одной программы с реальными средствами так и не было принято ни на одном уровне управления. Законодатель в 2000-х гг. усовершенствовал реформирование ЖКХ так, что установка приборов учёта стала обязанностью собственников жилых помещений.

На 2020 г. заинтересованности в установке приборов учёта в МКД нет у всех участников жилищных отношений: ресурсоснабжающие организации без объяснений навязывают объём ресурсов потребителю; управляющие компании не несут затрат, на них не возложены обязанности по контролю, в том числе объёма ресурса на ОДН; потребитель не имеет средств на установку приборов учёта и допуска к информации о расходах ресурса, его стоимости и экономии в результате точного учёта. Муниципальные органы не имеют средств и не разрабатывают программы. В целом муниципальная политика не отвечает интересам граждан, так как органы местной власти не готовы эффективно управлять объектами ЖКХ в новых условиях хозяйствования.

Положительным аспектом реформы является то, что с целью обеспечить потребителей необходимой информацией Министерство ЖКХ РФ в 2014 г. разработало единую систему по сбору всей информации о состоянии ЖКХ и взаиморасчётов с УК, ТСЖ, ресурсоснабжающими организациями — государственно-информационную систему (ГИС) ЖКХ. С июля 2016 г.

УК были обязаны размещать информацию в полном объёме, и, если этого не делали, могли быть подвергнуты штрафам. Однако сведений о применении штрафных санкций на сайте ГИС ЖКХ не выявлено. На разработку и внедрение ГИС ЖКХ был потрачен не один миллион рублей, однако, по данным Счётной палаты РФ, по итогам проверки в 2018 г. система признана «не готовой к полноценному запуску» [4].

Всё же сегодня ГИС ЖКХ позволяет размещать информацию: о перечне МКД и УК, о договорах управления, сам договор с копией протокола общего собрания о выборе УК или открытого конкурса по выбору управляющей компании. Через ГИС ЖКХ можно получить сведения из Росреестра, который размещает всю информацию об объектах государственного учёта жилищного фонда вместе с их техническими характеристиками и состоянием объектов, которые предоставляют коммунальные услуги в МКД.

Дополнительную информацию можно найти в системе Росреестра. Это сведения об объекте недвижимости (от кадастрового номера дома до кадастрового номера квартиры или комнаты), описание объекта недвижимости (от адреса до включения в госреестр), сведения о правообладателях и ограничениях прав. Все сведения из Росреестра позволяют гражданам защитить себя на рынке недвижимости. Вместе с тем отдельные сведения всё же закрыты для потребителей, что затрудняет защиту жилищных прав граждан в суде.

Несовершенство законодательства приводит к судебным решениям, не отвечающим интересам сторон и чаще всего — граждан. Судебные споры длятся годами, пока проходят все инстанции. Учитывая сложности сбора необходимых сведений для потребителя, суд не всегда обеспечивает ходатайства об истребовании документов, недоступных потребителю, и выносит решение на основе информации, которая нередко содержит сведения, не соответствующие обстоятельствам дела, представленные управляющей компанией. Законодатель предоставил судам право выступать от имени Российской Федерации, и нередко в силу конфликта интересов или коррупции, корпоративности судебной системы отменить незаконное решение просто невозможно. Такое положение дел вполне удовлетворяет управляющие компании, которые, не дожидаясь окончания срока исковой давности, обращаются в суд с иском, и вся сумма взыскивается принудительно.

Защиту прав граждан не обеспечивают и правоохранительные органы. Они, ссылаясь на ведомственную инструкцию, перенаправляют обращения граждан по различным инстанциям, в том числе в органы контроля и надзора. В течение ряда месяцев или лет бюрократическая машина не позволяет установить истинное положение дел в жилищно-коммунальном хозяйстве. Именно поэтому граждане стремятся не обращаться в суды, правоохранительные, контрольно-надзорные органы и вынуждены оплачивать всё, что укажут в квитанции, или наращивать долги.

В заключение рассмотрим несколько причин, которые ограничивают или исключают возможность использования рыночных механизмов регулирования в сфере коммунальной деятельности. К ним отнесём технологическую обусловленность монополизма хозяйствующих субъектов в ЖКХ, предоставляющих коммунальные услуги, что не позволяет развивать конкурентные отношения в этой сфере. Ограничения вызваны тем, что коммунальные услуги стали частным товаром, а потребители лишены возможности делать независимый выбор с учётом количества и качества услуг.

Следующей причиной является отсутствие зависимости между ценой и предложением, то есть неценовой характер колебания потребления услуг и исключение возможности использования цены в качестве объективного и независимого инструмента для регулирования производства и потребления услуг. Значительное препятствие создаёт невозможность полного использования производительности системы, наличие в ней «избыточной» мощности, необходимой для обеспечения надёжности и бесперебойности предоставления услуг. Кроме того, в коммунальном производстве носят устойчивый характер затратные тенденции, отсутствуют стимулы для снижения затрат и повышения как эффективности, так и качества коммунального обслуживания.

Для успешного решения проблем ЖКХ власти всех уровней должны осознать общественный характер коммунальной деятельности и создать экономические условия для эффективного функционирования и развития систем коммунального обслуживания, и предпочтительно не за счёт потребителя, который не участвует в регулировании и контроле над тарифами услуг.

Таким образом, после более чем двадцати лет реформы ЖКХ как было, так и осталось затратным, то есть убыточным, расточительным и обременительным для своих потребителей. Можно утверждать, что жилище как общественное экономическое благо не в полной мере удовлетворяет потребности человека и не для каждого гражданина является личным экономическим (потребительским) благом.

Государственная политика по реформированию ЖКХ привела к кризису отрасли из-за слома прежней системы управления объектами ЖКХ, и это является основной предпосылкой к дальнейшему обострению жилищных отношений и состояния коммунальной инфраструктуры. Несовершенство законодательства в жилищно-коммунальной сфере последних лет повлекло за собой снижение защиты прав потребителей в правоохранительных и судебных органах. Отсутствие прямых договорных отношений между всеми участниками жилищных отношений позволяет частным хозяйствующим субъектам выставлять потребителям необоснованные счета на оплату, что снижает качество услуг и пробивает брешь в бюджете граждан.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Об утверждении Адресной программы Хабаровского края по переселению граждан из аварийного жилищного фонда, признанного таковым до 01 января 2017 г., на 2019—2025 гг. (с изменениями на 20 января 2020 г.) Постановление Правительства Хабаровского края от 28.03.2019 № 118-пр. URL: http://dvforum.khabkrai.ru/ListDoc.aspx?C=3 (дата обращения: 02.06.2020).
2. О реформе жилищно-коммунального хозяйства в РФ: Указ Президента РФ от 28.04.1997 № 425 (ред. от 27.05.1997 № 528) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 18. Ст. 2131.
3. Жилищно-коммунальное хозяйство [20.04.2020] // Официальный сайт Правительства Хабаровского края. URL: https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Razvitie-kraya/169393 (дата обращения: 29.05.2020).
4. ГИС ЖКХ: Грандиозный успех или колоссальный провал? URL: https://www.cnew.ru/ (дата обращения: 29.05.2020).

УДК 332.8
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10030

ВЛИЯНИЕ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ НА ЖИЛИЩНУЮ СФЕРУ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ (1990—2010-е гг.)

Александр Владимирович Ярославцев,
кандидат исторических наук, доцент, Хабаровский государственный институт культуры, г. Хабаровск.
E-mail: mu322@mail.ru

В постсоветский период произошла трансформация политических, экономических, жилищных правоотношений, которые повлияли на жилищные условия граждан. В статье рассматриваются показатели, характеризующие развитие жилищной сферы на Дальнем Востоке России, и факторы, влияющие на этот процесс. Сделан вывод о том, что цивилизованный рынок жилья на Дальнем Востоке не сформирован, тарифы на услуги ЖКХ необоснованно высокие, а доходы населения низкие, что не позволяет решать жилищные проблемы большинству дальневосточников и является одной из причин их оттока из региона.
Ключевые слова: жилищные отношения, рынок жилья, реформа ЖКХ, Дальний Восток России.

IMPACT OF MARKET REFORMS ON HOUSING SPHERE IN THE FAR EASTERN REGION (1990s — 2010s)

Alexander Yaroslavtsev, Khabarovsk State Institute of Culture, Khabarovsk, Russia. E-mail: mu322@mail.ru.

In the post-Soviet period, there was a transformation of political, economic, and housing legal relations, which affected the housing conditions of citizens. The article considers the indicators that characterize the development of the housing sector in the Russian Far East, and the factors that influence this process. It is concluded that the civilized housing market in the Far East has not been formed, tariffs for housing and utilities services are unreasonably high, and the population's income is low, which does not allow solving housing problems for most Far Eastern residents and is one of the reasons for their outflow from the region.
Keywords: housing relationships, housing market, housing and communal services reform, the Russian Far East.

Потребность в жилище имеет двойственную природу: с одной стороны, это объективная необходимость человека, с другой — субъективно осознаваемое несоответствие между желаемым и реальностью, например, в отношении площади и качества имеющегося жилья. Сам факт наличия жилья при желаемом качестве придаёт человеку уверенность в пространстве социума, что влияет на формирование его образа жизни.

В современных условиях в городской среде распространена массовая типовая многоэтажная застройка, сокращены зелёные зоны для отдыха жителей отдельных микрорайонов, что отрицательно сказывается на физическом и психическом здоровье людей. В сельской местности изменений в жилищном строительстве практически не происходит: преобладают типовые индивидуальные дома с земельными участками под огороды и сады, которые помогают семье (при желании) повысить качество жизни, поднять благосостояние.

В последние годы наблюдается возведение состоятельными людьми домов повышенной комфортности — коттеджей. Коттеджи строят не только на городской территории, но и за её пределами, что вызывает неоднозначную реакцию сельских жителей, как положительную, так и отрицательную — раздражение. Человек, проживающий рядом с коттеджем в менее комфортном жилье, может испытывать неудовлетворённость своими жилищными условиями. Возникающая потребность в их улучшении может быть обусловлена увеличением количества членов семьи, созданием новых семей. В результате у граждан появляется желание построить новый дом или квартиру, либо купить жилище. Мотивация к улучшению жилищных условий может иметь различную основу, но непременно влияет на расширение участия населения в жилищном строительстве (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о частных домах, построенных населением в России за 1995—2018 гг.

	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Общий метраж, млн кв. м	9	13	18	25,5	35,3	32,4
Число квартир, тыс.	90	106	127	192,0	272,0	233,0
Средний размер, кв. м	100	119	138	132,6	129,6	139,1

Сост. по: [1, с. 8; 3, с. 5]

Рынок жилищного строительства разнообразен: от возведения индивидуальных домов до приобретения квартир в многоквартирном доме. В последние годы в регионах ДФО отмечается увеличение объёмов строительства жилищного фонда. Так, в 2019 г. было введено в эксплуатацию 2426,7 тыс. кв. м жилья, что на 103% больше, чем в 2018 г. Половина всего

построенного жилья приходится на два субъекта ДФО: Республику Саха (Якутия) — 579,8 тыс. кв. м и Приморский край — 549,7 тыс. [4].

Следует отметить, что при сохранении спроса на жильё ежегодный рост стоимости одного кв. м удерживает население от строительства или приобретения жилой недвижимости. В 1998 г. средняя цена одного кв. м на первичном рынке жилья составила 5050 руб., на вторичном — 4941. В течение двух последующих лет эта цена выросла в 1,5—2 раза. К 2005 г. она составляла на первичном рынке 25 394 руб. / на вторичном — 22 166 руб., 2010 г. — 48 144 / 59 998, 2015 г. — 51 530 / 56 283, 2019 г. — 64 059 / 58 528 [10]. Особенно резкое повышение цен наблюдается в Дальневосточном регионе (табл. 2).

Таблица 2

Средние цены на рынке жилья в ДФО в 2005—2018 гг. (на конец года, руб. за кв. м общей площади)

	2005	2010	2015	2018
Первичный рынок жилья				
Дальневосточный федеральный округ	26 356	48 028	64 777	71 702
Республика Бурятия	18 907	28 933	39 902	40 321
Республика Саха (Якутия)	24 160	48 481	71 608	71 746
Забайкальский край	15 000	32 425	53 331	50 042
Камчатский край	26 300	44 949	70 621	66 790
Приморский край	30 405	50 665	63 158	73 135
Хабаровский край	29 919	48 786	60 751	67 962
Амурская область	22 814	46 162	57 055	56 455
Магаданская область	—	34 851	55 000	—
Сахалинская область	—	64 500	89 338	95 970
Еврейская авт. область	11 750	23 500	41 183	39 377
Вторичный рынок жилья				
Дальневосточный федеральный округ	20 351	47 908	72 829	70 254
Республика Бурятия	14 005	33 314	41 602	44 888
Республика Саха (Якутия)	21 974	46 813	84 028	73 714
Забайкальский край	14 095	38 715	49 140	50 983
Камчатский край	15 200	42 428	60 695	60 684
Приморский край	21 421	54 613	85 638	87 118
Хабаровский край	24 194	42 867	59 915	64 575
Амурская область	16 433	40 135	56 138	56 808
Магаданская область	8 556	30 772	51 709	46 937
Сахалинская область	20 679	64 189	80 211	108 795
Еврейская авт. область	12 376	27 878	42 656	38 436

Сост. по: [8, с. 1159, 1161].

На протяжении ряда лет возрастает число граждан, желающих решить жилищные проблемы с помощью ипотечных кредитов. Если в 2005 г. в ДФО было выдано 1066 кредитов, то в 2010 г. — 23 283, 2015 г. — 69 570, 2018 г. — 176 493. Наибольшее количество ипотечных кредитов в 2018 г. было получено в таких субъектах ДФО, как Приморский край — 36 581, Республика Саха (Якутия) — 35 572, Хабаровский край — 31 087 (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о жилищных кредитах, предоставленных физическим лицам в ДФО в 2005—2018 гг. (количество кредитов)

	2005		2010		2015		2018	
	жилищные кредиты	из них ипотечные	жилищные кредиты	из них ипотечные	жилищные кредиты	из них ипотечные	жилищные кредиты	из них ипотечные
Дальневосточный федеральный округ	2 614	1 066	26 047	23 283	69 810	69 570	176 608	176 493
Республика Бурятия	334	155	2 625	2 161	4 885	4 874	11 403	11 399
Республика Саха (Якутия)	702	97	3 859	3 166	14 145	14 020	35 572	35 507
Забайкальский край	336	62	2 942	2 519	6 594	6 589	15 640	15 640
Камчатский край	42	2	1 170	1 045	3 508	3 466	8 031	8 009
Приморский край	369	327	3 975	3 768	13 461	13 430	36 588	36 581
Хабаровский край	327	180	5 981	5 761	12 428	12 424	31 087	31 087
Амурская область	272	208	2 262	1 908	5 707	5 701	15 782	15 778
Магаданская область	60	8	289	527	2 403	2 395	5 193	5 190
Сахалинская область	150	25	2 028	1 832	5 072	5 064	13 482	13 472
Еврейская авт. область	16	2	461	447	956	956	2 328	2 328
Чукотский авт. округ	6	0	155	149	651	650	1 504	1 504

Сост. по: [8, с. 1108, 1109].

Отсутствие удовлетворяющих человека жилищных условий является одной из причин миграции, что характерно и для Дальнего Востока. В 1990-е гг. жилищное строительство в регионе, как и все другие сферы, переживало кризис. Повсеместно останавливали свою деятельность строительные компании и предприятия по производству строительных материалов, государство прекратило оказывать поддержку посредством кредитования строительства индивидуального жилья, муниципальное и государственное строительство жилищного фонда уже не инвестировалось, как в 1970—1980 гг. Данные проблемы вошли в число факторов, повлиявших на массовый отток населения из региона, который начался в конце 1980-х гг.

и продолжается до сих пор. Лишь в отдельных дальневосточных субъектах федерации в последние годы наблюдается небольшой миграционный прирост. Так, в 2019 г. в Республике Бурятия он составил 999 чел., в Чукотском автономном округе — 546 чел., но в 7 из 11 субъектов ДФО фиксировался отток, в том числе в Забайкальском крае он составил 5519 чел., Хабаровском крае — 3061, на Камчатке — 1589 [9]. Отрицательная динамика миграции населения базируется на потере мотивации у дальневосточников и ухудшении перспектив социально-экономического развития региона. Очевидно, что при таких обстоятельствах вкладывать средства в жилищное строительство население не будет ни для личного использования, ни для дальнейшей перепродажи на рынке жилья.

В рыночных условиях у жилища появилась новая функция: оно становится товаром и как объект жилой недвижимости, и в виде жилищных услуг. Жилище приобрело статус капитала, то есть товара, приносящего прибавочную стоимость (аренда, доходный актив), и статус богатства, то есть меры благосостояния (показатель покупательной способности семьи).

Для значительной части населения Дальнего Востока жилище остаётся недоступным экономическим благом. Статистика фиксирует низкий процент тех, кто может выступать покупателями на рынке жилой недвижимости, и высокий процент населения, которое по уровню текущих доходов не является платёжеспособным на рынке жилья (таб. 4).

Таблица 4

Сведения о среднедушевых денежных доходах населения (в месяц, руб.) за 2005—2018 гг.

	2005	2010	2015	2018	Место субъекта в РФ в 2018 г.
Дальневосточный ФО	8 989	20 807	35 019	35 478	3
Республика Бурятия	6 027	14 271	23 858	24 081	56
Республика Саха (Якутия)	11 350	23 088	37 013	42 669	11
Забайкальский край	5 908	14 205	22 014	23 992	57
Камчатский край	11 167	27 010	42 818	48 758	8
Приморский край	7 163	17 298	31 072	34 619	15
Хабаровский край	9 654	22 479	35 460	39 084	13
Амурская область	5 988	14 323	28 240	30 937	22
Магаданская область	11 167	27 801	50 750	59 774	5
Сахалинская область	12 640	30 727	47 872	53 783	6
Еврейская авт. область	6 406	15 348	23 759	24 696	52
Чукотский авт. округ	19 669	38 147	63 308	78 812	2

Сост. по: [8, с. 199].

Существенно влияют на снижение доходов населения тарифы на жилищно-коммунальные услуги. Ежегодное увеличение тарифов составляет в среднем от 2,4% до 6,5% (табл. 5). Доля расходов домашних хозяйств на оплату услуг ЖКХ (в % от общей суммы расходов на оплату услуг) в 2005—2018 гг. в России составляла 34,4—36,1%, в ДФО — 36,6—39,3%. Наибольшие затраты населения на оплату услуг ЖКХ в 2018 г. были в Чукотском АО — 53,7%, Камчатском крае — 49,4%, Магаданской области — 45,6%, Амурской области — 42,2% [8, с. 285].

Таблица 5

Средние потребительские тарифы на отдельные виды жилищно-коммунальных услуг в России (*на конец года; руб.*)

	2010	2015	2016	2017	2018
Плата за жильё в домах государственного и муниципального жилищных фондов, за м^2 общей площади	14,28	24,84	25,92	28,87	31,10
Содержание и ремонт жилья для граждан собственников жилья в результате приватизации, граждан собственников жилых помещений по иным основаниям[1)], за м^2 общей площади	13,69	25,41	27,03	22,40	22,96
Услуги по организации и выполнению работ по эксплуатации домов ЖК, ЖСК, ТСЖ[1)], за м^2 общей площади	14,02	25,09	26,46	21,76	22,28
Взносы на капитальный ремонт, за м^2	...	...	...	6,74	7,13
Водоснабжение холодное, за м^3	...	23,64	25,04	26,64	28,08
Водоотведение, за м^3	...	18,90	20,24	21,80	23,23
Водоснабжение горячее, за м^3	71,10	121,66	128,67	135,70	143,96
Отопление, за Гкал	...	1649,18	1735,87	1771,19	1818,60
Газ сетевой, за месяц с чел.	43,81	67,56	68,24	73,04	75,59
Газ сжиженный, за месяц с чел.	165,79	254,52	275,23	278,02	273,55
Электроэнергия в квартирах без электроплит за минимальный объём потребления[2)], в пересчёте за 100 кВт ч	232,03	333,42	359,02	371,44	387,16

[1)] 2015—2016 гг. — включая взнос на капитальный ремонт.
[2)] 2010 г. — электроэнергия в квартирах без электроплит.

Сост. по: [2, с. 61]

Одной из причин неблагополучия населения является безработица. В 2018 г. средний возраст безработных в ДФО составил 36,3 лет. В 9 из 11 субъектах ДФО наибольшая доля безработных приходится на молодёжь в возрасте от 20 до 29 лет. Хуже всего дело обстоит в Хабаровском крае, где в 2018 г. более 40% молодёжи не могло найти себе работу [8, с. 159].

Очевидно, что жилищная проблема не является сугубо экономической и имеет более широкие проявления и последствия, связанные с реформой ЖКХ, которая довела отраслевое хозяйство до кризисного состояния. Сегодня многие населённые пункты, когда-то процветавшие, ещё сохраняют построенные ранее дома, как памятники советскому строю, но многие находятся в депрессивном состоянии — действующих предприятий нет, как нет и колхозов, совхозов, которые обеспечивали трудовую занятость жителей сельской местности, отсутствуют коммуникации.

Государственная политика по отношению к российскому Дальнему Востоку должна измениться. Целесообразно вернуться к мерам, которые применяли власти в Российской империи и СССР, среди них — налоговые льготы (в том числе земельный налог не оплачивался 20 лет [7]), ссуды до 1% или беспроцентные, отсрочка на два года платежей по ссудам [5], денежная помощь в размере 50% от стоимости ремонта или строительства домов, государственное строительство жилья [6], доступные тарифы, создание рабочих мест и т.д.

Анализ уровня жизни дальневосточников показывает, что в поиске решений проблем региона современными органами управления не учтены исторические уроки. Современная государственная политика не содержит мер, которые позволят достигнуть ожидаемого результата реализации программы «Дальневосточный гектар» — увеличения численности населения региона.

Таким образом, проблемы граждан в жилищной сфере вызваны неэффективной социально-экономической политикой и реформой ЖКХ. В ходе реформирования оказались нерешёнными вопросы социальной и правовой защиты граждан от негативного влияния рыночных отношений.

Оценивая состояние жилищной сферы в региональном измерении, можно сделать вывод, что цивилизованный рынок жилья на Дальнем Востоке не сформирован, доходы населения низкие и не позволяют решать жилищные проблемы большинству дальневосточников, тарифы экономически не обоснованы и отданы на усмотрение монополистов, высок процент безработицы среди молодёжи — всё это неизбежно приводит к оттоку населения из региона. Если не изменить положение граждан в жилищной сфере дальневосточного региона, то количество постоянно проживающих здесь жителей будет продолжать сокращаться.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Динамика индивидуального жилищного строительства в России и государственные меры, направленные на развитие сектора // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. № 54. 23 с.
2. Жилищное хозяйство в России. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 78 с.
3. Индивидуальное жилищное строительство // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2016. № 16. 13 с.
4. О жилищном строительстве в 2019 г. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/20.htm (дата обращения: 15.05.2020).
5. Постановление СНК СССР от 01.02.1930 «О дополнительных льготах для переселенцев в Дальне-Восточный край». URL: http://istmat.info/node/49405 (дата обращения: 18.05.2020).
6. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О льготах по сельскохозяйственному переселению» от 17.11.1937 № 115/2043. URL: http://istmat.info/node/23548 (дата обращения: 30.05.2020).
7. Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири от 27.04.1861 № 36928 // Полн. собр. законов Российской империи. 1861. Т. 36. С. 682—685.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 1204 с.
9. Социально-экономическое положение федеральных округов 2019 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_20/Main.htm (дата обращения: 15.05.2020).
10. Средние цены на рынке жилья по Российской Федерации в 1998—2019 гг. URL: https://www.gks.ru/ storage/mediabank/tab-hous2.html (дата обращения: 25.05.2020).

IV. РЕФОРМЫ И РЕЛИГИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 342.7(075.8)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10031

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ: ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Марина Ивановна Данилова,
доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар.
E-mail: madary@mail.ru;

Наталья Юрьевна Ембулаева,
кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.
E-mail: nembulaeva@mail.ru

В статье показана эволюция идеологии и деятельности религиозных организаций в постсоветский период, укрепление консервативных тенденций в развитии государственно-церковных отношений и внутренней жизни религиозных организаций. Отражена реакция верующих и неверующих на новую, постковидную, реальность и политическую ситуацию. Важной задачей является поиск гражданского согласия и консенсуса в обществе в период социально-политических перемен и трансформаций. Сохранение духовно-нравственных основ общества, соблюдение свободы вероисповедания и демократических свобод — вот первоочередные задачи в решении религиозного вопроса в России.
Ключевые слова: религия, общество, эволюция, государство, демократия, свобода совести, свобода вероисповедания, постсоветский период, конституция.

THE RELIGIOUS QUESTION IN RUSSIA: FROM PERESTROIKA TO THE PRESENT

Marina Danilova, Kuban state agrarian I.T. Trubilin University, Krasnodar, Russia. E-mail: madary@mail.ru.
Natalia Embulaeva, Kuban state agrarian I.T. Trubilin University, Krasnodar, Russia. E-mail: nembulaeva@mail.ru.

The article presents the evolution of the ideology and activities of religious organizations in the post-Soviet period, strengthening the conservative trends in the development of state-Church relations and the internal life of religious organizations. It reflects the reaction of believers and non-believers to the new, post-COVID reality and political situation. An important task is to find civil consent and consensus in society during the period of socio-political changes and transformations. Preserving the spiritual and moral foundations of society, observing religious and democratic freedoms — these are the priority tasks in solving the religious issue in Russia.
Keywords: religion, society, evolution, state, democracy, freedom of conscience, freedom of religion, post-Soviet period, constitution.

Постановка проблемы. Стремительность происходящих перемен в мире и стране обострила проблемы взаимоотношения человека и общества, государства и религиозных организаций, верующих и неверующих. Установление прав и свобод в реформируемом обществе является одной из важных проблем в настоящее время.

Цели. Проследить эволюцию взаимоотношений государства и религиозных организаций, государства и общества с начала перестройки до настоящего времени. Оценить либеральную политику государства и причины поворота к административному давлению в наши дни.

Методология. Оценка социологических исследований и замеров уровня религиозности, применение историко-логического метода и метода компаративистики в оценке стадий развития государственно-церковных отношений. При этом использовались материалы диссертационных исследований, специальная периодика и архивные данные Краснодарского края.

Обсуждение темы. Глобализационные процессы, стремительность развивающихся событий, сложность и драматизм происходящих в стране изменений проявляются в экономике и различных сферах общественно-политической жизни. На эти процессы существенно повлияла пандемия коронавируса, породившая, по мнению учёных, новую реальность, с которой человечество только осваивается. Значительные изменения в последние десятилетия произошли и происходят в области государственно-церковных отношений, которые в значительной мере предопределяют характер жизни

религиозных организаций и верующих граждан. Суть этих изменений предопределяется характером социально-политических и экономических установок государства, курсом руководства страны: или на демократизацию всех сторон жизни общества, или на консервацию традиционных устоев и подходов к хозяйственной деятельности.

Отношение религиозных организаций и верующих к обществу и государству определяется их местом в системе общественных связей, возможностью самоосуществления и самореализации, правовой защищённостью и уверенностью в перспективах развития. Кроме этого, социальная и духовная активность регулируется деятельностью религиозной организации и теми доктринальными установками, которые в определённый момент истории исповедует конфессия. Положение религиозной организации и верующего гражданина в обществе и государстве, в свою очередь, их отношение к официальному социально-экономическому и политическому курсу развития, нравственный климат в стране оказывают влияние на изменение идеологии и характера деятельности религиозных организаций, модификацию теологии, актуализацию их содержания. При этом трансформируются способы воздействия на сознание и поведение людей, позволяющие удерживать приверженцев религии в рамках религиозного мировоззрения.

Анализ эволюции гражданских позиций религиозных организаций, рядовых верующих, исследование социальных доктрин религиозных организаций, принятых в постперестроечный период развития России, позволяют выявить изменения во взаимоотношениях человека и общества, гражданина и религиозной организации с государством.

Началом либерально-демократических реформ следует считать период перестройки (1985—1991 гг.), ставшей масштабным явлением в политической, экономической и общественной жизни СССР. Это был курс на демократизацию всех сторон жизни общества и государства, системы управления, на введение элементов рыночных механизмов, результатом которых должно было стать повышение эффективности экономики. Ставилась задача утвердить принципы гласности, открытости и личных свобод в обществе.

Социальные и духовные факторы перестройки оказали существенное влияние на гражданские позиции религиозных организаций и верующих. Исследования того времени отмечали пристальный интерес верующих к развернувшимся в стране процессам, появились идеи перестройки в сфере отношений государства и церкви, изменилось положение верующего человека в обществе. При этом в материалах исследований фиксируется в целом настороженное (особенно у протестантов), недоверчивое отношение к смелым идеям и программам перестройки [1, с. 59]. Получили одобрение решения об организации индивидуальной трудовой деятельности. В Краснодарском крае верующими были организованы первые

кооперативы: по натирке полов, выпечке хлебобулочных изделий, столярные мастерские и др. Кооперативы по ремонту легковых автомобилей, созданные по всему краю, носили на первых порах конфессиональный характер: в них трудились в основном единоверцы. Позднее эти коллективы стали принимать на работу иноверцев или вообще неверующих, но на конкурсной основе. К принимаемым в кооперативы кандидатурам предъявлялись требования отказаться от вредных привычек, строго соблюдать дисциплину, что должно было обеспечить качество работы и авторитет организации в регионе, а следовательно, и высокие заработки.

В этот период резко возросла критика нравственных ценностей атеистов и неверующих. В обществе зазвучала тревога по поводу значительного числа алкоголиков, наркоманов, обеспокоенность фактами проституции. Религиозные организации предложили свои услуги в борьбе с этим злом: именно в этот период появляются первые программы по реабилитации алкоголиков и наркоманов, школы молодых семей, детские организации, летние лагеря и спортивные клубы. Социальная активность религиозных организаций стала первым откликом на изменения в общественно-политической сфере общества. Кроме того, исследования говорят о росте интереса верующих граждан к средствам массовой информации, об усилении политических мотивов в духовных проповедях и службах — в них звучал призыв к миру, единению всех народов, чётко прослеживалась идея быть полезным Родине через труд, молитву и социальное служение. Религиозные организации активно обсуждали новые законы, реформы, выносимые на всенародное обсуждение. Таким образом, первый период либерально-демократических преобразований, именуемый «перестройкой», показал включённость религиозных организаций и верующих граждан в сферу земных, острых проблем современности, отразил их позитивное отношение к первым росткам демократии как политической и нравственной ценности, стремление участвовать и влиять на реальную жизнь страны. Конечно, религиозные институты стремились в этот период истории по-своему толковать вопросы жизни верующих: истинное воздействие меняющейся жизни проявлялось опосредовано, косвенно.

В лоне церквей зрели идеи собственной перестройки, требовались изменения во внутрицерковной жизни, демократизировались службы, корректировался характер проповеди, совершенствовалось мастерство общения священнослужителей с паствой, росло умение создавать атмосферу сопереживания, доверия, соучастия.

Однако в религиозной среде всё чаще и отчётливей проявлялись свидетельства недовольства деятельностью руководящего звена духовенства, звучали призывы к контролю над жизнью и работой иерархов церкви, пресвитеров, проповедников, причём это была критика недостатков личностного характера.

В полном соответствии с религиозными доктринами конфессий многие верующие тогда, да и позднее, рассматривали себя как носителей высоких духовных ценностей и идеалов, способных преобразить мир.

Надежды, рождённые в этот период исторического развития, дали толчок к разработке в дальнейшем, уже в эпоху либеральных реформ Б.Н. Ельцина и В.В. Путина, социальных доктрин основных религиозных конфессий в России, обеспечили бурный рост хозяйственной деятельности религиозных организаций, способствовали расцвету миссионерской деятельности, разработке богословия и росту числа религиозных организаций, особенно протестантского толка.

Происходили серьёзные изменения в области законодательного регулирования деятельности религиозных организаций и в сфере государственно-церковных отношений. В религиозных организациях Кубани пристально следили за стремительной отменой ограничений и запретов, начавшихся в 1988 г. Делалось это буквально явочным путём. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и другие нормативные акты не выполнялись. Государство прекратило контроль над деятельностью религиозных организаций. И центральные, и местные власти как бы не замечали несоблюдения законодательства в религиозной сфере.

Следует заметить, что в это время прекратили свою деятельность общественные атеистические центры, научные школы и пропагандистские организации. Популярный общероссийский журнал «Наука и религия» изменил свою редакционную политику, сменив научную направленность в изучении феномена религии на историко-богословскую и даже миссионерскую. Научное изучение религии перестало быть делом государства и общества.

В этих условиях разрабатывается и принимается 1 октября 1990 г. закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», который дал церковным учреждениям права юридического лица, право владеть недвижимостью, активно участвовать в общественно-политической деятельности, пользоваться возможностями СМИ. Кроме того, статья 6 данного закона предоставляла широкие возможности для обучения детей. Священнослужители получили право исполнять религиозные обряды в системе здравоохранения и местах заключения. Закон упразднял Совет по делам религий, на его основе был создан Информационный, консультативный и экспертный центр. Существует мнение, что этот закон о признании религиозных прав и свобод в СССР был принят в рамках подготовки к 1000-летию Крещения Руси, которое было объявлено событием мирового масштаба. Здесь следует признать, что либерализация политики государства в области прав и свобод личности началась гораздо раньше, тщательно прорабатывалась, а празднование 1000-летия стало лишь поводом для объявления нового курса на демократизацию религиозной жизни. Закон СССР просуществовал только

15 мес. — до распада СССР. Однако его значение велико: именно он приблизил отечественное законодательство о свободе совести и религиозных организациях к международным стандартам.

Параллельно принимается Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий», который, в свою очередь, отразил стремление общества к коренной реформе государственно-церковных отношений, обретению подлинной свободы совести для граждан новой России. Закон сразу подтвердил свою актуальность и жизнеспособность. За первые шесть лет после его принятия число религиозных объединений в России увеличилось с 5500 до 12 000. Государство передало им в собственность или бесплатное пользование свыше тысячи молитвенных домов, уникальных предметов культа, ранее входивших в музейный фонд страны, выделило из госбюджета средства на ремонт и восстановление храмов [4, с. 289].

В Краснодарском крае, согласно итоговым годовым отчётам за 1991—1997 гг., увеличилось число православных приходов и общин протестантского толка, в том числе Евангельских христиан-баптистов [2].

Разворачивавшиеся политические процессы в стране и стремительное развитие религиозной жизни, усложнение межконфессиональных отношений, подогреваемое непростой ситуацией в межнациональной сфере, а на юге России — возрождение и утверждение казачества в качестве не столько духовно-культурной, сколько политической силы, — всё это потребовало разработки новой модели государственно-церковных отношений. Отделительная модель перестала отвечать потребностям нового этапа развития страны. Усердно внедряемый в общественное сознание миф о решающем влиянии религии на развитие политической, идеологической, экономической и культурно-образовательной жизни стал приносить свои плоды. Заигрывание представителей власти с церковью, использование религии в политических целях, создание политических объединений религиозной направленности, в которых состояли представители законодательной и исполнительной власти, приводило к тому, что церковь втягивалась в политику и государственное управление, что было запрещено церковными уставами и Конституцией страны. Такая политика государства и позиция религиозных организаций обеспечили повышение престижа церкви и религии в глазах общественности, появились первые признаки клерикализма.

Позднее эта особенность укреплялась. Многие государственные мероприятия стали сопровождаться религиозными обрядами (прежде всего — православными), церковь начала активно внедряться в образовательную сферу, науку, культуру, армию, здравоохранение. Постепенная клерикализация государственной и общественной жизни в наши дни вызывает всё большую тревогу. Политика «открытых дверей» позволила религиозным объединениям наладить активные связи с единоверцами за пределами страны,

получать от них не только духовную поддержку, но и финансирование, а это привело к резкому росту числа иностранных миссионеров, которые не только вели проповедническую работу, но и создавали новые, ранее не функционировавшие в России религиозные организации. Эта деятельность, никак не контролируемая государством, привела к появлению нетрадиционных течений, которые учёные стали именовать «новыми религиозными движениями», нетрадиционными религиями, сектами и пр.

В свете таких явлений в религиозной сфере стало очевидно, что закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» в некоторых положениях оказался юридически несовершенным, страдал нечёткостью дефиниций и формулировок, что затрудняло правоприменительную практику. Было решено внести поправки в имеющийся закон. Однако дальнейшая работа над документом показала, во-первых, заинтересованность Русской православной церкви (РПЦ), определённых политических сил, общественных организаций в решительном изменении положений закона в пользу одной церкви — РПЦ, во-вторых, этого желали влиятельные представители государственных органов, в прошлом осуществлявшие управление религиозной жизнью в стране. В этих условиях был разработан и принят новый закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» (от 26 сентября 1997 г.).

Вокруг этого закона как на стадии разработки и принятия, так и до сих пор, ведутся яростные дискуссии и теоретические споры, прежде всего, в силу неразработанности основных дефиниций закона — свободы совести и свободы вероисповедания. Вместо них закон содержит политические положения, отражающие интересы определённых политических сил и доминирующего православия. Закон в преамбуле закрепляет привилегированный статус государствообразующей конфессии — РПЦ. И хотя это положение не имеет юридической силы, в реальности, учитывая недостаточный уровень правовых знаний и культуры, оно работает против представителей других религий. Кроме того, закон говорит о свободе граждан иметь религиозные или иные убеждения. Однако подпадают ли сюда атеистические и богоборческие убеждения, понять нет возможности. В условиях тотального навязывания религии населению, неразработанности правового положения людей с нерелигиозным мировоззрением, а также учитывая то, что многочисленные опросы общественного мнения указывают на большую численность людей с безрелигиозным мировоззрением (от трети до половины населения России), эти граждане находятся в непростом положении. Многие из них заявляют, что закон не защищает их, что их обвиняют в оскорблении чувств верующих.

О несовершенстве закона говорят многочисленные факты дискриминации протестантских религиозных организаций, которым трудно было подтвердить 15-летний срок существования религиозной группы на опреде-

лённой территории для получения государственной регистрации и статуса юридического лица. Часть протестантских групп, причисляемых к сектантам, по причинам гонений на них со стороны государства просто не могла иметь таких документов. Некоторые религиозные организации были ликвидированы по распоряжению властей, но верующие люди никуда не делись, их мировоззрение оставалось прежним, они сохраняли общинное единство и исповедовали своё учение в подполье. В Краснодарском крае к числу таких деноминаций относим, например, многочисленные группы христиан веры евангельской.

С проблемой регистрации столкнулись как представители нетрадиционных религий (все, кроме, православия, ислама, буддизма и иудаизма), деятельность которых на протяжении истории укрепляла государственность, способствовала хозяйственному развитию и расцвету духовной и материальной культуры, так и неокульты, впервые заявившие о себе в нашей стране.

Принятый в 1997 г. закон, конечно, выполнил свою задачу в новых исторических условиях, регламентировав ряд важнейших вопросов, выработав некоторые понятия, такие как «религиозное объединение», «религиозная организация», «религиозная группа», чётко обозначив порядок регистрации и ликвидации религиозных организаций, права и условия деятельности, а также надзор за работой религиозных объединений. Важно и то, что закон регламентировал отдельные виды деятельности (культовую и внекультовую), определил правовой статус имущества религиозных организаций, права собственности и трудовых правоотношений внутри религиозной организации.

Время показало, что и этот закон не был лишён недостатков. Изменилась общественно-политическая, экономическая и культурная реальность. Условия постоянных внешних вызовов и санкционной политики в отношении России, глобализационные влияния, стремление дискредитировать традиционные ценности народа, пересмотреть и переписать историю народов и всей страны требовали, и сегодня требуют внесения изменений в законодательство о свободе совести. Следует признать, что за двадцатилетний исторический период был принят целый ряд законов, регламентирующих самые разнообразные сферы жизни общества и человека — от образовательной до военной. И если первое десятилетие реализации закона 1997 г. было направлено на расширение и гарантирование свобод человека и гражданина, демократизацию социально-политических и духовных основ государства, и этот период не случайно получил определение «религиозный ренессанс», то второе десятилетие, особенно последняя пятилетка, стало периодом отката от достигнутого, сворачивания границ религиозных свобод. Кроме того, под политику «закручивания гаек» подпали уже не только

верующие и их организации, но и неверующие, атеисты и свободомыслящие. Сама наука приготовилась вернуться в лоно религии.

В течение последнего десятилетия исчезла традиция отстаивания научного мышления, авторитета науки, в высших учебных заведениях не учат мастерству аргументации в спорах с представителями ненаучного знания. Как по команде, при вузах выстроены храмы, а священнослужители особым образом окормляют студентов в сессионный период. В Краснодарском крае бытует практика посещения учащимися спецмолебнов в местных храмах как условие допуска к экзаменам на сдачу ЕГЭ (Динской, Усть-Лабинский, Тимашевский районы), этот процесс курируют учителя выпускных классов. Фактически в обществе наложен запрет на критическое самостоятельное мышление, что явно не способствует развитию научно-технического прогресса и экономическому «прорыву».

Многие из руководителей организаций нетрадиционных религий (лидеры Краснодарской организации Общества Сознания Кришны и др.) с теплотой вспоминают контакты с сотрудниками отдела по взаимодействию с религиозными организациями при Администрации Краснодарского края времён 2000—2010 гг., семинары и круглые столы с представителями общественности, учёными, молодёжью [3; 5]. Диалог по актуальным для страны вопросам является профилактикой конфликтов в отношениях между конфессиями, верующими и неверующими, религией и наукой. Поиск точек соприкосновения в культурном строительстве всех членов общества многонациональной и многоконфессиональной России — вот одна из первоочередных задач, требующая разрешения в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ембулаева Л.С. Протестантизм о взаимодействии человека и общества (на материалах баптизма): дисс. … канд. филос. наук. М., 1989.
2. Ембулаева Л.С., Зуб Л.А. Религиозные организации Краснодарского края: справочник. Краснодар: Служебное изд. администрации Краснодарского края, 2001. 250 с.
3. Проблемы становления правового государства в современной России: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Ч. 1. Юридические аспекты правового государства. Краснодар: Атриум, 2005. 330 с.
4. Розенбаум Ю. Некоторые проблемы государственно-конфессиональных отношений на современном этапе // Диа-Логос. Религия и общество. Вып. 2. М., 1997. С. 288—292.
5. Философия, наука, религия: в поисках диалога: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Краснодар: Изд. КубГАУ, 2004. 252 с.

УДК 348(574)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10032

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ РЕЛИГИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ: ПОДХОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Роман Анатольевич Подопригора,
доктор юридических наук, профессор, Каспийский университет, г. Алматы, Республика Казахстан.
E-mail: sakner@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования в религиозной сфере в Казахстане в постсоветский период (1991—2020). Отмечаются сложности такого регулирования, вызванные отсутствием опыта, отношением государства и общества к религии, в частности, и к негосударственной активности в целом, фактическим положением религиозных объединений, угрозами экстремизма и терроризма. Выделяются два характерных периода правового регулирования — либеральный и запретительный, анализируются последствия таких подходов и для религиозных объединений, и для общества. Делается вывод: государство начинает осознавать, что проблемы в религиозной сфере невозможно решить с помощью только административно-правовых инструментов, постоянного давления, криминализации действий, не представляющих общественной опасности.
Ключевые слова: Казахстан, религия, религиозные объединения, государство, право, правовое регулирование.

LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF RELIGION IN POST-SOVIET KAZAKHSTAN: APPROACHES AND CONSEQUENCES

Roman Podoprigora, Caspian University, Almaty, Republic of Kazakhstan.
E-mail: sakner@gmail.com

The article researches the issues of legal regulation in the religious areas in post-Soviet Kazakhstan. Difficulties of such regulation are explained by the lack of experience, the attitude of the state and society to religion, in particular, and to non-state activity in general, the actual status of religious associations, threats of extremism and terrorism. Two distinctive periods — liberal and restrictive — and their consequences for the religious associations and society are also analyzed in the article. The author concludes: the state is beginning to understand that problems in the religious sphere cannot be solved using only administrative and legal tools, constant pressure, and criminalization of actions that do not pose the public danger.
Keywords: Kazakhstan, religion, religion associations, state, law, legal regulation.

Правовое регулирование в сфере религии в Казахстане, несмотря на то, что уже прошло почти тридцать лет с момента обретения независимости и формирования собственной правовой базы, вызывает много вопросов и проблем. Основными причинами этого являются следующие.

1. *Отсутствие опыта правового регулирования.* Казахстан, как и другие республики бывшего СССР, практически не знал такого субъекта права, как религиозные объединения. Конечно, нельзя сказать, что регулирования не было вообще. Оно было, но его трудно назвать правовым. Существовало огромное количество административных запретов, предписаний, обязанностей в отношении верующих и их ассоциаций. Никого не интересовали вопросы собственности, трудовых отношений в религиозных объединениях. Соответственно, в новых условиях законодательство, формально признавая религиозные права, свободы верующих и юридическую личность религиозных объединений, не готово учитывать особенности религиозной сферы.

2. *Отношение к верующим и религиозным объединениям.* Несмотря на изменение общего отношения к религии после распада СССР от негативного к позитивному или нейтральному, верующие и религиозные объединения не вовлекаются в общественное пространство. Их сферой деятельности остаётся удовлетворение религиозных потребностей. Соответственно, большинство правовых норм нацелено на создание определённых рамок, в которых верующие и их ассоциации могут функционировать. Преимущественно это административно-правовые нормы с большим количеством запретов, ограничений и предписаний и малым количеством дозволений.

3. *Общая настороженность государства к частной инициативе.* Религиозные объединения являются составной частью неправительственного сектора. Государство с подозрением относится к любым частным игрокам — общественным объединениям, политическим партиям, профессиональным союзам, СМИ — и пытается контролировать их деятельность, что исключает предоставление им прав, гарантий от государственного вмешательства.

4. *Отсутствие материальной базы.* За годы независимости религиозные объединения так и не стали собственниками имущества, включая здания и помещения, используемые для религиозных целей. Они не вовлечены в хозяйственный оборот, что обусловливает практическую неприменимость к ним многих норм гражданского, трудового, налогового права. Отсутствие внимания к религиозным организациям отмечают и российские исследователи. Так, П.В. Сергеев констатирует, что в современной России религиозные организации практически не рассматриваются наукой в качестве субъектов коммерческой деятельности, обладающих какой-либо спецификой на товарном рынке и нуждающихся в специальном исследовании [7, с. 125—126].

5. *Угрозы насильственного экстремизма и терроризма.* Многие вопросы в религиозной сфере рассматриваются через призму противодействия

экстремизму и терроризму. Это также предопределяет использование в правовом регулировании запретов и ограничений с объяснениями необходимости противостоять экстремистским и террористическим угрозам.

Несмотря на вышесказанное, правовое регулирование религиозной сферы в постсоветском Казахстане не было однородным. Мы выделяем два периода, которые условно называем либеральным (1991—2004) и запретительным (2004—2020).

Либеральный период. Несколько месяцев после обретения независимости в Казахстане действовал Закон СССР от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях», которому в этом году исполняется 30 лет. 15 января 1992 г. в Казахстане принимается собственный Закон «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», который во многом основывался на союзном законе.

И союзный, и казахстанский законы были, можно сказать, революционными. Впервые верующие и религиозные объединения получили невиданные ранее права и свободы, причём не только в религиозной деятельности. Помимо совершенно иных правовых возможностей совершения богослужений, обрядов, проведения собраний, миссионерской и образовательной деятельности, они стали полноправными субъектами права, получили возможность быть собственниками, принимать на работу граждан, заниматься благотворительной и предпринимательской деятельностью. Была отменена обязательная регистрация религиозных объединений, упразднён специальный государственный орган по делам религий.

Такая правовая либерализация не замедлила сказаться на религиозной обстановке. Если в 1989 г. в Казахстане было 671 религиозное объединение, то в 2004 г. их стало около 4000 (зарегистрированных и незарегистрированных) [4, с. 2]. Изменилась конфессиональная структура. В советском Казахстане количественно преобладали протестантские объединения (главным образом по причине массовой депортации в Казахстан немцев, которые через религиозные объединения пытались сохранить свою идентичность), в постсоветский период доминирующие позиции заняли исламские объединения. В страну активно проникали миссионеры различных религиозных направлений, что со временем стало вызывать недовольство со стороны населения и негативное отношение государственных органов. В 1991 г. в Казахстане было одно религиозное учебное заведение, в 2004 г. их стало 17 [4, с. 2]. В 2004 г. у религиозных объединений было в собственности 2302 зданий [4, с. 2], в то время как в советский период они вообще не могли быть собственниками какого-либо имущества.

Религиозные объединения активно участвовали в социальной жизни: осуществляли самостоятельно или совместно с государственными органами проекты в сфере образования, здравоохранения, культуры, служили

в местах лишения свободы. Только одна из церквей с начала 1990-х гг. потратила в Казахстане на гуманитарные и благотворительные проекты около 10 млн долл.

Но уже с середины 1990-х гг. стали раздаваться голоса о том, что законодательство очень либерально. Перечислим основные причины.

- Значительный рост религиозных объединений и их общественная активность. Это было неожиданным для преимущественно атеистического общества.
- Агрессивная миссионерская деятельность. Некоторые миссионеры считали, что они прибыли в языческую страну с миссией обращения большинства населения в христианство [8, с. 86—87].
- Начавшиеся процессы политизации и радикализации религии, главным образом это касается ислама. Исламские миссионеры приезжали из Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта, Турции и других стран. Некоторые из них были связаны с радикальными и фундаменталистскими исламскими центрами и предлагали политические и идеологические альтернативы существующему в Казахстане политическому режиму.

Несмотря на официальное декларирование важности религиозных ценностей, подозрительное отношение к религиозным вопросам как своеобразное наследие советского времени продолжало сохраняться. Кроме того, представители государственных органов очень часто стали говорить об угрозах радикализма и экстремизма в связи с религиозными факторами [1, с. 4; 5, с. 2]. Причём подозрительное отношение наблюдалось не только со стороны государственных органов, но и со стороны общества. Социологические исследования показывали, что больше половины населения поддерживало введение ограничений для религиозных объединений и миссионеров [2, с. 34].

Запретительный период. В 2004 г. начинается возвращение государства в религиозную сферу. В этом году вводится институт религиоведческой экспертизы. В 2005 г. появляются положения об обязательной регистрации религиозных объединений и миссионеров, реанимируется специализированный государственный орган — Комитет по делам религий Министерства юстиции Республики Казахстан. Восемь законов внесли десятки поправок в Закон 1991 г. Их могло быть и больше, но Конституционный Совет дважды признавал законы о поправках неконституционными. Надо признать, что в это же время государство начало серьёзное наступление на другие права и свободы (собраний, ассоциаций, распространение информации), и понятно, что для религиозных прав не могло быть сделано исключение.

Давление немного стихло в 2009—2010 гг., когда Казахстан председательствовал в ОБСЕ. Но в 2011 г. очень быстро и скрытно от общества был разработан новый Закон о религиозной деятельности и религиозных

объединениях, который принимается 11 октября 2011 г. Для его продвижения создали даже специальный орган — Агентство по делам религий (достаточно высокий уровень в системе государственной администрации в те годы). Закон вызвал очень большую волну критики со стороны местных и зарубежных религиозных объединений, правозащитных организаций, иностранных государств, но они никак не могли повлиять на его принятие. Закон 2011 г. очень серьёзно сказался как на религиозной обстановке, так и на правовых возможностях религиозных объединений.

В плане религиозной обстановки на треть снизилось количество религиозных объединений (с 4551 до 3088 [3, с. 4]). Сокращение произошло, прежде всего, по причине новых количественных критериев для создания местного религиозного объединения (если ранее требовалось 10 чел., то по новому закону — 50). Но большинство объединений, которые не отвечали новым государственным требованиям и не имели шансов на перерегистрацию, никуда не исчезли: они либо влились в другие религиозные объединения, либо стали существовать нелегально. По имеющимся оценкам, в Казахстане действует около 2000 незарегистрированных организаций [6, с. 14].

Также снизилось количество централизованных (республиканских и региональных) объединений. В качестве республиканских, помимо Духовного Управления Мусульман Казахстана (ДУМК), зарегистрирован только Митрополичий округ Русской Православной Церкви в Республике Казахстан (Православная Церковь Казахстана), а в качестве региональных — несколько епархий, входящих в состав Митрополичьего округа РПЦ и Христианский Центр Свидетелей Иеговы. Все мусульманские религиозные объединения де-факто должны входить в состав ДУМК.

Заметно сократилось число религиозных образовательных учреждений. Если в 1995 г. в Казахстане существовало 25 таких учреждений, принадлежавших семи деноминациям, то в 2018 г. стало 15. Большинство из них исламские, только Русская Православная Церковь и Католическая Церковь имеют по одному учебному заведению [9, с. 594]. Возобновилась эмиграция по религиозным мотивам, которая почти сошла на нет в годы, предшествующие принятию нового закона.

Заметно изменились и правовые возможности. Закон сохранил введённые ранее институты обязательной регистрации религиозных объединений и миссионерской деятельности, расширил основания для проведения религиоведческой экспертизы (практически вся религиозная литература и предметы религиозного назначения, поступающие и обращающиеся в Казахстане, должны пройти экспертизу).

Помимо этого, он ввёл: запрет религиозной деятельности (включая индивидуальные обряды) в государственных органах и государственных организациях, а также в организациях образования; необходимость согласования

с государственными органами мест проведения богослужений, собраний (в случае если здание не является культовым), распространения религиозной литературы и предметов религиозного назначения; ограничения религиозной деятельности за пределами территориальной единицы, в которой религиозное объединение зарегистрировано; более жёсткие процедуры государственной регистрации.

В итоге этих и некоторых других ограничений и запретов сфера деятельности религиозных объединений заметно сузилась. Им, как и в советское время, дозволяют в строго определённых рамках заниматься удовлетворением религиозных потребностей. Всё, что находится за их пределами, — нежелательно. В правоприменительной практике стали встречаться случаи привлечения к ответственности за чтение молитв в хосписах, организацию детских лагерей по просьбе верующих родителей, дарение религиозной литературы в неустановленных местах, скачивание религиозных текстов в гаджеты и т.д. На призывы государственных органов помочь в решении общественных проблем (например, в борьбе с коррупцией) религиозные лидеры отвечают, что они могут помочь, но при этом вынуждены будут нарушать законы.

Всё это последствия ужесточения государственной политики и правовых основ в религиозной сфере. Объясняется такое ужесточение по-разному: необходимость усиления контроля в религиозной сфере, оптимизация числа религиозных объединений, ограничение их доступа в публичную сферу, важность противодействия религиозному экстремизму и терроризму.

Почти 10 лет действия закона показали, что цели достигнуты. Но вряд ли это тот случай, когда надо радоваться такому достижению. Некоторые проблемы до сих пор существуют, к примеру, те же самые угрозы насильственного экстремизма и терроризма. Отсутствует адекватная оценка этих угроз, равно как и понимание причин их возникновения, а государственные усилия часто расходуются на борьбу с безобидными религиозными структурами и верующими.

Кроме того, государство до сих пор уверено, что оно изначально может разделить «хорошие» и «плохие» религии и сформировать разную правоприменительную практику по отношению к ним. Часто, когда принимаются очередные ограничения, заявляется, что законопослушным организациям не надо беспокоиться, обременения направлены на деструктивные, опасные организации. Но в действительности страдают в первую очередь именно законопослушные.

Надо признать, что государственные органы начинают понимать, что проблемы в религиозной сфере невозможно решить с помощью только административно-правовых инструментов, постоянного давления, криминализации действий, не представляющих общественной опасности.

На переосмысление также влияют и другие факторы: международные обязательства, о которых часто напоминают Казахстану международные организации и иностранные правительства; репутационные и инвестиционные моменты (Казахстан заботится о своей репутации, местах в различных международных рейтингах, инвестиционной привлекательности, на которую, в числе прочего, оказывает влияние ситуация с состоянием прав человека); региональная конкуренция, особенно со стороны Узбекистана, который также предпринимает меры по либерализации религиозной сферы.

Вместе с тем и в обществе, и в государстве до сих пор сильны подозрительные, а порой и враждебные настроения по отношению к религиозным институтам. Демонизация угроз экстремистской и террористической деятельности, необходимость обеспечения национальной безопасности, защиты т.н. традиционных духовных основ также сказываются на регулировании и правоприменительной практике. Права и свободы верующих и их ассоциаций не являются приоритетом, когда речь идёт об указанных выше обстоятельствах.

Можно предположить, что противостояние либеральных и запретительных подходов будет продолжаться в обозримом будущем. Многое будет зависеть от общего политико-правового режима после транзита власти, о котором сегодня все говорят в Казахстане, и изменения отношения общества к религии. Не исключено, что появятся основания для начала нового периода правового регулирования в сфере религии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Сергеев П.В. К вопросу о коммерческой деятельности религиозных организаций // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. 2019. С. 125—134.
2. Мухашов А. Залог стабильности общества // Казахстанская правда. 2004. 18 июня.
3. Трофимов Я.Ф. Государственно-церковные отношения в современном Казахстане. Алматы: «Әділет Пресс», 1997. 177 с.
4. Ережепов Б. Проповедники из подполья // Казахстанская правда. 2000. 29 янв.
5. Мухашов А. Религия очень чувствительный вопрос // Юридическая газета. 2000. 14 апр.
6. Иванов А. Правовые аспекты религиозной ситуации в Алматы. Социологическое исследование. Алматы, 2000.
7. Кадыров Б., Курпякова Н., Полонская Е. Религиозная грамотность — залог общественной безопасности // Казахстанская правда. 2012. 16 нояб.
8. Подопригора Р.А. Религиозная ситуация и проблемы свободы религии и убеждений в Казахстане // Свобода религии и убеждений в условиях современных вызовов: материалы Междунар. экспертного форума. Бишкек, 2016. С. 13—17.
9. Podoprigora R. School and religion in Kazakhstan: No choice for believers // Journal of school choice. 2018. No 12. P. 588—604.

УДК 323.11; 327.83
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10033

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА: РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В ОПТИКЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI в.

Ольга Константиновна Шиманская,
кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт Европы РАН, г. Москва.
E-mail: shimansk@mail.ru

Статья посвящена становлению государственно-церковных отношений в Республике Молдова после обретения ею независимости и провозглашения внутриполитического курса на демократические преобразования, принятия Конституции 1994 г. и Закона «О свободе совести, мысли и вероисповедания» 2007 г. Раскрывается роль доминирующего в стране православия в политическом процессе, предпринимается анализ причин раскола православного клира и паствы между Русской православной церковью и Румынской православной церковью, приведшего к появлению Бессарабской митрополии. Молдова — одна из самых религиозных стран не только постсоветского пространства, но и мира в целом. Глубина и приверженность русскому православию у населения, политических элит и партий объясняется тем, что оно выступало и продолжает оставаться символом национально-культурного возрождения региона, ядром системообразующих ценностей молдавского народа, его уникальной идентичностью. Все политические игроки в Молдове апеллировали и продолжают обращаться в своих программных установках к православию. Высокий авторитет православия во многом способствует сохранению пророссийской ориентации молдован и руководства страны, несмотря на мощное влияние Евросоюза.
Ключевые слова: Республика Молдова, государственно-конфессиональные отношения, реформы, демократия, религия, политика, православие, ценности, идентичность.

REPUBLIC OF MOLDOVA: RELIGION AND POLITICS IN THE OPTICS OF DEMOCRATIC REFORMS OF THE LATE 20th — EARLY 21st c.

Olga Shimanskaya, Institute of Europe RAS. Moscow, Russia.
E-mail: shimansk@mail.ru

The article is devoted to the establishment of state and church relations in the Republic of Moldova after gaining independence and proclaiming the internal

political course on democratic transformations, adoption of the Constitution of 1994 and the Law "On Freedom of Conscience, Thought and Belief" of 2007. The role of the dominant Orthodoxy in the country in the political process is revealed, the analysis of the reasons for the split of the Orthodox clergy and the flock between the Russian Orthodox Church and the Romanian Orthodox Church, which led to the appearance of the Bessarabian Metropolitanate, is undertaken. Moldova is one of the most religious countries not only in the post-Soviet space, but also in the world in general. The depth and adherence to Russian Orthodoxy among the population, political elites and parties is explained by the fact that it has been and continues to be a symbol of national and cultural revival of the region, the core of the system-forming values of the Moldovan people, its unique identity. All political players in Moldova have appealed and continue to appeal to Orthodoxy in their programming. The high prestige of Orthodoxy contributes greatly to the preservation of the pro-Russian orientation of the Moldovans and the country's leadership, despite the strong influence of the European Union.
Keywords: Republic of Moldova, state-religious relations, reforms, democracy, religion, politics, Orthodoxy, values, identity.

Постановка проблемы. Религиозный фактор, стремительно возродившийся в политической жизни стран Центральной и Восточной Европы после распада СССР в 1991 г., сегодня становится значимым и для стран Европейского Союза. Это связано с новыми реалиями и вызовами актуальной современности. Первый из них — это миграционный кризис, вызвавший упрочение ислама и появление других религий и религиозных общин на европейском континенте, который исторически связан с западным христианством (католицизмом и протестантизмом). Второй — внешний катастрофический удар коронавируса, порождающий страхи, эсхатологические настроения и сомнения в дееспособности современных государств, политической системы, секулярных теорий и веры в несокрушимость научно-технического прогресса. Третий — это растущая критика механистических теорий секуляризма и секуляризации общественного сознания, недооценивающих нелинейный и неравномерный характер общественных процессов, а также глубину и важность запросов человека на высшие ценности и смыслы. Всё это возвращает людей и общества к новому осознанию идентичности личности, локальных и региональных обществ, вновь обращает взоры к традиционным культурным ценностям, в основании которых лежит религия. Она выступает «якорем», стабилизатором общественного и личного сознания в периоды потрясений и вызванных ими реформ даже в тех регионах, которые инициировали и были в авангарде процессов секуляризации

и дехристианизации. В постсоветских странах массовое обращение к религии стало общим местом для населения, лидеров политических партий и движений, глав всех ветвей власти.

На рубеже XX—XXI вв. религия сыграла значимую роль в развитии политических процессов, проведении и легитимизации рыночных реформ и изменения политических систем на всём постсоветском пространстве. В бывших советских республиках, как и в СССР в целом, религия рассматривалась как умирающее ретроградное антинаучное мировоззрение. С переходом на путь демократизации общественно-политической жизни в массовом сознании граждан этих стран религиозные лидеры, религиозные организации и религиозное мировосприятие уже ассоциируется с противостоянием советской командно-административной системе. Религия воспринимается как хранитель подлинных гуманистических ценностей, система взглядов, отвечающая запросам времени. По сути дела, религия в разных её направлениях и вероучительных традициях превратилась в наиболее понятную массовой аудитории духовную альтернативу идеологии тоталитарного режима. Лидеры религиозных конфессий в постсоветских странах внезапно, в условиях кризиса идеологии советизма, приобрели небывалый не только нравственный, но и политический авторитет, просто по факту своего существования и месту в церковной иерархии. Это дало им возможность непосредственно и опосредованно влиять на политический процесс. Принадлежность к традиционному вероисповеданию, активно манифестируемая массами людей и вождями различных политических течений, превратилась в постсоветских странах в символ единения демократических сил общества против тоталитаризма. В этой связи реформирование системы государственно-конфессиональных отношений было важной и обязательной частью пакета либеральных реформ на всём постсоветском пространстве.

Цели данной статьи — рассмотреть эту проблему на примере территориально самой небольшой постсоветской страны — Республики Молдова (далее РМ), проследить, как шло формирование государственно-конфессиональных отношений в условиях постсоветского транзита и демократических реформ. Выявить основные особенности взаимодействия и взаимовлияния религии и политики в условиях системных рыночных реформ, роль религии и православия в стране.

Источниковая база исследования. Нормативно-правовые источники: Конституция Республики Молдова от 1994 г., Закон Республики Молдова от 11 мая 2007 г. № 125-XVI «О свободе совести, мысли и вероисповедания». Статистические данные Национального бюро статистики РМ. Официальные документы и заявления Русской православной церкви. Выступления Президента РМ. Контент-анализ средств массовой информации. Материалы полевых исследований в регионе.

Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ, предполагающий выделение наиболее существенных проблем, стоящих перед структурами вновь образованного независимого государства в разработке новой вероисповедной политики в 1990-е гг., причин увеличения веса православной религиозной традиции в Молдове, влияния Русской православной церкви на политические процессы в стране, причин раскола в православной среде и выделения из состава РПЦ части клириков и мирян, воссоздавших Бессарабскую митрополию в составе Румынской православной церкви. Системный анализ проходивших в условиях реформ религиозно-политических процессов. Цивилизационный подход в изучении проблем молдавской идентичности, вплоть до причин отказа от неё со стороны унионистов.

В своё время, оценивая выступления и действия политического истэблишмента РМ в 1990-е и нулевые годы по отношению к религии как таковой и православию как доминирующему в стране по количеству верующих, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН А.А. Красиков писал: «Относительно меньше других головной боли доставила Москве Молдавия» [7, с. 71], хотя позиция молдавского руководства и действующего митрополита корректируется множеством внутренних и внешних обстоятельств. Так, в 1992 г., сразу после провозглашения суверенной и независимой РМ, решением Священного Синода РПЦ Молдавская православная церковь получила статус самоуправляемой, что было определённой превентивной мерой по сдерживанию центробежных тенденций, уже обозначившихся в это время в ряде постсоветских республик у епископата, близкого к руководству своих государств. С этого времени Молдавская православная церковь осуществляет свою деятельность на основе томоса Патриарха Алексия II от 2 декабря 1994 г. [11]. Согласно Уставу РПЦ, органами церковной власти и управления Молдавской православной церкви выступают Собор и Синод, возглавляемые её Предстоятелем — им с 1989 г. и по настоящее время является митрополит Кишинёвский и всея Молдовы Владимир (Н.В. Кантарян, 1952 г.р.). Это авторитетный архиерей не только в Молдове, но и в православии в целом, с 2000 г. избран постоянным членом Синода РПЦ. На сегодняшний день в составе автономной Молдавской православной церкви после общецерковной реформы епархиального управления 2011 г. числятся шесть епархий: Кишинёвская, Кагульская и Комратская, Унгенская и Ниспоренская, Бельцкая и Фэлештская, Тираспольская и Дубоссарская, Единецкая и Бричанская. Основным богослужебным языком здесь является молдавский, в ряде приходов также используется церковно-славянский и гагаузский.

Особое отношение государства к Православной Церкви, укоренившееся в молдавской политике во время становления суверенного государства,

вызвано комплексом причин. Демократические реформы конца XX в. в Молдове облеклись в форму движения за национально-культурное возрождение региона, возвращение к традициями и вере предков, укоренённой в народной культуре. И православие имело для этого движения ключевую роль. Оно, не стремясь к этому целенаправленно, стало знаменем национально-освободительного движения в стране, было включено в идейный арсенал всех политических объединений страны (которых насчитывалось около 30), включая Партию коммунистов. 1990-е годы вошли в историю государственно-церковных отношений как время кардинальных перемен, приведших к изменению публично-правового статуса Церкви, её усиливающемуся влиянию на политические и духовные процессы, выдвижению православия если не де-юре, то де-факто на роль официальной государственной идеологии.

Интерес власти к Православной Церкви во многом был обусловлен высоким доверием к ней молдавского общества. Социологические опросы показывали, что ей доверяют около 80% населения страны, в то время как правительству — лишь порядка 30%, Парламенту — не больше 25%, политическим партиям — менее 15%, а Президенту — чуть более 30% [16]. В независимой Молдове часто и радикально менялся политический курс, стремительно появлялись и исчезали политики, а Церковь оставалась неизменной и незыблемой, упрочивала доверие населения, уставшего от постоянной турбулентности экономики, политической системы, внутри- и внешнеполитического курса. Отсюда обращение к православию — сильный аргумент в политических баталиях, особенно в ходе избирательного процесса и легитимации власти. По мнению молдавских учёных Л. Брага и Г. Роговой, эти тенденции «существенным образом изменили положение религии и в жизни нашей страны… в связи с предельной политизацией религиозного вопроса» [2], выдвинули религию на роль индикатора качества демократии, глубины перемен и ценностей. Религия в эпоху реформ оказалась в центре политической жизни страны.

С одной стороны, по Конституции 1994 г. РМ — это светское государство, признающее главенство международного права над национальным в области прав и свобод человека, где «свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются» [8]. В Конституции ст. 10 подчёркивает право граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности, ст. 31 гарантирует свободу совести, дух терпимости и взаимного уважения в отношениях между религиозными организациями (в молдавской трактовке — «религиозными культами»), запрещаются любые проявления вражды. Религиозные культы отделены от государства, однако в государственно-конфессиональных отношениях

конституционно закреплено социальное партнёрство для взаимодействия в армии, тюремном, больничном и сиротском служении. Закон РМ от 2007 г. «О свободе совести, мысли и вероисповедания» [5] при раскрытии общих положений постулирует допустимую терминологию в области свободы совести и вероисповеданий: религиозный культ, религиозная община, религиозное учреждение, религиозные убеждения, религиозная деятельность, верующий, руководитель религиозного культа, служитель религиозного культа, культовое сооружение, культовые предметы, богослужение и, наконец, чрезмерный прозелитизм.

Принципами отношения государства и религиозных культов выступают апробированные в большинстве стран Евросоюза: отделение, паритет, невмешательство, нейтральность и толерантность [9, с. 24—27]. Эти фундаментальные принципы накладывают тождественные обязательства и на деятельность религиозных культов в отношении политического процесса. Так, ст. 15 «Государство и религиозные культы» гласит: «Религиозные культы и их составные части должны воздерживаться от публичного высказывания или проявления своих политических предпочтений и покровительства какой-либо политической партии или общественно-политической организации» [5]. Нейтральность в то же время не предполагает полной сепарации религии, поскольку признаётся особая значимость Молдавской православной церкви в жизни, истории и культуре народа РМ.

Особая значимость православия прослеживается по данным официальных источников. По последней переписи населения 2014 г. количественные показатели по вопросу о свободе совести и религиозной принадлежности у граждан РМ таковы: из 2804,8 тыс. чел., участвовавших в переписи, 2611,8 тыс. дали ответ о своей мировоззренческой ориентации и 193 тыс. (6,9% всего населения) не ответили на этот вопрос, к агностикам себя причислили 427 чел., к атеистам — 5515. По религиозной принадлежности: православные — 2528,2 тыс. (96,8%), старообрядцы (поповцы — Русская православная старообрядческая церковь и беспоповцы — Древлеправославная поморская церковь) — 2535[1], католики — 2745, евангельские христиане — 2291, евангельские христиане-баптисты — 25 380, христиане веры евангельской — 4812, адвентисты седьмого дня — 9063, пятидесятники — 4393, Свидетели Иеговы — 17 341, представители иудаизма — 584, мусульмане — 2009, другие религиозные группы — 856 [10]. Число православных, по сравнению с переписью 2004 г., возросло в 1,3 раза.

---

[1] Многие старообрядцы традиционно уклоняются от переписи населения. По мнению заведующей археографической лабораторией МГУ им. М.В. Ломоносова Н.В. Литвиной, число их, по меньшей мере, вдвое больше, чем указано в переписи.

Самая крупная в пределах одного государства на постсоветском пространстве православная паства в организационном отношении расколота между двумя церковными юрисдикциями — Русской православной церковью и Румынской православной церковью. Наряду с Молдавской православной церковью на территории РМ с 2002 г. зарегистрирована Бессарабская митрополия Румынской православной церкви под руководством митрополита Петра (Пэдурару), история её образования уходит в межвоенный период. Раскол в православной среде Молдовы вызван распадом СССР. В 1992 г. группа священников и политиков от Христианской народно-демократической партии Молдовы (ХДНП) провозгласила задачу слияния Молдовы с Румынией, первым шагом к этому стало возобновление деятельности Митрополии Бессарабии под юрисдикцией Румынской православной церкви. Это действие Митрополией Молдовы, находящейся под юрисдикцией Русской православной церкви, было сочтено неканоническим и раскольничьим.

Политическое руководство РМ, выступавшее против унионистских политических установок ХДНП, 10 лет отказывало Митрополии Бессарабии в официальной регистрации, что вело к захвату приходов унионистами, конфликтам между православными верующими даже в храмах. Сторонники ХДНП видели в присоединении Молдовы к Румынии единственный путь к национально-культурному возрождению и утверждению христианско-демократических ценностей. Главный рупор этого политического объединения — газета «Literatura si arta» — в 2001 г. писала, что для утверждения демократии в РМ «нам оставлено проверенное веками духовное наследство — христианская доктрина. Это единственная реальная и прочная альтернатива, необходимая обществу. Только она дарует нам возможность реабилитации Бессарабии перед лицом международного сообщества. Только она позволит создать новое общество гармонии и единения, дать новый импульс национальному движению, которое развенчает все политические утопии, включая коммунистическую» [17]. Христианская риторика ХДНП при этом не несла призыва к миру и вселенскому универсализму, а, напротив, была изоляционистский, унионистский с интолерантным характером, что вызывало отторжение и минимизировало социальную базу сторонников движения.

Весной 2002 г. в Кишинёве прошли антиправительственные демонстрации, инициированные ХДНП и вызвавшие политический кризис в стране. Ситуация была разрешена только после вмешательства Совета Европы. По рекомендации Европарламента, вердикта ЕСПЧ и специальной рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы исполнительная власть РМ пошла на компромисс с оппозицией, выполнив некоторые её требования, среди которых была официальная регистрация Министерством юстиции

Митрополии Бессарабии, несмотря на протест Митрополии Молдовы. Патриарх Алексий II и Митрополит Кишинёвский и всея Молдовы Владимир настаивали на том, что этот вопрос является компетенцией Церквей и должен решаться на высшем уровне между Русской и Румынской Православными Церквами в ходе двусторонних консультаций Патриархатов на основе церковных канонов. Справедливо мнение Т. Битковой о том, что призыв иерархов Русской православной церкви к соблюдению канонического права был в это время требованием невмешательства светских властей в церковные дела [3]. Однако решение церковного конфликта, возникшего в условиях политической нестабильности, было достигнуто вмешательством светских европейских институтов. В настоящее время Митрополия Бессарабии насчитывает 150 приходов, 10 монастырей и 79 строящихся храмов, что составляет пятую часть от приходов Митрополии Молдовы. Результатом раскола стало размежевание ранее единых православных верующих в Молдове по национальному признаку, что не соответствует духу Евангелия.

Современный союз молдавской власти и Молдавской православной церкви рассматривается как социальное партнёрство во имя мира, процветания и социального блага. Ведь, как известно, большая часть православных Молдовы — это паства Молдавской православной церкви (86%), Бессарабской митрополии принадлежат 11% верующих [15]. Выбор той или иной Церкви для верующих в Молдове — это определение социально-политических позиций общин, ценностных приоритетов прихожан, вопрос в выборе перспектив развития для страны, её геополитического самоопределения между крупнейшими региональными политическими игроками, Европой и Россией, между ориентацией на культуру и традиции «русского мира» или прорумынскую, унионистскую позицию, основанную на стремлении к объединению РМ и Румынии. Религиозно-политический вопрос важен ещё и потому, что Молдова входит в число шести наиболее религиозных стран мира, наряду с Македонией, Сербией, Румынией, Пакистаном и Малайзией, где продолжается рост уровня религиозности населения [14]. Это подтверждается масштабным исследованием 2017 г., которое провёл Pew Research Center, когда 92% опрошенных в Молдове назвали себя православными, 13% посещающими церковь еженедельно (в России — 6%), 63% утверждают важность православия для осознания собственной национальной идентичности [13]. Роль религии в общественно-политической и культурной жизни РМ неоспорима, так как цифры приверженного православию населения республики, по мнению О.А. Бабенко, руководителя Бюро межэтнических отношений[2],

[2] О.А. Бабенко возглавлял Бюро межэтнических отношений Республики Молдова с 2015 г. по август 2019 г., д-р филос., проф., ректор Славянского университета.

сопрягаются с уровнем его воцерковлённости, участием в воскресных литургиях и жизни приходов, ежедневным чтением молитв, знанием праздников, соблюдением постов, финансовой поддержкой духовенства и т.д. [6].

Религиозный традиционализм в Молдове связан с тем, что антирелигиозные гонения обошли республику стороной, большая её часть вошла в состав СССР в 1940 г., а население, преимущественно аграрное, постоянно воспроизводило высокий уровень народно-бытовой традиционной религиозной культуры.

Республика Молдова — уникальная страна на постсоветском пространстве, здесь респонденты при сравнении значения религии в позднесоветский и современные периоды полагают, что её уровень в 1970—1980 гг. был выше, чем сейчас, на 10%, а в настоящее время он размыт урбанизацией и экспансией европейских либеральных ценностей. Принадлежность к православию у 50% интервьюированных в РМ связана с сопричастностью национальной культуре, убеждённостью в незыблемости связи, симфонии национальной Церкви и государства. А поскольку национальные элиты временами демонстрируют стремление к отказу от национальной идентичности в пользу румынской, то гарантом её сохранения и противовесом Западу у 61% населения республики выступает Россия. Это убеждение сограждан разделяет и ныне действующий глава государства, подчёркивающий роль православия как системообразующего ядра ценностей молдавского этноса, его культуры и политического самоопределения, основанного на единстве православного мира, гарантом которого выступает Русская православная церковь.

После избрания в 2017 г. президентом РМ И. Додон на встрече с Патриархом Кириллом, сказал: «Я считаю, что без православной веры, без наших традиций у Молдовы нет будущего. Молдова нуждается в партнёрстве с Россией, Молдова, безусловно, нуждается в сохранении и укреплении нашей Православной Церкви» [1]. Православная церковь, по мнению главы исполнительной власти РМ, может способствовать диалогу с Приднестровьем и единству страны. Во время второй встречи в Москве в январе 2019 г. И. Додона с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и председателем Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. Матвиенко были услышаны заверения, что народ Молдовы навсегда сохранит единство с РПЦ, вновь была озвучена инициатива о проведении Собора Православных Церквей на территории Молдовы [12]. В марте 2019 г. И. Додон писал в социальных сетях: «Убеждён, что наша православная вера — это одна из основ государственности Республики Молдова и залог процветания нашей страны; это сокровище, доставшееся нам в наследство от предков» [4]. Объединяющий и миротворческий потенциал русского православия имеет

большое значение для высшего политического руководства РМ, находя поддержку у многоэтничного молдавского электората.

Выводы. Реформирование государственно-конфессиональных отношений в РМ в условиях постсоветского транзита носило вполне определённый характер, было ориентировано на воплощение и реализацию международных норм и стандартов в области прав и свобод человека, в частности права на свободу совести или убеждений, толерантность и недискриминацию. В этом отношении направленность реформ государственно-церковных отношений была схожей с Российской Федерацией. Доминирующее самопозиционирование основной массы населения как приверженцев русского православия было продиктовано не столько их политическими пристрастиями, сколько ретроспективными романтическими, культурологическими и патриотическими соображениями. Православие, значимое для подавляющего большинства граждан Молдовы, выступает консолидирующим и стабилизирующим фактором в дискурсе реформ и социально-политических трансформаций, опасных расколом общества и обострением противостояний.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Без православной веры у Молдовы нет будущего, — Игорь Додон. URL: https://foma.ru/bez-pravoslavnoy-veryi-u-moldovyi-net-budushhego-igor-dodon.html (дата обращения: 30.11.19).
2. Брага Л., Роговая Г. Религия и политика в контексте демократических преобразований в Республике Молдова. URL: https://docviewer.yandex.ru/view (дата обращения: 12.05.2020).
3. Церковь в Румынии // Религия и церковь в Центрально-Восточной Европе в начале XXI в. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 42—72.
4. Додон: Православная вера — сокровище, доставшееся нам в наследство от предков. URL: http://aif.md/dodon-pravoslavnaja-vera-sokrovishhe-dostavsheesja-nam-v-nasledstvo-ot-predkov (дата обращения: 30.11.19).
5. Закон Республики Молдова от 11 мая 2007 года № 125-XVI «О свободе совести, мысли и вероисповедания». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=22043 (дата обращения: 23.09.19).
6. Интервью с Бабенко О.А., Кишинёв, 11.08.2019 // Личный архив автора.
7. Красиков А.А. Глобализация и православие // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко и С. Филатова, М.: РОССПЭН, 2009. С. 28—91.
8. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994. URL: http://www.parlament.md/CadrulLegal/ Constitution/tabid/151/language/ru-RU/Default.aspx (дата обращения: 09.10.2019).

9. Мирошникова Е.М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы. М.: ИЕ РАН, 2007. 181 с.
10. Население по религии, полу и возрастным группам в 2014 г. Перепись населения и жилищ в Республике Молдова, 12—25 мая 2014 г. Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: http://statistica.gov.md (дата обращения: 17.11.2019).
11. Православная Церковь Молдовы. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru (дата обращения: 08.05.2020).
12. Президент Молдовы — Патриарху Кириллу: «Наш народ навсегда сохранит единство с Русской Православной Церковью». URL: https://www.kp.md/daily/26936.4/3987085/ (дата обращения: 29.11.19).
13. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. URL: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf (дата обращения: 26.11.2019).
14. Синелина Ю.Ю. Религия в современном мире. URL: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/ Sinelina%20Religion%20in%20a%20modern%20world1.pdf. (дата обращения: 10.03.2015).
15. Спрынчанэ В. Бог в «зонах пограничья». URL: https://carnegieendowment.org/files/PeC_59_45-58.pdf (дата обращения: 30.11.19).
16. Barometrul de opinie publicr Republicii Moldova. Martie-Aprilie, 2008.
17. Literatura si arta. 2001. 22 martie.

УДК 332.14:2(470.55)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10034

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЕРОИСПОВЕДНЫХ РЕФОРМ 1990-х гг. В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Татьяна Александровна Чумаченко,
доктор исторических наук, ректор Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск.
E-mail: his_chum@mail.ru

В статье анализируется политика руководства Челябинской области в отношении религиозных организаций региона в 1990-е — начале 2000-х гг. В условиях крушения советской модели государственно-конфессиональных отношений и сложного процесса выработки новой региональная власть выстраивала свои взаимоотношения с религиозными организациями области на основе существовавших правовых норм и через созданные по своей инициативе институты. Исследование характера взаимоотношений власти, верующих, религиозных организаций и общественности позволяет сделать вывод о том, что администрации области удалось выстроить взаимоприемлемые отношения между государственными, общественными и религиозными организациями, наладить конструктивное сотрудничество верующих и неверующих, предотвратить конфликты на многонациональной по своему составу территории, превратив Челябинскую область в многоконфессиональный регион.
Ключевые слова: Челябинская область, многонациональный, многоконфессиональный регион, вероисповедная политика, модель государственно-конфессиональных отношений.

CONFESSIONAL POLICY OF THE REGIONAL AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS REFORMS OF THE 1990s IN RUSSIA (THE CASE OF CHELYABINSK REGION)

Tatiana Chumachenko, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: his_chum@mail.ru

The article analyzes the policy of the leadership of the Chelyabinsk region regarding religious organizations in the 1990s — early 2000s. Under the circumstances of the collapse of the Soviet model of state-and-confessional relations,

and a complex process of developing a new one, the regional authorities built their relations with the religious organizations of the region based on the existing legal norms and through institutions created on their own initiative. The study of the nature of relations between the authorities, believers, religious organizations and the public allows us to conclude that the regional government has managed to build mutually acceptable relations between state, public and religious organizations, to establish constructive cooperation between believers and non-believers, to prevent conflicts in a multinational region, turning the Chelyabinsk region into a multi-confessional region.
Keywords: Chelyabinsk region, multinational, multi-confessional region, religious policy, model of state-confessional relations.

Формирование новых взаимоотношений власти и религиозных организаций в Челябинской области в контексте новой вероисповедной политики российского государства составляет актуальную проблему, позволяющую выявить влияние политического, социально-экономического развития области, специфики культурно-исторических традиций, а также национального состава населения на характер конфессиональной политики региональной власти.

Целями данной статьи являются анализ политики руководства Челябинской области в отношении религиозных организаций региона в 1990-е — начале 2000-х гг. и установление особенностей возрождения религиозных конфессий области в условиях формирования новой постсоветской модели государственно-конфессиональных отношений.

Источниковая база исследования представлена тремя группами материалов. Первая — распоряжения Президента РФ «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы» и «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества»; вторая — это материалы официальных сайтов религиозных организаций, действующих на территории Челябинской области и сайта Национальной исторической библиотеки; третья группа — документы Объединённого государственного архива Челябинской области.

Методологической основой выступает потенциал новой институциональной теории, или «нового институционализма». Неоинституционализм позволяет рассмотреть в развитии и во взаимосвязи политические институты, историческую, социокультурную традицию при учёте такого субъективного фактора как человеческий поступок.

1990-е годы для нашей страны — период переломный, болезненный и трудный. Радикальные изменения произошли во всех областях общественно-политической и экономической жизни, в том числе и в сфере

государственно-конфессиональных отношений. За это десятилетие власть прошла сложный путь выработки новой постсоветской модели вероисповедной политики [8, с. 167—364]. Её реализация в различных регионах России отличалась своей спецификой, которая, в свою очередь, определялась особенностями социально-экономического положения и политической ситуации в республиках, областях и краях страны.

В Челябинской области после упразднения Совета по делам религий при Совете Министров СССР в ноябре 1991 г. аппарат уполномоченного Совета по Челябинской области был просто переименован в «Службу уполномоченного по связям с религиозными организациями администрации Челябинской области». Её главой был назначен Г.А. Костенко, бывший уполномоченный Совета по делам религий по Челябинской области [ОГАЧО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 185. Л. 169]. В 1995 г., согласно Постановлению Главы администрации Челябинской области В.П. Соловьева, Служба была преобразована в Комитет по связям с религиозными организациями администрации Челябинской области. Цель и задачи деятельности Комитета регламентировало «Положение». Комитет был обозначен «экспертным, консультативным, информационным и координационным центром». С точки зрения региональной власти, главная задача Комитета заключалась в «осуществлении повседневной деятельности совместно с администрациями городов и районов области по налаживанию конструктивного сотрудничества верующих и неверующих...», «...установлении связи и взаимоприемлемых отношений между государственными, общественными и религиозными организациями» [ОГАЧО. Ф. 700. Д. 185. Л. 170]. В феврале 1997 г. постановлением Главы Администрации Челябинской области П.И. Сумина областной Комитет по связям с религиозными организациями был ликвидирован. Этим же Постановлением «в целях эффективного проведения государственной политики в сфере национальных отношений, деятельности религиозных и общественных организаций на территории Челябинской области» создавался новый орган с более широким охватом курируемых организаций — Комитет по делам национальностей, религиозных и общественных организаций. Более того, Комитет не являлся самостоятельным органом, он вошёл в структуру Главного управления информации и общественных связей по Челябинской области. Руководителем Комитета назначался В.В. Добрынин [ОГАЧО. Ф. 700. Оп. 1. Д. 329. Л. 1, 3]. Основанием для реорганизации, безусловно, было принятие в сентябре этого года Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

В сентябре 1998 г., согласно Постановлению губернатора П.И. Сумина, Комитет был введён в структуру Информационно-аналитического управления областной администрации [11]. Решение губернатора о расширении

функционала Комитета было оправдано. Проблемы и вопросы религиозных организаций в 1990-е гг. тесным образом сопрягались с задачами возрождения национальной культуры и отношением к религии как её неотъемлемой составляющей, поисками национальной идентичности народов, населяющих регион. Это нашло своё отражение в появлении и активной деятельности многочисленных национально-культурных объединений и центров. В области, исторически сформировавшейся как многонациональной[1] [4], все эти вопросы являлись, безусловно, актуальными. И всё же, на наш взгляд, включение Комитета в другие управленческие структуры снижало его статус в иерархии органов власти.

Активизация церковно-религиозной жизни в области берёт своё начало с конца 1980-х гг. Процесс демократизации, начавшийся с перестройкой, подготовка и празднование 1000-летия крещения Руси изменили и отношение населения к Церкви, и отношение власти к религиозному вопросу, придали новый импульс церковной активности, в первую очередь, православного духовенства и верующих.

В области начался количественный рост храмов, готовились положительные решения по заявлениям групп верующих. Постановлением Священного Синода от 10 апреля 1989 г. приходы Челябинской епархии были вновь выделены из состава Свердловской и получили собственного архиерея. Управляющим епархией стал епископ Челябинский и Златоустовский Георгий (Грязнов) [7, с. 12—14].

Православные верующие начинают борьбу за храмы, которые более полувека использовались государством в иных целях. Распоряжения Президента Б.Н. Ельцина от 31 января 1991 г. «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы», «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» от 23 апреля 1993 г., а также Постановление Главы администрации Челябинской области «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к государственной собственности имущества религиозного назначения» от 10 октября 1995 г. [10, 12, 13] стали правовой основой для решения имущественных вопросов.

Так, в самых крупных храмах г. Челябинска располагались краеведческий музей и органный зал. Комитету пришлось решать массу проблем, связанных с возвращением зданий и сооружений из государственной собственности в собственность религиозных объединений, обеспечением выселяемых учреждений новыми помещениями. Здание краеведческого музея

[1] В 2010 г. на территории Челябинской области по результатам всероссийской переписи проживало 166 различных национальностей. В 2003 г. был образован Дом Дружбы народов. В области сегодня действует 155 различных национально-культурных объединений [4].

по решению Исполкома Челябинского областного совета народных депутатов от 29 декабря 1989 г. было передано религиозному обществу РПЦ, что поставило краеведческий музей и его фонды в сложное, если не сказать катастрофическое, положение [1, с. 97]. Решение же о поэтапной передаче в ведение епархии РПЦ церкви Александра Невского, в котором был расположен органный зал, имело столь широкий общественный резонанс, что возможность вернуться к этому вопросу появилась только в 2010 г. [1, с. 257].

В течение десятилетия численность православных приходов в Челябинской области выросла с 17 до 123. В мае 1996 г. был зарегистрирован женский монастырь Казанской Божьей Матери г. Троицка, в 1995 г. — открыто Челябинское епархиальное училище, воскресных школ у Челябинской митрополии к концу века насчитывалось более 60 [19, с. 184, 326].

Впервые в истории России 26 марта 1997 г. Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и губернатором П.И. Суминым в Москве было подписано «Соглашение о сотрудничестве между администрацией Челябинской области и Русской православной церковью (в регионе Челябинской области) в культурно-образовательной и социально-экономической сферах» [15]. Событием исторического значения стал четырёхдневный визит в сентябре 2000 г. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Во многих храмах епархии Патриарх совершил богослужения, посетил промышленные предприятия и познакомился с развитием социальной сферы области, встретился с общественностью, губернатором П.И. Суминым и представителями администрации области [9].

Тем самым были созданы благоприятные экономические и идеологические условия для Русской православной церкви и её дальнейшего развития как доминирующей конфессии. В третье тысячелетие Челябинская епархия РПЦ (МП) вступила как стабильная, динамично развивающаяся структура, деятельность которой становится весьма существенным фактором не только духовной, но и политической, социально-культурной жизни Южного Урала.

Внимание к нуждам и запросам Челябинской епархии, а с 1996 г. — митрополии, безусловно, объяснялось историческим большинством православных в области и активностью православного духовенства. Но также динамично развивались отношения и с другими религиями и конфессиями. В результате открытой конфессиональной политики областной администрации значительно увеличилось число зарегистрированных мусульманских религиозных организаций — с 7 до 62 за 1991—2001 гг. Первым муфтием в 1992 г. здесь стал уроженец Челябинской области Г.Ю. Шакаев. В 1994 г. начало действовать региональное Духовное управление мусульман (ДУМ) Челябинской области юрисдикции ЦДУМ [5].

Дезинтеграционные процессы в мусульманском сообществе России затронули и Челябинскую область. В конце 1990-х гг. был образован ряд независимых муфтиятов, представители которых вошли в ДУМАЧР. Управление в декабре 1998 г. назначило казыем области Гази Салех Абдель Рахмана. Однако региональные власти откровенно выразили поддержку ЦДУМ. Свидетельством тому является заключённое в июне 1998 г. «Соглашение о сотрудничестве между администрацией Челябинской области и ЦДУМ в культурно-образовательной и социально-экономической сферах» [16] — это первый из аналогичных документов, подписанных главой ЦДУМ муфтием Т. Таджутдином и руководителями ряда регионов России.

В 1990 г. в области возродилась деятельность католической общины. В апреле 1993 г. по просьбе её членов отец Вильгельм Палеш, с 1990 г. регулярно приезжавший в Челябинск, получил вид на жительство и остался служить в Челябинской области. В марте 1993 г. своим постановлением Глава администрации города дал разрешение на возведение католического храма в Металлургическом районе г. Челябинска. В 1999 г. Церковь Непорочного зачатия Девы Марии была освящена. В мае 2002 г. при поддержке губернатора П.И. Сумина в храме состоялась Всероссийская встреча католической молодёжи [6].

Активно росла численность протестантских деноминаций — лютеран, евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, Свидетелей Иеговы, мормонов. Члены общин развернули широкую социальную деятельность — помощь детским домам, больницам, многодетным семьям, пенсионерам.

При поддержке городской администрации в 2000 г. был проведён круглый стол при участии всех духовных лидеров общин, где было принято обращение к верующим о недопустимости любых проявлений экстремизма и фанатизма [14, с. 150].

В 1990-е гг. в области возрождается старообрядчество. Традиционными его центрами являются Челябинск и Миасс. Муниципальные власти этих городов приняли ряд решений по предоставлению помещений старообрядческим общинам. В апреле 2000 г. между администрацией области и Русской Православной Старообрядческой Церковью (РПСЦ) было подписано соглашение о сотрудничестве в культурно-образовательной и социальной сферах (соглашение подписали губернатор П.И. Сумин и митрополит Московский и всея Руси Алимпий) [14, с. 144].

С начала 1990-х гг. члены еврейской общины начали работу по возвращению здания синагоги. Оно использовалось под складские помещения протезно-ортопедического предприятия и в 1992 г. при поддержке администрации города в весьма печальном техническом состоянии было

возвращено общине. Активная жизнь еврейской общины началась в 1996 г., когда в Челябинск приехал раввин Меир Кирш с семьёй на постоянное жительство. Решением Законодательного Собрания Челябинской области в 1999 г. здание синагоги было объявлено памятником архитектуры. А в 2000 г. состоялось одно из крупнейших событий в жизни евреев Урала — в Челябинске торжественно открылась восстановленная в первозданном виде синагога. Она стала первым официально открытым после революции иудейским храмом в огромном Урало-Сибирском регионе. В церемонии торжественного открытия синагоги принимали участие губернатор П. Сумин и мэр Челябинска В. Тарасов [18].

В 1991 г. в Челябинске был открыт Буддийский центр Алмазного Пути. Он функционирует и сегодня, являясь частью Централизованной религиозной организации — Российской Ассоциации Буддистов Алмазного Пути Традиции Карма Кагью [3].

На рубеже 1980—1990-х гг. в Челябинске появляются вайшнавы, последователи Международного Общества Сознания Кришны, удивляя жителей города «харинам» — шествиями с пением святых имён и раздачей бесплатной пищи. Осенью 1991 г. при поддержке городской администрации началось строительство Центра Ведической Культуры в северо-западном районе Челябинска, который и сегодня (но не так активно) реализует свои программы [17].

В 1987 г. было открыто укреплённое поселение синташтинской культуры Аркаим в зоне строительства Большекараганского водохранилища. По решению областной администрации строительство было прекращено, а в 1991 г. по решению Совета Министров РСФСР Большекараганская долина получила статус филиала Ильменского государственного заповедника. В 1991 г. Аркаим посещает Т. Глоба и объявляет Урал «Центром мира», а «Страну городов» — серединой Земли [2, с. 169]. С этого времени археологический памятник стал центром притяжения представителей многочисленных языческих верований и форм, «местом силы» для сторонников различных эзотерических учений [2, с. 169]. Тысячи людей ежегодно посещают Аркаим с целью духовного поиска. Их число увеличивается с каждым годом и становится сегодня определённой проблемой для руководства области. Активную деятельность «против Аркаима» ведёт миссионерский отдел Челябинской митрополии, разоблачая происходящее на Аркаиме как наносящее безусловный вред духовному здоровью россиян.

Таким образом, руководству областной администрации — и в годы управления областью П.В. Соловьева, и в период губернаторства П.И. Сумина — удалось, на наш взгляд, выстроить взаимоприемлемые отношения

между государственными и религиозными организациями, наладить конструктивное сотрудничество верующих и неверующих, предотвратить конфликты в многонациональном регионе.

Благодаря взвешенной вероисповедной политике руководства Челябинская область вошла в новое тысячелетие как стабильный, бесконфликтный, с точки зрения государственно-конфессиональных отношений, не только многонациональный, но и многоконфессиональный Южно-Уральский регион.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Антипин Н.А. Православные храмы Челябинска. История и современность. Челябинск: Авто Граф, 2015. 452 с.
2. Белолипецкая Н.А. Аркаим: возврат к языческому осмыслению степи // Степи и лесостепи Зауралья: материалы к исследованиям. Челябинск, 2006. 231 с.
3. Буддийский центр Алмазного Пути. Официальный сайт в Челябинске URL: http://chel.buddhism.ru/ (дата обращения: 02.05.2020).
4. Дом Дружбы народов. URL: https://ddnchel.ru/work/history/ (дата обращения: 27.05.2020).
5. Ислам в Челябинской области. URL: https://interpretive.ru/termin/islam-v-cheljabinskoi-oblasti.html(дата обращения: 03.05.2020).
6. Католичество в Челябинске. История и современность. URL: https://cc74.ru/2008/08/15/lidia/ (дата обращения: 02.05.2020).
7. Наречение и хиротония архимандрита Георгия (Грязнова) во епископа Челябинского и Златоустовского // Журнал Московской Патриархии. М., 1989. № 9. С. 12—14.
8. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985—1997 гг. М.: РОИР, 2010. 444 с.
9. Первосвятительская миссия на Южном Урале: Информ. вестник ОГАЧО. 2000, октябрь.
10. Постановление Главы администрации Челябинской области «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к государственной собственности имущества религиозного назначения» от 10 октября 1995 г. URL: https://base.garant.ru/8740944/ (дата обращения: 03.05.2020).
11. Постановление Губернатора Челябинской области от 17 сентября 1998 г. «Об утверждении положения, структуры и штатного расписания Инф.-аналит. управления администрации области». URL: https://base.garant.ru/8804844/ (дата обращения: 02.05. 2020).
12. Распоряжение Президента РФ «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества» от 23 апреля 1993 г. URL: http://docs.cntd.ru/document/9004117/ (дата обращения: 03.05.2020).
13. Распоряжение Президента РФ от 31.12.1991 «О возвращении Русской Православной Церкви строений и религиозной литературы». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/679 (дата обращения: 03.05.2020).

14. Сляднев М.И., Чумаченко Т.А. Христианские религиозные организации и группы Челябинска // Исторические чтения. Челябинск: Центр ист.-культ. наследия, 2004. С. 134—152.
15. Соглашение о сотрудничестве между администрацией Челябинской области и Русской православной церковью (в регионе Челябинской области) в культурно-образовательной и социально-экономической сферах. 26 марта 1997 г. URL: https://rusneb.ru/catalog/000016_000021_CHONB-EL_0000073529/(дата обращения: 03.05.2020).
16. Соглашение о сотрудничестве между администрацией Челябинской области и ЦДУМ. URL: https://interpretive.ru/termin/soglashenie-o-sotrudnichestve-mezhdu-administraciei-cheljabinskoi-obl-i-cdum.html (дата обращения: 02.05.2020).
17. Центр ведической культуры в Челябинске. Официальный сайт. URL: https://vk.com/vedcenter74 (дата обращения: 02.05.2020).
18. Челябинская еврейская община. Официальный сайт. URL: https://www.jewish74.ru/cdo/aid/799730/jewish/-.htm (дата обращения: 02.05.2020).
19. Челябинск: Энциклопедия / сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. Челябинск: Каменный пояс, 2001. 1112 с.
20. ОГАЧО (Объединённый гос. архив Челябинской области).

УДК 332.14:281.9(571.63)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10035

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В ХОДЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ В 1990-е гг.[1]

Светлана Михайловна Дударёнок,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-maill: dudarenoksv@gmail.com

Возрождение православной религиозной жизни в Приморском крае в 1990-е гг. имело свою специфику. Трансформация религиозного законодательства в рамках общественно-политических изменений, произошедших в России за последние 25—30 лет, оказала самое серьёзное влияние на религиозную жизнь, изменив положение религиозных объединений и существенно расширив религиозные свободы граждан. Начало этим изменениям было положено законом «О свободе вероисповеданий» (1990), и новый импульс предопределён ныне действующим законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997). К началу 1990-х гг. в Приморском крае православная религиозная традиция была крайне ослабленной. Это было связано не только с антирелигиозной политикой советской власти, но и с особенностями хозяйственного и культурного освоения региона, а также миграционной политикой государства. Активное возрождение структур РПЦ (МП) в Приморье начинается с возрождения Владивостокской и Приморской епархии и назначения на Владивостокскую кафедру епископа Вениамина (Б.Н. Пушкаря). В статье рассматривается сложный процесс восстановления православной религиозной жизни в Приморском крае и взаимоотношения епархии с органами власти в 1990-е гг.

Ключевые слова: Приморский край, православие, вероисповедное законодательство, религиозное возрождение, епархия, епархиальное управление, верующие, органы власти, храм, монастырь.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00496 А (The reported study was funded by RFBR, project no. 20-011-00496 A).

THE ORTHODOX CHURCH AND THE POWER IN THE PRIMORSKY KRAI DURING THE TRANSFORMATION OF RELIGIOUS POLICY IN THE 1990s

Svetlana Dudarenok, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok. Russia. E-mail: dudarenoksv@gmail.com

The revival of Orthodox religious life in the Primorsky krai in the 1990s had its own specifics. The beginning of these changes was put by the law "On freedom of religion" (1990) and the new impetus was predetermined by the current law "On freedom of conscience and religious associations" (1997). By the early 1990s, the Orthodox religious tradition in the Primorye territory was extremely weakened. This was due not only to the anti-religious policy of the Soviet government, but also to the peculiarities of economic and cultural development of the region, as well as the migration policy of the state.The active revival of the structures of the Russian Orthodox Church (MP) in Primorye begins with the revival of the Vladivostok and Primorsky diocese and the appointment to the Vladivostok pulpit of Bishop Benjamin (a secular name B. Pushkar).The article examines the complex process of restoring Orthodox religious life in the Primorsky krai and the diocese's relationship with the authorities in the 1990s.
Keywords: Primorsky region, Orthodoxy, religious law, religious revival, diocese, diocesan administration, believers, authorities, temple, monastery.

Постановка проблемы. Процесс демократизации государственной и общественной жизни в России, охвативший и сферу государственно-конфессиональных отношений, привёл к существенному изменению в последние годы существования СССР вероисповедной политики государства: «произошёл обвал всей системы официальных идолов и идеалов; с негодованием отвергнуто репрессивное большевистское безбожие» [6, с. 132]. Переломными стали события 1988 г., когда состоялась встреча М.С. Горбачёва с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода (29 апреля), и высшим руководством страны было принято решение о проведении празднования тысячелетия Крещения Руси как крупнейшего историко-культурного события. Как отмечает М.О. Шахов, «именно в этом году происходит существенная перемена модели государственной вероисповедной политики. Несмотря на то, что вплоть до 1990 г. не происходит обновления законодательства и остаются неизменными структуры Совета по делам религий, перемена идеологической позиции власти находит выражение в практической деятельности органов государства. Наиболее убедительно это доказывается статистическими данными, показывающими, что с 1988 г. число ежегодно регистрируемых религиозных организаций возрастает в 10 раз» [19, с. 50].

Закон РСФСР «О свободе вероисповедания» от 25 октября 1990 г. [1] стал основным нормативно-правовым документом российской вероисповедной политики на семь лет. Он был ориентирован на ликвидацию сложившихся в условиях атеистической государственной политики ограничений и запретов на деятельность религиозных организаций, полную и всестороннюю реализацию права на свободу совести [19, с. 53]. Принятие данного закона изменило отношение в стране, в том числе и со стороны жителей практически секулярного дальневосточного региона [6, с. 368—397], к Русской Православной Церкви (РПЦ) Московского Патриархата (МП), способствовало укреплению её позиций.

В 1993 г. всенародным голосованием была принята Конституция РФ, в которой были закреплены светский характер государства, свобода слова и вероисповеданий, отделение религиозных объединений от государства, право на свободный выбор и распространение религиозных и иных убеждений и соответствующую деятельность (ст. 14, 19, 28—30, 59). Можно утверждать, что в начале 1990-х гг. в России была сформирована законодательная база, полностью соответствующая общепризнанным принципам и нормам международного права в сфере государственно-конфессиональных отношений и обеспечивающая гражданам реальную возможность реализации права на свободу совести. Именно это во многом предопределило всплеск религиозной активности первой половины 1990-х гг., выход из «подполья» и регистрацию ранее находившихся на нелегальном положении религиозных объединений.

Однако продекларировать и даже закрепить в Основном Законе принципы вероисповедной свободы оказалось недостаточным для того, чтобы общепризнанные нормы и принципы стали частью жизни общества. Русская Православная Церковь, как и другие традиционные российские религиозные конфессии, оказалась не готова к такому развитию событий. Отсутствие культуры толерантности и подсознательная, исторически привитая обществу тяга к единой для всех идеологии входили в противоречие с выбором, сделанным в пользу построения демократического общества и правового государства. В 1993 г. при активном лоббировании РПЦ Верховным Советом РФ дважды принимались поправки в уже упоминавшийся Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», устанавливающие особые привилегии РПЦ и ограничивающие миссионерскую деятельность других конфессий. Но эти поправки были отклонены Президентом Б.Н. Ельциным как противоречащие Конституции [19, с. 61—62]. После непродолжительного перерыва, связанного с событиями октября 1993 г. и формированием нового высшего законодательного органа государства — Федерального собрания РФ — работа по внесению изменений и дополнений в данный закон была продолжена.

В 1997 г. был принят Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». В отличие от ранее действовавшего, данный закон

закрепил ряд принципиально новых положений: был изменён порядок создания религиозных организаций; сокращён круг лиц, способных стать учредителями и участниками местной религиозной организации; введено новое понятие «религиозная группа», под которой понимается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. Кроме того, закон ограничил права религиозных организаций, созданных до его вступления в силу, но не имеющих документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее 15 лет. В тексте преамбулы закона есть указание на «особую роль» православия в истории и культуре страны и перечень «признанных» государством традиционных религий [подробнее см.: 19, с. 157—262].

Происходившие в этой сфере процессы отечественные гуманитарии оценивают не только с позиции развития Православной Церкви как конфессионального института, но и с точки зрения её идеологической роли в государстве. Характерно в этой связи высказывание В.К. Кантора: «Одна из основных сегодняшних идейных установок, связанных с проблемой самоидентификации постсоветской России, — это полное и безоговорочное принятие православия государством и политиками как центральной несущей опоры, основной идеологической силы страны. Более того, как силы спасательной, силы, способной удержать страну от явно идущего распада. Однако у нынешних идеологов государственной необходимости православная Церковь воспринимается только *как атрибут национальности, как идеологический инструмент, консолидирующий* русский народ, но которая никаких собственно религиозных задач — приобщения к вере в Бога, к христианским ценностям — может и не ставить» [8, с. 3]. А. Мигранян и А. Ципко утверждают, что «реставрация, хотя бы частично, прежнего влияния Православной Церкви на образ жизни даёт шанс на формирование нового русского национального самосознания, на возрождение российской идентичности» [14, с. 192]. А президент Российской академии образования Н.Д. Никандров в 1999 г. заявил, что «вступая в XXI век, Россия возродит или, точнее, вновь осознает свою национальную идею — русское православие, патриотизм, народность» [17, с. 43].

В контексте подобных рассуждений представляется актуальным анализ процесса возрождения структур Православной Церкви и их взаимоотношения с властями на региональном уровне. Для нас территориальной площадкой исследования выступает Приморский край, где абсолютное большинство населения составляют этнические русские, но вместе с тем проживают представители многих других этносов. Разнообразно и отношение приморцев к вере — от атеизма до различных конфессиональных предпочтений.

Целью данной статьи является установление основных направлений деятельности Владивостокской и Приморской епархии по возрождению православной религиозной традиции в Приморском крае в ходе трансформации вероисповедной политики в 1990-е гг., а также форм взаимодействия епархиальных структур с органами краевой и муниципальной власти. Мы считаем важным выделить наиболее существенные проблемы этих взаимоотношений, определить причины «зависимости» РПЦ от светской власти и отсутствия «глубокой веры» у подавляющего числа неофитов.

Источниковая база исследования представлена двумя группами материалов. Первая — это полевой дневник автора, составленный на основе включённого наблюдения мероприятий, проводимых РПЦ (МП), встреч со священниками и представителями краевых и муниципальных органов власти, а также личный архив автора, который содержит копии документов и материалов Экспертно-консультативного совета по свободе совести и вероисповеданиям, созданного при администрации Приморского края (автор являлась первоначально его председателем, затем — членом). Вторая часть источников — публикации в СМИ и материалы Государственного архива Приморского края.

Начальной датой активного возрождения православия в Приморье стало **31 января 1991 г.,** когда определением Священного Синода *Владивостокская и Приморская* епархия была выделена из состава *Хабаровской и Владивостокской епархии* и вновь обрела самостоятельный статус. С 31 января 1991 г. по 12 августа 1992 г. архиепископом Владивостокским и Приморским был Николай (Н.Я. Шкрумко)[2].

---

[2] **Архиепископ Николай (Шкрумко)** род. в 1927 г. в с. Кизя Хмельницкой области. По окончании школы прислуживал в Вознесенском храме в родном селе. В 1948 г. был арестован и как сын депортированных родителей-украинцев сослан на 8 лет в Карело-Финскую ССР, где работал в леспромхозах и на слюдяных разработках. Освобождён досрочно в 1953 г. В 1954 г. принял монашеский постриг, рукоположён во иеродиакона. В 1956—1968 гг. служил на приходах Калининской епархии и в Преображенском кафедральном соборе в г. Иваново; 1966—1968 гг. — исполнял обязанности секретаря Ивановского епархиального управления. В 1969 г. рукоположён во иеромонаха. В 1970 г. заочно окончил МДС, в 1973 г. — МДА с присуждением учёной степени кандидата богословия. В 1973 г. назначен членом Русской духовной миссии в Иерусалиме, 1974 г. — заместителем начальника миссии и возведён в сан игумена, 1977 г. — начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме с возведением в сан архимандрита. В 1982—1985 гг. — наместник Почаевской лавры (Тернопольская область). В 1985 г. хиротонисан во епископа Звенигородского, назначен представителем патриарха Московского при патриархе Антиохийском в Дамаске (Сирия). С 1987 г. — епископ Орехово-Зуевский, управляющий Патриаршими приходами в Канаде. В 1987 г. возведён в сан архиепископа, 1991—1992 гг. — архиепископ Владивостокский и Приморский, с 1993 г. — архиепископ Ижевский и Удмуртский. В 2007 г. возведён в сан митрополита, 2015 г. — уволен на покой, в том же году скончался.

В то время в крае действовало всего пять православных храмов: Свято-Никольский (Владивосток, в 1991 г. получил статус кафедрального собора), Покровский (Уссурийск), Рождества Пресвятой Богородицы (Партизанск), Нерукотворенного Образа Спасителя (Дальнереченск), Преображенский (Спасск-Дальний). За полтора года архиепископу Николаю не удалось «нормализовать» отношения с обществом и властью и значительно увеличить количество православных приходов.

21 сентября 1992 г. по решению Священного Синода на Владивостокскую кафедру был назначен новый архиерей — епископ Вениамин (Б.Н. Пушкарь)[3]. Ко времени его прибытия в Приморском крае насчитывалось 22 прихода: 9 храмов и 13 молитвенных домов, клир епархии состоял из 16 священников и 4 диаконов [20].

Новый епископ отличался крайне националистическими, изоляционистскими, антиэкуменическими и монархическими взглядами. С 1994 г. он активно поддерживал инициативу канонизации царской семьи, являясь сторонником митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (И.М. Снычёва), в работах которого изложены следующие позиции: отождествление понятий «русский» и «православный», вера в особый путь «народа-богоносца», стремление к сильному государству, опасность западного влияния и т.д. [16]. Труды митрополита Иоанна «Пастырь добрый», составленные его секретарём и главным редактором газеты «Русь Православная» К.Ю. Душеновым, вышли в свет благодаря поддержке и благословению Вениамина. Епископ является автором канона «Плачь о России», созданного по образцу Великого Покаянного канона прп. Андрея Критского. Кассеты с записью канона в исполнении автора продавались в середине 1990-х гг. во многих регионах России, в настоящее время «Плачь о России» можно найти в интернете [15].

Характеризуя деятельность епископа Вениамина по возрождению Владивостокской и Приморской епархии, выстраиванию отношений структур

[3] **Епископ Вениамин (Пушкарь)** род. в 1938 г. в с. Хороль Приморского края, в семье рабочего. Мать и бабушка были глубоко верующими, однако из-за отсутствия поблизости храма был крещён только в 7 лет. С 1947 г. жил с семьёй во Владивостоке, в 1957 г. окончил среднюю школу. Трудился рабочим на Дальзаводе, служил пономарём в единственном в то время храме во Владивостоке в районе Первой Речки. В 1959—1963 гг. учился в МДС, 1963—1967 гг. — в МДА. Оставлен при академии профессорским стипендиатом. С 1967 г. — преподаватель Библейской истории, читал лекции по основному богословию и логике. С 1976 г. — доцент МДА. С 1988 г. — диакон, 1992 г. — протоиерей, с 12 августа 1992 г. — епископ Владивостокский и Приморский. В 2003 г. возведён в сан архиепископа, с 2009 г. — член Межсоборного присутствия РПЦ. В 2011 г. назначен главой новообразованной Приморской митрополии, в связи с чем возведён в сан митрополита. 2011 г. — утверждён в должности настоятеля Свято-Троицкого Николаевского мужского монастыря пос. Горные Ключи Приморского края. 2018 г. — отправлен на покой с выражением благодарности за многолетнее архипастырское служение во Владивостокской епархии.

РПЦ (МП) с муниципальными и краевыми властями в 1990-е гг., можно выделить несколько основных направлений деятельности.

Первоочередной задачей для него и сподвижников являлось *воцерковление населения Приморского края*. Для её решения руководство Владивостокской и Приморской епархии активизировало работу по реституции церковного имущества, строительству храмов и открытию новых приходов. В этом вопросе епархия находила понимание и поддержку администрации края и лично губернатора Приморского края Е.И. Наздратенко (май 1993 г. — январь 2001 г.), который проводил политику покровительства по отношению к православию. Он неоднократно публично заявлял, что является православным, вместе с семьёй и несколькими высокопоставленными чиновниками администрации был крещён лично епископом Вениамином [21]. Часть приморских чиновников была убеждена, что «связь» с РПЦ (МП) приближает к власти и укрепляет их позиции.

Наздратенко регулярно встречался с Вениамином, ввёл практику посещения чиновниками статусных церковных мероприятий, оказывал епархии морально-политическую и материальную помощь. В 1994 г. администрация края выделила Вениамину легковой автомобиль «Волга», а на «нужды епархии» из бюджета края — 70 млн руб. [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 247. Л. 2]. В условиях острого экономического кризиса такая «щедрость» краевой администрации вызывала возмущение населения.

Активно шёл процесс реституции церковного имущества. В 1993—1994 гг. Владивостокской и Приморской епархии были переданы здания на территории Покровского парка Владивостока под часовню, здание ГорОНО (бывшая консистория) — под епархиальное управление, помещение воинской части Уссурийска (бывший монастырь) — под Южно-Уссурийский Богородице-Рождественский женский монастырь [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 247. Л. 1]. До 1998 г. епархии были переданы ещё несколько помещений: Никольская часовня, которая находилась в жилом фонде; дом церковно-приходской школы в с. Покровка Октябрьского района, где функционировал народный самодеятельный театр; здание духовного училища в с. Спасское, в котором располагался Дом детского творчества; здания входившего в архитектурный комплекс разрушенного в 1930-е гг. Успенского кафедрального собора во Владивостоке и др. [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 369. Л. 1].

Началось строительство новых и восстановление сохранившихся храмов по всему Приморью. Эта работа находила поддержку и понимание у местных органов власти. Главы муниципальных образований оказывали приходам информационную поддержку, помогали искать спонсоров и подрядные организации для строительства молитвенных зданий [3]. В 1994 г. была проведена работа по благоустройству Свято-Никольского кафедрального собора. В него были переданы частицы святых мощей Николая Чудотворца,

апостола Андрея Первозванного, Псково-Печерских святых, а также две иконы — Георгия Победоносца (1995)[4] и Порт-Артурская чудотворная икона Божией Матери (1998).

Однако возведение новых храмов нередко сопровождалось конфликтами. Самая скандальная ситуация сложилась вокруг строительства Покровского кафедрального собора во Владивостоке. В Покровском парке на месте разрушенного в 1930-е гг. собора в честь Покрова Пресвятой Богородицы стоял памятник В.И. Ленину. В 1991 г. часть территории парка передали епархии под строительство кафедрального собора. Настоятелем был поставлен племянник первого епископа Владивостокского и Приморского Николая (Шкрумко) священник Валентин Мельник, которому краевая администрация в обход очередников выделила трёхкомнатную квартиру [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 247. Л. 2].

Средства на строительство собора собирались с 1991 по 1999 г. Администрация края нашла спонсоров, которые выделили для этого 1 млрд руб. [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 369. Л. 2]. Приморские журналисты обнаруживали связанные с этим «странности» взаимоотношений епархии и краевой администрации. Например, во владивостокской газете «Новости» сообщалось, что в 1997 г., когда епархия в очередной раз попросила у краевой администрации денег на строительство малого Покровского храма, ей предложили выбрать одного из должников края и получить деньги у него. Священники выбрали ОАО «Уссурийский бальзам», который должен был краю 350 млн «старых» рублей. «...Только взяли святые отцы не деньгами... а продукцией, — комментировала журналистка О. Крутова. — Что ж, в трудное время бывает всякое. И Бог, может быть, простил бы слуг своих, продай они спиртное и воздвигни на эти „пьяные“ деньги храм. Но отцы церкви пятитонный контейнер с горячительными напитками отправили в подарок Московской Патриархии». Вскоре после этого у Владивостокской и Приморской епархии в Москве появилось собственное представительство [10].

СМИ также следили за тем, как продвигается строительство Покровского собора и отражали обеспокоенность общественности о судьбе значительных сумм денег, собранных для храма. В 1999 г. газеты обратили внимание на то, что за восемь лет на выделенной площадке был демонтирован памятник Ленину, установлен мемориальный крест, открыта небольшая часовня, где проводили отпевания покойников. Однако здание храма к тому времени ещё не появилось, при этом по договору с Покровским приходом

[4] Георгий Победоносец считается покровителем Владивостока — форпоста России на Тихом океане. Икона впервые была доставлена во Владивосток 3 февраля 1911 г. как безвозмездный дар войскам Владивостокского гарнизона во спасение от эпидемии чумы, свирепствовавшей в Китае и уносившей ежедневно тысячи жизней.

на прилегающей территории коммерческая организация ООО «Влад фаст фуд» построила своё кафе, что не одобрялось верующими и, как оказалось, руководством самой епархии [13]. В том же году отец Валентин был со скандалом отправлен за штат [4].

Отстранённый владыкой Вениамином от должности настоятеля храма и председателя приходского совета отец Валентин отправил в Московскую Патриархию письмо за 250 подписями прихожан с просьбой «прислать во Владивосток комиссию Святейшего Синода для разрешения конфликта» и заявил, «что выходит из подчинения епархии и закрывает Покровский храм на ключ до приезда комиссии» из Москвы [12]. В 2000 г. конфликтная ситуация получила продолжение. Лишённый прихода экс-священник был назначен на должность заместителя мэра Владивостока Ю.М. Копылова по вопросам религии: теперь в обязанности В. Мельника входило «налаживание цивилизованных отношений со всеми религиозными конфессиями города» [11]. Такой должности в администрации города никогда не было. Это событие было воспринято в епархии крайне негативно, как вызов со стороны руководства города. Можно предположить, что одной из причин такого назначения являлась конфронтация между городской администрацией и епархией по «Покровскому вопросу»: новый настоятель Покровского прихода отец Кирилл обвинял мэрию в том, что она желает отобрать у прихода территорию, закрыть часовню, запретить отпевание покойников и пр. [4; 5].

Вторым направлением деятельности епископа Вениамина и руководства Владивостокской и Приморской епархии в 1990-е гг. стала *организация системы духовного образования и подготовка пастырей.* Начальные знания о православной вере интересующиеся приморцы могли получить в воскресных школах, которые были созданы при большинстве приходов. В 1992 г. открылось Владивостокское духовное училище (ВДУ) с двухлетним сроком обучения, ректором которого стал епископ Вениамин, инспектором — иеромонах Алексий (В.В. Несмеев). ВДУ давало начальное духовное образование. При училище в 1997 г. была создана катехизаторская школа. Тогда же епархия открыла православную гимназию (её директором стал протоиерей И.Б. Талько), под которую в 1999 г. администрация Владивостока передала здание детского комбината по ул. Бородинской [9]. В 1999 г. по инициативе ректора ДВГУ В.И. Курилова и при поддержке Приморской администрации в Институте истории и философии ДВГУ организовали кафедру теологии и религиоведения, которую возглавил епископ Вениамин.

С первых месяцев пребывания в должности епископа Вениамин столкнулся с острой нехваткой пастырей. Одним из ближайших его помощников

стал тогда ещё студент Московской Духовной семинарии Н. Чашин[5], прибывший во Владивосток в 1992 г. вместе с Вениамином. В 1993 г. он был пострижен в монашество с именем Сергий и долгие годы исполнял обязанности секретаря Владивостокской и Приморской епархии. Среди других соратников епископа в 1990-е гг. можно назвать архимандрита Иннокентия (В.А. Третьякова), протоиереев Василия Кабанова, Владимира Капитанюка, Василия Капитанюка, Германа Герасимова, Игоря Талько, Михаила Ребрия, игумена Варнаву (М.В. Губорькова) [21].

Помимо недостатка в священнослужителях в епархии была и другая проблема — «разногласия во взглядах на православие среди отдельных настоятелей приходов», что заметили и краевые власти. Так, протоиерей Анатолий Суржик «перешёл по своей инициативе в лоно Русской Православной Свободной Церкви Суздальского Епархиального Управления», но продолжал «осуществлять свою деятельность в официально зарегистрированном Свято-Евсеевском приходе» Владивостокской епархии (МП), а отец Валерий Новицкий перешёл из последней в Древлеправославную Старообрядческую церковь[6], зарегистрировав свой Устав в управлении юстиции края в 1992 г. [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 247. Л. 3].

Кроме того, приморское духовенство в 1990-е гг. не отличалось высоконравственным поведением, «жило не по средствам», «водило дружбу с братками» и пр., о чем также писала приморская пресса. В «Новостях», например, сообщалось, что секретарю Владивостокской епархии Сергию (Чашину) «купили „Лэнд Крузер“ за 24 тыс. долл., собранных со всех приходов „для расплаты с церковными долгами“». Подвергалась сомнению и моральная безупречность получения епархиальным управлением от владивостокской предпринимательницы Г.Ф. Бернады в наследство квартиры и сети китайских ресторанов «Чайный дом по-восточному» [10].

Третьим направлением деятельности Владивостокской епархии становится *миссионерское* — борьба с «сектами» и другими «врагами православия».

---

[5] **Н.Н. Чашин**, в настоящее время митрополит Сингапурский и Юго-Восточно-Азиатский, глава Патриаршего экзархата в Юго-Восточной Азии, член Межсоборного присутствия РПЦ. Род. В 1974 г. в пос. Комсомольский Мордовской АССР. В 1991 г. окончил среднюю школу пос. Наровчат Пензенской области. 1991—1993 — учился в МДС. 1993 г. — пострижен в монашество с именем Сергий в честь преподобного Сергия Радонежского; 1993 г. — рукоположен во диакона, 1996 г. — в сан пресвитера. С 1993 г. исполнял обязанности секретаря Владивостокской и Приморской епархии. В 1995 г. назначен проректором Владивостокского духовного училища, 1997 г. — настоятелем храма Успения Божией Матери во Владивостоке, 2000 г. — возведён в сан игумена, 2006 г. — назначен епископом Уссурийским, викарием Владивостокской епархии. Служил во Владивостокской и Приморской епархии до 2007 г.

[6] Впоследствии В. Новицкий из старообрядчества перешёл в язычество и стал радарем Ярославом.

Свои взгляды на роль и значение православия в жизни общества епископ Владивостокский и Приморский выразил так: «Попытка разрушения и игнорирования национальной религиозной самобытности и культуры, связанной с ней, — это путь внесения раздора и раскола в российское общество. Каждый народ должен иметь не просто право, но и твёрдые гарантии сохранения уникальности своего исторического пути. Это побуждает православных христиан призвать власти, общественные силы, прессу к деятельной заботе о воспитании человека в хранении религиозно-нравственного идеала и культурного наследия каждого народа, без чего достигнуть достойного будущего невозможно. Но почему-то наше стремление противостоять духовному натиску, разрушающему традиционные российские ценности, кем-то воспринимается как нарушение свободы совести, попытки ограничения свободы личности...» [2, с. 19—20].

Консервативные и антиэкуменические взгляды епископа Вениамина в 1990-е гг. разделяло подавляющее большинство приморского духовенства. Редко кто из них посещал даже формально-протокольные мероприятия, в которых принимали участие представители других религий [21].

Не имея большого опыта самостоятельного функционирования в условиях вероисповедной свободы, Владивостокская и Приморская епархия, как и вся РПЦ (МП), стремилась войти в тесные отношения с краевыми властями и в большой мере полагалась на их административную помощь, которая особенно заметной была в проведении с миссионерскими целями религиозных праздников, мероприятий и шествий. Так, в 1994 г. краевая администрация помогла епархии провести в Покровском парке несколько праздничных мероприятий, среди них день Святого Преподобного Серафима Саровского, день Покрова Пресвятой Богородицы и др. В последнем приняло участие более 500 чел., праздник завершился бесплатным обедом для малоимущих [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 247. Л. 3]. В 1995 г. была оказана помощь в торжественном прохождении иконы Великомученика Георгия Победоносца — покровителя Владивостока — по городам и посёлкам края и вносе её во Владивосток в день 135-летия города, а также в организации торжеств по случаю 100-летия Шмаковского Свято-Троицкого Никольского монастыря [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 369. Л. 2]. Кроме того, краевые власти оказали содействие епархии в праздновании 200-летия со дня рождения русского Святого и выдающегося учёного, исследователя Сибири и Дальнего Востока Иннокентия (Вениаминова) [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 611. Л. 11—12].

В 1997 г. во Владивостокской и Приморской епархии был создан миссионерский отдел, который возглавил иеромонах Иннокентий (В.В. Ерохин). Имея высшее журналистское образование (ДВГУ), он в 1995 г. был принят на должность ответственного секретаря епархиальной газеты «Приморский

благовест». Благодаря его деятельности «чаще стали выступать в средствах массовой информации края владыка и настоятели приходов» [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 247. Л. 3]. Он смог организовать распространение в светских СМИ «достоверной информации о сектантах», а также постоянно публиковал материалы о «сектах» в ежемесячной епархиальной газете «Приморский Благовест» (издаётся с 1993 г., главный редактор — епископ Вениамин, редактор — иеромонах Иннокентий), выпусках ежедневной телепередачи «Дорога к храму» (10-минутная, с 1996 г.) и еженедельной радиопередачи «К свету» (с 1997 г.) [19].

По инициативе Иннокентия при епархии был создан реабилитационный центр. По его мнению, «необходимость в создании такого центра существовала давно, так как религиозная экспансия на территории Приморья ведётся весьма активно. Только в 1998 г. в регионе зарегистрировано более 30 конфессий, в основном представляющих иностранные религиозные организации». Сотрудники центра проводили просветительские беседы, оказывали содействие тем, кто стал «жертвами тоталитарных сект» [18]. Наибольшую «опасность» для руководства епархии в 1990-е гг. представляли южнокорейские миссионеры, деятельность которых воспринималась священниками РПЦ не только как работа религиозных конкурентов, посягнувших на каноническую территорию, но и как угроза национальной безопасности. Епархия, по мнению краевых властей, не всегда могла «противостоять натиску» зарубежных миссионеров [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 611. Л. 11—12].

Необходимо отметить, что руководство Владивостокской и Приморской епархии не могло самостоятельно справиться не только с протестантскими миссионерами, но даже со своими единоверцами — православными верующими, которые перешли в юрисдикцию Зарубежной православной церкви. В декабре 1995 г. «был разрешён спор между Владивостокской епархией и Зарубежной православной церковью путём выселения с помощью правоохранительных органов зарубежного прихода из помещений епископского подворья на Седанке» [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 369. Л. 2]. Верующих, сторонников Зарубежной православной церкви, выставили с епископского подворья с помощью ОМОНа.

Четвёртым направлением было *возрождение на территории края монастырей*. Благодаря поддержке краевых властей и местных администраций в 1990-е гг. в крае обрели новую жизнь четыре обители. В 1993 г. началось восстановление **Богородице-Рождественского женского монастыря в Линевичах**. Располагавшаяся на месте старого монастыря войсковая часть вернула епархии четыре здания с прилегающей территорией [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 247. Л. 1]. Вскоре в обители появились первые насельницы, настоятельницей в 1995 г. стала мать Сергия (Чашина) игуменья Варвара (И.С. Волгина), 1948 г.р., пострижена в монашество в 1993 г.

Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь в пос. Горные Ключи стал восстанавливаться в 1995 г. Сохранившиеся монастырские строения находились в ведении различных организаций. Самое большое количество зданий принадлежало Дальневосточному военному округу, в них находился Шмаковский военный санаторий. Администрация края обратилась к командующему ДВО с просьбой о поэтапной передаче зданий, ранее принадлежащих Шмаковскому Свято-Троицкому мужскому монастырю [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 369. Л. 2]. Епархии была возвращена полуразрушенная часовня в честь Преображения Господня на вершине Медвежьей сопки. Рядом построили небольшой деревянный домик с двумя кельями, в котором поселились иеромонах, монах и пятеро трудников. Всё необходимое для жизни — воду, пищу, дрова — послушникам приходилось приносить из посёлка. В 1998 г. обители были возвращены земли, которые в советское время занимала ферма военного совхоза. До революции там находился монастырский скотный двор. На этой территории снесли все ветхие постройки, отремонтировали два дома, в одном из которых устроили домовую церковь во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских. Возрождение монастырской жизни проходило в тяжёлых условиях потери преемственности в духовной жизни, отсутствия опыта руководства общежительной обителью: требования к братии и правила взаимоотношения с властями вырабатывались заново, путём проб и ошибок. С 1995 по 1998 гг. сменилось два наместника монастыря. В 1997 г. им стал иеромонах Феофан (Д.В. Зиборов), закончивший Московскую духовную семинарию. С этого времени активнее стала обустраиваться возвращённая монастырю территория. В 1999 г. был открыт домовый храм во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских, закончен внутренний ремонт Преображенского храма, в котором создан новый иконостас в несколько ярусов, устроены братские кельи.

Марфо-Мариинский женский монастырь был основан в 1995 г. в пригороде Владивостока (ст. Седанка) после того, как епархии возвратили здание бывшего Архиерейского подворья, построенного в 1901 г. для первого Владивостокского епископа Евсевия (Е.И. Никольского). Настоятельницей обители была назначена игуменья Мария (И. Пономарева). Центром монашеской жизни стали домовой храм священномученика Евсевия Самосатского и церковь святого благоверного князя Александра Невского. При монастыре в 1998 г. было создано сестричество милосердия, которое оказывало помощь Приморской детской краевой туберкулёзной больнице, детскому приёмнику-распределителю, отделению для брошенных младенцев в городской больнице, Дому ребёнка, детским домам, дому престарелых и туберкулёзному диспансеру на Седанке.

Женский монастырь Казанской иконы Божией Матери находится в с. Раздольном на территории бывшей военной части, неподалёку от воз-

вращённого епархии здания Казанской церкви. Храм был построен в 1898 г., в 1928 г. закрыт. Сначала в нём располагалась школа, затем артиллерийский склад, с 1986 г. — солдатский клуб. В 1994 г. храм передали Владивостокской епархии, началось его восстановление. В одном из переданных корпусов были устроены сестринские кельи и создан домовый храм. Первой настоятельницей монастыря была назначена в 1998 г. монахиня Елизавета (М.В. Гудакова), которая приняла монашество в 1994 г. в возрасте 50 лет (скончалась в 2000 г. в результате дорожной аварии). Она много сделала для восстановления монастыря, по её просьбе из Оптиной пустыни в монастырь был прислан ковчежец с частицами мощей преподобных Оптинских старцев [21].

Большое значение епархия придавала *выстраиванию отношений с Вооружёнными Силами*. В 1996 г. она заключила Соглашение о взаимодействии с Тихоокеанским флотом в вопросе духовно-нравственного воспитания личного состава, затем — с Уссурийским казачьим войском и краевым военным комиссариатом [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 247. Л. 3]. В газете Тихоокеанского флота «Боевая вахта» в 1990-е гг. появилось ежемесячное православное приложение «Благовест». Был создан отдел по взаимоотношениям с Вооружёнными Силами, руководителем стал игумен Павел (Хохлов), который работал в этой должности до перевода в 2000 г. в Малайзию [21].

Завершая анализ деятельности Владивостокской и Приморской епархии, необходимо обратить внимание ещё на одно направление — *работу с молодёжью и интеллигенцией*. Созданный в 1990-е гг. Отдел по делам молодёжи возглавлял протоирей Игорь Талько. Епископ Вениамин с первых дней своего архиерейства активно искал связи и устанавливал контакты с владивостокской интеллигенцией. Однако его участие в научной и культурной жизни города и края носило скорее формальный характер: епископа приглашали на различные мероприятия скорее как почётного гостя. Он периодически присутствовал на встречах ряда общественных организаций, в том числе «Русского культурного центра» (руководитель — д-р искусствоведения Г.В. Алексеева).

Среди владивостокской интеллигенции и студенчества практически отсутствовали единомышленники Вениамина по вопросам возрождения монархии, национального возрождения, отношения к «религиозным меньшинствам». Напротив, некоторые его инициативы вызывали «раздражение» не только у интеллигенции, но и органов власти. Так, Е.И. Наздратенко крайне негативно относился к «монархическим инициативам епископа». В 1995—1997 гг. Вениамин обращался к лидерам монархических организаций с предложениями провести какие-либо мероприятия во Владивостоке. В частности, в апреле 1997 г. он благословил проведение здесь Приамурского земского собора, который должен был восстановить историческую связь

с собором 1922 г. Администрация края не позволила сделать это и «указала» епископу на «недопустимость подобной деятельности» [21]. После конфликта с властями по этому поводу епископ Владивостокской и Приморский перестал публично выражать монархические взгляды и начал отрицать свои связи с монархическими организациями.

В многолетнем (1993—1998) конфликте Е.И. Наздратенко и мэра Владивостока В.И. Черепкова епископ Вениамин принял сторону губернатора. Мэр считал себя одним из сильнейших экстрасенсов и иногда угрожал своим оппонентам, что использует свою гигантскую мистическую силу против врагов, в том числе и против приморских структур РПЦ [21].

Подводя итог, можно сделать несколько выводов. *Во-первых*, возрождение православной религиозной традиции в Приморском крае в 1990-е гг. шло в русле общероссийских процессов — в условиях раскола внутри православия на сторонников Московского Патриархата и Русской православной церкви за рубежом, недостатка профессиональных кадров священнослужителей, отсутствия стройной системы религиозного образования и монастырской жизни, недостатка храмов, молитвенных домов и пр.

Во-вторых, отношения структур Владивостокской и Приморской епархии с органами власти складывались неоднозначно. Если краевая администрация практически всегда поддерживала «начинания» епископа, священников и клириков, приходы получали поддержку и на уровне муниципальных образований, то с мэрией краевого центра и мэрами Ю.М. Копыловым и В.И. Черепковым отношения были скорее недружественными.

В-третьих, несмотря на существующие проблемы, епископу Владивостокскому и Приморскому Вениамину, епархиальному управлению РПЦ (МП) удалось за 10 лет возродить в крае православную традицию, практически уничтоженную в годы советской власти. Во многих населённых пунктах были открыты приходы с действующими при них воскресными школами, начата профессиональная подготовка священников, установлены отношения с Вооружёнными Силами, созданы собственные СМИ и отдел по работе с молодёжью и пр. Всё это заложило основу дальнейшего развития православной традиции в крае и деятельности Владивостокской и Приморской епархии как одного из структурных элементов гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21.
2. Вениамин, епископ Владивостокский и Приморский. Место Православной Церкви в обществе и проблематика её социального служения // Межконфессиональное

и межнациональное развитие: Опыт. Сотрудничество. Проблемы. Перспективы: материалы Первого Приморского форума. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. С. 18—25.
3. Возрождается храм на Русском // Владивосток. 1999. 10 янв.
4. Голубева В. Покровский вопрос // Приморские вести. 2000. 5 февр.
5. Демкин Д. Владивостокская мэрия поссорилась с верующими // Коммерсантъ. 2000. 4 февр. С. 9.
6. Дударёнок С.М. Религиозная ситуация на российском Дальнем Востоке: история и современность // Россия и АТР. 2004. № 2. С. 130—140.
7. Дударёнок С.М. Религия, церковь, верующие на российском Дальнем Востоке в конце XIX—XX веке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. Вып. 50. С. 368—397.
8. Кантор В.К. Русское православие в имперском контексте: конфликты и противоречия // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 3—22.
9. Копылов Ю. Не к лицу духовному пастырю возводить напраслину на светские власти // Приморские вести. 2000. 5 февр.
10. Крутова О. Менялы в храме // Новости (газ., г. Владивосток). 1999. 25 июня.
11. Крутова О. Опальный священник уходит в мэрию // Новости. 2000. 2 февр.
12. Крутова О. Отец Валентин забаррикадировался в Покровском храме // Новости. 1999. 28 сент.
13. Крутова О. Православный фаст-фуд // Новости. 1999. 20 окт.
14. Мигранян А., Ципко А. Слабая власть, слабая Церковь и слабое общество могут быть сильными только вместе // Россия. От хаоса к порядку? (1995—2000 гг.). М., 2001. 549 с.
15. Митрополит Вениамин (Пушкарь). Плачь о России. Покаянный канон. URL: http://beregrus.ru/?p=12060 (дата обращения: 11.05.2020).
16. Митрополит Иоанн (Снычев). Пастырь добрый // Труды митрополита Иоанна. СПб., 1996. URL: http://www.zavet.ru/book/ioanns.htm (дата обращения: 17.05.2020).
17. Никандров Н.Д. Русское Православие и российская национальная идея // Церковь и общество: События. Анализ. Комментарии. 1999. № 1—2. С. 44—50.
18. Православные помогут всем религиозным жертвам // Золотой Рог. 1999. 2 апр.
19. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2011. 528 с.
20. Личный архив автора.
21. Полевой дневник автора.
22. ГАПК (Гос. архив Приморского края).

УДК 266.3(571.64)“19/20”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10036

МИССИЯ И/ИЛИ ФИЛАНТРОПИЯ: О СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI в. (НА ПРИМЕРЕ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЦЕРКВЕЙ САХАЛИНА)[7]

Наталья Владимировна Потапова,
доктор исторических наук, профессор Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.
E-mail: napotapova@yandex.ru

Социальные программы — важный элемент деятельности протестантских церквей. В кризисные периоды истории социальная деятельность церквей становится особенно востребованной, создавая механизмы адаптации слабозащищённых слоёв населения к окружающему миру. В статье рассматривается соотношение миссионерских и филантропических мотивов в социальной деятельности евангельских церквей России в период постсоветской трансформации. Выявляется различие взглядов деятелей протестантских церквей (христиан веры евангельской (пятидесятников), евангельских христиан-баптистов) на общероссийском и региональном уровне на социальное служение церквей. Исследование проводится на примере двух направлений их социальной работы в Сахалинской области: тюремной миссии и деятельности по реабилитации алко- и наркозависимых. Выяснено, что, несмотря на декларируемый миссионерский мотив социальной работы, на протяжении последних трёх десятилетий церкви, ориентирующиеся преимущественно на евангелизацию, сворачивают масштабы своих социальных программ. Переход к решению важнейших социальных проблем через АНО и НКО выводит социальные программы церквей на светский уровень, расширяет возможности для взаимодействия с органами власти и обществом, делает эту работу более эффективной и масштабной, филантропический аспект в социальной деятельности верующих становится преобладающим.
Ключевые слова: евангельские церкви, миссия, филантропия, тюремная миссия, реабилитационный центр.

[7] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00496 А (Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project no. 20-011-00496 A).

MISSION AND / OR PHILANTHROPY: ABOUT SOCIAL PROGRAMS IN THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS OF RUSSIA IN THE LATE 20th — EARLY 21st c. (ON THE EXAMPLE OF THE EVANGELICAL CHURCHES OF SAKHALIN)

Natalia Potapova, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.
E-mail: napotapova@yandex.ru.

Social programs are an important element of the activity of Protestant churches. During the crisis periods of history, the social activity of churches becomes especially demanded, creating mechanisms for adapting vulnerable groups of the population to the world around them. The article discusses the relationship of missionary and philanthropic motives in the social activities of the evangelical churches of Russia during the post-Soviet transformation. The differences in the views of the leaders of Protestant churches (Christians of the Evangelical faith (Pentecostals), Evangelical Christians-Baptists) at the national and regional levels on the social ministry of churches are revealed. The study is conducted on the example of two areas of their social work in the Sakhalin Region: the prison mission and the rehabilitation of alcohol and drug addicts. It has been found that, despite the declared missionary motive for social work, over the past three decades, churches that focus primarily on evangelism have been curtailing the scale of their social programs. The transition to solving critical social problems through ANOs and NPOs brings social programs of churches to the secular level, expands opportunities for interaction with authorities and society, makes this work more effective and widespread, the philanthropic aspect in the social activities of believers becomes predominant.
Keywords: evangelical churches, mission, philanthropy, prison mission, rehabilitation center.

Постановка проблемы. С начала XX в. социальные программы наиболее ярко представлены в деятельности российских протестантов. Их благотворительная работа стала опираться на идеи «социального евангелия» или «кооперативного христианства», распространившиеся в зарубежном (первоначально — американском) баптизме в начале XX в. Одним из основателей этого движения был выдающийся баптистский теолог У. Раушенбуш [22, p. 31]. Анализируя современный ему социальный кризис и в этом контексте ставя вопрос об «упадке или расцвете христианской цивилизации», он пришёл к выводу о том, что необходимо «участие церкви в социальном движении» [21, p. 211—268]. Движение «социального евангелия», или «кооперативное христианство» в условиях нарастающего вследствие развития империализма социального неравенства и обострения противоречий в обществе признавало, что избежать проблем можно в случае, если христианская этика будет

положена в основу социальных отношений. Это движение применяло библейский опыт к социальному реформированию, проявлением его влияния было создание социальных организаций в церквях, публикация таких документов, как «социальное кредо церквей» и т.п. По его мнению, единственным адекватным ответом церкви на вызовы современности должна была стать «социальная евангелизация» [21, p. 287—343]. Концепция Раушенбуша была известна русским евангельским верующим, до революции его работы печатались в конфессиональных периодических изданиях, некоторый опыт такой социальной деятельности (создание приютов для детей-сирот, богаделен для стариков) имелся у российских протестантов уже в начале XX в. [8, с. 40]. В 1917—1920-х гг. в условиях провозглашённой Временным правительством и подтверждённой большевиками свободы совести лозунги «социального евангелия» широко использовали отечественные евангельские церкви. Советское законодательство 1929 г. (в том числе Постановление ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. и др.), действовавшее до 1990 г., запретило благотворительную деятельность и прочие виды социальной активности верующих. В последующие годы репрессий и гонений социальное служение в протестантских общинах если и было возможно, то только внутри общин и только в скрытой форме. В связи с принятием нового вероисповедного законодательства в 1990 г. у религиозных организаций появилась невиданная ранее свобода деятельности, в том числе и социальной. В условиях социально-экономических и политических сдвигов на постсоветском пространстве, нарастания проблем и противоречий в обществе протестантские организации в конце XX — начале XXI в. вновь обращаются к опыту социальной работы, которая, с одной стороны, является основой для проведения миссионерской деятельности, с другой — имеет филантропические мотивы.

Тема исследования актуализируется наличием на протяжении всего исследуемого периода острых социальных проблем (не решённых до сих пор), возможности для решения которых лежат в плоскости государственно-конфессиональных отношений и нуждаются в восприятии и развитии позитивного опыта социальной работы религиозных организаций. Некоторые аспекты социальной деятельности религиозных организаций в постсоветский период на общероссийском и дальневосточном уровнях исследовались в работах Р. Лункина, М. Даниловой, С.М. Дударенок, О.П. Федирко, О.К. Шиманской [1; 3; 7; 18; 19], однако вопрос о соотношении миссионерского и филантропического аспектов в этой деятельности евангельских церквей авторами не выделялся.

Целью данной статьи является: установление роли, места, мотивации, а также тенденций развития в 1990—2000-е гг. социального служения в деятельности российских евангельских церквей (на документальных материалах сахалинских церквей) на примере двух важнейших направлений социальной деятельности — тюремной миссии и работы реабилитационных центров.

Источниковая база исследования представлена тремя группами материалов. Первая — это материалы личного архива автора, включающие записи интервью с пресвитерами, лицами, ответственными за социальное служение в евангельских церквях Сахалина. Вторая группа — копии и оригиналы документов текущего архива местной религиозной организации церкви евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) «Возрождение» и сахалинского Альянса евангельских церквей, а также находящиеся в личном архиве автора фотоматериалы по истории социальной работы евангельских церквей Сахалина. Третья часть источников — публикации в СМИ (интервью с евангельскими деятелями России и новостные сообщения о социальной работе церквей).

Методология настоящего исследования включает в себя сравнительный анализ представлений о роли социальных программ в деятельности церквей, мотивации социального служения, транслирующихся как на официальных ресурсах крупнейших евангельских сообществ России, так и на региональном уровне, а также эволюции важнейших направлений социальной деятельности церквей с начала 1990-х гг. по настоящее время, демонстрирующей изменение приоритетов и отношения различных церквей к социальным программам.

Какие именно побудительные причины преобладают у каждой конкретной церкви, местной религиозной организации, миссии, пастора или рядового верующего, занимающихся социальной работой, — вопрос дискуссионный как в научной, так и в конфессиональной среде. По мнению Р. Лункина, «мотивация непосредственно социального служения строится как на принципах гражданской ответственности, так и на стремлении предоставить каждому человеку „социальные дары“: социальное служение церквей строится на принципе социальной справедливости… Основа социальной справедливости — всеобщая доступность земных благ…» [7, с. 138]. Т.А. Костылева отмечает, что «социальное служение предстаёт как совокупность организованных форм социальной деятельности религиозных организаций, направленных на осуществление религиозной миссии в общественной практике», это «не только благотворительность, забота о социально неблагополучных группах и отдельных лицах, но и свидетельство о Христе через практическое доброделание» [6, с. 6]. По мнению И.В. Перцевой, социальное служение — это синтез различных видов деятельности церкви, основанной на христианском отношении, любви к ближнему и выражающийся во влиянии на социальное самочувствие, социальную стабильность общества, его духовно-нравственную атмосферу [11, с. 238]. На современном этапе исследователи отмечают тенденцию «смещения акцентов в деятельности религиозных центров, организаций с непосредственного богослужения на диаконию — служение обществу и человеку», в этом контексте широко распространяется понятие «социальное служение» как совокупность организованных форм социальной деятельности индивидов, групп, институтов, организаций, которая может носить как

церковный, так и внецерковный характер. Практическое религиозное служение ориентировано на решение тяжёлых социальных проблем современного общества и тем самым на реализацию божественного замысла о мире [6, с. 6].

За последние 30 лет определились основные направления социальной деятельности протестантских церквей России. Как пишет архивариус Российского союза евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ) А.В. Синичкин о ситуации, возникшей в постсоветский период, «не все церкви оказались готовы к этому... О пробуждении много молились, но не готовились к нему. Готовились ко второму пришествию, к изоляции от мира и гражданского общества, к тюрьмам и ссылкам, к эмиграции из страны, но только не к пробуждению и влиянию на формирование гражданского общества». Тем не менее церкви начали постепенно перестраиваться на социальные программы, определять их основные направления. «Началось всё со служения милосердия, когда церкви оказывали помощь больницам, детским домам, интернатам, домам престарелых. Вначале это было на основе гуманитарной помощи, поступающей из-за рубежа. В настоящее время Церкви несут служение в основном самостоятельно. Это и уход за больными, занятия с детьми, оказание помощи малоимущим. Церкви евангельских христиан-баптистов несут большое служение в местах лишения свободы, говоря заключённым о Христе и оказывая им социальную помощь. В последнее время начало активно развиваться служение по реабилитации наркоманов и алкоголиков...» [15, с. 230].

В 2003 г., а затем в новой редакции в 2009 г., Консультативным Советом глав протестантских церквей России был принят документ «Социальная позиция протестантских церквей России» [16], который является своеобразной декларацией осознания протестантскими церквами России своего гражданского права на участие в различных сферах российской общественной жизни, в том числе по таким направлениям деятельности, как церкви и государство, церкви и общественно-политическая жизнь, христианские конфессии и иные религии, брак, семья, дети, здоровье личности и народа, преступность и наказание, социальное служение и пр.

Анализ сегодняшнего отношения российских протестантов к степени вовлечённости церквей и верующих в социальное служение и необходимости этого служения, важности его для главного дела церкви — миссии — показывает многообразие мнений. Видный деятель РС ЕХБ Ю. Сипко в январе 2012 г. говорил: «С радостью могу сказать: социальное служение в церквах Союза совершается многообразное, и оно возрастает... Прямое указание Христа: „кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же“. Если христианские церкви состоят из возрождённых христиан, то каким образом такие христиане могут рассуждать о том, что дело милосердия их не касается?» Описывая направления служения, Ю. Сипко отмечал: «В настоящее время самое активное и самое продуктивное служение — помощь

наркозависимым после их освобождения. Вместе с этим есть служение для осуждённых, как находящихся в местах заключения, так и вышедших на свободу. Помощь детям-сиротам, в детских домах, беспризорникам, малообеспеченным семьям. В настоящее время актуален проект «Наши дети», главная цель которого — помочь обрести семью детям, оказавшимся в детских домах... Благотворительные столовые. Работа в хосписах. Проблема СПИДа... Помощь материальная, и вместе с ней духовная, показывает, что это богоугодное дело. Я думаю, что мы ещё в начале понимания нашей ответственности за то, какого Христа мы проповедуем» [20].

В то же время А. Синичкин, например, отвечая на вопрос, должно ли тогда вообще быть в церкви социальное служение, отмечал: «Должно, но оно не должно быть доминирующим. Главное служение Церкви — это благовестие» [17]. В этом контексте он подчёркивал, что с миссионерской точки зрения социальное служение бесперспективно, отмечая, что представление о том, что через социальное служение в церкви пришло много людей — «это миф, количество членов в церквах почти не увеличилось. Кто-то благодаря социальному служению остаётся в церкви, но в основном нет, так как люди приходят за едой, одеждой и т.п.» [17].

Активную социальную работу ведут церкви Российского объединённого союза Христиан веры евангельской (пятидесятников) (РОСХВЕ), за что в 2014 г. Государственная Дума РФ отметила их почётной грамотой [14]. Итоговое заявление Малого Собора РОСХВЕ от 25 октября 2018 г., посвящённого теме «Миссия Бога, миссия церкви, миссия христианина», подтвердило, что проповедь Евангелия и миссия — главное дело каждого христианина, каждой поместной общины и Церкви в целом. В связи с этим отмечалось, что «социальное служение — одна из традиционных для христиан форм миссионерской работы, направленная на исцеление ран общества и распространение Царства Божьего» [4].

Основатель и пастор Московской церкви ХВЕ «Благая Весть» Р. Ренер в интервью журналу «Религия и право» в 2010 г. говорил, что «социальное служение — это не только выражение своей веры, но и самый лучший способ благовестия». Отвечая на вопрос, является ли социальное служение сегодняшних протестантов необходимостью для выражения своей веры или способом благовестия, пастор ответил, что одно неотделимо от другого: «Нужно и то, и другое, так как любые наши дела должны быть ориентированы на Вечные ценности» [10].

Другие протестантские церкви также склонны связывать социальное служение с миссионерскими задачами. В.И. Евчик, епископ, первый зам. начальствующего епископа Российской Церкви Христиан веры евангельской (РЦ ХВЕ), зам. начальствующего епископа в Приволжском федеральном округе, заявил: «Социальное служение — ключ к благовестию!» [13]. Исключительно о миссионерских мотивах социальной работы говорят в Объединённой Церкви

христиан Веры Евангельской России (ОЦ ХВЕ). Так, на их конференции по благовестию в Воронеже в 2013 г. ответственный за социальное служение А. Лотков из г. Курска, выразил цель служения словами апостола Петра: «Провождать добродетельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословят вас, как злодеев, увидя добрые дела ваши, прославили Бога в день посещения», обратив внимание на то, что «добрые дела должны делать мы, а прославлен за это будет Бог» [5].

На региональном уровне руководители церквей также демонстрируют различные нюансы понимания места и значения социальной активности в жизни церкви и верующих. А.А. Занин, пастор Южно-Сахалинской церкви «Возрождение» и церкви ЕХБ «Источник жизни» г. Корсакова, старший пресвитер РС ЕХБ по Сахалинской области, считает: «Предназначение церкви — проповедь Евангелия. Это самая главная цель. Я не думаю, что наша основная задача — социальная работа. Социальная деятельность — это не обязанность церкви. Ею каждая церковь может заниматься в меру своих возможностей» [23. Интервью с А.А. Заниным. 15.06.2020]. Иными словами, как способ миссионерской деятельности социальная работа не рассматривается и таковой не является.

По мнению же П.М. Ярмолюка, Епископа по ДФО и Сахалинской области, пастора Южно-Сахалинской церкви «Благая весть» (РЦ ХВЕ), социальная работа — «это христианство в действии»: «Если человек любит Бога, он любит и людей. Кто-то работает в реабцентрах, кто-то помогает бедным, здесь главное не стремление умножить адептов, а помочь человеку вырваться из рабства» [23. Интервью с П.М. Ярмолюком. 15.06.2020]. Несмотря на гораздо большее внимание к социальной работе, пятидесятники Сахалина также не демонстрируют явную миссионерскую мотивацию. По мнению Н.А. Радьковой, известной в регионе своей активной общественной деятельностью, долгое время руководившей «тюремной миссией» Сахалинского альянса евангельских церквей, «социальная работа — это Божья работа в действии сейчас, в нынешнем времени. Сам Христос, Божий сын показывает нам пример социальной работы — он исцелял больных, кормил голодных и т.д. Это некий мастер-класс, преподнесённый людям» [23. Интервью с Н.А. Радьковой. 15.06.2020]. Для пастора Южно-Сахалинской церкви «Новое поколение» ХВЕ С.П. Ляшка «социальная работа — неотъемлемая часть церковного служения и христианской жизни». Он говорит: «В этом проявляется добродетель, этим мы показываем сердце нашего Бога…» [23. Интервью с С.П. Ляшком. 17.06.2020]. Социальная работа, таким образом, скорее обязанность, проявление веры, людей из церкви по отношению к обществу, способ улучшить, изменить окружающий мир по примеру Христа, не предполагающий обязательной евангелизации субъектов, на которых направлена социальная работа.

Конкретные направления социальной работы евангельских церквей Сахалина в постсоветский период отражают приоритеты социального служения

всех евангельских церквей России. Отдельными значимыми направлениями в деятельности церкви «Возрождение» в 1990—2000-х гг. являлись благотворительные акции, направленные на наиболее нуждающихся жителей Сахалинской области, независимо от их конфессиональной принадлежности, работа с особыми социальными группами: глухонемыми, детьми и подростками, ветеранами и пенсионерами, инвалидами, больными людьми; важное место в деятельности церкви занимала пропаганда здорового образа жизни [12]. В последние годы социальная работа межденоминационного Альянса евангельских церквей Сахалина также ведётся по этим направлениям. В данной статье мы остановимся на таких важных направлениях деятельности сахалинских протестантских церквей, как тюремная миссия и реабилитационная работа.

Тюремная миссия. В этом направлении в разные периоды (после 1990 г.) сахалинские церкви проявляли различную активность, что было связано с внутренними и внешними причинами.

Церковь «Возрождение» в 1993—2001 гг. проводила работу в детской колонии Южно-Сахалинска и в 1992—2001 гг. в исправительной колонии пос. Смирных (на основании соглашений, заключаемых ежегодно с администрацией учреждений). «Соглашение о работе церкви ЕХБ „Возрождение“ в Южно-Сахалинской воспитательной колонии УИН МЮ РФ по Сахалинской области», заключённое на 2001 г. (ставшее последним) предусматривало следующие виды деятельности церкви в колонии: 1. Культовая деятельность (религиозные обряды, богослужения). 2. Духовное и нравственное воспитание осуждённых. 3. Благотворительная деятельность. 4. Помощь в трудовом и бытовом устройстве осуждённых, освобождающихся из учреждения по окончании срока наказания, особенно сирот» [ТА ЮСЦ ЕХБ «В». Соглашение о работе церкви ЕХБ «Возрождение» в Южно-Сахалинской воспитательной колонии УИН МЮ РФ по Сахалинской области на 2001 г.]. В учреждении ЮО 171/2 УИН УВД Сахалинской области (пгт. Смирных) была создана община уверовавших «Пророк Иона», оборудована молитвенная комната, где с осуждёнными регулярно проводились молитвенные занятия. В 1998 г. администрация этого учреждения, положительно оценивая данную работу, отмечала, что «ряд осуждённых, характеризовавшихся крайне отрицательно, изменили своё поведение, отношение к жизни, как в колонии, так и по освобождению... Работа священнослужителей и наличие в колонии молитвенной комнаты и обратившихся к Богу людей благотворно влияет на общую обстановку в Учреждении» [ТА ЮСЦ ЕХБ «В». Обращение к руководителям христианских протестантских церквей Сахалина начальника учреждения ЮО 171/2 УИН УВД Сахалинской области А.Н. Антонова от 20 мая 1998 г.].

В 1990-е гг. пастор церкви неоднократно получал благодарственные письма от администрации исправительных учреждений за помощь в воспитании преступников [ТА ЮСЦ ЕХБ «В». Письмо УИН УВД Сахалинской области

пастору Ляшку А.П. 9.06.96]. В 1990-е гг. на фоне всплеска религиозности и тяжёлого социально-экономического положения всего населения и исправительных учреждений, когда не хватало самого элементарного (одежды, зубной пасты, мыла и пр.), дело доходило до официальных документов, написанных в таком стиле: «Южно-Сахалинская воспитательно-трудовая колония. 26 апреля 1995 г. Пастору церкви ЕХБ: „Братья и сёстры! Выражаем вам глубокую признательность за проведение в Южно-Сахалинской воспитательно-трудовой колонии Празднования дня Воскрешения Бога Нашего Иисуса Христа. Благодарим Вас от всего сердца за подарки детям, лишённым родительского попечения… Христос Воскрес! И да пребудет с Вами Всепрощение Господа! Администрация ВТК“» [ТА ЮСЦ ЕХБ «В». Письмо администрации Южно-Сахалинской воспитательно-трудовой колонии. 26 апреля 1995 г.].

В 2001 г. эта работа была прервана. В 2010 г. работа церкви «Возрождение» в исправительных учреждениях возобновилась. В Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при УВД по Сахалинской области 17 января 2010 г. представители церкви организовали концерт, подарили детям подарки, пастор А.П. Ляшок выступил с Рождественским приветствием. Встреча была организована сотрудниками отдела информации и общественных связей УВД по Сахалинской области [ТА ЮСЦ ЕХБ «В». Скриншот: http://www.uvdsakhalin.ru/?part=news&news=3731]. В последующие годы молодёжь Церкви «Возрождение» и взрослые верующие приезжали регулярно один раз в неделю, общались с детьми и проводили христианские занятия в течение 1—2 час. Также эта Церковь оказывала посильную помощь и самому Центру временного содержания несовершеннолетних правонарушителей канцтоварами, принадлежностями для рукоделия, настольными играми и др. Однако на сегодняшний день миссия церкви в исправительных учреждениях прекратилась.

Параллельно тюремное служение вели и другие евангельские церкви Сахалина. После 2001 г. основная работа по исправительным местам перешла в ведение христианской миссии «Освобождение», основал которую А.А. Манжосов (отбывавший в своё время срок в исправительной колонии пос. Смирных, уверовавший вследствие работы в колонии церкви «Возрождение»), он и был крещён в колонии — это был единственный такой опыт крещения. До 2017 г. функцию руководителя миссии выполняла Н.А. Радькова, однако в последующие годы возможности для заключения соглашений с УФСИН уже не было [23. Коллекция фотоматериалов о работе Тюремной миссии].

Тюремная миссия в настоящее время не функционирует. Однако активисты тюремной миссии, имеющие многолетний богатейший опыт работы с контингентом исправительных учреждений, решили сделать ставку на превентивные меры. Сейчас эта деятельность перенесена в светскую плоскость — в рамках деятельности АНО «Влияние» ведётся работа по оказанию социальной помощи детям, подросткам и молодёжи на площадках учебных

заведений области. Н.А. Радьковой разработаны программы профилактики девиантного поведения, преступности и негативного влияния вредных привычек в подростковой среде и популяризации семейных ценностей [23. Рукопись программ Н.А. Радьковой]. Особенное внимание она обращает на оздоровление морального, духовного, эмоционального состояния детей для предупреждения девиантного, суицидального поведения. В настоящее время работа АНО «Влияние» ведётся в тесном сотрудничестве с администрацией школ, департаментом образования Южно-Сахалинска и Министерства образования Сахалинской области [9].

Реабилитационная работа. Здание духовно-культурного центра церкви «Возрождение» было открыто весной 2008 г. А.П. Ляшок, пастор церкви и вдохновитель её социальных программ, строитель здания центра, подразумевал, что оно будет использоваться не только для отправления культа, но и для проведения различных мероприятий, направленных на популяризацию здорового образа жизни и помощь людям. Программа церкви заключается в том, что руководитель церкви, верующие оказывают различную помощь и верующим (любых конфессий), и неверующим людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации (помощь — одежда, помывка, еда, финансы, предоставление жилья). В единичных случаях подопечных селили в здании Центра, оказывали им помощь, материальную поддержку и т.п. В первые годы после открытия Духовно-культурного центра Церковь «Возрождение» работала над тем, чтобы открыть свой реабилитационный центр для людей, оказавшиеся в крайне тяжёлых жизненных обстоятельствах и у которых появились разного вида зависимости (наркотики, алкоголь, азартные и компьютерные игры и т.д.). Реализовать этот план так и не удалось. Сегодня церковь оказывает большую помощь другим реабилитационным центрам Сахалина: выделяет постельное бельё, матрацы, одежду, обувь, кухонную утварь, предметы первой необходимости [23. Коллекция фотоматериалов церкви «Возрождение»].

На сегодняшний день служение по реабилитации (в рамках деятельности НКО «Выбери жизнь») активно несут члены церкви «Новое поколение» ХВЕ, ставшие основателями реабилитационного центра для алко- и наркозависимых, к работе также привлекаются волонтёры, не обязательно верующие, как непосредственным участием, так и финансами, и др. видами помощи. Реабилитационный центр действует уже около пяти лет. Первоначально использовали помещения в городских квартирах, сегодня реабилитанты (9—12 чел.) размещаются в г. Аниве, в небольшом частном доме. Деятели НКО помогают не только освободиться от зависимости, но и влиться в социум — восстановить документы, устроиться на работу. По оценкам С.П. Ляшка, из тех, кто приходит, 30% возвращаются к нормальной жизни, из них большая часть остаётся в церкви. Несмотря на то, что создатели Центра не навязывают религиозных взглядов, эффективность его деятельности, с точки зрения миссии, высока. Из 80 членов церкви «Новое поколение» около 25% пришли в церковь

именно благодаря реабилитации, некоторые из излечившихся ушли в другие церкви либо, избрав светский образ жизни, остались друзьями церкви. С.П. Ляшок считает, что «главная цель социальной деятельности — рассказать людям о Христе, рассказать о Библии, изменить им круг общения, выстроить новые отношения» [23. Интервью с С.П. Ляшком. 18.06.2020].

Итак, в последние десятилетия у религиозных организаций появились широкие возможности для проведения социальной работы, выявились её приоритетные направления, определились проблемные зоны. Конфессии сформулировали теоретические основы этой деятельности («Социальная позиция протестантских церквей России»). Сегодня евангельские церкви выполняют ряд важнейших социальных функций, представляя собой один из механизмов адаптации слабозащищённых слоёв населения к окружающему миру, являясь одним из важнейших элементов общественного устройства. В тюремной и реабилитационной работе евангельских церквей наиболее ярко проявляются и миссионерские, и филантропические аспекты деятельности. Миссионерский мотив в социальной деятельности различных церквей декларируется в большей или меньшей степени. Характерно, что церкви, более ориентирующиеся на евангелизацию, в последние годы сворачивают масштабы своих социальных программ. В то же время, как показала практика сахалинских церквей, более ориентированных на филантропическую социальную работу, переход к решению важнейших общественных проблем через АНО и НКО выводит социальные программы церквей на новый, светский уровень, что, в свою очередь, расширяет возможности для взаимодействия с органами власти и обществом и делает эту работу более эффективной и масштабной. В этом смысле, на наш взгляд, в последние несколько лет филантропический аспект в социальной деятельности верующих, несомненно, стал преобладающим.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дударёнок С.М. Работа протестантских церквей Приморского края с детьми и молодёжью в постсоветский период истории // Религиоведение. 2014. № 3. С. 83—99.
2. Дударёнок С.М., Федирко О.П., Поспелова А.И., Потапова Н.В., Островская О.П., Синичкин А.В. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е — конец 1980-х гг.) / отв. ред. О.П. Федирко М.: ООО «Терция», 2018. 464 с.
3. Ембулаева Л.С., Данилова М.И. Социальная активность протестантов через призму 500-летия Реформации // Свобода совести в России: и современный аспекты: сб. статей. Вып. 14. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 100—106.
4. Итоговое заявление Малого Собора Российского объединённого союза христиан веры евангельской (пятидесятников). *Москва, 25 октября 2018 г.* URL: https://www.cef.ru/sobor2018 (дата обращения: 17.06.2020).

5. Конференция по благовестию ОЦХВЕ России. г. Воронеж. 27.07.2013. URL: http://www.christnv.ru/146-konferentsiya-po-blagovestiyu/2923-sotsialnoe (дата обращения: 15.06.2020).
6. Костылева Т.А. Социальное служение религиозных организаций: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. 23 с.
7. Лункин Р. Евангельские церкви России и общество: Реформация для «малой родины» // Современная Европа. 2014. № 4. С. 136—148.
8. Отчёт 4-го Всероссийского Съезда Евангельских Христиан, состоявшегося в Петрограде с 18-го по 25-ое мая 1917 г. Петроград: изд-во ВСЕХ, б. д. 67 с.
9. Очередной семинар по работе с трудными подростками прошёл в Южно-Сахалинске. 05.03.2019. URL: https://yuzhno-sakh.ru/dirs/70/13020 (дата обращения: 16.06.2020).
10. Пастор Рик Реннер. 25.05.2010. Беседовал Э. Ананьев URL: https://www.cef.ru/infoblock/publications/newsitem/article/1354136 (дата обращения: 15.06.2020).
11. Перцева И.В. Понятие социального служения Русской православной церкви // XVII ежегодная богословская конференция. Т. 2. М.: ПСТГУ, 2007. С. 238—244.
12. Потапова Н.В. Протестантские церкви и российское общество: история и современность (на примере Сахалина) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. статей. Вып. 14. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 254—287.
13. Российская церковь христиан веры евангельской. Централизованная организация URL: https://hve.ru/ministries/socialministry (дата обращения: 18.06.2020).
14. Российский объединённый Союз христиан веры евангельской (пятидесятников) награждён Почётной грамотой Государственной Думы РФ. 30.01.2014. URL: https://www.cef.ru/hve (дата обращения: 17.06.2020).
15. Синичкин А.В. Гражданская позиция и общественное влияние евангельских христиан-баптистов России // Материалы науч.-практ. конф. «Время и вечность в науке, религии, культуре». Курск: Изд-во Курского ин-та менеджмента, экономики и бизнеса, 2008. С. 230—236.
16. Социальная позиция протестантских Церквей России. М., 2009. 80 с.
17. Социальное служение. Дорога в никуда? Интервью с А.В. Синичкиным. 04.07.2011. URL: https://baptist.org.ru/read/article/97507 (дата обращения: 16.06.2020).
18. Федирко О.П. Ревитализация религии на российском Дальнем Востоке в 1980—2000-е гг. // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 117—130.
19. Шиманская О.К. Социальное служение христианских объединений как основа межконфессионального и государственно-конфессионального диалога (на примере Нижегородской области) // Религиоведение. 2012. № 2. С. 162—172.
20. Январь 2012. Евангельские проповеди и статьи Ю.К. Сипко. URL: http: //www.ysipko.ru/socialnoe-sluzhenie/ (дата обращения: 17.06.2020).
21. Rauschenbusch W. Christianity and the social crisis / ed. by R.D. Cross. New York: Harper & Row, 1964. 365 p.
22. Ten makers of modern Protestant thought / ed. by G.L. Hunt. New York: Association Press, 1958. 260 p.
23. Личный архив Н.В. Потаповой.
24. ТА ЮСЦ ЕХБ «В» (Тек. архив Южно-Сахалинской церкви ЕХБ «Возрождение»).

УДК 37(571.6)"199»
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10037

ПРОЦЕССЫ ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1990-е гг.

Оксана Петровна Федирко,
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Процесс десекуляризации народного образования на Дальнем Востоке России был обусловлен комплексом факторов, значительно изменивших систему образования региона. В этом процессе выделяются два этапа, связанные с изменением в законодательстве РСФСР и Российской Федерации. В рамках первого этапа, с конца 1980-х до 1994 г., руководствуясь рядом документов, подготовленных Совмином СССР, религиозные объединения начинают создавать свои учебные заведения. А после принятия Закона «Об образовании» 1992 г. они получают право их легализации в форме негосударственных/частных школ. На Дальнем Востоке этой ситуацией воспользовались преимущественно протестантские организации. Второй период, с середины до конца 1990-х гг., характеризуется отходом от либеральных установок в отношении образовательной деятельности религиозных объединений. На этом этапе рост числа негосударственных неправославных образовательных учреждений и просветительных программ на Дальнем Востоке замедляется, а в некоторых случаях их число даже снижается. РПЦ при этом расширяет сферу своей деятельности в рамках государственных школ. Отмечается, что процессы возникновения и развития религиозного образования, а также десекуляризационные процессы в государственной школе имели на Дальнем Востоке особенности, отличающие их от аналогичных процессов в центральной России.
Ключевые слова: религия, Дальний Восток России, десекуляризация, общество, учебные заведения, образовательные и просветительные программы, нормативно-правовая база, политика.

PROCESSES OF DESECULARIZATION OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE 1990s

Oksana Fedirko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: fedirko@ihaefe.ru.

Process of desecularization of public education in the Russian Far East was caused by a complex of factors that significantly changed the region's education system.

In this process, there are two stages associated with changes in the legislation of the RSFSR and the Russian Federation. During the first stage, from the late 1980s to 1994, religious associations began to establish their own educational institutions, guided by a number of documents prepared by the Council of Ministers of the USSR. And after the adoption of the law "On education" (1992), they were given the right to legalize them in the form of non-state / private schools. In the Far East, this situation was taken advantage of mainly by Protestant organizations. The second period, from the middle to the end of the 1990s, is characterized by a departure from liberal attitudes towards the educational activities of religious associations. Under this stage, the growth of the number of non-state non-Orthodox educational institutions and educational programs in the far East is slowing down, and in some cases their number is even decreasing. At the same time, the ROC is expanding its activities within public schools. It is noted that the processes of the emergence and development of religious education, as well as the desecularization processes in the state school had their features in the Far East, different from similar processes in central Russia.

Keywords: religion, Russian Far East, desecularization, society, educational institutions, educational and educational programs, regulatory framework, politics.

Прошедшие тридцать лет позволяют оглянуться и проанализировать политические и социальные процессы, которые шли на всей территории бывшего СССР. Поиски новой идеологической модели, реформы в области государственно-конфессиональных отношений, пересмотр системы образования — всё это наложило свой отпечаток на жизнь российского общества. Одним из самых острых идеологических вопросов был вопрос о месте религии в условиях новой государственности. Ревитализация религии в России в 1990-е гг. сопровождалась десекуляризацией всей системы народного образования.

Под десекуляризацией образования мы понимаем частичный отказ от светского характера образования в результате включения в образовательные программы знаний о догматике и вероучительной практике религий в качестве обязательного либо дополнительного компонента; формирование негосударственной системы образования, создаваемой религиозными объединениями с целью обучения и подготовки кадров священнослужителей. В данной статье предпринимается анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей процессы десекуляризации образования в России в 1990-е гг. и результаты её применения на Дальнем Востоке России.

В конце 1980-х гг. система образования в России переживала кризис, который был обусловлен масштабным недофинансированием отрасли, упразднением воспитания, отказом от национально-государственной

идеологии и др. факторами. Одной из острых проблем организации учебного процесса было отсутствие единства мнений по вопросам включения знаний о религии в образовательную практику.

Существовавшие в то время нормативно-правовые акты не давали однозначного ответа на этот вопрос. С одной стороны, в правовом поле, регламентирующем вопросы взаимодействия государства и религиозных объединений, действовали законодательные акты, принятые в первые годы советской власти: декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 февраля 1918 г. [29, ст. 269], Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [31, с. 29—45], запрещающее организовывать кружки и др. объединения по обучению религии; новая редакция 4-ой статьи Конституции РСФСР, принятая 18 мая 1929 г. XIV Всероссийским съездом Советов [8, л. 1], закрепившая «свободу антирелигиозной пропаганды». В период хрущёвской антирелигиозной кампании вышло Постановление ЦК КПСС «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 4 октября 1958 г. [17, с. 101—112], провозгласившее борьбу с религиозными пережитками и включение в учебные программы атеистического компонента. В УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви (ст. 142) [17, с. 109]. В последующие годы неоднократно принимались документы, регламентирующие организацию атеистического воспитания: Постановление ЦК КПСС от 2 января 1964 г. «О мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения», Постановление ЦК КПСС от 16 июля 1971 г. «Об усилении атеистического воспитания населения». Конституция СССР 1977 г. подтвердила принцип отделения церкви от государства и школы — от церкви [30, с. 33].

17 июля 1986 г. Совмин СССР направил Министерствам и ведомствам РСФСР, Совминам автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам записку Совета по делам религий при Совмине СССР «О религиозной обстановке, состоянии и мерах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в РФ» для рассмотрения и принятия мер [ГАКК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. В соответствии с этим документом были запланированы мероприятия, включавшие разработку программ «курсов повышения квалификации партийных и советских работников с целью изучения вопросов политики КПСС и Советского государства по отношению к религии и церкви» [ГАКК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 5. Л. 4]. Эти документы к началу 1990-х гг. ни отменены, ни ограничены в правоприменительной практике не были.

С другой стороны, к этому времени СССР принял ряд международных актов, закреплявших принцип свободы совести и противоречивших действовавшему советскому законодательству. В 1973 г. Указом Президиума ВС СССР была ратифицирована Всеобщая декларация прав человека,

провозглашённая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., ст. 18 которой гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков» [4]. В том же году в СССР был принят Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., в котором провозглашалось право человека на свободу мысли, совести и религии [12]. В 1989 г. СССР подписал Венские соглашения представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, на основе которых обязался привести советское законодательство в соответствие с международными соглашениями о защите прав человека. Среди широкого спектра прав и свобод, изложенных в Итоговом документе Венской встречи, предусматривалось право верующих давать и получать религиозное образование на языке по своему выбору индивидуально или коллективно, право родителей на религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями [ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3887. Л. 222; 10].

Безусловно, свой отпечаток на процессы проникновения религии в учебные заведения наложило широкое празднование тысячелетия крещения Руси и обсуждение проекта Закона «О свободе совести» 1990 г.

Известны и примеры симбиоза обучения религии с элементами атеистических знаний. Например, в 1986 г. в Камчатской области «…в п. Новом Елизовского района регулярно по субботам проводит молитвенные собрания религиозное общество Адвентистов Седьмого Дня (АСД). В составе общины более 60% молодых людей в возрасте до 30 лет. Две девочки школьного возраста по субботам не ходят в школу. За последнее время значительно улучшилось содержание проповедей. Как правило, они посвящаются религиозным, религиозно-патриотическим и морально-этическим темам. Среди них есть и такие: „О добросовестном отношении к труду“, „О почитании старших“, „О вреде суеверий“ и др. В проповедях нашли отражение некоторые материалы 27 съезда КПСС, перестройка, которая происходит во всех сферах нашей жизни» [ГАКК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 4. Л. 8].

В процессе обсуждения проекта Закона «О свободе совести» 1990 г. широко дискутировались проблемы обучения религии в религиозных и общеобразовательных школах. Например, в предложениях, дополнениях и замечаниях к проекту Закона «О свободе совести и религиозных организациях», выдвинутых служителями культа и членами религиозных объединений Приморского края 24 августа 1990 г., говорится: «РПЦ: Закон должен соответствовать своему названию, т.е. в нём речь должна идти не только

о религии, церкви, но и атеизме, об обеспечении полного равенства верующих и атеистов. Предлагается отделить атеизм от государства, а атеистическую пропаганду вести только силами и средствами общественных организаций. АСД: разрешить факультативное обучение религии во всех учебных заведениях на добровольной основе для всех конфессий» [ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 209. Л. 59, 60].

В этот же период Министерство образования РСФСР высказывало обеспокоенность тем, что стремительное изменение отношения к религии в обществе проявляется в образовательных учреждениях в двух крайностях: воинственном отторжении религии, резком противодействии сотрудничеству с представителями различных религиозных организаций и — слепом преклонении перед религией, стремлении сменить партийную идеологию другой, взгляд на религию как на единственную панацею от всех социальных болезней общества [19, с. 33].

В связи с этим особый интерес представляет Постановление Совета по делам религий при Совмине РСФСР «О развитии духовного образования» от 20 апреля 1990 г. [ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 209. Л. 36—38]. В данном документе впервые приводятся сведения о «13 духовных учебных заведениях и курсах, в том числе учреждённых в 1988—1990 гг.: Тобольская духовная семинария, Смоленское и Ставропольское межпатриархальные училища, заочные Библейские курсы Совета церкви АСД и Совета объединения Евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), учебные курсы при Духовном управлении мусульман Европейской части СССР и Сибири (в 1987 г. функционировало 4 дух. учебных заведения). С расширением сети духовных учебных заведений число обучающихся в них возросло до 2 тыс. чел.; 97 чел. проходят обучение в зарубежных духовных учебных заведениях» [ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 209. Л. 36]. Кроме того, были проанализированы организационные проблемы таких заведений и приняты рекомендации по их устранению. Главная задача, которая ставилась перед советскими и партийными органами этим Постановлением в самом начале 1990-х гг., была, по сути, утопична, но чрезвычайно привлекательна. Председатель Совета Л.Ф. Колесников призывал к «симфонии» в деятельности духовных учебных заведений и органов власти в «процессах перестройки и демократизации советского общества. Добиваться при этом, чтобы должное место в учебном процессе занимали не только эти вопросы, но и проблемы веротерпимости, межнациональных отношений, укрепление дружбы народов». Для этого советским и партийным органам рекомендовано было «содействовать религиозным центрам в комплектовании преподавательского состава и контингента слушателей духовных учебных заведений с тем, чтобы исключить проникновения в их среду религиозных фанатиков и лиц, оппозиционно настроенных к социалистическому строю. <…> В пределах своей компетенции и с учётом

интересов общественности решать через советские органы поднимаемые религиозными центрами вопросы об укреплении материально-технической базы духовный учебных заведений, формировании их библиотечных фондов, в том числе за счёт возвращения ранее изъятой у церкви религиозной литературы» [ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 209. Л. 37—37 об.]. Предлагалось «принять соответствующие решения <...> о развитии сети ДУЗРПЦ (духовных учебных заведений Русской православной церкви — *О.Ф.*) и старообрядческих церквей; об оказании содействия СЕХБ (Союз евангельских христиан-баптистов — *О.Ф.*) в РСФСР в размещении библейских курсов; об открытии медресе ДУ (Духовного управления — *О.Ф.*) мусульман Европейской части СССР и Сибири и образованных в регионе Северного Кавказа казиятами; об открытии Центральным ДУ (Духовного управления — *О.Ф.*) буддистов СССР курсов по подготовке буддистских священников» [ГАХК. Ф. 1358. Оп. 4. Д. 177. Л. 31 об].

Именно в конце 1980-х гг. на Дальнем Востоке стали появляться первые религиозные школы и активизировалось молодёжное служение в зарегистрированных религиозных организациях.

В 1985 г. Хабаровском крае Свидетели Иеговы «часто организуются за городом (в лесу, на берегах и островах Амура). Проводятся специальные молодёжные собрания» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 120. Л. 145]. «Нарушал советское законодательство о религиозных культах и помощник старшего пресвитера АСД по региону Сибири и Дальнего Востока Л.Д. Ребанд (с июля 1984 г. и.о. пресвитера хабаровской общины АСД, зарегистрированной в 1982 г.): он лично организовывал „Библейские уроки“ на субботних молитвенных собраниях и не пускал двух своих детей по субботам в школу» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 129. Л. 3].

В 1987 г. в «Информационном отчёте о деятельности религиозных организаций и состоянии контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах» отмечалось, что «основными противозаконными действиями сторонников ЕХБ является организованное приобщение детей к религии и попытки миссионерства. Вожаки Владивостокской общины в этих целях посетили Уссурийск, Спасск, Артём, Хорольский район, выезжали в Хабаровский край. Ими уделяется большое внимание подготовке актива из молодёжи, прослойка которой в общине г. Владивостока довольно большая (до 30% общего состава). Это новое поколение, выросшее в условиях экстремизма, активное и максималистски настроенное» [ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 189. Л. 48].

В 1989 г. на Камчатке появилась первая воскресная школа по изучению Библии при церкви АСД [ГАКК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 13. Л. 2]. В 1990 г. открылись воскресные школы РПЦ в Амурской [18, с. 3] и Сахалинской [14, с. 140] областях, в 1991 г. — в кадетском училище г. Петропавловска-Камчатского [27, с. 1].

Религиозные объединения ЕХБ Амурской области в 1990 г. вели обучение детей религии в основном в кружках. В 1992 г. они открыли три первые воскресные школы для детей и взрослых [ТАОСОРОА АО. Д. 1. Л. 19—20, 82].

Данный период характеризуется стремлением общественности переосмыслить историю российского государства. Ответом на эти запросы стал издательский бум (в том числе самиздат), который заполнил прилавки книжных магазинов различной научно-популярной и научной литературой, порой сомнительного качества. «Расширение научного поля, — отмечают О.В. Пигорева и З.Д. Ильина, — сделало возможным появление в начале 1990-х гг. в педагогических изданиях отдельных материалов, рассказывавших о библейской истории, основах православного вероучения» [21, с. 76] (публикации: Моя первая священная история [13]; Библия как выдающийся памятник мировой культуры [9]; Без Православия это будет другая культура [2]).

С другой стороны, работа по атеистическому воспитанию в учебных заведениях и СМИ Дальнего Востока продолжалась. Например, в Приморском крае в 1986 г. в средствах массовой информации прошло 119 материалов по проблемам атеистического воспитания [ГАПК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 189. Л. 62].

Принятие 1 октября 1990 г. Закона «О свободе совести и религиозных организациях» позволило РПЦ и другим объединениям верующих получить правовую основу для своей деятельности и приобрести статус юридического лица, что повлекло активизацию религиозной жизни организаций и её расширение как количественно, так и качественно, с включением в неё различных возрастных групп.

Наличие в образовательном пространстве РФ духовных школ потребовало от властей создать необходимую правовую базу для регламентации их деятельности. Первый шаг был сделан в традиционной для советской системы парадигме. На заседании коллегии Министерства образования РСФСР 24 января 1991 г. был принят документ «О демократизации воспитательной деятельности в общеобразовательных учреждениях РСФСР», в соответствии с которым органы управления образованием могли содействовать созданию негосударственных образовательных учреждений, религиозных воскресных школ и классов, организации духовных учебных заведений, введению в учебный процесс курсов истории религий как части истории культуры. При этом в государственных учебно-воспитательных учреждениях запрещалось преподавание «Закона Божьего», вероучений, богослужения [16]. Практической реакции на местах на эту рекомендацию не последовало. Органы образования, привыкшие следовать чётким распоряжениям сверху, не приняли расплывчатых формулировок и предпочли игнорировать этот документ.

Принятый в 1992 г. Закон РФ «Об образовании» в ст. 2 провозгласил «светский характер образования в государственных и муниципальных

образовательных учреждениях» [7]. Однако и после принятия закона каких-либо пояснений и рекомендаций по вопросам легитимности религиозного обучения озвучено не было.

Между тем, с 1991 г. наблюдается повышенная активность как российских, так и зарубежных религиозных организаций по созданию собственной сети образовательных учреждений. Воскресные и миссионерские школы для детей и взрослых становятся массовым явлением на Дальнем Востоке [см. подробнее: 31].

Неправославные христианские учебные заведения, реализовывавшие массовые образовательные программы в дальневосточном регионе, были наиболее активными, отчасти благодаря большой финансовой и организационной помощи единоверцев из-за рубежа. Таким образом были открыты Школа бахаи на Камчатке (1990 г.) [3], Библейский колледж на Сахалине (1991 г., силами евангельской церкви из Лос-Анжелеса) [25], Хабаровский библейский колледж ЕХБ [15], Хабаровская духовная семинария (1992 г., пресвитериане) [28, с. 222].

Только в 1993 г. в ответ на массовые обращения родителей, общественности, органов образования, религиозных объединений Министерство образования РФ подготовило Письмо «О светском характере образования в государственных образовательных учреждениях РФ» от 19 марта 1993 г. № 47/20-11п. Впервые именно в этом документе прозвучал «принцип разделённости светского и религиозного образования» [22].

Светский характер образования объявлялся обязательным для всех государственных учебных заведений: «…в школе недопустимо религиозное или атеистическое воспитание в любых формах» [22]. В Письме отмечалось, что запрет на атеистическое обучение и воспитание сопровождается отменой писем Министерства Просвещения РСФСР об усилении научно-атеистического воспитания, разработанных в советский период как противоречащих Закону РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990) и Закону РФ «Об образовании» (1992). В государственных школах разрешалось «преподавание религиозно-познавательных, религиоведческих и религиозно-философских дисциплин, не сопровождающееся совершением религиозных обрядов и имеющее информативный характер» [22]. При этом в Письме содержался примерный список рекомендованных факультативных курсов: «История религий», «Мировые религии», «Религиоведение», «Великие книги человечества» и др.

Негосударственные образовательные заведения не имели подобного рода ограничений. «Государство признаёт за гражданами право создавать в целях религиозного или атеистического воспитания негосударственные образовательные учреждения <…> [и] государство обеспечивает в негосударственных образовательных учреждениях, в том числе и конфессиональных,

[только] контроль за реализацией общеобразовательных программ и требований государственных образовательных стандартов» [22].

Но и это Письмо не было принято как руководство к действию местными органами образования. На наш взгляд, это объясняется не только катастрофическими последствиями внутреннего кризиса в России середины 1990-х гг., но и укреплением позиций РПЦ в системе государственно-конфессиональных отношений. Стремление РПЦ получить сверхпреференции от властей заставило её иерархов использовать различные рычаги воздействия на общество, среди которых далеко не последнее место занимало образование.

Однако некоторые исследователи процессов десекуляризации образования в России считают, что вмешательство РПЦ в сферу образования было обусловлено движением снизу. Так О.В. Пигорева, объясняя эти процессы, отмечает, что «…нечёткость предложений Министерства образования РФ по организации изучения религии в школе в ответ на усиливавшийся социальный образовательный запрос в изучении традиционной для данных территорий православной культуры, нежелание услышать звучавшие с мест призывы о необходимости обретения аксиологических ориентиров учебно-воспитательной работы делали работу отраслевого министерства далёкой от формировавшегося на местах опыта, создавали диссонанс между государственной политикой в области образования и региональной практикой» [21, с. 77].

Допускаем, что это утверждение является объективным для характеристики процессов по распространению религиозных знаний в образовательном пространстве центральной части России, где и в советский период сохранялся достаточно высокий уровень авторитета РПЦ. Но на Дальнем Востоке России ситуация была несколько иная. Средние учебные заведения РПЦ на Дальнем Востоке стали появляться после 1994 г. Первый набор во владивостокское Духовное училище РПЦ состоялся в 1995 г. [24]. В том же году начала работу владивостокская Православная гимназия [1] и курсы для подготовки священнослужителей в г. Благовещенске [6]. Вплоть до 2004 г. новые учебные заведения РПЦ МП не создавались (в 2005 г. была открыта Хабаровская духовная семинария [10], а в 2006 г. — Якутское духовное училище [20]).

Наиболее активными оказались в этот период протестантские организации и нетрадиционные религиозные группы.

Коренной перелом в процессе десекуляризации образования в сторону православия происходит в 1994—1995 гг. К этому времени в дальневосточном регионе действовало более 50 различных иностранных миссий, подавляющее большинство которых вело образовательную и просветительскую деятельность среди населения края. При этом использовались различные формы деятельности: открывались школы и средние учебные заведения,

кружки, чтения, молодёжные и детские христианские лагеря, лектории, издавались газеты и книги духовного содержания. Многие из них действовали агрессивно, чем вызывали недовольство жителей дальневосточных краёв и областей. Так, в 1993 г. представители общественных и политических организаций обратились к администрации Сахалинской области с требованием запретить деятельность миссии Грей на территории области [ГИАСО. Ф. П-4729. Оп. 1. Д. 11. Л. 1—2].

Представители церкви «Объединение» (Мун) для проведения молитвенных собраний, семинаров во Владивостоке скупали квартиры, арендовали залы учреждений культуры, профилактории. Семинары на тему «Духовное обновление и школьное образование в России» в Приморском крае собирали сотни учителей со всего Дальнего Востока. В ходе двухнедельных занятий их готовили к преподаванию рекомендованного Министерством образования России курса «Мой мир и я». Некоторые, владевшие английским языком, были отправлены в США для участия в 40-дневных семинарах «Церкви объединения» [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 490. Л. 7].

Атака экстремисткой религиозной организации Аум Синрикё в токийском метро, религиозный конфликт между христианами Боснии и мусульманами-албанцами, террористические акты с религиозным подтекстом в Израиле, произошедшие в середине 1990-х гг., заставили российскую общественность и власть по-новому взглянуть на деятельность религиозных организаций внутри страны. Был подготовлен новый закон, регламентировавший государственно-конфессиональные отношения, в том числе и в сфере образовательной деятельности.

После принятия в 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и поправок к закону РФ «Об образовании» государство обращает внимание на образовательную деятельность религиозных организаций, регламентируя её. Было установлено, что не все религиозные учебные заведения соответствуют статусу учебных заведений по базовым признакам, в связи с чем они не получили лицензии на образовательную деятельность и потеряли статус юридического лица.

Ещё одним последствием принятия ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» стал отказ религиозных организаций от патронажа извне и прекращение деятельности большинства иностранных миссий на территории страны. В условиях перестройки государственно-конфессиональных отношений неправославные христианские организации были вынуждены снизить свою активность в образовательной деятельности.

В то же время РПЦ МП смогла с успехом воспользоваться сложившейся ситуацией. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своём обращении всем епархиальным преосвященным в 1999 г. писал: «...Принятый 26 сентября 1997 г. Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных

объединениях» предусматривает возможность обучения религии детей в помещениях государственных (муниципальных) образовательных учреждений. Однако за время, прошедшее с момента принятия Федерального Закона, эта возможность не использовалась в полной мере. <…> Призываю всех епархиальных архипастырей <…>: организовать преподавание основ православной культуры в государственных (муниципальных) образовательных учреждениях вверенной Вам епархии; <…> предложить настоятелям храмов ввести в штатное расписание с учётом возможностей прихода должность преподавателя православного вероучения для ведения систематической работы в государственных (муниципальных) образовательных учреждениях…» [23].

В том же 1999 г. был создан Координационный совет по взаимодействию Министерства образования РФ и Московской Патриархии Русской Православной Церкви [26]. РПЦ получила право «принимать участие в рассмотрении на коллегии Министерства образования РФ вопросов духовного просвещения и нравственного воспитания, запрашивать и получать от подведомственных Министерству образования РФ и Московской патриархии Русской православной церкви организаций информационно-справочные материалы по направлениям работы Совета» [26].

В Договоре о сотрудничестве Минобразования РФ и Московской Патриархии РПЦ цели были сформулированы более чем конкретно: «…обмен информацией, взаимодействие в учебно-методических вопросах, анализ и обобщение накопленного опыта совместной работы в области духовно-нравственного воспитания, а также выработка обоснованных предложений по изменению и дополнению действующего законодательства об образовании, свободе совести и религиозных объединениях» [5]. Так как подобных договоров Министерство образования РФ более не заключило ни с одной из признанных государством конфессий, это документ закрепил главенствующее положение РПЦ в религиозной образовательной политике.

Привилегированное положение РПЦ позволило ей усилить своё влияние в образовательном пространстве Дальнего Востока. С 1999 по 2006 г. отмечается рост числа воскресных школ в регионе [31, с. 122]. В 1999 г. в Дальневосточном государственном университете открывается отделение теологии и религиоведения. Его выпускники получали квалификацию «Теолог. Преподаватель» и специализировались по программе «Православие и культура». Существование указанного отделения было обусловлено выделением государством бюджетных мест для теологов в светском вузе. В результате РПЦ МП получила уникальную возможность готовить для себя специалистов за счёт средств налогоплательщиков [31, с. 121].

Таким образом, процессы десекуляризации системы образования имели место в 1990-е гг. не только в Российской Федерации в целом, но и на Дальнем Востоке в частности, и в них можно выделить два этапа.

Первый, с конца 1980-х до 1994 г., связан с робкими попытками реформирования нормативно-правовой базы, регламентирующей образование с целью соответствия международным правовым актам. В связи с этим провозглашается принцип «свободы совести», реализация которого была затруднена вплоть до принятия Конституции РФ 1993 г. Декларация права человека на свободу вероисповедания и запрет на атеистическую пропаганду были восприняты религиозными организациями с воодушевлением. Протестантские организации, проводившие занятия по изучению собственного вероучения и при советской власти, выходят из религиозного подполья. Они значительно расширяют сеть своих образовательных учреждений и просветительных мероприятий, привлекая к себе внимание жителей региона и пополняя тем самым ряды своих последователей. Падение «железного занавеса» стало одной из причин религиозной миграции в дальневосточный регион. Часть иностранных миссионеров прибывают на Дальний Восток для помощи единоверцам, являющимся представителями традиционных конфессий на Дальнем Востоке. Представители же новых религиозных учений используют старые и создают новые образовательные программы для распространения знаний о себе, привлекая новых адептов и затем формируя религиозные общности. Принятие Закона «Об образовании» 1992 г. позволяет легализовать негосударственные/частные школы, создаваемые религиозными группами, и наметить дальнейшие пути их развития. При этом государственные учебные заведения в основном сохраняют светский характер образования.

Второй период, с середины до конца 1990-х гг., характеризуется отходом от либеральных установок в отношении образовательной деятельности религиозных объединений. В процессе ограничения деятельности новых религиозных движений, имеющих признаки деструктивности, власть с подачи РПЦ объявляет сектами все неправославные религиозные организации. В связи с этим нарушается хрупкое равновесие в государственно-конфессиональных отношениях, установившееся благодаря Закону «О свободе вероисповеданий» (1990).

Отражается это и на процессах, связанных с десекуляризацией системы образования. РПЦ начинает получать государственные преференции не только в рамках заключаемых соглашений, но в результате реституционных процессов. В ответ от православной церкви требуется безусловная идеологическая поддержка властей. В рамках данного этапа рост числа негосударственных неправославных образовательных учреждений и просветительных программ на Дальнем Востоке замедляется, а в некоторых случаях их число даже снижается. РПЦ при этом расширяет сферу своей деятельности в рамках государственных школ.

На наш взгляд, главной особенностью данного этапа является стремление РПЦ войти в систему государственного образования и получить

официальную государственную поддержку. Однако рост числа самых востребованных воскресных школ шёл до 2006 г., как на Дальнем Востоке, так и в целом по стране. После этого начинается резкий спад их численности, что подвигло РПЦ искать новые формы десекуляризации образовательной сферы — внедрение в программы государственных школ курса «Основы православной культуры».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. А вы в школу идёте? // Дальний Восток. Русское воскресенье. 2007. № 4. С. 3.
2. Аксючиц В.В. Без Православия это будет другая культура... (Из истории православной религии; Библия в России) // Первое сентября. 1993. 16 ноября. С. 3—4.
3. Васина С. Миссис Одри — поклонница Баха-Уллы // Диалог. 1991. № 7. С. 8.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр.
5. Договор о сотрудничестве Министерства образования РФ и Московской Патриархии РПЦ. 02.08.1999. URL: http://www.r-komitet.ru/vera/39.htm (дата обращения: 15.01.2020).
6. Духовный рост епархии // Амурская правда. 1995. 30 авг. С. 5.
7. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 15.01.2020).
8. Конституция РСФСР // Правда. 1929. 10 июня.
9. Копьева Е., Бродский М. Библия как выдающийся памятник мировой культуры // Учительская газета. 1992. № 23. С. 25—27.
10. Королев П. Хабаровская духовная семинария — патриарший проект // Встреча: студенч. православ. журн. Моск. духов. акад. 2005. № 3 (21). С. 22.
11. Международные акты о правах человека: сб. док. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1998. 250 с.
12. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 74—86.
13. Моя первая священная история // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. 1991. № 5. С. 33—48.
14. Назарова Е.Ф. Религиозное образование в Южно-Сахалинской и Курильской епархии Русской Православной церкви (1989—2002 гг.) // Краеведч. бюллетень. 2003. № 2. С. 138—160.
15. Объявления // Христианский вестник. 2007. № 1. С. 20.
16. О демократизации воспитательной деятельности в образовательных учреждениях РСФСР: Решение коллегии Министерства образования РСФСР от 24 янв. 1991 г. // Вестник образования. 1991. № 3. С. 90.
17. О религии и церкви: сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М.: Политиздат, 1981. 176 с.
18. Орлова Т. Обязательно ли знать Библию? // Авангард. 1991. 18 янв. С. 3.
19. От внешкольной работы — к дополнительному образованию детей. М.: Гуманит. издат. центр, 2000. 186 с.

20. Павлова С. Проректор в митре // Логос: молодёж. православ. газ. 2006. № 4 (18). С. 23.
21. Пигорева О.В., Ильина З.Д. Расширение знаний о религии в образовательном пространстве РСФСР — России в конце 1980-х — 2000-е гг. // Уч. записки. Электрон. науч. журнал Курского гос. ун-та. 2015. № 3 (35). С. 73—81.
22. Письмо МО РФ «О светском характере образования в государственных образовательных учреждениях РФ». URL: http://www.r-komitet.ru/vera/55.htm (дата обращения: 15.01.2020).
23. Письмо Патриарха Московского и всея Руси от 9 декабря 1999 г. № 5925 об организации православного просвещения детей, учащихся в государственных и муниципальных школах. URL: http://www.r-komitet.ru/vera/54.htm (дата обращения: 15.01.2020).
24. Пополнение в Духовном училище // Дальний Восток. Русское воскресенье. 2007. № 4. С. 6.
25. Пошли в евангелисты // Свободный Сахалин. 1991. № 37. 19 мая. С. 6.
26. Приказ Минобразования РФ от 01.07.99 № 58 «О создании Координационного совета по взаимодействию Министерства образования РФ и Московской Патриархии РПЦ». URL: http://www.r-komitet.ru/vera/38.htm (дата обращения: 15.01.2020).
27. Пустовит В. Видящий тайное воздаст явное // Камчатская правда. 1992. № 106. С. 1.
28. Религиозные организации Дальневосточного федерального округа: словарь-справ. / сост. С.М. Дударенок, Е.А. Поправко, М.Б. Сердюк. Владивосток, 2010. 580 с.
29. Собрание узаконений и распоряжение Правительства. М, 1942. 222 с.
30. Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. М.: Юрид. лит., 1979. 256 с.
31. Федирко О.П. Религиозное образование на Дальнем Востоке России в 1980-х — начале 2000-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 119—124.
32. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, т. 2: 1929—1939. М., 1959. 580 с.
33. ГАКК (Гос. архив Камчатского края).
34. ГАПК (Гос. архив Приморского края).
35. ГАРФ (Гос. архив Российской Федерации).
36. ГИАСО (Гос. ист. архив Сахалинской области).
37. ГАХК (Гос. архив Хабаровского края).
38. ТАОСОРОА АО (Тек. архив Отдела по связям с общественными и религиозными объединениями администрации Амурской области).

V. ОБРАЗОВАНИЕ И МОЛОДЁЖЬ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

УДК 378.007.2(571.6)“199”
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10038

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (1990-е гг.)

Михаил Александрович Мурашев,
старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск.
E-mail: muravesha@yandex.ru

В статье рассматривается один из самых сложных периодов в истории дальневосточной высшей технической школы. Автор анализирует основные структурные изменения в технических вузах региона, произошедшие в связи со сменой социально-экономического и политического строя и принятием новой концепции подготовки инженерных кадров. В ходе исследования автор приходит к выводу о коренном, глубинном характере изменений, происходивших в высшей технической школе региона в 1990-е гг., о важнейшем значении этих изменений для адаптации системы подготовки инженерных кадров к новым социально-экономическим и политическим реалиям.
Ключевые слова: история, высшее образование, Дальний Восток, подготовка инженерных кадров, технический университет, многоуровневая структура подготовки.

REORGANIZATION OF TECHNICAL UNIVERSITIES OF THE FAR EAST IN THE TRANSITION TO THE MARKET ECONOMY (1990s)

Mikhail Murashev, Pacific State University, Khabarovsk, Russia.
E-mail: muravesha@yandex.ru

The article discusses one of the most difficult periods in the history of the Far Eastern higher technical education. The author analyzes the main structural changes in the region’s technical universities that have occurred due to the change

in the socio-economic and political system and the adoption of a new concept of engineering training. In the course of the study, the author comes to the conclusion about the fundamental, deep-seated nature of the changes that occurred in the region's higher technical education in the 1990s, about the crucial importance of these changes for adapting the training system for engineering personnel to new socio-economic and political realities.
Keywords: history, higher education, the Far East, engineering training, technical university, multi-level structure of training.

Последняя советская реформа высшего образования периода перестройки вызвала к жизни ряд явлений, новых для отечественной системы подготовки инженеров. После объявления в СССР курса на рыночную экономику и расширения в связи с этим академических свобод и экономической самостоятельности высшей школы система подготовки инженерных кадров вступила в новый исторический период. Её качественные изменения были связаны, в частности, с появлением новых для страны типов высших технических учебных заведений (втузов) — технических университетов и академий. Процессы преобразования профильных и политехнических институтов в университеты и академии были столь масштабны, что к началу 2000-х гг. в России наблюдались только единичные случаи сохранения втузами статуса института технического профиля. На Дальнем Востоке России с конца 1992 г. по 2000 г. все втузы повысили свой аккредитационный статус.

Становление втузов нового академического и университетского типа протекало в условиях перехода к рыночной модели экономики, ревизии социалистической системы ценностных установок и на фоне жёсткой критики отечественного технического образования, недостатки которого усматривались в нецелесообразности массового выпуска инженеров, узкопрофильности подготовки, негибкости, слабой гуманитарной, экономической и творческой составляющих учебных программ и т.п.

Необходимость подъёма статуса инженерных вузов на университетский уровень отстаивалась ректорами многих втузов в выступлениях, тематических публикациях на страницах СМИ и в научных изданиях. Так, ректор МГТУ им. Н.Э. Баумана И.Б. Федоров отмечал: «Преобразование политехнических институтов в технические университеты дало новый импульс переходу от отраслевой системы подготовки инженеров к университетской. Эта система значительно лучше соответствует новому социально-экономическому укладу в стране, в которой всё большее развитие получают рыночные отношения» [5]. Ректор Дальневосточного технического университета (ДВГТУ) Г.П. Турмов в одном из своих интервью от 1993 г. увязывал кризис инженерного образования с назревшей потребностью в новом синтезе социального,

гуманитарного и технического знания — разрыв между этими отраслями увеличивался ещё в 1960—1970-е гг. по мере «глобализации технических решений» [11, с. 26.]. Выровнять асимметрию, сложившуюся в системе инженерного образования, по мнению Г.П. Турмова, должны были учебные заведения нового типа — технические университеты. Ректор ТВГТУ предполагал, что университизация высшей технической школы страны даст новый импульс развитию инженерной подготовки.

На наш взгляд, важнейшими социально-экономическими и политическими условиями, вызвавшими к жизни это новое явление, стали: 1) изменение государственной политики в сфере высшего образования, что нашло выражение в обновлении отечественного законодательства в части порядка функционирования высшей школы; 2) изменение конъюнктуры регионального рынка труда (снижение спроса на выпускников технических вузов, сокращение количества рабочих мест и безработица инженеров); 3) обостряющаяся в рамках рыночного сценария конкурентная борьба за государственные инвестиции (в 1990-е гг. сохраняется принцип приоритетного финансирования вузов университетского типа) и за абитуриента; 4) трансформация профессиональной ориентации молодёжи (низкий престиж инженерных специальностей и, напротив, гипертрофированный интерес к специальностям социально-экономического и гуманитарного профилей).

На Дальнем Востоке, как и по всей России, формируется сеть технических университетов на базе политехнических и профильных технических вузов. Г.П. Турмов отмечал, что «университетские формы высшего технического образования особенно перспективны для Дальнего Востока России, где ограничено число специализированных отраслевых вузов, характерных для европейской части страны» [11, с. 34].

Процесс университизации втузов региона проходил стремительно. В конце 1992 г. университетский статус получили Хабаровский и Дальневосточный политехнические институты, в 1994 г. — Комсомольский-на-Амуре и Благовещенский политехнические институты, 1996 г. — Дальрыбвтуз и Дальневосточный технологический институт, 1997 г. — Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ). Таким образом, за пять лет 7 из 9 дальневосточных втузов добились аккредитационного статуса «университет». Большинство из них сохранили технический профиль. Исключение составили Благовещенский политехнический институт (преобразован в классический университет) и Дальневосточный технологический институт (преобразован во Владивостокский государственный университет экономики и сервиса). Некоторые отраслевые втузы, в частности, ХабИИЖТ, шли к высшей в иерархии вузов ступени через статус академии.

Университизация затронула и институты экономического, управленческого, педагогического, медицинского и других профилей. Из 29 дальнево-

сточных государственных вузов, полученных новой Россией в наследство от Советского Союза, только три остались в своём прежнем статусе: Биробиджанский и Уссурийский педагогические институты и Хабаровский институт искусств.

В процессе подготовки к переходу на университетский уровень дальневосточные втузы провели комплекс экспертных и организационных мероприятий (самоаттестацию). Анализ готовности вуза к повышению статуса проводился по 6 направлениям деятельности, каждое из которых включало ряд критериев. В части инженерной подготовки как важное условие рассматривалась фундаментализация учебного процесса. Циклы социально-экономических, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин должны были составлять не менее 55% от общего объёма часов теоретической подготовки в базовом образовании. Экспертами учитывались наличие подготовки специалистов по прорывным направлениям НТП и уровень интеграции вуза в международное образовательное пространство. Среди выпускников технических университетов специалисты не инженерно-технического профиля должны были составлять не менее 25%. В отношении специалистов высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) устанавливался уровень не ниже 7% от общего числа выпускников, что требовало наличия собственных аспирантуры, докторантуры и диссертационных советов.

Повышались требования к квалификационной структуре профессорско-преподавательского и научно-педагогического состава. ППС и НПС со степенями и учёными званиями должны были составлять не менее 65% от общего их числа. Образовательный потенциал вуза оценивался исходя из соотношения 100 студентов дневного отделения на одного профессора [ГАПК. Ф. 52. Оп. 13. Д. 149. Л. 69—71]. Направления и критерии самоаттестации, а затем и государственной аттестации, по существу, составляли круг задач развития втузов на пути к техническому университету: развитие комплексных подходов в организации деятельности, фундаментализация и гуманитаризация содержания подготовки, развитие кадрового потенциала, повышение эффективности научных исследований с широким вовлечением студентов в оплачиваемые НИР, модернизация учебной, методической и научно-исследовательской базы. Решение этих задач требовало укрупнения и диверсификации вузовской структуры. В ходе реорганизации вузы добивались создания на своей базе крупных региональных центров образования, науки и культуры, которые в будущем смогли бы играть ключевую роль в жизни Дальнего Востока.

В соответствии с избранным курсом на университизацию при втузах открывались новые формирования, в том числе ориентированные на международное сотрудничество. Кроме того, укрупнение велось за счёт присоединения учреждений начального и среднего профессионального образования

(профессиональных лицеев, училищ, техникумов, колледжей), а также путём создания новых структурных единиц и кооперации с региональными учебными, научными и производственными структурами.

Так, в Дальневосточном государственном техническом университете к 1995 г. были открыты принципиально новые подразделения: институт интегрированных систем образования, объединивший все виды дополнительного образования, а также высшая коммерческая школа, академия малого и среднего бизнеса, высший технический колледж и др. Ряд проектов по созданию новых структур и внедрению новых программ осуществлялся в сотрудничестве с Японией, Республикой Корея, КНР, США и другими странами АТР [11, с. 34]. На конец 1999 г. на базе ДВГТУ функционировало 15 формирований (центров, филиалов, отделений и пр.), имеющих статус региональных, в том числе Дальневосточные региональные центры — учебно-методический (ДВРУМЦ), новых информационных технологий (ДВРЦНИТ), координации и экспертизы научных исследований, сертификационный и др. [3, с. 4—5].

В Хабаровском государственном техническом университете (ХГТУ) уже к 1993 г. функционировали научно-исследовательский институт компьютерных технологий (НИИ КТ), Хабаровский краевой центр новых информационных технологий (ХКЦ НИТ), Центр международного научно-технического сотрудничества при НИИ КТ, научно-исследовательский центр по проблемам комплексной переработки дальневосточного минерального сырья и др.

В НИИ КТ ХГТУ разрабатывались компьютерные технологии, направленные на интенсификацию фундаментальных исследований, велось обучение специалистов навыкам применения вычислительной техники в НИР и на производстве, осуществлялось повышение квалификации научно-педагогических кадров. На базе этого подразделения проводился социально-экономический и эколого-экономический анализ развития регионов, прежде всего ДВЭР. ХКЦ НИТ проводил научные исследования и консультации по проблемам НИТ в сфере образования и науки, обеспечивал ввод в действие, сопровождение и развитие НИТ в научных и учебных заведениях Хабаровского края, принимал участие в создании информационной среды предприятий и организаций [12].

Петропавловск-Камчатское высшее инженерное морское училище в 1991 г. было объединено с однопрофильными средними специальными учебными заведениями города — мореходным училищем и морским рыбопромышленным техникумом. Так появился учебный комплекс — Петропавловск-Камчатское высшее морское училище (ПКВМУ) [2, с. 535].

Примером укрепления международных связей дальневосточных втузов и успешной коммерциализации деятельности служит создание на базе Дальрыбвтуза в 1994 г. российско-японского центра по подготовке специалистов малого и среднего бизнеса в области переработки рыбы и рыбопродукции.

Центр, по сути, представлял собой мини-завод по переработке морепродуктов, состоящий из нескольких цехов. Кроме того, в составе учебного центра функционировали лаборатория биохимического анализа, учебный класс на 16 посадочных мест и класс вычислительной техники. В центре проходили практику и обучались студенты шести специальностей Дальрыбвтуза, а также предприниматели малого и среднего бизнеса [16. Л. 69].

После принятия в январе 1996 г. новой редакции Закона РФ «Об образовании» и в августе того же года ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» вузы страны и региона активизировали работу по оформлению своих территориально обособленных подразделений в соответствии с новыми требованиями. Так, по решению учёного совета Дальневосточного госуниверситета путей сообщения от 1997 г. общетехнические факультеты в городах Свободном, Южно-Сахалинске и учебно-консультационные пункты в городах Тынде, Уссурийске были преобразованы в филиалы. Кроме того, создавался новый филиал ДВГУПС в г. Нерюнгри на базе СПТУ № 12 [15. Л. 74].

ДВГТУ в 1999 г., после того как его структура была приведена в соответствие с законодательством, располагал 11-ю филиалами, тремя представительствами и военно-морским институтом. Филиалы ДВГТУ были расположены во многих населённых пунктах Приморского края, а также на Сахалине и Камчатке; представительства вуза находились в Норильске, Сеуле (Республика Корея) и Цзиси (КНР) [3, с. 10—11]. Повышение статуса территориальных подразделений втузов создавало предпосылки для расширения их образовательного поля, что способствовало лучшей реализации прав граждан на образование в сложных социально-экономических условиях.

В соответствии с новыми ориентирами менялась и структура подготовки специалистов. В 1990-е гг. во втузах открываются новые направления и специальности не технического профиля. В рамках концепции технического университета это позволяло решать задачи гуманитаризации, фундаментализации высшего технического образования. Кроме того, вузовской общественностью в этот период высказывалось предположение, что формирование в структуре вуза естественнонаучных, гуманитарных и социально-экономических факультетов и институтов, превращение гуманитарных, естественнонаучных и социально-экономических кафедр в выпускающие будут способствовать повышению научного и педагогического уровня преподавания и улучшению качества инженерной подготовки [4, с. 47].

Одним из доминантных явлений в жизни высшей школы в этот период выступила модель непрерывного многоуровневого образования. Обозначенная законодателем как дополнение к действующей системе высшего образования, она уже на начальном этапе своего внедрения в значительной мере определяла содержание модернизации высших учебных заведений

страны. Такая структура подготовки представлялась оптимальным решением при реализации концепции технического университета. По замыслу она должна была обеспечить фундаментализацию, гуманитаризацию инженерной подготовки, многообразие образовательных траекторий, а также конвертируемость документов об образовании.

Первыми на Дальнем Востоке (с 1992/93 уч. г.) приступили к внедрению модели непрерывного многоуровневого образования Хабаровский и Дальневосточный политехнические институты. В ХПИ с сентября 1992 г. открылась подготовка бакалавров наук по девяти направлениям на четырёх факультетах. Для сравнения: дипломированных инженеров в рамках традиционной системы вуз готовил тогда по 27 специальностям, а в следующем учебном году, будучи уже в статусе университета, вёл подготовку кадров по 18 направлениям и 33 специальностям [6; 8]. В ДВПИ на базе «старых» специальностей первоначально было открыто семь направлений подготовки, а в 1993 г. добавилось ещё 11 [7].

С 1993 г. к подготовке бакалавров приступил и Комсомольский-на-Амуре политехнический институт. По результатам сентябрьского набора на бакалавриат было сформировано две группы по направлению «Коммерция» на базе кафедры экономики, организации и управления машиностроительным производством [9, с. 102].

Приведённые количественные данные свидетельствуют о достаточно динамичном развитии многоуровневой подготовки инженерных кадров в регионе. И всё же эти новации приживались непросто как в силу научно-методической неготовности системы, так и психологических факторов. В 2000 г. по направлениям подготовки всеми государственными и муниципальными вузами России было выпущено 52,3 тыс. бакалавров и магистров (9% от общего выпуска) [9, с. 200]. Несовершенными на начальном этапе внедрения многоуровневой модели были учебные планы и программы подготовки бакалавров — при их составлении преподаватели стремились втиснуть в рамки четырёхгодичной подготовки бакалавров все дисциплины старой учебной программы [13]. Результатом двух триместров первого года обучения бакалавров в ХГТУ по факультету экономики и управления и факультету электронной техники стало резкое снижение успеваемости [1].

Таким образом, в 1990-е гг. высшая техническая школа Дальнего Востока, как и страны в целом, подверглась глубокой реорганизации, охватившей практически все сферы её деятельности. Несмотря на то, что в рассматриваемый период был разработан целый ряд концептуальных документов (в том числе и нормативных), задававших вектор развития системы, реальное воплощение этих идей было сложным и противоречивым. Анализ источников позволяет утверждать, что, будучи уже вовлечённой в стремительные процессы модернизации, вузовская общественность всё ещё

находилась на стадии осмысления предлагавшихся преобразований, находя решения поставленных задач нередко опытным путём. Развивая свою структуру, расширяя диапазон подготовки, втузы Дальнего Востока добивались большей стабильности и конкурентных преимуществ в меняющихся социально-экономических условиях. Вместе с тем современное состояние региональной высшей технической школы свидетельствует о том, что преобразования периода 1990-х гг., в конечном счёте, обусловили коренную перестройку системы высшего технического образования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. В учёном совете университета // За инженерные кадры (Хабаровск). 1993. № 6 (966).
2. Гаврилов С.В. «Мы все учились понемногу...» История морского и рыбохозяйственного образования на Камчатке. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2010. 672 с.
3. Итоги деятельности ордена Трудового Красного Знамени Дальневосточного государственного технического университета в 1999 году / под общ. ред. Б.Я. Карастелёва. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2002. 146 с.
4. Концепция развития высшего образования в Российской Федерации // Высшее образование в России. 1993. № 2. С. 37—50.
5. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана. История. URL: https://bmstu.ru/history/hmstu/university (дата обращения: 10.05.2020).
6. Наш университет // За инженерные кадры. 1993. № 7 (967).
7. О государственной аккредитации и аттестации образовательных организаций: приказ Минобразования РФ от 05.05.1998 № 1128. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=323757#0 (дата обращения: 08.08.2017).
8. О специальностях // За инженерные кадры. 1993. № 1 (961).
9. Пора зрелости: Комсомольскому-на-Амуре государственному техническому университету — 50 лет. Хабаровск: Дальневост. кн. изд-во «Приамурские ведомости», 2005. 192 с.
10. Российский стат. ежегодник. 2014: стат. сб. М.: Росстат. 2014. 693 с.
11. Турмов Г.П. Университетское образование в техническом вузе. В 2 кн. Кн. 1. Владивосток: Уссури, 1997. 364 с.
12. Хабаровский государственный технический университет: альбом. [б. м.]: JoInt Venture «FILBART», 1993.
13. Чукоэн В. Первая ступень — бакалавр, вторая — магистр // За инженерные кадры. 1992. № 6 (956).
14. ГАПК (Гос. архив Приморского края).
15. Текущий архив Дальневосточного государственного университета путей сообщения за 2015 г. НД (номенклатура дел) № 07-04. Оп. 1.3529. Протоколы, стенограммы заседаний учёного совета и решения к ним. 1997. 222 л.
16. Текущий архив Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета. Годовой отчёт о работе Дальневост. техн. ин-та рыбной пром-сти и хоз-ва (Дальрыбвтуза) за 1993/94 уч. год. 94 л.

УДК 378.09(571.6)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10039

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВУЗЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ И РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

Роман Михайлович Зайцев,
аспирант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: zaitsevrm@gmail.com

В статье приводится обзор изменений в состоянии и деятельности периферийных педагогических вузов Дальнего Востока России в условиях трансформации системы образования и перехода к рыночной экономике. Рассматривается материально-техническое положение, пути преодоления кризиса, организация платных образовательных услуг и переход образовательных учреждений из статуса педагогических институтов к классическим университетам.
Ключевые слова: Россия, высшее образование, Дальний Восток, реформы, Магаданский педагогический институт, Магаданский международный университет, Камчатский педагогический институт, Южно-Сахалинский педагогический институт.

PERIPHERAL PEDAGOGICAL UNIVERSITIES OF THE FAR EAST DURING THE PERIOD OF PERESTROIKA AND MARKET REFORMS

Roman Zaitsev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: zaitsevrm@gmail.com

The article provides an overview of changes and activities of peripheral pedagogical universities in the Russian Far East in the context of the transformation of the education system and the transition to a market economy. The material and technical situation, ways to overcome the crisis, the organization of paid educational services and the transition of educational institutions from the status of pedagogical institutes to classical universities are considered.
Keywords: higher education, The Russian Far East, reforms, Magadan pedagogical Institute, Magadan international University, Kamchatka pedagogical Institute, South Sakhalin pedagogical Institute.

Перестройка и последовавшие за ней рыночные реформы ударили по всем сторонам жизни России, одной из самых пострадавших сфер оказалось образование. Несмотря на то, что оно чаще всего становится стержнем нововведений, российскую систему высшего образования настигли инерционные процессы, которые так или иначе продолжаются до сих пор.

Перестроечные процессы стали главным вызовом для всех вузов страны, но особенно трудно пришлось небольшим периферийным институтам. В 1980-х гг. начали проявляться ограничения экстенсивного подхода к развитию образования: система давала сбои там, где требовалось быстро освоить новые специальности, подготовить узких, но высококвалифицированных специалистов, гибко реагировать на потребительский спрос [7, с. 85]. При этом оставалась потребность в подготовке учительских кадров, особенно на селе, где чувствовался недостаток специалистов. Именно для решения этих задач началась перестройка образовательной системы высшего образования, активизировались международные контакты.

Целью данной статьи является анализ данных, раскрывающих процесс трансформации периферийных педагогических вузов Дальнего Востока в период перестройки и рыночных реформ. Источниковую базу исследования составляют документы из фондов региональных архивов, а также региональные периодические издания.

В настоящее время вопрос развития периферийных педагогических вузов Дальнего Востока в период перестройки и рыночных реформ не нашёл освещения в научной литературе. Отдельные проблемы получили отражение в работах В.Г. Макаренко [13], Г.А. Пустовойт [20], Б.Н. Мисюкова [14].

Хронологические рамки исследования — с 1985 г. по 2000 г., нижний рубеж обусловлен началом процесса перестройки, верхний — трансформацией последнего педагогического института в университет и началом нового этапа развития.

Географически наше исследование охватывает Сахалинскую, Камчатскую и Магаданскую области. Являясь отдалёнными территориями Дальнего Востока, связанными с материковой частью морским, а зачастую только воздушным, транспортом, эти области страдали от высокой миграционной мобильности населения. Многие прибывшие сюда специалисты, отработав положенный срок, возвращались в места постоянного проживания. Для освоения данных областей требовалось закрепить население и повысить уровень жизни. Одним из решений стало создание в административных центрах якорных педагогических вузов, которые должны были выполнять две основные цели: обеспечение регионов местными кадрами и закрепление населения. Сахалинский государственный педагогический институт (создан в 1949 г.), Камчатский государственный педагогический институт (1958)

и Магаданский педагогический институт (1961) стали центрами образования, науки и культуры на отдалённых дальневосточных территориях.

Несмотря на тяжёлые стартовые условия (проблемы с кадровым составом, сложности в организации набора студенческого контингента и недостаточность материально-технического обеспечения), в советский период они успешно справлялись со своей работой. К началу перестройки вузы представляли собой сформировавшиеся учебные заведения и выглядели следующим образом.

Южно-Сахалинский педагогический институт (ЮСГПИ). В институте обучалось около 2500 студентов всех форм обучения. В структуре вуза было пять факультетов: физико-математический, исторический, педагогики и методики начального обучения, русского языка и литературы и естественно-географический [25, с. 4].

Камчатский государственный педагогический институт (КГПИ). К началу перестройки в нем действовали факультеты физико-математический, филологический и исторический, функционировало 10 кафедр. В 1983 г. на всех формах обучения числилось около 1300 студентов, половина преподавателей имела учёные степени [15]. Конкурс в среднем был два человека на место [3].

Магаданский педагогический институт (МГПИ). Он состоял из четырёх факультетов: исторического, русского языка, педагогики начального обучения и физико-математического [9] и имел в составе 14 кафедр. Ежегодный набор студентов составлял 275 чел. очной формы обучения и 225 заочной [ГАМО. Ф. 306. Оп. 1. Д. 578. Л. 14], в вузе работали 109 преподавателей, из которых 43 имели учёные степени [ГАМО. Ф. 306. Оп. 1. Д. 578. Л. 18].

В годы перестройки с развитием гласности в периодических изданиях стали появляться публикации, критикующие и обличающие процесс обучения в данных вузах. В первую очередь, заметки были посвящены деятельности комсомольских организаций, но журналисты всё чаще отмечали наболевшие проблемы, например, состояние общежитий, неудовлетворительные условия проживания студентов, недостаток оборудования и устаревшие коммуникации, приводившие к авариям [11].

Ещё одним последствием перестройки стала демократизация образовательного процесса, в частности, выборы проректоров институтов и рекомендации, которые направляли в совет института по выборам деканов советы кафедр [2].

В связи с началом нового политического мышления во внешней политике СССР и появлением новых языковых программ, связанных с восточными языками, вузы стали искать иностранных партнёров. Больше всего в этом, на наш взгляд, преуспел МГПИ, который в 1990-е гг. не только заключил

договоры о сотрудничестве, но и стал базой для единственного на Дальнем Востоке международного университета. Сахалинский институт в 1989 г. заключил соглашение с университетом японского города Хакодате, которое подразумевало всестороннее сотрудничество в области образования [10]. Камчатский педагогический институт развивал международные программы с Цзямусским университетом КНР и университетами Аляски [ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2156. Л. 7]. КГПИ в 1993 г. планировал войти в кооперацию Международного педагогического университета (Магадан), о чём была достигнута предварительная договорённость [ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 2156. Л. 25], но в дальнейшем она не была реализована.

По большому счёту, все вузы СССР, в том числе и педагогические, являлись частью общего народнохозяйственного комплекса, поэтому выпускники, по крайней мере на официальном уровне, не имели проблем с трудоустройством. До принятия Закона РСФСР от 19.04.1991 № 1033-1 «О занятости населения в РСФСР» [6], который установил права граждан на свободный выбор места работы, действовало два документа. Первый — вступившее в действие с 1 сентября 1980 г. «Положение о межреспубликанском, межведомственном и персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения» [18], второй — Положение от 1 августа 1988 г. «О распределении и использовании в народном хозяйстве выпускников высших и средних специальных учебных заведений» [17]. Эти документы устанавливали принципы распределения выпускников и закрепляли статус молодого специалиста, его обязанности, права и привилегии. В соответствии с положением каждый выпускник педагогического института получал направление в школу и был обязан отработать в ней три года.

С развалом Советского Союза престиж педагогических профессий снизился, одной из главных причин этого было резкое падение уровня жизни учителей. Если в 1970 г. соотношение средней заработной платы работников промышленности и профессорско-преподавательского состава составляло 55,0%, то в 1992 г. — 156%, к 1996 г. — 110%. Проблема финансирования была настолько критической, что в вузах начинался рост стачечного движения как в среде студентов, так и преподавателей. Публиковались статьи в газетах с критикой нарастающих проблем, проводились забастовки. К примеру, в МГПИ был создан стачком, который отстаивал права студентов и преподавателей [4]. Студентов волновала социальная защищённость, комфорт в общежитиях, задержки с выплатой стипендии и её размер. В 1993 г. дефицит финансирования Камчатского пединститута составлял 200—250 млн руб. в год. Эти деньги должны были пойти на индексацию стипендий и зарплат. Социальной силой протестного движения стали сотрудники института, которые создали забастовочный комитет, требуя выплаты зарплаты [24].

Правительство РФ, реагируя на протесты, выпустило постановление от 28 апреля 1994 г. № 407 «О первоочередных мерах по поддержке системы образования в России» [19], где предписывалось в месячный срок ликвидировать все задолженности перед студентами и преподавателями.

Один из путей преодоления кризиса власть увидела в оказании платных образовательных услуг. С 1991 г. правительство РСФСР разрешало государственным образовательным учреждениям осуществлять подготовку специалистов на договорной основе сверх установленных заданий по приёму на обучение за счёт средств федерального бюджета. Уже в 1992 г. доля внебюджетных средств, полученных вузами, составила 10% от общего объёма бюджетного финансирования, в 1993 г. — 20%, что характерно для стран с наиболее коммерционализированными системами высшего образования.

Так, в 1992 г. цена обучения по новой (платной) программе в МГПИ составляла 10 тыс. руб., что равнялось половине рыночной стоимости квартиры в г. Магадане [12]. При этом конкурс на место достигал 4—5 чел. [5]. Но из-за нехватки времени на качественную подготовку образовательных программ, квалифицированных преподавателей и апробированных курсов, программы оказывались слабыми и подвергались критике со стороны обучающихся. Один из студентов первого набора отделения «Экономика и менеджмент» МГПИ Е. Кабанов так описывал обучение в 1992 г.: «Программа в основном старая, упор делается на непрофильные предметы, иностранные преподаватели читают лекции через неподготовленных переводчиков, что очень сильно искажает суть информации» [8]. Но, к сожалению, условия рынка и отсутствие времени «на раскачку» подталкивали институты на путь создания минимальной базы и её дальнейшего укрепления в процессе реализации программ.

Ещё одной проблемой высшего педагогического образования на периферийных территориях стали миграционные процессы, которые были вызваны рядом факторов. Начавшееся с 1989 г. снижение объёмов промышленного производства в дальневосточном регионе и реализация идеи «регионального хозрасчёта» в условиях товарного и сырьевого дефицита привели к ослаблению традиционных хозяйственных связей и углублению территориальной обособленности восточных краёв и областей. В среднем к декабрю 1993 г. падение темпов промышленного производства на Дальнем Востоке составило около 35—50%. Ещё одной причиной стал рост стоимости жизни в периферийных районах, в среднем на 40—45%. Эти и ряд других факторов привели к усилению миграционных настроений и, как следствие, к оттоку населения [7, с. 100].

У периферийных вузов сокращалась база потенциальных абитуриентов. Но проблема набора была компенсирована следующим образом. Жизнь дальневосточных территорий в 1990-е гг. стала замкнутой. Высокие цены на

перелёты в центральную Россию фактически локализовали население региона, многие семьи не могли себе позволить отправлять детей на обучение не только в центральные вузы страны, но даже в Хабаровск и Владивосток, и, несмотря на активизацию миграции, количество абитуриентов в первой половине 1990-х гг. не только не уменьшилось, но и, по сравнению с советским периодом, возросло (табл. 1).

Таблица 1

Структура, план набора и конкурс в педвузы Сахалинской, Камчатской и Магаданской области

ВУЗ	Кол-во факультетов	Кол-во кафедр	Набор/конкурс		
			1991	1992	1993
ЮСГПИ	7	23	507/2,18	526/1,95	458/2,24
КГПИ	4	11	216/3,01	292/2,44	360/1,56
МПУ	5	22	349/2,70	402/1,96	364/1,49

Сост. по: [14].

Вузы, борясь за выживание, расширяли спектр специальностей, пользующихся спросом, но, как правило, не являющихся для них профильными. Это приводило к размыванию специализации вузов и созданию на базе институтов университетов классического типа. Первым из них на периферийных территориях стал МГПИ, получивший новый статус в 1992 г.: на основании распоряжения Правительства РФ № 1061 на базе этого вуза был создан Международный педагогический университет, уникальное для России образовательное учреждение. Соглашение о его создании подписали 4 вуза: в 1991 г. — МГПИ и университет штата Аляска (США), а в 1992 г. к ним присоединились педагогический университет Хоккайдо (Япония), университет провинций Хэйлунцзян и Гирин (КНР) [23].

В 1998 г. распоряжением Правительства РФ № 609-р от 27.05.1998 и приказом Министерства общего и профессионального образования № 1777 от 01.07.1998 на базе ЮСГПИ и других учебных заведений области был создан Сахалинский государственный университет, в который вошли также Южно-Сахалинский педагогический колледж, Александровск-Сахалинский педагогический колледж и Сахалинский театральный колледж [21].

Последним университетский статус получил КГПИ. В соответствии с приказом Министерства образования РФ № 3149 от 31.10.2000 приказом ректора КГПИ был переименован в Камчатский государственный педагогический университет [22].

Причинами именно такой последовательности получения университетского статуса мы считаем личную активность ректоров и наличие конкуренции на рынке высшего образования в регионах.

Ещё одной проблемой периферийных территорий стало то, что сами регионы начинали рассматриваться федеральным центром как исключительно ресурсные, в связи с чем возникла профилизация вузов: на Камчатке — по добыче и обработке биоресурсов, в Магаданской области — по золотодобыче, на Сахалине — по нефтедобыче. В дальнейшем вузы в Магадане и Южно-Сахалинске включили в свой состав технические отделения: к Магаданскому педагогическому университету был присоединён филиал Хабаровского государственного технического университета, а в состав СахГУ были включены Сахалинские топливно-энергетический техникум и колледж бизнеса и информатики. Это позволило вузам стать по-настоящему многопрофильными.

Университет на Камчатке сохранил естественно-научный и гуманитарный профиль, так как подготовку по специальностям, профильным для региона, уже проводил Камчатский технический университет, являющийся лидером в сфере высшего образования Камчатки.

Ещё одним направлением деятельности стало создание в вузах подразделений, отвечающих за реализацию основного общего и среднего профессионального образования, например, Северный гуманитарный лицей МГПИ.

Таким образом, несмотря на сложное экономическое положение, снижение заинтересованности абитуриентов в получении педагогических специальностей, педагогические вузы отдалённых регионов Дальнего Востока не только продолжили свою работу по подготовке квалифицированных кадров, но и отважились на радикальные эксперименты. В ходе перестройки и рыночных реформ педагогические институты превратились в университеты классического типа (в двух случаях — с учётом профилизации региона), а созданный в советское время потенциал позволил им сохранить за собой позицию научных, культурных и образовательных центров.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Батинская М. Каков он, будущий учитель // Молодая гвардия. 1990. 21 авг.
2. Безчастный С. Стань хозяином, студент // Магаданский комсомолец. 1986. 7 нояб.
3. В начале всех начал. // Камчатская правда. 1983. 12 июля.
4. Грузин Г. Живут студенты весело? // Магаданская правда. 1992. 4 апр.
5. Диденко В. Элита // Магаданская правда. 1991. 18 дек.
6. Закон РСФСР № 1033-1 от 19.04.1991 «О занятости населения в РСФСР». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_763/ (дата обращения: 16.06.2020).
7. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности

дальневосточных территорий / А.С. Ващук, А.В. Друзяка, Е.Н. Чернолуцкая, Л.И. Галлямова, Г.Г. Ермак, Л.А. Крушанова, Ю.А. Авдеев, В.Л. Ушакова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
8. Кабанов Е. У дорогого, но разбитого корыта // Магаданская правда. 1992. 14 нояб.
9. Кокорев Е. Профессия учитель // Магаданская правда. 1985.10 сент.
10. Кудники А. Вузы побратались // Молодая гвардия. 1989. 8 нояб.
11. Кузнецов Е. В тупике на проспекте Карла Маркса // Магаданский комсомолец. 1989. 12 нояб.
12. Кузьмина С. Американцы на проигрышные дела не ставят // Магаданский комсомолец. 1991. 1 июня.
13. Макаренко В.Г. Система высшего образования России и российского Дальнего Востока в условиях рыночных реформ (1992—2016 гг.) // Россия и АТР. 2017. № 1. С. 8—22.
14. Мисиков Б.Р., Колесников Н.И. Южно-Сахалинский педагогический: вчера, сегодня, завтра: справочник. Южно-Сахалинск, 1996. С. 53.
15. Нам — двадцать пять // Камчатский комсомолец. 1983. 15 окт.
16. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
17. Положение от 1 августа 1988 г. «О распределении и использовании в народном хозяйстве выпускников высших и средних специальных учебных заведений». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=ESU&n=5227&dst=1000000001 (дата обращения: 14.06.2020).
18. Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 30 июля 1980 г. № 870 «О введении в действие Положения о межреспубликанском, межведомственном и персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения». URL: http://docs.cntd.ru/document/901770672 (дата обращения: 16.06.2020).
19. Постановление Правительства РФ от 28 апреля 1994 г. № 407 «О первоочередных мерах по поддержке системы образования в России». URL: http://base.garant.ru/102936/ (дата обращения: 10.06.2020).
20. Пустовойт Г.А. Высшее историческое образование в Магаданской области (1964—1992 гг.): организация учебно-воспитательного процесса и участие в общественно-политической работе // Материалы Всеросс. науч. конф. «Социально-экономическое развитие России». Чебоксары: Издат. дом «Среда», 2019. С. 53—68.
21. Распоряжение Правительства РФ № 609-р Б/Н от 27.05.1998. URL: http://sborniks-zakonov.ru/193741.html (дата обращения: 10.06.2020).
22. ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга». Официальный сайт. URL: http://www.kamgu.ru/sveden/common/#anchor_regDate (дата обращения: 13.06.2020).
23. ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет». Официальный сайт. URL: http://www.svgu.ru/sveden/common/ (дата обращения: 14.06.2020).
24. Филимонова Е. Бастовать или учиться? // Камчатский комсомолец. 1993. 25 июня.
25. Южно-Сахалинский государственный педагогический институт: справочник. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во — Сахалинский филиал, 1979. 64 с.
26. ГАКК (Гос. архив Камчатского края).
27. ГАМО (Гос. архив Магаданской области).

УДК 378.33:331.53(571.63)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10040

ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ МОЛОДЁЖИ К ТРУДОУСТРОЙСТВУ В ПРИМОРЬЕ

Сергей Юрьевич Голиков,
кандидат технических наук, доцент, проректор по учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе (УВНИР), Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), г. Владивосток.
Email: Sergey.Golikov@vvsu.ru

Юлия Викторовна Разумова,
доктор экономических наук, доцент, заместитель проректора по УВНИР, ВГУЭС, г. Владивосток.
E-mail: Yuliya.Razumova@vvsu.ru

Татьяна Владимировна Варкулевич,
кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и управления, ВГУЭС, г. Владивосток.
E-mail: Tatyana.Varkulevich@vvsu.ru

В статье приведены результаты социологического исследования по миграционным настроениям и качеству жизни жителей Приморского края в возрасте от 19 до 30 лет. Выделены факторы, влияющие на трудовую мобильность молодёжи на уровне макроэкономических региональных процессов, — это развитие инфраструктурных объектов в части благоустройства города, обеспечения магазинами, культурными учреждениями, перспективы карьерного роста, уровень доходов по отношению к стоимости жилья, и на уровне получения профессионального образования — ответственность, способность креативно мыслить, психологическая и адаптационная «прочность». Приведён опыт ВГУЭС, крупного университета Приморского края, по реализации проектного обучения как одного из инструментов профессиональной ориентации молодёжи в период получения образования в университете. Рассматриваются направления реализации проектов, в которых студенты приобретают знания через формирование навыков и компетенций. Авторы приходят к заключению о необходимости использовать в качестве индикаторов лояльности молодёжи к трудоустройству в регионе три составляющих: качество процесса

обучения (его прикладную направленность), наличие предоставляемых рабочих мест с перспективой карьерного роста (это определяет качество ключевых выгод), восприятие ценности проживания в регионе.
Ключевые слова: Россия, трудовая миграция, факторы трудоустройства, регион, проектное обучение, индикаторы лояльности.

PRIMORYE YOUTH EMPLOYMENT STIMULATING PROJECT BASED LEARNING

Sergey Golikov, Vladivostok state University of Economics and service, Vladivostok, Russia. Email: Sergey.Golikov@vvsu.ru
Yulia Razumova, Vladivostok state University of Economics and service, Vladivostok, Russia. E-mail: Yuliya.Razumova@vvsu.ru
Tatyana Varkulevich, Vladivostok state University of Economics and service, Vladivostok, Russia. E-mail: Tatyana.Varkulevich@vvsu.ru

The article presents the results of a sociological study on migratory attitudes and the quality of life of Primorskii Krai residents aged 19 to 30 years. The factors affecting the labor mobility of youth at the level of macroeconomic regional processes are identified — this is the development of infrastructure facilities in terms of city improvement, provision of shops, cultural institutions, career prospects, income level in relation to the cost of housing, and at the level of professional education are identified — this is the responsibility, ability to think creatively, psychological and adaptive “strength”. The experience of one of the universities of the Primorskii Krai on the implementation of project training as one of the tools for professional orientation of young people during their education at the university is presented. The directions of the implementation of projects in which students acquire knowledge through the formation of skills and competencies are considered. The authors come to the conclusion that it is necessary to use three components as indicators of youth loyalty to employment in the region: the quality of the learning process, namely its applied orientation; the availability of jobs with the prospect of career growth (this determines the quality of key benefits); perception of the value of living in the region.
Keywords: Russia, labor migration, employment factors, region, project training, loyalty indicators.

Формирование трудового поведения молодёжи является актуальной задачей регионального развития. В большинстве своём связанные с этим вопросы относятся к области социологических исследований. В научных изданиях авторы изучают факторы, влияющие на трудоустройство молодёжи, инструменты её вовлечения в региональное экономическое развитие,

особенности построения карьеры, трудоустройство в рамках реализации молодёжной региональной политики [2, с. 61], мотивы профессионального выбора предприятий в регионе [5, с. 8; 1, с. 106; 3, с. 53] и другие предметные области, имеющие отношение к выбору молодыми людьми региона обучения в качестве места локации для последующей профессиональной деятельности.

Цель статьи — определить факторы миграционных настроений жителей Приморского края в возрасте от 19 до 30 лет, обосновать проектное обучение как один из инструментов формирования привлекательности трудоустройства в регионе для молодёжи.

Методы. Для исследования миграционных настроений молодёжи и качества жизни в Приморском крае использовался социологический анкетный опрос с применением электронного сервиса GoogleForms с последующей обработкой и систематизацией данных анкетного опроса. Для обоснования проектного обучения в качестве инструментов формирования привлекательности региона как локации для успешного профессионального роста проводится контент-анализ итогов проектного обучения в одном из крупных вузов Приморского края ФГБОУ «Владивостокский университет экономики и сервиса» (ВГУЭС).

Несмотря на то, что промышленные предприятия Дальнего Востока испытывают значительный кадровый голод [4, с. 172], молодёжь Приморского края имеет настроения к переезду в другие регионы. Этот вывод подтверждают результаты исследования, проведённого в октябре — ноябре 2019 г. на кафедре экономики и управления ВГУЭС. В опросе возрастной группы от 19 до 30 лет приняли участие 781 чел., что более чем в два раза превышает объём репрезентативной выборки исходя из численности населения Приморья. Большинство опрошенных респондентов (689 чел.) — это постоянные жители Приморского края (88%), 12% — временные. Основная часть респондентов проживают в городах Владивостоке — 516 чел. (66%), Уссурийске — 98 чел., Артёме — 28 чел., Находке — 22 чел., Спасске-Дальнем — 26 чел., и иных населённых пунктах края. Таким образом, опросом были охвачены преимущественно респонденты, проживающие в крупных и средних городских поселениях Приморья. Род занятий респондентов следующий: студенты (53%), работают (43%), не работают (4%).

На вопрос: «Не возникало ли у Вас желания переехать на постоянное место жительства в другой регион?» 58% респондентов ответили, что рассматривают такой вариант, 11,5% собираются уехать в ближайшее время, нет желания переехать у 21% респондентов, затруднились с ответом 11%. При этом позитивное отношение к Приморскому краю выражают 55% опрошенных, и лишь 17% отмечают негативное отношение. В качестве причин позитивного отношения к региону респонденты называют: «очень красиво» — 57%,

«комфортно» — 29%, «отзывчивые люди» — 2%, 12% затрудняются с ответом. В качестве причин, по которым «не нравится Приморский край», выделяют: дорогую жизнь — 63%, тяжёлый климат — 25%, плохую экологическую обстановку — 8%. 63% респондентов не удовлетворены качеством медицинского обслуживания. Более половины опрошенных (51%) оценивают качество жилищно-коммунальных услуг на «2» и «3» балла, в то же время 41% оценивают на «4» и «5» баллов. Распределение ответов о состоянии инфраструктурных объектов отражено на рисунках 1, 2, 3, 4.

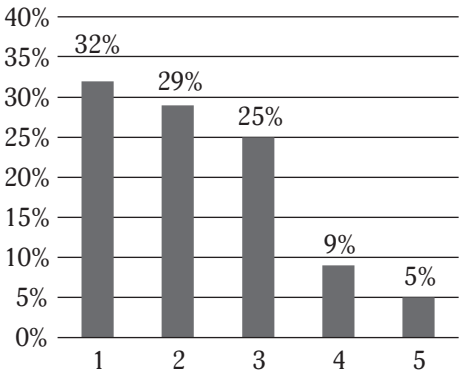


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы состоянием инженерной инфраструктуры? (5 — удовлетворён абсолютно, 1 — не удовлетворён) [Дороги]», доли

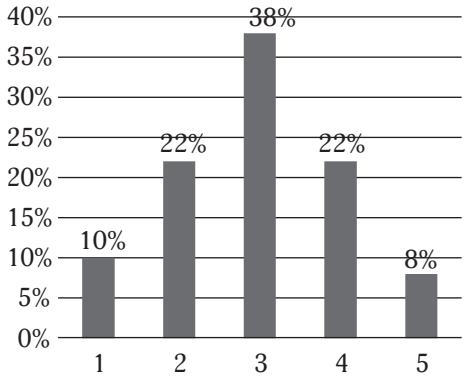


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы состоянием инженерной инфраструктуры? (5 — удовлетворён абсолютно, 1 — не удовлетворён) [Благоустройство города]», доли

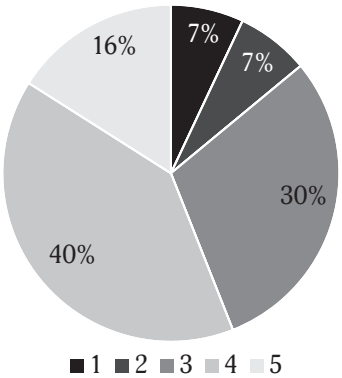


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы состоянием социальной инфраструктуры (5 — удовлетворён абсолютно, 1 — не удовлетворён) [Магазины]», доли

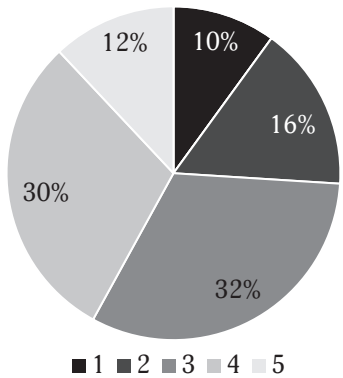


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы состоянием социальной инфраструктуры (5 — удовлетворён абсолютно, 1 — не удовлетворён) [Культурные учреждения]», доли

В целом, можно отметить, что молодёжь Приморского края в большей степени позитивно оценивает развитие инфраструктурных объектов в части благоустройства города, обеспечения магазинами, культурными учреждениями. Однако ответы на вопрос относительно желания остаться работать в Приморском крае вновь иллюстрируют негативные настроения (рис. 5). 64% опрошенных не хотят остаться в регионе, 51% не видят перспектив карьерного роста, 24% фиксируют в качестве причины нежелания остаться в регионе низкий уровень доходов населения.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы остаться и работать в Приморском крае?», доли

Таким образом, данные социологического опроса позволяют отметить, что негативные настроения молодёжи обусловлены высокой «стоимостью жизни», отсутствием качественного бесплатного медицинского обслуживания, плохим качеством дорожной инфраструктуры, высокими затратами на жильё и обслуживание ипотечных кредитов. В то же время, молодёжь отмечает красоту края, комфорт, развитую инфраструктуру. Можно считать, что именно эти факторы определяют лояльность молодых людей к региону. Однако спектр этих факторов намного шире.

А.В. Ярашева в своём исследовании [6, с. 53], фиксируя статистические данные, результаты социологического исследования с 2015 по 2017 гг. о причинах оттока молодёжи из регионов Дальнего Востока, отмечает, что сегодня среди требований к качеству трудовых ресурсов наряду с профессиональными знаниями всё больший вес приобретают иные характеристики. В их числе — умение брать на себя ответственность, способность креативно мыслить, психологическая и адаптационная «прочность».

Такого рода качества (софт скилс) формируются в альтернативных формах организации учебного процесса. Это не привычные аудиторные занятия, практики студентов и выпускные квалификационные работы, а проектное обучение.

Осенью 2018 г. во ВГУЭС стартовал пилотный проект по внедрению проектного обучения в учебные планы по девяти направлениям подготовки. Студенты слушают теорию управления проектами в течение одного семестра (как правило, это второй или третий семестр обучения, в зависимости от учебного плана). Следующие 2—3 семестра студенты в составе проектных команд выполняют проекты по внутренним заявкам и заявкам внешних заказчиков — партнёров университета, будущих работодателей тех студентов, которые во время реализации проектов являются учащимися вуза. Таким образом, студенты погружаются в предметную область будущей профессиональной деятельности уже на втором курсе обучения в университете. Динамика вовлечения учащихся очной формы в проектное обучение следующая (рис. 6).

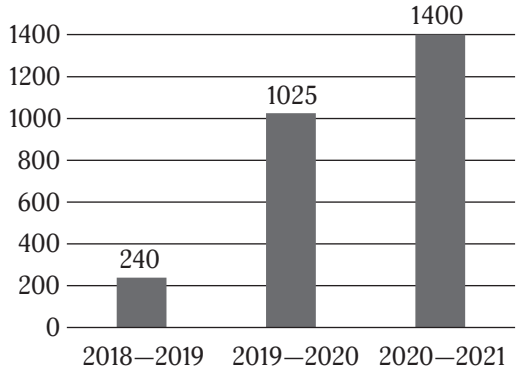


Рис. 6. Количество студентов, вовлечённых в проектное обучение в соответствии с учебными планами отдельных направлений подготовки ФГБОУ «ВГУЭС» в 2018—2021 уч. гг.

В 2018—2019 уч. году в проектном обучении участвовало 240 студентов по девяти направлениям подготовки. Реализован 41 проект (рис. 7—9), из них 16 по внешним заказам. В осеннем и весеннем семестрах 2019—2020 гг. — 1025 студентов. В осеннем семестре реализовано 154 проекта, из них 80 по заказам представителей бизнеса и органов власти Приморского края, в весеннем семестре 151 проект, в том числе 95 внешних. В 2020—2021 уч. году, согласно учебным планам, на проектное обучение выйдут 1400 студентов, это будет около 230 защит студентов в составе команд. Под руководством профессорско-преподавательского состава реализуются прикладные работы в области информационных технологий, экономики, математики и моделирования, дизайна, маркетинга.

Студенты моделируют пути оптимизации бизнес-процессов, включая матрицы ответственности, проектируют информационные системы сбора, обработки и анализа данных, системы оценки показателей вовлечённости персонала предприятия и кадрового аудита, изучают удовлетворённость качеством жизни и миграционные настроения населения Приморского края, разрабатывают дизайн-проекты социально-культурных объектов, проводят

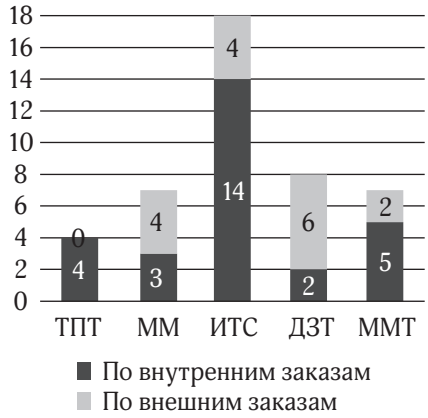


Рис. 7. Количество проектов, реализованных на кафедрах ВГУЭС* в весеннем семестре 2019 г.

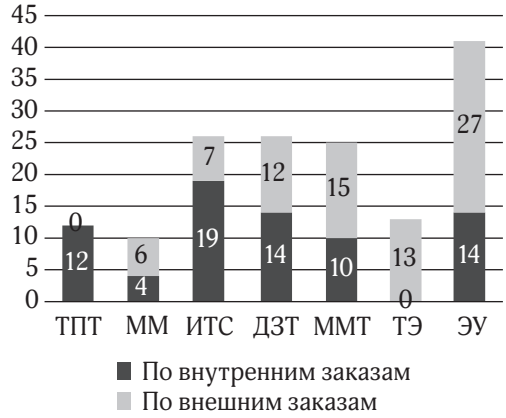


Рис. 8. Количество проектов, реализованных на кафедрах ВГУЭС в осеннем семестре 2019 г.

Расшифровка параметров ряда — кафедры ВГУЭС:

ТПТ — транспортных процессов и технологий;
ММ — математики и моделирования;
ИТС — информационных технологий и систем;
ДЗТ — дизайна и технологий;
ММТ — международного маркетинга и торговли;
ТЭ — туризма и экологии;
ЭУ — экономики и управления

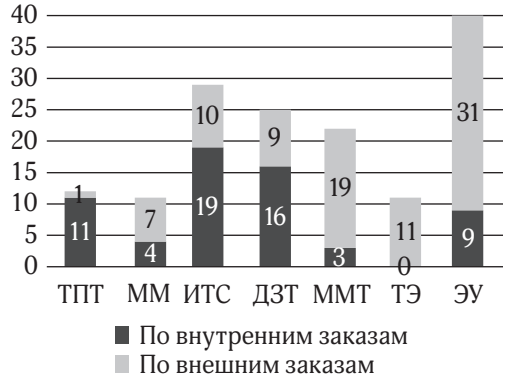


Рис. 9. Количество проектов, реализованных на кафедрах ВГУЭС в весеннем семестре 2020 г.

QR-кодирование туристических маршрутов, создают цифровой образ туристского Приморья, изучают рынок транспортно-экспедиторских услуг в сфере морского и железнодорожного транспорта, анализируют процессы хранения плодоовощной продукции, участвуют в подготовке проектов по развитию социального предпринимательства. Разрабатываются практические решения в сфере налогообложения, эквайринга, создания карт навигации, электронных приложений для мобильных устройств, в области познавательного и экологического туризма, кадрового аудита и во многих как узкоспециализированных, так и кросс-дисциплинарных областях.

Выполнение проекта предполагает регулярные встречи с заказчиком, согласование хода работ. Защита проводится публично, в присутствии членов экспертной комиссии, в состав которой входят представители предприятий-заказчиков.

Говоря о формировании лояльности молодёжи к построению своей профессиональной карьеры на территории региона, следует отметить, что проектное обучение позволяет студентам на первых курсах погружаться в профессиональную среду. Они знакомятся с широким спектром успешных предприятий и организаций Приморского края, взаимодействуют с сотрудниками этих компаний, в процессе чего приходит понимание, какие компетенции и знания требует работодатель, с каким функционалом будет связана их будущая работа. Такой подход в значительной степени расширяет диапазон возможностей «попробовать себя» в разного рода компаниях, найти общие интересы с их сотрудниками, увидеть личные и корпоративные перспективы.

Кроме того, студенты отмечают, что взаимодействие в «малых командах» (в проектных командах, как правило, занято 5—7 чел.) даёт возможность развивать коммуникативные навыки, непосредственное общение с заказчиками проектов позволяет приобрести опыт работы, глубже изучить бизнес-процессы. Каждый участник команды получает возможность проявить себя в том виде деятельности, который ему самому интересен. Апробированная во ВГУЭСе форма обучения создаёт наиболее благоприятные условия для познания инструментов и методов проектной деятельности и механизме её реализации, позволяет получить необходимые компетенции в предметной области знаний сразу на практике, что соответствует современным тенденциям трансформации университетского образования — уход от трансляции знаний, приобретение необходимых компетенций через прикладную, практическую деятельность.

Заключение. В качестве индикаторов лояльности молодёжи к трудоустройству в регионе можно признать три составляющих: качество процесса обучения, а именно: его прикладную направленность, наличие предоставляемых рабочих мест с перспективой карьерного роста (это определяет качество ключевых выгод), восприятие ценности проживания в регионе. Данная статья позволила обобщить настроения молодёжи Приморского края по отношению к месту проживания, а значит и трудоустройства, оценку качества жизни в крае. Следует отметить позитивные настроения молодых людей относительно развитой инфраструктуры, климата. Высокий процент ответов относительно возможности переезда в другие регионы может быть обусловлен недостаточной информированностью о возможностях трудоустройства и карьерного роста. Эти задачи, в частности, призвано решать проектное обучение в университетах.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Барков Ф.А., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Страдзе А.Э. Трудовое поведение молодёжи: социологическая диагностика в контексте повышения эффективности региональной молодёжной политики (на примере Ростовской области) // Вестник РАЕН. 2013. Т. 13. № 3. С. 106—112.
2. Задепская А.Р. Влияние молодёжной политики региона на профессиональную ориентацию и трудоустройство молодёжи // Вестник науки и образования. 2019. № 16 (70). С. 61—63.
3. Клячко Т., Семионова Е. Трудовая миграция: взгляд молодёжи // Экономическое развитие России. 2018. № 12. С. 53—62.
4. Слободянюк М.Г. Мотивы профессионального выбора и трудоустройства молодёжи на промышленных предприятиях региона // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 1 (74). С. 172—177.
5. Сушко П.Е. Особенности карьерных стратегий политической активности молодёжи современной России // Теория и практика общественного развития. 2018. № 2 (120). С. 8—12.
6. Ярашева А.В. Трудовые ресурсы молодёжи: актуальные региональные проблемы // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 53—58.

УДК 323
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10041

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Алексей Алексеевич Кулинич,
кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток.
E-mail: kulinich.aa@dvfu.ru

В статье анализируются основные изменения в государственной молодёжной политике, реализуемой в Российской Федерации со времени демонтажа Советского Союза. Автором выделяются несколько основных направлений, в рамках которых происходит трансформация. Первое — это государственные институты, отвечающие за развитие и реализацию государственной молодёжной политики в РФ. Второе направление — смысловое и идеологическое наполнение государственной молодёжной политики и те изменения, которые были реализованы. К третьему относятся новые инструменты и механизмы, применяемые в ходе реализации государственной молодёжной политики. Ключевыми выводами автора является необходимость постепенного включения самой молодёжи в подготовку и реализацию инициатив в области государственной молодёжной политики, а также использование новых инструментов вовлечения молодёжи в социально-политическое развитие государства.
Ключевые слова: Россия, молодёжь, государственная молодёжная политика, трансформация.

TRANSFORMATION OF THE STATE YOUTH POLICY IN POST-SOVIET RUSSIA

Alexey Kulinich, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
E-mail: kulinich.aa@dvfu.ru

The article analyzes the main changes in the state youth policy implemented in the Russian Federation since the dismantling of the Soviet Union. The author identifies several main tracks in which the transformation takes place. The first one is the government institutions responsible for the development and implementation of state youth policy in the Russian Federation. The second track is the semantic and ideological content of the state youth policy and the changes that have been implemented. The third direction includes new tools and mechanisms used in the implementation of the state youth policy. The key author's conclusions are

the need for gradual inclusion of young people in the preparation and implementation of initiatives in the field of state youth policy, as well as the use of new tools for involving young people in the socio-political development of the state.
Keywords: Russia, youth, state youth policy, transformation.

В настоящее время будет справедливым утверждать, что государственная молодёжная политика занимает одно из ключевых мест в системе политического регулирования любого современного развитого или развивающегося государства. Это обусловлено целым рядом особенностей той социальной группы, на которую она направлена. Молодёжь сегодня — это основной драйвер внутриполитических изменений эволюционного или, иногда, революционного типа. Это та возрастная группа, которая формирует новые сегменты экономики, создавая новые механизмы, принципы и инструменты взаимодействия внутри этой сферы жизни общества. Кроме того, молодёжь — это та общность, под влиянием которой формируется современное культурное сообщество, макро-, мезо-, и микрокультурная среда. В этой связи встаёт закономерный вопрос о том, кто и как влияет на саму молодёжь, какие практики и инструменты при этом используются.

Если говорить о принятом в отечественной науке определении молодёжи, то это социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определённых нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ, — до 35 (и более) лет, имеющих постоянное место жительства в России или за рубежом (граждане РФ и соотечественники) [12].

Для России вопрос реализации государственной молодёжной политики является одним из ключевых по ряду причин. Особенностью России является разрыв в историческом опыте молодёжной политики, который имел место в 1990-е гг.: после распада СССР октябрятские, пионерские и комсомольские организации прекратили существование, а замены им реформаторы не нашли. Во многом это связано с отсутствием целостного представления о государственной молодёжной политике (ГМП) в советское время. К вопросу создания комплексной государственной молодёжной политики в СССР пришли только в 1991 г., свидетельством чего стало появление закона СССР № 2114-1 «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР» [1] и создание 30 июля 1991 г. Государственного комитета РСФСР по молодёжной политике [3, с. 4].

В процессе деконструкции советской социально-политической системы традиционные организационно-политические институты были упразднены.

Отказ реформаторов от разработки идеологической составляющей в реализации государственной политики в этот период сопровождался отрицанием прежних принципов, механизмов и инструментов ГМП. Более того, обострившаяся борьба за власть внутри нового государства делала из молодёжи перспективный электорат, за который можно и нужно было бороться. В этот же период, с 1992 по 1993 гг., был подписан ряд знаковых для государственной молодёжной политики документов (Указ Президента РФ от 16.09.1992 № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодёжной политики» [14], Постановление Верховного Совета РФ от 03.06.1993 № 5090-1, утвердившее «Основные направления государственной молодёжной политики в РФ» [8]; Распоряжение Президента РФ от 24.06.1993 № 459-рп «О праздновании Дня молодёжи» [13].

В это же время начинают появляться негосударственные общественные институты, влияющие и во многом определяющие государственную молодёжную политику в России. Ключевым из них стала Ассоциация общественных объединений «Национальный совет молодёжных и детских объединений России», которая существует до сих пор.

Можно констатировать, что в 1990-е гг. ГМП в России в большей степени носила декларативный и ситуативный характер, правительство в основном ориентировалось на прямые социальные меры поддержки молодёжи. Начиная с 1994 г. на федеральном уровне с определённой периодичностью принимались новые правовые акты в отношении ГМП, в том числе федеральные программы «Молодёжь России» 1994—1997, 1998—2000 и 2000—2005 гг. [15; 10; 11], но содержательных изменений не происходило. В вышеупомянутых программах «Молодёжь России» отсутствует определение целевой социальной группы, на которую эти программы распространяются, то есть отсутствует определение молодёжи как таковой. Стоит отметить, что использование принципов целевого программного финансирования позволило в некотором смысле структурировать и унифицировать те усилия, которые прилагались в отношении ГМП на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Однако принимаемые реформаторами программы не отвечали запросам времени. Даже создание в 1994 г. Совета по делам молодёжи при Президенте РФ, в функционал которого входило целеполагание в рамках ГМП, коренным образом не изменило ситуацию, этот орган по разным причинам оказался малоэффективен и был упразднён в 2000 г.

В контексте анализа опыта формирования государственных институтов, отвечающих за молодёжную политику после 2000 г., следует отметить Правительственную комиссию по делам молодёжи, которую возглавляла В. Матвиенко. Комиссия осуществляла деятельность координационного органа для обеспечения согласованных действий органов исполнительной власти Центра и регионов по формированию и реализации ГМП. Работа данной

структуры оказалась неэффективна в силу объединения в её функционале целеполагания и достижения обозначенных целей.

В ходе формирования нового состава правительства в 2004 г. было учреждено Министерство образования и науки РФ, в структуре которого создали Департамент по государственной молодёжной политике, воспитанию и социальной защите детей. Появилось также Федеральное агентство по образованию и в его структуре — Управление по делам молодёжи. Государственный комитет РФ по делам молодёжи был образован 24 сентября 2007 г., а 12 мая 2008 г. создано Министерство спорта, туризма и молодёжной политики РФ, Государственный комитет РФ по делам молодёжи преобразован в Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь), подведомственное до 2012 г. Минспорттуризму России. С 2012 по 2018 гг. Федеральное агентство по делам молодёжи находилось в подчинении Министерства образования и науки РФ, а с 2018 г. — в прямом подчинении Правительства РФ, что говорит о роли и статусе данного агентства. В настоящее время оно является главным государственным институтом, реализующим федеральную повестку в отношении ГМП в России.

Если говорить о нормативной составляющей, то попытки сформировать целостное представление о развитии государственной молодёжной политики в стране послужили причиной разработки и презентации в 2004 г. «Доктрины государственной молодёжной политики РФ» [3, с. 19]. В ней были сформулированы цели, задачи, основные направления, меры и механизмы реализации ГМП. Предполагалось, что она станет базовым документом в этой области на длительное время. Однако результаты работы в виде доктрины приняты не были. Тем не менее они во многом получили отражение в другом важном документе 2006 г. — «Стратегии государственной молодёжной политики до 2016 г.» [3, с. 20].

Существенный вклад в развитие концептуального видения ГМП внесла подготовка Госсовета по молодёжной политике, которая завершилась представлением в июле 2009 г. специального доклада рабочей группы (её возглавлял нынешний губернатор Приморского края О.Н. Кожемяко). По результатам доклада рабочей группы был сформирован обширный перечень поручений Президента РФ [3, с. 20]. Поручения правительству РФ включали разработку и принятие федеральной целевой программы «Молодёжь России 2011—2015 гг.», где необходимо было предусмотреть комплексные меры по реализации инновационного потенциала молодёжи. Поручения Администрации Президента предполагали включение в ФЦП «Молодёжь России на 2011—2015 гг.» предложений о целесообразности принятия федерального закона об основах молодёжной политики в РФ [3, с. 21]. Однако мировой финансовый кризис вновь отодвинул молодёжную проблематику из центра внимания на периферию. Тем не менее 27 декабря 2013 г. заместителем ми-

нистра образования и науки РФ В. Кагановым и руководителем Федерального агентства по делам молодёжи (ФАДМ) С. Белоконевым был представлен проект «Стратегии развития молодёжи на период до 2025 года». 2 декабря 2014 г. по итогам обсуждения в федеральных университетах, Общественной палате России, общественных объединениях и на молодёжных форумах России с активным участием руководителя ФАДМ С. Поспелова и зам. руководителя С. Чуева председатель правительства России Д. Медведев утвердил «Основы государственной молодёжной политики до 2025 года» (Распоряжение от 29 ноября 2014 года № 2403-р) [12]. В рамках данного документа был разработан план мероприятий по реализации основ государственной молодёжной политики РФ на период до 2025 г., утверждённый распоряжением Правительства РФ от 12 декабря 2015 г. № 2570-р. В настоящее время эти документы являются основными при реализации ГМП в России.

Изменения в отношении государственной молодёжной политики можно наблюдать начиная с 2000 г. Во-первых, на государственном уровне появляется чёткое представление о том, что в разработке и реализации программ, посвящённых ГМП, должна участвовать сама молодёжь. Во-вторых, получив такую возможность, крупнейшие молодёжные общественные организации страны, например, Российский союз молодёжи или Национальный Совет молодёжных и детских объединений, проявляют инициативу в проведении общественной экспертизы по данному вопросу. В-третьих, государство заинтересовано в изменении ключевых показателей эффективности ГМП, вернее, в переходе от преимущественно количественных показателей (охват молодёжи, количество мероприятий и т.д.) к качественным оценкам.

С 1990-х гг. в России осуществляются попытки привлечения молодёжи в политическую и околополитическую деятельность на различных уровнях. Отражением этой тенденции стало формирование и развитие институтов молодёжных парламентов и молодёжных правительств России. Политолог Л.С. Пастухова выделяет три основных этапа развития молодёжного парламентаризма в России: 1) его хаотичное развитие в регионах (начало 1990-х — 2002 гг.); 2) его развитие на федеральном уровне (2002—2006 гг.); 3) его развитие на основе обновлённого подхода в области ГМП (с 2006 г. по настоящее время) [5]. Сейчас данный институт имеет трёхуровневую структуру. На федеральном уровне свою деятельность осуществляет Молодёжный парламент при Государственной Думе и Палата молодых законодателей при Совете Федерации. Региональный уровень представляют молодёжные парламенты при государственных органах субъектов РФ. На третьем уровне работают молодёжные парламентские структуры при муниципалитетах, в том числе при школах, клубах и прочих организациях. Основной целью данной институциональной структуры в России является содействие деятельности законодательных органов власти в области регулирования прав

и законных интересов молодёжи, основными задачами выступают приобщение молодёжи к парламентской деятельности, формирование правовой и политической культуры молодёжи [9].

В отличие от системы молодёжного парламентаризма, система молодёжных правительств имеет меньшую историю. Первое молодёжное правительство в России появилось в Ярославской области в 1998 г. [4]. С тех пор этот институт стал набирать популярность и на сегодняшний день представлен в 72 субъектах РФ. Структура молодёжных правительств имеет четыре уровня. На федеральном уровне действует Ассоциация молодёжных правительств России. Далее следует окружной уровень, в рамках которого действует аппарат координатора по округу. Следующим уровнем является молодёжное правительство региона, и на нижнем уровне функционируют молодёжные администрации муниципалитетов [16, с. 67]. В настоящее время и молодёжные парламенты, и молодёжные правительства собирают вокруг себя наиболее активную молодёжь, стремящуюся приобщиться к деятельности государственных органов власти и влиять на ГМП в России.

Идеологический вакуум, возникший после демонтажа СССР, молодёжь России 1990-х гг. начала заполнять различного рода деструктивными практиками, связанными с употреблением наркотических и алкогольных веществ, «бандитской лирикой» и прочими пагубными явлениями. Потребность в формировании новых идеологических ориентиров для молодёжи на уровне федеральных органов власти представлялась очевидной. Помимо выработки самих ориентиров требовалось разработать инструменты их трансляции и интеграции в массовую молодёжную культуру. Во многом таковыми ориентирами стали патриотизм с акцентом на поддержку политического режима суверенной демократии.

Для трансляции этих идей в молодёжной среде стали появляться созданные при поддержке Администрации Президента молодёжные организации и движения. Самым известным примером стала российская межрегиональная молодёжная организация «Идущие вместе», которая формально просуществовала с 2000 по 2007 г. [6]. В 2005 г. актив организации перешёл в состав Общероссийской общественной организации содействия развитию суверенной демократии «Наши», которая также была создана при поддержке Администрации Президента и просуществовала до 2013 г. [2]. Ведущую роль в работе этих организаций играл В.Г. Якименко, который, в свою очередь, занимал должность руководителя Федерального агентства по делам молодёжи с начала его существования до 2012 г.

Организации, подобные вышеупомянутым, консолидировали вокруг себя активную молодёжь, так называемых лидеров общественного мнения, которые транслировали воспринятые ценности далее, в молодёжную среду. Эти организации стали использовать новые форматы взаимодействия с ак-

тивной молодёжью, в том числе Всероссийские молодёжные форумы, самым известным из которых является форум «Селигер», проводившийся с 2005 по 2014 г. на берегах одноимённого озера. С 2005 по 2008 г. этот форум использовался как закрытая площадка для активистов и комиссаров движения «Наши». С 2009 г. он стал открытым, сюда приезжала молодёжь со всей России. Всего за 10 лет существования форума «Селигер» его посетило около 100 тыс. чел. Доминирующим нарративом, вне зависимости от тематики смены, был патриотизм и поддержка суверенной демократии в России. Этот формат продемонстрировал свою эффективность, и вскоре форумы окружного уровня появились во всех округах РФ, а на смену «Селигеру» пришёл форум «Территория смыслов», несколько изменивший ценностные ориентиры, но по-прежнему собиравший молодёжь со всей территории РФ.

Начиная с 2012 г. в сфере государственной молодёжной политики РФ начал реализовываться новый инструмент, призванный поддержать участие активной молодёжи в социальных изменениях страны. Таким инструментом стали целевые средства на реализацию молодёжных проектов от государства (или гранты). Главным оператором грантовых средств для молодёжи выступило Федеральное агентство по делам молодёжи. Подобная практика оказалась эффективной для вовлечения молодёжи в социальное развитие, и в настоящее время грантовые средства на поддержку молодёжных инициатив закладываются в ежегодные бюджеты не только федерального, но и регионального, а в случае с крупными муниципалитетами — и муниципального уровня [7].

Таким образом, трансформация государственной молодёжной политики в РФ в постсоветский период проходит по трём основным направлениям — в рамках 1) формирования нормативно-правовой базы, 2) институциональной эволюции государственных органов, отвечающих за её реализацию, 3) содержательно-инструментальных изменений, ориентированных на вовлечение молодёжи в деятельность по развитию российского общества.

В рамках нормативно-правовой базы было принято уже упомянутое распоряжение правительства «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которое, в свою очередь, определило стратегию реализации ГМП в России вплоть до обозначенного года. На федеральном уровне был образовано Федеральное агентство по делам молодёжи, которое в настоящее время является ключевым институтом в РФ, отвечающим за реализацию молодёжной политики. Наконец, на сегодняшний день в нашей стране интенсивно развивается механизм государственной поддержки социальных инициатив молодёжи. По самым скромным подсчётам, только из государственных средств ежегодно на это выделяется 2 млрд руб. Можно с уверенностью констатировать, что государственная молодёжная политика в РФ продолжает свою трансформацию, и изменения, происходящие в ней, носят позитивный оттенок.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Закон СССР от 16.04.1991 № 2114-I «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5091#026221305675397133 (дата обращения: 09.06.2020).
2. Кремль готовит новый молодёжный проект на замену «Идущим вместе». URL: https://www.newsru.com/russia/21feb2005/kremlin.html (дата обращения: 10.06.2020).
3. Молодёжь России 2000—2025: развитие человеческого капитала. М., 2013. 187 с.
4. Официальный сайт Ассоциации молодёжных правительств России. URL: http://www.molprav.ru/ (дата обращения: 11.06.2020).
5. Официальный сайт Всероссийского молодёжного парламентского движения России. URL: http://newparlament.ru/workspaces/stat/1 (дата обращения: 10.06.2020).
6. Официальный сайт Общероссийской общественной организации содействия воспитанию молодёжи «Идущие вместе» (Архив). URL: https://web.archive.org/web/20021019010503/http://idushieru/rus/ about/index.php (дата обращения: 10.06.2020).
7. Официальный сайт Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь). URL: https://fadm.gov.ru/ (дата обращения: 10.06.2020).
8. Постановление ВС РФ от 03.06.1993 № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодёжной политики в РФ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2138/ (дата обращения: 08.06.2020).
9. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.03.2011 № 4987-5 ГД «О внесении изменений в постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Об Общественной молодёжной палате при Государственной Думе Федерального Собрания РФ»». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/archive/2011/04/26/ (дата обращения: 8.06.2020).
10. Постановление правительства РФ от 18.06.1997 № 746 «О федеральной целевой программе «Молодёжь России (1998—2000 гг.)»». URL: http://base.garant.ru/10100423/ (дата обращения: 3.06.2020).
11. Постановление правительства РФ от 27.12.2000 № 1015 «О федеральной целевой программе «Молодёжь России (2001—2005 гг.)»» (с изм. на 6.09.2004). URL: http://base.garant.ru/1584755/ (дата обращения: 3.06.2020).
12. Распоряжение правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Основы государственной молодёжной политики РФ на период до 2025 года». URL: http://base.garant.ru/70813498/ (дата обращения: 3.06.2020).
13. Распоряжение Президента РФ от 24.06.1993 № 459-рп «О праздновании Дня молодёжи». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/3884 (дата обращения: 4.06.2020).
14. Указ Президента РФ от 16.09.1992 № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодёжной политики» (ред. от 12.04.1999 № 456). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/2028 (дата обращения: 4.06.2020).
15. Указ Президента РФ от 15.09.1994 № 1922 «О федеральной программе «Молодёжь России». URL: http://base.garant.ru/6301433/ (дата обращения: 08.06.2020).
16. Шмагельский А.А. Студенческая молодёжь в условиях реформирования современного российского общества: дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2011. 205 с.

УДК 316.77(571.63)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10042

ПАТРИОТИЗМ МОЛОДЁЖИ И ИМИДЖЕВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В РАЗВИТИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Пётр Юрьевич Самойленко,
кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток.
E-mail: petersam@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы развития патриотизма молодёжи Приморского края как важный аспект регионального развития. Принципиальное значение для формирования сбалансированной основы развития патриотизма в региональном контексте имеет геоэкономическое положение региона, особенности его как удалённой от центра страны территории, потенциал существующего гуманитарного пространства, а также развитие проектов «восточного вектора», предполагающих интеграцию региона с ведущими экономиками АТР. Значение также имеют образы, укоренившиеся в массовом сознании жителей региона и связанные с ним.
Ключевые слова: Россия, молодёжь, патриотизм, Приморский край, «поворот на Восток», развитие региона, региональное сотрудничество, медиа, имиджи.

YOUTH PATRIOTISM AND IMAGE FEATURES IN PRIMORSKY REGION DEVELOPMENT

Peter Samoylenko, Far Eastern Federal University, Vladivosok, Russia.
E-mail: petersam@mail.ru

The article deals with the problems of developing patriotism among the youth of Primorsky Krai as an important aspect of regional development. Essential for the formation of a balanced basis for the development of patriotism in a regional context is the geo-economic position of the region, especially its remoteness from the centre of the country, the potential of the existing humanitarian space and the development projects of the “Eastern vector”, assuming the integration of the region with major Asia-Pacific economies. Images that are ingrained in the mass consciousness of the region’s residents and associated with it are also important.
Key words: Russia, youth, patriotism, Primorsky region, “turn to the East” Russian policy, regional development and collaboration, mass-media, images.

Постановка проблемы. С точки зрения доминант национального патриотизма, Приморский край обладает существенными перспективами для развития. Кроме того, как показывают социологические исследования, патриотические настроения в современном приморском обществе также достаточно высоки. Вместе с тем наличие устойчивых патриотических настроений у жителей региона, которые отличаются в зависимости от возраста и иных критериев респондентов и которые будут подробно рассмотрены в статье, напрямую не коррелирует с миграционными настроениями местного населения: в Приморье, как и на Дальнем Востоке в целом, по-прежнему идёт отток населения. По сути, Приморский край как самый населённый регион Дальнего Востока сегодня находится перед целым спектром проблем, связанных с повышением степени патриотизма населения и позитивного восприятия территории края как места проживания. В условиях рыночной экономики перестали работать механизмы планового хозяйства, с помощью которых власти контролировали миграционные потоки и создавали в регионе условия для жизни населения, его закрепления, развития кадрового и гуманитарного потенциала. В современных условиях возможны два основных пути — непосредственно социально-экономический, направленный на создание в крае более высокого уровня жизни, чем в большинстве регионов страны (что весьма затруднительно), а также информационно-гуманитарный, предполагающий использование нематериальных стимулов для закрепления населения на территории региона.

Таким образом, в настоящее время актуальность развития патриотизма молодёжи в крае обусловлена, прежде всего, необходимостью остановить отток населения в интересах развития региона в частности и России в целом [6]. При этом коммуникативные составляющие, прежде всего, имиджевое восприятие региона, начинают играть всё возрастающую роль [5].

В контексте указанной проблемы важно определить содержательную трактовку патриотизма, которая позволяет рассматривать этот ценностный социально-психологический комплекс как условие для развития многих составляющих имиджа региона. При этом важно учитывать как имеющиеся исторические факты, связанные со значимыми для региона событиями, так и современную политику, а также мнение самого населения по указанным вопросам. Автор считает, что именно молодёжь должна быть одной из ключевых целевых аудиторий, которые нужно изучать и на которые следует направить деятельность по патриотическому воспитанию, поскольку именно молодое поколение приморцев является основным гуманитарным и кадровым капиталом для развития края в будущем.

Патриотизм и современная дальневосточная политика России. Патриотизм неотделим от региональной политики, позиционирование роли Дальнего Востока в современной российской внешней и внутренней

политике занимает особе место. Основными идеями являются усиленное развитие региона в целях создания здесь возможностей для стратегического продвижения российских национальных интересов в АТР. Прежде всего, речь идёт об экономических проектах — организации совместных производств с привлечением иностранного капитала и инвестиций, формировании евроазиатских транспортных коридоров. К этому надо добавить повышение качества жизни населения, социальных услуг, улучшение общей инфраструктуры.

Процесс внешнего имиджевого позиционирования активно идёт с 2012 г., когда во Владивостоке прошёл Саммит АТЭС. Наиболее яркой на сегодняшний день составляющей, которая формирует представления о Дальнем Востоке России, является ежегодное проведение Восточного экономического форума с участием российского президента, что теперь уже традиционно привлекает внимание ведущих экономик Тихоокеанской Пацифики к нашему региону. В рамках ВЭФ участники обсуждают не только экономическую проблематику, но и внешнеполитические вопросы, а также проблемы социального и гуманитарного развития региона, тем более что в последние годы активными участниками мероприятия становятся главы государств, в том числе ведущих экономик региона — Китая, Японии, Республики Корея. В 2018 г. Владивосток получил официальный статус столицы Дальневосточного федерального округа. Это побуждает разрабатывать новые подходы к региональной идентичности и развитию патриотизма с учётом необходимости более активной интеграции в АТР, с одной стороны, и внутреннего развития региона, связей с другими российскими территориями — с другой.

Политика «поворота на Восток» или «Восточного вектора» призвана создать условия для качественного роста Дальнего Востока. Основной принцип — диверсификация существующих экономических отношений со странами Евросоюза и увеличение объёмов торговли и совместной экономической деятельности со странами АТР. Предполагается, что будут использованы уже существующие модели, прежде всего, транзитные транспортные коридоры через территорию Дальнего Востока России из Азии в Европу, и созданы принципиально новые — совместные проекты с участием азиатского капитала в таких сферах, как логистика, добыча и переработка полезных ископаемых и природных ресурсов, туризм, отдых и рекреация.

В целом проблематика патриотизма применительно к Дальнему Востоку и отдельным его территориям, например, Приморскому краю и Владивостоку, может активно использоваться не только для развития национальной и территориальной идентичности, в вопросах внутренней политической мобилизации населения, но также и применительно к развитию внешнеэкономического и культурного сотрудничества со странами АТР. Иными словами, патриотизм является перспективным гуманитарным ресурсом,

который может существенно влиять на результативность вышеописанных процессов и связан с брендом территории, территориальными имиджевыми составляющими.

Историческая составляющая в системе патриотизма молодёжи в Приморье. Если сделать небольшой экскурс в историю Приморья и Владивостока за последние полтора века, когда, собственно, и шло основное развитие территории, то при желании можно найти достаточно большое количество информационных поводов и имиджевых образов в рамках патриотической повестки, которые дадут возможность активнее привлекать внимание соотечественников и повысить туристическую привлекательность региона.

В истории Приморья и Владивостока необходимо выделить спектр важных событий, которые в настоящее время могут активно использоваться для повышения информированности молодёжи о своём регионе и формирования патриотических настроений. В этом ряду можно назвать существование «порто-франко» во Владивостоке во второй половине XIX в., развитие приморского предпринимательства в дореволюционный период, тем более что многие сохранившиеся здания и сооружения того времени, прежде всего, историческая застройка в центре Владивостока, являются наследием деятельности бизнеса того времени. Это события русско-японской войны, которая, хотя и имела трагичные последствия для России, но в целом является достаточно сильной исторической информационной составляющей для региона, базирующейся на таких идейных доминантах, как подвиг моряков крейсера «Варяг» (во Владивостоке есть памятник), строительство уникальной Владивостокской крепости и др. Также большую роль могут играть факты участия соотечественников во Второй мировой войне на Тихом океане, роль Приморского края в реализации программы «ленд-лиза», а также активное хозяйственное освоение региона в послевоенный период. Широко известны сегодня нарицательные ассоциативные названия Владивостока, которые принадлежат лидерам СССР разных периодов: «Владивосток далеко, но город-то нашенский», «Владивосток — дальневосточный Сан-Франциско» и др. Нельзя недооценивать и активное экономическое развитие региона в 1960—1980-е гг. — это и реализация проекта «Большой Владивосток» после визита в край Н.С. Хрущева в 1959 г., и активное строительство города Находка, порта Восточный, ориентированных именно на экспортно-импортные операции со странами Тихоокеанской Пацифики.

Также патриотическую составляющую несут такие события, как присвоение Владивостоку статуса открытого города в начале 1990-х, получение им статуса столицы Дальнего Востока в 2018 г., существенная архитектурная модернизация самого крупного города дальневосточного региона — строительство уникальных мостовых сооружений, кампуса Дальневосточного федерального университета, Дальневосточного океанариума и т.д. [9; 10].

Анализ обозначенных исторических фактов и событий позволяет сделать вывод о том, что в формировании патриотизма молодёжи Приморья в настоящее время можно использовать многие исторические составляющие, что в итоге позитивно скажется на архитектуре региональной идентичности населения и имидже Приморского края и Владивостока как региона России, максимально интегрированного в АТР.

Отражение проблематики патриотизма в общественном мнении населения региона. Существенную роль в формировании общественного мнения, в том числе и по вопросам, касающимся патриотизма, играют медиа [2]. По данным исследований, проводимых Департаментом коммуникаций и медиа ШИГН ДВФУ, 46% информации приходится на интернет-издания, 31% — телевидение, 13% — радио, 10% — печатные медиа. Если рассматривать патриотизм населения региона как измеряемую составляющую, то показательными являются результаты прикладных социологических исследований, проведённых Приморским центром социологии в конце 2018 г. [1]. Основная масса опрошенных отмечает наличие патриотических настроений у себя и своих близких, 76,6% относят себя к патриотам. Возрастная линейка респондентов в рамках данного исследования позволяет судить о том, что в большей степени патриотические настроения характерны для пожилых жителей региона — 73—86%, у людей среднего возраста этот показатель составляет 69—73%,у молодёжи — 66—69% [11].

Анализ полученных ответов позволяет говорить о том, что основная масса опрошенных, говоря о патриотизме, в большей степени подразумевает территориальный патриотизм, а также этнические и гражданские мотивы. Так, основной смысл патриотизма население региона видит в любви к родному дому, городу, стране. Также значимы такие позиции, как «национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации, народу», «желание процветания своей нации и своему народу», «верность национальной культуре, традициям и укладу жизни», «бескорыстная любовь и служение Родине, готовность к самопожертвованию ради её блага или спасения». Столь существенная, с точки зрения потенциала развития территории, позиция как «стремление трудиться для процветания Родины для того, чтобы государство, в котором ты живёшь, было самым авторитетным, самым мощным и самым уважаемым в мире», составила 22%. По-видимому, именно в этих направлениях и нужно искать наиболее перспективные «точки роста» для развития регионального патриотизма в среде молодёжи.

Достаточно показательным является понимание патриотизма в рамках ассоциирования с определёнными чертами личности, индивидуальной психологией и менталитетом населения. В основном в оценках жителей региона патриотизм связывается с чертами, присущими «сильной личности», такими как любовь к природе, стремление к прохождению службы

в вооружённых силах, знание истории своей страны и проживание исключительно на Родине, без выезда на постоянное место жительства или на работу за рубеж. Также дальневосточники и приморцы считают важным проявление гражданской активности в форме активного участия в выборах.

Ещё одним важным моментом является наличие так называемого территориального патриотизма, когда молодёжь в существенной степени понимает свою идентичность в форме ассоциирования с различными знаковыми местами, каковыми считают природные красоты, природные и исторические объекты, известные здания или сооружения. К примеру, исследования показали, что значимыми для жителей Владивостока являются центральная площадь города, Владивостокская крепость, ряд исторических памятников и сооружений, расположенных в столице региона [8].

Таким образом, в Приморье сформирована основа для развития региональной патриотической составляющей как совокупность нематериальных ценностей, характерных и достаточно традиционных для населения. Вместе с тем очевидно, что ряд смысловых позиций нуждается в существенном развитии в рамках формирования территориальной идентичности населения.

Региональный патриотизм молодёжи может быть сформирован также с учётом мнения приморцев о сотрудничестве с соседними странами АТР. Так, опросы населения показывают, что 85% жителей края убеждены в реальности развития сотрудничества Дальнего Востока с экономиками АТР, 35,6% полагают, что нужно активизировать такую работу. Наиболее близкими и дружескими отношениями приморцы считают отношения с Китаем (90,8%), Японией (56,3%), Южной Кореей (69%), Северной Кореей (54%). При этом большинство опрошенных выделяют экономическое сотрудничество и туризм как основные цели развития международных отношений региона [12].

Прежде всего, в развитии нуждается смысловая связка между условно статичным патриотизмом в форме понимания его как ценности, и его динамическим проявлением в форме активных действий индивида или социальной группы на благо своей Родины, региона или населения [3]. Именно это смысловое направление и может быть сформировано в рамках современной политики по развитию территорий Дальнего Востока и их интеграции в АТР.

Практические рекомендации. Таким образом, говоря о патриотизме молодёжи Приморского края как ресурсе развития региона, необходимо выделить следующие основные направления работы.

- Создание системы использования исторического и культурного наследия в целях мобилизации населения края и повышения гражданской активности в вопросах развития территории. Работа по данному направлению может быть многообразной и включать активную популяризацию исторических фактов, памятников и их использование в сфере туризма и рекреации на территории региона.

- Активное использование существующего гуманитарного потенциала Приморского края для активизации сотрудничества со странами АТР и формирование устойчивого бренда территории. Тут могут быть избраны разные стратегии продвижения, к примеру, создание образа Владивостока как уникального города, находящегося на стыке двух культур — восточной и западной. В этом отношении первичной будет работа как раз с гуманитарной составляющей в форме использования потенциала учреждений культуры и образования, расположенных в Приморском крае и Владивостоке.
- Существенную роль в развитии патриотизма молодёжи должны играть вузы региона как составляющие гуманитарной среды. Именно на базе высших учебных заведений необходимо вести основные мероприятия, ориентированные на работу с молодёжью во внеучебное время, а также в виде отдельных учебных курсов в рамках регионального компонента образовательных программ.
- Формирование чётких целей развития региона, имеющих патриотическое прочтение, применительно к брендингу территории. Исходя из целей и задач развития региона, это может быть не только развитие туризма, но и реализация современных бизнес-проектов, которые будут учитывать этно-культурную специфику, а также иллюстрировать патриотизм местного населения в вопросах развития региона. Сюда можно отнести народные промыслы либо производство handmade продукции, востребованной за пределами региона.
- Активное использование средств массовой информации региона для освещения патриотической повестки, актуализации вопросов прошлого, настоящего и будущего применительно к роли молодого поколения приморцев в развитии региона.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. 76,6% приморцев осознают себя патриотами России // Приморский научно-исследовательский центр социологии. URL: http://primnic.ru/analitika/obshchestvo/76-6-primortsev-osoznayut-sebya-patriotamirossii/ (дата обращения: 17.04.2020).
2. Антонова А.Д., Сафронова Е.С., Лучникова М.Д. Патриотизм в современной России: вопросы и проблемы // Молодой учёный. 2017. № 48. С. 296—299.
3. Воронцов С.А., Понеделков А.В., Вилков А.А. Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Уч. записки СКАГС. 2015. № 3. С. 70—74.

4. Восточный вектор внешней политики России. URL: http://www.singapore.mid.ru/rus/asia/ros_asia_2.html (дата обращения: 15.02.2020).
5. Как вернуть население на Дальний Восток // Русские вести: новости, политика, события. 2018. 12 сент. URL: http://russkievesti.ru/novosti/ekonomika/kak-vernut-naselenie-na-dalnij-vostok.html (дата обращения: 10.04.2020).
6. Ковалева А.В. Некоторые проблемы патриотизма в современной России // Ростовский науч. журнал. 2017. № 3. С. 34—39.
7. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Военная история и патриотизм в системе социально-экономических и политических связей в прошлом и настоящем (постановка проблемы) // Вестник гражданских инженеров. 2015. № 5 (52). С. 330—342.
8. Местный патриотизм в большей степени присущ жителям европейской части и Дальнего Востока России // Данные всероссийского исследования, проведённого Аналитическим центром НАФИ в декабре 2017 года. URL: https://nafi.ru/analytics/mestnyy-patriotizm-v-bolshey-stepeni-prisushch-zhitelyam-evropeyskoy-chasti-i-dalnego-vostoka-rossii/ (дата обращения: 15.05.2020).
9. Паначева А.С. Самойленко П.Ю. Зарубежный покупатель хочет знать товар «в лицо». Проблемы брендирования дальневосточных товаров и услуг в рамках политики «Восточного вектора» // Сфера: Рыба. 2018. № 1. Вып. 2 (21). С. 42—44.
10. Самойленко П.Ю. Информационно-имиджевые проблемы реализации политики «Восточного вектора» и вопросы обеспечения российских национальных интересов // Социально-гуманитарное обозрение. 2018. № 4. С 71—77.
11. Самойленко П.Ю. Информационный образ приморского предпринимателя как фактор развития региона и продвижения бренда территории // Ойкумена. Регионоведч. исследования. 2019 № 2 (49). С. 124—132.
12. Что думают приморцы о «повороте России на Восток»? // Приморский научно-исследовательский центр социологии. URL: http://primnic.ru/analitika/ekonomika/ chto-dumayut-primortsy-o-povorote-rossii-na-vostok-/ (дата обращения: 25.04.2020).

УДК 329.79(571.63)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10043

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЁЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Евгений Михайлович Анищенко,
студент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), г. Владивосток.
E-mail: Jetmodel@mail.ru

Екатерина Андреевна Горяченко,
кандидат философских наук, доцент, ВГУЭС, г. Владивосток.
E-mail: Goryachenko.Ekaterina@vvsu.ru

В статье рассматривается деятельность региональных представительств политических партий Приморского края в сфере молодёжной политики, политическая активность молодёжи и её отношение к партиям. На основе теоретического анализа публикаций и исследования эмпирических данных сделаны выводы о характере деятельности партий «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ в сфере работы с молодёжью на федеральном и региональном уровнях, а также выдвинуто предположение о причинах низкой политической активности молодёжи.
Ключевые слова: политическая активность молодёжи, молодёжные организации, политические партии, молодёжь, Приморский край.

ACTIVITIES OF YOUTH ORGANIZATIONS OF POLITICAL PARTIES IN PRIMORSKII KRAI

Yevgeny Anishchenko, Vladivostok state University of Economics and service, Russia. E-mail: Jetmodel@mail.ru
Ekaterina Goryachenko, Vladivostok state University of Economics and service, Russia. E-mail: Goryachenko.Ekaterina@vvsu.ru

The article discusses the activities of regional representations of political parties of the Primorskii Krai in the field of youth policy as well as the political activity of the youth and its attitude to political parties. Based on a theoretical analysis of publications and research on empirical data, conclusions are drawn about the nature of the activities of the Party «United Russia», Liberal Democratic Party of Russia and Russian Communist Party in the field of work with youth at the federal and regional levels. An assumption is made about the reasons for the low political activity of youth.
Keywords: political activity of youth, youth organizations, political parties, youth, Primorsky Krai.

Актуальность статьи обусловлена особым статусом молодёжи как социальной группы, чья деятельность существенно влияет на развитие общества. При осуществлении политики в молодёжной сфере политические партии создают и опекают молодёжные объединения, посредством которых осуществляют социализацию молодого поколения, обеспечивают его включение в общественную и государственную деятельность в рамках идеологической направленности партии. В свою очередь, молодые люди, действуя в составе внутрипартийных молодёжных формирований, являющихся, по сути, политическими школами, приобретают навыки разработки проектов, постигают сущность лидерства и командной деятельности.

Новизна данной публикации состоит в исследовании работы политических партий с молодёжью в Приморском крае. Эмпирические данные исследования получены посредством интервьюирования представителей партий (В.А. Васильева — координатора регионального отделения партии ЛДПР по Приморскому краю, А.Н. Бондяева — помощника депутата партии «Единая Россия» (ЕР) Законодательного собрания Приморского края, Е.И. Ляшенко — депутата Думы г. Владивостока от партии КПРФ) и анализа материалов эссе студентов первого курса направления «Организация работы с молодёжью» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС). Кроме того, исследование опирается на публикации, посвящённые анализу деятельности ЛДПР, ЕР, КПРФ в области молодёжной политики, а также на информацию официальных сайтов и интернет-страниц партий в социальных сетях.

Очевидно, что политическая деятельность, реализуемая партийной молодёжной организацией, обусловлена идеологией и программными документами политической партии, в которых обозначены миссия и задачи работы с подрастающим поколением, описаны черты личности — совершенной, с точки зрения партийной идеологии, установлены образцы поведения молодёжи. В зависимости от политической стратегии партии выстраивается её внутренняя молодёжная политика, которая, с точки зрения С.В. Королева, реализуется с помощью одной из стратегий — молодёжного мессианства, молодёжной защиты, освобождения молодёжи, политического воспитания [2, с. 17].

На территории Приморского края самыми крупными молодёжными организациями политических партий являются «Молодая гвардия Единой России» [5], «Соколы Жириновского» (ЛДПР) [7] и Ленинский коммунистический союз молодёжи Российской Федерации (КПРФ) [3].

Молодёжная организация ЛДПР «Время молодых» («Соколы Жириновского») действует с момента образования партии (с 1989 г.). Её цели — развитие у молодого поколения активной гражданской позиции, мотивация к участию в политической жизни и процедурах принятия решений на всех уровнях государственной власти, реализация общественной централизации

молодых людей в области здорового образа жизни и патриотизма, сохранение наследия российской истории и культуры с целью развития патриотизма в среде молодёжи. Партия реализует молодёжную политику в направлениях критики правящей партии, организации образовательных мероприятий, выработки решений социальных проблем молодёжи [4, с. 327—328]

ЛДПР нацелена на омоложение своего состава: для развития «свежих» кадров созданы и работают интенсивные курсы «Высшая партийная школа», вуз «Институт Мировых Цивилизаций», партия предоставляет молодым людям возможность пройти стажировку в Государственной Думе. Мощным средством привлечения молодёжи в партию и действенным средством агитации является агитпоезд ЛДПР. Высокая степень заинтересованности партии во взаимодействии с молодёжью и организация оригинальных способов такого взаимодействия есть причина того, что сегодня ЛДПР — самая молодая фракция в Государственной Думе РФ [1, с. 295].

Организация «Соколы Жириновского» имеет отделения в каждом регионе, где осуществляются такие проекты, как «ЛДПР против алкоголя», «Молодёжная политика ЛДПР ТВ», проверки торговых площадок, направленные против реализации продуктов с селитрой, против незаконной торговли. Кроме того, «Время молодых» — организатор мероприятий, связанных с духовным и патриотическим воспитанием, темой здорового образа жизни и досуга молодых людей.

В Приморье деятельность молодёжной организации ЛДПР не так активна, как в других регионах: по свидетельству В.А. Васильева, молодёжь чаще привлекается к «взрослым» проектам ЛДПР. Работа с молодёжью, прежде всего, заключается в том, что представители партии на встречах со студенчеством и старшеклассниками указывают на их конституционное право голоса, право участия в выборах и избирательных процессах в целом, право проявлять законодательную инициативу. Во время встречи со студентами направления «Организация работы с молодёжью» В.А. Васильев приглашал студентов к активному участию в законотворческой и правовой деятельности с дальнейшим воплощением инициативы в жизнь, предоставил контактные данные, свои и членов партии, курирующих вопросы права и законотворчества.

Партия «Единая Россия» в 2000 г. создала Всероссийскую молодёжную организацию «Молодёжное единство», в 2005 г. преобразованную в «Молодую гвардию Единой России (МГЕР)». После этого во всех субъектах федерации были сформированы региональные отделения, которые реализуют такие федеральные проекты, как «Экологи-Я», «Я-доброволец», «Я-гражданин».

Своими целями организация провозглашает развитие у молодого поколения чувства гордости за своё государство, популяризацию среди молодёжи здорового образа жизни, труда и образования, популяризацию знаний об успехах и наследии нашей страны в интересах объединения и согласия

между поколениями, организацию условий для молодёжной межнациональной коммуникации с целью усиления России, содействие и (или) осуществление мероприятий, проектов, которые направлены на приобщение молодого поколения к выстраиванию демократического общества, популяризацию идей цивилизованного общества, повышение правовой культуры, защиту прав и свобод российских граждан и др. Молодёжная политика ЕР реализуется через вовлечение молодёжи в проекты, законотворчество, взаимодействие с популярными в молодёжной среде людьми, создание молодёжных сообществ [4, с. 327].

Среди проектов, реализуемых в рамках молодёжной политики ЕР:

- «Young Guard», декларирует модернизацию связей с молодёжью других стран, формирование контактов с начинающими зарубежными политиками;
- «Школа парламентаризма», создана для установления контактов между молодым поколением и органами государственной власти: благодаря данной образовательной площадке студенты взаимодействуют с политическими деятелями, пробуют свои силы в законотворчестве;
- «Студфонд» — фонд общественной поддержки студентов, которые оказались в непростой жизненной ситуации, основная цель фонда — оказывать правовую и юридическую помощь студенческой молодёжи [5];
- «Федеральный молодёжный избирательный штаб», объединяет деятельность студенческих формирований и социальных объединений молодёжи с целью повышения интереса к институту выборов и воспитания активных избирателей;
- «Школа муниципального депутата» [8, с. 215].

Однако, несмотря на политическую терминологию, употребляемую в названиях проектов, исследователи отмечают, что МГЕР «не столько занимается политической деятельностью, сколько имитирует таковую» [1, с. 296].

В Приморском крае члены регионального отделения «Молодой гвардии» принимают активное участие в волонтёрской деятельности, акциях, посвящённых популяризации национального наследия, политических дебатах, фонд «Студмолодежь» проводит мониторинг мест отдыха во Владивостоке на их доступность для инвалидов, участники «Школы парламентаризма» МГЕР предлагают свои варианты для решения насущных проблем населения края [7].

Ленинский коммунистический союз молодёжи Российской Федерации (ЛКСМ РФ; до 2011 г. — СКМ РФ) является «молодёжным крылом» КПРФ с 1999 г. Согласно программному документу, ЛКСМ объединяет молодых людей, разделяющих коммунистические идеалы и считающих, что социализм — это единственно верное направление модернизации, благодаря которому Россия сможет преодолеть комплексный упадок

в общественно-политической и социально-экономической сферах и станет независимой страной. Работа с молодёжью в КПРФ систематизирована, политучёба организована на постоянной основе [8, с. 215]. Заметим, что политика КПРФ является резко оппозиционной, поэтому в работе с молодёжью много внимания уделяется пропагандистской и протестной деятельности: критике нынешних властей, прославлению достижений и подвигов советского времени [4, с. 327].

В области молодёжной политики ЛКСМ РФ ставит перед собой такие цели, как поддержка воспитания молодого поколения в рамках идеологии коммунизма и патриотизма, проповедующей всеобщее равенство возможностей, поддержка формирования порядка общественной справедливости, цивилизованного мира и общественного согласия.

Занимаясь развитием региональных отделений, ЛКСМ принимает участие в избирательных процессах КПРФ, осуществляет программы в сфере социальной защиты, образования, патриотического воспитания, научной деятельности, досуга молодёжи, способствует содружеству наций, проводит демонстрации, пикеты, военно-патриотические мероприятия. Среди проектов молодёжного формирования можно выделить «Знамя нашей Победы», его цель — привить школьникам любовь к изучению истории России. «Наследие победителей» — спортивный проект, запущенный в 2016 г. с целью пропаганды спорта и физической культуры среди молодёжи, а также укрепления связи поколений [3].

По свидетельству Е.И. Ляшенко, представители Владивостокского отделения ЛКСМ РФ интегрированы во всероссийские проекты ЛКСМ и не остались в стороне от актуальной темы борьбы с распространением коронавирусной инфекции (была организована бесплатная раздача всем нуждающимся масок для лица, проводились акции «Своих не бросаем», направленные на помощь пожилым людям, находящимся на самоизоляции, в закупке товаров первой необходимости и лекарств, помощь по дому). Е.И. Ляшенко отмечает высокую степень активности комсомольцев Приморского края: местное молодёжное объединение проводит пикеты, пленумы, митинги, участвует в музыкальных фестивалях и творческих конкурсах, реализует спортивно-просветительский проект «Наследие победителей», проводит межпоколенческие субботники с участием школьников и старшего поколения, на местном уровне принимает участие в организации экспедиции «Рокада», целью которой является почтение памяти погибших в Великой Отечественной Войне и сохранение исторической памяти.

Анализ исследований, материалов интернет-сайтов и интервью с представителями политических партий, координирующих работу с молодёжью на территории Приморского края, отражает высокую степень заинтересованности приморских региональных отделений партий в участии молодёжи

в партийной деятельности. Однако изучение студенческих эссе показывает, что отношение молодёжи к российским политическим партиям нейтральное, близкое к равнодушному, а уровень политической активности молодёжи крайне низкий. Возможно, такое положение вещей связано с недостаточной информированностью о деятельности партий.

В процессе исследования был проведён качественный анализ 21 студенческого эссе (по семь эссе о каждой партии), написанных студентами в результате встреч-интервью с представителями партий, отвечающими за реализацию молодёжной политики на территории Приморского края. В полученных эссе все студенты заявляют о своей аполитичности, указывая на то, что соприкасаются с информацией о политических организациях только в ходе изучения учебных дисциплин. Информация о деятельности политических партий изначально не интересна молодёжи, поэтому они не осуществляют поиск таковой в сети интернет.

Ни у кого из авторов эссе не вызывает заинтересованности деятельность КПРФ и её молодёжной организации, так как взгляды представителей этой партии, по мнению студентов, далеки от существующей реальности, а предложенные проекты связаны, прежде всего, с протестными акциями. Шесть из семи авторов работ не согласны с высказыванием представителя партии о том, что «общественное благо превыше индивидуального», так как они на первый план выдвигают личностный рост и индивидуальное развитие.

Несмотря на большие ожидания от программ и мероприятий молодёжной ветки партии «Единая Россия», студенты оказались разочарованными в том, что на встрече с представителем партии последний проявлял только положительное отношение к президенту нашей страны, чью деятельность студенты связывают с ЕР. Все семь человек указали на недостаток информации о молодёжной политике ЕР, а один студент прямо высказал своё негативное отношение к партии и её политике.

Наиболее продуктивным, по мнению студентов, оказался диалог с представителем партии ЛДПР, в процессе которого они получили конкретную информацию и предложения о взаимодействии в реализации актуальных законотворческих инициатив. Четверо из семи авторов эссе указали на полезность деятельности ЛДПР на территории Приморского края, а двое выразили желание принять участие в деятельности партии в будущем. Два студента замечают поддержку молодёжи со стороны ЛДПР в сфере образования и трудоустройства. Одна студентка выразила несогласие с программой ЛДПР, подчеркнув, что представители партии неверно определяют социальные проблемы.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам. Во-первых, на федеральном уровне партии проявляют глубокую заинтересованность в привлечении молодёжи к партийной деятельности

и развитию кадрового резерва. Однако на уровне Приморского края работа ведётся, скорее, фрагментарно и не структурированно, к этому можно добавить низкий уровень информированности молодёжи об организуемых для неё партийных мероприятиях — это в большей или меньшей степени характерно для всех рассматриваемых партий. Во-вторых, молодёжь Приморского края в целом аполитична, что во многом является следствием отмеченных недостатков работы партий. В-третьих, отношение к той или иной политической партии во многом определяется деятельностью конкретных людей, поэтому важно, чтобы с молодёжью работали представители партий, увлечённые этим видом деятельности, однако, по всей видимости, в Приморском крае таких нет, поэтому молодёжные организации партий здесь представлены слабо.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бородин С.С., Громыко Е.А. Молодёжные объединения в современной России // Научная сессия ГУАП: сб. докладов науч. сессии, посвящ. Всемирному дню авиации и космонавтики / под общ. ред. Ю.А. Антохиной. СПб, 2019. С. 295—300.
2. Королев С.В. Молодёжные движения и организации в Российской Федерации и их деятельность в Смоленской области (1991—2009 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2013. 26 с.
3. Ленинский комсомол: официальный сайт. URL: http://komsomolrf.ru/ (дата обращения: 07.05.2020).
4. Малик Е.Н. Приоритеты и задачи молодёжной политики российских парламентских партий: политологический аспект // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. XIV Междунар. науч. конф. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Моск. гуманитарный ун-т, 2017. С. 326—331.
5. Молодая гвардия: официальный сайт. URL: http://www.molgvardia.ru/ (дата обращения: 01.06.2020).
6. Молодая гвардия: Приморский край. URL: http://vladivostok.mger2020.ru (дата обращения: 14.06.2020).
7. Молодёжная организация ЛДПР // ВКонтакте. URL: https://vk.com/molodejldpr (дата обращения: 09.06.2020).
8. Ширяева С.В., Орлова А.В. Парламентские партии и молодёжные политические организации: проблемы и перспективы развития // Многопартийность в России в XX в.: становление, динамика, трансформации: материалы междунар. науч. конф. / под общ. ред. А.Б. Ананченко. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2019. С. 214—221.

УДК 371(571.63)
DOI 10.24411/9999-056A-2020-10044

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: «СРЕДА — ВЫБОР — ПРОБЫ» ВО ВСЕРОССИЙСКОМ ДЕТСКОМ ЦЕНТРЕ «ОКЕАН»

Елена Владимировна Евочко,
кандидат педагогических наук, начальник научно-методического отдела ФГБОУ ВДЦ «Океан», г. Владивосток.
E-mail: lenaletck@yandex.ru

Статья раскрывает стержневые направления развития Всероссийского детского центра «Океан», методологическую основу воспитания подростков, смыслы, заложенные в образовательную среду, тенденции развития и механизмы их реализации. Выделяются основные особенности локальной воспитательной среды детского центра: апробирована модель интеграции общего и дополнительного образования; реализованы заложенные в программу дополнительного образования нового поколения ключевые компетенции (коммуникативная, проектировочная и рефлексивная); применена модульность программ, которая позволяет на качественно новом уровне решать вопросы социализации и развитие интересов подростков. В основу образовательной среды положена новая идея: включение подростков в проектную деятельность при участии вузов, научных организаций и системообразующих работодателей региона; привлечение ведущих специалистов в соответствующих областях в целях обеспечения качественного уровня освоения новых знаний, умений и навыков для формирования востребованных компетенций, что позволяет выстроить историю достижений и определить точки роста подростка в построении своего будущего.
Ключевые слова: Россия, дополнительное образование, подросток, образовательная среда, тенденции развития, компетенции.

ADDITIONAL EDUCATION: “ENVIRONMENT — SELECTION — SAMPLES” IN THE ALL-RUSSIAN CHILDREN’S CENTER «OCEAN»

Elena Evochko, head of scientific-methodical Department of the all-Russian children’s center «Ocean», Vladivostok, Russia. E-mail: lenaletck@yandex.ru

The article reveals the core directions of development of the all-Russian children’s center “Ocean”, the methodological basis of adolescent education, the meanings embedded in the educational environment, development trends and mechanisms

for their implementation. Notable features of the local educational environment of the children's center are highlighted: the model of integration of general and additional education has been tested; key competencies (communicative, design and reflexive) included in the program of additional education of a new generation have been implemented; the modularity of programs is applied, that allows to solve the issues of socialization of adolescents and to develop their interests at a qualitatively new level. The educational environment is based on a new idea: inclusion of adolescents in project activities with the participation of higher education institutions, research organizations and system-forming employers in the region; attracting leading specialists in the relevant fields in order to ensure a high-quality level of development of new knowledge, skills and abilities for the formation of demanded competencies; this allows to build a history of achievements and determine the growth points of a teenager in building their future.
Keywords: Russia, educational environment, teenager, development trends, competencies.

Дополнительное образование, используя лучшие традиции образования и просвещения России, видит свою миссию в разработке стандартов предпрофессиональных проб, поддержке социальных инициатив учащихся, обретении ими личностных смыслов при самоопределении в сложном мире многообразия будущего. Стержневой основой деятельности педагогического коллектива ВДЦ «Океан» является созидание такой образовательной среды, которая поможет сегодняшним подросткам увидеть будущее.

Говоря о развитии личности, мы понимаем, что личность — это мера социального, которая опирается на свой опыт в освоении ролей, статусов, позиций. Деятельность человека характеризуется жизненной активностью через определение цели и выбор способов достижения результатов. Мы имеем дело с рефлексивной деятельностью, и она подвергается анализу со стороны подростка, но следует признать, что это настоящее строится по «лекалам» прошлого.

Человек будущего — это, прежде всего, «Я сам», человек, восходящий к культуре. Именно здесь, в «Океане», происходит рождение заново: погружаясь в новую образовательную среду, подросток черпает те знания и опыт, которые формируют в нём новые образования метапредметного и личностного характера (сущностное понимание), именно проектная деятельность, задаваемые вопросы и поиск ответов для себя делают его человеком, способным искать Дело жизни. У подростка рождается мысль о том, что он становится «скульптором» своей жизни, человеком-деятелем. В «Океане» рождаются идеи (замысел), которые реализует (воплощает) подросток, он видит продукт

своей деятельности (в проектах, в выборе), и здесь происходит рефлексия. Мы имеем дело с практическим интеллектом. У подростка в череде событий, которые он проживает, происходят значимые для него встречи, оказывающие благотворное влияние на его выбор, его самоопределение. И самое главное — это встреча «с самим собой другим». Именно этот выбор Центра является той корневой системой, способной перевернуть сознание подростка и помочь ему чётко выстроить траекторию своего будущего, это наш ответ цивилизационным вызовам, это созидание настоящего из будущего [2].

Следует отметить, что прямым следствием сегодняшней школьной действительности является катастрофически ухудшающееся здоровье подростков, что подтверждает статистика Минздрава РФ [1]. Соотнесение характеристик эпохи, несущей в себе искусственный механизм трансляции информации, и естественных характеристик познающего мир подростка наглядно иллюстрирует сложный мир для выбора «настоящего из будущего» (см. таб. 1).

Таблица 1

Характеристики современной эпохи и юношества

Характеристика современной эпохи	Характеристика юношества
- скорость протекания процессов увеличивается; - эра «умных» товаров — потребительские товары становятся «умнее» и сложнее; - увеличивается интенсивность ритма жизни; - объём и смена технической информации ускоряется в геометрической прогрессии; - «умная» инфраструктура — выход на новый уровень информатизации.	- внутренние процессы становления личности не убыстряются; - поколение «цифры» оставляет за собой потребность быть понятым; - ослабленное здоровье; - незащищённость, чувство переживания отверженного, «белой вороны»; - желание и стремление быть причастным к тому и иному сообществу; - уникальность «мира Детства» как постепенное взращивание внутреннего потенциала, проба сил; - самоценный период становления, выработки смыслов и ценностей жизни как период неповторимости.

В соответствии с «Концепцией развития дополнительного образования детей» ключевой задачей является проектирование пространства персонального образования для самореализации личности подростка, которая выстраивается на основе добровольного выбора участника программы, построения индивидуальных образовательных траекторий, права на пробы и ошибки, тесной связи с практикой и ориентации на создание конкретного персонального продукта.

Для достижения качественного уровня дополнительного образования, соответствующего вызовам времени, мы разработали и приступили к апробации новой модели образовательной среды ВДЦ «Океан» на основе интеграции общего и дополнительного образования в условиях временного детского коллектива.

В основу новой образовательной среды положены ключевые идеи, изложенные в следующих нормативно-правовых документах: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [9]; Постановление Правительства РФ от 26.12.2016 № 1642 «Об утверждении государственной программы РФ „Развитие образования“» (сроки реализации — 2018—2025 гг.), направление (подпрограмма) „Развитие дополнительного образования детей и реализации мероприятий молодёжной политики“» [4]; Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия детства» [10]; Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.» [8]; Распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 № 1726-р «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей» [6]; Распоряжение Правительства РФ от 16.12.2014 № 2539-р «Об утверждении Программы развития ВДЦ „Океан“ на период 2014—2020 годы» [7].

Жизненная неопределённость — это то, в чем находится сегодняшний подросток, и нам важно взращивать человека, готового к изменениям компетенций. Главное — научить участника программы поиску смыслов: если ты знаешь, зачем, ты найдёшь, как. Важно помочь подростку осмыслить и понять, что его будущее — это и есть смысл и ценность. Для этого необходимо обрести опыт проживания, феномен рефлексии: способность «сделать всего себя» — свои мысли, эмоциональные состояния, действия, отношения — предметом специального рассмотрения (анализа и оценки), практического преобразования (себя и окружающего мира).

Главное, над чем сегодня работают специалисты, занятые в сфере дополнительного образования, в том числе Центра «Океан», — это реализация заложенных в программу дополнительного образования нового поколения ключевых компетенций (коммуникативная, проектировочная и рефлексивная).

В *коммуникативной деятельности* появляются новации, связанные с развитием навыков общения, эмпатии, пониманием ценности Другого человека для успешной самореализации в жизни. Данная работа предусматривает включение подростков в эффективное взаимодействие с окружающими и обретение ими опыта конструктивных способов коммуникации, развитие у ребят навыков коллективной (командной) работы.

Проектировочная компетенция характеризуется через новообразования метапредметного уровня (метапредметные умения), это, прежде всего: а) ориентация на создание конкретного персонального продукта и его публичную презентацию, возможность на практике применить полученные в «Океане» знания и навыки; б) организация деятельности, направленной на создание социальных, научно-исследовательских проектов и разработку индивидуального образовательного маршрута.

Новообразования, связанные *с рефлексивной компетенцией*, предполагают обретение и наращивание личностных качеств и свойств. Работа с рефлексивной компетенцией позволяет учащимся программы правильно оценивать себя, свои возможности, результаты собственной деятельности, адекватно оценивать и ценить коллективные достижения, созидательные усилия сверстников и взрослых, сопоставлять свои оценки с оценкой коллектива и экспертной оценкой взрослого, на основе анализа создавать нормы деятельности и общения для будущего [5].

Сегодняшнее поколение подростков характеризуется свободолюбием, оперативностью и критичностью мышления, они живут в режиме многозадачности, с ними можно выстраивать отношения, только договариваясь (они не приемлют безропотного подчинения и исполнения команд). Они используют YouTube для самообразования, им требуется всего 8 секунд для вовлечения в процесс, и если мы за это время не можем найти ключевых слов для понимания — мы проиграли. Подростки быстро вписываются в контент событий, 80% из них хотят быть предпринимателями [3, с. 32—42]. Не все педагоги готовы работать с запросами нового поколения молодых юношей и девушек.

Практика показывает, что в педагогической деятельности важную роль играет работа с индивидуализацией молодого человека как с его будущим. То, что будет приносить ему доход: опыт (проектировочная + коммуникативная + рефлексивная компетенции) = его благосостояние (смыслы + ценности + деятельность) и финансовое благополучие в проектируемом будущем.

Анализируя общие тенденции и векторы развития системы дополнительного образования молодёжи в РФ, следует отметить тенденцию смещения целевой установки деятельности системы дополнительного образования на внутренний (подростка) результат — на приобретение опыта свободного участия в деятельности, которая влияет на процесс социальной адаптации, самоопределения, самоутверждения, самореализации. В условиях Центра ведётся работа с индивидуализацией подростка, в качестве механизма развития и самореализации осуществляется построение индивидуального образовательного маршрута.

Ориентация на создание эффективной образовательной среды, в основу которой положены ключевые идеи (индивидуализации, цифровизации, футуризации, модульности и вариативности, специфики дополнительного образования на основе проектной деятельности), позволяет формировать новое мышление молодёжи и рассматривать «Океан» как площадку для проб в определении своей жизненной траектории. В Центре созданы условия для рождения новой нормы, формирования нового образа, нового ориентира для жизни молодого человека, алгоритм действия которого представлен на рис. 1.

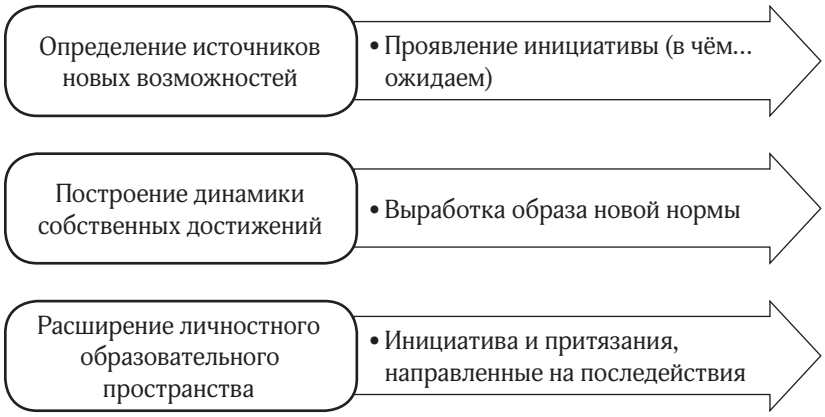


Рис. 1. Условия рождения новой нормы в ВДЦ «Океан»

При формировании социальных компетенций, мы ориентируемся на достижения метапредметных результатов, что является важным для выстраивания взаимодействия в молодёжном сообществе. Именно поэтому применяемые игровые модели содержат ситуации провокаций, сложные «лабиринты» построения человеческих отношений, для того чтобы дать право на ошибку, анализ которой позволит понять всё многообразие сложного мира и обрести опыт, позволяющий выработать свою личную позицию, основанную на обретённых смыслах и ценностях.

Каждый подросток, прибывающий в «Океан», становится «скульптором» своей жизни, здесь в условиях избыточной среды есть возможность сделать первые профессиональные пробы, ориентируясь на развитие проектного и предпринимательского мышления. Ребята реализуют собственные инициативы в акциях, проектах, интерактивных форматах, презентуя свои достижения. Всё это позволяет участнику программы: делать выбор, принимать решения и брать на себя ответственность; ставить задачи и выстраивать алгоритм их достижений; выстраивать отношения для конструктивной

работы в команде; договариваться и искать ресурсы; презентовать результаты и просчитывать риски; адекватно оценивать продукты своей деятельности и ставить прогнозы.

В результате для подростков образование становится пространством деятельностных проб, местом проявления себя, ситуацией успеха, вдохновляющей на саморазвитие. Для страны — это ресурс развития человеческого капитала и обеспечения экономической и другой состоятельности.

Создание сетей региональных проектных команд в сфере дополнительного образования — задача не из лёгких, с этой целью создаются проектные офисы в режиме дистанционной работы, и это тоже позволяет выстроить систему многоуровневых модулей, проектов, где в поиске себя «нового» можно раскрыть свои возможности и реализовать идеи. Новые online программы смен становятся хитом молодёжных «тусовок», здесь есть возможность проявить себя в различных сферах искусства, техники, работая над развитием академического, практического и эмоционального интеллекта.

Интеграция системы дополнительного образования и системы отдыха и оздоровления подростков в реализацию краткосрочных дополнительных общеобразовательных программ расширяет географию участников, при использовании конструктора образовательных событий они становятся создателями программных продуктов и часто выступают экспертами для своих же сверстников. Использование данных технологий дистанционно позволяет сегодня производить ориентацию на выравнивание доступности дополнительного образования для подростков с ограниченными возможностями здоровья.

Фактически сегодня сфера дополнительного образования и молодёжное сообщество как организационная форма, в которой реализуются образовательные технологии, становятся инновационной площадкой для отработки образовательных моделей и технологий будущего, а персонализация дополнительного образования определяется как ведущий смысл развития образования в XXI в.

В целом модель новой образовательной среды ВДЦ «Океан» нацелена на создание умной инфраструктуры с использованием активных методов взаимодействия, расширением и углублением компетенций подростков, на восполнение их образовательных дефицитов (которые нельзя скорректировать в обычной школе), на формирование целостного видения картины мира.

Результаты опроса участников образовательных программ Центра подтверждают правильность выбранной стратегии сопровождения индивидуального развития личности подростка в условиях «Океана», а значит, нам удаётся создать для участника все условия для проживания радостного, деятельного, наполненного важными смыслами Детства и Юношества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Здравоохранение в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 170 с.
2. Невзоров М.Н., Евочко Е.В. Методологические основы программ дополнительного образования нового поколения во Всероссийском детском центре «Океан» // Право и практика. 2018. № 4. С. 322—331.
3. Портнягин Д. Трансформатор. Как создать свой бизнес и начать зарабатывать. М.: Эксмо, 2018. 304 с.
4. Постановление Правительства РФ от 26.12.2016 № 1642 «Об утверждении государственной программы РФ „Развитие образования“». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/ (дата обращения: 18.06.2020).
5. Проектирование тематических дополнительных общеобразовательных программ нового поколения / под ред. М.Н. Туктагуловой, Г.Н. Петровой, Н.В. Гуреминой. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2020. 356 с.
6. Распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 № 1726-р «Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей». URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-04092014-n-1726-r/ (дата обращения: 18.06.2020).
7. Распоряжение Правительства РФ от 16.12.2014 № 2539-р «Об утверждении Программы развития ВДЦ „Океан“ на период 2014—2020 годы». URL: http://docs.cntd.ru/document/420240009 (дата обращения: 19.06.2020).
8. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc _LAW_180402/ (дата обращения: 18.06.2020).
9. Указ Президента РФ от 7.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». URL: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 18.06.2020).
10. Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия детства». URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41954 (дата обращения: 18.06.2020).

Научное издание

**Реформы конца XX — начала XXI в.
на постсоветском пространстве:
региональный аспект**

Сборник научных статей

Ответственный редактор д.и.н. *А.С. Ващук*

Авторская редакция
Компьютерная вёрстка *Н.В. Заровнева*

ИП Сердюк Оксана Александровна.
690065, Владивосток, ул. Стрельникова, 12-87.
Тел.: +7 9147102232.
E-mail: oksanaserdiuk62@gmail.com.

Подписано в печать 30.11.2020 г.
Формат 70×100/16. Усл. п. л. 36,12. Уч.-изд. л. 28,09.
Тираж 300 экз. Заказ 20/4059.

Отпечатано в АО «ИПК «Дальпресс».
690106, г. Владивосток, пр-т «Красного Знамени», 10.